Arkadii Ivanovich Elistratov

А. Елистратовъ.

Приватъ-доцентъ Казанскаго Университета.

О ПРИКРѢПЛЕНІИ ЖЕНЩИНЫ КЪ ПРОСТИТУЦІИ.

(Врачебно-полицейскій надзоръ).

КАЗАНЬ
Типографія Императорскаго Университета
1903

Об.

Печатано по опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *Г. Дормидонтовъ.*

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
111
25
А-10е

Введеніе.

Изучая требованія уголовной репрессіи противъ злоупотребленій нуждою женщины въ цѣляхъ разврата, авторъ не счелъ себя вправѣ уклониться отъ предварительнаго рѣшенія жгучаго вопроса о терпимости, доставляемой половой эксплоатаціи институтомъ врачебно-полицейскаго надзора за проституціею. Пока открыто допускаются поднадзорные вертепы, раціональная борьба и съ профессіональнымъ сводничествомъ, и съ торговлею дѣвушками,—ихъ покупкою и продажею въ цѣляхъ разврата, немыслима. Нельзя съ успѣхомъ преслѣдовать тайныя проявленія профессіи проксенетизма, пока государство терпитъ, въ лицѣ содержателей поднадзорныхъ притоновъ, на показъ всему обществу, подчасъ наиболѣе дерзкихъ и опасныхъ представителей грязной профессіи; пока самое учрежденіе «дóма терпимости» признается властью и представляется панацеей отъ бѣдствій разврата и сифилиса обществу, нельзя серьезно воспретить и постыдную торговлю дѣвушками, нельзя терпимому дому воспрепятствовать функціонировать,—добывать необходимый ему «свѣжій товаръ», перепродавать исковерканный нечеловѣческою жизнью въ притоны болѣе низкаго пошиба и выбрасывать негодный на улицу. Болѣе того,—самое зачисленіе женщины, при подчиненіи мѣропріятіямъ врачебно-полицейскаго надзора, въ проститутки, уже обезсиливаетъ каждую попытку преслѣдованія злоупотуебленій гнетущими условіями ея нужды, экономической подчиненности: какъ бы ни

была возмутительна форма половой эксплоатаціи женщины,—тотъ фактъ, что жертва предварительно была уже зарегистрирована административнымъ путемъ въ проститутки, обезпечиваетъ виновнымъ полную безотвѣтственность!

Зловѣщая преграда, каковою становилась передъ изслѣдователемъ «полиція нравственности», потребовала отъ него нѣсколько лѣтъ ближайшаго изученія, какъ самаго характера, соціальнаго и правового, института врачебно-полицейскаго надзора за проституціею, такъ равно и цѣлесообразности названнаго института.

Предлагая въ настоящее время читателю результаты этого изученія, мы принципіально отказываемся отъ освѣщенія всѣхъ элементовъ вопроса о надзорѣ за проституціею: вмѣсто того, чтобы дать по необходимости бѣглый разборъ сложной проблемы регламентаціи, во всѣхъ ея разнообразныхъ изгибахъ, мы предпочли, по возможности исчерпывающе и всесторонне, изслѣдовать въ этомъ вопросѣ моменты наиболѣе существенные, характерные, а равно и менѣе всего разработанныя области, особенно важныя съ отечественной точки зрѣнія.

Предметомъ нашего изслѣдованія является система врачебно-полицейскихъ стѣсненій личной свободы, направленная, въ виду занятія проституціею, противъ промышляющихъ развратомъ женщинъ. Насъ интересуетъ, другими словами, такая форма отношенія государства къ проституціи, при которой терпимость послѣдней пріобрѣтается цѣною ослабленія для падшихъ женщинъ общеправовыхъ гарантій и ихъ подчиненія исключительному режиму мѣръ врачебно-полицейскаго принужденія [1]).

---

[1]) Предварительную общую характеристику этого режима для человѣка, не замѣчающаго его рѣзкихъ очертаній среди ненормальностей современнаго строя, можетъ дать слѣдующее со-

III

Сложившись впервые во Франціи въ періодъ всеобщаго угнетенія, при той реакціи, которая характеризовала времена консульства, институтъ полиціи нравственности, путемъ подражанія, успѣлъ, въ теченіе минувшаго столѣтія, проникнуть въ правительственную практику большинства европейскихъ государствъ, и въ частности при Николаѣ I въ Россію.

Изучая соціальный характеръ врачебно-полицейскаго надзора, мы ограничиваемся изслѣдованіемъ регламентовъ, дѣйствующихъ въ Россіи: основаніемъ къ такому сокращенію труда является, съ одной стороны, наличность солидныхъ монографій по разработкѣ иностранныхъ регламентовъ (Fiaux, La police des moeurs

---

поставленіе. Предположимъ, отнынѣ мужчины, выходящіе подъ вечеръ съ намѣреніями позорной купли, подлежатъ такимъ же эффектамъ и послѣдствіямъ единичныхъ арестовъ и массовыхъ облавъ, какимъ подвергаются проститутки. Высидѣвъ ночь въ вонючемъ и грязномъ участкѣ, задержанные «развратники» на утро, вмѣстѣ со своими соучастницами, подъ полицейскимъ прикрытіемъ, препровождаются въ комитетъ. Каждый мужчина, уличенный, на основаніи показаній полицейскаго агента, въ развратномъ поведеніи, лишается обычныхъ документовъ, удостовѣряющихъ личность; взамѣнъ послѣднихъ ему, какъ и поднадзорной проституткѣ, вручается „желтый билетъ", съ требованіемъ имѣть таковой всегда при себѣ. Состоящему подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ мужчинѣ предписывается еженедѣльно или чаще являться на пунктъ для медицинскаго освидѣтельствованія; и вмѣстѣ съ тѣмъ, ему, какъ и проституткѣ, воспрещается посѣщать главныя улицы города, площади и общественныя гулянья; воспрещается посѣщать театры или, по крайней мѣрѣ, занимать въ нихъ мѣста партера и ярусовъ ложъ; запрещается ходить съ друзьями по улицѣ, даже останавливаться въ выходныхъ дверяхъ своего жилища. Эти чудовищныя стѣсненія личной свободы, которыя, конечно, совершенно не допустимы въ современномъ культурномъ обществѣ въ отношеніи мужчинъ, даютъ лишь нѣкоторое представленіе объ исключительномъ режимѣ полиціи нравовъ для женщинъ, доходящей въ своихъ почтенныхъ заботахъ до водворенія проститутокъ въ публичные притоны разврата!

en France; Schrank, Die Prostitution in Wien, и Die amtlichen Vorschriften; Amos, Etude comparative, и др.), и съ другой, ближайшее сходство регламентовъ разныхъ странъ между собою [1]). При выясненіи вопроса о правомѣрности исключительныхъ мѣръ полиціи нравовъ, мы сочли умѣстнымъ расширить область изслѣдованія и на ту характерную аргументацію, которая пытается вызвать и поддержать представленіе о законности этихъ мѣръ на ихъ родинѣ, во Франціи [2]). Разбирая, далѣе, доводы, приводимые регламентистами въ обоснованіе и оправданіе системы исключительныхъ мѣръ надзора за проституціею, намъ показалось излишнимъ останавливать интеллигентнаго читателя на такихъ соображеніяхъ въ пользу ея необходимости, какъ локализація разврата (въ заброшенныхъ, окраинныхъ кварталахъ, гдѣ ютится невладѣющее, рабочее населеніе города), какъ защита порядочныхъ женщинъ отъ половыхъ посягательствъ, и пр., и пр. Все свое вниманіе мы сосредоточиваемъ на первостепенномъ аргументѣ врачей-регламентистовъ, дѣйствительно въ высшей степени могущественномъ,—на ихъ авторитетномъ признаніи исключительныхъ мѣръ полиціи нравовъ санитарно цѣннымъ и необходимымъ режимомъ въ борьбѣ съ такимъ бичемъ человѣчества, какъ си-

---

[1]) Въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ и въ Россіи регламентація, по французскому образцу, обезпечиваетъ терпимость проституткамъ—„одиночкамъ",—живущимъ на частныхъ квартирахъ, и женщинамъ, промышляющимъ развратомъ въ публичныхъ домахъ. Исключеніе составляетъ, съ одной стороны, Швеція и далеко не во всѣхъ городахъ Германія и Австрія, гдѣ терпима только одиночная проституція, и съ другой стороны, Швейцарія, гдѣ допускается лишь проституція, казернированная въ публичныхъ притонахъ (Enquêtes брюсс. конф., p. 233, 456, 665 и 666; Fiaux, La police, p 519).

[2]) Мы не имѣли возможности, за сложностью предмета, провѣрить болѣе широко заявленіе д-ра Ehlers, Enquêtes, p. 108, что только въ Даніи полиція нравовъ покоится истиннымъ образомъ на законномъ основаніи.

филисъ. При этомъ, самое широкое мѣсто мы отводимъ ближайшему анализу данныхъ русской санитарной статистики, привлекаемыхъ въ свою пользу регламентистами. Напротивъ, останавливаясь въ послѣдней главѣ изслѣдованія на протестующемъ «аболиціонистскомъ» движеніи противъ полиціи нравовъ, въ связи съ разоблаченіемъ настоящей роли грубыхъ, низменныхъ интересовъ, копошащихся въ ея основаніи, мы ограничиваемся почти исключительно разработкою иностранныхъ матеріаловъ: родственное тому, что при этомъ движеніи было раскрыто подъ санитарною оболочкою регламентаціи, несомнѣнно, съ избыткомъ найдется и въ Россіи, но соотвѣтствующіе факты, большею частью, еще слишкомъ свѣжи въ памяти русскаго общества, чтобы нуждаться въ историческомъ обзорѣ... Разсматривая столкновеніе регламентаціи съ аболиціонизмомъ, мы имѣемъ случай восполнить свое изслѣдованіе санитарной аргументаціи въ пользу полиціи нравовъ—разборомъ регламентистскихъ доводовъ по поводу отмѣны, въ нѣсколькихъ странахъ, подъ давленіемъ общественнаго протеста, исключительныхъ мѣръ надзора за проституціею. Заключеніе настоящаго труда образуетъ оцѣнка мѣропріятій, въ которыхъ регламентисты видятъ средство улучшить современную организацію врачебно-полицейскаго режима,—и противопоставленіе этимъ desiderata требованій, составляющихъ конечный выводъ изслѣдованія.

При разработкѣ вопросовъ, относящихся къ Россіи, особенно важнымъ источникомъ оказались обильные матеріалы врачебно-полицейскихъ отчетовъ, доставленныхъ изъ разныхъ городовъ Россіи въ медицинскій департаментъ къ Высочайше разрѣшенному съѣзду по обсужденію мѣръ противъ сифилиса, 1897 г. Считаемъ своимъ долгомъ выразить здѣсь глубокую признательность за доступъ къ этимъ матеріаламъ статсъ-секретарю А. А. Сабурову, Д. А. Дрилю, Л. Ф. Рагозину и д-ру К. Л. Штюрмеру, а за разрѣшеніе

использовать ихъ въ ученой работѣ вице-директору медицинскаго департамента Л. Н. Малиновскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы шлемъ свою сердечную благодарность д-ру П. Е. Обозненко за ближайшее ознакомленіе съ истиннымъ характеромъ надзора за проституціею и за любезное снабженіе нѣкоторыми печатными русскими работами. Наша признательность принадлежитъ по праву и казанскому обществу врачей, особенно его членамъ д-ру В. П. Неболюбову и Б. Н. Агафонову, за доставленную автору возможность пользоваться библіотекою общества.

Нашъ трудъ по разработкѣ заграничной литературы былъ значительно облегченъ существованіемъ обширной библіотеки и архива, сосредоточивающихъ богатые запасы матеріаловъ, отъ солидной монографіи до мелкихъ газетныхъ вырѣзокъ включительно, по разнообразнымъ развѣтвленіямъ вопроса о проституціи. Это-библіотека при центральномъ бюро международной аболиціонистской Федераціи въ Женевѣ, 6, rue Saint-Léger, и ея дополненіе—собраніе оффиціальныхъ англійскихъ данныхъ, касающихся Contagious diseases acts, при лондонскомъ бюро Федераціи, 17, Tothill Street, Westminster. За предоставленіе самой широкой возможности пользоваться и матеріалами, и помѣщеніемъ секретаріата для занятій, за крайне обязательное, любезное снабженіе рекомендательными письмами и всяческаго рода содѣйствіе, въ интересахъ изслѣдованія, мы считаемъ своею обязанностью выразить искреннюю признательность и генеральному секретарю Федераціи г. H. Minod, и завѣдующей лондонскимъ бюро г-жѣ F. Forsaith.

Глава первая.

Закрѣпощающій характеръ надзора за проституціею въ Россіи.

Исключительный режимъ врачебно-полицейскаго надзора за проституціей является системою прикрѣпленія женщины къ позорному промыслу. Лишая женщину, подозрѣваемую въ проституціи, гражданской полноправности и отнимая у нея возможность участія трудомъ въ экономическомъ оборотѣ, институтъ полиціи нравственности превращаетъ подсобное, временное обращеніе къ торговлѣ своимъ тѣломъ въ ремесло главное, исключительное, постоянное. Режимъ регламентированной проституціи—это тяжелый привѣсокъ, который для женщины невладѣющихъ общественныхъ группъ усиливаетъ общій гнетъ соціальныхъ условій: когда она, обезсиленная нуждою, попадаетъ въ зловѣщій омутъ, онъ, словно камень на шеѣ, парализуетъ ея послѣднія усилія противустоять мрачной пасти волнъ и неудержимо увлекаетъ ее ко дну.

Въ выясненіи закрѣпощающаго характера исключительныхъ мѣръ врачебно-полицейскаго надзора за проституціею въ Россіи и состоитъ ближайшая задача, которую ставитъ передъ собой авторъ настоящаго изслѣдованія.

Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію этой задачи, умѣстно выдвинуть впередъ то положеніе, что въ основѣ надзора за проституціей въ нашемъ отечествѣ лежатъ не столько какіе либо спеціальные регламенты, сколько личное усмотрѣніе того полицейскаго агента, который оказывается въ дѣлѣ надзора исполнительнымъ органомъ.

Положимъ, при циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 октября 1851 г. за № 39, возложившемъ на начальниковъ губерніи обязанность сдѣлать зависящія отъ нихъ распоряженія о томъ, „чтобы во всѣхъ городахъ составлены были полные и вѣрные списки публичнымъ, т. е. обратившимъ распутство въ промыселъ женщинамъ“.., „чтобы значащіяся въ спискахъ женщины подвергаемы были повременному свидѣтельствованію“.., „чтобы состоящія въ спискахъ женщины, которыя по свидѣтельству окажутся зараженными, были отправляемы до излеченія въ больницы“, и пр., были приложены „для соображенія“ и особыя „Правила для публичныхъ женщинъ и ихъ содержательницъ“ (Сводъ узаконеній, вып. 1, прилож., стр. 75—78). Это были правила, утвержденныя министромъ внутреннихъ дѣлъ раньше, 29 мая 1844 г., къ руководству петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета. Однако, названныя правила ни словомъ не касались такихъ существенныхъ моментовъ врачебно-полицейской дѣятельности, какъ вопросы объ условіяхъ административнаго подчиненія женщины надзору и ея освобожденія изъ подъ надзора; ихъ параграфы безмолвствовали относительно такихъ важныхъ полномочій, усвоенныхъ въ дѣйствительности полиціей нравственности, какъ лишеніе женщины, на которую распространяется контроль, общегражданскихъ документовъ, удостовѣряющихъ личность, и пр. Всѣ эти пробѣлы въ практикѣ врачебно-полицейскаго надзора должны были неизбѣжно восполняться личнымъ усмотрѣніемъ исполнительныхъ органовъ.

Въ Петербургѣ, для котораго правила 1844 г. собственно и предназначались и гдѣ онѣ прежде всего и были введены въ дѣйствіе, мѣсто этихъ правилъ, съ изданіемъ новаго „Положенія“ о петербургскомъ врачебно-полицейскомъ комитетѣ 28 іюля 1861 г., занялъ болѣе или менѣе обстоятельный регламентъ, дѣйствующій въ столицѣ съ нѣкоторыми измѣненіями 1868 г. до настоящаго времени (Сводъ узаконеній, тамъ же, стр. 89—114). Но этотъ регламентъ, насколько намъ извѣстно, отнюдь не былъ распространенъ какимъ либо министерскимъ циркуляромъ и на провинціи. Здѣсь агенты врачебно-полицейскаго надзора продолжаютъ сообразоваться съ правилами 1844 г. По крайней мѣрѣ, д-ръ К. Л. Штюрмеръ, почтенный докладчикъ всероссійскаго противу-

сифилитическаго съѣзда 1897 г., по отдѣлу о проституціи въ городахъ, на основаніи представленныхъ къ этому съѣзду въ медицинскій департаментъ врачебно-полицейскихъ отчетовъ, утверждаетъ, что правила 1844 г., уже отжившія свой вѣкъ въ столицѣ, въ провинціи „для всѣхъ вообще публичныхъ женщинъ обязательны“ и что этими правилами „руководствуются вездѣ, гдѣ нѣтъ Врачебно-Полицейскихъ или Городскихъ Санитарныхъ Комитетовъ“ (Проституція въ городахъ, стр. 32 и 30).

Въ особомъ положеніи, какъ можно уже судить по оговоркѣ д-ра Штюрмера, оказываются города, которые, подобно Петербургу, имѣютъ спеціальныя учрежденія по надзору за проституціею. Согласно примѣчанію къ ст. 155 устава о предупр. и пресѣч. прест., изд. 1890 г., „учрежденные для врачебно-полицейскаго надзора за женщинами, промышляющими развратомъ, Врачебно-Полицейскіе Комитеты въ дѣйствіяхъ своихъ руководствуются особо изданными для сего правилами“ (ср. ст. 164 устава врач.) Однако, какъ видно изъ врачебно-полицейскихъ отчетовъ, представленныхъ къ съѣзду 1897 г., и какъ это авторитетно подтверждается комиссіей медицинскаго департамента по дѣлу о преобразованіи надзора за проституціею 1901 г., въ громадномъ большинствѣ городовъ Россіи нѣтъ ни врачебно-полицейскихъ, ни соотвѣтствующихъ послѣднимъ по своимъ функціямъ городскихъ санитарныхъ комитетовъ, или какихъ либо другихъ особыхъ учрежденій по надзору за проституціею, но этотъ надзоръ сосредоточивается всецѣло въ вѣдѣніи чиновъ общей полиціи (Прост. въ городахъ, стр. 20 и стр. 59—65; Сводъ постановленій, стр. 44). Соотвѣтственно даннымъ названныхъ отчетовъ, д-ръ Штюрмеръ насчитываетъ, правда, до шестидесяти уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, обладающихъ спеціальными учрежденіями по надзору за проституціею; въ цѣломъ рядѣ этихъ городовъ, однако, какъ и онъ самъ предупреждаетъ, врачебно-полицейскіе комитеты существуютъ „только по названію“. „Дѣятельность ихъ ограничивается только тѣмъ, что изрѣдка они собираются и обсуждаютъ мѣры, касающіяся вообще прекращенія распространенія сифилиса, но не надзора за проституціей. Все же дѣло надзора въ такихъ городахъ сосредоточено въ рукахъ полицейскаго чиновника, который совершенно самостоятельно вершитъ всѣ дѣла“

(Прост. въ городахъ, стр. 18 и 19). Города, гдѣ спеціальныя учрежденія по надзору за проституціей имѣютъ къ руководству особо изданныя для сего правила, оказываются совсѣмъ малочисленными. Изъ городовъ, гдѣ значатся врачебно-полицейскіе комитеты, болѣе или менѣе разработанными регламентами обладаютъ, кромѣ Петербурга, Варшава и Рига: въ столицѣ Царства Польскаго дѣятельность агентуры по надзору за проституціею нормируется „Медико-полицейскими правилами къ прекращенію сифилитической болѣзни въ Варшавѣ", утвержденными бывшимъ Намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ $^{18}/_{30}$ января 1843 г., „Инструкціями" для чиновъ временнаго варшавскаго врачебно-полицейскаго комитета, утвержденными бывшимъ варшавскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ $^{6}/_{18}$ іюня 1874 г., и нѣкоторыми другими распоряженіями; рижскій врачебно-полицейскій комитетъ имѣетъ къ руководству особыя „Правила", утвержденныя въ январѣ 1854 г. бывшимъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ военнымъ генералъ губернаторомъ и измѣненныя впослѣдствіи лифляндскимъ губернаторомъ и журналомъ медицинскаго совѣта за № 531, утв. управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 9 сентября 1894 г. (Сводъ узаконеній, вып. 1, прилож., стр. 128—159). Съ другой стороны, мы можемъ отмѣтить еще Минскъ и Пермь, какъ города, гдѣ функціонируютъ, опираясь на спеціальные регламенты, городскіе санитарные комитеты по надзору за проституціей: въ первомъ изъ поименованныхъ городовъ дѣло полиціи нравственности нормируется обязательными постановленіями минской городской думы о санитарномъ надзорѣ за проституціею, разсмотрѣнными медицинскимъ совѣтомъ 6 ноября 1891 г., и во второмъ—„Проектомъ" обязательныхъ постановленій пермской городской думы о санитарномъ надзорѣ за проституціей, одобреннымъ медицинскимъ совѣтомъ и препровожденнымъ пермскому губернатору медицинскимъ департаментомъ 6 мая 1894 г. за № 3415. (Сводъ узаконеній, тамъ же, стр. 169—175) [1]). Если этотъ короткій перечень городовъ и расширить

---

[1]) Особые регламенты существуютъ также для г. Москвы: однако, и «Учрежденіе» его бывшаго комитета 6 октября 1844 г., и «Инструкція» 4 іюля 1846 г., по словамъ редактора Свода узаконеній (вып. 1, прил., стр. 121 прим.), «съ теченіемъ времени, подверглись значительнымъ измѣненіямъ,

даже внесеніемъ въ него нѣкоторыхъ другихъ городскихъ поселеній, гдѣ мѣстнымъ врачебно-полицейскимъ комитетомъ восприняты правила, особо изданныя для другого комитета,— напр., Казань (петербургскій регламентъ 28 іюля 1861 г.) или гдѣ дѣйствуютъ спеціальныя инструкціи и распоряженія, не представляющія болѣе или менѣе обстоятельнаго регламента,—напр., Кронштадтъ и др., [1]) то все же ихъ списокъ окажется слишкомъ ограниченнымъ для того, чтобы не признать входящія въ него мѣстности, въ отношеніи нормировки надзора, лишь узкимъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Поэтому мы вправѣ настаивать на томъ, что въ Россіи собственно регламентація позорнаго промысла занимаетъ второстепенное мѣсто: доминирующимъ моментомъ въ исключительномъ режимѣ врачебно полицейскаго надзора у насъ является не норма, хотя бы и административная, но личное усмотрѣніе исполнительныхъ органовъ.

Тѣмъ не менѣе въ уясненіи поставленнаго нами въ началѣ настоящаго изслѣдованія вопроса о закрѣпощающемъ характерѣ надзора за проституціею въ Россіи мы разбору регламентовъ посвятимъ значительную долю вниманія. Въ то время, какъ конкретные факты, отлагающіеся на почвѣ системы личнаго усмотрѣнія, большею частью не оставляютъ по себѣ и слѣда въ такой опредѣленной и устойчивой формѣ, въ какой они могли бы составить для изслѣдованія доступ-

---

сообразно условіямъ современной жизни, и приводятся въ настоящемъ Сводѣ лишь какъ имѣющія историческое значеніе». Не опираясь, потому, на эти источники при изученіи дѣйствующихъ регламентовъ, мы оставляемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сторонѣ, до дальнѣйшаго очерка реформъ, вызванныхъ аболиціонистскимъ движеніемъ, и новыя начала, на которыхъ врачебно-полицейскій контроль въ Москвѣ былъ реорганизованъ въ 1888 г. Если въ настоящей главѣ намъ и придется затронуть санитарный надзоръ за проституціею въ Москвѣ, то лишь съ точки зрѣнія его практики въ такихъ моментахъ, гдѣ его характеръ не представляетъ прогресса сравнительно съ общимъ типомъ врачебно-полицейскаго режима въ Россіи.

[1]) Ср. Высочайше одобренный 24 февраля 1858 г. проектъ учрежденія въ Кронштадтѣ комиссіи для разбора бродячихъ женщинъ; инструкцію ярмарочному врачебно-полицейскому комитету въ Нижнемъ-Новгородѣ на предупр. распространенія сифилит. болѣзни, утвержд. министромъ внутр. дѣлъ 18 іюня 1877 г. и сообщеніе министра внутр. дѣлъ (по медиц. департ.) губернатору отъ 29 апрѣля 1876 г. и пр. объ организаціи надзора за проституціей въ Казани (Сводъ узаконеній, тамъ же, стр. 160—168).

ный матеріалъ, норма дѣйствующаго регламента, поскольку она лежитъ въ основѣ врачебно-полицейской практики, оказывается болѣе или менѣе твердымъ опорнымъ пунктомъ для сужденія о дѣйствительномъ характерѣ надзора за проституціею. Къ тому же факты, которые даетъ система личнаго усмотрѣнія, въ виду ея крайней гибкости, разсыпаются передъ изслѣдователемъ цѣлымъ калейдоскопомъ разнородныхъ проявленій произвола: между тѣмъ какъ въ однихъ городахъ, при преобладаніи момента личнаго усмотрѣнія, „надзоръ сводится,—мы цитируемъ заявленіе комиссіи медицинскаго департамента 1901 г., къ пустой формальности, фактически не существуетъ или же ограничивается только надзоромъ за проституціей домовъ терпимости“ (Сводъ постановленій, стр. 44), въ другихъ онъ проявляется въ такихъ чудовищныхъ формахъ, какъ извѣстный приказъ о заарестованіи женщинъ цѣлой части города (Врачъ, № 6 за 1892 г., стр. 146) или какъ категорическое запрещеніе поднадзорнымъ жить на частныхъ квартирахъ (Прост. въ городахъ, стр. 5), и т. п. Оперируя съ такимъ разнообразіемъ трудно установимыхъ фактовъ, изслѣдователь принципіально не огражденъ отъ упрека въ неправильномъ освѣщеніи всей врачебно-полицейской практики, въ сгущеніи красокъ, въ искусственномъ подборѣ фактовъ соотвѣтственно тому тезису, который онъ защищаетъ. Регламенты выручаютъ его изъ этого затрудненія. Такъ какъ всякая норма,—общее правило, неразсчитанное непосредственно на данный конкретный случай, въ извѣстной степени отрѣшенное отъ интересовъ, отъ настроенія момента, обращенное къ личности исполнительнаго органа въ объективной формѣ внѣшняго велѣнія, является уже по самому существу своему ограниченіемъ личнаго усмотрѣнія, то вполнѣ допустимо разсматривать слой регламентированнаго надзора за проституціей въ Россіи какъ такой режимъ, который въ среднемъ представляетъ несравненно меньшую степень стѣсненій, чѣмъ порядокъ надзора въ его характерныхъ формахъ личнаго усмотрѣнія исполнительныхъ органовъ. А потому, если, при преобладаніи усмотрѣнія надъ регламентомъ въ Россіи, режимъ, опредѣляющійся нормами регламента, и не характеризуетъ еще системы личнаго усмотрѣнія, то этотъ режимъ, во всякомъ случаѣ, является объективнымъ показателемъ низшей степени того давленія, которое, при личномъ усмотрѣніи, уже не сдерживается гранью нормъ регламента.

Приступая, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, къ выясненію закрѣпощающаго характера надзора за проституціею, мы сдѣлаемъ попытку разобрать, изъ какихъ важнѣйшихъ звеньевъ слагается иго врачебно-полицейскаго прикрѣпленія къ позорному промыслу въ Россіи и какъ собственно проявляется оно на гражданскомъ и экономическомъ положеніи женщины, и особенно женщины неимущей?

Отобраніе у женщины, подчиняемой надзору, общегражданскаго документа, удостовѣряющаго ея личность, и замѣна послѣдняго спеціальнымъ медицинскимъ билетомъ являются первымъ, грознымъ орудіемъ прикрѣпленія.

По положенію врачебно-полицейскаго комитета въ Петербургѣ 28 іюля 1861 г., § 21, „для прегражденія публичнымъ женщинамъ возможности укрываться отъ врачебнаго надзора, паспорты ихъ хранятся въ Канцеляріи Врачебно-Полицейскаго Комитета“.,,.. Посему, продолжаетъ § 38 входящихъ въ названное положеніе правилъ для содержательницъ домовъ терпимости содержательницамъ наблюдать, чтобы женщины, у нихъ живущія, отнюдь не имѣли при себѣ таковыхъ паспортовъ“. „Паспорты женщинъ, поясняетъ § 39, вновь поступающихъ въ число публичныхъ и не имѣющихъ еще медицинскихъ билетовъ, содержательницы обязаны, въ тотъ же день, какъ прибудутъ къ нимъ таковыя женщины, предъявлять въ Комитетъ лично вмѣстѣ съ женщиною, не прописывая видовъ этихъ ни въ конторѣ надзирателя, ни въ домовой книгѣ“ (ср. также § 7 правилъ для публичныхъ женщинъ). Хотя эти нормы появляются впервые въ положеніи 28 іюля 1861 г. и въ первоначальныхъ правилахъ 29 мая 1844 г., получившихъ руководящее значеніе въ провинціи, нѣтъ никакихъ указаній относительно отобранія паспорта, тѣмъ не менѣе данный моментъ характеризуетъ порядокъ надзора за проституціею въ Россіи почти повсемѣстно. На основаніи отчетовъ, представленныхъ въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г., д-ръ Штюрмеръ приходитъ къ выводу, что режимъ, соединенный съ отобраніемъ документовъ о личности у женщинъ, подчиняемыхъ надзору, или, какъ онъ его называетъ, порядокъ „явнаго надзора“, существуетъ въ нашемъ отечествѣ, по общему правилу, „вездѣ, гдѣ вообще установлено наблюденіе за проституціею“, „тогда какъ секретный надзоръ (безъ отобранія документовъ) на ряду съ послѣднимъ

практикуется лишь въ нѣкоторыхъ городахъ" (Прост. въ городахъ, стр. 5; ср. стр. 32). Измѣненіями, сдѣланными въ 1868 г. бывшимъ петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Положеніи 28 іюля 1861 г., отъ порядка отобранія общегражданскаго документа, удостовѣряющаго личность, въ Петербургѣ были освобождены женщины, живущія на частныхъ квартирахъ. Также и въ Варшавѣ распоряженіемъ мѣстнаго оберъ-полицеймейстера, за октябрь 1888 г., было предложено „проституткамъ—одиночкамъ т. е. живущимъ на частныхъ квартирахъ оставить паспорты на рукахъ, а не хранить таковые въ Комитетѣ". Насколько мы освѣдомлены, примѣромъ Петербурга и Варшавы, да еще развѣ Перми (Москву, съ ея попыткой коренной реформы, мы въ настоящее время оставляемъ въ сторонѣ) [1]), исчерпывается вся серія городовъ, гдѣ примѣняется, въ той или другой мѣрѣ, форма секретнаго надзора.

Ассоціація представленій, которую вызываетъ въ психикѣ читателя пресловутое понятіе „желтаго билета", уже рисуетъ характеръ невыгодныхъ послѣдствій режима „явнаго надзора" для женщины, подчиненной послѣднему. Д-ръ Штюрмеръ не безъ основанія утверждаетъ, что „во всѣхъ случаяхъ, когда является необходимость предъявить документы, явная проститутка не можетъ скрыть своего ремесла". „Само собой, продолжаетъ почтенный регламентистъ, что для проститутокъ съ желтыми билетами закрытъ доступъ въ честную семью" (Прост. въ городахъ, стр. 5). Едва ли мы допустимъ преувеличеніе, если добавимъ къ этому, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ желтый билетъ долженъ закрыть женщинѣ доступъ и, вообще, къ честной трудовой жизни.

Поскольку современный экономическій оборотъ знаетъ мертвые сезоны и безработицу и желѣзной рукой сбиваетъ

---

[1]) По «Проекту» обязательныхъ постановленій пермской городской думы о санитарномъ надзорѣ за проституціею, § 5, «Комитетъ ведетъ особый счетъ» тѣмъ изъ женщинъ, промышляющихъ развратомъ, «которыя изъявятъ желаніе являться въ установленные дни на осмотры, но заявятъ о невозможности подчиняться всѣмъ остальнымъ правиламъ Комитета, или по семейнымъ обстоятельствамъ, или же потому, что, занимая мѣсто кухарокъ, нянекъ и вообще служанокъ, живущихъ на мѣстахъ, предаются распутству временно».

Относительно Москвы ср. прим. выше, стр. 4.

заработную плату женщины ниже минимума средствъ къ ея мизерному существованію, нельзя игнорировать проституціи, какъ временнаго и подсобнаго промысла. Д-ръ Штюрмеръ, на основаніи представленныхъ въ медицинскій департаментъ, къ съѣзду 1897 г. отчетовъ усматриваетъ, что „скудость заработка" является одной изъ побудительныхъ причинъ „для разнаго рода работницъ, поденщицъ и ремесленницъ заниматься проституціей, не покидая въ то же время своего обычнаго труда.

«Такъ, напр., пишетъ онъ, въ Дербентѣ за отчетное время было девять одиночекъ, снабженныхъ желтыми билетами, и всѣ онѣ занимались поденно стиркой. Въ г. Нолинскѣ большія партіи женщинъ приходятъ на поденщину (сортировка льна, поярка и пр.) и многія изъ нихъ тайно проституируютъ. Въ Оренбургѣ между прочимъ проституируютъ водоноски, истопницы, баньщицы. Въ Баку проституируютъ прачки, модистки и т. п. Въ г. Лебединѣ зарегистрированныя одиночки занимаются проституціей, а на лѣто нанимаются въ работницы. То же самое наблюдается и въ С.-Петербургѣ; многія женщины, проституирующія зимою въ городѣ, лѣтомъ усердно работаютъ на огородахъ. Многія изъ поднадзорныхъ проститутокъ низшаго разбора работаютъ также на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ. Изъ Ардатова сообщаютъ, что весною, лѣтомъ и осенью одиночекъ не осматриваютъ, такъ какъ всѣ онѣ уходятъ на полевыя работы. Въ г. Кизлярѣ въ виноградникахъ работаетъ много тайныхъ проститутокъ. З. Я. Ельцина, какъ извѣстно, указала на выдающуюся особенность ярмарочной проституціи въ Нижнемъ-Новгородѣ; именно, что многія женщины занимаются проституціей исключительно въ ярмарочное время. Остальную часть года онѣ мирно живутъ своимъ трудомъ, занимаются кустарнымъ промысломъ или исполняютъ сельскія и домашнія работы (Ельцина). По сообщенію изъ г. Балахны часть проститутокъ, вернувшись въ городъ съ Нижегородской ярмарки, поступаетъ въ прислуги. Въ г. Кологривѣ, какъ видно изъ отчета, женщины занимаются тайной проституціей, какъ подсобнымъ промысломъ» [1]).

„Приведенные примѣры, заключаетъ д-ръ Штюрмеръ, достаточно убѣдительно доказываютъ, что существуютъ временныя проститутки и такія, которыя, занимаясь честнымъ трудомъ, въ то же время проституируютъ ради увеличенія своего скуднаго заработка" (Прост. въ городахъ, стр. 8). О значительности числа подобныхъ женщинъ можно судить по

[1]) Ср. также рапортъ ѳеодосійскаго полицеймейстера, представленный къ съѣзду 1897 г.: онъ зналъ женщинъ, отдающихъ себя двумъ-тремъ мужчинамъ; зналъ проститутокъ, которыя торговали собою только два-три мѣсяца въ году и вели остальное время порядочную жизнь.

слѣдующимъ статистическимъ свѣдѣніямъ. По даннымъ д-ра Е. Когана, въ числѣ 336 женщинъ, зарегистрированныхъ на нижегородской ярмаркѣ 1878 г., постоянныя проститутки составляли 41,9%, профессіональныя проститутки, во внѣ—ярмарочное время тайно предающіяся разврату, какъ побочному занятію, 33,3% и женщины, торгующія собою только во время ярмарки, 24,7% (Медиц. надзоръ, стр. 91). Съ другой стороны, по даннымъ д-ра П. Е. Обозненко о прежнихъ занятіяхъ 4220 женщинъ, составлявшихъ значительную часть контингента петербургской поднадзорной проституціи за 1891—1893 гг., изъ названнаго числа только 574 женщины, т. е. 13,6%, уже до подчиненія контролю въ Петербургѣ не имѣли другой профессіи, кромѣ тайной проституціи, жили въ домахъ терпимости другихъ городовъ или на содержаніи, и безъ занятій. Другія 385 женщинъ,—9,1% общаго числа, жили у родныхъ, съ мужьями, занимались домашнимъ хозяйствомъ, и прочія женщины, въ количествѣ 76,2%, имѣли тотъ или иной честный заработокъ по найму (Поднадзорная простит., стр. 22 и 23).

Съ наложеніемъ на женщину клейма „проститутки",—съ врученіемъ ей, вмѣсто обычнаго документа, удостовѣряющаго ея личность, желтаго билета, временное и подсобное съ роковою необходимостью становится на наклонную плоскость превращенія въ исключительное, единственное и постоянное ремесло.

Это одно обстоятельство, по своей важности, потребуетъ у читателя достаточно много вниманія, чтобы стоило еще отвлекать его въ сторону „исключительныхъ случаевъ" жизни,—указывать ему на проститутокъ, которыя продолжаютъ жить въ своихъ семьяхъ или у которыхъ есть дѣти, и т. п. Замѣтимъ только, что явленія, кажущіяся намъ подчасъ совсѣмъ исключительными, въ дѣйствительности иной разъ оказываются далеко уже не такъ рѣдкими. Достаточно здѣсь отмѣтить, что оффиціальнымъ обслѣдованіемъ, предпринятымъ 1 августа 1889 г. по Россіи центральнымъ статистическимъ комитетомъ, среди поднадзорныхъ проститутокъ было обнаружено 8% женщинъ, имѣющихъ дѣтей; это число должно быть увеличено вдвое, если къ названнымъ женщинамъ присоединить еще проститутокъ, имѣвшихъ дѣтей (Проституція въ Россійской Имперіи, стр. XXIV). По даннымъ врачебно-полицей-

скихъ отчетовъ, среди проститутокъ, несущихъ на себѣ материнскія обязанности, есть даже женщины, дѣти которыхъ воспитываются въ гимназіи (Прост. въ городахъ, стр. 9). Едва ли нужно говорить, что желтый билетъ, выдаваемый матери, встаетъ суровой угрозой разрушеніемъ связи ея съ семьей, съ дѣтьми, а между тѣмъ эта связь удерживала ее отъ полнаго загрязненія, составляла психологически послѣдній, быть можетъ, стимулъ сохранить въ себѣ человѣческую личность [1]) [2]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи закрѣпощающій характеръ медицинскаго билета усиливается особыми дополненіями. Характернымъ примѣромъ послѣднихъ можетъ служить постановленіе варшавскаго врачебно-полицейскаго комитета, по которому „состоящія въ спискахъ проститутокъ женщины, при исполненіи явочной фармальности по книгамъ народонаселенія, должны отмѣчаться словомъ „проститутка", въ отмѣну прежняго термина „изъ личнаго промысла", а въ спискахъ жильцовъ, вывѣшиваемыхъ въ воротахъ домовъ, вмѣсто того же термина для обозначенія рода занятій оставляется пустое мѣсто съ жирнымъ подчеркиваніемъ фамиліи". Любопытна подробность практики, сообщаемая мѣстнымъ комитетскимъ врачемъ П. Пушкинымъ, изъ доклада котораго мы черпаемъ и самое свѣдѣніе объ этомъ постановленіи; мы

---

[1]) Въ виду обязательнаго постановленія пермской городской думы, § 20, строго воспрещающаго проституткамъ—одиночкамъ (равно какъ и содержательницамъ домовъ терпимости) «содержать при себѣ малолѣтнихъ до 16—лѣтняго возраста», и минской городской думы, § 20,—«малолѣтнихъ», разрывъ поднадзорной проститутки съ семьей, съ дѣтьми, въ мѣстахъ дѣйствія городскихъ санитарныхъ комитетовъ становится тѣмъ болѣе неминуемымъ.

[2]) Касаясь дѣйствительно исключительныхъ случаевъ жизни, умѣстно напомнить о дѣвушкахъ, проституирующихъ ради полученія матеріальной возможности окончить образованіе. Двумъ учащимся женщинамъ, проституировавшимъ, подъ надзоромъ петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета, вплоть до окончанія курса и оставившимъ промыселъ послѣ полученія дипломовъ, о которыхъ разсказываетъ д-ръ Штюрмеръ на стр. 9 своего доклада о прост. въ городахъ, едва ли бы удалось выбраться изъ грязнаго омута, если бы онѣ, будучи въ Петербургѣ, не пользовались, какъ одиночки, преимуществомъ секретнаго надзора.

имѣемъ въ виду указаніе на случаи, когда жирное подчеркиваніе дѣлалось спеціально краснымъ чернилом или прямо замѣнялось словомъ — проститутка (О положеніи надзора, стр. 12).

Попытки варшавскаго врачебно-полицейскаго комитета создать особый институтъ поручительства нанимателей за нравственность женщины—работницы выдвигаютъ, кромѣ желтаго билета, еще и другой своеобразный способъ прикрѣпленія женщины къ проституціи. По § 9 инструкціи для участковыхъ приставовъ, названные агенты полиціи имѣютъ, между прочимъ, наблюденіе за тѣмъ, „чтобы въ баваріяхъ, кофейняхъ, шинкахъ, ресторанахъ и *фабрикахъ* хозяева принимали на себя поручительство за женскою прислугою". Изъ „Доклада комиссіи по собиранію и разработкѣ матеріаловъ къ предстоящему Высочайше разрѣшенному съѣзду сифилидологовъ въ С.-Петербургѣ о мѣрахъ обнаруженія сифилитиковъ среди населенія (г. Варшавы), 12 октября 1895 г.," видно, что „въ 1883 г. Варшавскій Оберъ-Полицеймейстеръ, основываясь на постановленіяхъ Врачебно-Полицейскаго Комитета 4 іюля 1864 г. и 8 мая 1865 г., въ приказѣ по полиціи на 27 января за № 27 п. 7, издалъ распоряженіе: истребовать отъ содержателей фабричныхъ и промышленныхъ заведеній и всѣхъ публичныхъ заведеній поручительство за нравственное поведеніе женской прислуги и работницъ; тѣхъ же изъ этихъ женщинъ, за которыхъ не будетъ дано поручительство, доставлять въ Канцелярію Комитета по два раза въ мѣсяцъ для медицинскаго освидѣтельствованія". Это распоряженіе было, однако, какъ, по ссылкѣ „Доклада" названной комиссіи, „видно изъ предложенія Варшавскаго Генералъ-Губернатора отъ 11 февраля 1883 г. за № 125", „отмѣнено по требованію г. Министра Внутр. Дѣлъ". § 9 инструкціи для участковыхъ приставовъ варшавской полиціи, относительно наблюденія за проституціей, насколько намъ извѣстно, остался тѣмъ не менѣе неприкосновеннымъ.

Дальнѣйшій закрѣпощающій моментъ врачебно полицейскаго надзора: ограниченіе свободы передвиженія поднадзорной женщины и стѣсненіе ея въ выборѣ мѣстожительства.

Не имѣя на рукахъ паспорта, женщина, подчиненная надзору, прежде всего, затруднена въ выѣздѣ за предѣлы того города, гдѣ она состоитъ подъ надзоромъ: по положенію

врачебно-полицейскаго контроля въ Петербургѣ, 28 іюля 1861 г., § 22, при отъѣздѣ на родину или въ другіе города, „Комитетъ снабжаетъ женщину пропускомъ для слѣдованія, а паспортъ отсылается въ градскія и земскія полиціи тѣхъ городовъ и уѣздовъ, куда онѣ уѣдутъ, исключая городовъ иностранныхъ“ [1]). Зависимость женщины въ передвиженіи отъ согласія комитета и слѣдованіе съ проходнымъ свидѣтельствомъ, преграждающее ей обращеніе къ трудовой жизни съ первымъ шагомъ въ каждую новую мѣстность, составляетъ, какъ это видно изъ данныхъ своднаго доклада д-ра Штюрмера, общепринятый порядокъ отечественной практики полиціи нравственности (Прост. въ гор., стр. 5).

Стѣсненіе въ выборѣ мѣстожительства является для поднадзорной женщины естественнымъ результатомъ необходимости предъявить домовладѣльцу или квартирохозяину свой желтый билетъ вмѣсто паспорта. Это стѣсненіе простирается еще дальше въ виду спеціальныхъ нормъ регламентаціи. По правиламъ для публичныхъ женщинъ петербургскаго комитета, 28 іюля 1861 г., § 3, „публичныя женщины, если не хотятъ жить въ борделяхъ, могутъ проживать и на квартирахъ по одной, и отнюдь не болѣе какъ по двѣ“. Это правило повторяется и въ варшавской инструкціи для помощниковъ пристава комитета: согласно § 20 названной инструкціи, послѣдніе наблюдаютъ „чтобы толерованныя женщины (поднадзорныя женщины, живущія на частныхъ квартирахъ) не проживали болѣе двухъ въ одной квартирѣ и болѣе четырехъ въ одномъ домѣ“. Также и въ силу обязательныхъ постановленій минской городской думы, § 45, „безъ особаго разрѣшенія Санитарнаго Комитета запрещается проституткамъ - одиночкамъ жить вдвоемъ или нѣсколькимъ вмѣстѣ“. Наконецъ, правилами 29 мая 1844 г. для публичныхъ женщинъ въ прочихъ

---

[1]) По «Проекту» обязательныхъ постановленій пермской городской думы, § 7, «переѣздъ въ другой городъ проституткѣ можетъ быть дозволенъ не иначе, какъ по предварительному освидѣтельствованію ея въ Комитетѣ. Если она не оставитъ заявленія объ оставленіи ею проституціи, то объ этомъ сообщается въ Полицейское Управленіе того города, который проститутка избрала своимъ мѣстожительствомъ». Ср. § 8: «если проститутка заявитъ желаніе оставить свой промыселъ, то она подвергается въ теченіи мѣсяца особому бдительному, негласному надзору», и т. д.

городахъ Россіи проституткамъ, обитающимъ на частныхъ квартирахъ, категорически воспрещается жить иначе, какъ поодиночкѣ. По примѣчанію къ п. 2 „публичнымъ женщинамъ дозволяется жить и не въ борделяхъ, но только отнюдь не болѣе, какъ по одной“ [1]). Въ видѣ исключенія, по постановленію тульскаго врачебно-полицейскаго комитета было разрѣшено одиночкамъ жить группами по двѣ и по три на одной квартирѣ. Представленный тульскимъ губернскимъ правленіемъ отъ 24 сентября 1896 г. за № 1989 въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г. врачебный отчетъ, изъ котораго мы узнаемъ объ этомъ постановленіи тульскаго комитета, въ своемъ объясненіи мотивовъ изданія послѣдняго, даетъ слѣдующія небезъинтересныя свѣдѣнія: „выяснилось, что при обязанности жить одиночно проститутки одиночки часто не имѣютъ средствъ содержать постоянную для себя квартиру и потому лѣтомъ, покинувъ квартиру, ведутъ кочующій образъ жизни, проживая въ полѣ, близь лагерей, на кладбищахъ, въ развалинахъ старыхъ домовъ и т. п., или же иногда и зимой не одолѣваютъ имѣть свою квартиру и переходятъ днемъ изъ трактира въ трактиръ и ночью изъ ночлега въ ночлегъ“.

Разобщеніемъ проститутокъ, живущихъ на частныхъ квартирахъ, ихъ стѣсненія по жилищному вопросу не исчерпываются. По правиламъ 29 мая 1844 г. для проститутокъ, п. 10, „публичная женщина перемѣнять мѣстожительства можетъ не иначе, какъ съ вѣдома полиціи“. Обязательныя постановленія минской городской думы, § 19, опредѣляютъ: „каждая проститутка, какъ одиночка, такъ и дома терпимости, при перемѣнѣ мѣстожительства, обязана предварительно заявить о томъ Санитарному Комитету, при чемъ она обязательно подвергается санитарному осмотру“... Съ другой стороны, также согласно обязательнымъ постановленіямъ минской городской думы, § 18, „безъ разрѣшенія Санитарнаго Комитета отдача въ наемъ квартиры проституткѣ воспрещается“. Къ обязанностямъ врачебно-полицейскаго ко-

---

[1]) Ср. также § 2 «Проекта» обязательныхъ постановленій пермской городской думы: «проститутки дѣлятся на а) проститутокъ домовъ терпимости и б) проститутокъ одиночекъ, т. е. живущихъ на квартирахъ по одной».

митета, состоящаго при рижской городской полиціи, относится, по § 1 правилъ, „забота о помѣщеніи, по возможности, женщинъ, окончательно предавшихся разврату, въ особые дома (бардели) и ограниченіе ихъ жительства на мѣста менѣе населенныя“. По даннымъ докладчика медицинскаго департамента д-ра Штюрмера, „въ нѣкоторыхъ городахъ явнымъ проституткамъ воспрещается селиться въ извѣстныхъ улицахъ, а въ г. Ченстоховѣ онѣ не имѣютъ права жить на частныхъ квартирахъ, а должны непремѣнно поступать въ домъ терпимости (Простит. въ городахъ, стр. 5).

Характеръ „заботы“ рижской полиціи нравственности и властнаго велѣнія ченстоховскаго надзора избавляютъ насъ отъ необходимости указывать самимъ, къ какому исходу толкаютъ женщину прошедшія передъ нашими глазами врачебно-полицейскіе регламенты и распоряженія.

Какіе именно слои женщинъ, промышляющихъ развратомъ, вытѣсняются, по преимуществу, въ дома терпимости, можно судить по слѣдующимъ даннымъ обслѣдованія 1 августа 1889 г. Между тѣмъ какъ среди одиночекъ, состоявшихъ подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ, тогда насчитывалось 61,3% женщинъ въ возрастѣ до 25 лѣтъ, въ домахъ терпимости, въ то же время, оказалось 80,7% женщинъ этого возраста. При этомъ, женщины въ возрастѣ до 20 лѣтъ составляли среди одиночекъ 25,8%, тогда какъ въ домахъ терпимости 39,0%. Такимъ образомъ, молодыхъ женщинъ до 25 лѣтъ въ домахъ терпимости было обнаружено больше на одну треть и несовершеннолѣтнихъ до 20 лѣтъ больше на половину, чѣмъ среди одиночекъ. Изъ этихъ цифръ явствуетъ, что домъ терпимости притягиваетъ въ свою пасть, по преимуществу, существъ наиболѣе слабыхъ, наименѣе устойчивыхъ въ борьбѣ за существованіе.

Другія данныя того же обслѣдованія 1 августа 1889 г. подтверждаютъ это заключеніе.

Пришлыя женщины,—происходящія изъ другихъ губерній, сравнительно съ мѣстными уроженками, въ составѣ одиночной проституціи Россіи образуютъ 37,9%; въ контингентѣ домовъ терпимости онѣ составляютъ 56,9%. Другими словами, женщинъ пришлыхъ, которыхъ экономическій оборотъ выбрасываетъ за бортъ далеко отъ родины, такъ же, какъ и женщинъ несовершеннолѣтнихъ, неокрѣпшихъ въ желѣзныхъ

тискахъ нужды, въ домахъ терпимости на половину больше, нежели между проститутками, живущими на частныхъ квартирахъ.

Не противорѣчіемъ, но, напротивъ, новымъ подтвержденіемъ нашего заключенія является и такой фактъ, что женщины, происходящія изъ семей богатыхъ и достаточныхъ, составляютъ среди одиночекъ 13,5%, между тѣмъ какъ въ контингентѣ домовъ терпимости 20,4% [1]). Дѣвушка, выросшая въ бѣдной семьѣ, съ дѣтства сроднившаяся съ лишеніями, привыкшая къ труду, несомнѣнно, съ бо́льшимъ успѣхомъ можетъ противостоять соблазнамъ „легкой наживы“ въ притонѣ, чѣмъ женщина, еще не извѣдавшая нужды... (Прост. въ Россійской Имперіи, стр. XXII, XVIII и XXVII).

Домъ терпимости является послѣднимъ узломъ прикрѣпленія женщины къ позорному промыслу. Стѣснительныя условія контроля лишаютъ женщину, живущую на частной квартирѣ, возможности совмѣстить честный трудъ съ проституціей; условія жизни въ притонѣ вытравляютъ въ ней самую привычку къ работѣ, разрушаютъ въ корнѣ ея трудоспособность. Притонъ эксплоатируетъ въ женщинѣ проститутку: экономически содержательницѣ дома терпимости нужна въ женщинѣ не рабочая сила, но, напротивъ, существо облѣнившееся, неспособное къ усилію, къ сопротивленію, инертное въ борьбѣ за существованіе. Интересъ притона—отучить женщину отъ всякаго труда, и поддерживать въ ней, при бездѣлья, путемъ постепеннаго алкогольнаго отравленія, такое состояніе, въ какомъ гнетущее и низкое кажется веселымъ и легкимъ.

Антисоціальному характеру дома терпимости вполнѣ отвѣчаетъ правовая норма, издавна опредѣлявшая отношеніе къ нему русскаго законодательства: мы имѣемъ въ виду ст. 155 устава о предупр. и пресѣч. прест., изд. 1890 г., согласно которой доселѣ „запрещается открывать днемъ и ночью домъ свой, или наемный, для непотребства“.

Закрѣпощающее вліяніе врачебно-полицейскаго контроля не исчерпывается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, своими

---

[1]) Соотвѣтствующій процентъ среди одиночекъ петербургской губерніи—8, 4, а въ домахъ терпимости—15, 1 (Прост. Россійской Имперіи, стр. 52).

Библиотека Социалистической Академии

стѣсненіями женщины въ гражданской жизни и въ экономическомъ оборотѣ, толкаетъ ее въ публичный притонъ. Поскольку полиція нравственности освобождаетъ дома терпимости отъ уголовной репрессіи, на ея счетъ должны пасть въ конечномъ итогѣ и всѣ тѣ прикрѣпляющіе къ позорному промыслу моменты, которые уже обусловливаются экономическими запросами самого притона.

Не предвидя возраженій по существу этого вывода, мы идемъ, однако, на встрѣчу попыткамъ доказать, что антисоціальное вліяніе прикосновенности надзора къ допущенію дома терпимости умѣряется спеціальными заботами контроля о женщинахъ, живущихъ въ притонахъ: соглашаясь на прикрѣпленіе женщины къ позорному промыслу въ принципѣ, полиція нравственности, тѣмъ не менѣе, оставляетъ за собой болѣе или менѣе широкій просторъ для борьбы съ закрѣпощающими тенденціями дома терпимости.

Ближайшаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи обычная ссылка регламентистовъ на то обстоятельство, что полиція нравственности въ состояніи парализовать моментъ экономической безвыходности женщинъ домовъ терпимости,—устранить закрѣпощающее вліяніе задолженности послѣднихъ хозяйкамъ притоновъ.

По положенію петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета, § 47 правилъ для содержательницъ и § 19—для публичныхъ женщинъ, являющимися повтореніемъ п. 10 правилъ для содержательницъ 29 мая 1844 г., „денежныя претензіи содержательницъ на женщинъ не могутъ служить препятствіемъ къ оставленію послѣдними дома терпимости“. Если еще согласно этимъ параграфамъ въ редакціи 28 іюля 1861 г. полиція должна была входить въ разборъ такихъ претензій содержательницъ на женщинъ и женщинъ на содержательницъ, „которыя облечены въ форму законнаго акта“, то лишь до 1868 г.; съ этого времени въ названные параграфы была внесена существенная реформа: „претензіи по счетамъ между проститутками и содержательницами подлежатъ разбирательству на основаніи общихъ судебныхъ уставовъ“. Долги проститутки хозяйкѣ не могутъ служить орудіемъ ея закрѣпощенія тѣмъ болѣе, что ея договоръ съ содержательницей, въ виду своей безнравственной цѣли, и совсѣмъ недѣйствителенъ съ точки зрѣнія гражданскихъ законовъ: вѣдь

для дѣйствительности всякаго договора, согласно ст. 1528 ч. 1 т. X, его цѣль должна быть, между прочимъ, не противна „благочинію“, т. е. „понятіямъ нравственности“, какъ неизмѣнно разъясняетъ гражданскій кассаціонный департаментъ сената въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній ($^{82}/_{150}$, $^{78}/_{11}$ и $^{67}/_{411}$; ср. А. Боровиковскій, Законы гражданскіе, СПБ, 1901, стр. 577).

Оказались ли, однако, при авторитетѣ хозяйки и невѣжествѣ подчиненной ей женщины, эти нормы, дѣйствительно, въ состояніи устранить прикрѣпляющее вліяніе задолженности? Въ 1892 г. почтенный инспекторъ петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета д-ръ А. И. Ѳедоровъ заявляетъ, что „въ большинствѣ случаевъ женщины находятся въ неоплатномъ долгу у хозяйки“ (Вѣст. Общ. Гиг., янв. 1892, стр. 40). „Въ 1898 г., читаемъ мы, далѣе, въ запискѣ петербургскаго градоначальника генералъ-лейтенанта г. Клейгельса „О дѣятельности состоящаго при его Управленіи Врачебно-Полицейскаго Комитета“, отъ 15 февраля 1900 г., Врачебно-Полицейскимъ Комитетомъ обращено было вниманіе на закрѣпощеніе проститутокъ къ своей профессіи путемъ вовлеченія ихъ въ неоплатные долги. При ближайшемъ изслѣдованіи этого дѣла оказалось, что содержавшіяся въ 62 публичныхъ домахъ 605 женщинъ задолжали своимъ содержателямъ свыше 200 т. рублей“.

„Естественно, что такая задолженность, продолжаетъ почтенный градоначальникъ, ставила ихъ въ полную зависимость и кабалу отъ содержательницъ и закрывала возможность возвращенія ихъ къ другой жизни. Становясь какъ бы собственностью дома терпимости, падшая женщина переуступалась изъ одного заведенія въ другое и постепенно все болѣе запутывалась въ лукаво разставленныя сѣти долговъ“ [1]).

---

[1]) Изъ той же записки мы узнаемъ, что разсчеты проститутокъ съ домами терпимости подверглись строгой провѣркѣ со стороны врачебно-полицейскаго комитета, и большая часть долговъ, оказавшихся фиктивными и безденежными, со счетовъ сложены, остальные же погашены, такъ что къ 1 января 1899 г. не оставалось въ долгу за пансіонерками ни копейки. Затѣмъ, въ 1899 г. были введены для проститутокъ сберегательныя книжки съ отчисленіемъ 25% заработка каждой, благодаря чему въ теченіе полу-

Какъ видно изъ этого авторитетнаго заявленія, спеціальная забота комитета, проявлявшаяся въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ особою нормою, которая была призвана парализовать закрѣпощающее вліяніе задолженности, оставалась въ сущности безрезультатной. А между тѣмъ въ положеніи петербургскаго комитета эта норма была проведена съ такою категоричностью, рѣшительностью, какой мы далеко не находимъ въ извѣстныхъ намъ инструкціяхъ другихъ комитетовъ.

Такъ, по § 15 инструкціи для приставовъ варшавскаго врачебно-полицейскаго комитета, „если толерованная женщина пожелаетъ перейти въ домъ терпимости, или же вовсе оставить таковой, по уважительнымъ причинамъ, то приставъ, дозволивъ ей это исполнить, обязанъ стараться всѣ денежные между женщиною и содержателемъ разсчеты привести къ окончанію, но и въ противномъ даже случаѣ не долженъ считать этого препятствіемъ къ оставленію женщиною дома терпимости, предоставивъ содержательницамъ понесенные убытки, по случаю неисполненія условій договора, равно числящіеся на женщинахъ долги, отыскивать посредствомъ подлежащихъ судебныхъ мѣстъ“. Однако, по силѣ § 95 варшавскихъ медико-полицейскихъ правилъ „публичная женщина, въ случаѣ замужества или вступленія въ службу, или же назначенія начальствомъ въ заведеніе, при выходѣ изъ публичнаго дома, должна заплатить лежащіе на ней долги, въ книжкѣ

года общая сумма сбереженій достигла 42.725 руб. 76 коп. Изъ этой суммы, по разрѣшенію комитета, выдано проституткамъ на безотложныя нужды 9.643 р. 35 к., и къ 1 января 1900 г. осталось въ наличности 33082 р. 41 к.

Позволимъ себѣ серьезно опасаться, какъ бы эта, по видимости, гуманная мѣра, косвенно потворствуя низменнымъ инстинктамъ легкой наживы, не повліяла самымъ развращающимъ образомъ на женское рабочее населеніе, вообще, и не оказалась въ результатѣ новымъ, психологически могучимъ, орудіемъ прикрѣпленія женщины къ позорному промыслу. Основательность нашего опасенія подтверждается уже и самимъ г. петербургскимъ градоначальникомъ въ указаніи послѣдняго на «возникшій на почвѣ проституціи наиболѣе возмутительный промыселъ вовлеченія въ развратъ неопытныхъ дѣвицъ путемъ соблазна ихъ выгодностью постыднаго ремесла». Это явленіе даже побудило врачебно-полицейскій комитетъ принять особыя мѣры противодѣйствія, въ формѣ внушенія содержательницамъ имѣть «доброе вліяніе» на квартирующихъ у нихъ женщинъ (?)...

показанные". Судя по смыслу того же параграфа, лишь въ случаѣ оставленія публичнаго дома по поводу зараженія, „публичная женщина освобождается отъ удовлетворенія своихъ долговъ, ежели докажетъ, что развратной жизни уже не предается". Замѣтимъ кстати, что эта мѣра мотивируется отнюдь не желаніемъ оградить женщину отъ прикрѣпленія на почвѣ задолженности: „это, читаемъ мы далѣе въ цитируемомъ параграфѣ, имѣетъ быть почитаемо наказаніемъ для содержательницъ публичныхъ домовъ за слабое смотрѣніе въ предохраненію состоящихъ у нихъ женщинъ отъ зараженія".

По правиламъ рижскаго врачебно-полицейскаго комитета, § 51, женщинѣ, вступающей въ публичный домъ, объясняется, „что она состоитъ подъ особымъ покровительствомъ Комитета, а потому не должна поступать въ заведеніе подъ вліяніемъ угрозъ, долговъ или обмана". Опросивъ дѣвушку и распорядившись „немедленнымъ" внесеніемъ ея въ списокъ женщинъ, состоящихъ въ публичныхъ домахъ (§ 53), комитетъ „равнымъ образомъ" (т. е. также немедленно?) „опредѣляетъ сумму долговъ хозяйкѣ... и приказываетъ письмоводителю занести долги эти въ приходо-расходную книгу проститутки" (§ 54). „Если дѣвушка имѣетъ намѣреніе перейти въ другой публичный домъ, то дѣйствія Комитета ограничиваются переписаніемъ ея по спискамъ и опредѣленіемъ количества ея долговъ, какъ прежней, такъ и новой хозяйкѣ" (§ 131). Особое покровительство, оказываемое женщинѣ полиціей нравственности, по части задолженности, проявляется развѣ въ томъ, что, согласно § 54, сумму долговъ хозяйкѣ комитетъ опредѣляетъ „въ размѣрѣ, не превышающемъ установленной § 39 нормы",—именно 50—200 рублей, смотря по разряду заведенія (ср. распоряженіе лифляндскаго губернатора отъ 25 февраля 1886 г. за № 2018). Едва ли, однако, и эту сумму, при всей ея скромности, признаютъ недостаточно солидной для того, чтобы уже и она могла служить орудіемъ прикрѣпленія задолжавшей проститутки къ притону. Но вѣдь, по силѣ § 129, скажутъ намъ, оставленіе публичнаго дома предоставляется каждой дѣвушкѣ „даже при имѣніи долговъ"; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда, напр., женщина желаетъ оставить заведеніе для выхода замужъ, или когда она требуется обратно ея родителями или опекунами, и пр., „долги ея хозяйкѣ признаются недѣйствительными, за возвращеніемъ

лишь лишнихъ платьевъ и вещей, если таковыя имѣются" (§§ 134 и 135); наконецъ, по § 136, „если женщина оставляетъ публичный домъ, для обращенія къ честному труду, то Комитету предоставляется долги ея хозяйкѣ сложить полностью или въ нѣкоторой части". Можетъ ли идти, при такихъ условіяхъ, рѣчь, по крайней мѣрѣ, о формальномъ прикрѣпленіи долгами женщины въ рижскомъ поднадзорномъ притонѣ? На нашъ взглядъ, подобный выводъ окажется преждевременнымъ, пока не будетъ принятъ въ соображеніе еще и § 132 правилъ рижскаго комитета: „если дѣвушка, неимѣющая долговъ, оставляетъ заведеніе безъ предъявленія доказательствъ въ томъ, что она обращается къ честному заработку, то таковая наравнѣ съ проститутками, живущими внѣ публичныхъ домовъ, подвергается періодическимъ врачебнымъ осмотрамъ, пока ея исправленіе, чрезъ обращеніе къ честному труду, не представится несомнѣннымъ". Этотъ параграфъ не будетъ, конечно, истолкованъ въ томъ смыслѣ, что женщина, задолжавшая хозяйкѣ, избавляется отъ режима предварительнаго испытанія. А если это такъ, то не придется ли съ необходимостью понять упоминаніе въ немъ о долгахъ въ томъ смыслѣ, что только дѣвушка, не имѣющая долговъ хозяйкѣ, оставляетъ заведеніе безъ предъявленія доказательствъ въ томъ, что она обращается къ честному заработку? И такъ какъ предъявленіе доказательствъ, дѣлающихъ обращеніе къ честному труду несомнѣннымъ, проституткѣ, желающей оставить притонъ, доступно развѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, то не оказываются ли ея долги въ сущности, даже и формально—по инструкціямъ комитета, рѣшающими вопросъ о фактической для нея возможности перемѣнить притонъ на честный заработокъ?

Полиція нравственности въ своихъ заботахъ о женщинахъ, живущихъ въ притонахъ, беретъ на себя борьбу и съ другими закрѣпощающими вліяніями дома терпимости. По п. 21 правилъ 29 мая 1844 г., содержательница дома терпимости „удерживаетъ женщинъ своихъ отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ" [1]). Забота рижскаго комитета

---

[1]) Ту же норму, только съ различіемъ въ словахъ—«отъ неумѣреннаго употребленія»..,—мы находимъ и въ положеніи петербургскаго комитета 28 іюля 1861 г. (§ 27 правилъ для содержательницъ).

простирается даже на пріученіе проститутокъ, живущихъ въ поднадзорномъ притонѣ, къ труду: „хозяйка склоняетъ находящихся у нея дѣвушекъ къ занятію ручными работами“ (§ 92). Насколько, однако, эти пожеланія осуществляются въ дѣйствительности, можно судить по заявленію д-ра Штюрмера, что въ Петербургѣ даже на осмотръ „очень много проститутокъ, особенно изъ домовъ терпимости, являются пьяными“ (Простит. въ городахъ, стр. 40). „Публичные дома, замѣчаетъ д-ръ Штюрмеръ въ другомъ мѣстѣ своего сводного доклада, привлекаютъ многихъ, главнымъ образомъ, своимъ разгуломъ и безшабашнымъ пьянствомъ“. „Въ Нижнемъ-Новгородѣ, продолжаетъ онъ, во время ярмарки, во всѣхъ публичныхъ домахъ вино льется рѣкою и мнѣ приходилось въ 1893 году иногда откладывать осмотры проститутокъ того или другого дома, потому что поголовно всѣ тамъ были пьяны и не могли протрезвиться къ утру“ (тамъ-же, стр. 29). О пріученіи къ труду при такихъ условіяхъ можно, кажется, и не говорить...

Парализуя, въ отношеніи къ притону разврата, категорическое велѣніе закона, недопускающее его существованія, и связывая съ функціонированіемъ притона успѣхъ своихъ мѣропріятій, врачебно-полицейскій контроль не въ состояніи противодѣйствовать публичному дому въ томъ, отъ чего зависитъ самая возможность и удача его эксплоатаціи. Полиція нравственности вступила бы въ логическое противорѣчіе со своими основными тенденціями, если бы она, стремясь казернировать каждую павшую женщину въ поднадзорный притонъ, въ то же время къ удержанію, развращенію и обезличенію этихъ женщинъ въ притонѣ стала бы дѣйствительно создавать серьезныя препятствія!

Мы изучили, въ общихъ чертахъ, какъ, разрывая связь женщины съ трудомъ и властно увлекая ее въ публичный притонъ, гдѣ, на почвѣ разгула грубыхъ животныхъ инстинктовъ, у нея безпощадно разрушается сознательная, протестующая личность, исключительный режимъ врачебно-полицейскаго надзора прикрѣпляетъ женщину къ проституціи.

Уже изъ самаго существа надзора, какъ системы закрѣпощенія, явствуетъ его антисоціальный характеръ,—его зло для невладѣющихъ общественныхъ группъ. Это зло должно быть признано особенно серьезнымъ въ виду того обстоятель-

ства, на которое мы и обратимъ сейчасъ ближайшее вниманіе, что мѣропріятія надзора за проституціею принципіально разсчитаны, почти всецѣло, именно на обдѣленные достаткомъ въ экономической борьбѣ элементы общества.

Поскольку наше законодательство допускаетъ принудительный осмотръ и заключеніе въ госпиталь женщины, промышляющей развратомъ, оно издавна и совершенно опредѣленно ограничиваетъ область примѣненія этихъ мѣръ лишь категоріей „бродящихъ, подлыхъ [1]) и подозрительныхъ дѣвокъ“; это явствуетъ изъ ст. 158 устава о пред. и прес. прест., изд. 1890 г., а также и изъ лежащаго исторически въ основаніи этой статьи сенатскаго указа отъ 20 мая 1763 г. (11826): „приказали:... однакожъ въ непотребствѣ обличающихся женщинъ осматривать, и по излеченіи на поселеніе отсылать только такихъ, кои подлыя и бродящія“.

Была ли воспринята эта точка зрѣнія администраціей, можно судить по слѣдующему циркулярному предписанію министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 17 января 1844 г. за № 29: это одно изъ тѣхъ распоряженій, которымъ установлялся современный надзоръ за приституціею въ Россіи. „Само собой разумѣется, что дѣйствію мѣръ, которыя могутъ быть признаны нужными въ этомъ случаѣ, должны быть подвергаемы только лица, которыя, какъ по своему образу жизни, такъ и по званію и другимъ общежительнымъ отношеніямъ, могутъ подлежать онымъ“. (Сводъ узаконеній, вып. 1, прил., стр. 74 и 75).

Этотъ принципъ вошелъ и въ спеціальные регламенты для отдѣльныхъ городовъ. Положимъ, въ нѣкоторые изъ мѣстныхъ регламентовъ онъ введенъ не безъ отступленій. Однако, уже исключительный характеръ такихъ отступленій и неразрывно связанныя съ ними особыя послабленія и гарантіи для женщинъ болѣе или менѣе состоятельныхъ, являются въ сущности подтвержденіемъ этого принципа.

Образцомъ регламента, по которому мѣропріятія полиціи нравственности ограничиваются всецѣло, безъ какихъ либо отступленій, одними лишь невладѣющими слоями населенія,

---

[1]) «Подлый», по В. Далю, означаетъ «..о человѣческомъ сословіи: изъ черни, темнаго, низкаго рода—племени, изъ рабовъ, холоповъ, крѣпостного сословья» (Толковый словарь Великорусскаго языка, т. 3, стр. 168).

могутъ служить правила рижскаго врачебно-полицейскаго комитета. Согласно § 158 этихъ правилъ,—объ открытіи источниковъ сифилитической заразы,—комитетъ, „по полученіи свѣдѣній объ источникѣ заразы,.. входитъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла и, если имѣются достаточные къ тому поводы, вызываетъ къ себѣ указанное лицо“, только въ томъ случаѣ, „если оно принадлежитъ къ низшимъ классамъ населенія т. е. къ числу ремесленниковъ, служителей, рабочихъ, работницъ и т. п.“

Въ другихъ регламентахъ интересующій насъ моментъ проводится съ нѣкоторыми отступленіями. Такъ, по медико-полицейскимъ правиламъ г. Варшавы, § 10 п. 7, освидѣтельствованію („ревизіи“) „должны быть подвергаемы.. всѣ праздношатающіяся, не имѣющія вѣрнаго способа къ жизни, женщины моложе 50 лѣтъ, хотя бы онѣ были и беременны“. Что же касается женщинъ, которыя, „снискивая себѣ пропитаніе приличными трудами, или службою, вмѣстѣ съ тѣмъ, проводятъ жизнь „распутно“, то онѣ подчиняются надзору лишь если „по доброй волѣ пожелаютъ сами подвергаться ревизіи“ (§ 10 п. 4). Та же черта проявляется ярко и въ позднѣйшей инструкціи для смотрителя варшавскаго полицейскаго ареста „относительно осмотра половыхъ органовъ женщинъ, содержащихся въ арестѣ“. § 5 опредѣляетъ подвергать освидѣтельствованію, по порученію смотрителя врачу, женщинъ, арестованныхъ за бродяжничество, пьянство, воровство, развратъ, найденныхъ спящими на улицахъ или замѣченныхъ въ подозрительныхъ мѣстахъ, работницъ или служанокъ безъ службы, также (?) состоящихъ въ контролѣ Врачебно-Полицейскаго Комитета“. Предполагая, что подъ арестомъ могутъ оказаться женщины не одного только низшаго класса, авторъ инструкціи спѣшитъ предупредить о томъ, что „задержанныя женщины средняго класса по дѣламъ, не касающимся ихъ дурной нравственности, не осматриваются“ (§ 10) и „въ исключительныхъ случаяхъ, если будетъ задержана женщина средняго класса, не подлежащая, согласно инструкціи, осмотру, но наводящая подозрѣніе и дающая поводъ сомнѣваться въ ея здоровьи, смотритель (властный самъ рѣшать вопросъ объ осмотрѣ женщинъ низшаго класса!) представляетъ Оберъ-Полиціймейстеру на его усмотрѣніе“ (§ 18). Правда, и въ средѣ, не поднявшейся до уровня средняго

класса, „женщины, задержанныя за маловажные проступки, не подающія повода подозрѣвать ихъ въ дурной нравственности, а также и по наружному виду не вселяющія этого подозрѣніе“, также не осматриваются (§ 8). Но достаточно, кажется, оцѣнить по достоинству административное значеніе одного лишь условія располагающей наружности, чтобы не упустить изъ виду различія въ положеніи передъ угрозой врачебно-полицейскаго осмотра женщины низшаго и средняго класса...

Устанавливая гарантіи для женщинъ средняго класса на случай, если, оказавшись почему либо подъ арестомъ, онѣ столкнутся съ опасностью предоставить свое тѣло осмотру, варшавскія инструкціи, однако, отнюдь не ставятъ розыска проститутокъ среди нихъ задачей сыскной агентуры врачебно-полицейскаго надзора. Напротивъ, по силѣ § 4 инструкціи для участковыхъ приставовъ варшавской полиціи, относительно наблюденія за проституціею, названный приставъ „приказываетъ доставлять въ дни осмотра въ участкѣ женщинъ простого класса, которыя хотя и не внесены въ списки, но ничѣмъ не занимаются, пьянствуютъ и ведутъ предосудительный образъ жизни“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, старшій околоточный надзиратель варшавской полиціи, по § 7 особой инструкціи относительно наблюденія за проституціею и задерживанія подозрительныхъ женщинъ на улицахъ, доставляетъ въ участокъ для осмотра „женщинъ самаго простого класса, проживающихъ въ околоткѣ, кои не имѣютъ занятій, пьянствуютъ и ведутъ дурную жизнь“. Принадлежность къ невладѣющимъ группамъ общества, какъ условіе сыска и подчиненія женщины надзору, остается красною нитью варшавскихъ инструкцій: по той же инструкціи для старшихъ околоточныхъ надзирателей, § 1, женщины, проживающія въ околоткѣ, „навлекаютъ на себя подозрѣніе въ развратной жизни“ тѣмъ, что онѣ „не имѣютъ опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни, живутъ однѣ, что квартиры ихъ часто посѣщаются разными мущинами, что сами онѣ возвращаются домой поздно или иногда не ночуютъ дома и что въ квартирахъ ихъ бываетъ шумъ или какое либо сборище“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по § 4, околоточный надзиратель „въ случаяхъ подозрѣнія служанокъ въ дурной нравственности, старается повѣрить, сколь возможно, справедливость этого и докладываетъ при-

ставу". По циркулярному предписанію варшавскаго оберъ-полицеймейстера отъ 8 августа 1885 г. за № 71612, участковымъ приставамъ предложено обратить строжайшее вниманіе на этотъ параграфъ инструкціи, „съ предвареніемъ при этомъ, что всѣ случаи заболѣванія венерическою болѣзнью служанокъ, которыя будутъ непосредственно доходить до свѣдѣнія пристава Врачебно-Полицейскаго Комитета, послужатъ для Оберъ-Полицеймейстера, съ одной стороны, доказательствомъ плохой служебной дѣятельности старшихъ околоточныхъ надзирателей, а съ другой—доказательствомъ не надлежащаго за ними надзора участковыхъ приставовъ"... Помощники пристава врачебно-полицейскаго комитета, согласно § 6 данной имъ инструкціи, „слѣдятъ, самымъ осторожнымъ и негласнымъ образомъ, за поведеніемъ женщинъ, состоящихъ въ секретномъ контролѣ, а также ничѣмъ не занимающихся и не имѣющихъ собственныхъ средствъ къ содержанію себя, и о всякой, замѣченной въ дурномъ поведеніи, доносятъ приставу". Вмѣстѣ съ тѣмъ, они „строго и постоянно слѣдятъ за тайными притонами разврата и поведеніемъ женской прислуги въ кофейняхъ, баваріяхъ, шинкахъ, дистрибуціяхъ и т. п., а также за швеями и занимающимися на различныхъ фабрикахъ, и о всемъ замѣченномъ докладываютъ приставу". (§ 7). Приставъ комитета, по данной ему инструкціи, § 27, представляетъ оберъ-полицеймейстеру, для записанія въ контроль и снабженія ревизіонными книжками, „о женщинахъ, неимѣющихъ никакихъ занятій и средствъ къ жизни, ведущихъ разгульную жизнь, часто встрѣчаемыхъ на улицахъ и въ подозрительныхъ мѣстахъ, а также заболѣвшихъ сифилисомъ".

Моментъ классового разграниченія, выясненный нами на правилахъ варшавскаго надзора, не менѣе отчетливо проявляется и въ Высочайше одобренномъ проектѣ учрежденія въ Кронштадтѣ комиссіи для разбора бродячихъ женщинъ: „Собственный кругъ дѣйствій Комиссіи—простой народъ; къ лицамъ благороднаго сословія они могутъ быть обращены только въ случаяхъ—ясной и несомнѣнной улики на счетъ распространенія венерической болѣзни женщинами сказаннаго сословія"... (§ 7).

По „Инструкціи Врачебно-Полицейскому Комитету въ Петербургѣ и полиціи для надзора за бродячими женщинами

развратнаго поведенія", 28 іюля 1861 г., § 2, „этого рода женщины раздѣляются на два класса: къ первому принадлежатъ самаго низшаго разбора женщины, кои большею частью не имѣютъ постояннаго пристанища, а бродяжничаютъ по кабакамъ, харчевнямъ и другимъ подобнымъ мѣстамъ и сообщаютъ заразу преимущественно солдатамъ и простолюдинамъ; другой же классъ составляютъ женщины, занимающіяся развратомъ съ людьми разныхъ сословій въ тайныхъ притонахъ, содержимыхъ особыми хозяйками, или же живущія на собственныхъ своихъ квартирахъ, куда принимаютъ для непотребства посѣтителей". Облава,—общій сборъ для осмотра полицейскимъ обходомъ, наиболѣе грубая форма привлеченія къ надзору, разсчитана на женщинъ „низшаго разбора": „какъ принадлежащія къ низшему разбору бродячія распутныя женщины сосредоточиваются болѣе въ питейныхъ домахъ, харчевняхъ, портерныхъ лавкахъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ, состоящихъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ мѣстной полиціи, то Комитетъ каждый разъ относится къ приставу исполнительныхъ дѣлъ о сборѣ въ извѣстное время, не менѣе одного раза въ недѣлю, изъ сказанныхъ заведеній и другихъ мѣстъ, посредствомъ полицейскихъ чиновъ и мѣстныхъ участковыхъ смотрителей Комитета, бродячихъ непотребныхъ женщинъ"... (§ 6).

Проходя, такимъ образомъ, красною нитью черезъ рядъ мѣстныхъ регламентовъ, моментъ классового разграниченія строго соблюдается и практикой полиціи нравственности. Въ сводномъ докладѣ съѣзду 1897 г. д-ръ Штюрмеръ заявляетъ, что „въ Петербургѣ и Варшавѣ... есть изрядное число одиночекъ средняго и высшаго разряда". Однако онъ тотчасъ замѣчаетъ, что эти женщины оказались подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ вовсе не потому, что на ихъ подчиненіе были направлены особыя усилія комитета: „по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, почти всѣ онѣ явились въ комитетъ добровольно, желая такимъ путемъ обезпечить себя отъ непріятностей. Многія изъ этихъ женщинъ такъ скрыто ведутъ свои дѣла, что даже агенты Комитета не могутъ выслѣдить, что заставило ихъ подчиниться" (Прост. въ городахъ, стр. 36, ср. стр. 9). Это явленіе, объяснимое, въ извѣстной степени, примѣненіемъ къ одиночной проституціи Петербурга и Варшавы смягченныхъ формъ секретнаго надзора (безъ отобра-

нія документовъ), очевиднымъ характеромъ своей исключительности рѣзко оттѣняетъ руководящія тенденціи практики. Для характеристики послѣднихъ позволимъ себѣ обратиться за свѣдѣніями, прежде всего, къ инспектору врачебно-полицейскаго комитета въ Петербургѣ, къ д-ру Ѳедорову. Въ своемъ „Описаніи дѣятельности" названнаго комитета, представленномъ въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г., почтенный врачъ сообщаетъ слѣдующее.

«Подчиняется надзору Комитета въ годъ отъ 600 до 800 женщинъ. Женщины эти преимущественно принадлежатъ къ низшему классу, которыя, въ силу неблагопріятно сложившихся для нихъ обстоятельствъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ, рѣшились на промыселъ разврата. Привлеченіе къ надзору интеллигентныхъ и состоятельныхъ проститутокъ, которыя живутъ при хорошей обстановкѣ, комитету не по средствамъ. Лица эти занимаютъ уже квартиру, имѣютъ средства постоянно посѣщать театры, клубы или циркъ, никакого знакомства съ поднадзорными женщинами не ведутъ, а потому уличить ихъ въ промыслѣ разврата крайне трудно».

«Стоитъ только, пишетъ по этому поводу д-ръ Обозненко (Поднадз. простит., стр. 41), пройтись лѣтомъ по садамъ, зимою по увеселительнымъ заведеніямъ столицы, и Вы будете поражены массою женщинъ открыто торгующихъ собою—все это, именно, ремесленницы, хористки, балерины, продавщицы и т. д., и т. д. Напрасно-бы было искать ихъ въ спискахъ В. П. Комитета—ихъ тамъ нѣтъ, онѣ далеко не часто попадаютъ туда и то только въ крайности или случайно. Почему это?—Причина проста. Подчинить надзору такую женщину не легко, по комиссіи (*путемъ забора обходомъ*) ее не доставишь въ Комитетъ,—вѣдь она не ночуетъ въ ночлежныхъ домахъ, не бываетъ въ плохихъ трактирахъ, не ходитъ ночью на улицахъ, у нея есть мѣстожительство и занятіе,—ее нужно выслѣдить, доказать, что она занимается развратомъ, уличить ее, а смотритель Комитета, заваленный другими дѣлами, не имѣетъ на это ни времени, ни охоты. Если даже представляется ему случай уличить женщину, то какъ устоять отъ искушенія покончить дѣло миромъ къ общему удовольствію? Вѣдь онъ получаетъ весьма скромное жалованье и къ тому-же увѣренъ въ полной безнаказанности!»

Съ фактомъ, констатируемымъ д-ромъ Ѳедоровымъ для Петербурга, приходится считаться и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, по сводным данным д-ра Штюрмера, одиночная проституція Москвы состоитъ „почти исключительно" изъ женщинъ „низшаго разряда". Въ Харьковѣ, по части розыска тайныхъ проститутокъ, „довольствуются заборомъ

пролетаріата“ (Прост. въ городахъ, стр. 36). Въ Смоленскѣ, по представленному въ медицинскій департаментъ отчету мѣстнаго городового врача, „мало мальски состоятельная женщина не попадетъ въ кутузку, и ее административные агенты не привлекутъ къ осмотрамъ“. Какъ видно изъ отчета объ осмотрахъ проститутокъ на Нижегородской ярмаркѣ М. М. Холевинской (Врачъ, 1895 № 17, стр. 471 и 472), всѣ женщины, торгующія собою на Самокатахъ, гдѣ ютится бѣднота и поддонки,—всѣ безъ исключенія,—осматриваются на смотровомъ пунктѣ. Напротивъ, въ Кунавинѣ, гдѣ процвѣтаютъ т. наз. семейные хоры и гдѣ живетъ аристократія проституціи, явленія правильности и всеобщности надзора отнюдь не наблюдаются. „Невольно задаешь себѣ вопросъ, замѣчаетъ по этому поводу г-жа Холевинская, qui, diable, trompe-t-on ici? Когда наталкиваешься на такіе „faits contraires“, какъ на строгое упорядоченіе и неукоснительные осмотры самокатскихъ женщинъ, съ одной стороны, и покровительство, съ другой, женщинамъ того же самаго сорта, то приходишь въ недоумѣніе: почему же такая разница въ отношеніи этихъ лицъ?“ Это явленіе оказывается настолько повсемѣстнымъ, что д-ръ Штюрмеръ находитъ возможнымъ слѣдующимъ образомъ обобщить данныя представленныхъ къ съѣзду отчетовъ. „Вездѣ, можно сказать, попадаютъ подъ надзоръ проститутки менѣе состоятельныя. Агенты недостаточно искусны, а притомъ не имѣютъ порою возможности уличить проститутку высшаго полета. Необходимо для этого много такта, иначе можно сильно поплатиться. Кромѣ того, проститутки этого рода всегда найдутъ защитниковъ, готовыхъ ихъ выручить, а въ крайнемъ случаѣ взять на поруки. Во всѣхъ городахъ преобладаютъ проститутки низшаго разряда. Чѣмъ хуже надзоръ, тѣмъ меньше болѣе зажиточныхъ и интеллигентныхъ проститутокъ. Полиція, не желая задавать себѣ лишняго труда и наживать непріятностей, ограничивается только заборомъ захудалыхъ и бродячихъ женщинъ“ (Прост. въ гор., стр. 36).

Соціальное иго исключительнаго режима врачебно-полицейскаго контроля выступаетъ еще опредѣленнѣе въ виду того обстоятельства, что самыя условія и порядокъ подчиненія надзору не гарантируютъ неимущей женщины, какова бы ни была ея нравственность, отъ прикрѣпленія къ проституціи.

Для характеристики условій подчиненія контролю умѣстно остановить вниманіе на нѣкоторыхъ изъ поводовъ привлеченія къ надзору, которые мы находимъ въ мѣстныхъ регламентахъ.

Читатель помнитъ то правило варшавской инструкціи, гдѣ рѣчь идетъ объ освидѣтельствованіи работницъ и служанокъ безъ службы, не только оказавшихся совсѣмъ безъ крова, но даже и „замѣченныхъ въ подозрительныхъ мѣстахъ". Согласно правиламъ особыхъ инструкцій для дозорцевъ комитета, § 4 лит. г, и для старшихъ околоточныхъ надзирателей варшавской полиціи, § 8 лит. г, къ подозрительнымъ мѣстамъ Варшавы должно отнести не только парки, сады, берегъ Вислы, пустопорожнія и другія глухія мѣста, но и, вообще, „окраины города". Околоточнымъ надзирателямъ и спеціальнымъ агентамъ комитета предписывается женщинъ, „шляющихся ночью, поздно вечеромъ или рано утромъ" въ этихъ мѣстахъ, задерживать всякій разъ, „если онѣ не представятъ уважительныхъ, могущихъ безотлагательно быть повѣренными, причинъ своего тамъ нахожденія" (тамъ же, лит. д). Надо ли говорить, что подобныя правила являются постоянною угрозой женскому пролетаріату, ютящемуся на окраинахъ города: не говоря уже о періодахъ безработицы, стачекъ, въ любой праздничный день женщина-работница рискуетъ оказаться заарестованной и подвергнутой позору осмотра въ полицейскомъ участкѣ, хотя бы она отнюдь не была уличена въ проституціи.

При этомъ, врядъ ли рѣшатся, въ виду § 8 инструкціи для смотрителя варшавскаго полицейскаго ареста, злоупотребляя ссылкою на тенденціи уголовно-антропологической школы, утверждать, что „наружный видъ" безработной женщины въ состояніи доставить полицейскому агенту сколько-нибудь надежный критерій въ различеніи симптомовъ нужды и порочности! Возможность перемѣшать эти симптомы становится тѣмъ болѣе значительной, что оцѣнка ихъ, въ виду правила о поручительствѣ, переносится въ извѣстной степени съ агентовъ полиціи на самихъ нанимателей женщины—работницы...

Установляя поводы привлеченія къ надзору, регламенты не ограничиваются оставленіемъ подъ подозрѣніемъ мѣста, гдѣ обитаетъ неимущая женщина, ея наружности. По прави-

ламъ рижскаго врачебно-полицейскаго комитета „о женщинахъ подозрительныхъ“, § 143, „усмотрѣнію Комитета предоставляется опредѣлить: кого именно слѣдуетъ считать подозрительнымъ; во всякомъ случаѣ къ этой категоріи принадлежатъ всѣ извѣстныя полиціи или Комитету лица, состоящія на содержаніи и живущія въ гражданскомъ бракѣ и конкубинатѣ“. Превращая освидѣтельствованіе въ особую карательную санкцію ст. 994 уложенія о наказаніяхъ, § 146 добавляетъ: „Когда подозрѣніе въ занятіи проституціею обратится въ убѣжденіе, то Комитетъ по первому разу даетъ женщинѣ предостереженіе, а по второму разу подвергаетъ ее въ видѣ наказанія врачебному осмотру“.

Помимо этихъ и другихъ подобныхъ условій, гдѣ основаніемъ подозрѣнія являются, такъ или иначе, объективные факты, для привлеченія женщины къ врачебно-полицейскому осмотру иной разъ достаточно простого указанія на сомнительное поведеніе женщины со стороны частнаго лица. Для характеристики подобныхъ случаевъ мы ограничимся ссылкой на § 4 лит. к инструкціи для дозорцевъ варшавскаго комитета и на § 8 лит. к инструкціи для старшихъ околоточныхъ надзирателей варшавской полиціи: названные органы „могутъ задерживать женщинъ, по заявленію мужчинъ, что таковыя не даютъ имъ прохода“. Не безъинтересно, что стараясь, при этомъ, „сколь возможно осторожнѣе, повѣрить справедливость заявленія“, дозорцы комитета, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, должны „всѣми мѣрами избѣгать задерживанія женщинъ въ публичныхъ мѣстахъ и при стеченіи публики; въ случаѣ же необходимости, совершать таковое самымъ незамѣтнымъ образомъ, придавая, сколь возможно, благовидный предлогъ задержанію и поступая приэтомъ съ должною осмотрительностью и вѣжливостью“ (§ 5 инструкціи для дозорцевъ комитета).

При такомъ характерѣ нормъ регламентовъ, практикѣ полиціи нравственности по привлеченію женщинъ къ надзору открывается широкій просторъ. Слѣдующая поучительная страница изъ диссертаціи д-ра П. Е. Обозненко раскрываетъ ея тенденціи.

«На основаніи закона (?—*инструкціи*), вмѣняющаго въ обязанность В. П. Комитетамъ надзоръ за бродячими женщинами, отъ времени до времени устраиваются ночные обходы, облавы по извѣстнымъ полиціи ночлежнымъ домамъ, грязнымъ, тѣснымъ угловымъ квартирамъ низшаго разряда

и другимъ, подобнымъ же притонамъ столицы, гдѣ ютится самая крайняя нищета, а вмѣстѣ съ нею порокъ и преступленіе. Всѣ женщины, встрѣченныя при такомъ обходѣ (на улицѣ или въ притонахъ), которыя не могутъ указать своего мѣстожительства и опредѣленныхъ занятій или же предъявить бланку В. П. Комитета, удостовѣряющую ихъ явки къ медицинскимъ осмотрамъ—считаются бродячими женщинами, забираются обходомъ и доставляются въ участокъ подъ именемъ женщинъ, взятыхъ по комиссіи (комиссіонныхъ).

Этотъ съ каждымъ годомъ все увеличивающійся, довольно многочисленный классъ комиссныхъ женщинъ стоитъ на границѣ между низшимъ, рабочимъ населеніемъ столицы и поднадзорною проституціею. Здѣсь сходятся и начало и конецъ проституцій.—Сюда въ концѣ концовъ, попадаютъ старыя, утратившія всѣ свои прелести проститутки, зараженныя сифилисомъ (въ гуммозномъ періодѣ), пропитанныя алкоголемъ, доживающія свою бурную жизнь на жалкіе гроши, выручаемые продажею своего дряхлаго тѣла; сюда ежегодно приливаютъ массы крестьянскихъ женщинъ и дѣвушекъ, пришедшихъ въ столицу искать заработковъ, истратившія свои скудные запасы, не нашедшія мѣста и впавшія въ крайнюю нужду; здѣсь есть не мало и дѣвочекъ—подростковъ, частью сопровождающихъ своихъ матерей, частью сбѣжавшихъ отъ звѣрскаго обращенія разныхъ мастеровъ и мастерицъ, которымъ были отданы для обученія ремеслу; наконецъ, изрѣдка попадаются тутъ и представительницы лучшаго общества, нѣкогда богатыя и знавшія лучшіе дни—на нихъ, именно, чаще всего приходится наблюдать ужасную картину самаго крайняго паденія, до котораго только можетъ дойти человѣкъ. Несчастье и порокъ здѣсь такъ похожи другъ на друга, такъ близко сошлись между собою, такъ тѣсно смѣшались, что нѣтъ возможности съ перваго взгляда различить одно отъ другого. Впрочемъ, городовой не имѣетъ ни времени, ни желанія размышлять—онъ рѣшаетъ дѣло быстро и... безапеляціонно: женщина, взятая имъ на улицѣ, въ угловой квартирѣ или въ ночлежномъ домѣ считается проституткой, съ ней поступаютъ какъ съ развратною женщиною, хотя бы, кромѣ неимѣнія опредѣленнаго мѣстожительства и занятій, не было ни единаго намека на то, что она промышляетъ развратомъ (Поднадз. прост., стр. 32—33).

Насколько вліятельна эта точка зрѣнія низшаго полицейскаго агента, можно судить по заявленію, которое дѣлаетъ, на основаніи представленныхъ къ съѣзду 1897 г. врачебныхъ отчетовъ, въ своемъ сводномъ докладѣ д-ръ Штюрмеръ: „другихъ женщинъ, кромѣ бродячихъ проститутокъ, тамъ (*въ угловыхъ квартирахъ*) совсѣмъ не встрѣчается“... (Прост. въ гор., стр. 35).

Однако, замѣтятъ намъ, какъ ни обще формулированы поводы привлеченія женщины къ надзору, какъ ни ярко выра-

жены тенденціи практики къ отождествленію проститутки со всякою неимущею женщиною, все же послѣдняя гарантирована отъ неосновательнаго подчиненія: вѣдь женщина только при томъ условіи можетъ быть занесена въ списки проститутокъ, если она сама изъявитъ на такое зачисленіе свое согласіе. Ручательствомъ въ этомъ служитъ слѣдующее разъясненіе общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената, отъ 3 февраля 1892 г. № 7, воспослѣдовавшее на запросъ министра юстиціи, въ порядкѣ ст. 259 учр. суд. уст., о предѣлахъ власти суда при примѣненіи ст. 44 устава о наказаніяхъ.

«Зачисленіе въ разрядъ публичныхъ женщинъ и подчиненіе установленнымъ правиламъ надзора можетъ послѣдовать или по желанію самой женщины, въ силу ея добровольнаго о томъ ходатайства, или же по указанію Комитета или иной власти, на которую возложенъ надзоръ,—указанію, основанному на собранныхъ установленнымъ порядкомъ и тщательно провѣренныхъ свѣдѣніяхъ о занятіи развратомъ данной женщины. Во всякомъ случаѣ, такое подчиненіе должно быть выражено подпискою женщины о ея согласіи подчиниться надзору, подпискою, выданною ею самою, или, за ея неграмотностью, лицемъ, ею на то уполномоченнымъ. Женщина же, хотя и признаваемая подлежащею властью промышляющею развратомъ, но не подчинившаяся, не смотря на предъявленное ей о томъ требованіе, надзору, является тайною проституткою и можетъ быть привлекаема по ст. 44 не за неисполненіе правилъ надзора, а за тайный развратъ. Требованіе же, предъявленное къ такимъ, неподчинившимся надзору, женщинамъ, объ исполненіи ими правилъ, установленныхъ для публичныхъ женщинъ, не можетъ почитаться законнымъ, а буде таковое, оказавшееся по существу невѣрнымъ, требованіе сопровождалось огласкою, пятнающею незаслуженно доброе имя и честь женщины, или въ особенности какими-либо принудительными мѣрами,—напримѣръ, насильственнымъ приводомъ для освидѣтельствованія, то это обстоятельство можетъ послужить основаніемъ и для привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности» [1]).

---

[1]) Это разъясненіе сената опредѣленно отразилось на «Проектѣ» обязат. постан. пермской думы, одобр. мед. совѣтомъ 6 мая 1894 г.: § 4, «Зачисленіе въ разрядъ публичныхъ женщинъ и подчиненіе ихъ установленнымъ правиламъ надзора можетъ послѣдовать не иначе, какъ по постановленію Комитета: а) по желанію самой женщины, или б) на основаніи собранныхъ полиціею или Комитетомъ и тщательно провѣренныхъ этимъ послѣднимъ свѣдѣній о занятіи распутствомъ данной женщины». § 5: «Женщины, признанныя Комитетомъ занимающамися распутствомъ какъ промысломъ, но не

Практика полиціи нравовъ находитъ, тѣмъ не менѣе, способъ, сохраняя видимость этой гарантіи, погасить ея сущность. Отмѣчая принципъ подчиненія женщины надзору не иначе, какъ съ ея согласія, д-ръ Штюрмеръ не затрудняется на основаніи представленныхъ къ съѣзду 1897 г. врачебно-полицейскихъ отчетовъ констатировать фактъ, что „это постановленіе соблюдается далеко не всегда“ (Прост. въ гор., стр. 16). Въ „Сводѣ постановленій“ министерской комиссіи, опубликованномъ въ оффиціальномъ отдѣлѣ органа медицинскаго департамента за мартъ 1901 г. (стр. 44), мы находимъ не только авторитетное признаніе, но и объясненіе этого факта.

„Привлеченіе женщинъ къ надзору не обставлено достаточными гарантіями, исключающими возможность произвола. Согласно разъясненію Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ отъ 3 февраля 1892 г. допускается только добровольное подчиненіе женщины, выраженное подпискою ея, но при настоящихъ порядкахъ такое якобы добровольное согласіе на подчиненіе дается женщинами нерѣдко вслѣдствіе непониманія, чего въ сущности отъ нея требуютъ, или въ силу принужденія“.

Правда, почтенный инспекторъ петербургскаго комитета д-ръ Ѳедоровъ, съ своей стороны, замѣчаетъ: „Какъ скоро женщина явилась въ Комитетъ, выслѣжена ли она была агентомъ или явилась сама съ просьбой о выдачѣ ей бланка, ее не отговорите, не соблазните никакимъ выгоднымъ мѣстомъ честнаго труда; вы получаете въ этомъ случаѣ такіе отзывы: „видно судьба такая, такъ надумала, рѣшила, хочу испытать эту жизнь, а ужъ вы, пожалуйста, выдайте бланку“ (В. О. Г., янв. 1892, стр. 41).

Мы позволимъ себѣ выписать, однако, здѣсь еще одну страницу изъ диссертаціи д-ра Обозненко, гдѣ иначе рисует-

---

желающія подчиниться надзору, не смотря на предъявленное имъ о томъ требованіе, привлекаются къ отвѣтственности по 44 ст. Устава о наказаніяхъ за тайный развратъ». Ср. обяз. пост. минской думы, разсмотр. мед. совѣтомъ 6 ноября 1891 г., § 4: «Въ число проститутокъ записываются женщины или а) по собственному желанію, или б) на основаніи свѣдѣній, добытыхъ отдѣльно полиціей или совмѣстно съ Санитарнымъ Комитетомъ, причемъ записываемая немедленно подлежитъ санитарному надзору».

ся подавляющая своею реальностью картина „добровольнаго“ подчиненія надзору безработной женщины въ Петербургѣ. Авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на тѣхъ изъ женщинъ, забранныхъ обходомъ, „которыя попадаютъ въ разрядъ комиссіонныхъ женщинъ въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ—потери, ненахожденія мѣста или же въ силу легкомыслія и незнанія жизни (дѣти), изъ которыхъ, именно, и комплектуется составъ поднадзорной проституціи“ (Подн. прост., стр. 34).

«Со страхомъ и любопытствомъ всматривается на другой день арестованная женщина, уже узнавшая отъ подругъ по несчастью,—куда и зачѣмъ ее привели въ окружающую обстановку. Передъ нею проходятъ безконечныя толпы сытыхъ, веселыхъ, нарядныхъ женщинъ. Какими счастливыми и довольными онѣ выглядятъ! Какъ шумно и развязно онѣ ведутъ себя! Съ какимъ почтеніемъ относятся къ нимъ городовые и низшіе полицейскіе служители, получающіе отъ нихъ подачки! Нѣтъ и слѣда того презрѣнія, насмѣшекъ, которыя бы встрѣтила такая продажная женщина въ ея родной деревнѣ! «Всѣ онѣ были такими, какъ ты»,—шепчетъ ей опытная подруга по несчастью,—«и ты сама, хоть сейчасъ, можешь сдѣлаться такою, какъ онѣ». Содержательницы домовъ терпимости, уже замѣтившія въ толпѣ комиссныхъ подходящій «товаръ», обращаются къ ней съ заманчивыми предложеніями: «Подчинись Комитету, я сейчасъ же возьму тебя, одѣну, дамъ полное содержаніе». Вотъ онѣ мои, посмотри—какъ онѣ одѣты, спроси,—какъ имъ живется у меня»! И въ душѣ несчастной женщины начинается жестокая борьба: послѣ нищеты, грязныхъ, вонючихъ трущобныхъ угловъ—все окружающее кажется ей роскошью, перспектива легкой, веселой, обезпеченной жизни отуманиваетъ ея мозгъ, неудержимо влечетъ къ себѣ и тутъ же, наряду съ этимъ, встаютъ вѣковыя традиціи нравственности, стыдъ, все отвращеніе, воспитанное съ дѣтства, къ позорному промыслу проститутки, воспоминаніе о далекой, брошенной на родинѣ семьѣ, которая погорюетъ о ея паденіи и отвернется отъ нея съ презрѣніемъ и отвращеніемъ. «Нѣтъ, не желаю»!—отвѣчаетъ она содержательницѣ дома терпимости; такой же отвѣтъ даетъ она и полицейскому чиновнику, который послѣ долгихъ, непонятныхъ ей уговоровъ и разъясненій предлагаетъ подчиниться Комитету. И опять начинается голодная жизнь, безплодные поиски мѣста, скитанія по трущобнымъ угламъ столицы. Черезъ нѣсколько дней—опять ночной арестъ и повтореніе только что описанной исторіи. «Вотъ видите! Вы не нашли мѣста, Васъ опять привели сюда,—говоритъ женщинѣ полицейскій чиновникъ. «Совѣтую Вамъ подчиниться надзору! «Поймите, что Вы ничего отъ этого не потеряете, наоборотъ, только выиграете: Вы получите право вездѣ ходить, ночевать, гдѣ Вамъ вздумается, Васъ не будутъ забирать обходы, вся Ваша обязанность будетъ заключаться въ томъ, чтобы

одинъ разъ въ недѣлю, когда Вамъ удобнѣе, являться сюда къ медицинскому осмотру». «Подчинитесь надзору»! Какъ просто звучатъ эти слова и какъ трудно несчастной женщинѣ рѣшиться на такой роковой шагъ.

Между тѣмъ аресты неуклонно слѣдуютъ другъ за другомъ; обстановка Комитета съ его врачебными осмотрами, толпою проститутокъ уже не производятъ на женщину никакого впечатлѣнія—она присмотрѣлась къ нимъ, привыкла; даже предложенія подчиниться Комитету—болѣе не возмущаютъ ее; нужда достигла крайней степени, ослабила волю, притупила остроту чувствъ, сдѣлала ее равнодушной къ окружающему. Душою все болѣе и болѣе овладѣваетъ отчаяніе. А мѣста все нѣтъ и нѣтъ и шансы на полученіе его уменьшаются съ каждымъ днемъ: одежда пришла въ ветхость, превратилась въ грязныя лохмотья, отъ обуви осталось одно воспоминаніе, лицо вспухло отъ холода и голода и приняло синевато-багровый оттѣнокъ, какъ у привычныхъ пьяницъ, тѣло покрылось расчесами и язвами отъ укусовъ милліоновъ насѣкомыхъ. Что дѣлать? Ѣхать на родину—нѣтъ денегъ, да и тамъ та-же нужда, которой она хотѣла помочь, голодная семья, отъ которой она взяла послѣднія крохи, отправляясь сюда! Сколько жалобъ, упрековъ, а можетъ быть, и побоевъ ожидаютъ ее тамъ! Нѣтъ, ни за что! «Подчинитесь надзору»!—въ 12-й—15-й разъ говоритъ ей полицейскій чиновникъ. «Неужели Вы и теперь надѣетесь еще найти мѣсто? Посмотрите на себя—въ какомъ Вы видѣ! Кто Васъ приметъ такою»?! Несчастная женщина чувствуетъ всю горькую правду этихъ словъ, она уже примирилась съ мыслью о надзорѣ, съ неизбѣжностью его... Въ душѣ она считаетъ себя честною женщиною, она еще не торговала собою, не отдавала себя первому встрѣчному за деньги. Какая польза въ этомъ? Вѣдь всѣ, рѣшительно всѣ считаютъ ее за проститутку—ее приводятъ сюда на ряду съ завѣдомыми развратными женщинами, подвергаютъ вмѣстѣ съ ними медицинскому осмотру и, если бы она оказалась больною, ее пошлютъ въ ту-же больницу, куда отправляютъ и проститутокъ. «Я согласна подчиниться»... и женщина вносится въ списки, а въ графѣ причинъ, побудившихъ ее заниматься проституціею, значится:—«нужда» или «по собственному желанію». (Поднадз. прост., стр. 34—36).

По наблюденіямъ д-ра Обозненко, проволочки такого порядка „добровольнаго“ подчиненія надзору иногда значительно сокращаются. Такъ, при просрочкѣ или въ случаѣ потери паспорта женщинѣ, пришедшей въ столицу на заработки, приходится выбирать между добровольнымъ подчиненіемъ надзора или возвращеніемъ по этапу на родину: „Въ случаѣ подчиненія вся забота о перемѣнѣ паспорта переходитъ къ Комитету, въ случаѣ же несогласія подчиниться—предстоитъ немедленная высылка“... (тамъ же, стр. 37). Съ другой сторо-

ны, „часто женщинъ, взятыхъ по комиссіи, не подчинившихся надзору, отправляютъ въ больницу для проститутокъ (Калинкинскую), если у нихъ находятъ... простые расчесы (phtyriasis), или опрѣлости половыхъ частей (intertrigo), или даже просто обиліе насѣкомыхъ (pediculosis)". „Для женщины, попавшей въ больницу, временные, такъ сказать, мимолетные соблазны Комитета—превращаются, вслѣдствіе тѣснаго общенія съ проститутками, въ постоянное искушеніе и насколько оно дѣйствуетъ успѣшно, знаетъ каждый служащій въ больницѣ. Достаточно одинъ разъ побывать тамъ дѣвушкѣ, взятой по комиссіи, и она очень скоро возвращается туда опять, но уже въ качествѣ подчинившейся Комитету проститутки" (тамъ же, стр. 37 и 38).

Значительное содѣйствіе въ процессѣ „добровольнаго" подчиненія женщины надзору оказываютъ содержательницы притоновъ. Изъ отчета проф. Поспѣлова о дѣятельности санитарнаго бюро въ Москвѣ за 1891 г. видно, что хозяйка дома терпимости или экономка, подъ конвоемъ которыхъ являются, вмѣстѣ съ прочими проститутками притоновъ, и вновь поступающія въ домъ терпимости женщины, не только присутствуютъ при такихъ опросахъ вновь поступающихъ, гдѣ рѣчь идетъ о причинахъ и о добровольности поступленія, не только подсказываютъ эксплоатируемой дѣвушкѣ нужные отвѣты, но даже, спѣша сами отвѣтить прежде, чѣмъ выскажется смущенная, испуганная женщина, замѣняютъ ее въ такомъ актѣ рѣшимости, гдѣ бы, казалось, отъ ихъ воздѣйствія купленная ими дѣвушка должна была наиболѣе изолироваться. „...При записи, замѣчаетъ проф. Поспѣловъ по поводу комплектованія состава московскихъ притоновъ женщинами изъ провинціальныхъ публичныхъ домовъ, вновь поступающей проститутки, когда пунктовой врачъ опрашиваетъ поступающую: добровольно ли она поступаетъ? то на этотъ вопросъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ содержательницы спѣшатъ отвѣтить, что „она, господинъ докторъ, уже была въ домѣ терпимости" (Отчетъ о дѣят. моск. гор. управы за 1891 г., отд. подъ лит. и, стр. 43).

Въ другихъ городахъ „добровольность" подчиненія достигается еще рѣшительнѣе. Такъ, въ Тифлисѣ, какъ это видно изъ отчета, представленнаго въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г., „проститутка, прибывшая изъ дру-

гого города, не подлежащая помѣщенію въ больницу и не желающая получить книжку, обязана немедленно покинуть городъ".

Имѣя въ виду подобные способы „добровольнаго" подчиненія, читатель въ состояніи оцѣнить по достоинству слѣдующее, характерное для защитника регламентаціи, заявленіе проф. Тарновскаго: „При добровольномъ вступленіи въ число проститутокъ, что всюду, гдѣ введена регламентація, наблюдается несравненно чаще, чѣмъ насильственное внесеніе въ списки, слѣдуетъ только убѣдиться въ полномъ, добровольномъ и сознательно данномъ согласіи женщины подвергаться врачебно-полицейскому надзору—что на практикѣ не представляетъ особыхъ затрудненій" (Простит. и аболиціонизмъ, стр. 228 и 229). Дѣйствительно, полиція нравственности въ состояніи, не прибѣгая къ насилію и даже, быть можетъ, и не вводя въ заблужденіе, заставить женщину „по собственному согласію" стать поднадзорной проституткой: только исчерпываются ли насиліемъ и обманомъ всѣ формы посторонняго воздѣйствія, которымъ парализуется добровольность, непринужденность человѣческаго поступка? И не является ли само соціальное положеніе, въ которомъ находится неимущая женщина, такимъ состояніемъ, которымъ можно пользоваться и злоупотреблять такъ же, какъ и физическою безпомощностью, и невѣдѣніемъ, и заблужденіемъ человѣка?...

Было бы серьезнымъ заблужденіемъ думать, будто привлеченіе женщины, не желающей подвергнуться надзору добровольно, къ судебной отвѣтственности, по ст. 44 устава о наказ., за тайный развратъ, разрѣшившееся обвинительнымъ приговоромъ, открываетъ полиціи право подчинить осужденную контролю помимо ея согласія. Какъ справедливо указываетъ комиссія медицинскаго департамента 1901 г., „не существуетъ прямой статьи закона, которая давала бы право мировому судьѣ признавать женщину проституткою и въ силу такого приговора дѣлала бы для нея обязательнымъ подчиненіе врачебно-полицейскому надзору" (Сводъ постановленій, стр. 44). Привлеченіе къ судебной отвѣтственности со стороны агентуры надзора приходится, такимъ образомъ, обсуждать не иначе, какъ одинъ изъ способовъ воздѣйствія, направленныхъ къ тому, чтобы вынудить у женщины собственное согласіе на подчиненіе.

По поводу случаевъ, когда привлекаемая къ надзору женщина не даетъ добровольно подписки о своемъ согласіи на зачисленіе въ разрядъ публичныхъ, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ ревельскихъ врачебно-полицейскихъ отчетахъ къ съѣзду 1897 г.: многія одиночки, получивъ билетъ, тотчасъ его разрываютъ. Тогда ихъ привлекаютъ къ суду, но наказаніе не всегда устрашаетъ. Нѣкоторыя изъ женщинъ по три—четыре раза отбывали наказаніе, и все же не являются на осмотръ. Выслушавъ приговоръ судьи, такая женщина заявляетъ: „дѣлайте со мной, что хотите, а я на медицинскій осмотръ ходить не буду, ибо проституткою себя не считаю“! Для того, что бы преодолѣть въ подобныхъ случаяхъ сопротивленіе женщины, органамъ надзора приходится, волей-неволей, жертвовать принципомъ добровольнаго подчиненія. „Если Мировой (?) Судья, читаемъ мы по этому поводу во врачебномъ отчетѣ по г. Астрахани, признаетъ привлеченную виновною въ занятіи тайнымъ развратомъ, то Полиція отбираетъ видъ на жительство для храненія при Управленіи, заноситъ ее въ списки явныхъ проститутокъ и послѣ предварительнаго медицинскаго осмотра черезъ городового врача выдаетъ желтый билетъ, при чемъ отбираетъ подписку точно исполнять правила, изданныя Медицинскимъ Департаментомъ для проститутокъ“.

Съ несовершеннолѣтіемъ женщины и съ ея замужествомъ практика полиціи нравственности не соединяетъ никакой особой гарантіи, которая бы ограждала существо недоразвившееся или связанное узами брака отъ зарегистрированія въ проститутки. Какъ удостовѣряетъ комиссія медицинскаго департамента 1901 г., „несовершеннолѣтнихъ подчиняютъ безъ вѣдома родителей или опекуновъ, а замужнихъ женщинъ—безъ вѣдома и согласія мужей“ (Сводъ постановленій, стр. 44). Не слишкомъ высоко надъ этой практикой поднимаются и нормы регламентовъ. Родителямъ и мужу даже принципіально не выговаривается сколько нибудь широкой возможности дѣятельнымъ вмѣшательствомъ предупредить осмотръ тѣла и внесеніе въ позорные списки своего дѣтища, своей жены. Положимъ, по правиламъ рижскаго регламента, § 52, „Комитетъ обязанъ, при поступленіи дѣвушки въ публичный домъ, увѣдомить о томъ ея родителей или опекуновъ, коль скоро сіи послѣдніе проживаютъ на мѣстѣ или въ со-

сѣднихъ губерніяхъ". Но онъ не ожидаетъ ихъ отвѣта и, по опросѣ женщины, распоряжается „немедленнымъ" внесеніемъ ея въ списокъ поднадзорныхъ проститутокъ публичнаго дома (§ 53). Въ Варшавѣ, согласно § 8 инструкціи для пристава мѣстнаго комитета, о женщинахъ, не достигшихъ 16-ти лѣтняго возраста и изъявившихъ желаніе записаться въ число проститутокъ, предварительно запрашиваютъ согласія ихъ родителей или опекуновъ. Но ожидаютъ отвѣта развѣ только въ томъ случаѣ, если дѣвочка—подростокъ еще не предается разврату явно: „не имѣющія же родителей и опеки, а также явно предающіяся разврату, продолжаетъ § 8 инструкціи, могутъ быть записываемы... съ разрѣшенія Оберъ-Полиціймейстера" [1]). По постановленію минской городской думы, § 4, „если въ Санитарный Комитетъ будутъ доставлены малолѣтнія, промышляющія развратомъ, то передъ записью таковыхъ Санитарный Комитетъ увѣдомляетъ ихъ родителей или близкихъ родственниковъ", при чемъ „послѣдніе всѣми силами обязаны стараться о возвращеніи таковыхъ къ честному труду". Однако, еще „до полученія отъ нихъ отвѣта, малолѣтнія подвергаются санитарному надзору", отличающемуся отъ обычнаго надзора развѣ тѣмъ, что онъ прекращается, если увѣдомленія приведутъ къ желанной цѣли. „Если же увѣдомленія не приведутъ къ желанной цѣли, то малолѣтнія, промышляющія развратомъ, подлежатъ постоянному санитарному надзору".

Положеніе петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета въ изданіи 28 іюля 1861 г. содержало правило: „женщинъ замужнихъ, если онѣ живутъ съ мужьями, ни въ какомъ случаѣ не подчинять врачебному надзору, но если онѣ живутъ отдѣльно отъ мужей, то поступать съ ними на об-

---

[1]) Взамѣнъ гарантіи для несовершеннолѣтія варшавская инструкція для пристава комитета озабочивается огражденіемъ невинности: «невинныя женщины не могутъ быть записаны въ число проститутокъ ни подъ какимъ предлогомъ» (§ 9). Не говоря уже, однако, о злоупотребленіяхъ, на которыя косвенно толкаетъ эта норма, въ ней не можетъ быть не замѣчено подтвержденія той тяжелой презумпціи, которая такъ облегчаетъ практику зарегистрированія въ проститутки, что если у дѣвушки нѣтъ неповрежденной дѣвственной плевы, то, значитъ, она уже торговала или не прочь торговать своимъ тѣломъ!

щемъ основаніи“ (§ 16 въ концѣ). Однако, въ кругъ „Измѣненій“ положенія, сдѣланныхъ въ 1868 г., это правило не вошло, и не видно, чтобы оно было „оставлено въ своей силѣ“ въ прежней редакціи. По инструкціи для пристава варшавскаго комитета, § 7, „если замужняя женщина заявитъ желаніе записаться въ контроль толерованныхъ, или поступить въ домъ терпимости, то, предварительно исполненія таковаго желанія, (названный приставъ) вызываетъ ея мужа и объявляетъ ему объ этомъ“. Но этотъ порядокъ имѣетъ мѣсто лишь при томъ условіи, если мужъ ея находится въ Варшавѣ. „Въ противномъ же случаѣ, по предварительномъ докладѣ Оберъ-Полиціймейстеру, до записанія женщины, (приставъ комитета) сообщаетъ въ подлежащее полицейское управленіе, по мѣсту жительства мужа, для объявленія ему о семъ“. Однако, подобнымъ преимуществомъ супружескій союзъ пользуется только въ томъ случаѣ, когда женщина, подчиняемая надзору, неизвѣстна своею развратною жизнію. „Если однакожъ мѣсто проживанія мужа неизвѣстно, или если женщина извѣстна своею развратною жизнію, то она тотчасъ записывается въ контроль толерованныхъ“.

Ни органы, ни порядокъ привлеченія женщины къ надзору,—проявляется ли этотъ порядокъ облавою на подозрительныхъ женщинъ и захватомъ ихъ всѣхъ полицейскимъ обходомъ или формою систематическаго выслѣживанія, по подозрѣнію въ проституціи, той или другой опредѣленной личности полицейскимъ или спеціальнымъ комитетскимъ агентомъ,— ни мало не гарантируютъ женщины, какъ бы ни была безупречна ея нравственность, отъ неосновательнаго освидѣтельствованія и внесенія въ списки проститутокъ. Роковая участь не щадитъ ни малолѣтнихъ, ни замужнихъ, ни даже женщинъ, „случайно подвернувшихся подъ руку“ среди обездоленнаго, безпріютнаго простого женскаго люда (ср. Прост. въ гор., стр. 38). Почтенная комиссія медицинскаго департамента 1901 г. даетъ слѣдующую характеристику органовъ и порядка привлеченія къ надзору.

«Для розыска женщинъ, занимающихся тайнымъ промысломъ разврата и зарегистрованныхъ проститутокъ, уклоняющихся отъ надзора, существуютъ при Комитетахъ особые агенты или же обязанности эти возложены на чиновъ общей полиціи. Такъ какъ въ число агентовъ смотрителей)

принимаютъ безъ особаго разбора, преимущественно людей низшаго званія и даютъ имъ крайне скудное вознагражденіе, то попустительства и вымогательства съ корыстною цѣлью, съ ихъ стороны, нерѣдки и сильно вредятъ успѣху дѣла. Что же касается надзора за проститутками чинами общей полиціи, то, въ виду обремененія полиціи многочисленными обязанностями, этотъ надзоръ въ большинствѣ случаевъ крайне недостаточенъ или прямо сводится къ нулю. Взамѣнъ постояннаго, правильнаго надзора полиція прибѣгаетъ къ облавамъ, къ задержанію на улицахъ, въ трактирахъ, портерныхъ и ночлежныхъ домахъ женщинъ, подозрѣваемыхъ въ уклоненіи отъ врачебныхъ осмотровъ или по подозрѣнію въ тайной проституціи. При такой грубой мѣрѣ, легко возможны и неоднократно случались оскорбленія женщинъ неповинныхъ въ проституціи» (Сводъ постан., стр. 44).

Нѣкоторою гарантіей основательности подчиненія могъ бы быть, при такихъ обстоятельствахъ, коллегіальный составъ врачебно-полицейскихъ и городскихъ санитарныхъ комитетовъ, равно какъ и другихъ подобныхъ учрежденій по надзору за проституціею [1]). Но вѣдь по заявленію комиссіи медицинскаго департамента въ громадномъ большинствѣ городовъ Россіи „надзоромъ вѣдаетъ единолично одинъ изъ чиновъ полиціи", да и тамъ, гдѣ существуетъ особый комитетъ, „многіе вопросы по надзору рѣшаются единолично Предсѣдателемъ его, по представленію непремѣннаго члена" (тамъ же, стр. 43). Не надо, при этомъ, упускать изъ виду и такихъ врачебно-полицейскихъ комитетовъ, которые, судя по названію, вызываютъ мысль о коллегіальномъ учрежденіи, а на самомъ дѣлѣ, какъ это видно по даннымъ сводного доклада д-ра Штюрмера, имѣютъ значеніе „только фиктивное,

---

[1]) Обыкновенно въ составъ комитетовъ входятъ какъ предсѣдатель—полицеймейстеръ (въ Петербургѣ—градоначальникъ или его помощникъ; въ городскихъ санитарныхъ—городской голова) и какъ члены—депутатъ военнаго вѣдомства, городовой или уѣздный врачъ, часто также военный врачъ, иногда врачебный инспекторъ и представители отъ города и земства (а въ Казани еще и отъ университета и даже отъ духовныхъ учебныхъ заведеній!), гдѣ есть,—спеціальные инспекторъ и врачи комитета (въ городскихъ санитарныхъ—полицеймейстеръ и городскіе санитарные врачи) и нѣкот. др. лица (Прост. въ город., стр. 19 и 59—64).

такъ какъ.. не принимаютъ никакого фактическаго участія въ дѣлѣ надзора" (Прост. въ город., стр. 19) [1]).

Изъ однообразной будничной жизни провинціи можно брать безъ конца характерные факты, ярко иллюстрирующіе порядокъ подчиненія надзору, который, при подобныхъ условіяхъ, практикуется на Руси.

Говорить ли о тульскомъ врачебно-полицейскомъ комитетѣ, который съ 1890 по 1896 г. совсѣмъ не имѣлъ засѣданій: а между тѣмъ,—свѣдѣнія мы черпаемъ изъ мѣстнаго отчета, представленнаго въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г., за этотъ періодъ времени не только задерживались и подвергались мѣропріятіямъ надзора десятки и сотни женщинъ, но и наблюдались такія явленія, какъ „излишнее ухаживаніе городовыхъ за болѣе молодыми и красивыми проститутками" даже на смотровомъ пунктѣ при явкѣ поднадзорныхъ женщинъ къ освидѣтельствованію.

Заглянуть ли въ гродненскую губернію: какъ видно изъ доставленныхъ къ съѣзду 1897 г. „Свѣдѣній о сифилисѣ" по названной губерніи, въ ея городахъ „фактически практикуется слѣдующій порядокъ надзора за проституціею. Назначенный для сего полицеймейстеромъ старшій городовой, а рѣже околоточный надзиратель или помощникъ пристава вѣдаетъ всѣ дѣла о проституціи и на основаніи его донесеній Полицейское Управленіе дѣлаетъ свои постановленія о внесеніи въ списки новыхъ и объ исключеніи изъ списка тѣхъ женщинъ, кои признаются означеннымъ чиномъ полиціи под-

---

[1]) Болѣе или менѣе упорядоченные врачебно-полицейскіе комитеты существуютъ въ Петербургѣ, Варшавѣ, Ригѣ и Казани. «Въ Витебскѣ, Двинскѣ, Ковнѣ, Рыбинскѣ, Либавѣ, Митавѣ и Сувалкахъ существуютъ, повидимому, учрежденія, по составу и дѣятельности соотвѣтствующія Врачебно-Полицейскимъ Комитетамъ». Въ нѣсколькихъ десяткахъ другихъ городовъ «нѣтъ Врачебно-Полицейскихъ Комитетовъ, такъ какъ хотя они тамъ значатся, но не имѣютъ соотвѣтственнаго состава или же значеніе ихъ только совѣщательное». Въ Москвѣ, Минскѣ, Перми и Бобруйскѣ надзоръ за проституціею принятъ въ свое вѣдѣніе городскимъ общественнымъ управленіемъ. Въ Кронштадтѣ, Калугѣ, Ярославлѣ и Оренбургѣ надзоромъ завѣдуютъ особыя комиссіи (комиссія для разбора бродячихъ женщинъ, комиссія при комитетѣ общественнаго здравія и др.); въ прочихъ городахъ—чины общей полиціи (Прост. въ городахъ, стр. 20 и 59—64).

лежащими таковому исключенію. Указанный порядокъ главнымъ образомъ практикуется по отношенію проститутокъ тайныхъ и одиночекъ. Надъ проститутками изъ домовъ терпимости надзоръ еще проще,—тамъ все возлагается на содержательницу заведенія, и полиція руководствуется ея донесеніями, лишь изрѣдка ее провѣряя". „Вслѣдствіе такого порядка, замѣчаетъ составитель отчета, бываетъ много злоупотребленій, какъ, напр., бывали случаи арестованія за тайный развратъ невинныхъ дѣвушекъ по одному лишь подозрѣнію старшаго городового, называемаго проститутками „контролеромъ"; точно также съ вѣдома этого „контролера" старыя закоренѣлыя проститутки, находящія для себя выгоднымъ проституировать тайно, занимаются своимъ ремесломъ годами и ни разу не попадаютъ на освидѣтельствованіе (ср. Прост. въ гор., стр. 34).

А если пойти въ болѣе глухія мѣстности: по даннымъ сводного доклада д-ра Штюрмера, „въ г. Могилевѣ (Подольской губ.) очень успѣшно работаетъ на этомъ поприщѣ постовой городовой. Если ему случается получить замѣчаніе, что онъ не слѣдитъ за проститутками, то на другой же день утромъ, когда прислуга отправляется за провизіей, онъ задерживаетъ этихъ ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ"... „Въ г. Ананьевѣ (Херсонской губ.) полиція столь же искусно выслѣживаетъ тайныхъ проститутокъ. Такъ, однажды, представлены были къ осмотру 15 женщинъ, по подозрѣнію въ тайной проституціи, при чемъ шесть изъ нихъ оказались дѣвственницами" (Простит. въ город., стр. 37).

Извѣстныя дѣла, заставившія говорить о себѣ почти всю русскую прессу, околоточнаго надзирателя Ш. въ Одессѣ, полицеймейстера П. въ Казани и др., время отъ времени проливаютъ яркій свѣтъ на злоупотребленія, которыя естественно, съ роковою необходимостью, должны развиваться на этой почвѣ. (Ср. Муратовъ, Врачебно-полицейскій надзоръ, Жизнь, окт. 1899, стр. 394). Для характеристики подобныхъ злоупотребленій мы позволимъ себѣ напомянуть здѣсь читателю сущность дѣла полицейскаго пристава М. и его помощника К., разбиравшагося въ началѣ девяностыхъ годовъ въ казанской судебной палатѣ. Въ виду сообщенія военнаго начальства о распространеніи сифилиса среди солдатъ мѣстнаго баталіона, г. М. приказалъ своему помощнику съ наступ-

леніемъ ночи арестовать всѣхъ женщинъ, живущихъ во 2 части г. Симбирска, и представить ихъ на слѣдующій день къ освидѣтельствованію. Г. К., собравъ полицейскихъ, караульщиковъ, понятыхъ и т. д., сталъ арестовывать всѣхъ женщинъ безъ всякаго разбора, не только попадавшихся на улицѣ, но и изъ квартиръ, при чемъ задерживалъ одинаково и старыхъ, и молодыхъ, и матерей съ грудными дѣтьми"... (Врачъ за 1892 г., № 6 стр. 146).

Постоянная зависимость поднадзорной женщины отъ усмотрѣнія агентовъ полиціи нравовъ является дальнѣйшей чертой, дополняющей нашу характеристику врачебно-полицейскаго надзора, какъ системы властнаго прикрѣпленія женщины къ проституціи.

Охваченная во всѣхъ подробностяхъ своего существованія цѣлою сѣтью врачебно-полицейскихъ правилъ, поднадзорная женщина сталкивается повседневно съ угрозой отвѣтственности и взысканій. Она уже нарушаетъ правила полиціи нравственности, если не держитъ себя вѣжливо и послушно съ хозяйкой притона или ссорится, бранится со своими товарками; она нарушаетъ врачебно-полицейскія правила, когда выходитъ изъ притона на улицу безъ разрѣшенія хозяйки или идетъ куда-либо, не захвативъ съ собою медицинскаго билета о состояніи своего здоровья; ей воспрещено пройти по улицѣ съ подругами и даже остановиться одной у входныхъ дверей своего жилища; оказаться на улицѣ послѣ полуночи или остаться ночевать въ квартирѣ другой проститутки безъ заявленія о томъ полиціи; она не вправѣ поднять днемъ плотной шторы въ своемъ окнѣ и ночью пріотворить его ставня. Станетъ ли поднадзорная женщина, идя по улицѣ, зазывать къ себѣ посѣтителя или, оставаясь дома, привлекать гостей яркимъ освѣщеніемъ окна, посѣтитъ ли она маскарадъ, трактиръ или дозволитъ себѣ пойти съ мужчиною въ общественную баню, покажется ли въ самомъ притонѣ гостямъ въ неприличной одеждѣ или употребитъ на себя, въ изрядномъ количествѣ, пахучей помады или румянъ, будетъ ли пьяна или станетъ вести себя неособенно скромно, допуститъ ли сношеніе съ учащимся или не осмотритъ передъ сношеніемъ половыхъ органовъ и бѣлья у посѣтителя и пр., и пр.,—она уже подлежитъ отвѣтственности и взы-

сканію [1]). Даже и роли безличнаго, рабски покорнаго автомата проститутка не въ состояніи вынести въ свой профессіи безъ нарушенія врачебно-полицейскихъ правилъ; болѣе того,— въ постоянномъ, грубомъ пренебреженіи ею этими правилами лежитъ самая возможность для нея, и залогъ ея удачи въ отправленіи грязнаго промысла!

---

[1]) «Дѣвушки обязаны держать себя по отношенію къ хозяйкѣ вѣжливо и послушно и избѣгать ссоры и брани между собою, подъ опасеніемъ взысканія» (прав. рижск. комит., § 90). »Дѣвушки не имѣютъ права отлучаться изъ заведенія безъ разрѣшенія хозяйки» (тамъ же, § 94). «Публичная женщина должна хранить медицинскій билетъ въ чистотѣ и опрятности, а когда отлучается изъ дому, носить его съ собою» (прав. петерб. ком., § 5); «Свои бланки или книжки» проститутки «должны имѣть всегда при себѣ и предъявлять по первому востребованію» (обяз. пост. минской гор. думы, § 8). «Публичныя женщины должны на гуляньяхъ и въ общественныхъ мѣстахъ... не ходить по нѣскольку вмѣстѣ» (прав. петерб. ком., § 15); «болѣе двухъ дѣвушекъ вмѣстѣ не могутъ появляться на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, при чемъ онѣ должны быть одѣты скромно и не разительно» (прав. рижск. ком., § 95). «Проститутки не имѣютъ права стоять передъ входными дверьми, ведущими на улицу» (тамъ же, § 69).

Въ петербургскомъ комитетѣ, какъ сообщаетъ д-ръ Ѳедоровъ, женщинамъ, состоящимъ подъ надзоромъ, «дѣлаютъ внушеніе избѣгать улицъ вообще и особенно въ ночное время» (В. О. Г. янв. 1892 г., стр. 51). Въ Варшавѣ производятся, какъ видно изъ доклада мѣстнаго комитетскаго врача, массовыя задержанія проститутокъ за хожденіе по улицѣ послѣ полуночи, за пребываніе въ квартирѣ другой проститутки безъ исполненія явочной формальности и т. п.; эти задержанія, по его словамъ, повторялись до самаго недавняго времени (П. Пушкинъ, О положеніи надзора, стр. 13). Къ сожалѣнію, §§ 5 и 6 правилъ, опредѣляющихъ соотвѣтствующія обязанности проститутокъ, мы не находимъ въ извлеченіи, опубликованномъ медицинскимъ департаментомъ (Сводъ узаконеній, вып., 1, прил., стр. 128). «Окна домовъ терпимости и квартиръ проститутокъ—одиночекъ должны быть завѣшены плотными шторами и ночью запираться ставнями» (обяз. пост. минской гор. думы, § 23). «Публичныя женщины должны... не затрогивать на улицахъ проходящихъ и не зазывать ихъ къ себѣ» (прав. петерб. ком., § 15); «на улицахъ онѣ (проститутки) должны держать себя прилично и не дозволять себѣ привлекать мужчинъ» (прав. рижск. ком., § 96) «..Со стороны проститутокъ строго преслѣдуются: неприличная одежда яркое освѣщеніе оконъ, зазываніе посѣтителей» (об. пост минской гор. думы, § 23). «Воспрещается имъ (проституткамъ) посѣщеніе публичныхъ баловъ, маскарадовъ, винныхъ погребовъ, трактировъ, питейныхъ заведеній и корчемъ»

Зависимость отъ усмотрѣнія агентуры полиціи нравовъ оказывается для поднадзорной женщины тѣмъ болѣе связующей, что полицейскіе органы, не ограничиваясь правомочіемъ по привлеченію ея къ судебной отвѣтственности, не отказываются, согласно традиціямъ дореформенной поры, отъ наложенія на нее взысканій въ административномъ порядкѣ.

По § 11 правилъ для публичныхъ женщинъ 29 мая 1844 г., „независимо отъ отвѣтственности предъ полиціею въ нарушеніи обязанностей, установленныхъ полицейскими правилами, публичныя женщины за неисполненіе изложенныхъ здѣсь правилъ, имѣющихъ цѣлію общественное здоровье, чистоту и опрятность, подвергаются, по постановленію Врачебно-Полицейскаго Комитета, содержанію въ Рабочемъ Домѣ большее или меньшее время, смотря по проступку". По положенію врачебно-полицейскаго комитета въ Петербургѣ 28 іюля 1861 г., „публичныя женщины, за неисполненіе установленныхъ для нихъ правилъ подвергаются, по усмотрѣнію Комитета, полицейскому исправительному наказанію и содержанію въ исправительномъ заведеніи" (§ 9). Послѣ реформы 20 ноября 1864 г., съ установленіемъ, по силѣ ст. 44 уст. о нак., налаг. мировыми судьями, принципа судебной отвѣтственности „за неисполненіе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства и пресѣченію вредныхъ отъ онаго послѣдствій", этотъ режимъ полицейскихъ взысканій, въ области надзора за проституціею, казалось былъ рѣшительно поколебленъ. Въ измѣненной редакціи положенія петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета

и «если проститутка дозволитъ себѣ ходить съ мужчинами въ общественныя бани, онѣ подвергаются за сіе строжайшему взысканію» (прав. рижск. ком., §§ 97 и 100). «Дѣвушки обязаны употреблять въ возможно меньшемъ количествѣ бѣлила и румяны, равно пахучія: помаду, масла и мази» (тамъ же, § 84). «Публичныя женщины должны воздерживаться отъ излишняго употребленія вина и вести себя сколь можно скромнѣе и благопристойнѣе» (пр. петерб. ком., § 15). «Проститутки, принимающія.. учащихся, подвергаются за то отвѣтственности» (проектъ пост. пермской гор. думы, § 24). «Публичныя женщины, для предохраненія себя отъ зараженія, обязаны осматривать дѣтородныя части и покрывающее оныя бѣлье у посѣтителей» (прав. 29 мая 1844 г. § 8; также пост. минской и проектъ пост. пермской гор. думы, § 10 и § 13; но прав. петерб. ком., изд. 28 іюля 1861 г., § 14,— «имѣютъ право»)...

1868 г., § 9 правилъ для публичныхъ женщинъ послѣдовательно устраняется; по нормѣ, которая ставится на его мѣсто, „проститутки, за неисполненіе установленныхъ для нихъ правилъ, подвергаются отвѣтственности на основаніи общихъ судебныхъ уставовъ“.

Насколько, однако, могучую силу противодѣйствія встрѣтилъ этотъ новый принципъ въ исконныхъ тенденціяхъ врачебно-полицейской практики, можно судить по нижеслѣдующему заявленію комиссіи медицинскаго департамента въ 1901 г. „Вопреки существующему узаконенію, устанавливающему отвѣтственность передъ судомъ за нарушеніе проститутками и содержательницами домовъ терпимости обязательныхъ для нихъ правилъ, случается, что комитеты или полиція сами налагаютъ за такого рода проступки наказанія на проститутокъ или содержательницъ“. (Сводъ постановленій, стр. 45). Характерно, что эти отступленія отъ закона не ограничиваются отдѣльными конкретными случаями произвольнаго наложенія полиціею взысканій на проститутокъ: они проявляются въ томъ, что самое правило 29 мая 1844 г. объ отвѣтственности въ административномъ порядкѣ продолжаетъ, не взирая на ст. 44 устава о наказ., выдвигаться полиціею какъ дѣйствующая норма! [1]).

Замѣтимъ попутно, что отказъ агентовъ надзора отъ непосредственнаго наложенія полицейскихъ взысканій на проститутокъ не означаетъ еще ихъ отреченія отъ иного рода административнаго воздѣйствія, которое обезпечивало бы имъ возможность держать въ строгомъ повиновеніи поднадзорныхъ женщинъ. Въ поясненіе и подтвержденіе нашей мысли мы сошлемся на дѣятельность тульскаго врачебно-полицейскаго комитета: какъ видно изъ отчета, представленнаго къ съѣзду 1897 г., названнымъ комитетомъ 12 октября 1890 г. было „исходатайствовано разрѣшеніе Губернатора на разборъ у Городскихъ Судей внѣ очереди и съ примѣненіемъ высшихъ мѣръ наказанія, для всѣхъ возбуждаемыхъ полиціей преслѣдованій за неисполненіе врачебно-полицейскихъ мѣръ проститутками, содержательницами и квартирохозяевами“...

---

[1]) См., напр., санитарную книжку г. Орла, представленную, въ видѣ приложенія, при отчетѣ въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г.

Угроза взысканій и отвѣтственности за каждый шагъ, за любой повседневный поступокъ, является для поднадзорной женщины тѣмъ остріемъ дамоклова меча, постоянная близость котораго убиваетъ въ зародышѣ всякій порывъ къ сопротивленію, къ протесту, каждую попытку разорвать узы закрѣпощенія. И конечно, содержательницы притоновъ и другія лица, у которыхъ есть опредѣленный интересъ къ возможно болѣе полному прикрѣпленію женщины къ проституціи, имѣютъ въ этой постоянной угрозѣ могучее орудіе удерживать ее въ тѣхъ тискахъ, которые неумолимо превращаютъ живого человѣка въ доступный любому покупателю предметъ полового удовлетворенія.

Послѣдняя черта закрѣпощающаго характера надзора, на которую мы обратимъ здѣсь вниманіе читателя, опредѣляется фактомъ существованія преградъ, которыя формально закрываютъ поднадзорной женщинѣ путь къ освобожденію. Матеріальная трудность оставленія проституціи—внѣ всякихъ сомнѣній: разумѣется, чѣмъ рѣшительнѣе утрачиваетъ женщина свою трудоспособность, чѣмъ болѣе отравляется алкоголемъ и мертвящею атмосферой разврата, тѣмъ невозможнѣе становится для нея возвращеніе къ честной трудовой жизни. Но вѣдь прежде чѣмъ наступитъ такой моментъ, когда она станетъ совершенно инертной, послушной жертвой грубыхъ животныхъ инстинктовъ, у нея въ душѣ, быть можетъ, не разъ пробудятся человѣческія чувства и стремленіе стереть съ себя клеймо проститутки...

Какъ же отвѣчаетъ ей на эти стремленія полиція нравственности?

По правиламъ петербургскаго комитета для содержательницъ, § 47, и для публичныхъ женщинъ, § 19, проститутки „могутъ оставлять дома терпимости во всякое время, когда пожелаютъ“. Однако выходъ изъ притона не освобождаетъ еще женщины отъ врачебно-полицейскаго контроля. Согласно § 22 положенія:

«Исключеніе публичныхъ женщинъ изъ списка и освобожденіе отъ врачебнаго надзора допускать по слѣдующимъ уваженіямъ: а) по болѣзни, вслѣдствіе которой онѣ не могутъ уже предаваться распутству, въ чемъ Комитетъ удостовѣряется чрезъ своихъ медиковъ; б) по преклонности лѣтъ; в) по случаю вступленія въ замужество; г) по случаю отъѣзда на родину

или другіе города (при этомъ Комитетъ снабжаетъ женщину пропускомъ для слѣдованія, а паспортъ отсылаетъ... см. выше, стр. 13); д) по случаю поступленія въ богадѣльни или другія благотворительныя заведенія; е) по требованію родителей, ближайшихъ родственниковъ, опекуновъ и помѣщиковъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, равно и въ послѣдующемъ, паспорты женщинъ выдаются на руки родителей, опекуновъ и другихъ, отъ которыхъ отбираются подписки, что они будутъ заботиться о нравственности ввѣренныхъ имъ женщинъ.

Прим. Публичныя женщины, пожелавшія оставить промыселъ разврата, могутъ быть исключаемы изъ списковъ Комитета, по точномъ удостовѣреніи, что онѣ дѣйствительно оставляютъ этотъ промыселъ».

Составляя въ сущности лишь переводъ изъ подъ контроля въ одной мѣстности подъ надзоръ въ другой, выѣздъ женщины въ другіе города, гдѣ существуетъ надзоръ за проституціей, условіемъ ея освобожденія отъ закрѣпощающаго ига полиціи нравовъ еще не является. При едва зарождающейся и далеко еще не закрѣпившей за собою общественныхъ симпатій филантропической дѣятельности по защитѣ несчастныхъ женщинъ, возможность для женщины освободиться изъ подъ надзора черезъ поступленіе призрѣваемой въ благотворительное заведеніе весьма ограничена. Проф. Тарновскій настаиваетъ на той мысли, что согласно уставу петербургскаго „Дома Милосердія“ „всякая проститутка, желающая обратиться на путь честнаго труда, ежедневно можетъ поступить въ Домъ безъ всякихъ формальностей“ (Прост. и аболиц., стр. 151). Не говоря уже, однако, о томъ, что внѣ столицъ учрежденій, преслѣдующихъ цѣли дома милосердія, почти совсѣмъ не имѣется, важно возстановить существенное условіе допущенія женщины и въ петербургскій домъ милосердія, которое игнорируетъ проф. Тарновскій: по § 13 устава дома, „отдѣленія взрослыхъ и престарѣлыхъ открыты для пріема желающихъ поступить ежедневно и, если есть свободныя мѣста, то женщины принимаются безъ всякихъ формальностей“ (Сводъ узаконеній, вып. 1, прил., стр. 116). А между тѣмъ, по свѣдѣніямъ д-ра В. Окорокова, „число мѣстъ въ этихъ пріютахъ (въ столичныхъ убѣжищахъ для несчастныхъ женщинъ) очень ограничено, а срокъ пребыванія тутъ трехлѣтній. Слѣдовательно, вакансіи освобождаются не скоро“ (Торговля дѣвушками, стр. 34). „Въ послѣднее время, писалъ д-ръ Обозненко въ 1896 г., д-ръ Федоровъ сообщилъ мнѣ, что Петербургскій домъ Милосердія

совсѣмъ прекратилъ пріемъ проститутокъ за недостаткомъ средствъ" (Поднадз. прост., стр. 18). „Жалобы д-ра Федорова, замѣчаетъ онъ выше, на странность устава этого учрежденія, устава, который запрещаетъ принимать больныхъ, беременныхъ проститутокъ, на недостаточность мѣстъ для малолѣтнихъ проститутокъ, а также и то, что въ Калинкинской больницѣ—учрежденіи, имѣющемъ дѣло почти исключительно съ проститутками, я не могъ получить никакихъ свѣдѣній объ этихъ домахъ—все это приводитъ къ невольному заключенію, что эти учрежденія находятся у насъ далеко не на высотѣ своего призванія" (тамъ же, стр. 17 и 18).

Проституткѣ предоставляется выйти изъ подъ надзора по требованію родителей, ближайшихъ родственниковъ, опекуна и всякаго другого лица, „желающаго взять публичную женщину на поручительство" (ср. § 23). Однако, далеко не каждая проститутка имѣетъ родителей или состоитъ подъ опекой и, съ другой стороны, далеко не всякая согласится раскрыть фактъ своего паденія въ городѣ даже людямъ близкимъ,—предать свой позоръ огласкѣ въ родной деревнѣ. Къ тому же, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ притонѣ женщина состоитъ подъ постояннымъ присмотромъ: „ее никуда не выпускаютъ иначе, какъ въ сопровожденіи довѣреннаго лица, да и то на самое короткое время" (Окороковъ, Торговля дѣвушками, стр. 35). И какъ только хозяева притона начнутъ подозрѣвать, что родные или знакомые, или общество защиты, хотятъ освободить женщину, они не замедлятъ прибѣгнуть къ могучему средству огражденія своихъ интересовъ,—къ перепродажѣ послѣдней въ другой притонъ болѣе отдаленнаго города (тамъ же, стр. 38). Что касается въ частности освобожденія черезъ поручителя, котораго женщина оказывается въ состояніи найти въ средѣ обычныхъ гостей публичнаго дома, то едва ли невѣдомы условія низменнаго характера, на которыхъ оно обыкновенно совершается. Въ программу полицейскихъ справокъ о поручителѣ входитъ опредѣленно вопросъ о томъ, имѣетъ ли поручитель достаточныя матеріальныя средства для обезпеченія содержанія освобождаемой... (Ѳедоровъ, В. О. Г. Янв. 1892 г., стр. 56 и 57). Поручителю „ввѣряется" та женщина, заботу о нравственности которой онъ гарантируетъ своею подпиской въ комитетѣ: ему на руки, а не освобождаемой, выдаются доку-

менты послѣдней. Въ итогѣ—не освобожденіе, но скорѣе новая форма закрѣпощенія женщины. Недаромъ въ § 22 положенія эта мѣра, какъ своеобразный отпрыскъ „добраго стараго времени“, идетъ какъ разъ вслѣдъ за сохраняющимся здѣсь по анахронизму условіемъ выхода женщины изъ подъ надзора „по требованію помѣщиковъ“!

Еще „уваженіемъ“, по которому женщина можетъ быть исключена изъ списковъ публичныхъ, является вступленіе ея въ замужество. А если нѣтъ надежды, что омутъ разврата въ состояніи представить благопріятный случай для брачнаго союза, то не заказано ждать преклоннаго возраста, мечтать о богадѣльнѣ и, во всякомъ случаѣ, надѣяться на такую болѣзнь (—„напр., туберкулозъ въ высокой степени“, какъ поясняетъ д-ръ Штюрмеръ, прост. въ гор., стр. 35), при которой не только какой либо другой, но и собственный врачъ комитета признаетъ женщину уже не способной болѣе даже и къ „легкому промыслу“...

Замѣтимъ попутно, что недовѣріе къ показанію врача со стороны врачей-регламентистовъ, въ дѣлѣ освобожденія женщины изъ подъ надзора по болѣзни, выражается еще болѣе отчетливо въ регламентѣ варшавскаго врачебно-полицейскаго комитета. Согласно журнальному постановленію названнаго комитета отъ 29 апрѣля 1867 г., п. 5, „вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія“ поднадзорная женщина подлежитъ исключенію изъ списковъ „по представленіи медицинскаго свидѣтельства не менѣе двухъ врачей“. При этомъ, женщина, исключенная, въ виду болѣзненнаго состоянія, изъ списковъ поднадзорныхъ, подлежитъ еще „въ теченіе одного года каждыя двѣ недѣли медицинской ревизіи“ (тамъ же, прим.; Пушкинъ, О положеніи надзора, стр. 22 и 23).

Правила варшавскаго комитета дополняютъ нашу характеристику освобожденія женщины изъ подъ надзора и въ другомъ еще отношеніи: они раскрываютъ фактъ непрочности, ненадежности той свободы, которую удается, въ исключительныхъ случаяхъ, получить женщинѣ, еще не превратившейся въ инвалида на поприщѣ разврата.

По поводу выхода замужъ проститутки дома терпимости журналомъ варшавскаго комитета отъ 10 іюля 1865 г., п. 4, было постановлено: „Отъ просящихъ увольненія женщины для вступленія съ нею въ бракъ требовать предварительно,

если они служатъ, письменнаго разрѣшенія начальства на женитьбу на этой женщинѣ, если же не служатъ, то объявленія о помолвкѣ съ нею. Затѣмъ давать мѣсячный срокъ для совершенія свадьбы". Журналомъ отъ 29 апрѣля 1867 г., п. 2, это послѣднее предписаніе было пояснено въ томъ смыслѣ, что поднадзорная женщина подлежитъ исключенію изъ списковъ „по просьбѣ желающаго вступить въ бракъ, съ тѣмъ чтобы въ теченіе мѣсяца было представлено законное доказательство въ совершеніи брака".

По журналу комитета отъ 10 іюля 1865 г., п. 3, „о просящихъ увольненія женщины для принятія къ себѣ въ услуженіе дѣлать справки, имѣютъ ли они къ тому средства и добропорядочнаго ли они поведенія". „Желающія поступить къ частнымъ лицамъ", дополняетъ журналъ отъ 29 апрѣля 1867 г., п. 7, исключаются изъ списковъ „по увѣдомленіи Начальника Конторы служителей о томъ, что мѣсто пріискано". При этомъ, какъ и больныя, поступившія въ услуженіе „подлежатъ въ теченіе одного года каждыя двѣ недѣли медицинской ревизіи". Журналъ комитета отъ 12 мая 1871 г. за № 8 полагалъ „прекращать совершенно медицинскіе осмотры проститутокъ, со дня поступленія ихъ въ услуженіе, но строго повѣрять, дѣйствительно ли проститутка поступила въ услуженіе, не поступаетъ ли она въ подозрительное мѣсто, и если подобная женщина оставитъ службу, то немедленно подчинять ее осмотрамъ". Этотъ журналъ, утвержденный впослѣдствіи бывшимъ Намѣстникомъ Царства Польскаго, согласно предписанію на имя варшавскаго оберъ-полицеймейстера отъ 8 января 1873 г. за № 535, былъ введенъ въ дѣйствіе, въ видѣ временной мѣры, впредь до учрежденія новаго положенія о надзорѣ за проституціею въ Варшавѣ. Если онъ и не примѣняется фактически, какъ увѣряетъ въ 1895 г. комитетскій врачъ г. Пушкинъ, тѣмъ не менѣе юридически онъ остается постоянной суровой угрозою для всякой бывшей проститутки, которой удалось, освободившись изъ подъ надзора, поступить въ услуженіе.

По журнальному постановленію комитета отъ 29 апрѣля 1867 г., п. 3, поднадзорная женщина подлежитъ исключенію изъ списковъ „за поручительствомъ частныхъ лицъ, извѣстныхъ своею благонадежностью, по представленіи залога въ 300 р." Журналъ 8 марта 1869 г. требуетъ обратнаго внесенія въ

списки тѣхъ женщинъ, которыя „бывъ исключены изъ списковъ толерованныхъ за поручительствомъ разныхъ лицъ, не живутъ при своихъ поручителяхъ, или потому что они выѣхали изъ Варшавы, или потому что они вовсе не имѣютъ надзора за взятыми ими на поручительство женщинами и не даютъ имъ никакихъ средствъ къ жизни"... (см. справки изъ журналовъ комитета у г. Пушкина, О положеніи надзора, стр. 5 и 22—24).

Пропускъ мѣсячнаго срока для совершенія брака, временная потеря мѣста при поступленіи въ услуженіе, невыдача женщинѣ содержанія со стороны ея „поручителя", — какъ условія обратнаго внесенія въ списки, достаточно ярко характеризуютъ условность свободы, пріобрѣтаемой женщиною, которой удается формально освободиться отъ врачебно-полицейскаго контроля.

Условность этой свободы является тѣмъ болѣе грозной, что по смыслу § 95 медико-полицейскихъ правилъ, при подозрѣніи въ тайномъ распутствѣ, женщина, прежде проживавшая въ домѣ терпимости, не только становится вновь поднадзорной, но можетъ подлежать возвращенію въ публичный домъ, согласно условіямъ, заключеннымъ ранѣе между нею и содержателемъ дома:

«Условія, заключенныя между содержателемъ дома и публичною женщиною, на какое бы то ни было время, уничтожаются и прекращаются безотлагательно въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда женщина, бывъ зараженною въ публичномъ домѣ, по излѣченіи въ больницѣ, объявитъ желаніе оставить прежнюю жизнь.

2) Когда ей случится выйдти замужъ.

3) Когда найдетъ для себя службу или какой либо другой приличный родъ жизни.

Ни въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ женщина не можетъ быть принужденною остаться въ публичномъ домѣ, исключая только, когда доказано будетъ, что она находится въ другомъ публичномъ домѣ или предается тайно распутству» [1]).

---

[1]) Угрозы обратнаго внесенія въ списки не знаетъ пермская городская дума: за то въ своемъ «Проектѣ», § 8, она требуетъ, чтобы проститутка, заявившая желаніе оставить свой промыселъ, подвергалась въ теченіи мѣсяца особому бдительному, негласному надзору, подчиняясь въ те-

Тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ мѣстныхъ регламентовъ, какихъ либо нормъ, опредѣляющихъ условія освобожденія женщины изъ подъ надзора, насколько намъ извѣстно, совсѣмъ не имѣется: по крайней мѣрѣ, правила 29 мая 1844 г. обходятъ совершеннымъ молчаніемъ этотъ вопросъ. Почтенный д-ръ Штюрмеръ, въ своемъ сводномъ докладѣ, увѣряетъ, будто „съ освобожденіемъ изъ подъ надзора дѣло обстоитъ не такъ просто.. лишь тамъ, гдѣ надзоръ организованъ болѣе правильно; тамъ же, гдѣ все дѣлается по произволу низшихъ чиновъ Полиціи, освобожденіе отъ надзора не представляетъ никакой трудности". „Какъ видно изъ отчетовъ, прибавляетъ онъ къ этому, такихъ городовъ не мало" (Прост. въ гор., стр. 35). Несомнѣнно, тамъ, „гдѣ все дѣлается по произволу низшихъ чиновъ Полиціи", гдѣ условія освобожденія могутъ падать до самыхъ позорныхъ, унизительныхъ требованій, открыты такіе широкіе пути выхода изъ подъ надзора, которые даже и не могутъ быть выражены нормою. Но вѣдь чѣмъ шире для женщины возможность выйти изъ подъ контроля, удовлетворивъ личнымъ интересамъ низшаго полицейскаго агента, тѣмъ неодолимѣе преграды къ освобожденію отъ узъ исключительнаго режима для женщины, которая не хочетъ, не имѣетъ удачи или просто не въ состояніи воспользоваться лазейкой этихъ низменныхъ путей. А потому и въ дѣлѣ освобожденія изъ подъ надзора, какъ и въ прочихъ его моментахъ, мы продолжаемъ считать режимъ, опредѣляющійся нормами регламентовъ, какъ бы суровъ онъ ни былъ, лишь за низшую степень стѣсненій и гнета, которые по широкому простору Россіи несетъ съ собою система личнаго усмотрѣ-

---

ченіе этого времени врачебному освидѣтельствованію, и исключалась изъ списка только въ томъ случаѣ, «если Комитетомъ будутъ получены благопріятныя свѣдѣнія объ ея поведеніи». Что же касается освобожденія проститутки вышедшей замужъ, то оно допускается лишь «по представленіи брачнаго свидѣтельства». По силѣ обязат. пост. минской городской думы, § 6, «исключеніе изъ списковъ проститутокъ производится въ случаѣ смерти, выхода замужъ, ходатайства о томъ самихъ проститутокъ, признаннаго уважительнымъ Санитарнымъ Комитетомъ». Выдвигая, такимъ образомъ, на первый планъ освобожденіе изъ подъ надзора по смерти, минская дума даетъ проституткѣ свободу полную и ненарушимую.

нія исполнительнаго органа, безконтрольнаго, полновластнаго вершителя судьбы поднадзорной женщины.

Подведемъ итоги.

Исключительный режимъ врачебно-полицейскаго надзора прикрѣпляетъ женщину къ проституціи; онъ разсчитанъ на невладѣющія группы общества; условія и порядокъ подчиненія надзору не гарантируютъ неимущей женщины, какова бы ни была ея нравственность, отъ внесенія въ списки проститутокъ. Опутывая поднадзорную женщину цѣлою сѣтью обязанностей, не нарушая которыхъ она даже и ярма проститутки нести не въ состояніи, и формально затрудняя или умалчивая совсѣмъ объ условіяхъ ея освобожденія, полиція нравственности порабощаетъ ея личность,—ставитъ послѣднюю въ полную зависимость отъ власти агентуры надзора.

Изслѣдованіе врачебно-полицейскаго надзора, по уясненіи его характера, какъ системы закрѣпощенія, настойчиво выдвигаетъ впередъ два коренныхъ вопроса: на какое правовое основаніе опирается исключительный режимъ надзора и какими потребностями, интересами общества или отдѣльныхъ элементовъ послѣдняго опредѣляется его существованіе.

Разработка этихъ вопросовъ составитъ предметъ ближайшихъ главъ настоящаго труда.

Глава вторая.

Вопросъ о правомѣрности врачебно-полицейскаго надзора.

Исключительныя мѣропріятія врачебно-полицейскаго надзора за проституціею воспроизводятъ въ Россіи чужеземный институтъ, противорѣчащій законамъ той страны, гдѣ онъ возникъ и развился, а также не соотвѣтствуютъ и нашему положительному праву.

Страной, гдѣ институтъ полиціи нравственности (police des moeurs), слѣпокъ съ котораго представляетъ врачебно-полицейскій надзоръ въ Россіи, сложился впервые и образовалъ вліятельный центръ для подражанія, является Франція: на отношеніе ея права къ интересующему насъ учрежденію мы и обратимъ потому вниманіе читателя [1]).

Согласно art. 7 декларацiи правъ человѣка и гражданина, вошедшему въ art. 77 конституціи 22 фримера VIII г. республики и проводимому art. 114, 341 и 342 уголовнаго кодекса и art. 615 кодекса уголовно-процессуальнаго, „никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или заключенъ подъ стражу иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ". А между тѣмъ въ составъ врачебно-полицейскаго надзора

---

[1]) Для редакціи нѣкоторыхъ мѣстныхъ регламентовъ въ Россіи (напр., положенія о петерб. врачебно-полицейскомъ комитетѣ 28 іюля 1861 г.) образцомъ, какъ кажется, служилъ ближайшимъ образомъ брюссельскій регламентъ 1844 г. Однако, не говоря уже о томъ обстоятельствѣ, что образованіе врачебно-полицейскаго надзора въ Россіи, включая изданіе правилъ 29 мая 1844 г., предшествовало опубликованію названнаго регламента въ Брюсселѣ 1 іюля 1844 г., институтъ бельгійской полиціи нравственности самъ является прямымъ воспроизведеніемъ французскаго: Франція съ первыхъ десятилѣтій девятнадцатаго вѣка давала установившіяся формы института и прославленный опытъ его практическаго примѣненія (ср. знаменитую апологію врачебно-полицейскаго надзора въ Парижѣ Parent Duchâtelet, въ его классическомъ трудѣ De la prostitution).

входятъ такіе моменты, какъ заарестованіе женщины, подозрѣваемой въ проституціи, и внесеніе ея въ позорные списки, какъ подчиненіе ея періодическимъ освидѣтельствованіямъ и заключеніе въ госпиталь въ случаѣ болѣзни и какъ, наконецъ, наложеніе дисциплинарныхъ взысканій за неисполненіе правилъ административнаго регламента, детальнымъ образомъ опредѣляющихъ ея поведеніе [1]). Эти моменты полиціи нравственности, ставящіе женщину, подчиненную надзору, въ исключительное положеніе, должны оказаться въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ отмѣченною нормою французскаго права, если только нѣтъ особаго закона, который бы надѣлялъ полицію соотвѣтствующими полномочіями.

Кассаціонный судъ, поддерживающій институтъ полиціи нравовъ авторитетомъ своихъ рѣшеній, сами руководители надзора и его литературные идеологи дѣлаютъ попытки найти такой законъ во французскомъ положительномъ правѣ: какъ на норму, управомочивающую полицію на принятіе исключительныхъ мѣръ по надзору за проституціею, они указываютъ, съ одной стороны, на старинные ордонансы имперіи 1778 и 1684 г.г. въ связи съ однимъ изъ артиклей уголовнаго кодекса и постановленіемъ совѣта пятисотъ и, съ дру-

---

[1]) Согласно дѣйствующему «образцовому» регламенту парижской полицейской префектуры 15 октября 1878 г. зарегистрированіе въ проститутки каждой несовершеннолѣтней дѣвушки и тѣхъ изъ совершеннолѣтнихъ, которыя отказываются подчиниться добровольно врачебно-полицейскому режиму, слѣдуетъ ex officio по рѣшенію особой комиссіи, состоящей изъ префекта или его делегата, начальника перваго отдѣленія префектуры и полицейскаго комиссара, который велъ продварительный допросъ подчиняемой. Сохраняя за полиціей до сихъ поръ даже и формально власть наложенія дисциплинарныхъ взысканій, названный регламентъ опредѣляетъ, чтобы наказанія налагались префектомъ по предложеніямъ комиссара, производившаго допросъ, визированнымъ шефомъ перваго отдѣленія. Если же проститутка будетъ возражать противъ налагаемаго на нее взысканія, то ея жалоба немедленно направляется въ комиссію, состоящую изъ префекта или его делегата и двухъ приглашаемыхъ поочереди полицейскихъ комиссаровъ. Выслушавъ задержанную женщину и, если потребуется, агентовъ, эта комиссія постановляетъ окончательное рѣшеніе: оно, впрочемъ, нуждается въ утвержденіи префектомъ, если послѣдній въ комиссіи не предсѣдательствуетъ лично. (Инструкціи 15 октября 1878 г. приведены въ Enquêtes брюссельской конференціи по профилактикѣ венерич. болѣзней 1899 г., p. 146—154, ср. особ. стр. 151 и 152).

гой стороны, на муниципальные законы 1790 и 1791 г.г. и на консульскіе декреты 1800 г. [1]).

Ордонансъ 16 ноября 1778 г. разсчитанъ на Парижъ и его предмѣстья: за вызовъ къ разврату со стороны проститутки („défenses à toute femme et fille de débauche de raccrocher") на улицахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ города, хотя бы черезъ окна, названный ордонансъ грозитъ женщинѣ бритьемъ головы, заключеніемъ въ госпиталь и, при рецидивѣ, тѣлеснымъ наказаніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ воспрещаетъ домохозяевамъ и главнымъ нанимателямъ, подъ угрозою значительнаго штрафа, отдавать квартиру въ наемъ лицу дурной репутаціи („qu'à des personnes de bonne vie et moeurs, et bien famées"), а содержателямъ меблированныхъ помѣщеній терпѣть у себя публичныхъ женщинъ и даже допускать совмѣстное жительство въ однихъ комнатахъ постороннихъ лицъ разнаго пола, бракъ между которыми не удостовѣренъ надежнымъ образомъ (Isambert, t. XXV, p. 448). Въ виду того обстоятельства, что раньше ордонансъ 20 апрѣля 1684 г. всю компетенцію и все производство („toute juridiction et connaissance") дѣлъ о проституткахъ передалъ въ вѣдѣніе полицейскаго лейтенанта (ibid., t. XIX, p. 444) [2]), этимъ актомъ явственно опредѣлилась широкая власть полиціи по примѣненію исключительныхъ репрессивныхъ мѣръ въ области нравовъ.

Хотя въ провинціи за нарушеніе правилъ мѣстныхъ муниципальныхъ регламентовъ о проституціи женщина подлежитъ привлеченію къ суду, у полиціи въ виду особаго постановленія названныхъ регламентовъ остается власть и непосредственнаго наложенія дисциплинарныхъ взысканій на проститутокъ (Fiaux, La police des moeurs, p. 211—218).

[1]) Подробную аргументацію сторонниковъ правомѣрности института полиціи нравовъ читатель найдетъ въ сочиненіяхъ бывшаго руководителя названнаго учрежденія въ Парижѣ г. Лекуръ (La prostitution, p. 28 et p. 33—40: La campagne, p. 366—377). Руководящими рѣшеніями кассаціоннаго суда являются рѣшенія отъ 18 февраля 1846 г. (D. P. 1846. 4. 33) и отъ 3 декабря 1847 г. (D. P. 1847. 1. 360). Разборъ доводовъ, выдвигаемыхъ въ защиту правомѣрности исключительныхъ мѣръ надзора, во французской литературѣ можно найти у Ива Гюйо, La prostitution, p. 225—240, и особенно у Louis Fiaux, Rapport, p 42—49, и La police des moeurs, p. 229—292.

[2]) Lettres-patentes времени ордонанса 1684 г. предоставили заключать въ спеціальную тюрьму для падшихъ женщинъ—Сальпетріеръ—«дочерей

Однако, съ разрушеніемъ Бастиліи, закрытіемъ Châtelet и отмѣною всякой спеціальной, исключительной юрисдикціи, должна была послѣдовательно отпасть и эта юрисдикція полицейскаго лейтенанта.

На это возражаютъ, что если законы республики и упразднили названную должность, то они отнюдь не разрушили особыхъ полномочій власти въ отношеніи къ проституткамъ. Вѣдь, согласно art. 484 уголовнаго кодекса, по всѣмъ предметамъ, которые не урегулированы этимъ кодексомъ и которые нормируются особыми законами и регламентами, суды („les cours et les tribunaux") должны сообразоваться съ послѣдними. Въ виду того, что область, регулируемая ордонансомъ 1778 г., не была объектомъ какого-либо послѣдующаго законодательнаго опредѣленія, названный ордонансъ сохраняетъ силу закона (ср. касс. рѣш. отъ 18 февраля 1846 г.) [1]). Это обстоятельство краснорѣчиво подтверждается нижеслѣдующимъ постановленіемъ совѣта пятисотъ.

17 нивоза IV г. (7 января 1796 г.) исполнительная директорія направила въ совѣтъ пятисотъ посланіе о необходимости остановить суровыми мѣрами развитіе разврата. Указывая на то обстоятельство, что „репрессивные законы противъ публичныхъ женщинъ состоятъ въ нѣкоторыхъ ордонансахъ, вышедшихъ изъ употребленія (tombées en désuétude), или въ нѣкоторыхъ регламентахъ чисто мѣстнаго характера и слишкомъ несвязныхъ (incohérents) для достиженія желательной цѣли" и что уголовный кодексъ, а равно и другіе законы обновленной Франціи, обходятъ молчаніемъ вопросъ о предосудительной жизни женщинъ, развращающихъ молодежь, исполнительная директорія предлагала совѣту пятисотъ восполнить это молчаніе (de suppléer à ce silence) изданіемъ репрессивнаго закона противъ проститутокъ. Пусть этотъ законъ точно укажетъ, не оставляя ничего произволу, что должно

ремесленниковъ или бѣдныхъ обывателей, обратившихся къ разврату, а равно и тѣхъ, которыя окажутся въ очевидной опасности стать проститутками» Sabatier, Histoire de la legislation, p. 156).

[1]) По изысканіямъ почтеннаго Лекура, самъ ораторъ правительства, при обсужденіи проекта art. 484, къ числу предметовъ, подлежащихъ, по его мнѣнію, нормировкѣ особыми законами и регламентами, отнесъ и «дома разврата, гдѣ гнѣздится проституція» (La prostit., p. 37 et 38)!

понимать подъ названіемъ публичной женщины; пусть онъ установитъ также и наказанія, которымъ такая женщина должна подлежать за свою преступную профессію (Extrait du registre des délibérations du directoire exécutif, у Лекура, La prostitution, p. 416—419).

Совѣтъ пятисотъ образуетъ особую комиссію для ближайшаго выясненія вопроса. Однако дѣятельность этой комиссіи остается безрезультатной въ виду слѣдующаго инцидента, происходящаго въ засѣданіи совѣта пятисотъ 7 жерминаля V г. Обсужденіе вопроса о мѣрахъ борьбы съ проституціей стоитъ на очереди. Гражданинъ Банкаль предлагаетъ образовать новую комиссію, которая бы представила законопроектъ „о домахъ разврата, объ игорныхъ притонахъ и... о театрахъ". Это перечисленіе онъ сопровождаетъ напыщеннымъ изображеніемъ деталей, рисующихъ опасности соотвѣтствующихъ учрежденій для общественной нравственности [1]) По залѣ проносится шопотъ и требованіе перехода къ очереднымъ дѣламъ. Поддерживая формулу перехода, гражданинъ Dumolard заявляетъ, не безъ ироніи:

„Намѣренія оратора похвальны, и слѣдуетъ отдать имъ должную честь, но задачи, которыя онъ предлагаетъ, мелки и, кажется, недостойны законодательнаго корпуса. Не законодателямъ великаго народа должно представлять монашескіе регламенты. Злоупотребленія и безпорядки, заявленныя Банкалемъ, слишкомъ истинны и реальны, но, быть можетъ, они неразлучны съ самымъ существованіемъ того общества, гдѣ мы живемъ. Сверхъ того, есть полицейскіе регламенты, вполнѣ опредѣленные (très précis)); достаточно ихъ привести въ исполненіе. Я требую перехода" (Moniteur 12 germ. an V, № 192, p. 768 et 769).

Votum перехода къ очереднымъ дѣламъ принимается.

Итакъ, само законодательное собраніе указываетъ на существованіе спеціальныхъ полицейскихъ регламентовъ по предмету проституціи: оно явственно управомочиваетъ примѣнять эти регламенты.

Мы сомнѣваемся, однако, чтобы изъ исторіи вопроса о проституціи въ совѣтѣ пятисотъ возможно было извлечь

---

[1]) «...une loi.. sur les théâtres, dont une partie des spectateurs sont des paresseux, des libertins, des prostitués qui, après s'y être rempli l'imagination d'images obscènes, courent dans des boudoirs réaliser ces images».

какой-нибудь намекъ на чье либо желаніе возвратиться къ королевскимъ ордонансамъ 1778 г., 1684 г. и др. Репрессивныя стремленія исполнительной директоріи совсѣмъ не идутъ до предложенія возстановить старые регламенты; напротивъ, она домогается изданія новаго закона и, при этомъ, выражаетъ пожеланіе, чтобы законъ о проституціи точно опредѣлилъ и составъ деликта, и мѣру репрессіи, „que cette loi... ne laisse rien à l'arbitraire". Очевидно, полномочія полицейскаго лейтенанта составляли въ этомъ отношеніи нѣчто едва ли не прямо противоположное тому, чего искала исполнительная директорія.

Репрессивныя тенденціи директоріи не находятъ поддержки въ совѣтѣ пятисотъ. Нравственное зло притоновъ разврата, игорныхъ домовъ, несомнѣнно, велико, но если бороться съ нимъ суровыми мѣрами репрессіи, то не распространить ли эти мѣры кстати.. и на театры. Закономъ воспрещать проституцію, преслѣдовать ее уголовною карою,—создавать регламентъ своего рода монастыря,—не слишкомъ ли это мелко, не унизительно ли это для законодателей великаго народа? Къ чему обращаться снова къ отброшеннымъ прочь позорнымъ орудіямъ запретительной системы, если на состояніе зла не въ силахъ повліять и сама перемѣна въ коренныхъ условіяхъ существованія нашего общества. Къ тому же, развѣ у насъ нѣтъ регламентовъ для полиціи, открывающихъ возможность преслѣдовать нарушенія порядка и добрыхъ нравовъ и въ игорныхъ домахъ, и въ притонахъ разврата, равно какъ и въ иныхъ мѣстахъ (ср. ниже опредѣленія муниципальныхъ законовъ 1790 и 1791 г.г.) Пусть только полиція исполняетъ законы, гдѣ опредѣлены предѣлы ея правомочій и обязанности, и ей не понадобится обращаться къ законодательному собранію съ требованіемъ исключительныхъ орудій репрессіи!

Только по странной ироніи судьбы возможно въ подобнаго рода сужденіяхъ, одобренныхъ совѣтомъ пятисотъ, усмотрѣть признаніе законодательнымъ собраніемъ республики королевскихъ ордонансовъ 1778 г., 1684 г., со всею безпощадностью и произволомъ исключительныхъ мѣръ административной репрессіи.

Предположимъ, однако, на минуту, что республиканское законодательство и въ самомъ дѣлѣ высказалось за легаль-

ность королевскихъ ордонансовъ по предмету проституціи, но развѣ въ вѣдѣніе полиціи передало оно ихъ примѣненіе? Защитники правомѣрности института полиціи нравовъ не отказываются разумѣть подъ понятіемъ „особыхъ законовъ и регламентовъ“ артикля 484 уголовнаго кодекса, между прочимъ, и регламенты о проституціи. Но вѣдь въ названномъ артиклѣ рѣчь идетъ о такихъ предметахъ, гдѣ суды должны сообразоваться съ особыми законами и регламентами. Слѣдовательно, и репрессію проституціи, по силѣ королевскихъ ордонансовъ, нужно отнести не къ спеціальной полицейской юрисдикціи, но къ компетенціи судебныхъ мѣстъ. До тѣхъ поръ, пока еще не доказано, что полиція есть одно изъ судебныхъ учрежденій, аргументація въ пользу законности исключительнаго врачебно-полицейскаго режима нравовъ оказывается, по меньшей мѣрѣ, не доведенной до желаннаго исхода. Правда, при обсужденіи вопроса о легальности института полиціи нравовъ въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ самъ префектъ полиціи заявилъ однажды, что онъ призванъ къ исполненію ордонансовъ эпохи до 1789 г. „въ силу собственнаго и личнаго права какъ преемникъ полицейскаго лейтенанта“. А вѣдь извѣстно, что полицейскій лейтенантъ былъ судьей—„magistrat séant au Châtelet et jugeant au nom du Roi de qui émanaient la justice et la loi“ (Lecour, La campagne, p. 360; Fiaux, Rapport, p. 39 et p. 43). Однако въ литературѣ регламентистовъ мы не нашли ни малѣйшаго указанія ни на законодательный актъ, ни даже на моментъ, когда именно произошла подобная трансформація въ должности парижскаго префекта полиціи,—когда, другими словами, послѣдній былъ облеченъ правомъ юрисдикціи. Мы все еще продолжаемъ себѣ представлять, что полицейскій префектъ является до сихъ поръ, по закону, не болѣе, какъ носителемъ полицейскихъ полномочій,—органомъ полиціи судебной и чиновникомъ, облеченнымъ функціями муниципальной полиціи, изъятыми, по учрежденіи консульства, изъ вѣдѣнія выборнаго муниципалитета (ср. законъ 22 плювіоза VIII г. и консульскіе декреты 12 мессидора того же года и 5 брюмера IX г., равно какъ и декретъ отъ 24 октября 1859 г.).

Помимо изложенныхъ соображеній, ордонансы королевской Франціи не могутъ дать правового основанія институту

полиціи нравственности и по другой причинѣ. Характерная черта врачебно-полицейскаго надзора: терпимость позорнаго промысла проститутокъ, поскольку послѣднія, въ отправленіи этого промысла, подчиняются возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ періодическаго освидѣтельствованія и др. Между тѣмъ режимъ ордонансовъ—система безусловной репрессіи проституціи. Признавъ за ордонансами силу дѣйствующаго права, сторонники правомѣрности врачебно-полицейскаго надзора должны послѣдовательно отказаться отъ терпимости поднадзорной проституціи. Не слишкомъ ли это дорогая цѣна законности института съ точки зрѣнія тѣхъ интересовъ, на которыхъ идеологи современнаго надзора за проституціею обосновываютъ самое его существованіе?..

Не ограничиваясь ссылкою на королевскіе ордонансы, защитники правомѣрности института полиціи нравовъ дѣлаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, попытку отыскать его правовое основаніе также и въ законахъ учредительнаго собранія и консульства, опредѣляющихъ полномочія муниципальныхъ властей и полиціи. Этимъ они сами избавляютъ насъ отъ надобности останавливаться на ихъ заявленіи по поводу art. 484 уголовнаго кодекса, будто область, регулируемая ордонансомъ 1778 г., не была объектомъ какого либо послѣдующаго законодательнаго опредѣленія.

Унравомочіе полиціи на врачебно-полицейскій надзоръ за проституціею ищутъ въ обязанностяхъ, возложенныхъ на муниципальное управленіе закономъ 16—24 августа 1790 г., подавлять проступки противъ общественной тишины, поддерживать порядокъ въ публичныхъ мѣстахъ, а также предупреждать приличествующими мѣрами („par des precautions convenables") и прекращать доставленіемъ необходимой помощи несчастные случаи и бѣдствія, какъ то пожары, эпидеміи, эпизоотіи (titre XI, art. 3, al. 2, 3 et 5; ср. касс. рѣш. отъ 3 декабря 1847 г.) Ради „общественной тишины" и „порядка въ публичныхъ мѣстахъ" право администраціи на изъятіе женщины, подозрѣваемой въ развратѣ, выводятъ изъ текста закона, который даже и словомъ не касается проституціи. Но, можетъ быть, исключительныя мѣропріятія полиціи нравовъ подойдутъ подъ мѣры борьбы съ эпидеміей? Если бы даже и можно было, однако, говорить о постоянной и повсемѣстной

эпидеміи венерическихъ болѣзней [1]), то развѣ эти болѣзни составляютъ удѣлъ однихъ лишь женщинъ, чтобы нужно было только послѣднихъ клеймить внесеніемъ въ позорные списки, насильственно свидѣтельствовать и заключать въ госпиталь? Да и умѣстно ли, при томъ культѣ свободы и равенства, который былъ выдвинутъ въ государственную жизнь законодательными собраніями революціонной эпохи, признать совмѣстимымъ съ понятіемъ „des précautions convenables" исключительный режимъ административнаго произвола, въ отношеніи къ наиболѣе обездоленнымъ элементамъ населенія? Въ 1816 г. Anglès, полицейскій префектъ, сдѣлалъ предложеніе подвергать врачебно-полицейскимъ осмотрамъ и, въ случаѣ болѣзни, принудительно заключать въ госпиталь бродягъ, альфонсовъ и, вообще, всѣхъ лицъ, въ возрастѣ до 21 года, которыя, по задержаніи полиціей, окажутся не въ состояніи ни указать на опредѣленное занятіе, ни представить поручителей за свое поведеніе. Соображенія правительственной комиссіи, призванной высказаться по поводу этого проекта, раскрываютъ ярко, насколько такое исключительное положеніе, съ точки зрѣнія самой администраціи, можетъ быть признано соотвѣтствующимъ понятію подобающихъ мѣръ въ борьбѣ съ венерическими болѣзнями.

«Какъ принудить мужчинъ, высказывалась названная комиссія, подвергаться освидѣтельствованію? Какъ задержать того, кто не будучи виновенъ ни въ какомъ проступкѣ, окажется просто (simplement) венерикомъ? На какія основанія опереться, чтобы заставить его понести заключеніе, которое потребуется для его излеченія? Состояніе болѣзни или здоровья не измѣняетъ ничего въ томъ положеніи, въ какомъ человѣкъ находится передъ закономъ. Для того, чтобы необходимость заставить его лечиться отъ венерической болѣзни стала легальнымъ мотивомъ помѣстить или задержать его въ заключеніи, нуженъ спеціальный санитарный законъ. И если хотятъ насильно лечить этихъ лицъ, то не заявятъ ли они (ne crieraient—ils pas) о нарушеніи священнаго принципа личной свободы?»

---

[1]) Новѣйшій муниципальный законъ 5 апрѣля 1884 г., art. 97 al. 6, говоритъ уже объ эпидемическихъ и *заразныхъ* болѣзняхъ,—но это обстоятельство не измѣняетъ дѣла въ виду дальнѣйшихъ соображеній, приводимыхъ авторомъ въ текстѣ.

И хотя въ своемъ предложеніи полицейскій префектъ касался лишь несовершеннолѣтнихъ и, какъ онъ самъ выражается, только дурныхъ элементовъ—„mauvais sujets de la basse classe du peuple“,—административная комиссія не нашла, тѣмъ не менѣе, въ виду изложенныхъ соображеній, возможнымъ одобрить его проектъ (Parent-Duchâtelet, De la prostitution, t. II, p. 233—236).

Защитники легальности исключительныхъ мѣръ надзора ссылаются, далѣе, на предоставленное позднѣйшимъ декретомъ 19—22 іюля 1791 г. полиціи право „входить во всякое время въ мѣста, завѣдомо посвященныя (livrés notoirement) разврату“ (titre I, art. 10). Текстъ этого артикля, дѣйствительно, важенъ для поддержки разбираемой аргументаціи: въ немъ имѣется опредѣленное указаніе на мѣста разврата и, слѣдовательно, на проституцію. Но, по своему содержанію, онъ можетъ служить лишь подтвержденіемъ того, какъ была неправильна попытка обосновать исключительныя полномочія полиціи нравовъ, въ отношеніи къ проституціи, на предыдущемъ муниципальномъ законѣ. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, особымъ постановленіемъ разрѣшать муниципальной полиціи открытый доступъ въ притоны, если уже на основаніи закона, изданнаго годъ тому назадъ, муниципальнымъ властямъ предоставлена вся безпредѣльность полномочій подвергать проститутокъ и аресту, и прочимъ исключительнымъ мѣрамъ врачебно-полицейскаго надзора? И не объясняется ли постановленіе приведеннаго артикля несравненно болѣе послѣдовательно въ связи съ совершенно иною, по сравненію съ режимомъ королевскихъ ордонансовъ, системою, которая выдвигается декретомъ 1791 г. по предмету проституціи.

Разбираемый законъ рѣшительно отказывается и отъ исключительныхъ мѣръ противъ проститутокъ, и отъ безусловнаго воспрещенія ихъ позорнаго промысла. Оставляя проституцію женщины такъ же ненаказуемою, какъ и развратъ мужчины, онъ предусматриваетъ, однако, какъ деликтъ, публичное посягательство на добрые нравы оскорбленіемъ стыдливости женщинъ или непристойными дѣйствіями (titre II, art. 8). Захватывая этою нормою и случаи публичной провокаціи къ разврату, декретъ 1791 г. отнюдь не ограничиваетъ круга отвѣтственныхъ въ позорномъ вызовѣ лицъ одними женщинами, какъ это дѣлали ордонансы дореволюціонной Франціи: напротивъ, своимъ умолчаніемъ объ оскорбле-

ніи стыдливости мужчинъ, онъ какъ будто даже перемѣщаетъ на послѣднихъ центръ тяжести отвѣтственности [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ законъ устанавливаетъ норму противъ сводничества, въ какихъ бы формахъ благопріятствованія разврату или нравственной порчи молодыхъ людей того или другого пола оно ни проявлялось (ibid). Предоставляя муниципальной полиціи право немедленно задерживать лицъ, уличенныхъ въ этихъ проступкахъ, для привода къ мировому судьѣ, разбираемый регламентъ 1791 г. долженъ былъ послѣдовательно надѣлить ея органы и особымъ полномочіемъ доступа, во всякое время, въ притоны,—главные очаги посягательствъ противъ нравственности, сводничества, развращенія молодежи обоего пола.

Наконецъ, защитники легальности института полиціи нравовъ ссылаются на то обстоятельство, что консульскіе декреты 1800 г. явственно подчинили публичные дома власти префекта полиціи. Основаніемъ новаго аргумента является, въ сущности, слово „maisons publiques“ въ одномъ изъ надстатейныхъ заголовковъ консульскихъ arrêtés отъ 12 мессидора VIII г. и 5 брюмера IX (1 іюля и 27 октября 1800 г.), опредѣляющихъ предѣлы полномочій полицейскихъ префектовъ. Позволительно, однако, не ограничиваясь взглядомъ на заголовокъ, ознакомиться и съ содержаніемъ артикля, имѣющагося подъ знаменательнымъ заголовкомъ. Префектъ полиціи долженъ сообразоваться съ предписаніями закона 22 іюля 1791 г. въ своемъ наблюденіи надъ игорными домами. „Согласно тому же закону (en conformité de la même loi) 22 іюля 1791 г. ему предоставляется наблюдать за домами разврата, за ихъ обывателями и посѣтителями (ceux qui y résideront ou s'y trouveront)“ (art. 9 постановленія 12 месс. и art. 8—5 брюм.). Точное, опредѣленное указаніе на одинъ только законъ 22 іюля 1791 г., какъ на актъ, на который должна, въ своихъ заботахъ о проституціи, опираться полицейская префектура, является краткимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительнымъ опроверженіемъ мнимаго созданія муниципальнымъ закономъ 1790 г. исключительнаго режима для прости-

---

[1]) Уголовный кодексъ 12 февраля 1810 г. говоритъ уже, вообще, о публичномъ оскорбленіи стыдливости (art. 330).

туціи, не говоря уже о миѳическомъ возстановленіи совѣтомъ пятисотъ регламентовъ 1778 и 1684 г.г. [1]).

12 вентоза X г. (3 марта 1802 г.) парижская полицейская префектура дѣлаетъ распоряженіе объ установленіи періодическа о освидѣтельствованія женщинъ, промышляющихъ развратомъ (Lecour, La prostit., p. 69). Вмѣстѣ съ властью принудительнаго осмотра она присваиваетъ своимъ агентамъ

---

[1]) Авторитетно доказывая делегатамъ международнаго пенитенціарнаго конгресса 1895 г. въ Парижѣ, что полномочія французской полиціи, по предмету нравственности, «покоются на твердомъ легальномъ базисѣ», бывшій руководитель изучаемаго института почтенный Лекуръ, для большей убѣдительности, нашелъ умѣстнымъ процитировать консульскій декретъ 12 мессидора VIII г. Пріемъ этой цитаты заслуживаетъ вниманія читателя.

«Постановленіе 12 мессидора VIII г. (1 іюля 1800), которое создаетъ функціи полицейскаго префекта, возлагая на него самыя обширныя полномочія надъ тюрьмами, отелями и меблированными помѣщеніями, надъ игорными домами, театрами, и т. д., опредѣляетъ, *«чтобы онъ имѣлъ надзоръ надъ домами разврата, ихъ обывателями и посѣтителями, и чтобы онъ принималъ мѣры къ предупрежденію и пресѣченію эпидемій и заразныхъ болѣзней»* (V congrès pénit., Rapports, sect. 1, p. 557). Судя по цитатѣ почтеннаго докладчика, изъ текста декрета возможно усмотрѣть, что принятіе полиціею мѣръ по предупрежденію и пресѣченію эпидемій и заразныхъ болѣзней поставлено закономъ въ непосредственную связь съ надзоромъ за публичными домами, ихъ обывателями и посѣтителями. Для того, чтобы создать наглядное представленіе объ этой связи, г. Лекуру потребовалось только соединить общими *ковычками* въ нѣчто цѣлое отрывокъ изъ art. 9 sect. II декрета 1 іюля 1800 г. и изъ art. 23 sect. III того же декрета. Этотъ своеобразный способъ цитированія текста закона тѣмъ болѣе характеренъ, что бывшій начальникъ полиціи нравовъ нашелъ умѣстнымъ въ своей цитатѣ выпустить изъ art. 9 какъ разъ именно ту часть, изъ которой слѣдуетъ, что надзоръ за публичными домами полиція призвана осуществлять согласно закону 19—22 іюля 1791 г. Не безъинтересно отмѣтить, что даже и при томъ способѣ цитированія текста закона, къ которому прибѣгаетъ докладчикъ конгресса, система полиціи нравовъ, какъ исключительныхъ мѣропріятій противъ проститутокъ, еще не пріобрѣтаетъ « твердаго легальнаго основанія». Для того, чтобы доставить ей видимость послѣдняго, почтенному регламентисту надо было послѣдовательно продолжать трансформацію текста закона до выпуска словъ «ou s'y trouveront»: иначе «легальный» текстъ г. Лекура можетъ оправдать принятіе однородныхъ санитарныхъ мѣръ и къ проституткамъ домовъ терпимости, и къ посѣтителямъ притоновъ, но совсѣмъ не исключительную систему, распространяющуюся только на женщинъ.

также и власть принудительнаго заключенія больной проститутки въ госпиталь и наложенія, въ административномъ порядкѣ, взысканій на проститутокъ, не подчиняющихся требованіямъ полиціи. Поступая такимъ образомъ, органы полицейской префектуры отнюдь не обманывались на счетъ дѣйствительнаго характера этихъ дѣйствій съ точки зрѣнія права.

«Съ этого момента (момента первыхъ попытокъ организаціи надзора полицейскою префектурой) вплоть до настоящей эпохи, пишетъ въ своей классической апологіи института полиціи нравовъ Паранъ-Дюшатле, всегда во имя необходимости и административнымъ путемъ управляли проститутками, шло ли дѣло о регламентахъ, о внесеніи въ списки, о санитарномъ режимѣ, или требовалось наложить таксы, приговорить къ тюрьмѣ или изгнать изъ города. Но хотя все уступало администраціи и, по видимости, ничто не вставало ей на пути помѣхою, внутреннее чувство ей всегда говорило, что она пользуется незаконными средствами; что она перешла границы своихъ полномочій; что если ей и прощаютъ изъ за населенія, которымъ она, такимъ образомъ, управляетъ, и ради мотивовъ, которыми она руководится въ своихъ дѣйствіяхъ, то все же она можетъ не сегодня, такъ завтра встрѣтить нападеніе и оказаться вынужденною защищаться» (De la prostit., t. II, p. 304).

Съ точки зрѣнія Parent-Duchâtelet, префектура полиціи поступала произвольнымъ образомъ (d'une manière arbitraire) „противъ собственнаго желанія“, такъ какъ она не переставала требовать закона, который „облекъ бы ее недостающими полномочіями“. Съ 1811 до 1822 г. въ бюро полицейской префектуры ведется дѣятельная подготовка соотвѣтствующаго проекта. Идетъ рѣчь о томъ, чтобы испросить императорскій ордонансъ, который легализировалъ бы во всей Франціи дѣло полиціи нравовъ. Къ проведенію проекта въ законъ удается склонить министра юстиціи; въ пользу необходимости этого закона выдвигаются, между прочимъ, такіе мотивы, какъ возможность посредствомъ него подавить духъ атеизма, пользующійся свободой порока для нравственной порчи молодежи и рабочаго класса, и оградить армію, такъ какъ мятежники пытаются развратить ее (de séduire les soldats) путемъ распутства (ibid., t. II, p. 305; t. I, p. 636). Не взирая, однако, на такіе страхи, законодатель безмолвствовалъ, и въ

двадцатыхъ годахъ полиція рѣшительно убѣдилась въ невозможности добиться желаннаго закона.

„Съ этого времени, замѣчаетъ Паранъ-Дюшатле, не подымалось больше вопроса ни о законѣ, ни объ ордонансѣ; дѣла пошли силою привычки". „Одинъ изъ полицейскихъ префектовъ увѣрялъ меня, прибавляетъ онъ, что было бы невозможно создать законъ на этотъ предметъ, *такъ какъ подобный законъ былъ бы сочтенъ безнравственнымъ и этимъ возбудилъ бы противъ себя умы*"... (ibid., t. II, p. 308).

Съ теченіемъ времени полицейская префектура могла тѣмъ легче примириться съ сомнѣніями на счетъ правомѣрности своихъ дѣйствій, что у нея, по части оправданія исключительныхъ пріемовъ надзора за проституціею, явился могучій союзникъ въ лицѣ кассаціоннаго суда.

По поводу рѣшеній высшаго судилища Франціи по жгучимъ вопросамъ полиціи нравовъ позволимъ себѣ попутно замѣтить, что они, не удовлетворяя требованію законности, не даютъ и той логической послѣдовательности выводовъ, выдержанности толкованія, которыя можно было бы ожидать отъ руководящаго процессуальнаго органа.

Признавъ рѣшеніями отъ 18 февраля 1846 г., 15 ноября 1865 г. (D. P. 1866. 2. 36), 11 іюля 1884 г. (D. P. 1885. 1. 333) и др., что ордонансъ 6 ноября 1778 г. сохраняетъ силу закона, кассаціонный судъ послѣдовательно долженъ согласиться на то, что посторонніе мужчина и женщина, въ какихъ бы отношеніяхъ они ни состояли другъ съ другомъ, но не въ бракѣ, не должны быть терпимы въ парижскихъ отеляхъ и меблированныхъ помѣщеніяхъ совмѣстно, и что въ эти помѣщенія не можетъ ни на какихъ условіяхъ допускаться проститутка. Онъ долженъ, далѣе, согласиться и на то, что и, вообще, всякая женщина, не обладающая «хорошею репутаціей», принципіально не въ состояніи нанять законнымъ образомъ квартиры въ Парижѣ и его пригородахъ. Онъ долженъ, наконецъ, примириться и съ тѣмъ, что за вызовъ къ разврату парижская проститутка и понынѣ должна подлежать бритью головы и, при рецидивѣ, сѣченію розгами.

Однако, въ рѣшеніи отъ 18 іюля 1857 г. кассаціонный судъ высказывается противъ примѣненія ордонанса 1778 г. въ смыслѣ «безусловнаго воспрещенія всякому собственнику, хотя бы и не содержателю гостинницы и пр., отдавать помѣщеніе внаймы женщинамъ дурной жизни или публичнымъ»: въ этомъ отношеніи «нужно различать между фактомъ найма и фактомъ отправленія въ нанятомъ помѣщеніи профессіи, подчиненной, по своей природѣ, спеціальному надзору власти» (D. P. 1857. 1. 382). Но вѣдь ордонансъ 1778 г. не даетъ и намека на подобное разграниченіе, создавае-

мое кассаціоннымъ судомъ. Да и самому кассаціонному суду это разграниченіе было, какъ кажется, совсѣмъ неизвѣстно, когда, 11 сентября 1840 г. онъ высказывался въ томъ направленіи, что постановленіе мера, воспрещавшее хозяевамъ отдавать внаймы какое либо помѣщеніе развратнымъ женщинамъ, «если обыкновенные домохозяева и могутъ оспаривать его легальность (à supposer que les simples particuliers puissent en contester la légalité), во всякомъ случаѣ обязательно для содержателей меблированныхъ комнатъ» (D. P. 1840. 1. 341).

Поскольку ордонансъ 1778 г. опредѣленно и безусловно воспрещаетъ собственникамъ и главнымъ нанимателямъ отдавать помѣщенія внаймы какимъ либо другимъ особамъ «qu'à des personnes de bonne vie et moeurs, et bien famées», вполнѣ послѣдовательно, при дѣйствіи такого ордонанса, распоряженіе, въ силу котораго всякая женщина или дѣвица, желающая водвориться въ данномъ городѣ, «обязана доказать свои средства къ существованію и представить свидѣтельство, выданное властями ея послѣдняго мѣстожительства въ удостовѣреніе ея хорошаго поведенія»,—и согласно которому женщинѣ, не удовлетворяющей этимъ условіямъ, воспрещается давать въ данномъ городѣ жилище. Однако, кассаціонный судъ въ рѣшеніи отъ 17 ноября 1865 г. не замедлилъ признать такое распоряженіе «незаконнымъ и необязательнымъ» (D. P. 1865. 1. 41).

Не менѣе характерны противорѣчія кассаціоннаго суда и по вопросу о примѣнимости наказаній, опредѣляемыхъ ордонансомъ 1778 г. Рѣшеніемъ отъ 1 декабря 1866 г. и др. кассаціонный судъ установляетъ, что отъ названнаго ордонанса переживаютъ только его диспозитивныя части и что санкціею его постановленій въ настоящее время являются peines de simple police по art. 471 уголовнаго кодекса (D. P. 1867. 1. 142). Для того, чтобы обосновать такую практику на законѣ, кассаціонному суду надо было бы доказать, что законы 1790 и 1791 г.г., опредѣлившіе полномочія муниципальныхъ властей, дали послѣднимъ, между прочимъ, право требовать уголовной репрессіи и въ случаяхъ нарушенія предписаній ордонанса 1778 г. Однако, на неудачу, въ законѣ 22 іюля 1791 г., гдѣ имѣется особая глава: «подтвержденіе (confirmation) различныхъ регламентовъ» (titre I, art. 29), нѣтъ и намека на ордонансъ 1778 г. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, истолковать въ смыслѣ регламентовъ, касающихся надзора за проституціею, регламенты «о безвредности (salubrité) съѣстныхъ припасовъ и лекарствъ» или регламенты, касающіеся уличной чистоты (voirie)? Не былъ ли поэтому кассаціонный судъ логически послѣдовательнѣе, когда онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до разбираемаго рѣшенія, 21 апрѣля 1866 г., утверждалъ, что ордонансъ 1778 г. даетъ «совокупность опредѣленій, образующихъ одно цѣлое, въ которомъ части взаимно связываются и поддерживаютъ одна другую», что уголовный кодексъ «опредѣленно поддержалъ его во всей его полнотѣ» (a maintenu expressément dans son entier) и что, потому, было бы несправедливо, допуская существованіе извѣстныхъ запретовъ и пред-

писаній ордонанса, находить ихъ санкцію въ полицейскихъ взысканіяхъ art. 471 уголовнаго кодекса (D. P. 1866. 2. 215)? [1])

Признавая, съ другой стороны, рѣшеніемъ отъ 3 декабря 1847 г., что легальность внесенія женщины въ списки проститутокъ, санитарныхъ осмотровъ и пр., вытекаетъ изъ опредѣленій муниципальныхъ законовъ 1790 и 1791 г.г., кассаціонный судъ усматриваетъ у муниципальной власти право принимать въ интересахъ спокойствія, порядка, нравственности, гигіены, а равно и для обезпеченія безопасности на общественныхъ путяхъ (sureté de la voie publique), всякія мѣры, какія она сочтетъ въ этомъ отношеніи приличествующими (ср. рѣш. отъ 23 апрѣля 1842 г.; D. P. 1842. 1. 224). Въ частности, на этомъ основаніи, по мнѣнію кассаціоннаго суда является не болѣе, какъ «законнымъ осуществленіемъ этого права», изданное муниципалитетомъ (г. Шартръ) запрещеніе проституткамъ «выходить подъ какимъ бы то ни было предлогомъ (sortir sous aucun pretexte) изъ ихъ жилищъ и появляться на общественной дорогѣ (paraître sur la voie publique) послѣ извѣстнаго часу вечера» (ibid.) Когда, однако, полиція стала привлекать проститутокъ къ уголовной отвѣтственности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, если въ соотвѣтствующіе часы вечеромъ ея агенты не находили ихъ дома, кассаціонный судъ рѣшеніемъ отъ 23 іюля 1842 г. разъяснилъ, что цитированнымъ распоряженіемъ проституткамъ воспрещается только «выходить, подъ какимъ-либо предлогомъ, изъ жилищъ и *появляться на общественномъ пути* послѣ 7 часовъ вечера» и что нарушеніе этого запрета имѣется на лицо только тогда, когда въ недозволенное время ихъ дѣйствительно *видѣли и застигли* въ публичномъ мѣстѣ (D. P. 1843. 1. 120). Подчеркивая, такимъ образомъ, одну изъ частей распоряженія, принятаго въ интересахъ «de la securité, de l'ordre, de la morale et de l'hygiène publique», кассаціонный судъ молча обходитъ другую часть, которая съ неменьшимъ успѣхомъ можетъ быть оправдана фразою о морали и объ общественной гигіенѣ и интересомъ порядка и спокойствія.

Едва ли послѣдователенъ кассаціонный судъ и въ другомъ своемъ рѣшеніи—отъ 29 марта 1844 г. На этотъ разъ дѣвицы, привлеченныя къ уголовной отвѣтственности за нарушеніе запрета выходить въ неположен-

---

[1]) И въ другомъ своемъ рѣшеніи отъ 15 ноября 1865 г. кассаціонный судъ держался той точки зрѣнія, что ордонансъ 1778 г. продолжаетъ имѣть силу не только въ запретахъ, которые онъ содержитъ, но и въ карательныхъ средствахъ, которыя онъ установляетъ,.. «съ сохраненіемъ, однако, за судомъ права понижать наказаніе въ виду смягчающихъ обстоятельствъ». Почтенное судилище упустило только изъ виду опредѣлить, на какую ступень современной карательной лѣстницы Франціи слѣдуетъ поставить бритье у женщины головы и тѣлесное наказаніе, чтобы воспользоваться этой возможностью понижать наказаніе.

ные часы изъ дому, ссылались въ свое оправданіе на необходимость пріобрѣсти съѣстные припасы и пр. Не безъ основанія прокурорскій надзоръ отказывался дать какое либо уваженіе этому способу защиты; вѣдь муниципальный регламентъ, легальность котораго еще такъ недавно была признана кассаціоннымъ судомъ, категорически воспрещаетъ проституткамъ оставлять въ соотвѣтствующіе часы свое жилище «sous aucun pretexte». Послѣдовательно органъ прокуратуры утверждалъ, что, по его убѣжденію, уже единственный фактъ оставленія этими женщинами своего жилища составляетъ нарушеніе, и нѣтъ надобности установлять, причинили онѣ или нѣтъ какой либо соблазнъ (du scandale): муниципальное распоряженіе задается цѣлью не только пресѣчь всякій соблазнъ съ ихъ стороны, но и предупредить его суровою и безусловною мѣрою. Тѣмъ не менѣе, кассаціонный судъ не согласился съ подобнымъ толкованіемъ и отказался усмотрѣть въ проступкѣ подсудимыхъ нарушеніе регламента въ виду того, что онѣ «не были встрѣчены на общественномъ пути» и «не учинили, а равно и не могли учинить скандала» (D. P. 1844. 1. 217.).

Какъ ни «гуманны» подобныя уступки почтеннаго судилища, тѣмъ не менѣе, при своемъ противорѣчіи принципіальной точкѣ зрѣнія, усвоенной послѣднимъ на полномочія полиціи нравственности, онѣ слишкомъ мало соотвѣтствуютъ задачѣ руководящаго судебнаго органа быть логически послѣдовательнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ.

Подъ щитомъ кассаціоннаго суда институтъ полиціи нравовъ въ Парижѣ 3 марта минувшаго года достигъ столѣтней годовщины своего существованія, а особый законъ, который бы легализировалъ исключительныя мѣропріятія полицейской префектуры по надзору за проституціею, остался неизданнымъ. При отсутствіи такого закона, полиція нравственности во Франціи всегда находилась и продолжаетъ находиться въ рѣшительномъ противорѣчіи съ ея положительнымъ правомъ.

Но если во французской республикѣ, какъ справедливо замѣчаетъ ея врядъ ли не самый авторитетный юристъ Фостенъ Эли, „никакой законъ, никакая правовая норма не даетъ администраціи права задерживать и лишать свободы промышляющихъ развратомъ женщинъ“ [1]), то, быть можетъ, ис-

---

[1]) «Nous ne parlons ici, говоритъ Эли по поводу публичныхъ женщинъ, que du seul droit de les arrêter et de les détenir arbitrairement; aucune disposition quelconque ne donne un tel droit à l'Administration» (Théorie

ключительныя мѣры полиціи нравовъ нашли, по крайней мѣрѣ, признаніе въ правопорядкѣ Россійской Имперіи?

Къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ мы приходимъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Правовое основаніе исключительныхъ мѣропріятій врачебно-полицейскаго надзора въ Россіи пытаются найти, съ одной стороны, въ особыхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ по этому предмету и, съ другой, въ уставахъ медицинской полиціи, о пред. и прес. прест. и о наказ., налаг. мировыми судьями.

Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 октября 1851 г. за № 39, возложившемъ на начальниковъ губерніи обязанность распорядиться во всѣхъ городахъ внесеніемъ промышляющихъ развратомъ женщинъ въ списки проститутокъ, подчиненіемъ ихъ повременнымъ освидѣтельствованіямъ и заключеніемъ оказавшихся зараженными въ больницы, и пр., было опредѣленно указано, что эти мѣры „принимаются на основаніи особаго состоявшагося по сему предмету Высочайшаго повелѣнія“ (Сводъ узаконеній, вып. 1, прил., стр. 76). Надо полагать, что администрація, въ настоящей своей ссылкѣ, имѣла въ виду Высочайшія повелѣнія отъ 8 и 31 марта 1848 г. Ненапечатанныя въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства, названныя повелѣнія были не такъ давно оглашены д-ромъ К. Л. Штюрмеромъ въ комиссіи медицинскаго департамента 1901 г. Какъ указываетъ почтенный докладчикъ комиссіи, согласно именно этимъ Высочайшимъ повелѣніямъ регламентація позорнаго промысла въ Россіи „получаетъ законный характеръ“ (Сводъ постановл., стр. 43) [1]).

---

du Code pénal, 1836, t. III, p. 104). Cp. Dalloz: «Aucune loi n'autorise l'administration à arrêter non plus les filles publiques, lorsqu'elles ne commettent pas de délit punissable; on doit se borner à les surveiller; leur infliger une détention serait se rendre coupable d'un acte arbitraire» (D. A. Liberté individ. 16).

[1]) Затрогивая вопросъ исторіи врачебно-полицейскаго надзора, минскій санитарный врачъ г. Грацiановъ своими заявленіями въ почтенномъ органѣ медицинскаго департамента даетъ поводъ предполагать, что Высочайшее повелѣніе, будто бы доставившее полицейскимъ органамъ исключительныя полномочія по надзору за проституціею, относится къ 1843 г.,—

Не является ли, однако, выводъ изъ этихъ повелѣній правомочій полиціи на исключительныя мѣры надзора истол-

---

ко времени самаго возникновенія системы полиціи нравовъ въ Россіи. Относя распоряженіе правительства о приведеніи въ извѣстность женщинъ, промышляющихъ развратомъ, объ ихъ повременномъ освидѣтельствованіи и пр., къ циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 октября 1843 г., П. А. Граціановъ пріурочиваетъ къ названному циркуляру и объявленіе о Высочайшей волѣ, какъ основаніи принятія этихъ мѣръ (В. О. Г. за 1895 г т. XXVIII, отд. 2, стр. 140 р 141).

Если мы, однако, ознакомимся съ содержаніемъ упомянутаго циркуляра, то тотчасъ убѣдимся, что онъ совсѣмъ не заключаетъ того содержанія, которое приписываетъ ему г. Граціановъ. Циркуляромъ 23 октября 1843 г., по медицинскому департаменту, поручалось врачебнымъ управамъ произвести обслѣдованіе «о лицахъ изъ простонародья, одержимыхъ любострастною болѣзнью», объ источникахъ «венерической заразы» и «указать мѣры, какія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, окажутся наиболѣе полезными и удобоисполнительными, какъ къ излеченію наличныхъ больныхъ, такъ и къ пресѣченію поводовъ къ зараженію вновь». «Предположенія Управы» по поводу этихъ мѣръ предписывалось представить своевременно на уваженіе мѣстнаго начальства, для доставленія въ министерство. При этомъ, во всемъ циркулярѣ нѣтъ ни слова о какомъ либо Высочайшемъ повелѣніи (Сводъ узакон., вып. 1, прил., стр. 74).

Указаній на Высочайшую волю мы не находимъ и въ дальнѣйшихъ циркулярахъ сороковыхъ годовъ. «Дабы обезпечить успѣхъ полезнаго распоряженія Медицинскаго Департамента отъ 23 октября 1843 г. и для избѣжанія могущихъ встрѣтиться при исполненіи онаго недоразумѣній», предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 17 января 1844 г. за № 29, «поручено начальникамъ губерній оказывать Врачебнымъ Управамъ въ дѣлѣ семъ всякое зависящее содѣйствіе» (тамъ же, стр. 74). Хотя, казалось бы, циркуляръ отъ 23 октября 1843 г. сводился скорѣе къ порученію выработать, на основаніи мѣстныхъ данныхъ, самыя предположенія о мѣрахъ борьбы съ «любострастною болѣзнью», чѣмъ къ предложенію принять, осуществить оныя, тѣмъ не менѣе одинъ изъ представителей мѣстной власти не замедлилъ, примѣняясь къ распоряженію отъ 17 января 1844 г., предупредить и невыраженныя вполнѣ отчетливо желанія министерства. Одесскій военный губернаторъ генералъ-майоръ Ахлестышевъ донесъ министру о томъ, что имъ въ г. Одессѣ предписано полиціи ввести мѣры регистраціи проститутокъ, повременнаго ихъ освидѣтельствованія и пр. Это донесеніе послужило основаніемъ циркуляру министра внутр. дѣлъ губернаторамъ отъ 24 мая 1844 г. за № 161. Редактированный въ формѣ простого сообщенія о мѣрахъ, принятыхъ, по надзору за проституціею,

кованіемъ Высочайшей воли въ такомъ направленіи, въ какомъ она въ этихъ повелѣніяхъ совсѣмъ и не проявлялась? Задача Высочайшихъ повелѣній 1848 г. сводилась всецѣло къ тому, чтобы въ извѣстной степени примирить терпимость поднадзорной проституціи со строго запретительною системою уложенія: содержательницы терпимыхъ притоновъ и публичныя женщины, состоящія подъ надзоромъ, въ видѣ особаго снисхожденія, освобождались отъ наказаній, налагаемыхъ на нихъ судебными приговорами за непотребство (тамъ же) [1]. Что же касается предоставленія органамъ полиціи какихъ либо исключительныхъ полномочій по надзору, то на этотъ моментъ въ названныхъ повелѣніяхъ нѣтъ и намека.

одесскимъ губернаторомъ, этотъ циркуляръ сопровождался такимъ краткимъ, но, кажется, многозначительнымъ заключеніемъ: Одобривъ изложенныя распоряженія военнаго губернатора, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ изъявилъ ему полную свою признательность за оказанную имъ въ настоящемъ случаѣ дѣятельность, о чемъ считаетъ не излишнимъ увѣдомить и прочихъ губернаторовъ (тамъ же, стр. 75).

При отсутствіи во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ какой либо опредѣленной ссылки на особое Высочайшее повелѣніе, то указаніе, которое дѣлаетъ на него г. Граціановъ, является, очевидно, результатомъ недоразумѣнія. Послѣднее объясняется тѣмъ обстоятельствомъ довольно страннаго свойства, что всѣ отдѣльныя полномочія надзора, значащіяся въ позднѣйшемъ циркулярѣ отъ 26 октября 1851 г., почтенный врачъ цитируетъ въ видѣ содержанія циркуляра отъ 23 октября 1843 г. При этомъ, ссылка на Высочайшее повелѣніе для него облегчается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Перечень образующихъ исключительный режимъ врачебно-полицейскаго надзора мѣръ, «вводимыхъ, какъ сказано въ началѣ распоряженія 1851 г., согласно съ Высочайшей волею», въ концѣ этого циркуляра сопровождается заявленіемъ: «министръ внутр. дѣлъ нашелъ нужнымъ повторить, что указанныя здѣсь мѣры принимаются на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія». Пользуясь этимъ заявленіемъ, г. Граціановъ не затрудняется пояснить, будто въ циркулярѣ 1851 г. «опять» повторяется, что мѣры, отнесенныя имъ къ распоряженію 23 октября 1843 г., «принимаются на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія».

[1]) Ср. Высочайше утвержденное 6 апрѣля 1853 г., однако не обнародованное, мнѣніе государственнаго совѣта, которое приводится въ объяснительной запискѣ къ проекту устава о взыск. за прост., подвѣд. миров. судьямъ (стр. 40).

Такихъ полномочій не было также дано и Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ циркулярѣ министра внутреннихъдѣлъ губернаторамъ отъ 12 сентября 1860 г. за № 115. Здѣсь сообщалось объ увѣдомленіи военнаго министра, „что на журналѣ Комиссіи, разсматривавшей отчетъ Военнаго Министерства за 1858 годъ, по статьѣ о томъ, что при вкоренившемся распространеніи въ простомъ народѣ сифилитической заразы, военный надзоръ за здоровьемъ воинскихъ чиновъ оказывается неудовлетворительнымъ, — послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: „Обратить на это строгое вниманіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ (Сводъ узаконеній, вып. 1, прил., стр. 79). Въ позднѣйшемъ циркулярѣ отъ 24 ноября 1877 г. за № 1139 министръ внутреннихъ дѣлъ уже ссылается на это Высочайшее повелѣніе, какъ на одно изъ правовыхъ основаній обязательнаго медицинскаго освидѣтельствованія женщинъ вольнаго поведенія и др. лицъ (тамъ же, стр. 84): однако, и при самомъ широкомъ толкованіи Высочайшей воли, проявившейся въ цитированной резолюціи, приходится усумниться въ основательности подобнаго вывода.

При такомъ содержаніи Высочайшихъ повелѣній, на которыя пытается опереться, въ устройствѣ надзора за проституціей, министерство внутреннихъ дѣлъ, нѣтъ надобности распространяться по вопросу о правовомъ ихъ значеніи съ точки зрѣнія основныхъ законовъ Россіи. Замѣтимъ, во всякомъ случаѣ, что Высочайшее повелѣніе, изданное „въ порядкѣ управленія“ (ср. прим. къ ст. 53 основныхъ законовъ, изд. 1842 г. и 1892 г.), принципіально не могло создать исключительнаго правового режима для промышляющихъ развратомъ женщинъ, поскольку этотъ режимъ еще не установленъ закономъ, такъ какъ „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ“ (тамъ же, ст. 47). Согласно ст. 55 основныхъ законовъ, „по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, въ видѣ указовъ, объявляемыхъ мѣстами и лицами, отъ Верховной Власти къ сему уполномоченными“, „могутъ быть излагаемы“ „дополненія и изъясненія закона, коими установляется токмо образъ его исполненія, или же опредѣляется истинный его разумъ“. Къ тому же, „объявляемый указъ не можетъ имѣть силы въ дѣ-

лахъ: о лишеніи жизни, чести, или имущества" (тамъ же, ст. 66), а между тѣмъ формальное зачисленіе женщины, при подчиненіи надзору, въ списки проститутокъ является, конечно, актомъ, не безразличнымъ для ея чести [1]).

Переходя къ изученію законовъ, на которые ссылаются, какъ на правовое основаніе исключительныхъ стѣсненій надзора, мы сперва остановимъ вниманіе читателя на ст. 562 устава медиц. полиціи, изд. 1842 г.

«Если въ городѣ окажутся на людяхъ заразительныя прилипчивыя болѣзни, полиція немедленно производитъ на мѣстѣ освидѣтельствованіе съ врачами при двухъ свидѣтеляхъ; и буде подлинно таковыя болѣзни по свидѣтельству явятся, то отлучаетъ здоровыхъ отъ больныхъ, такъ, чтобы сообщенія одни съ другими не имѣли, и не мѣшкавъ, о болѣзни увѣдомляетъ Губернское Правленіе и Начальника Губерніи, съ приложеніемъ яснаго врачебнаго описанія какъ болѣзни, такъ и того, гдѣ, кому и отъ чего оная приключилась« (ст. 945 въ изд. 1857 г. и ст. 740 въ изд. 1892 г.) [2]).

Указывая на этотъ законъ въ сообщеніи по медицинскому департаменту подлежащему губернатору отъ 1 іюня

---

[1]) Въ виду такого значенія Высочайшихъ повелѣній, о которыхъ упоминается въ нашихъ основныхъ законахъ, не установляетъ правомѣрно исключительныхъ стѣсненій женщины въ порядкѣ надзора за проституціею и вызванная отчетомъ нижегородскаго военнаго губернатора Высочайшая, на журналъ комитета министровъ 21 іюля 1859 г., резолюція о томъ, чтобы мѣры противъ распространенія сифилиса, принятыя въ г. Арзамасѣ, были «принимаемы повсемѣстно» (Сводъ узакон., вып. 1, прил., стр. 79). Умѣстно замѣтить, что само министерство внутреннихъ дѣлъ, ограничившись сообщеніемъ этой резолюціи подлежащему губернатору въ августѣ 1859 г., совсѣмъ не дѣлаетъ на нее ссылки, какъ на основаніе правомѣрности исключительныхъ мѣръ надзора за проституціей, ни въ ближайшемъ циркулярѣ губернаторамъ отъ 12 сентября 1860 г., ни въ позднѣйшихъ, и въ томъ числѣ—отъ 24 ноября 1877 г., въ которомъ подробно перечисляются правовые источники названныхъ мѣръ. Сказанное распространяется и на словесное Высочайшее повелѣніе отъ 24 февраля 1868 г.,—см. ниже стр. 86.

[2]) Въ основаніи этой статьи исторически лежитъ ст. 260 губернскихъ учрежденій Екатерины II 7 ноября 1775 г.: «буде (отъ чего Боже сохрани) въ городѣ окажутся на людяхъ прилипчивыя болѣзни, яко то: горячка съ пятнами, кровавые поносы и другія тому подобныя болѣзни, о томъ Городничій свидѣтельствовать велитъ немедленно Доктору, или Лѣкарю при двухъ свидѣтеляхъ; и буде подлинно»...

1877 г. за № 553, министръ внутреннихъ дѣлъ замѣчаетъ, что къ болѣзнямъ, обусловливающимъ его примѣненіе, „конечно, причисляется и сифилисъ“ (Сводъ узаконеній, вып. 1, прил., стр. 83). Однако, спеціальная комиссія министерства внутреннихъ дѣлъ въ своей запискѣ о мѣрахъ противъ сифилиса, представленной въ медицинскій совѣтъ, далеко не раздѣляетъ подобнаго взгляда. „Очевидно, высказываетъ она по поводу приведенной нормы, что здѣсь законъ подразумѣваетъ такія болѣзни, которыя распространяются повально, эпидемически, но не любострастную болѣзнь“ (В. О. Г., т. 1 за 1885 г., отд. офф., стр. 24). И на это комиссія имѣетъ основаніе, такъ какъ и весь раздѣлъ, къ которому относится разбираемая статья, имѣетъ въ виду „особенныя мѣры къ охраненію здравія народнаго въ случаѣ повальныхъ болѣзней“, а равно и то ближайшее отдѣленіе, въ которое она входитъ,—„мѣры пресѣченія повальныхъ болѣзней“ (разд. II и отдѣл. 2 главы 1 уст. медиц. пол., изд. 1842 г.) [1]).

Положимъ, въ примѣчаніи къ ст. 553, изд. 1842 г., также входящей въ раздѣлъ мѣръ борьбы съ повальными болѣзнями, упоминается и о любострастной болѣзни: „въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, въ случаяхъ означенныхъ въ сей статьѣ, равно какъ и объ одержимыхъ любострастными болѣзнями, хозяинъ обязанъ тотчасъ дать знать сельскому старостѣ“ [2]). Но именно это упоминаніе и даетъ намъ вѣское доказательство въ пользу того, что любострастная болѣзнь не можетъ быть юридически отнесена къ разряду повальныхъ болѣзней, вызывающихъ принятіе исключительныхъ мѣръ въ

---

[1]) Въ уложеніи о наказаніяхъ 15 августа 1845 г.,—отдѣленіе 2 разд. VIII о прест. и прост. противъ общ. благоустройства и благочинія, на ряду съ повальными болѣзнями были поставлены еще «прилипчивыя болѣзни». Отразившись въ послѣдующихъ изданіяхъ устава медиц. полиціи на статьяхъ, касающихся мѣръ предупредительныхъ, это расширеніе совсѣмъ не проявилось въ отдѣленіи, относящемся къ «пресѣченію повальныхъ болѣзней» (ср. отдѣл. 1 и 2 главы 1 разд. III, изд. 1857 и 1892 г.г.).

[2]) Это примѣчаніе образовала ст. 88 сельскаго полицейскаго устава для государственныхъ крестьянъ 23 марта 1839 г.: «Каждый хозяинъ дома, въ которомъ окажутся больные горячкою съ пятнами и другими прилипчивыми или тяжкими болѣзнями, равно и любострастными, обязанъ тотчасъ дать знать о семъ сельскому старостѣ».

ихъ предотвращенію и пресѣченію. Какъ о предположеніи къ принятію одной изъ такихъ мѣръ въ ст. 553 говорится о случаяхъ, когда „между сельскими обывателями появится заразительная болѣзнь, или въ одномъ и томъ же селеніи вдругъ и многіе люди внезапно и тяжко отъ чего-либо заболѣютъ“: такъ какъ согласно приведенному примѣчанію случаямъ такихъ болѣзней опредѣленно *противополагается* болѣзнь любострастная, то, очевидно, послѣдняя лишь по исключенію обусловливаетъ принятіе одной спеціальной мѣры борьбы,—донесенія хозяиномъ дома сельскому старостѣ объ одержимыхъ ею въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ [1]).

Да если бы венерическія болѣзни и могли быть подведены подъ понятіе эпидемій, о пресѣченіи которыхъ идетъ рѣчь въ ст. 562 устава медиц. полиціи, то и въ такомъ случаѣ еще не оказалось бы, на почвѣ этой статьи, правового основанія для занесенія женщинъ, подозрѣваемыхъ въ развратѣ, въ списки проститутокъ, и ихъ повременнаго освидѣтельствованія. При расширеніи мѣропріятій медицинской

---

[1]) Поводъ къ недоразумѣніямъ можетъ подать послѣдующая кодификаціонная судьба интересующаго насъ примѣчанія. Въ изданіи устава медиц. полиціи 1857 г. бывшая ст. 553 была поглощена ст. 1066 улож. о наказ., и редакція примѣчанія къ ней была, въ кодификаціонномъ порядкѣ, измѣнена: «Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, объ одержимыхъ прилипчивыми или тяжкими, въ томъ числѣ и любострастными болѣзнями, всякій хозяинъ дома обязанъ тотчасъ давать знать сельскому старостѣ» (прим. къ ст. 935). «Этотъ законъ, читаемъ мы въ вышеупомянутой запискѣ министерской комиссіи о мѣрахъ противъ сифилиса, какъ видно изъ подлиннаго текста, относится только къ селеніямъ Государственныхъ крестьянъ и съ подчиненіемъ послѣднихъ вѣдѣнію общихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, а равно съ преобразованіемъ общественнаго управленія сихъ крестьянъ, на основаніи законовъ о сельскомъ состояніи, утратилъ нынѣ свое значеніе» (В. О. Г., т. 1 за 1885 г., отд. офф., стр. 24), Остается недоумѣвать, на какомъ основаніи въ изданіи устава медиц. полиціи 1892 г. злополучное примѣчаніе появляется снова въ редакціи 1857 г., но съ опущеніемъ словъ «государственныхъ крестьянъ» (прим. къ ст. 731)? Общая ссылка на положеніе 19 февраля 1861 г. и на законъ о преобразованіи общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ 18 января 1866 г. не разрѣшаютъ недоразумѣнія: спеціальная норма для государственныхъ крестьянъ, съ подчиненіемъ ихъ въ вѣдѣніе общихъ учрежденій, не только не могла распространиться на все сельское населеніе, но должна была совсѣмъ исчезнуть.

полиціи по пресѣченію повальныхъ болѣзней на болѣзни венерическія, стала бы умѣстной слѣдующая система борьбы съ послѣдними. По донесеніи любого домохозяина или содержателя номеровъ для пріѣзжающихъ и пр., а равно и каждаго врача, какъ служащаго, такъ и вольнопрактикующаго [1]), о дошедшихъ до ихъ свѣдѣнія случаяхъ появленія венерическихъ болѣзней, полиція немедленно производитъ на мѣстѣ освидѣтельствованіе съ врачами при двухъ свидѣтеляхъ лицъ, о заболѣваніи коихъ сифилисомъ, мягкимъ шанкромъ или перелоемъ послѣдовалъ доносъ. Въ случаѣ, если донесеніе окажется основательнымъ, больные отлучаются отъ здоровыхъ такъ, чтобы между ними не было сообщенія; пользованіе и леченіе больныхъ поручается врачамъ, а объ ихъ болѣзни съ указаніемъ, гдѣ и отъ чего оная приключилась, тотчасъ же увѣдомляется губернское правленіе и губернаторъ. Очевидно, ни ограниченіе мѣръ принудительнаго освидѣтельствованія и леченія опредѣленною категоріей лицъ, ни распространеніе этихъ мѣръ періодически на всѣхъ лицъ соотвѣтствующей категоріи, совсѣмъ не вытекаютъ изъ объема особыхъ полномочій, предоставляемыхъ полиціи на случай борьбы съ эпидемическими болѣзнями [2]).

---

[1]) Ср. ст. 1066 улож. о наказ. 15 августа 1845 г. и сенатскій указъ отъ 22 іюля 1842 г. (ст. 731 и 732 уст. мед. пол. въ изд. 1892 г.)

[2]) Для сужденія о допустимости повременнаго освидѣтельствованія проститутокъ поучительна нижеслѣдующая мотивировка указа сената по первому департаменту отъ 9 октября 1874 г. за № 43236. «Прав. Сенатъ, разсмотрѣвъ постановленіе Мещовскаго Земскаго (Калужской губ.) Собранія, нашелъ, что установленіе такихъ мѣръ, какъ поголовное освидѣтельствованіе, по усмотрѣнію земства, всѣхъ обывателей селенія, безъ различія пола и безъ ихъ на то согласія, съ цѣлью прекращенія сифилиса, въ особенности же обязательство, налагаемое Земскимъ Собраніемъ на всѣхъ, приходящихъ изъ заработковъ, являться для освидѣтельствованія къ врачу и предъявлять о семъ освидѣтельствованіи удостовѣреніе при полученіи паспортовъ,—не можетъ не быть крайне обременительнымъ для обывателей, стѣсняя ихъ матеріальные интересы и нарушая въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ихъ личную неприкосновенность и достоинство; независимо сего, такого рода постановленіе Земскаго Собранія не можетъ быть допущено въ виду того, что въ законѣ не содержится указаній, чтобы вообще какія либо учрежденія могли принимать мѣры для прекращенія сифилиса, подобныя установленнымъ Мещовскимъ земствомъ».. (Сводъ узакон., вып. 1, прил., стр. 71).

Далѣе, правовое основаніе исключительныхъ мѣръ врачебно-полицейскаго надзора за проституціею пытаются извлечь изъ ст. 228 устава о пред. и прес. прест., изд. 1842 г.

«Пользующихся отъ заразительныхъ болѣзней въ госпиталяхъ допрашивать, отъ кого заразились, и по показанію, буде заразившія ихъ женщины дѣйствительно окажутся виновными въ непотребствѣ и суть бродящія, подлыя и подозрительныя дѣвки, солдатскія вдовы и дочери: таковыхъ брать и лечить отъ заразительной болѣзни въ госпиталяхъ и, по вылеченіи, солдатскихъ женъ отдавать мужьямъ съ росписками, съ подтвержденіемъ, чтобы ихъ содержали и до распутства не допускали; тѣхъ же, кои изъ нихъ помѣщичьи или другихъ вѣдомствъ, отсылать до полученія справокъ о мѣстѣ ихъ жительства на работы, какъ о бродягахъ постановлено; по полученіи же справки, отсылать къ помѣщикамъ и въ тѣ общества и вѣдомства, коимъ онѣ принадлежатъ, поручая мѣстному начальству имѣть за ихъ поведеніемъ строгій надзоръ, и взыскивая деньги, сколько на пищу и лекарство во время леченія употреблено, съ помѣщиковъ и обществъ; а ежели они ихъ взять не пожелаютъ, то отправлять ихъ въ Сибирь на поселеніе» (ст. 251 въ изд. 1857 г., ср. ст. 190 въ изд. 1876 г. и ст. 158 въ изд. 1890 г. [1]).

Развѣ эта статья не управомочиваетъ полицію на принудительное заключеніе больныхъ, обнаруженныхъ среди непотребныхъ женщинъ, когда она категорически требуетъ: „таковыхъ брать и лечить отъ заразительной болѣзни въ госпиталяхъ“? И развѣ лежащій исторически въ основаніи этой статьи сенатскій указъ, отъ 28 мая 1763 г., предписывая „въ

---

[1]) Въ основаніи этой статьи исторически лежатъ: сенатскій указъ отъ 20 мая 1763 г. (11826) «о скорѣйшемъ леченіи въ госпиталяхъ воинскихъ чиновъ, одержимыхъ венерическою болѣзнію, и о ссылкѣ обличающихся въ непотребствѣ женщинъ, по излеченіи, въ Нерчинскъ на поселеніе; именной указъ отъ 4 мая 1765 г. (12391) «объ отсылкѣ вдовъ и дѣвокъ за праздность и безпорядочное поведеніе на поселеніе въ надлежащія мѣста за карауломъ» и сенатскій указъ отъ 30 сентября 1771 г. (13664) «о безотговорочномъ приниманіи на фабрики въ работу непотребныхъ дѣвокъ, присылаемыхъ изъ главной полиціи въ Мануфактуръ—контору» (ср. также сенатскую справку въ указѣ отъ 14 апрѣля 1828 г.).

непотребствѣ обличающихся женщинъ осматривать", не разрѣшаетъ издавна въ смыслѣ, благопріятномъ для регламентаціи, самаго щекотливаго ея вопроса о принудительномъ освидѣтельствованіи?

Мы позволимъ себѣ, однако, утверждать, что подобные выводы отнюдь не согласуются со всѣмъ содержаніемъ разбираемой статьи. Взятая въ цѣломъ, эта статья, а равно и ея историческій источникъ, не только не освящаетъ исключительныхъ полномочій надзора, по части стѣсненій личной свободы женщины, но скорѣе сама является законнымъ препятствіемъ къ принятію важнѣйшихъ врачебно-полицейскихъ мѣръ. Если ст. 228 и допускаетъ принудительное заключеніе въ госпиталь, то лишь тѣхъ женщинъ, которыя оказались „виновными въ непотребствѣ" и, при этомъ, только въ случаяхъ, когда на данную женщину имѣется оговоръ опредѣленнаго лица въ томъ, что онъ отъ нея заразился: „пользующихся отъ заразительныхъ болѣзней въ госпиталяхъ допрашивать, отъ кого заразились, и по показанію, буде заразившія ихъ женщины дѣйствительно окажутся виновными въ непотребствѣ..: таковыхъ брать" и пр. Этимъ самымъ рѣшительно исключается полномочіе полиціи подвергать, въ случаѣ болѣзни, заключенію въ госпиталь любую женщину, административно внесенную въ списки проститутокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если ст. 228, истолкованная исторически, и разрѣшаетъ принудительный осмотръ женщины, на которую сдѣланъ оговоръ въ зараженіи опредѣленнаго лица, то совсѣмъ не въ смыслѣ повременныхъ освидѣтельствованій: врачебно-полицейскій осмотръ, по екатерининскому указу 20 мая 1763 г., оказывается не болѣе, какъ только средствомъ провѣрки этого оговора и основаніемъ для рѣшенія вопроса о томъ, подлежитъ ли женщина, уличенная въ непотребствѣ, до примѣненія къ ней дальнѣйшихъ мѣръ репрессіи, предварительному заключенію въ госпиталь. Дальнѣйшія освидѣтельствованія женщинъ, оказавшихся при первомъ осмотрѣ здоровыми, равно какъ и тѣхъ, которыя уже вышли изъ госпиталя, не только не допускаются ст. 228 и ея историческимъ источникомъ, но, на самомъ дѣлѣ, попадаютъ въ явное противорѣчіе съ ея требованіями—отправки солдатскихъ женъ къ мужьямъ, высылки помѣщичьихъ и другихъ вѣдомствъ женщинъ

къ помѣщикамъ или въ соотвѣтствующія вѣдомства и ихъ ссылки, въ случаѣ непринятія, въ Сибирь на поселеніе.

Терпимость поднадзорной проституціи принципіально несовмѣстима съ системою безусловной репрессіи непотребства, проявляющейся въ нормахъ разбираемой статьи. Ссылкою на эту статью сторонники правомѣрности надзора въ состояніи были бы оправдать суровыя мѣры запрещенія позорнаго промысла, но отнюдь не рядъ исключительныхъ мѣропріятій, при подчиненіи которымъ женщина вправѣ промышлять развратомъ [1].

Нашъ разборъ нормъ устава медиц. полиціи и о пред. и прес. прест., на которыхъ пытаются обосновать правомѣрность исключительныхъ стѣсненій промышляющихъ развратомъ женщинъ, оказался бы неполнымъ, если бы мы оставили въ сторонѣ статьи, касающіяся учрежденія въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи врачебно-полицейскихъ комитетовъ.

---

[1]) Изложенныя соображенія вполнѣ распространяются и на измѣненную редакцію разбираемой статьи въ изданіяхъ уст. о пред. и прес. прест. 1876 г. (ст. 190) и 1890 г. (ст. 158): «Пользующихся отъ заразительной болѣзни въ госпиталяхъ допрашивать, отъ кого заразились, и по показанію буде заразившія ихъ женщины дѣйствительно окажутся виновными въ непотребствѣ и суть бродящія, подлыя и подозрительныя дѣвки, таковыхъ брать и лечить отъ заразительной болѣзни въ госпиталяхъ и, по вылеченіи, поступать съ ними, какъ о бродягахъ постановлено».

Въ уставѣ о пред. и прес. прест. изданія 1857 г. интересующая насъ статья была дополнена нормою, установленною уложеніемъ о наказ. 15 августа 1845 г. (ст. 1288; соотв. ст. 1343 въ изд. 1857 г.): «Тѣ же изъ непотребныхъ женщинъ и дѣвокъ, которыя, имѣвъ происходящую отъ ихъ образа жизни, заразительную болѣзнь (lues venerea), не откроютъ о томъ врачу при самомъ началѣ болѣзни, по излеченіи подвергаются взысканію на основаніи ст. 1343 ул. о нак.» (ст. 251). Въ уложеніи изданія 1866 г. соотвѣтствующая норма была устранена (въ формѣ замѣны статьей 44 устава о наказ.), и въ послѣдующихъ изданіяхъ устава о пред. и прес. прест. (1876 и 1890 г.г.) дополненіе разбираемой статьи осталось въ редакціи: «Тѣ изъ непотребныхъ женщинъ и дѣвокъ, которыя имѣютъ происходящую отъ ихъ образа жизни, заразительную болѣзнь (lues venerea), должны открывать о томъ врачу при самомъ началѣ болѣзни». Разумѣется, это правило ни въ прежней, ни въ новой санкціи не даетъ никакого правомочія полиціи на принятіе исключительныхъ мѣръ въ порядкѣ надзора противъ проститутокъ.

«Для ограниченія, читаемъ мы въ ст. 944 устава медиц. полиціи, изд. 1857 г., распространенія любострастныхъ болѣзней въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Вильнѣ учреждены Врачебно-Полицейскіе Комитеты, дѣйствующіе на основаніи особо изданныхъ для нихъ правилъ».

«Учрежденные, повторяетъ ст. 252 устава о пред. и пресѣч. прест., изд. того же года, для тщательнаго врачебно-полицейскаго надзора за женщинами, промышляющими развратомъ въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Вильно, Врачебно-Полицейскіе Комитеты въ дѣйствіяхъ своихъ руководствуются особо изданными для сего правилами».

Лежащія въ основаніи этихъ статей Высочайше утвержденныя положенія комитета министровъ объ учрежденіи въ Петербургѣ особой женской больницы и врачебно-полицейскаго комитета 8 октября 1843 г. (17213), объ учрежденіи въ Москвѣ врачебно-полицейскаго комитета для надзора за состояніемъ здоровья публичныхъ женщинъ 4 іюля 1844 г. (18047), объ учрежденіи въ Вильнѣ врачебно-полицейскаго комитета 18 декабря 1845 г. (19530), и др., не заключали въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній на порядокъ изданія правилъ, которыми комитеты были бы призваны руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но 26 іюня 1856 г. (30648) Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, объявленнымъ сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ, было положено, на ряду съ представленіемъ штата врачебно-полицейскаго комитета въ Петербургѣ на Высочайшее благоусмотрѣніе, „предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по сношеніи съ С.-Петербургскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, снабжать сіе учрежденіе надлежащими правилами, наставленіями и инструкціями, какія, по указанію опыта, могутъ оказаться нужными“.

Спрашивается, вправѣ ли подлежащія власти, благодаря этому полномочію изданія къ руководству комитета особыхъ правилъ, выходить за предѣлы общихъ законовъ въ стѣсненіи личной свободы извѣстной категоріи женщинъ? Для выясненія этого вопроса умѣстно ознакомиться здѣсь съ исторіею позднѣйшей попытки министерства внутреннихъ дѣлъ законодательнымъ путемъ опредѣлить кругъ дѣйствій врачебно-полицейскаго комитета въ Петербургѣ.

«Главноуправлявшій IV отдѣленіемъ, читаемъ мы въ Сводѣ узаконеній и распоряженій правительства по врачебной и санитарной части, вып. 1, прил., стр. 64, Собственной Его Величества Канцеляріи, отъ 2 марта 1868 г., сообщилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что по всеподданнѣйшему его докладу о томъ, что при осмотрѣ Калинкинской больницы имъ замѣчено много женщинъ, даже замужнихъ (103 изъ 340), одержимыхъ сифилисомъ въ послѣдней степени, съ искаженіемъ лица и съ язвами, приближающимися, по отзыву врачей, къ язвамъ проказы,—Государь Императоръ, въ 24 день февраля того года, Высочайше повелѣть соизволилъ: пригласить Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Именемъ Его Императорскаго Величества, принять мѣры вообще, а въ особенности дать здѣшней санитарной комиссіи средства къ строжайшему преслѣдованію и возможному искорененію сифилиса, который, развиваясь въ публичныхъ домахъ, болѣе же всего у женщинъ, промышляющихъ развратомъ въ отдѣльныхъ квартирахъ, угрожаетъ заразить все будущее поколѣніе чрезъ разноску этого гибельнаго яда лѣтними рабочими, равно безсрочно-отпускными нижними чинами, по городамъ и селамъ Россіи».

Выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проектъ преобразованія врачебно-полицейскаго комитета въ Петербургѣ 18 мая 1868 г. поступилъ на обсужденіе соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи государственнаго совѣта.

«Соединенные Департаменты», какъ видно изъ «Соображеній» по дѣлу № 62, опубликованныхъ въ извлеченіи въ Сводѣ узаконеній, тамъ же, стр. 66, приняли во вниманіе: 1) что законодательство, признавая непотребство, обращенное въ ремесло, дѣйствіемъ противозаконнымъ (XIV т. уст. о пред. и пресѣч. прест., ст. 245—251, соотв. ст. 155—158 уст. 1890 г.), и отвергая слѣдовательно всякое нормальное его существованіе, не можетъ входить, безъ явнаго себѣ противорѣчія, въ какія либо соображенія о порядкѣ и способахъ его организаціи; 2) что Врачебно-Полицейскіе Комитеты дѣйствуютъ на основаніи особо изданныхъ для нихъ административныхъ правилъ и положеній, утверждаемыхъ не въ законодательномъ порядкѣ, а въ порядкѣ административномъ (сводъ зак. т. XIII уст. мед. пол. ст. 944 и т. XIV уст. о пред. и пресѣч. преступ. ст. 252, соотв. прим. къ ст. 155 уст. пред. прест., 1890 г., и ст. 164, 178 и 190 уст. врач. 1892 г.), и 3) что за симъ всякія въ означенныхъ правилахъ и положеніяхъ измѣненія и дополненія,— къ чему бы они ни относились: къ внутреннему устройству комитетовъ, или же къ способамъ ихъ дѣйствій, могутъ и должны имѣть мѣсто не иначе какъ въ томъ же административномъ, а не законодательномъ порядкѣ».

Не входя, въ виду изложенныхъ соображеній, въ разсмотрѣніе проекта учрежденія и круга дѣйствій врачебно-полицейскаго комитета въ Петербургѣ, государственный совѣтъ положилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ „руководствоваться Выс. утв. 26 іюня 1856 г. мнѣніемъ Госуд: Сов., коимъ М-ру В. Д. поручено снабжать С.-Петербургскій Врачебно-Полицейскій Комитетъ надлежащими правилами, наставленіями и инструкціями, какія, по указаніямъ опыта, могутъ оказаться нужными, съ тѣмъ притомъ, чтобы въ случаяхъ, власть его превышающихъ или же особенно сомнительныхъ, онъ входилъ съ представленіемъ, по бывшимъ примѣрамъ, въ Комитетъ Министровъ". 28 іюня 1868 г. „положеніе это удостоилось Высочайшаго утвержденія" (Сводъ узаконеній, тамъ же, стр. 64 и 65).

Эта совершенно опредѣленно выраженная и Высочайше одобренная точка зрѣнія государственнаго совѣта на административный характеръ правилъ, на основаніи которыхъ дѣйствуютъ врачебно-полицейскіе комитеты, устраняетъ всякое сомнѣніе на счетъ предѣловъ полномочій подлежащей правительственной власти въ дѣлѣ изданія указанныхъ правилъ: какъ акты управленія, положенія объ учрежденіи врачебно-полицейскихъ комитетовъ не только не даютъ, но и не въ состояніи дать правительственнымъ органамъ правомѣрной возможности выходить въ стѣсненіи личной свободы извѣстной категоріи женщинъ за предѣлы существующихъ узаконеній [1]).

---

[1]) Еще два слова о кодификаціонной судьбѣ статей, относящихся къ учрежденію врачебно-полицейскихъ комитетовъ. Въ уставѣ врачебномъ, изд. 1892 г., прежняя ст. 944 изъемлется изъ раздѣла «особенныхъ мѣръ къ охраненію здравія народнаго отъ повальныхъ болѣзней» и излагается въ формѣ отдѣльныхъ постановленій для Петербурга, Москвы и Варшавы въ книгѣ учрежденій врачебныхъ,—глава «о мѣстномъ врачебномъ управленіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ въ особенности» (ст. 164, 178 и 190). Въ уставѣ о пред. и прес. прест. изданія 1876 г. изъ прежней ст. 252, превращающейся въ прим. къ ст. 187, выпускается слово «тщательно», а въ уставѣ изданія 1890 г. въ соотвѣтствующемъ прим. къ ст. 155 мы не находимъ болѣе ограничивающихъ словъ «въ С.-Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Вильно». Эта свобода кодификаціонныхъ перемѣнъ была бы совершенно неумѣстной, если бы право изданія особыхъ правилъ къ руководству опредѣленныхъ комитетовъ совмѣщало въ себѣ какія либо исключительныя правомочія, выходящія за предѣлы общихъ законовъ.

Зачисленіе въ списки проститутокъ, повременное освидѣтельствованіе и, при болѣзни, заключеніе въ госпиталь любой зарегистрированной женщины не имѣли правового основанія въ законодательствѣ дореформенной Россіи; эти исключительныя мѣры не пріобрѣли легальнаго характера и съ изданіемъ, въ составѣ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., ст. 44 устава о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями.

«За неисполненіе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства и пресѣченію вредныхъ отъ онаго послѣдствій, виновные подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей».

Какъ справедливо замѣчаетъ сенатъ въ извѣстномъ рѣшеніи общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ, отъ 3 февраля 1892 г. за № 7, это постановленіе „является частнымъ случаемъ общаго положенія, изложеннаго въ 29 ст. того же устава, опредѣляющаго вообще отвѣтственность за неисполненіе законныхъ распоряженій и требованій власти“: примѣненіе ст. 44 должно зависѣть отъ установленія судомъ, прежде всего, „законности распоряженія, на основаніи коего было предъявлено требованіе“ [1]). Однако, законы шестидесятыхъ годовъ, нормировавшіе обновленный строй пореформенной Россіи, не обмолвились и словомъ въ смыслѣ установленія исключительныхъ стѣсненій личной свободы промышляющихъ развратомъ женщинъ! Не доставили соотвѣтствующихъ полномочій полиціи и узаконенія послѣдующей эпохи.

---

[1]) 12 января 1880 г. министромъ внутр. дѣлъ сообщено подлежащему губернатору, что въ случаѣ сопротивленія женщинъ, забираемыхъ полиціею за проступки противъ благочинія и подозрѣваемыхъ въ распутствѣ, медицинскому освидѣтельствованію, эти женщины должны быть привлекаемы къ преслѣдованію по ст. 44 и, сверхъ того, по ст. 26 уст. о наказ. (Сводъ узакон., вып. 1, прил., стр. 84—85). Но, какъ видно изъ самаго текста ст. 26, «къ исполненію, по мѣрѣ возможности, того, что ими упущено», виновные подвергаются только въ тѣхъ случаяхъ, «когда проступокъ состоитъ въ неисполненіи закона или предписаній дѣйствующихъ въ силу закона властей».

Почтенная комиссія медицинскаго департамента 1901 г. ставитъ во главѣ своихъ заключеній пожеланіе, „чтобы основы дѣятельности за проституціей были установлены законодательнымъ порядкомъ“ (Сводъ постановл., стр. 51); не склоняется ли, такимъ образомъ, и она, оставляя въ сторонѣ юридическія ссылки циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ, къ признанію того факта, что исключительныя мѣропріятія врачебно-полицейскаго надзора не имѣютъ надлежащей опоры въ дѣйствующихъ законахъ россійскихъ?..

Не имѣя опоры въ законѣ, исключительный режимъ надзора за проституціею въ нашемъ отечествѣ является фактомъ, противорѣчащимъ положительному русскому праву. И повременное освидѣтельствованіе, и заключеніе, при болѣзни, въ госпиталь любой женщины, внесенной, по полицейскому усмотрѣнію, въ списки проститутокъ, и др. мѣры, представляютъ собою очевидное посягательство на неприкосновенность личной свободы. А между тѣмъ коренная норма, которую освободительное движеніе шестидесятыхъ годовъ пыталось возвести въ руководящій принципъ государственной жизни новой Россіи, выраженная статьей 8 устава угол. судопр., категорически опредѣляетъ: „Никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ“ [1]).

Съ точки зрѣнія руководящаго рѣшенія общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената отъ 3 февраля 1892 г. неправомѣрность исключительныхъ мѣръ полиціи нравственности какъ будто погашается „подпискою женщины о ея согласіи подчиниться надзору“ (см. выше, стр. 33). Мы имѣли уже случай отмѣтить сомнительный характеръ фактической „добровольности“ этой подписки. Теперь считаемъ умѣстнымъ рѣшительно высказаться противъ ея юридической допустимости. При этомъ, намъ нѣтъ надобности останавливаться на недоумѣніи, какимъ образомъ нару-

---

[1]) Ср. также ст. 352 уст. угол. судопр., согласно которой даже въ порядкѣ уголовнаго преслѣдованія, на предварительномъ слѣдствіи, «не допускается привлеченіе къ освидѣтельствованію другихъ лицъ женскаго пола, кромѣ тѣхъ, на кого падаетъ основательное подозрѣніе» (см. еще и ст. 322 и 351).

шеніе добровольно принятыхъ на себя обывателемъ, въ отношеніи къ полиціи, договорныхъ обязанностей, выходящихъ за предѣлы закона, въ состояніи повлечь за собою уголовную отвѣтственность за неисполненіе законныхъ распоряженій правительства? Мы принципіально не представляемъ себѣ закономѣрной возможности договорнаго установленія администраціею для обывателей такихъ публично-правовыхъ обязанностей, которыя выходили бы за предѣлы дѣйствующихъ узаконеній. Предположеніе этой возможности было бы равносильно признанію, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда удается подчинить обывателя „добровольно" усмотрѣнію правительственной власти, послѣдняя уже не связана болѣе, въ своихъ требованіяхъ, рамками нормъ закона [1])!

Итакъ, слѣпокъ съ института полиціи нравственности, противорѣчащаго правовому укладу той страны, гдѣ онъ впервые свилъ себѣ гнѣздо и образовалъ вліятельный центръ для широкаго подражанія, врачебно-полицейскій надзоръ за проституціею, въ исключительныхъ стѣсненіяхъ личной свободы промышляющихъ развратомъ женщинъ, противорѣчитъ и русскому положительному праву.

Передъ читателемъ снова настойчиво выдвигается вопросъ, на какихъ же интересахъ, потребностяхъ цѣлаго общества или отдѣльныхъ его элементовъ зиждется это торжество неправомѣрности исключительныхъ мѣръ врачебно-полицейскаго прикрѣпленія женщины къ позорному промыслу?

---

[1]) Не погашается, конечно, неправомѣрность исключительныхъ мѣропріятій надзора и правомъ, предоставленнымъ, на основаніи положенія о губ. и уѣздн. земскихъ учрежденіяхъ, изд. 1892 г., ст. 108 п. 12, и городового положенія, изд. того же года, ст. 108 п. 9, губернскому земскому собранію и городской думѣ составлять обязательныя постановленія для мѣстныхъ жителей о мѣрахъ предупрежденія и прекращенія заразительныхъ и повальныхъ болѣзней: по силѣ ст. 110 земскаго и ст. 109 городового положенія, эти постановленія «не должны ни въ чемъ противорѣчить существующимъ законамъ» (ср. ст. 614 и 615 уст. медиц. пол., изд. 1892 г.).

Глава третья.

Идеологія врачебно-полицейскаго надзора за проституціею.

Несомнѣнно, санитарный моментъ является первенствующимъ, мощнымъ, рѣшающимъ доводомъ въ той аргументаціи, которую регламентисты приводятъ въ обоснованіе и оправданіе исключительныхъ мѣръ врачебно-полицейскаго надзора за проституціею. Сифилисъ, въ его губительномъ, безпощадномъ вліяніи на семью, на дѣтей, на потомство, въ его угрожающей опасности вырожденія вида, составляетъ такое зло, рѣшительная, упорная борьба съ которымъ опредѣляется, вызывается интересами цѣлаго общества. И если въ этой борьбѣ можетъ имѣть значеніе обезвреженіе проституціи,—главнаго источника распространенія сифилиса въ городахъ, исключительными мѣропріятіями врачебно-полицейскаго надзора, то, сколь ни противенъ соціальнымъ стремленіямъ фактъ неправомѣрнаго прикрѣпленія къ позорному промыслу женщинъ невладѣющихъ общественныхъ группъ, съ нимъ должно примириться, какъ съ необходимою жертвою, цѣною которой удовлетворяется настоятельная санитарная потребность всего населенія.

Дѣйствительно ли, однако, исключительный режимъ полиціи нравственности образуетъ, въ борьбѣ съ сифилисомъ, цѣлесообразную санитарную мѣру? Не является ли, напротивъ, авторитетная ссылка на необходимость системы закрѣпощенія для общественнаго здравія одною только возвышенною идеологіей института, покоющагося на самомъ дѣлѣ ни

въ чемъ иномъ, какъ въ тинѣ грубыхъ, низменныхъ интересовъ корысти и разврата?...

Путемъ къ уясненію этого вопроса намъ послужитъ раскрытіе, распознаніе тѣхъ своеобразныхъ пріемовъ, при посредствѣ которыхъ регламентисты пытаются научно, статистическимъ методомъ, доказать санитарную пригодность исключительныхъ мѣръ надзора.

Передъ нами два коренныхъ положенія идеологовъ полиціи нравственности: во первыхъ, то, что между безконтрольными проститутками заболѣванія венерическими болѣзнями представляютъ собою болѣе частое явленіе, чѣмъ въ средѣ проституціи, оздоровляемой мѣрами врачебно-полицейскаго надзора, и во вторыхъ, то, что контингентъ проститутокъ, не состоящихъ подъ регулярнымъ контролемъ, даетъ бо́льшее число зараженій кліентовъ, сравнительно со средою проституціи поднадзорной.

Мы сосредоточимъ вниманіе читателя на тѣхъ пріемахъ, посредствомъ которыхъ эти положенія,—доказательства санитарныхъ выгодъ полиціи нравственности, обосновываются, съ одной стороны, на парижскихъ данныхъ, какъ наиболѣе разработанныхъ и широко использованныхъ регламентистской литературою, и, съ другой, на данныхъ русской санитарной статистики. При этомъ, изъ цифръ, относящихся къ области поднадзорной проституціи, мы будемъ останавливаться, по преимуществу, на данныхъ домовъ терпимости, гдѣ, сравнительно съ одиночною проституціею, оздоровляющія мѣры врачебно-полицейскаго надзора находятъ наиболѣе полное, законченное примѣненіе.

I. Парижскія данныя.

По вычисленію Trebuchet и Poirat-Duval, за годы съ 1845 по 1854, число женщинъ, больныхъ сифилисомъ, среди безконтрольныхъ проститутокъ,—„filles insoumises“, въ Парижѣ выражалось отношеніями 1: 6,46 и даже 1: 4,26, между тѣмъ какъ для женщинъ парижскихъ поднадзорныхъ притоновъ соотвѣтствующее число не превышало пропорціи 1: 125,74 и опускалось даже до 1: 198,75 (Parent-Duchâtelet, De la prostitution, t. 1, p. 691). По разсчету Лекура, за дальнѣйшіе годы съ 1855 по

1869, среди „insoumises“ въ Парижѣ одна больная сифилисомъ приходилась, по меньшей мѣрѣ, на число 5,63 и даже на 2,36, тогда какъ въ категоріи поднадзорныхъ,—„filles inscrites“, одна больная падала, самое бо́льшее, на число 36,91 и даже на 137,06 (La prostitution, éd. 2, p. 97). Наконецъ, по вычисленію д-ра Commenge, парижская тайная проституція, за періодъ 1878—1887 г.г., дала 300‰ венерическихъ заболѣваній, тогда какъ проститутки мѣстныхъ поднадзорныхъ притоновъ—лишь 5,22‰, а за слѣдующее десятилѣтіе 1888—1897 г.г. тайныя проститутки—326‰ названныхъ заболѣваній, между тѣмъ какъ пансіонерки домовъ терпимости всего только 2,50‰! (Communications брюсс. конфер. 1899 г., t. 1, p. 122 et 123, p. 114 et 115) [1]).

Достаточно ли отчетливо представляетъ себѣ, всматриваясь въ эти цифры, читатель, до какой степени совершенства доведено, къ кануну XX столѣтія, усиліями полиціи нравственности, оздоровленіе поднадзорныхъ притоновъ разврата? Въ достаточной ли мѣрѣ для него осязательно значеніе того обстоятельства, что степень венерическихъ заболѣваній въ средѣ проститутокъ публичныхъ домовъ такого города, какъ Парижъ, *въ сто тридцать разъ* ниже, нежели въ средѣ женщинъ, проституирующихъ безконтрольно?

Регламентація проституціи, говоритъ по поводу цифръ такого порядка д-ръ Reuss, не нуждается еще въ какомъ-либо другомъ аргументѣ для своей защиты: „celui-ci est péremptoire“ (La prostitution, p. 320). И въ самомъ дѣлѣ: сопоставимъ, для примѣра, число, обозначающее степень заболѣваемости венерическими болѣзнями проститутокъ дома терпимости въ Парижѣ въ періодъ 1888—1897 г.г., съ относящимися къ годамъ этого періода цифрами заболѣваній названными болѣзнями армій различныхъ европейскихъ народовъ. Это сопоставленіе откроетъ намъ, что въ среднемъ у проститутокъ парижскаго публичнаго дома венерическія заболѣванія имѣютъ мѣсто несравненно рѣже, чѣмъ у солдатъ той или иной арміи. Такъ, французская армія должна быть поставлена въ санитарномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, въ

---

[1]) Должна быть исправлена опечатка въ таблицѣ д-ра Commenge: надо читать 326‰ вмѣсто «3.26‰».

тринадцать разъ ниже парижскихъ поднадзорныхъ притоновъ: хотя въ ея рядахъ число всѣхъ венериковъ, вообще, и опустилось въ 1896 г. до цифры 33,8‰, но вѣдь для того, чтобы достигнуть уровня санитарнаго благосостоянія парижскаго дома терпимости, отмѣченному числу надо было понизиться до цифры 2,5‰ (Rapports брюсс. конфер., Verchère, p. 24). Низшую, насколько намъ извѣстно, цифру венерическихъ заболѣваній дала въ 18⁹⁵/₉₆ г. прусская армія,— 25,5‰ (Blaschko, Hygiene der Prostitution, S. 26): не долженъ ли послѣдовательно парижскій публичный домъ быть поставленъ въ санитарномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ выше лучшей, въ виду слабаго распространенія въ ней венерическихъ болѣзней, европейской арміи? Вмѣстѣ съ тѣмъ, допустимо, кажется, признать среду проститутокъ парижскаго дома терпимости несравненно болѣе обезпеченною отъ венерическихъ заболѣваній, чѣмъ даже и все гражданское населеніе крупныхъ центровъ того или иного европейскаго государства. Это обстоятельство въ достаточной мѣрѣ подтверждается цифрами заболѣваемости венерическими болѣзнями гражданскаго населенія тѣхъ странъ, гдѣ по этому предмету ведется спеціальная статистика: довольствуемся краснорѣчивымъ указаніемъ на то, что въ населеніи г. Стокгольма венерическія заболѣванія проявлялись почти въ три раза, а въ населеніи г. Христіаніи, по меньшей мѣрѣ, въ четыре раза чаще, чѣмъ въ поднадзорныхъ притонахъ Парижа [1])!

Мы позволимъ себѣ, однако, отнести этотъ санитарный апоѳеозъ узлового центра прикрѣпленія женщины къ проституціи не къ оздоровляющимъ вліяніямъ полиціи нравственности, но къ своеобразнымъ пріемамъ регламентистскихъ вычисленій.

Въ самомъ дѣлѣ,—что въ сущности обозначаютъ необычайно низкія цифры статистики регламентистовъ, выражающія степень заболѣваемости женщинъ поднадзорныхъ

---

[1]) Въ періодъ 1887—1897 г.г. число венериковъ, пользованныхъ въ гражданскихъ лечебницахъ Стокгольма, равнялось 7,03‰; число венерическихъ заболѣваній, заявленныхъ въ періодъ 1888—1897 г.г. врачами Христіаніи, составляло въ среднемъ за годъ 10,8‰ (Enquêtes брюсс. конфер., p. 499 et p. 127).

притоновъ, сравнительно съ заболѣваемостью безконтрольныхъ проститутокъ? Въ какомъ смыслѣ надо понимать, напр., 2,5‰, которыми, по вычисленію д-ра Commenge, опредѣляется сравнительная степень заболѣваемости проститутокъ парижскихъ домовъ терпимости? Какъ понимать эту цифру, когда за періодъ съ 1888 по 1897 г., къ которому она относится, въ среднемъ ежегодно парижскіе дома терпимости давали до 81 венерическихъ заболѣванія, при числѣ 606 проститутокъ (Communications, t. 1, p. 108)? Какое отношеніе предпочитаютъ сторонники полиціи нравственности отношенію числа заболѣваній къ числу проститутокъ для того, чтобы насчитать не болѣе 2,5‰ заболѣваній въ такихъ притонахъ, гдѣ въ дѣйствительности венерическія заболѣванія составляли 133 случая на тысячу женщинъ?

Своеобразный пріемъ, при посредствѣ котораго приверженцы полиціи нравовъ достигаютъ такой метаморфозы, состоитъ въ опредѣленіи сравнительной заболѣваемости различныхъ категорій проститутокъ по отношенію числа заболѣваній, обнаруженныхъ среди женщинъ той или другой категоріи, *къ числу врачебно-полицейскихъ освидѣтельствованій*, которымъ подвергнуты женщины данной категоріи.

Обращеніе къ подобному пріему сторонники надзора оправдываютъ желаніемъ устранить неточность способа опредѣленія сравнительной заболѣваемости различныхъ категорій проститутокъ по отношенію числа заболѣваній къ числу женщинъ, подвергнутыхъ освидѣтельствованію: при такомъ способѣ вычисленія, среда безконтрольныхъ женщинъ, подлежащихъ однимъ лишь внезапнымъ осмотрамъ, должна дать, caeteris paribus, меньшее число заболѣваній, сравнительно со средою, свидѣтельствуемой регулярно, періодически.

Несомнѣнно, если регулярные осмотры проститутокъ поднадзорныхъ притоновъ въ состояніи зарегистрировать среди нихъ всѣ случаи венерическихъ заболѣваній, вызывающія хотя бы и добровольную отправку женщины въ госпиталь, внезапный осмотръ въ контингентѣ безконтрольныхъ принципіально въ немъ не учтетъ всѣхъ тѣхъ больныхъ, которые уже до освидѣтельствованія выбыли изъ этого контингента. И конечно, чѣмъ охотнѣе тайныя проститутки обращаются добровольно къ больничному леченію, тѣмъ меньшее число заболѣваній,

сравнительно съ цифрою послѣднихъ среди женщинъ, подлежащихъ постоянному надзору, обнаружитъ, при равенствѣ прочихъ условій, въ ихъ средѣ одна внезапная ревизія.

Однако, на той мысли, что тайныя проститутки не обращаются добровольно къ больничному леченію, строится вся аргументація регламентистовъ въ пользу необходимости принудительной изоляціи больныхъ проститутокъ. Подчеркивая фактъ, косвенно опровергающій эту руководящую мысль, не слишкомъ ли дорого пріобрѣтаютъ идеологи надзора право отказаться отъ обычныхъ пріемовъ въ вычисленіи процента заболѣваемости?!..

Итакъ, регламентисты пытаются при опредѣленіи степени заболѣваемости различныхъ категорій проститутокъ устранить неточность въ вычисленіи, обусловленную различіемъ въ количествѣ осмотровъ, замѣною числа подвергнутыхъ осмотру женщинъ числомъ самыхъ освидѣтельствованій. Возможно ли, однако, признать число заболѣваній въ той или иной категоріи женщинъ дѣйствительно пропорціональнымъ числу произведенныхъ въ соотвѣтствующей категоріи врачебно-полицейскихъ осмотровъ?

Съ цѣлью нагляднаго выясненія этого вопроса, мы позволимъ себѣ приложить методъ сторонниковъ полиціи нравственности къ ближайшему опредѣленію степени распространенія венерическихъ болѣзней у тайныхъ проститутокъ въ Парижѣ. Цифра 326‰, которую мы находимъ у д-ра Commenge, обозначаетъ лишь то число венерическихъ заболѣваній у „filles insoumises“, которое могло быть обнаружено путемъ однократныхъ освидѣтельствованій женщинъ, задерживаемыхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи. На самомъ дѣлѣ оно несравненно больше. Среди проститутокъ домовъ терпимости, благодаря еженедѣльнымъ освидѣтельствованіямъ, удалось обнаружить 133,3‰ венерическихъ заболѣваній къ числу подлежавшихъ осмотру женщинъ. Принимая въ соображеніе, что, по разсчету регламентистовъ, среди тайныхъ проститутокъ венерическія болѣзни за соотвѣтствующее десятилѣтіе были распространены въ сто тридцать разъ болѣе, чѣмъ въ домахъ терпимости, не трудно убѣдиться, насколько цифра 326‰ далека отъ дѣйствительности. Уже путемъ осмотровъ разъ въ недѣлю у тайныхъ проститутокъ можно было бы насчитать 17329‰ венерическихъ заболѣваній къ

числу женщинъ, подлежавшихъ осмотру. Надо ли добавлять, что при дальнѣйшемъ усовершенствованіи полиціи нравовъ, при осмотрахъ по два, по три раза въ недѣлю, число венерическихъ заболѣваній, которыя удалось бы открыть среди женщинъ, проституирующихъ тайно, должно достигнуть трехъ и даже пяти тысячъ заболѣваній на каждую сотню женщинъ!

Своеобразный пріемъ точнаго вычисленія регламентистовъ, такимъ образомъ, неизбѣжно заводитъ изслѣдователя въ область абсурда.

Отказываясь въ настоящее время отъ дальнѣйшихъ операцій подобнымъ пріемомъ, мы поступаемъ такъ тѣмъ болѣе охотно, что и въ доказательствѣ санитарныхъ выгодъ полиціи нравственности, по крайней мѣрѣ, парижской, этотъ пріемъ вычисленія бьетъ въ сущности совершенно напрасно дальше цѣли.

Методъ опредѣленія заболѣваемости проститутокъ по числу врачебно-полицейскихъ осмотровъ, какъ способъ раскрыть санитарныя благодѣянія полиціи нравовъ, имѣлъ, несомнѣнно, глубокое практическое значеніе во времена Parent-Duchâtelet и Лекура, когда отношеніе заболѣваній къ числу проститутокъ оказывалось въ Парижѣ болѣе высокимъ для поднадзорнаго притона, чѣмъ для категоріи „filles insoumises". Но съ восьмидесятыхъ годовъ въ статистикѣ заболѣваемости парижскихъ проститутокъ между соотвѣтствующими цифрами установляется обратное отношеніе, и нѣтъ болѣе насущной необходимости, для доказательства оздоровляющаго вліянія надзора на притоны, обращаться къ „точному" методу, когда и методъ неточный въ состояніи удовлетворить этой цѣли. Между тѣмъ какъ въ 1845 г., напр., въ парижскихъ домахъ терпимости насчитывалось 36,5 сифилитическихъ заболѣваній на сто женщинъ, при 15,5% названныхъ заболѣваній среди „filles insoumises", въ 1879 г. оба числа совпадаютъ въ 18,3—19,1 процентахъ и, затѣмъ, цифра заболѣваній сифилисомъ проститутокъ поднадзорныхъ притоновъ опускается къ 1898 г. до 3%, тогда какъ соотвѣтствующая цифра для среды безконтрольной не идетъ ниже 9,8% (Parent-Duchâtelet, t. 1, p. 681; Commenge, Recherches, p. 32 et 33, и Communications брюсс. конфер., t. 1, p. 108 et 109; ср. Regnault, p. 584, и Rapports брюсс. конфер., Verchère, p. 8—11). Приведенныя цифры рисуютъ блестящее санитарное состояніе парижскихъ при-

тоновъ конца минувшаго вѣка, сравнительно со средою, неподчиненною всѣмъ строгостямъ надзора, достаточно отчетливо для того, чтобы ради раскрытія благодѣяній полиціи нравовъ нужно было еще прибѣгать къ фикціи пропорціональности числа обнаруживаемыхъ заболѣваній числу врачебныхъ осмотровъ. Низкія цифры сифилиса, констатируемаго въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ среди проститутокъ парижскихъ притоновъ, тѣмъ болѣе краснорѣчивы, что онѣ обозначаютъ не число больныхъ, но число отдѣльныхъ заболѣваній или точнѣе отсылокъ въ больницу.

«Женщины домовъ терпимости, замѣчаетъ по этому поводу д-ръ Commenge, у котораго мы заимствуемъ соотвѣтствующія цифры, при заболѣваніи сифилисомъ задерживаются по нѣскольку разъ въ теченіе одного года и отсылаются въ больницу St-Lazare; но ихъ пребываніе здѣсь часто слишкомъ непродолжительно,—онѣ уже выписываются, коль скоро у нихъ исчезаютъ внѣшніе симптомы. Возвратившись на свободу, онѣ, по общему правилу, не лечатся; въ виду неполнаго выздоровленія у нихъ снова наступаютъ явленія сифилиса. Но такъ какъ онѣ свидѣтельствуются еженедѣльно, то съ появленіемъ малѣйшихъ сифилитическихъ пораженій онѣ опять отсылаются въ St-Lazare. Въ результатѣ—одна и та же женщина можетъ значиться въ теченіе года четыре или пять разъ сифилиткою и числиться, въ статистикѣ, какъ четыре или пять разныхъ лицъ, имѣющихъ сифилитическія пораженія, между тѣмъ какъ это—одна и та же личность (la même unité). Это наблюденіе показываетъ, что процентное отношеніе преувеличено (est majorée) для проститутокъ домовъ терпимости» (Communications, t 1, p. 111 et 112).

Принимая во вниманіе это разъясненіе д-ра Commenge, можно, такимъ образомъ, и путемъ неточнаго метода доказать, что къ концу минувшаго столѣтія въ парижскихъ публичныхъ домахъ какая-нибудь одна женщина изъ ста заболѣвала сифилисомъ, тогда какъ въ средѣ „filles insoumises“, при всемъ несовершенствѣ способа разысканія больныхъ, сифилитокъ обнаруживалось въ десять разъ больше.

Прежде чѣмъ выразить, однако, свое удивленіе такимъ успѣхамъ полиціи нравственности, присмотримся ближе къ цифрамъ, рисующимъ состояніе парижской проституціи. Нач-

немъ съ сопоставленія нижеслѣдующихъ двухъ рядовъ цифръ, которыя представляютъ число случаевъ сифилиса въ парижскихъ домахъ терпимости послѣ 1879 г.

ГОДЪ		1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886
Filles en maison syphilitiques.	Цифры д-ра Commenge.	205	181	165	77	74	55	57
	Цифры д-ра Reuss.	285	227	220	120	121	129	111

(Communications, ibid., p. 122 et p. 123; Reuss, La prostitution, p. 316 et p. 318 [1]).

ГОДЪ		1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886
Число пансіонерокъ домовъ терпимости.		1107	1057	1116	1030	961	913	914
% «filles en maison syphilitiques», вычисленный:	по даннымъ д-ра Commenge.	18,5	17,1	14,7	7,4	7,7	6,0	6,2
	по даннымъ д-ра Reuss.	25,7	21,4	19,7	11,6	12,6	14,1	12,1

(Цифры личнаго состава парижскихъ домовъ терпимости у Fiaux, La prostitution, p. 188).

[1]) Ср. также соотвѣтствующіе ряды цифръ, представляющихъ число случаевъ всѣхъ венерическихъ заболѣваній въ парижскихъ поднадзорныхъ притонахъ:

ГОДЪ		1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888
Maladies vénériennes.	Цифры д-ра Commenge.	501	404	351	338	298	193	158	140	112	138	196
	Цифры Emile Richard.	499	606	542	451	413	298	241	281	236	236	196

(Communications, ibid., p. 122; Richard, La prostitution, p. 72).

Какъ видитъ читатель, цифры нижняго ряда въ среднемъ на цѣлую треть своей величины выше цифръ верхняго ряда. При отсутствіи соотвѣтствующаго несовпаденія въ цифрахъ заболѣваемости безконтрольныхъ, этой разницы достаточно для того, чтобы, подставивъ въ отношеніе заболѣваній сифилисомъ къ числу проститутокъ, вмѣсто данныхъ д-ра Commenge, цифры нижняго ряда, тѣмъ самымъ уже стереть всю яркость красокъ перемѣны, происшедшей, судя по даннымъ Комманжа, въ сравнительной степени заболѣваемости женщинъ поднадзорныхъ притоновъ и „filles insoumises" въ Парижѣ послѣ 1879 г.

Число заболѣваній сифилисомъ тайныхъ проститутокъ понизилось за періодъ 1880—1886 г.г., съ небольшимъ колебаніемъ, отъ 19—20% до 11,5 (11,7?)% (Commenge, Recherches, p. 32 et 33, и Communications, t. 1, p. 123; Reuss, La prostit., p. 318). Слѣдуетъ ли, опираясь на данныя д-ра Commenge, считать, что, дѣйствительно, подъ благотворнымъ вліяніемъ исключительныхъ мѣръ надзора, пониженіе сифилитическихъ заболѣваній въ публичныхъ домахъ шло въ этотъ періодъ несравненно болѣе дѣятельно, чѣмъ среди „filles insoumises", или, сообразуясь съ цифрами д-ра Reuss, допустить для поднадзорныхъ притоновъ лишь такую степень паденія названныхъ заболѣваній, которая въ среднемъ опускалась не ниже уровня сифилиса въ контингентѣ проститутокъ безконтрольныхъ?

Отнюдь не утверждая, что цифры д-ра Reuss заслуживаютъ бо́льшаго довѣрія, чѣмъ данныя д-ра Комманжа, мы тѣмъ не менѣе не видимъ основанія отнестись къ первымъ съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Полагаемъ, что и сторонники регламентаціи не могутъ совершенно игнорировать данныхъ д-ра Reuss, хотя бы въ виду того рѣшительнаго аргумента, который онъ извлекаетъ въ пользу полиціи нравовъ изъ сопоставленія числа заболѣваній проститутокъ съ числомъ санитарныхъ осмотровъ.

Позволительно спросить, является ли *новымъ*, сравнительно со способомъ подсчета заболѣваній до 1879 г., методъ, посредствомъ котораго добываетъ свои цифры д-ръ Reuss или, напротивъ, д-ръ Commenge? Свидѣтельствуетъ ли, слѣдовательно, перемѣна въ цифровомъ отношеніи заболѣваемости женщинъ домовъ терпимости и проститутокъ безконтрольныхъ

послѣ 1879 г. объ измѣненіяхъ, дѣйствительно проявившихся въ распространеніи сифилиса, или не болѣе, какъ о какихъ то модификаціяхъ подсчета? И какія, наконецъ, данныя, добытыя ли способомъ д-ра Reuss или пріемами д-ра Commenge, даютъ основаніе съ бо́льшимъ приближеніемъ къ истинѣ судить объ относительной заболѣваемости проститутокъ публичныхъ домовъ и „filles insoumises"? Мы вынуждены оставить безъ отвѣта эти вопросы, такъ какъ, въ предѣлахъ нашего знакомства съ литературою идеологовъ полиціи нравственности, мы не встрѣтили ни малѣйшаго указанія, при посредствѣ котораго было бы возможно ихъ разрѣшить. Конечно, то обстоятельство, что въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ двойной рядъ цифръ, означающихъ число заболѣваній сифилисомъ въ парижскихъ домахъ терпимости, пропадаетъ въ регламентистской литературѣ, равно какъ и то обстоятельство, что данныя за послѣдующіе годы составляютъ естественное продолженіе скорѣе ряда д-ра Commenge, а не ряда д-ра Reuss, одинаково мало могутъ служить доказательствомъ той или другой альтернативы въ рѣшеніи интересующихъ насъ вопросовъ.

Допустимъ однако, что нашимъ сомнѣніямъ суждено разрѣшиться въ пользу цифръ болѣе благопріятныхъ для полиціи нравовъ, и что перемѣнѣ въ цифровыхъ отношеніяхъ заболѣваемости женщинъ притоновъ и безконтрольныхъ проститутокъ послѣ 1879 г. соотвѣтствуютъ не однѣ только особенности подсчета.

Для того, чтобы явственно представить себѣ санитарное значеніе ассенизаціи публичныхъ домовъ въ Парижѣ, не безъинтересно навести справку о численности той массы оздоровленной проституціи, которую парижской полиціи нравовъ удалось противопоставить тысячамъ сифилитокъ и венеричекъ, проституирующихъ тайно.

Въ 1856 г. въ Парижѣ, при населеніи въ одинъ милліонъ сто семьдесятъ четыре тысячи человѣкъ, насчитывалось 202 поднадзорныхъ притона съ 1978 проститутками (Levasseur, La population, t. II, p. 363; Fiaux, Les maisons de tolérance, p. 8). Въ ту пору названные притоны давали до 49 заболѣваній сифилисомъ на сто женщинъ (Regnault, De l'évolution, p. 581). Спрашивается, какой величины достигла цифра пансіонерокъ парижскихъ домовъ терпимости сорокъ лѣтъ спу-

стя, когда полиціи нравственности удалось оздоровить названные притоны до такой степени, что въ ихъ личномъ составѣ обнаруживается не больше какихъ-нибудь трехъ заболѣваній на сто женщинъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ,—отвѣтъ, несомнѣнно, критическій для оцѣнки санитарнаго значенія дѣятельности полиціи нравовъ, даетъ характерная, по своей высотѣ, цифра 41—46 домовъ терпимости, съ контингентомъ въ 485—496 женщинъ, до каковой, опускаясь, дошла численность поднадзорной проституціи парижскихъ притоновъ въ 1897 г.! (Rapports брюсс. конфер., Fiaux, p. 121[5]; Communications, t. 1, p. 108; и Enquêtes, Ozenne, p. 146). Область санитарнаго вліянія ассенизаціи публичныхъ домовъ опредѣляется этою цифрою еще ярче, если принять въ разсчетъ ростъ парижскаго населенія, которое уже въ 1891 г. превысило два милліона четыреста сорокъ семь тысячъ (Annuaire statist. de la France, t. XV, p. 9).

Сопоставляя фактъ такого значительнаго сокращенія числа женщинъ парижскихъ домовъ разврата съ уменьшеніемъ цифры ихъ заболѣваній, нужно волей-неволей согласиться на выводъ, что оздоровленіе проституціи въ притонахъ роковымъ образомъ окупается цѣною вымиранія самыхъ притоновъ [1]).

Такой выводъ можно оспаривать только однимъ путемъ: утверждать и доказывать, что фактъ вымиранія притоновъ вызванъ дѣйствіемъ обстоятельствъ постороннихъ, независимыхъ отъ регламентаціи. Но это—почва, еще болѣе опасная

---

[1]) Замѣтимъ при этомъ, что за фактомъ вымиранія проституціи поднадзорныхъ притоновъ отнюдь не скрывается факта соотвѣтствующаго увеличенія числа одиночныхъ проститутокъ, состоящихъ подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ въ Парижѣ: если къ девяностымъ годамъ численность контингента «filles isolées» и увеличилась сравнительно съ тѣми числами, которыми она опредѣлялась въ пятидесятыхъ годахъ, то, во всякомъ случаѣ, не болѣе, какъ только въ пропорціи съ ростомъ населенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ Парижѣ въ 1856 г. состояло подъ надзоромъ 2422 одиночки (Lecour, La prostit., p. 126). За періодъ 1888—1897 г.г. числится по спискамъ ежегодно отъ 3819 до 5254 одиночекъ; но количество тѣхъ изъ нихъ, которыя болѣе или менѣе регулярно являются на осмотры, въ названный періодъ колеблется всего только между 1728 и 2098 (Communications, t. 1, Commenge, p. 107 et 108).

для защиты успѣховъ полиціи нравственности. Постороннія обстоятельства, какъ то измѣнившіеся взгляды и вкусы потребителя, который не идетъ болѣе въ поднадзорный притонъ, въ состояніи, конечно, безъ труда объяснить фактъ вымиранія соотвѣтствующей формы проституціи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ основательнѣе это объясненіе, тѣмъ болѣе допустимо сомнѣніе въ возможности приписать фактъ оздоровленія публичныхъ домовъ именно благотворной дѣятельности полиціи нравовъ. Для того, чтобы паденіе числа заболѣваній сифилисомъ женщинъ парижскихъ домовъ терпимости до 3% могло сохранить, при такомъ объясненіи, значеніе критерія санитарныхъ успѣховъ надзора, идеологамъ полиціи нравовъ понадобилось бы сперва доказать, что фактъ ослабленія спроса на проститутокъ притона былъ не въ состояніи самъ по себѣ, независимо отъ регламентаціи, болѣе или менѣе замѣтно повліять на уменьшеніе цифры ихъ заболѣваній! Тезисъ—слишкомъ рискованный для того, чтобы отказаться отъ признанія причинной зависимости между вымираніемъ поднадзорныхъ домовъ разврата и оздоровляющею дѣятельностью полиціи нравственности.

Итакъ, достигая оздоровленія публичнаго дома, полиція съ необходимостью, подтверждаемою параллельнымъ паденіемъ, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, числа „filles en maison“ и цифры ихъ заболѣваній, ставитъ данный притонъ въ условія, при которыхъ послѣдній не въ силахъ болѣе существовать. Сторонники регламентаціи должны признать это обстоятельство, если они не хотятъ, конечно, разувѣриться въ томъ, что оздоровленіе дома терпимости обязано и въ самомъ дѣлѣ вліянію исключительныхъ мѣръ врачебно-полицейскаго надзора!

Мало благопріятны для регламентистовъ цифры, обозначающія численность женщинъ парижскихъ домовъ терпимости; еще менѣе благопріятны для нихъ данныя о заболѣваемости тайной проституціи Парижа. Мы имѣемъ въ виду то обстоятельство, что число заболѣваній сифилисомъ „filles insoumises“, превышавшее въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ 30%, съ колебаніями понижаясь, опустилось, по даннымъ за 1897 г., до 9,85% (Lecour, La prostitution, p. 126 et 94; Commenge, Recherches, p. 33 и Communications, t. I, p. 109). Такое значительное пониженіе сифилиса среди женщинъ, не полчи-

ненныхъ благодѣяніямъ исключительныхъ мѣръ надзора, можно было бы, съ точки зрѣнія регламентиста, признать послѣдовательнымъ лишь при наличности обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ о сокращеніи круга потребителей тайной проституціи. Однако фактъ вымиранія поднадзорныхъ притоновъ менѣе всего подтверждаетъ мысль о подобномъ сокращеніи. Столь же мало подтверждается эта мысль и вышеотмѣченнымъ обстоятельствомъ, что вымираніе домовъ терпимости въ Парижѣ отнюдь не сопровождалось соотвѣтственнымъ увеличеніемъ контингента одиночной проституціи (см. прим. къ стр. 102). Остается—или предположить, что развратные элементы мужского Парижа, отвернувшись отъ поднадзорныхъ притоновъ, отказались отъ проституціи вообще, или, напротивъ, допустить значительную вѣроятность факта ихъ обращенія къ средѣ тайныхъ проститутокъ. Пока идеологи полиціи нравственности не представили намъ доказательствъ соотвѣтствующаго поднятія этическаго уровня парижскихъ гостей и хозяевъ, мы предпочтемъ склониться къ послѣднему обороту предложенной альтернативы.

Пожелаютъ ли теперь сторонники полиціи нравовъ объяснить намъ, какимъ образомъ, съ переходомъ потребителя отъ оздоровляемыхъ притоновъ къ тайной проституціи, заболѣваемость въ контингентѣ послѣдней не только не усилилась, но, напротивъ, весьма замѣтно уменьшилась?

Для выясненія смысла подобнаго явленія съ честью для полиціи нравственности идеологи надзора знаютъ способъ легкій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, героическій,—способъ, состоящій, если можно такъ выразиться, въ обращеніи вверхъ дномъ всего предшествовавшаго процесса своей аргументаціи по даннымъ о заболѣваемости проститутокъ.

Развѣ большая или меньшая цифра больныхъ, обнаруженныхъ въ той или другой категоріи женщинъ, непремѣнно уже свидѣтельствуетъ о соотвѣтствующемъ распространеніи болѣзни среди женщинъ данной группы? Развѣ меньшая цифра не можетъ доказывать также хорошо и меньшей строгости надзора? Вѣдь то обстоятельство, напр., что среди „filles en carte“ обнаруживается еще меньше заболѣваній, чѣмъ даже среди пансіонерокъ домовъ терпимости, врядъ ли рѣшатся принять за признакъ лучшаго санитарнаго состоянія одиночной проституціи: напротивъ, въ этомъ обстоятельствѣ не за-

медлятъ усмотрѣть симптомъ сравнительной слабости надзора [1]). Развѣ при такомъ положеніи вещей не вѣроятно, что уменьшеніе цифры заболѣваній, обнаруживаемыхъ среди „filles insoumises“, составляетъ признакъ именно того явленія, что

---

[1]) Статистика заболѣваемости сифилисомъ «filles en carte» можетъ быть резюмирована въ слѣдующихъ данныхъ: отъ цифры 6%, на которой число названныхъ заболѣваній довольно устойчиво держалось съ 1853 по 1874 г., ихъ процентъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, опустился до 1,5 въ среднемъ за годъ, въ періодъ 1888—1897 г.г. Не трудно убѣдиться, что эти низкія цифры совсѣмъ еще не свидѣтельствуютъ о соотвѣтственно слабомъ распространеніи сифилиса въ средѣ одиночной проституціи. Въ общемъ числѣ одиночекъ, регулярно являющихся на осмотры, имѣется несравненно большее число проститутокъ, избѣгающихъ принудительнаго освидѣтельствованія. При задержаніи за неявку къ осмотру или въ виду иного нарушенія регламента, эти послѣднія попадаютъ въ т. наз. «Dépôt», и ихъ заболѣванія регистрируются уже въ особой рубрикѣ «filles de dépôt». Вышеприведенные проценты заболѣваній сифилисомъ одиночекъ вычислены соотвѣтственно отношенію числа заболѣваній собственно «filles en carte» къ числу *всѣхъ* зарегистрированныхъ одиночекъ. Опредѣляясь отношеніемъ числа заболѣваній къ числу одиночекъ, дѣйствительно являвшихся на осмотры въ качествѣ «filles en carte», названныя цифры должны значительно возрасти: такъ, за періодъ съ 1888 по 1897 г. соотвѣтствующая цифра должна уже составить въ среднемъ 3,71%. Что касается числа случаевъ заболѣваній сифилисомъ одиночекъ, зарегистрованныхъ въ качествѣ заболѣваній «filles de dépôt», то для его полученія имѣются необходимые документы лишь за періодъ республики: отъ цифры 13,2% для 1872 г. это число опускается до 4,2% въ среднемъ за періодъ съ 1888 по 1897 г. Но такъ какъ отмѣченныя цифры вычислены по отношенію числа заболѣваній къ числу всѣхъ зарегистрованныхъ одиночекъ, то для полученія данныхъ, болѣе соотвѣтствующихъ дѣйствительности, нужно ихъ увеличить, по крайней мѣрѣ, во столько разъ, во сколько число одиночекъ, не являвшихся регулярно къ осмотрамъ, меньше числа всѣхъ «filles en carte». Имѣя въ виду, что за періодъ съ 1888 по 1897 г. въ среднемъ ежегодно изъ 4532 зарегистрованныхъ одиночекъ не являлось регулярно къ осмотрамъ 2584, слѣдуетъ, согласно этому соображенію, увеличить цифру 4,2% до 7,3%. Суммируя, наконецъ, число заболѣваній сифилисомъ одиночекъ, не избѣгавшихъ осмотровъ, и, съ другой стороны, «filles de dépôt», мы получимъ, въ отношеніи къ общему числу «filles en carte», средній годовой процентъ названныхъ заболѣваній для того же періода—5,7 (Commenge, Recherches, p. 32 et 33, и Communications, t. 1, p. 107 et suiv.; Regnault, De l'évolution, p. 581; Butte, Prostitution et syphilis, p. 9, p. 23 et 24).

врачебно-полицейскій контроль въ Парижѣ былъ въ прежніе годы болѣе силенъ, чѣмъ въ послѣдующее время?

Начало восьмидесятыхъ годовъ составило смутную эпоху въ исторіи парижской полиціи нравовъ: силы ея были тогда, по признанію регламентистовъ, расшатаны и истощены борьбою съ цѣлымъ походомъ, предпринятымъ противъ института врачебно-полицейскаго закрѣпощенія прессою съ Lanterne и Ивомъ Гюйо во главѣ и парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ (Lecour, La campagne, chap. VIII).

Паденіе цифръ заболѣваемости парижскихъ проститутокъ беретъ начало какъ разъ именно въ эту эпоху. Не становится ли, при такихъ обстоятельствахъ, дѣйствительный смыслъ пониженія числа заболѣваній, которыя органамъ надзора удается обнаружить среди „filles insoumises", совершенно безспорнымъ? Это—несомнѣнный признакъ ослабленія надзора, который только по недоразумѣнію могъ быть принятъ за симптомъ улучшенія санитарнаго состоянія тайной проституціи въ Парижѣ.

Но вѣдь преклонившись передъ убѣдительностью такихъ соображеній, читатель долженъ послѣдовательно разувѣриться и въ томъ, что и пониженіе цифръ заболѣваемости женщинъ поднадзорныхъ притоновъ послѣ 1879 г., дѣйствительно, свидѣтельствуетъ объ улучшеніи ихъ санитарнаго состоянія. Слабость надзора спеціально въ отношеніи къ проституткамъ, промышляющимъ развратомъ безконтрольно, можетъ выразиться уменьшеніемъ количества задерживаемыхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи женщинъ и паденіемъ абсолютнаго числа заболѣваній, открываемыхъ въ ихъ средѣ путемъ внезапныхъ ревизій. Поскольку, однако, слабость надзора проявляется уже паденіемъ процентнаго отношенія заболѣваній къ числу свидѣтельствуемыхъ женщинъ, не видно никакого принципіальнаго основанія, въ виду котораго эта слабость врачебно-полицейскихъ мѣръ должна ограничиваться областью осмотровъ однихъ только „filles insoumises". А разъ положеніе „чѣмъ меньше (въ процентномъ отношеніи къ числу свидѣтельствуемыхъ женщинъ) открыто больныхъ, тѣмъ хуже надзоръ" допущено для всѣхъ категорій проститутокъ, должно съ логическою необходимостью признать, что поднадзорная проституція и въ частности публичные притоны въ Парижѣ, по степени оздоровленія, стоятъ значительно ни-

же тайныхъ проститутокъ столицы, и что такое состояніе домовъ терпимости послѣ 1879 г. съ каждымъ послѣдующимъ годомъ, вплоть до послѣдняго времени, все болѣе и болѣе ухудшается...

Однако, возразитъ на это русскій читатель, „вся французская статистика говоритъ, что зараженій больше отъ тайной проституціи (Лекуръ, Моріакъ, Мартино). У Лекура есть цифры за 12 лѣтъ". Это обстоятельство засвидѣтельствовано такимъ почтеннымъ сифилидологомъ, какъ проф. Тарновскій, въ засѣданіи русскаго сифилидологическаго и дерматологическаго общества (Военно-Мед. Журн., авг. 1887 г., стр. 489).

Проф. Тарновскій не отказался назвать поименно французскихъ изслѣдователей, у которыхъ можно будто бы найти статистическія данныя объ источникахъ зараженія,—онъ отмѣтилъ Лекура, Mauriac, Мартино. Мы отнюдь не претендуемъ на знаніе *всей* французской статистики по интересующему насъ вопросу, однако, въ предѣлахъ собственнаго знакомства съ работами названныхъ авторовъ, смѣемъ утверждать, что и Лекуръ, и Мартино указаны проф. Тарновскимъ не болѣе, какъ по недоразумѣнію. Д-ръ L. Martineau въ своемъ сочиненіи „La prostitution clandestine", p. 32, ограничивается, по вопросу объ источникахъ зараженія, ссылкою на цифры Mauriac и Rollet, а Лекуръ въ трудѣ „La prostitution à Paris et à Londres", p. 353,—одного только Mauriac. У Лекура есть цифры на 15 лѣтъ, рисующія сравнительную заболѣваемость поднадзорныхъ и тайныхъ проститутокъ (ibid., p. 97), но врядъ ли возможно допустить, чтобы спеціалистъ не отличилъ этихъ цифръ отъ данныхъ объ источникахъ зараженія. Для насъ представляется достаточно вѣроятнымъ, что и ссылка на Мартино, и опредѣленное указаніе на цифры за 12 лѣтъ у Лекура, являются ссылкою и указаніемъ на совершенно несуществующія данныя!

Съ перваго взгляда представляется несравненно болѣе удачною ссылка проф. Тарновскаго на д-ра Mauriac: у послѣдняго не только вообще имѣются данныя объ источникахъ зараженія,—результаты опроса въ 1869 и слѣдующемъ году больныхъ въ парижскомъ Hôpital du Midi, но даже и такое цѣнное для защиты регламентаціи заключеніе изъ этихъ данныхъ, какъ то, что тайныя проститутки заражаютъ въ $5^1/_2$

разъ чаще, чѣмъ поднадзорныя. Результаты опросовъ д-ра Моріакъ мы позволимъ себѣ скомбинировать въ нижеслѣдующую таблицу.

Названіе болѣзни. / Категоріи женщинъ.	La syphilis, la blennorrhagie et les chancres simples.		La syphilis.		Les chancres simples.	
Filles en carte.	430	733	139	219	29	53
Filles en maison.	303		80		24	
Coureuses.	2364	4012	924	1414	201	290
Varia.	1648		490		89	

Для правильнаго пониманія рубрикъ таблицы умѣстно привести слѣдующія объясненія самого д-ра Mauriac: „Подъ наименованіемъ *coureuses* я разумѣлъ женщинъ, не внесенныхъ въ списки проститутокъ, встрѣченныхъ на общественной дорогѣ и не имѣющихъ никакой продолжительной профессіи (aucune profession suivie); подъ обозначеніе *varia* я заносилъ всѣхъ женщинъ, имѣющихъ профессію или замужнихъ, и т. п.“ (Diminution, p. 28 et 29; Rareté, p. 89 et p. 67—69).

Дабы на основаніи приведенныхъ данныхъ заключить, что опасность зараженія отъ тайныхъ проститутокъ въ пять съ половиною разъ превосходитъ рискъ зараженія отъ проститутокъ поднадзорныхъ, почтенному врачу нужно было включить категорію „varia“ въ число проститутокъ,—и тѣмъ самымъ свести къ нулю возможность зараженія не отъ проститутки, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только конкубину, но, быть можетъ, даже и собственную жену больного принципіально признать за проститутку. Ему нужно было, далѣе, не замѣтить и нѣкоторой разницы между численностью поднадзорной проституціи, насчитывавшей въ 1869 г. въ Парижѣ не свыше 3731 женщины, и тайной проституціи столицы, при ея населеніи болѣе милліона и восьмисотъ тысячъ жителей

(Lecour, La prostit., p. 126; Mauriac, Diminution, p. 19). При этомъ, намъ нѣтъ надобности открывать неизвѣстныя цифры, выражающія приблизительную численность женщинъ, промышляющихъ развратомъ безконтрольно: опредѣленіе ихъ числа, для интересующей насъ эпохи, цифрою тридцати тысячъ сдѣлано самимъ начальникомъ учрежденія парижской полиціи нравственности знаменитымъ Лекуромъ (La prostitution, p. 119 et 120). Ссылкою на это почтенное лицо, достаточно, кажется, авторитетное въ глазахъ идеологовъ регламентаціи, мы удаляемъ отъ себя всякій упрекъ въ томъ, что, оспаривая санитарныя благодѣянія надзора, беремся сами за вычисленіе принципіально не поддающихся подсчету, неуловимыхъ величинъ!

Проф. Тарновскій ставитъ данныя д-ра Mauriac въ примѣръ всей французской статистики объ источникахъ зараженія.

Но наблюденія г. Mauriac относятся къ 1869 и къ первой половинѣ 1870 г., къ періоду, когда, какъ извѣстно, парижская жизнь, передъ паденіемъ второй имперіи, наканунѣ вторженія и осады, начинала все болѣе и болѣе выбиваться изъ своей нормальной колеи. Исключительныя условія этого времени, разумѣется, не въ состояніи гарантировать такой серіи цифръ, по вопросу о санитарномъ состояніи проституціи, которая и въ самомъ дѣлѣ могла бы быть поставлена въ образецъ „всей французской статистики", сюда относящейся (ср. Lecour, La prostitution, édit. 2, p. 297, et suiv.). Достаточно отмѣтить, что число заболѣваній сифилисомъ женщинъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи въ Парижѣ, выразилось за 1869 г. небывалою по своей высотѣ цифрою 42%, превосходящею почти вдвое среднюю за предшествующее десятилѣтіе и едва ли не втрое—среднюю за послѣдующіе десять лѣтъ съ 1872 г. (Butte, Prostitution, p. 25) [1]). Предоставляемъ послѣ этого читателю самому опредѣлить, когда почтенный русскій сифилидологъ съ бо́льшимъ успѣхомъ пользуется своимъ знаніемъ всей французской статистики вопроса объ источникахъ зараженія мужчинъ, тогда

[1]) За 1870 и 1871 г.г. статистика заболѣваемости парижскихъ проститутокъ совсѣмъ не могла быть составлена, по причинѣ событій (ср. Butte, Ibid., p. 19).

ли, когда онъ ссылается на совсѣмъ несуществующія данныя, или тогда, когда онъ въ примѣръ этой статистики ставитъ результатъ наблюденій, мѣстомъ которыхъ былъ Парижъ наканунѣ погрома [1])?

Насколько типичны для „всей французской статистики" цифры д-ра Mauriac, можно въ извѣстной степени судить по нижеслѣдующимъ даннымъ,—результатамъ наблюденій д-ра Fournier. Эти данныя тѣмъ болѣе любопытны, что опросы, путемъ которыхъ они получены, производились въ томъ же Парижѣ и въ значительной части въ томъ же самомъ Hôpital du Midi, гдѣ добылъ свои свѣдѣнія д-ръ Моріакъ, но только десяткомъ лѣтъ раньше. Изъ 367 случаевъ сифилиса, когда профессору Фурнье удавалось точно („au juste") установить источникъ зараженія, въ 251 больные пострадали отъ поднадзорныхъ проститутокъ. Въ другихъ случаяхъ мужчины заражались отъ работницъ, отъ служанокъ, отъ замужнихъ женщинъ и пр., и только въ 46 случаяхъ собственно отъ дѣвицъ, у которыхъ тайная проституція была профессіею (De la contagion, p. 115) [2]),

---

[1]) Замѣтимъ попутно, что старинныя наблюденія и выводы ни мало не помѣшали д-ру Mauriac оставить регламентистскую точку зрѣнія въ своемъ новѣйшемъ капитальномъ сочиненіи Traitement de la syphilis, p. 784 и сл.

[2]) Ср. также результаты наблюденій д-ра Léon Le Fort въ Hôpital du Midi за 17 мѣсяцевъ 1866 и 1867 г.г. Правда, онъ самъ готовъ видѣть главный источникъ распространенія венерическихъ болѣзней въ тайной проституціи, но насколько это обстоятельство, дѣйствительно, подтверждается цифрами, можно заключить по ближайшемъ разборѣ его данныхъ. Изъ общей суммы 4987 случаевъ зараженія венер. болѣзнями въ 988 болѣзнь была получена отъ законной жены, отъ конкубины или любовницы, и въ 917—изъ неизвѣстнаго источника. 780 случаевъ зараженія падаютъ на публичные дома, и прочіе 2302—на «дѣвицъ, встрѣченныхъ на улицѣ или на общественныхъ балахъ». Однако, эту послѣднюю цифру должны составлять зараженія не отъ однихъ только «тайныхъ проститутокъ»: такъ какъ число зараженій отъ поднадзорныхъ одиночекъ не выдѣлено въ особую рубрику, то и его, очевидно, нужно искать въ этой же цифрѣ. Если отнести на зараженіе отъ подконтрольныхъ одиночекъ лишь то количество случаевъ, которое равно числу зараженій въ публичныхъ домахъ (ср. данныя д-ра Mauriac), то собственно на счетъ тайныхъ проститутокъ изъ количества 2302

Имя проф. Альфреда Фурнье, который собралъ и опубликовалъ эти данныя, пользуется, кажется, достаточно высокимъ авторитетомъ среди сифилидологовъ, чтобы оставить приведенныя цифры совсѣмъ незамѣченными во всей французской статистикѣ. Однако, русскій спеціалистъ въ этой статистикѣ рѣшительно ихъ игнорируетъ: очевидно, періоды спокойствія, мирное время гражданской жизни такъ неблагопріятно для дѣятельности полиціи нравовъ, что стоитъ мысленно стереть его изъ народнаго обихода и въ регламентаціи послѣдняго сообразоваться съ періодами общественнаго разстройства, когда въ мѣстности, которой грозитъ военное положеніе, санитарная успѣшность системы закрѣпощенія свидѣтельствуется такими соблазнительными заключеніями, какъ выводъ д-ра Mauriac!

2. Русская статистика заболѣваемости.

То положеніе, что сифилисъ среди поднадзорныхъ женщинъ менѣе распространенъ, чѣмъ между безконтрольными проститутками, въ русской медицинской литературѣ впервые, насколько намъ извѣстно, пытался обосновать на цифровыхъ данныхъ д-ръ Шперкъ. Это было давно, въ 1871 г., слѣдовательно раньше, чѣмъ имъ были созданы, на почвѣ матеріаловъ Калинкинской больницы, солидныя изслѣдованія по статистикѣ сифилиса въ женскомъ населеніи Петербурга, стяжавшія ихъ автору заслуженную извѣстность. Небольшая замѣтка, въ которой д-ръ Шперкъ выступилъ съ цифровымъ доказательствомъ санитарной цѣнности регламентаціи, давно уже покрылась густымъ слоемъ пыли стараго литературнаго хлама: ее, кажется, забыло не только интересующееся разбираемымъ вопросомъ общество, но и самъ авторъ ея въ своихъ послѣдующихъ трудахъ... Однако пріемы доказательства, примѣняемые д-ромъ Шперкомъ въ этой замѣткѣ, такъ характерны, такъ типичны для всей послѣдующей исторіи „научной“

случаевъ придется выдѣлить, самое большее, только 1522 случая: это число не достигаетъ даже и абсолютно цифры 1560 зараженій отъ обѣихъ категорій поднадзорныхъ женщинъ (Bulletin de l'Acad. de méd., № 8 an 1888, p. 262 et 263).

защиты полиціи нравственности въ нашемъ отечествѣ, что было бы непозволительно оставить эту замѣтку безъ должнаго вниманія.

Интересующая насъ замѣтка д-ра Шперка была вызвана изслѣдованіемъ г. Граціанскаго „О степени распространенія венерическихъ болѣзней въ проституціонномъ классѣ въ Петербургѣ". Авторъ названнаго изслѣдованія, на основаніи данныхъ врачебно-полицейскаго комитета и Калинкинской больницы за 1870 г., пришелъ къ выводу, рѣшительно расходящемуся съ пожеланіями сторонниковъ регламентаціи. Для уясненія этого вывода мы ограничимся сообщеніемъ лишь наиболѣе характерныхъ цифръ изъ работы г. Граціанскаго.

Годъ.	Проститутки, живущія въ домахъ терпимости.					Проститутки, живущія на квартирахъ.					Женщины, освидѣтельствованныя по комиссіи.		
	Число проститутокъ.	Число заболѣваній сифилисомъ.	% заболѣваній сифилисомъ къ числу проститутокъ.	Число личностей, имѣвшихъ сифилисъ.	% сифилиса къ числу проститутокъ.	Число проститутокъ.	Число заболѣваній сифилисомъ.	% заболѣваній сифилисомъ къ числу проститутокъ.	Число личностей, имѣвшихъ сифилитическія формы.	% личностей къ числу проститутокъ.	Число женщинъ.	Число заболѣваній сифилисомъ.	% сифилиса къ числу женщинъ.
1870	1086	519	47,8%	239	22%	3306	323	9,8%	226	6,8%	3386	156	4,6%

(Сводка таблицъ 5—9, О степени, стр. 73 и 74).

Такимъ образомъ, по Граціанскому, въ контингентѣ проститутокъ домовъ терпимости, наиболѣе оздоровленномъ исключительными мѣрами врачебно-полицейскаго надзора,—оказывалось 22% больныхъ сифилисомъ, между одиночками, при меньшей бдительности полиціи нравственности,—6,8% такихъ больныхъ; что же касается женщинъ, взятыхъ „по комиссіи",

другими словами, захваченныхъ облавою и иными подобными средствами полицейскаго розыска изъ наиболѣе опасной въ санитарномъ отношеніи среды „тайныхъ проститутокъ“, то между ними насчитывалось всего лишь 4,6% сифилитокъ. „Наибольшій % *больныхъ* (курсивъ нашъ), заключалъ на основаніи приведенныхъ и другихъ аналогичныхъ цифровыхъ данныхъ д-ръ Граціанскій, какъ сифилитическими, такъ и несифилитическими формами, въ настоящее время, падаетъ на проститутокъ, проживающихъ въ домахъ терпимости (при этомъ замѣтимъ—по преимуществу на проститутокъ, проживающихъ въ первоклассныхъ домахъ); наименьшій же на бродячихъ женщинъ; проститутки, проживающія отдѣльно (одиночки) занимаютъ въ этомъ отношеніи средину“ (О степени, стр. 44).

«Если повѣрить этимъ цифровымъ даннымъ, писалъ по поводу приведенныхъ выкладокъ г. Граціанскаго д-ръ Шперкъ, то нравоученіе сей басни слѣдующее: холостые люди должны избѣгать публичныхъ домовъ, а предпочитать Сѣнную площадь; чѣмъ выше публичный домъ, тѣмъ больше опасности; чѣмъ ниже пала женщина на ступеняхъ проституціи, тѣмъ меньше опасности заразиться отъ нея сифилисомъ и, наконецъ, только спустившись въ самый низшій слой проституціи, къ бродячимъ проституткамъ, можно разсчитывать на здоровье женщины, такъ какъ, само собою разумѣется, больше риску заболѣть сифилисомъ отъ женщины, взятой изъ среды, гдѣ 47,8% ихъ заражены сифилисомъ, чѣмъ отъ такой, среди которой насчитывается только 4,6% зараженныхъ. Я считаю своею обязанностью заявить, заключалъ свою тираду д-ръ Шперкъ, что этотъ выводъ г. Граціанскаго совершенно ошибоченъ, что онъ основанъ единственно на неправильности сопоставленія числовыхъ данныхъ и на отсутствіи правильной оцѣнки послѣднихъ» (Арх. Суд. Медиц., сент. 1871 г., отд. крит., стр. 51).

Для подтвержденія этого уничтожающаго вывода д-ръ Шперкъ нашелъ умѣстнымъ избрать слѣдующій путь. Между тѣмъ какъ у женщинъ, взятыхъ по комиссіи, совсѣмъ не наблюдается,—по цифрамъ г. Граціанскаго,—рецидивовъ сифилиса или точнѣе повторныхъ поступленій въ больницу, у поднадзорныхъ проститутокъ, особенно въ домахъ терпимости, констатируется значительное число послѣднихъ: это обстоятельство вызывается, несомнѣнно, не различіемъ въ методахъ леченія или въ гигіенической обстановкѣ, но единственно

различными условіями контроля. Высокая цифра 519 заболѣваній или отправокъ въ больницу 239 сифилитокъ домовъ терпимости свидѣтельствуетъ не о худшемъ санитарномъ состояніи публичныхъ домовъ, но лишь объ особой тщательности надзора за ними. Если среди одиночекъ только 323 заболѣванія приходится на 226 сифилитокъ, а для женщинъ, взятыхъ по комиссіи, число заболѣваній совсѣмъ не превышаетъ числа больныхъ,—это признакъ слабости или отсутствія должнаго надзора, но ничуть не доказательство лучшаго санитарнаго состоянія среды (тамъ же, стр. 52).

Допустимъ, что обнаруженіе рецидивовъ и, слѣдовательно, число повторныхъ поступленій въ больницу, должно быть отнесено на счетъ болѣе строгаго контроля за проститутками домовъ терпимости, и отчасти за одиночками, и что высота цифры заболѣваній, обнаруженныхъ среди той или другой категоріи женщинъ, свидѣтельствуетъ, въ извѣстной степени, скорѣе о тщательности надзора, а не о сравнительномъ распространеніи сифилиса въ той или иной категоріи. Но развѣ этимъ путемъ опровергается выводъ Граціанскаго, основанный на сопоставленіи не числа отдѣльныхъ заболѣваній въ той или иной средѣ, но количества больныхъ: вѣдь на эту величину число обнаруженныхъ, благодаря тщательности надзора, возвратныхъ формъ сифилиса не можетъ оказать никакого вліянія!

Прежде чѣмъ подвергнуть критикѣ основной выводъ г. Граціанскаго, приведенный нами полностью въ выдержкѣ: „наибольшій % больныхъ“ и пр., д-ръ Шперкъ цитируетъ его (тамъ-же, стр. 50). Какъ же, послѣ этого, въ своей критикѣ онъ ссылается на цифры заболѣваній, когда самый текстъ вывода г. Граціанскаго не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ его основѣ лежитъ сопоставленіе числа больныхъ?

Оказывается,—цитируя основной выводъ Граціанскаго, д-ръ Шперкъ пропускаетъ въ цитатѣ одно слово, всего только одно слово: „больныхъ“, и затѣмъ, говоря, что цитируемый выводъ опирается на статистическія данныя таблицъ №№ 5—7 (въ нихъ вычисленъ г. Граціанскимъ % заболѣваній, между тѣмъ какъ процентъ больныхъ даютъ 8 и 9 таблицы его изслѣдованія), мысленно подставляетъ въ пустое мѣсто цитаты слово „заболѣваній“.

Практическое удобство такого пріема несомнѣнно: извѣстнымъ моментамъ ученой работы, какъ то правильности цитаты, точности простѣйшихъ вычисленій и пр., привыкли довѣрять. За тридцатилѣтіе, отдѣляющее насъ отъ появленія въ свѣтъ замѣтки д-ра Шперкъ, мы не встрѣтили въ медицинской литературѣ ни одной попытки раскрыть своеобразный характеръ пріема критики почтеннаго ученаго. Даже самъ г. Граціанскій, въ своемъ „Отвѣтѣ“ д-ру Шперку, не коснулся метаморфозы, происшедшей съ его цитатою. Онъ только еще разъ отмѣтилъ, въ чемъ состоялъ его способъ вычисленія, при опредѣленіи степени распространенія сифилиса въ различныхъ классахъ проститутокъ. „По нашему мнѣнію, пишетъ онъ, наиболѣе подходящій къ истинѣ способъ вычисленія, при неодинаково строгомъ контролѣ, долженъ состоять въ вычисленіи % найденныхъ больныхъ личностей по отношенію къ числу освидѣтельствованныхъ лицъ. При такомъ способѣ вычисленія, % больныхъ личностей будетъ прямо пропорціоналенъ степени распространенія сифилиса въ той или другой средѣ проститутокъ и на величину этого % не могутъ имѣть никакого вліянія возвратныя формы сифилиса“... (Медиц. Вѣстн., № 2 за 1872 г., стр. 11).

„Совершенно ошибочному“ методу г. Граціанскаго, приводящему якобы къ баснословнымъ выводамъ, д-ръ Шперкъ противопоставляетъ въ своей критикѣ способъ опредѣленія степени оздоровленія поднадзорной проституціи по отношенію числа обнаруженныхъ въ той или иной категоріи женщинъ—больныхъ (на самомъ дѣлѣ—заболѣваній) къ числу врачебно-полицейскихъ осмотровъ. Авторитетъ западно-европейскихъ регламентистовъ даетъ, при этомъ, почтенному ученому ближайшій доводъ въ пользу того тезиса, будто „число найденныхъ больныхъ будетъ въ каждой категоріи приблизительно пропорціонально числу освидѣтельствованій“ (Арх. Суд. Мед., тамъ же, стр. 52). „Въ статистическихъ работахъ по сифилису, замѣчаетъ д-ръ Шперкъ, никто не употребляетъ метода сопоставленія чиселъ, примѣненнаго г. Граціанскимъ, и когда желаютъ сравнить силу развитія сифилиса, въ различныхъ классахъ проститутокъ, не подлежащихъ одинаково строгому контролю, то для сравненія берутъ % найденныхъ больныхъ по отношенію къ числу освидѣтельствованій“ (тамъ же, стр. 53). „Этотъ общеупотребительный и наиболѣе подходя-

щій къ истинѣ способъ вычисленія“ приводитъ г. Шперка къ заключенію, что „у женщинъ, подчиненныхъ контролю врачебно-полицейскаго комитета, сифилисъ развитъ не въ 10 разъ сильнѣе, какъ увѣряетъ г. Граціанскій (?), а въ 7 разъ слабѣе, чѣмъ у женщинъ, неподчиненныхъ контролю комитета“.

ГОДЪ.	Проститутки, подчиненныя надзору Комитета.				Проститутки, неподчиненныя надзору Комитета.			
	Число освидѣтельствованій.	Число сифилитическихъ (?).	1 больная на число освидѣтельствованій.	%	Число освидѣтельствованій.	Число больныхъ сифилисомъ.	1 больная на число освидѣтельствованій.	%
1870	127357	842	1 б.—151,1	0,66	3386	156	1 б.—21,7	4,6

(тамъ же, стр. 53).

Насколько подобный пріемъ, дѣйствительно, приближается къ истинѣ, можетъ иллюстрировать слѣдующій разсчетъ, аналогичный тому, который мы уже продѣлали по поводу этого метода изслѣдованія на парижскихъ данныхъ.

Выводъ д-ра Шперка о распространеніи сифилиса среди поднадзорныхъ проститутокъ въ *семь* разъ слабѣе, чѣмъ у комиссныхъ женщинъ, обладаетъ, съ цифровой стороны, той счастливою особенностью, что, доказывая тезисъ регламентаціи, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ возможность представить число сифилитокъ среди женщинъ, подозрѣваемыхъ въ тайной проституціи, логически допустимою величиною. Суммируя цифры въ вышеприведенной на стр. 112 таблицѣ П. Граціанскаго, читатель имѣетъ за 1870 г. между поднадзорными проститутками 465 женщинъ изъ 4392, слѣдовательно, 10,6% ихъ общаго числа, страдающихъ сифилисомъ: опредѣляя отсюда, на основаніи заключенія д-ра Шперка, количество сифилитокъ среди ко-

миссныхъ женщинъ семидесятью процентами ихъ числа, онъ врядъ ли замѣтитъ въ этой цифрѣ нелѣпость, которая рѣзала бы глаза. Этимъ, однако, онъ обязанъ снова смѣшенію д-ромъ Шперкомъ числа больныхъ съ цифрою заболѣваній. Если бы почтенный ученый не упустилъ въ собственныхъ вычисленіяхъ изъ виду этого различія, строго проводимаго въ разбираемой имъ работѣ, то онъ долженъ былъ бы, слѣдуя своему методу, найти, что у женщинъ, подчиненныхъ надзору, сифилисъ распространенъ не въ семь, а болѣе, чѣмъ въ 12 разъ, слабѣе, чѣмъ у женщинъ, не подчиненныхъ контролю комитета. И въ самомъ дѣлѣ:

ГОДЪ.	Проститутки, подчиненныя надзору комитета.						
	Число освидѣтельствованій.	Число заболѣваній сифилисомъ.	% отн. заболѣваній къ числу освидѣтельствованій.	Во сколько разъ этотъ % ниже 4,6% заболѣваній сиф., обнаруж. среди ком. женщ.	Число личностей, пораженныхъ сифилисомъ.	% отн. больныхъ сифилисомъ къ числу освидѣт.	Во сколько разъ этотъ % ниже 4,6% больныхъ сиф., обнаруженныхъ среди ком. женщ.
1870	127357	842	0,66	Въ 7 разъ	465	0,36	Въ 12,7 разъ

Вмѣстѣ съ тѣмъ и читатель, имѣя въ виду, что въ личномъ составѣ поднадзорныхъ проститутокъ болѣе 10 женщинъ изъ ста страдаютъ сифилисомъ, долженъ былъ бы послѣдовательно допустить, будто въ средѣ комиссныхъ, на самомъ дѣлѣ, *свыше 130 женщинъ изъ ста сифилитки.* Этотъ головокружительный результатъ примѣненія „наиболѣе подходящаго къ истинѣ“, „общеупотребительнаго“ пріема сторонниковъ надзора тѣмъ болѣе характеренъ, что фактически въ 1870 г. между женщинами, задержанными по подозрѣнію въ тайной проституціи и, слѣдовательно, принадлежащими къ средѣ, гдѣ цифра сифилитокъ превышаетъ даже численность всего

ея контингента, у девяноста пяти изъ ста страданій сифилисомъ не было совсѣмъ обнаружено!...

Спѣшимъ, однако, этой злосчастной замѣткѣ Э. Ф. Шперка противопоставить методы и результаты его послѣдующихъ статистическихъ изслѣдованій. Въ своихъ самостоятельныхъ попыткахъ выяснить степень и условія распространенія сифилиса въ различныхъ классахъ проституціи, д-ръ Шперкъ не только не прибѣгаетъ болѣе къ „общеупотребительному" пріему регламентистовъ, но даже и не упоминаетъ объ этомъ пріемѣ,—игнорируетъ его какъ нѣчто несуществующее или совсѣмъ недостойное вниманія. Въ своей классической работѣ „Къ статистикѣ сифилиса въ женскомъ населеніи города С.-Петербурга", 1877 г., онъ констатируетъ за 1875 г. сифилисъ въ различныхъ періодахъ теченія у 53,1% и въ частности припадки первичнаго зараженія и кондиломатознаго періода у 31,5% личнаго состава проститутокъ домовъ терпимости" (Сборн. соч. по суд. мед., т. 1 за 1877 г., стр. 123). Среди того слоя тайно проституирующихъ женщинъ, изъ которыхъ ближайшимъ образомъ комплектуется личный составъ поднадзорной проституціи, онъ предположительно насчитываетъ до 25% больныхъ сифилисомъ, еще не перешедшимъ ни въ безрецидивный, ни въ гуммозный періодъ (тамъ же, стр. 125 и 155) [1]).

---

[1]) Допустимо сомнѣніе въ основательности пріемовъ, какими д-ръ Шперкъ пытается вычислить этотъ процентъ. Количество названныхъ больныхъ въ томъ слоѣ тайной проституціи, который находится на рубежѣ съ поднадзорной, почтенный сифилидологъ опредѣляетъ по проценту сифилитокъ кондиломатознаго періода въ числѣ женщинъ домовъ терпимости или одиночекъ, поступавшихъ, въ теченіе того или иного года, въ больницу въ первый разъ послѣ своего подчиненія надзору. По указанію д-ра Шперка, гарантіей въ томъ, что выведенный, такимъ образомъ, процентъ сифилитокъ въ числѣ женщинъ, вновь поступившихъ въ больницу, дѣйствительно, выражаетъ степень зараженности соотвѣтствующаго слоя тайной проституціи, можетъ служить слѣдующій фактъ: опредѣляется ли этотъ процентъ по даннымъ для билетныхъ (живущихъ въ домахъ терпимости) или для бланковыхъ (живущихъ на частныхъ квартирахъ) проститутокъ, въ результатѣ вычисленій получается почти одна и та же цифра; а такъ какъ извѣстно, что, вообще, между бланковыми сифилитокъ значительно меньше, нежели между билетными (ср. тамъ же, стр. 152), то, надо думать, этотъ

Для другихъ слоевъ тайной проституціи, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ рубежа съ проституціею поднадзор-

---

совпадающій процентъ сифилитокъ среди той и другой категоріи женщинъ, только что подчиненныхъ надзору, означаетъ именно еще степень ихъ заболѣваемости какъ тайныхъ проститутокъ.

Вся эта аргументація должна быть отодвинута въ сторону, такъ какъ фактъ совпаденія процента, на которомъ она въ сущности зиждется, оказывается на дѣлѣ мнимымъ. Правда, 25,1% кондиломатозныхъ сифилитокъ въ числѣ билетныхъ женщинъ, поступавшихъ впервые въ больницу, почти совпадаетъ, для 1875 г., съ 25,3% кондиломатозныхъ сифилитокъ въ числѣ бланковыхъ, также въ первый разъ поступавшихъ въ больницу, но вѣдь, за данный годъ, вообще поступило въ больницу лишь 22,6% изъ общаго количества бланковыхъ, тогда какъ изъ общей цифры билетныхъ свыше 90% (тамъ же, стр. 155, 120 и 150). Отсюда, въ видахъ нѣкотораго приближенія къ дѣйствительности, надо понизить вышеназванный процентъ кондиломатозныхъ сифилитокъ среди бланковыхъ, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза, сравнительно съ его высотою для билетныхъ,—и, такимъ образомъ, рѣшительно отказаться отъ ложной идеи его совпаденія.

Не говоря уже, далѣе, о несовпаденіи цифры лицъ, вновь поступавшихъ въ больницу, съ числомъ вновь зарегистрированныхъ женщинъ, а иной разъ, быть можетъ, и года перваго поступленія въ больницу съ годомъ регистраціи, врядъ ли допустимо отнести всѣ случаи кондиломатознаго сифилиса, имѣющіе мѣсто у женщины даже и въ теченіе перваго года по поступленіи подъ надзоръ, непремѣнно на счетъ зараженія до подчиненія ея комитету. Аргументъ, состоящій въ недоумѣніи сифилидолога, какимъ образомъ у женщины, заразившейся уже по подчиненіи ея надзору, при первомъ ея поступленіи въ больницу констатируются уже вторичныя формы сифилиса, обезсиливаетъ передъ вѣроятнымъ фактомъ просмотра первичныхъ формъ. Такъ, по наблюденіямъ д-ра Обозненко, «по мѣрѣ приближенія къ послѣднему времени количество вторичныхъ формъ, которыми начинается сифилисъ въ первый годъ подчиненія женщинъ комитету, постепенно уменьшается, а количество первичныхъ формъ, наоборотъ, возрастаетъ». «Это обстоятельство доказываетъ только то, что чѣмъ тщательнѣе осмотръ, тѣмъ менѣе первичныхъ явленій остаются незамѣченными, тѣмъ болѣе уменьшается количество случаевъ, въ которыхъ сифилисъ опредѣляется со вторичныхъ формъ. Трудность діагностики первичнаго склероза у женщинъ, вслѣдствіе скрытаго положенія ихъ половыхъ органовъ, объясняетъ намъ, почему все таки, несмотря на самый тщательный осмотръ, нѣкоторое количество зараженій сифилисомъ у проститутокъ опредѣляется нами не съ первичныхъ, а со вторичныхъ формъ и при томъ не только въ первый годъ по подчиненіи, но и во всѣ послѣдующіе годы». Вотъ почему

ною, д-ръ Шперкъ опредѣляетъ, примѣнительно къ цифрамъ г. Граціанскаго для комиссныхъ женщинъ, число сифилитокъ въ размѣрѣ 5% (стр. 155 и 156). Сопоставляя степень распространенія болѣзни среди женщинъ домовъ терпимости съ процентомъ заболѣваемости тайныхъ проститутокъ, почтенный сифилидологъ рѣшительно избѣгаетъ какихъ бы то ни было пріемовъ, которые въ результатѣ понизили бы цифру больныхъ для поднадзорныхъ притоновъ,—и послѣдовательно заключаетъ, что въ контингентѣ тайной проституціи, сравнительно съ подконтрольной, имѣется „значительно меньшій процентъ больныхъ сифилисомъ“ (стр. 162). Вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ о томъ, что должны предпочитать холостые мужчины, поднадзорную ли или тайную проституцію, заставляетъ его снова столкнуться съ нравоученіемъ басни г. Граціанскаго. „Число зараженій мужчинъ отъ оффиціальныхъ проститутокъ бываетъ навѣрное гораздо больше, чѣмъ отъ тайныхъ“, и чтобы поднадзорная проституція представила обществу болѣе гарантій отъ зараженія сифилисомъ, чѣмъ тайная, „достигнуть этого, при настоящемъ устройствѣ санитарныхъ бюро, немыслимо“ (стр. 162 и 163). По этимъ вы-

---

д-ръ Обозненко считаетъ «болѣе близкимъ къ истинѣ» не относить всѣхъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ врачебнымъ надзоромъ констатированъ сифилисъ прямо со вторичныхъ явленій,—къ числу заболѣвшихъ до подчиненія, «хотя между ними, можетъ быть, и есть нѣсколько таковыхъ». Самъ г. Обозненко опредѣляетъ, по даннымъ за 1891—1893 г.г., число женщинъ, которыя поступаютъ въ ряды поднадзорной проституціи, уже имѣя сифилисъ, 11,4% всѣхъ вновь подчиняющихся надзору женщинъ (Поднадз. прост., стр. 91 и 92; ср. Матеріалы, В. О. Г. за февр. 1899 г., стр. 185). Относя всѣ случаи, когда у поднадзорной сифилисъ констатировался прямо со вторичныхъ явленій, на счетъ зараженія до внесенія въ списки, д-ръ Введенскій насчитываетъ, по даннымъ однодневной переписи 1 января 1895 г., въ личномъ составѣ проститутокъ петербургскихъ домовъ терпимости не менѣе 33,3% женщинъ, заразившихся сифилисомъ до зачисленія въ проститутки. Однако, случаи, когда дѣйствительно явленія сифилиса наблюдались у нихъ или до поступленія, или въ моментъ подчиненія надзору, составляютъ, по его вычисленію, всего лишь 13% ихъ личнаго состава (В. О. Г., іюль 1896, отд. 2, стр. 78 и 79). По обслѣдованію д-ра Фивейскаго, число проститутокъ домовъ терпимости Москвы, заболѣвшихъ сифилисомъ до внесенія въ списки, опредѣляется цифрою, нѣсколько превышающею 10,7% личнаго состава (Прот. моск. венер. общ., т. 2, стр. 104).

водамъ д-ра Шперка возможно судить, въ какое отношеніе становится теперь почтенный сифилидологъ, по ближайшемъ изученіи вопроса, къ баснословнымъ результатамъ статистическихъ выкладокъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ подвергнутыхъ имъ осмѣянію.

Направляя свое вниманіе на аргументы, характеризующіе идеологію регламентистовъ, мы не будемъ здѣсь останавливаться на дальнѣйшихъ выводахъ изслѣдованій д-ра Шперка, продолжавшихъ разрушать научныя претензіи этой идеологіи [1]). Мы проходимъ, далѣе, и мимо позднѣйшихъ обслѣдованій, которыя обнаруживали то 52,7% (д-ръ Обозненко, по даннымъ за 1891—1893 г.г., Поднадз. прост., стр. 60), то 60,4% (д-ръ Введенскій, согласно однодневной переписи 1 января 1895 г., В. О. Г. за іюль 1896 г., отд. II, стр. 79) сифилитокъ въ личномъ составѣ поднадзорныхъ притоновъ Петербурга, или 50,4% и 54,2% сифилитокъ среди проститутокъ, живущихъ въ домахъ терпимости Москвы (д-ръ Фивейскій, по даннымъ за 1890 и 1892 г., Прот. моск. венер. общ., т. 2, стр. 96 и 97), 38,1% сифилитокъ концилом. періода между поднадзорными проститутками Кіева

---

[1]) Какъ на примѣръ подобнаго рода выводовъ, сошлемся на такой фактъ, какъ статистически установленное почтеннымъ сифилидологомъ положеніе, что женщинѣ достаточно пробыть какихъ-нибудь три года въ поднадзорномъ притонѣ столицы, чтобы навѣрное заразиться сифилисомъ (стр. 142 и 122). Замѣтимъ попутно, что по позднѣйшему обслѣдованію д-ра Введенскаго, произведенному 1 января 1895 г., въ Петербургѣ «проститутки домовъ терпимости заражаются по преимуществу въ первые три года послѣ зарегистрированія» и «можно предполагать, что черезъ пять лѣтъ наступаетъ почти полная сифилизація билетныхъ проститутокъ» (В. О. Г., іюль 1896 г., отд. II, стр. 79). А по наблюденіямъ д-ра Порошина для Казани, за 1895 г., проститутки въ мѣстныхъ домахъ терпимости сифилизуются «въ послѣднее время обыкновенно чрезъ ½ года и никакъ не позже 1½ года со дня заключенія» (Врачъ, № 10 за 1896 г., стр. 273). Въ виду раскрытія д-ромъ Обозненко явленія невоспріимчивости извѣстнаго числа женщинъ, какъ бы долго онѣ ни проституировали, къ сифилитической инфекціи, вышеуказанное положеніе д-ра Шперка утратило свою безусловность, но оно врядъ ли потеряло отъ этого, вообще, значеніе для характеристики санитарнаго состоянія поднадзорнаго дома терпимости (ср. Поднадз. прост., стр. 90, и Матеріалы, В. О. Г., мартъ 1899 г., стр. 265 и сл.).

(д-ръ Никольскій, по даннымъ за 1886 и 1887 г.г., Revue de mor. progr., 1889, № 8, p. 64), 54% сифилитокъ также межрецидивнаго періода въ домахъ терпимости Казани (д-ръ Порошинъ, по даннымъ за 1895 г., Врачъ, № 10 за 1896 г., стр. 271), 92% сифилитокъ въ личномъ составѣ поднадзорныхъ притоновъ Томска (проф. Образцовъ, по даннымъ разового осмотра 21 іюля и 3 августа 1896., Врачъ, № 40 за 1896 г., стр. 1134 и 1135), и пр., и пр. Наше вниманіе ближайшимъ образомъ привлекаетъ своеобразная переоцѣнка матеріаловъ и выводовъ санитарной статистики, представленная врачами-регламентистами къ всероссійскому противусифилитическому съѣзду 1897 г. Новая попытка использовать по поводу названнаго съѣзда, обѣщавшаго глубоко вскрыть весь вопросъ о врачебно-полицейскомъ надзорѣ, въ пользу регламентаціи, цифровыя данныя о степени заболѣваемости проститутокъ была сдѣлана д-рами А. И. Ѳедоровымъ и К. Л. Штюрмеромъ.

Цифровыя выборки изъ матеріаловъ петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета, которыя его почтенный инспекторъ нашелъ умѣстнымъ опубликовать, въ виду съѣзда, въ органѣ медицинскаго департамента, показываютъ, для 1895 г., паденіе процента заболѣваній кондиломатознымъ сифилисомъ въ столичныхъ домахъ терпимости до 20,2,— почти на половину ниже, сравнительно съ высотою процента предыдущихъ лѣтъ (Дѣятельность С.-Петерб. Врачебно-Полиц. Комитета, В. О. Г., ноябрь 1896 г., отд. 2, стр. 181). Да и эта цифра 20, 2% оказывается, съ его точки зрѣнія, слишкомъ высокою для того, чтобы выразить ихъ истинное санитарное состояніе, достигнутое за послѣднее время усиліями надзора. Приведенная цифра опредѣляетъ за 1895 г. процентъ заболѣваній по отношенію числа послѣднихъ къ количеству проститутокъ, состоявшихъ, по списку, въ домахъ терпимости къ концу отчетнаго года. Искомая цифра будетъ вычислена болѣе точно, если это количество будетъ замѣнено числомъ всѣхъ проститутокъ, перебывавшихъ въ поднадзорныхъ притонахъ за отчетный періодъ. При такомъ вычисленіи она опредѣлится въ 17,2%. Далѣе, если подобнымъ пріемомъ опредѣлять не процентъ отдѣльныхъ заболѣваній,—отправокъ въ больницу, но процентъ лицъ, страдавшихъ кондиломатознымъ сифилисомъ, то надо понизить эту цифру до 10,9%.

И если, наконецъ, имѣть, при этомъ, въ виду однихъ лишь свѣжихъ сифилитокъ, заразившихся впервые въ теченіе отчетнаго года, то показателемъ санитарнаго состоянія поднадзорныхъ притоновъ въ Петербургѣ окажется цифра 3,5%! (ср. тамъ же, стр. 189 и 190).

Опору для провѣрки этихъ выводовъ доставляетъ намъ, прежде всего, нижеслѣдующій цифровой матеріалъ основныхъ таблицъ д-ра Ѳедорова (табл. 1 и 3, стр. 179 и 180).

ГОДЪ.	Женщинъ домовъ терпимости.		Квартирныхъ.		Комиссіонныхъ.	
	Число.	Сиф. кондил.	Число.	Сиф. кондил.	Число.	Сиф. кондил.
1888	535	342	2380	213	1210	19
1889	570	266	2245	183	1149	45
1890	608	208	2318	274	1303	48
1891	585	314	2650	317	1671	61
1892	630	277	2612	323	1990	95
1893	635	306	2606	401	1789	97
1894	689	228	2698	391	1551	106
1895	618	254	2904	472	3020	88

Пользуясь этимъ матеріаломъ, мы имѣемъ возможность раскрыть въ процентныхъ отношеніяхъ, на которыхъ д-ръ Ѳедоровъ констатируетъ для 1895 г. паденіе сифилиса въ домахъ терпимости, рядъ неточностей въ вычисленіяхъ (ср. табл. 4, стр. 181).

ГОДЪ.	Женщинъ домовъ терпимости		Квартирныя.		Комиссіонныя.	
	% по Ѳедорову.	% въ исправленномъ видѣ.	% по Ѳедорову.	% въ исправленномъ видѣ.	% по Ѳедорову.	% въ исправленномъ видѣ.
1888	39,8	*63,9*	14,0	*8,9*	1,6	*1,5*
1889	27,0	*46,6*	11,0	*8,1*	3,0	*3,9*
1890	33,0	*34,2*	12,0	*11,8*	3,7	*3,6*
1891	38,7	*53,6*	11,0	*11,9*	5,0	*3,6*
1892	47,0	*43,9*	12,0	*12,3*	4,5	*4,7*
1893	43,0	*48,1*	15,4	*15,3*	4,3	*5,4*
1894	32,0	*33,0*	15,0	*14,4*	5,0	*6,8*
1895	20,2	*41,1*	17,6	*16,2*	8,8	*2,9*

Мы рѣшительно отказываемся сколько-нибудь всесторонне выяснить своеобразные пріемы, посредствомъ которыхъ почтенному д-ру Ѳедорову удается такъ вычислить эти процентныя отношенія, что ни одна цифра изъ нихъ не оказывается вѣрной: надо, во всякомъ случаѣ, думать, что въ его таблицѣ сконцентрировался довольно сложный рядъ неоднородныхъ математическихъ уклоненій,—въ томъ числѣ и перестановка цифръ сифилиса женщинъ домовъ терпимости и квартирныхъ за 1888 г.,—и преждевременное примѣненіе особаго метода сокращенія числа комиссныхъ за 1895 г. (ср. стр. 189) [1]).

[1]) Не на эту ли таблицу г. Ѳедорова намекаетъ д-ръ Штюрмеръ, говоря объ отчетѣ «одного изъ наибольшихъ городовъ», гдѣ, рядомъ съ другими крупными ошибками, «всѣ вычисленныя и сгруппированныя въ таб-

Какъ бы то ни было, оставаясь на почвѣ обыденныхъ пріемовъ счисленія, мы вправѣ,—если только, вообще, позволительно довѣрять даннымъ основныхъ таблицъ д-ра Ѳедорова, опредѣлить процентъ заболѣваній кондиломатознымъ сифилисомъ проститутокъ домовъ терпимости въ 1895 г. цифрою 41,1%. Имѣя предъ собою эту цифру, читатель не въ состояніи болѣе замѣтить не только паденія степени ихъ заболѣваній въ названномъ году до 20,2%, но и вообще факта какого бы то ни было пониженія соотвѣтствующаго процента за этотъ годъ: напротивъ, цифры основныхъ таблицъ д-ра Ѳедорова даютъ возможность констатировать для 1895 г. повышеніе упомянутаго процента на 8,1 сравнительно съ предыдущимъ годомъ [1]).

Не безъинтересно попутно отмѣтить, что и въ слѣдующемъ—1896 г.—процентъ кондиломатознаго сифилиса въ столичныхъ домахъ терпимости ничуть не понижается. Изъ имѣющагося въ матеріалахъ съѣзда „Журнала Совѣщанія по обсужденію мѣропріятій противъ сифилиса въ Россіи“, отъ 7—24 октября 1897 г., видно:

Годъ.	Женщинъ домовъ терпимости.		Одиночекъ.		Комиссныхъ.	
	Число.	Сиф. кондил.	Число.	Сиф. кондил.	Число.	Сиф. кондил.
1896	633	281	3221	530	2859	83
Отсюда, %		44,4		16,4		2,2

лицу процентныя отношенія заболѣваній сифилисомъ и венерическими болѣзнями оказались совершенно невѣрными»? Самъ д-ръ Штюрмеръ, переставивъ въ соотвѣтствующихъ вычисленіяхъ процента цифры заболѣваній кондиломатознымъ сифилисомъ женщинъ домовъ терпимости и квартирныхъ за 1889 г., даетъ ошибочно для этого года 32,1 и 11,8 вмѣсто 46,6 и 8,1 (Простит. въ городахъ, стр. 2 и 3 и стр. 93).

[1]) Заявляя о паденіи заболѣваній сифилисомъ въ притонахъ, г. Ѳедоровъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1895 г. «Комитетъ, слѣдуя многократнымъ совѣтамъ Петербургскаго Сифилидологическаго Общества, не разрѣшаетъ поступленія въ дома терпимости такимъ

Выражаясь, такимъ образомъ, цифрою 44,4, этотъ процентъ остается едва ли не на самомъ уровнѣ соотвѣтствующаго средняго процента за все предшествующее восьмилѣтіе. Это тѣмъ болѣе любопытно, что, опираясь въ вычисленіи приведенной цифры на „Журналъ Совѣщанія", мы получаемъ возможность провѣрить фактъ мнимаго паденія сифилиса въ поднадзорныхъ притонахъ столицы за послѣднее время независимо отъ основныхъ таблицъ д-ра Ѳедорова.

Переходимъ къ изученію пріемовъ г. Ѳедорова по пониженію цифры 20,2%, слишкомъ высокой, какъ показатель степени заболѣваній кондиломатознымъ сифилисомъ проститутокъ подлежащихъ его инспекціи публичныхъ домовъ. Характеръ этихъ пріемовъ опредѣляется явственно въ связи съ ближайшею цѣлью, которая обусловливаетъ обращеніе къ нимъ д-ра Ѳедорова,—съ задачею сопоставленія сравнительной степени заболѣваній женщинъ домовъ терпимости и квартирныхъ. Почтенный врачъ предпочитаетъ разложить число заболѣваній проститутокъ поднадзорныхъ притоновъ не на меньшее количество женщинъ, состоявшихъ въ послѣднихъ, по списку, къ концу 1895 г., но на бóльшее число всѣхъ перебывавшихъ въ нихъ проститутокъ за этотъ годъ. Но въ то же время, при сопоставленіи добытаго такимъ путемъ процента ихъ заболѣваній со степенью заболѣваемости квартирныхъ, онъ находитъ умѣстнымъ положить въ основу своихъ вычисленій не бóльшее количество всѣхъ женщинъ, перебывавшихъ за 1895 г. въ разрядѣ одиночекъ, но меньшее списочное число послѣднихъ къ исходу этого года. Разумѣется, такой пріемъ можетъ быть понятъ не иначе, какъ своеобразный способъ получить сравнительно высшій процентъ заболѣваній женщинъ домовъ терпимости и сравнительно меньшій процентъ заболѣваній квартирныхъ!

На этомъ д-ръ Ѳедоровъ не останавливается: едва окончивъ, въ сущности дѣла, присоединеніе къ списочному чи-

---

женщинамъ, которыя, по свѣдѣніямъ Комитета, находятся въ раннемъ періодѣ кондиломатознаго сифилиса» (стр. 181). Если, тѣмъ не менѣе, въ 1895 г. не только нѣтъ никакого паденія, но, напротивъ, наблюдается, по даннымъ г. Ѳедорова, повышеніе % сифилитическихъ заболѣваній въ домахъ разврата, то не должно ли послѣдовательно съ фактомъ усиленнаго притока здоровыхъ женщинъ извнѣ связать явленіе болѣе учащенной, дѣятельной заражаемости проститутокъ внутри притона?

слу женщинъ домовъ терпимости, конца отчетнаго года, цифры въ нѣсколько сотъ проститутокъ, исключенныхъ изъ списка или перешедшихъ въ категорію одиночекъ въ теченіе этого года и, слѣдовательно, фактически въ продолженіе болѣе или менѣе длиннаго періода не состоявшихъ уже въ наличности контингента притоновъ,—почтенный врачъ принимаетъ въ соображеніе то обстоятельство, что въ каждое данное время въ наличности одиночекъ постоянно бываетъ большой недочетъ и, соотвѣтственно предполагаемой величинѣ этого недочета, находитъ умѣстнымъ изъять изъ списочнаго состава квартирныхъ женщинъ цифру въ нѣсколько сотенъ...

Ознакомившись съ методомъ, стоитъ присмотрѣться и къ цифрамъ д-ра Ѳедорова.

„...Къ 1-му января 1895 года въ домахъ терпимости состояло 689 женщинъ, въ теченіе года туда вновь поступило 194 и перешло изъ одиночекъ или квартирныхъ 594, слѣдовательно всего перебывало въ домахъ терпимости женщинъ 1477... Съ другой стороны, въ списочномъ числѣ одиночекъ, въ числѣ 2904, бываетъ постоянно въ каждое данное время большой недочетъ въ наличности; недочетъ этотъ колеблется между 600 и 800 женщинъ. Такимъ образомъ, при точномъ вычисленіи % заболѣваній сифилисомъ изъ домовъ терпимости и одиночекъ мы должны взять въ основаніе такія числа: для домовъ терпимости 1477, а для одиночекъ только 2100“ (стр. 189).

Какъ же, однако, двумя листками выше, стр. 185, д-ръ Ѳедоровъ насчитываетъ, вмѣсто 594, лишь 426 женщинъ, перешедшихъ въ дома терпимости изъ одиночекъ? И какъ смотрѣть, съ точки зрѣнія точности вычисленія, на вычетъ 804 женщинъ изъ списочнаго состава одиночекъ, когда по „Журналу Совѣщанія“ недочетъ въ наличности послѣднихъ обнимаетъ лишь „почти 500 женщинъ“, по Обозненко, за 1891—1893 г.г., отъ 452 до 775 (Поднадз. прост., стр. 46), да и по Ѳедорову только „колеблется между 600 и 800 женщинъ“? (ср. Простит. въ город., стр. 22).

Посредствомъ такихъ пріемовъ д-ру Ѳедорову удается, понизивъ процентъ заболѣваній кондиломатознымъ сифилисомъ у женщинъ домовъ терпимости до 17,2, противопоставить послѣднему 22,4% названныхъ заболѣваній у квартирныхъ и, такимъ образомъ, *научно* доказать санитарныя пре-

имущества законченной системы врачебно-полицейскаго надзора надъ публичными домами! (ср. табл. 12 на стр. 189).

По поводу своеобразной научности этихъ пріемовъ позволительно отмѣтить попутно и слѣдующій фактъ. Въ литературѣ регламентистовъ указанные пріемы, насколько намъ извѣстно, отнюдь не подверглись критическому разбору, но, напротивъ, выводъ немедленно былъ положенъ въ основаніе самаго широкаго обобщенія. Такъ, опираясь на результаты вычисленій г. Ѳедорова, д-ръ Штюрмеръ заключаетъ, что Петербургъ изъ группы городовъ, гдѣ % сифилитическихъ заболѣваній у женщинъ домовъ терпимости выше, чѣмъ у одиночекъ, долженъ перейти въ другую группу съ обратнымъ соотношеніемъ заболѣваній. „Это перемѣщеніе, замѣчаетъ онъ, при томъ же надзорѣ случилось лишь благодаря тому, что процентъ былъ точнѣе вычисленъ къ числу дѣйствительно являвшихся одиночекъ. Судя по аналогіи, то же самое должно бы быть и въ другихъ городахъ первой группы и тогда, какъ конечный результатъ, получилось бы, что во *всѣхъ* (курсивъ цитир. автора) городахъ процентъ заболѣваній сифилисомъ среди одиночекъ больше, чѣмъ среди женщинъ домовъ терпимости“ (Простит. въ город., стр. 71).

Стоитъ, однако, при вычисленіи процента, количеству всѣхъ женщинъ, перебывавшихъ за 1895 г. въ притонахъ, противопоставить, вмѣсто списочнаго числа одиночекъ къ концу этого года, соотвѣтствующую цифру всѣхъ женщинъ, перебывавшихъ за тотъ же годъ въ категоріи квартирныхъ,—и научный фундаментъ этой аналогіи долженъ неминуемо пошатнуться: твердо держась въ остальномъ пріемовъ „точнаго вычисленія“ д-ра Ѳедорова, даже не исправляя его цифръ, придется, тѣмъ не менѣе, выразить степень заболѣваемости сифилисомъ квартирныхъ въ 15,7%,—цифрою, не достигающею и пониженной высоты—17,2%—уровня сифилитическихъ заболѣваній среди проститутокъ притоновъ!... [1]).

---

[1]) Къ 1 января 1895 г. состояло 2698 одиночекъ; въ теченіе года вновь поступило 592 и перешло изъ домовъ терпимости 515,—слѣдовательно, всего перебывало въ числѣ одиночекъ 3805 женщинъ; положивъ на недочетъ въ наличности 805, должны будемъ взять за основаніе 3000.

Въ связи съ разобранными пріемами д-ра Өедорова долженъ быть поставленъ и особый способъ, къ которому онъ прибѣгаетъ для аналогичнаго повышенія (съ 2,9 до 8,8%) заболѣваній сифилисомъ женщинъ комиссныхъ: вычисленіе процента заболѣваній въ средѣ послѣднихъ слѣдуетъ, по его разсужденію, „дѣлать не по отношенію къ 3000, какъ значится это число за 1895 г., а только къ 1000, такъ какъ въ теченіе года въ средѣ комиссныхъ повторяются однѣ и тѣ же лица по нѣсколько разъ“ (стр. 189). Ни мало не сомнѣваясь въ фактѣ неоднократныхъ приводовъ т. наз. бродячихъ женщинъ, мы не можемъ, однако, не отмѣтить противорѣчія между заявленіемъ о послѣднемъ д-ра Өедорова и матеріаломъ его основныхъ таблицъ. Изслѣдуя, согласно его собственнымъ указаніямъ, значеніе данныхъ о комиссныхъ женщинахъ таблицъ 1 и 2, надо заключить, что въ таблицѣ 1-ой даны цифры количества женщинъ, приводимыхъ полиціею по комиссіи въ комитетъ, а въ таблицѣ 2-ой — числа явокъ этихъ женщинъ, точнѣе, ихъ приводовъ въ комитетъ. Если, однако, по даннымъ названныхъ таблицъ явствуетъ, что за 1893 г. 1787 женщинъ приводились по комиссіи въ комитетъ 2690 разъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, для прочихъ лѣтъ періода, и въ томъ числѣ для 1895 г., слѣдуетъ, что цифра приводовъ комиссныхъ женщинъ не превышала болѣе ихъ числа. Ссылаясь опредѣленно на фактъ неоднократныхъ приводовъ этихъ женщинъ и въ 1895 г., д-ръ Өедоровъ неизбѣжно дискредитируетъ цифры своихъ основныхъ таблицъ. Если числа количества комиссныхъ женщинъ и ихъ приводовъ въ комитетъ не совпадаютъ,—разнятся въ цѣлыхъ три раза, то, разумѣется, цифра 3020 комиссныхъ женщинъ за 1895 г. совершенно невѣрна или какъ выраженіе количества послѣднихъ, или какъ данное о числѣ ихъ приводовъ. Къ сожалѣнію, д-ръ Өедоровъ не даетъ рѣшительно никакого указанія на то, почему онъ предпочитаетъ пожертвовать опубликованною имъ цифрою какъ ошибочной именно въ смыслѣ выраженія количества комиссныхъ женщинъ? А между тѣмъ, если подобное предпочтеніе понятно, какъ особый пріемъ повышенія процента заболѣваній комиссныхъ, оно невольно вызываетъ сомнѣнія, какъ путь къ болѣе точному вычисленію этого процента: правда, мы не имѣли возможности пересчитать многочисленной толпы комиссныхъ женщинъ, которая въ каждую ночь

обхода заполняетъ полицейскій участокъ, но ужели и въ самомъ дѣлѣ умѣстно допустить, что этими обходами, какъ часто они ни производятся, забирается во всемъ Петербургѣ за цѣлый годъ только какихъ-нибудь 400—600 женщинъ, если не считать особенно удачной ловли цѣлой тысячи въ 1895 г.?..

До сихъ поръ мы разбирали, въ статистикѣ д-ра Ѳедорова, вычисленія процента отдѣльныхъ заболѣваній,—процента случаевъ отправленій въ больницу. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы переходимъ къ его статистическимъ операціямъ по опредѣленію для 1895 г. процентнаго отношенія лицъ, отправленныхъ изъ той или иной категоріи женщинъ въ больницу.

Предварительно мы считаемъ умѣстнымъ отмѣтить въ высшей степени любопытное явленіе въ характерѣ (статистики?) заболѣваемости и обѣихъ категорій поднадзорныхъ проститутокъ, и комиссныхъ женщинъ,—полное совпаденіе цифръ заболѣваній и лицъ, отправленныхъ въ больницу, въ отношеніи и мягкаго шанкра, и перелоя, и общихъ незаразительныхъ болѣзней (ср. табл. 7 и 9 на стр. 186 и 187). Разница констатируется лишь относительно кондиломатознаго сифилиса:

За 1895 г.	Изъ домовъ терпимости.	Квартирныхъ.	Комиссныхъ.	Всего
Число отправленій въ больницу.	254	472	88	814
Число лицъ, отправленныхъ въ больницу.	162	383	88	633
	545			

Въ томъ, однако, что эти цифры невѣрны, убѣждаетъ насъ слѣдующее указаніе самаго д-ра Ѳедорова. „При этомъ сифилитки домовъ терпимости и квартирныя поступали въ больницу:

по одному разу . . . . . 354 женщины
по два раза . . . . . 128 женщинъ
по три раза . . . . . 48 женщинъ
по четыре раза . . . . . 15 женщинъ
545 женщинъ.

Комиссіонныя сифилитки сюда не вошли“ (стр. 187). Разъ правильно послѣднее замѣчаніе, на долю комиссныхъ

нельзя отнести ни одного заболѣванія кондиломатознымъ сифилисомъ: всѣ 814 отправленій въ больницу (354+128.2+48.3+15.4) за 1895 г. должны пасть на счетъ женщинъ домовъ терпимости и квартирныхъ! Для того, чтобы не согласиться на такой неожиданный результатъ статистической безупречности, въ санитарномъ отношеніи, комиссныхъ, д-ру Ѳедорову остается развѣ только пойти дальше по пути пожертвованія, какъ ошибочными, опубликованными имъ цифрами...

При разницѣ числа заболѣваній и цифры больныхъ кондиломатознымъ сифилисомъ, какой бы то ни было, представляется, далѣе, весьма поучительнымъ такой результатъ вычисленій д-ра Ѳедорова, по которому процентныя отношенія этихъ различныхъ количествъ къ общему списочному числу проститутокъ оказываются, и для домовъ терпимости, и для квартирныхъ, совершенно тождественными (ср. табл. 4 и табл. 10 на стр. 181 и 187). Это обстоятельство тѣмъ болѣе характерно, что одинаковые проценты неодинаковаго числа больныхъ и заболѣваній вычислены, къ цифрамъ списочнаго состава таблицы 1, одинаково ошибочно и какъ проценты числа заболѣваній, и какъ проценты числа больныхъ.

За 1895 г.		Домовъ терпимости.	Квартирныхъ.
Число женщинъ по табл. 1.		618	2904
Кондиломатозный сифилисъ.	Число отправленій въ больницу по табл. 3 и 7.	254	472
	% заболѣваній по табл. 4.	20,2	17,6
	% заболѣваній въ исправленномъ видѣ.	*41,1*	*16,2*
	Число лицъ, отправленныхъ въ больницу по табл. 9.	162	383
	% лицъ, отправленныхъ въ больницу по табл. 10.	20,2	17,6
	% лицъ, отпр. въ больн., въ исправленномъ видѣ.	*26,2*	*13,2*

Дальнѣйшая операція д-ра Ѳедорова состоитъ въ примѣненіи къ болѣе точному вычисленію процента больныхъ кондиломатознымъ сифилисомъ знакомыхъ читателю пріемовъ повышенія цифры женщинъ домовъ терпимости и пониженія числа квартирныхъ. Какъ результатъ этой операціи, г. Ѳедоровъ выражаетъ цифру лицъ, страдавшихъ кондиломатознымъ сифилисомъ въ 1895 г., въ контингентѣ поднадзорныхъ притоновъ—0,9% и среди квартирныхъ—18,0% (табл. 13 на стр. 190). Нѣкоторое типографское сходство этихъ цифръ съ 10,9% и съ 18,2% [1]) открываетъ намъ, наконецъ, возможность найти въ этой области статистическихъ операцій г. Ѳедорова—подъ покровомъ опечатки—первую цифру, вычисленную правильно хотя бы лишь и въ смыслѣ простого ея соотвѣтствія предположеніямъ и даннымъ его собственныхъ своеобразныхъ методологическихъ пріемовъ...

Заключительное звено вычисленій д-ра Ѳедорова—3,5% свѣжихъ заболѣваній кондиломатознымъ сифилисомъ въ домахъ терпимости, при 9,5%—у квартирныхъ, даетъ въ сущности не проценты „заболѣваній", какъ это слѣдуетъ по заголовку таблицы, но—числа лицъ, впервые заразившихся сифилисомъ въ 1895 г. (ср. табл. 14 и стр. 188) [2]). Какъ бы то ни было, этотъ конечный аккордъ процентныхъ отношеній такъ блестяще благопріятно характеризуетъ санитарное состояніе поднадзорныхъ притоновъ, что, поддаваясь обаянію иллюзіи, невольно медлишь выступить противъ него съ противорѣчивою нотою. Сравнительно со средою комиссныхъ, тѣмъ болѣе опасной, что въ ней рѣшительно каждая сифилитка оказывается свѣже заразившейся въ 1895 г. (!), домъ терпимости является средою, по числу въ ней свѣжихъ сифилитокъ, въ цѣлыхъ два съ половиною раза болѣе безопасною для кліента. Заключая въ своемъ контингентѣ всего лишь какихъ-нибудь три-четыре женщины на сто въ раннемъ періодѣ кондиломатознаго сифилиса, поднадзорный притонъ такъ мощно импонируетъ во всеоружіи своихъ гарантій общественнаго здравія, что, въ экстазѣ передъ апоѳеозомъ, не рѣшаешь-

---

[1]) % отношеніе 162 лицъ къ 1477 для домовъ терпимости и 383—къ 2100 для одиночекъ.

[2]) % отношеніе 52 лицъ къ 1477 для притоновъ, 199—къ 2100 для одиночекъ и 88—къ 1000 для комиссныхъ.

ся, смущенный, иначе собрать своихъ мыслей, какъ развѣ въ робкій вопросъ слѣдующаго содержанія: да полно, не преувеличена ли и цифра $3^1/_2$ % больныхъ, не является ли и это число слишкомъ высокой уступкою аболиціонистскимъ тенденціямъ,—нѣкоторымъ отказомъ пользоваться послѣдовательно до конца пріемами точнаго вычисленія?.. И въ самомъ дѣлѣ, въ основаніе вычисленій названныхъ 3,5% д-ръ Ѳедоровъ кладетъ число 52 женщинъ изъ домовъ терпимости, заразившихся кондиломатознымъ сифилисомъ въ 1895 г. А между тѣмъ онъ же самъ насчитываетъ у женщинъ поднадзорныхъ притоновъ, впервые заразившихся въ этомъ году, всего лишь 33 случая заболѣваній кондиломатознымъ сифилисомъ (стр. 183). И такъ какъ логически нельзя допустить числа 52 больныхъ при 33 случаяхъ заболѣваній, то не лучше ли, исходя изъ послѣдней цифры, выразить число свѣжихъ сифилитокъ въ домахъ терпимости столицы количествомъ ниже 2,2%...

Измѣривъ масштабомъ г. Ѳедорова всю глубину оздоровляющаго вліянія системы закрѣпощенія на проституцію петербургскихъ домовъ терпимости, позволительно дать мѣсто рядомъ съ его данными цифрѣ 39% свѣжихъ сифилитокъ въ личномъ составѣ названныхъ притоновъ. Эта цифра выражаетъ результатъ обслѣдованія, произведеннаго, по матеріалу однодневной переписи 1 января 1895 г., д-ромъ А. А. Введенскимъ. Она даетъ процентное отношеніе числа (269) сифилитокъ, имѣвшихъ послѣднія явленія кондиломатознаго періода въ 1892—1894 г.г., къ количеству всѣхъ (689) проститутокъ, состоявшихъ ко дню переписи въ домахъ терпимости Петербурга (В. О. Г., іюль 1896 г., отд. II, стр. 71—80 и особ. 77) [1]). Направленіе, въ которомъ отъ этой цифры разнится, болѣе или менѣе крупно, любой изъ статистическихъ выводовъ о домахъ терпимости д-ра Ѳедорова,—признающаго, кстати сказать, эту цифру „вѣрной“ (стр. 182), доставитъ

---

[1]) Отмѣтимъ попутно, что и для домовъ терпимости Москвы, по обслѣдованію д-ра Фивейскаго за 1892 г., число свѣжихъ сифилитокъ въ смыслѣ женщинъ, у которыхъ явленія кондиломатознаго сифилиса наблюдались менѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, опредѣляется приблизительно такою же цифрою—38,2% личнаго состава (Прот. моск. венер. общ., т. 2, стр. 97).

читателю резюмирующую характеристику ученыхъ пріемовъ почтеннаго руководителя надзора.

Послѣ методовъ счисленія г. Ѳедорова статистика д-ра Штюрмера, оффиціальнаго докладчика съѣзда по вопросамъ о проституціи въ городахъ, не смотря на всѣ ея своеобразныя особенности, дастъ читателю, несомнѣнно, рядъ свѣтлыхъ страницъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе достойно вниманія, что крайне громоздкій, совсѣмъ необработанный и, при томъ, мало обстоятельный матеріалъ подлинныхъ врачебныхъ отчетовъ, за пятилѣтіе 1889—1893 г.г. представленныхъ изъ разныхъ русскихъ городовъ къ съѣзду и положенныхъ д-ромъ Штюрмеромъ въ основаніе доклада, дѣлалъ, по самому своему характеру, уже извинительными недочеты въ статистическихъ данныхъ и выводахъ почтеннаго докладчика...

Въ основаніе своего сужденія о степени опасности въ санитарномъ отношеніи проституціи поднадзорной и тайной д-ръ Штюрмеръ, прежде всего, кладетъ моментъ различія въ максимальныхъ цифрахъ заболѣваемости зарегистрованныхъ проститутокъ, съ одной стороны, и „задержанныхъ по подозрѣнію“, съ другой. Подобнымъ путемъ онъ приходитъ къ выводу, что „максимумъ процента заболѣваній сифилисомъ встрѣчался среди задержанныхъ по подозрѣнію женщинъ, и онъ значительно превосходитъ тотъ максимумъ, который былъ найденъ среди проститутокъ домовъ терпимости и одиночекъ“. На это обстоятельство д-ръ Штюрмеръ смотритъ какъ на фактъ, подтверждающій мнѣніе, „что безконтрольная проституція наиболѣе опасна въ санитарномъ отношеніи“ (Простит. въ город., стр. 66 и 67).

При доказываніи этого „факта“ онъ отмѣчаетъ, что цифра заболѣваній сифилисомъ въ харьковскихъ домахъ терпимости достигаетъ 132%, а изъ уѣздныхъ городовъ—въ публичныхъ домахъ Камышлова—78,5%, Россіенъ—87,5% и Новогрудка—166,6%. Какъ на наибольшіе проценты заболѣваній сифилисомъ среди женщинъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи, онъ при сопоставленіи опредѣленно ссылается на 90,9% для Тобольска, на 76,1% для Ярославля, и изъ уѣздныхъ городовъ—на 87,5% заболѣваній въ Лодзи, 106,6%—въ Ченстоховѣ и 290%—въ Кунгурѣ (тамъ же).

Очевидно, только одна послѣдняя цифра является тѣмъ наивысшимъ процентомъ заболѣваній сифилисомъ комиссныхъ

женщинъ, который превосходитъ соотвѣтствующій максимумъ, найденный среди проститутокъ домовъ терпимости. Для оцѣнки значенія этой цифры всмотримся въ статистическій матеріалъ, извлеченный д-ромъ Штюрмеромъ изъ отчетовъ г. Кунгура (тамъ же, стр. 89, 103 и 113).

Годъ.	Число домовъ терпимости.	Проститутокъ домовъ терпимости	% заболѣваній проститутокъ домовъ терпимости.			Задерж. по подозр. въ тайной прост.	% заболѣваній среди задерж. по подозр. въ тайн. проституціи.		
			Сифилисъ (необозн. періодъ).	Шанкръ.	Перелой.		Сифилисъ (необозн. періодъ).	Шанкръ.	Перелой.
1889	—	—	—	0	0	56	46,4	3,5	1,7
1890	—	—	—	0	0	20	290,0	5,0	35,0
1891	—	—	—	0	0	35	0	2,8	2,8
1892	3	12	25,0	333,3	416,6	3	0	0	0
1893	3	17	0	0	100,0	8	0	0	0

Эта таблица представляетъ наглядно, какимъ образомъ по наивысшей цифрѣ заболѣваній сифилисомъ, найденной среди задержанныхъ по подозрѣнію женщинъ, былъ постулированъ фактъ, якобы подтверждающій наибольшую опасность въ санитарномъ отношеніи безконтрольной проституціи. Въ сущности изъ цифровыхъ данныхъ таблицы явствуетъ лишь то обстоятельство, что на широкомъ пространствѣ Россіи въ Кунгурѣ, уѣздномъ городѣ Пермской губерніи. въ 1890 г., у двадцати задержанныхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи женщинъ было обнаружено въ теченіе года 58 заболѣваній сифилисомъ (290%), т. е. такой процентъ, который въ значительной степени превысилъ не только число соотвѣтствую-

щихъ заболѣваній среди поднадзорныхъ проститутокъ, но и среди комиссныхъ женщинъ другихъ городовъ. Явленіе особое, совсѣмъ исключительное, по которому врядъ ли возможно заключить о преимущественной зараженности тайной проституціи не только другихъ городовъ, но даже и самого Кунгура: въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ въ томъ же Кунгурѣ среди задержанныхъ по подозрѣнію женщинъ не обнаружено ни одной сифилитки, хотя число задержанныхъ достигало въ 1891 г. тридцати пяти женщинъ.

Если позволительно, вообще, толковать статистическія данныя такъ, какъ истолковываетъ д-ръ Штюрмеръ цифру заболѣваній сифилисомъ комиссныхъ женщинъ г. Кунгура, то придется не согласиться съ его заявленіемъ, что „относительно мягкаго шанкра по представленнымъ (къ съѣзду) даннымъ трудно сказать, среди какой категоріи проститутокъ онъ преобладаетъ“ (стр. 72). Для утвержденія факта наибольшей опасности въ санитарномъ отношеніи безконтрольной проституціи, въ виду высокаго процента среди нея заболѣваній сифилисомъ, почтенный докладчикъ нашелъ возможнымъ удовлетвориться данными одного уѣзднаго города. Такъ отчего же ему и не заключить бы, по даннымъ того же Кунгура, о значительномъ преобладаніи мягкаго шанкра въ домахъ терпимости, сравнительно съ одиночками и особенно комиссными женщинами? Вѣдь въ 1892 г. процентъ заболѣваемости мягкимъ шанкромъ въ поднадзорныхъ притонахъ Кунгура, оставляя далеко за собою 156%—для домовъ терпимости Минска и другіе, выразился въ цифрѣ 333,3, тогда какъ наивысшій процентъ заболѣваній мягкимъ шанкромъ у комиссныхъ по даннымъ, сведеннымъ въ таблицахъ г. Штюрмера, не идетъ выше 72,7 (Тобольскъ) и 60% (Владикавказъ и Брестъ-Литовскъ). Д-ръ Штюрмеръ высказывается, что этотъ процентъ (333,3%) „довольно сомнителенъ“, и тотчасъ же представляетъ доводъ: „за все пятилѣтіе только въ одномъ году былъ обнаруженъ такой процентъ шанкра, а въ слѣдующемъ—ни одного процента“ (тамъ-же). Но почему тогда почтенный докладчикъ не сомнѣвается въ дѣйствительности подавляющаго числа 290% заболѣваній сифилисомъ среди комиссныхъ женщинъ, когда за все пятилѣтіе только въ одномъ году былъ обнаруженъ такой процентъ сифилиса, а въ послѣдующіе три года—ни одного процента? Здѣсь сомнѣніе было бы болѣе

основательнымъ въ виду того, что въ эти три года—ежегодно задерживалось нѣкоторое число женщинъ по подозрѣнію въ тайной проституціи, а между тѣмъ въ пятилѣтіе, о которомъ идетъ рѣчь, дома терпимости были открыты въ Кунгурѣ лишь на четвертый годъ, и врядъ ли допустимо сомнѣніе, чтобы не только высокій, но и какой нибудь процентъ шанкра могъ проявиться въ мѣстныхъ публичныхъ домахъ прежде, чѣмъ они были открыты.

Вообще, напрасно почтенный докладчикъ рѣшился обосновывать такое серьезное заключеніе, какъ преобладаніе сифилиса у тайныхъ проститутокъ, на данныхъ уѣзднаго города Кунгура. Гдѣ угодно, но ужъ не въ его поднадзорныхъ притонахъ искать регламентисту оздоровленной, силою прикрѣпленія женщины къ позорному промыслу, атмосферы. 12—17 проститутокъ трехъ публичныхъ домовъ, открытыхъ въ 1892 г., образовали здѣсь среду, перезараженную не только мягкимъ шанкромъ, но и перелоемъ, и при томъ въ такой степени, что процентъ заболѣваній послѣднимъ выразился за 1892 г. цифрою 416,6% [1])!

Настоящему разбору заключенія д-ра Штюрмера о наибольшей опасности безконтрольной проституціи, въ виду высокаго процента среди нея заболѣваній сифилисомъ, намъ могутъ противопоставить ссылку на другія высокія цифры соотвѣтствующихъ заболѣваній среди комиссныхъ женщинъ, отмѣченныя, помимо 290% г. Кунгура, почтеннымъ докладчикомъ. Хотя эти цифры и не достигаютъ такой величины, до какой поднимаются сообщаемые г. Штюрмеромъ проценты заболѣваній сифилисомъ въ поднадзорныхъ притонахъ, на

---

[1]) Позволительно поставить вопросъ, слѣдуетъ ли, вообще, довѣрять цифрамъ для г. Кунгура. По даннымъ д-ра Штюрмера, въ Кунгурѣ за 1889 г. состояло подъ надзоромъ 23 одиночки, и на нихъ падало 8,6% и, слѣдовательно, 2 заболѣванія сифилисомъ. Однако, по однодневному обслѣдованію 1 августа 1889 г., въ общемъ числѣ 10 одиночекъ насчитывалось 7 женщинъ, болѣвшихъ сифилисомъ. Оказывается, такимъ образомъ, что въ злополучномъ г. Кунгурѣ среди одиночекъ--всего два заболѣванія сифилисомъ за весь 1889 г. въ то время, какъ въ немъ же 1 августа этого года однодневнымъ обслѣдованіемъ обнаружено среди тѣхъ же одиночекъ 7 сифилитокъ (ср. Простит. въ Росс. Имп., прил. 1, стр. 14 и 15).

нѣкоторыя изъ наивысшихъ мы все же готовы обратить ближайшее вниманіе.

Сперва нѣсколько словъ о 106,6% заболѣваній сифилисомъ среди комиссныхъ женщинъ г. Ченстохова. Для сужденія о числѣ заболѣваній сифилисомъ среди проститутокъ той или иной категоріи д-ръ Штюрмеръ рекомендуетъ руководствоваться таблицею 6, приложенною къ его докладу. Однако ни въ этой, ни въ какой-либо иной таблицѣ, нѣтъ и помину о данныхъ Ченстохова. А между тѣмъ, какъ это можно заключить по неоднократнымъ заявленіямъ д-ра Штюрмера, въ таблицы вошли статистическія данныя отчетовъ, отличавшихся „большею полнотою и точностью свѣдѣній", и, напротивъ, не вошли данныя всѣхъ тѣхъ городовъ, относительно которыхъ „сообщенныя свѣдѣнія не полны или не точны" (стр. 3 и 23; ср. стр. 66 и 67). Въ виду этого обстоятельства мы не рѣшаемся, при изслѣдованіи наивысшихъ цифръ сифилитическихъ заболѣваній комиссныхъ женщинъ, принять въ соображеніе ченстоховскіе 106,6%.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы спѣшимъ предостеречь читателя отъ операцій съ 116,6% заболѣваній сифилисомъ кондиломатознаго періода комиссныхъ женщинъ въ г. Слонимѣ,—цифрою, хотя и не принимаемою докладчикомъ при сравненіи санитарнаго состоянія проституціи поднадзорной и тайной, но включенною имъ въ таблицу 6, которая служитъ для этого сравненія статистическимъ основаніемъ. Названные 116,6% относятся къ 1889 г., когда, какъ это видно изъ другой таблицы д-ра Штюрмера, было задержано въ Слонимѣ по подозрѣнію въ тайной проституціи шесть женщинъ. Мы ручаемся за то, что въ подлинномъ отчетѣ, откуда взяты цифровыя данныя по г. Слониму почтеннымъ докладчикомъ, въ рубрикѣ женщинъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи, отмѣчено за этотъ годъ лишь одно заболѣваніе сифилисомъ кондиломатознаго періода, что составитъ только 16,6%. Въ остальномъ цифры подлиннаго отчета за все пятилѣтіе вполнѣ совпадаютъ съ данными таблицъ д-ра Штюрмера.

Высота другой наибольшей цифры сифилитическихъ заболѣваній комиссныхъ женщинъ,—87,5% для г. Лодзи за 1895 г., объясняется уже не досадною опечаткою, но очевиднымъ недосмотромъ докладчика въ операціяхъ съ данными

лодзинскаго отчета. Въ доказательство приводимъ точную выдержку изъ названнаго отчета.

„Число больныхъ [1]) (за 1895 годъ).

Одиночекъ—56, изъ нихъ

Сифилисомъ	32
Мягкимъ шанкромъ	20
Перелоемъ	4.

Арестованныхъ за тайную проституцію 32, изъ нихъ

Сифилисомъ	28
Мягкимъ шанкромъ	4
Перелоемъ	—“

Сопоставляя вычисленные д-ромъ Штюрмеромъ 57,1% заболѣваній сифилисомъ одиночекъ и 87,5%—комиссныхъ женщинъ Лодзи съ приведенными данными, положенными въ основаніе этихъ вычисленій, не трудно догадаться, что почтенный докладчикъ взялъ процентныя отношенія сифилитокъ не къ общему числу одиночекъ или комиссныхъ женщинъ, но къ числу больныхъ, обнаруженныхъ въ той и другой категоріи женщинъ [2])!

Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что иной разъ высокіе проценты сифилиса среди комиссныхъ женщинъ означаютъ не болѣе, какъ какихъ-нибудь два, три заболѣванія: такъ, изъ включаемыхъ д-ромъ Штюрмеромъ въ табл. 6—75% заболѣваній сифилисомъ среди комиссныхъ г. Котельнича за 1893 г. указываютъ на болѣзнь всего только трехъ женщинъ (стр. 91 и 104); или, напр., 50% сифилиса въ категоріи женщинъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи, въ Златоустѣ и въ Осѣ за 1893 г., или въ Верхотурьѣ за

---

[1]) Означаютъ ли разбираемыя для разныхъ городовъ цифры, которыми д-ръ Штюрмеръ постоянно оперируетъ какъ количествами заболѣваній, иной разъ числа больныхъ (для Лодзи, Твери, Тулы, быть можетъ, Моршанска, Уфы?), на этотъ счетъ подлинные отчеты сплошь и рядомъ даютъ лишь такіе намеки, по которымъ каждое заключеніе остается проблематичнымъ.

[2]) На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ того же отчета, по подозрѣнію въ тайной проституціи было задержано за подлежащій годъ въ Лодзи 96 женщинъ, и потому заболѣваемость ихъ сифилисомъ должна быть выражена цифрою всего 29,1%.

1889 г., означаютъ всего лишь два или даже только одно заболѣваніе (стр. 86, 92, 101 и 105); равнымъ образомъ, не на что иное, какъ на болѣзнь единственной женщины, задержанной въ 1889 г., указываютъ и 100% заболѣваній сифилисомъ среди комиссныхъ г. Борисова (стр. 87 и 102). Д-ръ Штюрмеръ, правда, оговаривается, что „число задержанныхъ во многихъ городахъ зачастую бываетъ такъ мало и составляетъ столь ничтожную часть тайной проституціи, что является иногда чисто дѣломъ случая, попадутся ли въ числѣ задержанныхъ женщинъ больныя, или нѣтъ“ (стр. 68). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почтенный докладчикъ замѣчаетъ, что „если, однако, одни и тѣ же процентныя отношенія обнаруживаются (оставляя въ сторонѣ небольшія колебанія) ежегодно и при томъ въ большомъ числѣ городовъ, то все же можно сказать, что тутъ играетъ роль не случайность, а извѣстная причина“, и что въ этомъ смыслѣ преобладаніе заболѣваній сифилисомъ комиссныхъ женщинъ въ цѣломъ рядѣ городовъ „говоритъ противъ того, что тутъ играетъ роль одна только случайность“ (стр. 68 и 69).

Этимъ указаніемъ мы подходимъ къ другому доводу д-ра Штюрмера, приводимому имъ въ доказательство наибольшей санитарной опасности безконтрольной проституціи: мы имѣемъ въ виду его заявленіе, будто въ большинствѣ городовъ, о которыхъ онъ нашелъ возможнымъ сгруппировать цифровыя данныя представленныхъ къ съѣзду докладовъ, оказывается преобладающею степень заболѣваемости комиссныхъ женщинъ. Къ этому аргументу мы считаемъ долгомъ отнестись съ особымъ вниманіемъ въ виду того обстоятельства, что ему удалось авторитетно вылиться въ спеціальное заключеніе съѣзда 1897 г. Мы имѣемъ въ виду § 11 лит. з „Постановленій“ послѣдняго о городской проституціи: „Въ столицахъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, по имѣющимся цифровымъ даннымъ, значительно больше заболѣваній сифилисомъ среди проститутокъ домовъ терпимости, чѣмъ среди одиночекъ и бродячихъ женщинъ. Въ большинствѣ же губернскихъ и уѣздныхъ городовъ имѣетъ мѣсто обратное отношеніе, т. е. констатируютъ больше заболѣваній сифилисомъ среди одиночекъ и бродячихъ, нежели среди женщинъ домовъ терпимости“ (Постановленія, стр. 29). Д-ръ Штюрмеръ разъяснилъ въ засѣданіи секціи, что „этотъ параграфъ содержитъ въ себѣ

выводы изъ представленныхъ къ Съѣзду докладовъ, а потому въ обсужденіи его нѣтъ необходимости" (Труды, т. 2, стр. 221 и 222). И дѣйствительно, параграфъ былъ принятъ и секціею, а затѣмъ общимъ засѣданіемъ съѣзда, безъ какихъ либо преній.

Изученіе статистическихъ таблицъ доклада д-ра Штюрмера, резюмирующихъ цифровыя данныя представленныхъ въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г. отчетовъ, заставило насъ усумниться въ основательности существенной части этого вывода: мы разумѣемъ утвержденіе, будто въ большинствѣ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ данныя врачебно-полицейскихъ отчетовъ констатируютъ больше сифилитическихъ заболѣваній среди бродячихъ, нежели у женщинъ поднадзорныхъ притоновъ.

Для сравненія заболѣваемости сифилисомъ проститутокъ домовъ терпимости и комиссныхъ женщинъ матеріалъ, группируемый д-ромъ Штюрмеромъ, представляетъ данныя столицъ, 54 другихъ мѣстностей, опредѣленно поименованныхъ, и общія цифры поименно не названныхъ городовъ Люблинской губерніи (Простит. въ город., стр. 67 и 68) [1]). Въ числѣ всѣхъ этихъ мѣстъ насчитывается, помимо обѣихъ столицъ, не менѣе 29 городовъ, гдѣ процентъ заболѣваній сифилисомъ проститутокъ домовъ терпимости, повидимому, въ той или другой степени выше соотвѣтствующей цифры заболѣваній комиссныхъ женщинъ [2]). Что же касается обратнаго соотно-

---

[1]) Мы не можемъ для намѣченной цѣли использовать въ матеріалахъ группировки д-ра Штюрмера данныхъ г. Кіева, характеризующагося прямымъ и обратнымъ отношеніемъ заболѣваемости, въ зависимости отъ части города,—Могилева, гдѣ, по отчетамъ, помимо одиночекъ, всѣ здоровы, и проститутки домовъ терпимости, и бродячія женщины,—и еще другихъ девяти городовъ, для которыхъ нѣтъ цифръ заболѣваемости комиссныхъ (Казань, Калуга, Псковъ; Курскъ, Екатеринодаръ, Екатеринославль, Тифлисъ, Муромъ и Бобруйскъ).

[2]) Сюда мы относимъ, въ порядкѣ (?) группировки д-ра Штюрмера, I) Варшаву, Тверь, Уфу (подлинный отчетъ отмѣчаетъ за пятилѣтіе 122 заболѣванія сифилисомъ 329 проститутокъ домовъ терпимости, подвергнутыхъ врачебному осмотру,—что составитъ 37,0%; въ цифрѣ 34,0% заболѣваній этой категоріи женщинъ, противопоставленной г. Штюрмеромъ 36,5% соотвѣтствующихъ заболѣваній у комиссныхъ, очевидно, кроется простая опе-

шенія, заявленнаго д-ромъ Штюрмеромъ для большинства губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, то, пользуясь даже и г. Слонимомъ, относимость котораго къ данной категоріи опредѣляется всецѣло досадною опечаткой, и одной изъ такихъ мѣстностей, гдѣ самъ д-ръ Штюрмеръ почему то усматриваетъ сифилитическихъ заболѣваній больше у проститутокъ домовъ терпимости, чѣмъ у комиссныхъ женщинъ (Вилькомиръ),—возможно это соотношеніе констатировать на данныхъ не болѣе, какъ 25 городовъ, названныхъ поименно, да еще на общихъ цифрахъ городовъ Люблинской губерніи (ср. табл. 6 и 4 на стр. 93—105 и 83—92) [1]).

чатка; иначе оказалось бы необъяснимымъ, почему почтенный докладчикъ самъ находитъ умѣстнымъ отнести г. Уфу къ категоріи мѣстностей, гдѣ заболѣваемость проститутокъ домовъ терпимости преобладаетъ надъ заболѣваемостью женщинъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи), Пермь, Калишъ, Иркутскъ, Маріуполь, Красноуфимскъ, Брянскъ и Минскъ; II) Вильно (средняя заболѣваемость сифилисомъ проститутокъ домовъ терпимости—13,5%; комиссныхъ—10,1%), Вятку (средняя—у проститутокъ домовъ терпимости—17,3%; у бродячихъ—14,7%), Кронштадтъ, Самару, Ленчицу, Глуховъ, Пензу, Тулу, Камышловъ, Златоустъ (средняя заболѣваемость сифилисомъ въ домахъ терпимости—24,4%; у комиссныхъ—11,2%); III) Екатеринбургъ, Волковыскъ (средняя заболѣваемость кондиломатознымъ сифилисомъ проститутокъ дома терпимости по даннымъ таблицъ д-ра Штюрмера—14,6%; но если, какъ это слѣдуетъ по подлинному отчету, въ волковыскомъ публичномъ домѣ состояло въ 1889 г. не 27, но только 4 проститутки, то соотвѣтствующая средняя за періодъ—17,7%; у комиссныхъ средняя заболѣваемость кондиломатознымъ сифилисомъ за тотъ же періодъ—10,7%) Кунгуръ (сравненію подлежитъ періодъ по открытіи домовъ терпимости), Осу, Моршанскъ (средняя сифилитическихъ заболѣваній у проститутокъ домовъ терпимости—9,9%; у комиссныхъ—9,1%), Борисовъ (по поводу 100% заболѣваній среди задержанныхъ по подозрѣнію за 1889 г. см. выше, стр. 140), Новогрудокъ, Котельничъ и Стерлитамакъ.

[1]) Упомянутое число 25 городовъ образуютъ: I) Вилькомиръ (средняя заболѣваемость проститутокъ домовъ терпимости—4,5%; комиссныхъ—6,4%); II) Орелъ, Витебскъ, Ковно, Оренбургъ, Полтава, Ревель, Кострома, Сарапулъ, Брестъ, Сызрань, Одесса, Рыбинскъ, Ирбитъ, Верхотурье, Повенѣжъ, Пинскъ, Ишимъ, Ярославль, Бѣлостокъ, Гродно, III) Тобольскъ, Слонимъ (средняя заболѣваемость сифилисомъ въ домахъ терпимости—25%; съ исправленіемъ опечатки соотвѣтствующая средняя у задержанныхъ по подозрѣнію изъ 28,9% превращается въ 13,1%,—и г. Слонимъ выпадаетъ изъ данной категоріи), Шавли и Россіены.

При такихъ условіяхъ, относящееся сюда число этихъ опредѣленно не поименованныхъ городовъ Люблинской губерніи должно рѣшить и самый вопросъ о томъ, составятъ ли всѣ города данной категоріи хотя бы и незначительное большинство сравнительно съ числомъ мѣстностей, характеризующихся преобладаніемъ заболѣваемости проститутокъ домовъ терпимости надъ комиссными женщинами. Надо думать,— цифры отчета, которыя д-ръ Штюрмеръ приводитъ для городовъ Люблинской губерніи, выражаютъ степень заболѣваемости проститутокъ далеко не всѣхъ городовъ названной губерніи. Для всей Люблинской губерніи,—для совокупности всѣхъ ея городовъ, подчиненныхъ надзору, Отчеты медицинскаго департамента констатируютъ, за періодъ 1889—1892 г.г., сифилитическихъ заболѣваній больше въ домахъ терпимости, чѣмъ у комиссныхъ женщинъ. И въ самомъ дѣлѣ:

Годъ.	Проститутки домовъ терпимости.			Женщины, задерж. по подозрѣнію въ тайной проституціи.		
	Число женщинъ.	Число зараженныхъ сифил.	% зараженныхъ сифил.	Число женщинъ.	Число зараженныхъ сиф.	% зараж. сифил.
1889	30	11	36,7	227	58	25,5
1890	38	13	34,2	302	88	29,1
1891	40	12	30,0	400	45	11,2
1892	37	9	24,3	227	65	28,6
1889—1892	145 [1])	45	31,0	1156	256	22,1

(Отчетъ за 1889 г., II, стр. 116—118; за 1890 г., II, стр. 160—162; за 1892 г., II, 168—170).

[1]) Д-ръ Штюрмеръ основательно замѣчаетъ, что сумма, полученная путемъ сложенія погодныхъ чиселъ пансіонерокъ домовъ терпимости не соот-

Между тѣмъ, по даннымъ д-ра Штюрмера, процентъ заболѣваній проститутокъ въ домахъ терпимости „городовъ Люблинской губерніи“ за пятилѣтіе (1889—1893 г.?) выражается цифрами 14,8 кондиломатознаго сифилиса и 0,6—гуммознаго, а женщинъ, задержанныхъ по подозрѣнію,—21,0 кондиломатознаго и 0,9 гуммознаго сифилиса. Если, однако, согласно Отчетамъ медицинскаго департамента, за 4 года (1889—1892) для домовъ терпимости всей Люблинской губерніи мы имѣемъ свыше 30% сифилиса, то, предположивъ на 1893 г. даже полное отсутствіе сифилитическихъ заболѣваній во всѣхъ ея поднадзорныхъ притонахъ, при неизмѣнной средней числа проститутокъ, мы должны выразить степень заболѣваемости сифилисомъ въ публичныхъ домахъ всѣхъ городовъ Люблинской губерніи за цѣлое пятилѣтіе 1889—1893 г.г. цифрою не ниже 24%. Отсюда очевидно,—если вычисленія д-ра Штюрмера и разработаннаго имъ отчета правильны, то они относятся лишь къ нѣкоторымъ городамъ Люблинской губерніи. Къ сожалѣнію, ни числа, ни имени ихъ мы не знаемъ. Ясно однако,—если въ городахъ названной губерніи, принятыхъ въ разсчетъ почтеннымъ докладчикомъ съѣзда, процентъ заболѣваемости сифилисомъ для проститутокъ притоновъ достигаетъ лишь 15, между тѣмъ какъ для *всѣхъ* домовъ терпимости губерніи онъ выше 24, то или докладчикомъ, или положеннымъ въ основаніе его вычисленій отчетомъ, упущены изъ виду такіе ея города, гдѣ процентъ заболѣваній сифилисомъ весьма значителенъ, настолько значителенъ, что въ среднемъ для *всѣхъ* городовъ Люблинская губернія должна оказаться далеко не въ заявленномъ д-ромъ Штюрмеромъ и утвержденномъ съѣздомъ „большинствѣ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ“ Россіи! [1]).

вѣтствуетъ ихъ дѣйствительному числу за періодъ, такъ какъ ежегодно обновляется не весь персоналъ притона, и большая или меньшая часть его личнаго состава остается та же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (стр. 2). Если мы, съ своей стороны, и оперируемъ въ настоящей и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ таблицахъ съ этою суммою, то лишь какъ посредствующею величиною въ видахъ вычисленія средняго годового процента заболѣваній за періодъ.

[1]) Это призрачное большинство городовъ Россіи, въ которыхъ будто бы констатируется преобладаніе заболѣваній сифилисомъ среди бродячихъ женщинъ, должно оказаться еще болѣе неосязаемымъ, если бродячимъ жен-

Такимъ образомъ, ариѳметическій подсчетъ городовъ, на данныя которыхъ опирается д-ръ Штюрмеръ, раскрываетъ передъ читателемъ неосновательность вылившагося въ спеціальное заключеніе съѣзда санитарнаго аргумента почтеннаго докладчика въ пользу регламентаціи.

Не составляютъ поддержки этого аргумента также и сводныя цифры для всѣхъ городовъ Имперіи, относительно которыхъ имѣются свѣдѣнія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Эти цифры, полученныя д-ромъ В. И. Гребенщиковымъ на основаніи данныхъ годовыхъ отчетовъ медицинскаго департамента, показываютъ въ среднемъ для періода 1889—1893 г.г. 14,6% больныхъ сифилисомъ среди проститутокъ

щинамъ будутъ противопоставлены не однѣ только проститутки домовъ терпимости, но и одиночки: тогда изъ этого большинства должны послѣдовательно выпасть Оренбургъ, Кострома, Сарапулъ, Бѣлостокъ,—города, гдѣ, по таблицамъ д-ра Штюрмера, заболѣваній сифилисомъ наблюдается больше у поднадзорныхъ одиночекъ, нежели у безконтрольныхъ комиссныхъ.

Распредѣляя, по степени заболѣваемости проститутокъ, сопоставляемые города на три группы, изъ которыхъ первая характеризуется преобладаніемъ заболѣваній у проститутокъ домовъ терпимости, вторая—у одиночекъ сравнительно съ этою категоріей женщинъ и, наконецъ, третья отличается значительными колебаніями въ степени заболѣваемости проститутокъ обѣихъ названныхъ группъ,—д-ръ Штюрмеръ заявляетъ, что «процентъ заболѣваній сифилисомъ среди женщинъ, подозрѣваемыхъ въ тайной проституціи.. во второй и третьей группѣ въ большинствѣ случаевъ... больше, чѣмъ среди поднадзорныхъ проститутокъ». «Колебанія процента заболѣваній среди задержанныхъ женщинъ очень большія, но—полагаетъ онъ—можно сказать, что высказанное (имъ) замѣчаніе въ общемъ справедливо» (стр. 68). Однако и въ такой ограниченной постановкѣ мы не можемъ согласиться съ утвержденіемъ г. Штюрмера, такъ какъ изъ числа 44 опредѣленно поименованныхъ городовъ второй и третьей группы, для которыхъ въ его таблицахъ имѣются цифровыя данныя и о поднадзорныхъ, и о бродячихъ женщинахъ, не менѣе 24 не подойдутъ подъ его «большинство случаевъ» (мы разумѣемъ города, упомянутые въ настоящемъ примѣчаніи, г. Могилевъ и мѣстности второй и третьей группы, перечисленныя выше въ примѣчаніи на стр. 141 и 142). Въ общемъ заключеніе д-ра Штюрмера тѣмъ менѣе справедливо, что для всѣхъ трехъ его группъ число городовъ, противящихся высказанному имъ замѣчанію, составитъ уже, не считая столицъ, не меньше 34 изъ 55!

домовъ терпимости и только 9,4% — въ контингентѣ женщинъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи [1]).

ГОДЪ.	Проститутокъ домовъ терпимости.			Одиночекъ.			Задержанныхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи.		
	Число	Больн. сифил.	% сифилитокъ.	Число.	Больн. сифил.	% сифилитокъ.	Число.	Больн. сифил	% сифилитокъ.
1889	13452	1935	14,3	17310	2027	11,7	11077	1082	9,7
1890	15039	1879	12,4	18169	2066	11,3	11934	1154	9,6
1891	15365	2011	13,0	20287	2424	11,9	13049	1162	8,9
1892	15316	2435	15,8	19557	2261	11,5	13882	1322	9,5
1893	15103	2598	17,2	19542	2614	13,3	14258	1336	9,3
1889—1893	74275	10858	14,6	94865	11392	12,0	64200	6056	9,4

Остается неизвѣстнымъ, почему д-ръ Штюрмеръ, процитировавъ эти цифры (въ ихъ абсолютныхъ величинахъ) въ видахъ опредѣленія численности поднадзорной проституціи Россіи, обходитъ ихъ совершеннымъ молчаніемъ при выясненіи сравнительной санитарной опасности проституціи поднадзорной и тайной (ср. Простит. въ город., стр. 20 и 21 и стр. 65 и сл.).

---

[1]) По обслѣдованію 1 августа 1889 г. въ домахъ терпимости Россійской Имперіи было найдено 27,1% и среди одиночекъ 25,3% женщинъ, болѣвшихъ сифилисомъ. Сравнительно невысокая величина соотвѣтствующихъ цифръ по даннымъ «Отчетовъ» медицинскаго департамента объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что между тѣмъ какъ обслѣдованіе 1889 г. оперировало съ *наличнымъ* составомъ той или иной категоріи проститутокъ (съ числомъ женщинъ, дѣйствительно являвшихся на осмотры), въ основаніи «Отчетовъ» лежитъ *списочный* составъ проституціи,—количества женщинъ, числящихся по спискамъ въ томъ или другомъ разрядѣ проститутокъ (Простит. Росс. Имп., стр. XXXVI, ср. Простит. въ город., стр. 21).

Заключая разборъ пріемовъ выясненія степени заболѣваемости различныхъ категорій проститутокъ по д-ру Штюрмеру, мы считаемъ вообще своимъ долгомъ предостеречь читателя отъ опасности разрѣшенія на основаніи данныхъ, разработанныхъ почтеннымъ докладчикомъ, подлежащаго санитарнаго вопроса: цифры таблицъ д-ра Штюрмера и положенныхъ въ ихъ основаніе врачебно-полицейскихъ отчетовъ слишкомъ сомнительны для того, чтобы рѣшиться воспользоваться ими для научнаго вывода.

Иногда простого недосмотра достаточно, чтобы для цѣлаго города за весь періодъ повернуть соотношеніе заболѣваемости женщинъ сопоставляемыхъ категорій въ обратную сторону. Примѣромъ могутъ служить цифры г. Ковно, гдѣ за четырехлѣтіе 1890—1893 г.г., несомнѣнно, преобладаетъ заболѣваемость сифилисомъ бродячихъ женщинъ (14,4%) надъ степенью заболѣваній проститутокъ поднадзорныхъ притоновъ (8,3%). Однако, если бы д-ръ Штюрмеръ не упустилъ проставить въ своей ковенской таблицѣ, въ графѣ за отмѣченный въ ней 1894 г., нуля,—знака, указывающаго на констатируемое отчетомъ отсутствіе заболѣваній сифилисомъ у всѣхъ 63 бродячихъ женщинъ, задержанныхъ въ этомъ году, то онъ, быть можетъ, замѣтилъ бы, что за весь періодъ степень заболѣваемости комиссныхъ должна выразиться цифрою 8,7%, при 9,7% заболѣваній у проститутокъ домовъ терпимости.

Годъ.	Проститутки домовъ терпимости.			Задерж. по подозрѣнію въ тайной проституціи			Примѣчанія.
	Число.	Сифил. (необозн. періодъ)	% сифилитокъ.	Число.	Сифил. (необозн. періодъ).	% сифилитокъ.	
1890	181	14	7,7	21	4	19,0	[1]) Взято изъ доклада «О надзорѣ за проституціею въ г. Ковно», имѣющагося въ матеріалахъ съѣзда 1897 г.
1891	217	12	5,5	12	1	8,3	
1892	59	12	20,3	14	4	28,5	[2]) Въ таблицѣ 6 у д-ра Штюрмера, стр. 95,—пробѣлъ.
1893	34	3	8,8	50	5	10,0	
1894	44	11	25,0	63	» [1])	0 [2])	
1890—1893	491	41	8,3	97	14	14,4	
1890—1894	535	52	9,7	160	14	8,7	

Иногда такой же результатъ вызывается примѣненіемъ особыхъ пріемовъ сопоставленія. Такъ, для нѣкоторыхъ городовъ д-ръ Штюрмеръ, игнорируя погодныя цифры докладовъ, довольствуется отмѣткою однихъ лишь предѣльныхъ колебаній процента заболѣваемости различныхъ категорій женщинъ. Отсюда опасность новыхъ случаевъ статистической метаморфозы. Указывая, напр., на то, что въ Сарапулѣ процентъ заболѣваній сифилисомъ проститутокъ домовъ терпимости колеблется между 3,6 и 17,6, и комиссныхъ женщинъ между нулемъ и 23,0, д-ръ Штюрмеръ даетъ этимъ поводъ намѣтить среднюю за періодъ въ 10,6% для первыхъ и въ 11,5% для вторыхъ, а между тѣмъ, вычисленная по ежегоднымъ даннымъ, эта средняя, доходя для проститутокъ домовъ терпимости до 12,8%, составляетъ для бродячихъ только 6,1%.

Г. Сарапулъ (данныя доклада, представленнаго въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г.)

ГОДЪ.	Проститутки домовъ терпимости.			Женщины, задерж. по подозрѣнію въ тайной проституціи.		
	Число.	Сифилисъ (необозн. періодъ).	% сифилитокъ.	Число.	Сифил. (необозн. періодъ)	% сифилитокъ.
1889	85	15	*17,6*	14	—	*0*
1890	90	10	11,1	13	3	*23,0*
1891	88	11	12,5	18	—	0
1892	71	12	16,9	19	2	10,5
1893	55	2	*3,6*	18	—	0
1889—1893	389	50	12,8	82	5	6,1

Д-ръ Штюрмеръ опредѣленно оговаривается, что къ цифровымъ даннымъ представленныхъ къ съѣзду отчетовъ „нельзя относиться съ безусловною довѣрчивостью, такъ какъ приходилось констатировать ошибки тамъ, гдѣ ихъ меньше всего можно было ожидать“. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заявляетъ, что лично имъ „выводы дѣлались на основаніи цифровыхъ данныхъ, взятыхъ лишь изъ отчетовъ, не только не заключавшихъ видимыхъ ошибокъ, но и отличавшихся большею

полнотою и точностью свѣдѣній" (Простит. въ город., стр. 3). Возможно ли, тѣмъ не менѣе, успокоиться на счетъ отсутствія видимыхъ ошибокъ въ докладахъ, на основаніи которыхъ д-ръ Штюрмеръ ставилъ свой санитарный аргументъ въ пользу регламентаціи, когда, напр., использованныя имъ цифры отчета г. Верхотурья констатируютъ за 1891 г. два заболѣванія сифилисомъ у женщинъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи, и если, по свѣдѣніямъ того же отчета, ни въ этомъ, ни даже въ предыдущемъ году, по подозрѣнію въ тайной проституціи не было заарестовано ни одной женщины. Возможно ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣриться и въ точности свѣдѣній подобныхъ докладовъ, когда, напр., для г. Ревеля одинъ отчетъ, использованный д-ромъ Штюрмеромъ, опредѣляетъ число случаевъ сифилитическихъ заболѣваній у проститутокъ домовъ терпимости, за 1889—1891 г.г., въ 7,3% и у комиссныхъ въ 13,0%, а другіе отчеты того же города повышаютъ первую цифру до 12,5% и понижаютъ вторую до 5,7%.

Г. Ревель (по «Докладу Эстляндскаго Губернскаго Врачебнаго-Инспектора о сифилисѣ въ Эстляндской губерніи», по отчету безъ ближайшаго обозначенія и по «Протоколу Особой Комиссіи для принятія мѣръ противъ сифилиса» отъ 23 января 1893 г.).

Источникъ.	Докладъ	Отчетъ	Докладъ. Отчетъ.	Докладъ.	Отчетъ.	Докладъ. Отчетъ			Протоколъ.		
ГОДЪ.	Проститутки домовъ терпимости.					Женщины, задерж. по подозрѣнію въ тайной проституціи.					
	Число.		Первич. шанкръ и конд. сифил.	% сифилитокъ.		Число.	Первич. шанкръ и конд. сифил.	% сифилитокъ.	Число.	Сифил. (необозн. періодъ)	% сифилитокъ.
1889	111	75	12	—	—	41	10	—	54	3	—
1890	138	66	4	—	—	65	3	—	68	5	—
1891	105	67	10	—	—	40	6	..	17	0	—
1889—1891	354	208	26	7,3	12,5	146	19	13,0	139	8	5,7

Сопоставленіе данныхъ докладовъ съ оффиціально не менѣе ихъ достовѣрными цифрами Отчетовъ медицинскаго департамента раскрываетъ столь же рѣзкія противорѣчія. Примѣромъ можетъ служить врачебно-полицейская статистика г. Одессы.

ГОДЪ.	Источникъ.	Проститутки домовъ терпимости			Женщины, задерж. по подозрѣнію въ тайной проституціи.		
		Число.	Сифил. (необозн. періодъ).	% сифилитокъ.	Число.	Сифил. (необозн. періодъ).	% сифилитокъ.
1891	По таблицѣ д-ра Штюрмера.	533	5	0,9	176	14	7,9
	По Отчету медиц. департ	*219*	*14*	*6,4*	*823*	*27*	*3,3*
1892	По таблицѣ д-ра Штюрмера.	473	11	2,3	213	17	7,9
	По Отчету медиц. департ.	*209*	*12*	*5,7*	*964*	*35*	*3,6*

Степень заболѣваемости сифилисомъ задержанныхъ по подозрѣнію женщинъ, превосходящая, по даннымъ таблицъ д-ра Штюрмера, въ три и даже въ восемь разъ процентъ заболѣваній проститутокъ домовъ терпимости,—оказывается, такимъ образомъ, согласно Отчетамъ медицинскаго департамента, едва не вдвое ниже этого процента!... [1]).

---

[1]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что, отмѣчая фактъ противорѣчія между данными докладовъ, представленныхъ къ съѣзду 1897 г., и отчетовъ медицинскаго департамента, мы ничуть не соединяемъ съ этими послѣдними предположенія особой достовѣрности, — ср. указанія д-ра Граціанова, В. О. Г. за ноябрь 1895 г., отд. II, стр. 145—150).

3. Русская статистика источниковъ зараженія.

Мы переходимъ къ тому доводу идеологовъ полиціи нравственности въ Россіи, что безконтрольная проституція даетъ бо́льшее количество зараженій венерическими болѣзнями мужчинъ, прибѣгающихъ къ разврату, чѣмъ среда проституціи поднадзорной.

Когда на Высочайше разрѣшенномъ съѣздѣ 1897 г., при обсужденіи вопроса о городской проституціи, нѣкоторыми членами было заявлено сомнѣніе въ основательности этого аргумента регламентистовъ, проф. В. М. Тарновскій, резюмируя пренія, заявилъ, что бо́льшая заражаемость отъ тайной проституціи подтверждается и данными докладчика г. Штюрмера, „собранными со всей Россіи", и сообщеніями профессоровъ Петерсена и Ге, вмѣстѣ съ „остальными" (?), между тѣмъ какъ въ пользу обратнаго мнѣнія фактическихъ данныхъ не представлено (Труды, т. 2, стр. 54—58; ср. стр. 136—140).

Изученіе статистическаго матеріала, на который указываетъ проф. Тарновскій, доставитъ читателю дальнѣйшую характеристику своеобразныхъ пріемовъ регламентистскаго доказательства санитарной цѣнности исключительныхъ мѣръ врачебно-полицейскаго надзора.

„Собранныя со всей Россіи" данныя д-ра Штюрмера объ источникахъ зараженія исчерпываются матеріалами петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета, по отчету д-ра Б. Ф. Соколовскаго за 1892 г. и по извѣстной намъ статьѣ д-ра Ѳедорова за 1895 г.; цифрами относительно Москвы, обработанными самимъ докладчикомъ; выдержками изъ астра-

ханскаго отчета; результатами опроса въ нижегородской больницѣ и цифрою касательно зараженій отъ тайной проституціи въ г. Ченстоховѣ (Простит. въ город., стр. 71 и 72).

Вопреки категорическому утвержденію проф. Тарновскаго, въ вышеуказанномъ его резюме, что „мы не можемъ отвергать этотъ матеріалъ“ и что „противъ этого факта спорить нельзя“, мы полагаемъ, что данныя г. Штюрмера ничуть не доказываютъ бо́льшей заражаемости отъ тайной проституціи.

Прежде всего, по даннымъ, заимствуемымъ д-ромъ Штюрмеромъ изъ отчета г. Соколовскаго, судить о бо́льшей заражаемости отъ тайной проституціи нельзя по тому основанію, что эти данныя совсѣмъ не даютъ цифры зараженій отъ проституціи безконтрольной. По этимъ даннымъ заразилось мужчинъ:

	Въ домахъ терпимости.	У вольныхъ проститутокъ.
Сифилисомъ	12,6%	87%
Мягкимъ шанкромъ	34,9%	65,1%
Перелоемъ	17,4%	82,6%.

Противополагая случаямъ зараженія въ домахъ терпимости случаи зараженія „у вольныхъ проститутокъ“, составитель отчета этой послѣдней категоріею обнимаетъ не только проститутокъ безконтрольныхъ, но и поднадзорныхъ одиночекъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ, прежде всего, объясненіе термина „вольная проститутка“, которое мы находимъ у д-ра Обозненко: нелѣпое выраженіе „съ воли“, конечно, нужно противопоставлять не „неволѣ“, не тюрьмѣ, а публичному дому (заведенію); оно обозначаетъ, что заразившая женщина взята не въ заведеніи, а съ улицы, въ трактирѣ, банѣ и проч. „Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, прибавляетъ г. Обозненко, какъ въ томъ убѣждаетъ дальнѣйшій опросъ больныхъ, здѣсь имѣется дѣло съ проститутками бланковыми, одиночками“ (Матеріалы, В. О. Г. за май 1898 г., стр. 378 и 379).

Отнюдь не давая возможности заключить объ особой опасности безконтрольной проституціи, цифры, приводимыя д-ромъ Штюрмеромъ изъ отчета г. Соколовскаго, любопытны въ иномъ отношеніи: судя по нимъ, въ домахъ терпимости *и* у вольныхъ проститутокъ заражается сифилисомъ 99,6%, а мягкимъ шанкромъ и перелоемъ всѣ 100% опрошенныхъ мужчинъ. Такимъ образомъ, по Соколовскому, совершенно не

констатировано случаевъ зараженія мягкимъ шанкромъ и перелоемъ (а сифилисомъ лишь ничтожныхъ 0,4%)—отъ женщинъ, не входящихъ въ категоріи проститутокъ, равно какъ—и это особенно любопытно—такихъ случаевъ, когда лицу заразившемуся источникъ его зараженія остался неизвѣстнымъ. Между тѣмъ, если мы обратимъ вниманіе на результаты другихъ извѣстныхъ намъ опросовъ объ источникахъ зараженія, то найдемъ, что, помимо нѣкотораго процента зараженій не отъ проститутокъ, опросами констатируется значительное число случаевъ, когда больной или не хочетъ или не въ состояніи выяснить, отъ кого именно онъ заразился. Такъ, по даннымъ мужской амбуляторіи Калинкинской больницы за 1882 годъ, разработаннымъ г. Змигродскимъ, рубрика „неизвѣстно" таблицы объ источникахъ зараженія охватываетъ 72,9% всѣхъ подлежавшихъ обслѣдованію случаевъ „твердой язвы и первой сыпи", 94,7%—кондиломатознаго сифилиса, 66,1%—мягкой язвы и ея послѣдствій и 77,5% случаевъ перелоя съ его осложненіями (Врачъ, № 47 за 1884 г., стр. 794). Это обстоятельство подтверждается и на данныхъ названной амбуляторіи за 1894—1896 г.г., по работѣ д-ра Обозненко: въ его таблицѣ неизвѣстнымъ источникъ зараженія помѣченъ въ отношеніи 83,8% всѣхъ подлежавшихъ опросу сифилитиковъ (въ періодъ свѣжаго зараженія и вторичныхъ явленій) и для 37,6% лицъ, больныхъ мягкимъ шанкромъ (Матеріалы, В. О. Г., май 1898 г., стр. 379). То же явленіе можно наблюдать и по нижеприводимымъ даннымъ объ источникахъ зараженія д-ра Кнери, Смирнова и др. Обиліе случаевъ, когда больной даже при желаніи выяснить источникъ зараженія не въ состояніи этого сдѣлать, легко объясняется характерною для разврата мѣною женщинъ и обычнымъ его спутникомъ-пьянствомъ. Когда, по минованіи болѣе или менѣе продолжительнаго инкубаціоннаго періода, развратникъ находитъ на себѣ явные признаки зараженія, ему, при мысли объ источникѣ послѣдняго, приходится припомнить въ большинствѣ случаевъ то, что покрыто туманомъ праздничнаго разгула, кутежей, разобраться подчасъ среди цѣлаго ряда потускнѣвшихъ обликовъ купленныхъ женщинъ.

Умѣстно поинтересоваться, какимъ же образомъ г. Соколовскому удалось получить такой матеріалъ изъ опросовъ больныхъ, на основаніи котораго онъ могъ такъ категорично

разбить почти всѣ случаи зараженій, безъ остатка, на группы зараженій въ домахъ терпимости и у „вольныхъ“ проститутокъ? Состоитъ ли секретъ такого удачнаго результата въ самой техникѣ опросовъ, или же въ особыхъ пріемахъ обработки матеріала составителемъ отчета?

Передъ нами лежитъ „Описаніе дѣятельности Врачебно-Полицейскаго Комитета въ С.-Петербургѣ“, представленное, въ качествѣ отчета названнаго комитета, въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г. Таблица № 5 этого „Описанія“ представляетъ слѣдующія данныя, имѣющіяся въ петербургскомъ врачебно-полицейскомъ комитетѣ по вопросу объ источникахъ зараженія мужчинъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ по свѣдѣніямъ изъ больницъ, отъ фабричныхъ врачей и начальниковъ отдѣльныхъ частей петербургскаго гарнизона.

Названіе болѣзни.	1889.		1890.		1891.		1892.		1893.	
	Въ домѣ терпимости.	Отъ неизвѣстныхъ женщинъ	Въ домѣ терпимости.	Отъ неизвѣстныхъ женщинъ.	Въ домѣ терпимости.	Отъ неизвѣстныхъ женщинъ	Въ домѣ терпимости	Отъ неизвѣстныхъ женщинъ.	Въ домѣ терпимости.	Отъ неизвѣстныхъ женщинъ.
Сифилисъ.	23	42	7	39	5	62	56	522	26	321
Мягкій шанкръ.	157	193	151	210	65	260	75	145	42	200
Перелой.	96	237	67	137	38	190	27	132	19	129

Въ процентномъ отношеніи къ общему числу случаевъ зараженій за 1892 г. количество зараженій *отъ неизвѣстныхъ женщинъ* составитъ:

сифилисомъ	90,3;
мягкимъ шанкромъ	65,9;
и перелоемъ	83,0.

Не придется ли, сопоставляя эти цифры съ данными отчета г. Соколовскаго присоединить къ своеобразнымъ пріемамъ статистики регламентистовъ еще и особый способъ обработки матеріаловъ, посредствомъ котораго почти всѣ случаи зараженій—по результатамъ опроса—отъ неизвѣстныхъ женщинъ магически превращаются въ случаи зараженій „у вольныхъ проститутокъ“?!..

Переходимъ къ даннымъ петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета за 1895 г., извлеченнымъ г. Штюрмеромъ изъ статьи д-ра Ѳедорова (Дѣятельность, В. О. Г. за ноябрь 1896 г., отд. 2, стр. 184).

По сообщеніямъ о зараженіи мужчинъ Гражданскаго Вѣдомства.

Болѣзни.	Отъ кого заразился, (въ процентахъ).		
	Изъ домовъ терпимости.	Отъ квартирныхъ.	Отъ неизвѣстныхъ.
Сифилисъ.	15,3	22,9	61,8
Мягкій шанкръ.	10,9	86,0	3,1
Перелой.	2,5	95,0	2,5

По сообщеніямъ о зараженіи чиновъ Военнаго Вѣдомства.

Болѣзни.	Отъ кого заразился, (въ процентахъ).		
	Изъ домовъ терпимости.	Отъ квартирныхъ.	Отъ неизвѣстныхъ.
Сифилисъ.	15,0	25,0	60,0
Мягкій шанкръ.	7,0	43,0	50,0
Перелой.	11,5	35,9	52,6

Надо ли говорить, что приведенныя цифры ничуть не подтверждаютъ предположенія сторонниковъ регламентаціи о бо́льшей заражаемости мужчинъ отъ тайной проституціи? По этимъ цифрамъ, на долю обѣихъ категорій поднадзорной проституціи,—женщинъ домовъ терпимости и проститутокъ квартирныхъ, приходится въ средѣ штатскихъ, по меньшей мѣрѣ, 38,2% всѣхъ случаевъ ихъ зараженій сифилисомъ, 96,9%—мягкимъ шанкромъ и 97,5%—перелоемъ; а для солдатъ minimum 40% случаевъ ихъ зараженій сифилисомъ, 50%—мягкимъ шанкромъ и 47,4%—перелоемъ. Повторяемъ, эти величины составляютъ лишь minimum всѣхъ случаевъ зараженій отъ поднадзорной проституціи и именно потому, что въ таблицахъ д-ра Ѳедорова случаямъ зараженій „изъ домовъ терпимости“ и „отъ квартирныхъ“ противопоставлены случаи зараженія не отъ тайныхъ,—безконтрольныхъ проститутокъ, а „отъ неизвѣстныхъ“: вполнѣ допустимо предположить, что въ нѣкоторомъ числѣ случаевъ, когда опрашиваемый не хотѣлъ или не могъ дать отчета объ источникѣ зараженія, на самомъ дѣлѣ зараженіе имѣло мѣсто отъ тѣхъ же проститутокъ поднадзорныхъ. При сравненіи числа зараженій отъ „оздоровленной“ государствомъ проституціи съ размѣрами зараженій отъ проституціи безконтрольной, цифры рубрики зараженій отъ неизвѣстныхъ, во всякомъ случаѣ, не должны быть отождествляемы съ количествомъ возможныхъ зараженій отъ тайныхъ проститутокъ,—и если мы имѣемъ абсолютно бо́льшее число заболѣваній сифилисомъ „отъ неизвѣстныхъ“ сравнительно съ числомъ такихъ зараженій отъ проститутокъ поднадзорныхъ, источникъ которыхъ остался памятенъ больному, то это совсѣмъ еще не значитъ, что цифра заболѣваній отъ тайной проституціи даже въ ея абсолютной величинѣ выше соотвѣтствующей цифры зараженій отъ проститутокъ подконтрольныхъ.

Далѣе, несомнѣнно, что при сравненіи, по даннымъ объ источникахъ зараженія, санитарнаго состоянія различныхъ категорій проституціи должна быть принята въ разсчетъ различная численность сопоставляемыхъ группъ—проститутокъ, съ одной стороны, и мужчинъ, потребителей той или иной изъ этихъ группъ, съ другой. Однако, общимъ мѣстомъ, по меньшей мѣрѣ, большинства попытокъ сторонниковъ регламентаціи такъ или иначе истолковать въ свою пользу стати-

стическія данныя объ источникахъ зараженія является пренебреженіе этими элементарными фактами, требующими отъ изслѣдователя относительной оцѣнки абсолютныхъ цифръ. Между тѣмъ, при сопоставленіи 15,3% зараженій сифилисомъ въ домахъ терпимости съ 22,9%—отъ квартирныхъ, для правильнаго заключенія о сравнительномъ санитарномъ состояніи названныхъ категорій проституціи не безразлично знать, что за 1895 г. въ подконтрольныхъ притонахъ Петербурга состояло 618 женщинъ, между тѣмъ какъ одиночекъ подъ надзоромъ было 2904 (тамъ же, стр. 179). Со стороны защитниковъ регламентаціи, насколько намъ знакома литература ихъ воззрѣній, не возбуждалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ численномъ преобладаніи тайной проституціи надъ поднадзорной. Напротивъ, вся эта литература преисполнена сѣтованій и жалобъ на неудержимое и широкое развитіе тайной проституціи. Судя о количествѣ тайныхъ проститутокъ лишь только по числу женщинъ, задерживаемыхъ по подозрѣнію въ тайной проституціи, нужно признать, что ихъ цифра за періодъ съ 1889 по 1894 г. для Петербурга,—если позволительно отнестись съ довѣріемъ къ даннымъ таблицы I д-ра Ѳедорова (ср. выше стр. 123),—въ два, въ три, а за 1895 г. даже въ пять разъ превышаетъ цифру проститутокъ домовъ терпимости. Отсюда, какую бы львиную долю ни поставилъ защитникъ полиціи нравственности изъ 61,8% зараженій „отъ неизвѣстныхъ“ за 1895 г. въ счетъ тайной проституціи, онъ научно не вправѣ по 15,3% зараженій „изъ домовъ терпимости“ заключать о санитарной цѣнности регламентаціи! Но, можетъ быть, по мнѣнію сторонниковъ надзора, развратная среда, изъ которой вышли заразившіеся больные, предпочитаетъ дома терпимости тайной проституціи, и потому процентъ зараженій въ нихъ еще не свидѣтельствуетъ объ ихъ санитарномъ состояніи? „Въ домахъ терпимости, заявляетъ однако д-ръ Штюрмеръ, меньше гораздо бываетъ людей, ищущихъ удовлетворенія своихъ половыхъ инстинктовъ, нежели у тайныхъ проститутокъ“, и въ частности относительно Петербурга: „вѣроятно, общество не любитъ этихъ домовъ (публичныхъ), а ищетъ удовлетворенія половыхъ инстинктовъ въ одиночной, тайной проституціи“ (Труды, т. 2, стр. 57). Касательно солдатъ имѣется даже особое „постановленіе“ съѣзда 1897 г., удостовѣряющее, что „нижніе чины пользуются,

по преимуществу, нерегистрированной тайной проституціей" (Постановленія, стр. 7). Принимая въ разсчетъ численное соотношеніе, съ одной стороны, проституціи поднадзорной и и тайной и, съ другой, мужчинъ, обращающихся къ той или иной формѣ разврата, врядъ ли допустимо,—по меньшей мѣрѣ, по 38,2% случаевъ зараженія отъ поднадзорной проституціи сифилисомъ штатскихъ и, minimum, по 40% такихъ зараженій чиновъ военнаго вѣдомства—сдѣлать выводъ въ пользу санитарныхъ преимуществъ врачебно-полицейскаго надзора. Что же касается цифръ г. Ѳедорова, относящихся къ зараженію мягкимъ шанкромъ, то онѣ еще болѣе краснорѣчивы. При всемъ томъ предпочтеніи, которое солдаты оказываютъ безконтрольной проституціи, они заражаются, по меньшей мѣрѣ, въ пятидесяти случаевъ изъ ста отъ проститутокъ поднадзорныхъ. А лица гражданскаго вѣдомства? Пусть даже всѣ 3,1% ихъ зараженій мягкимъ шанкромъ,—болѣзнью, борьбѣ съ которою, по мнѣнію спеціалиста—проф. Петерсена, особенно содѣйствуетъ врачебно полицейскій надзоръ, произошли отъ тайныхъ проститутокъ. Въ итогѣ: посредствомъ облавъ, путемъ прикрѣпленія женщины къ позорному промыслу, регламентистамъ удается создать „оздоровленную" полицейскою властью среду, представляющую въ санитарномъ отношеніи рискъ зараженія, по крайней мѣрѣ, въ тридцать разъ бо́льшій сравнительно со столь опасною средою тайной проституціи! И это—зараженій болѣзнью, которая, по мнѣнію названнаго спеціалиста, можетъ служить своего рода показателемъ цѣнности врачебно-полицейскаго надзора. При такихъ обстоятельствахъ, рекомендуемая проф. Петерсеномъ врачамъ задача „постоянно снова повторять и указывать" на необходимость надзора за проституціею „тѣмъ представителямъ правительства, которые имѣютъ рѣшающій голосъ въ этомъ отношеніи",—врядъ ли можетъ быть признана, съ общественной точки зрѣнія, „благодарною", какъ думаетъ почтенный профессоръ (Петерсенъ, Лекціи о мягкомъ шанкрѣ, стр. 56). [1])

[1]) Замѣтимъ кстати, что данныя петербургскаго комитета объ источникахъ зараженія обладаютъ особою степенью достовѣрности, такъ какъ, по всей вѣроятности, именно заявленія комитету разумѣлъ д-ръ Штюрмеръ, когда онъ дѣлалъ слѣдующее сообщеніе съѣзду: «Въ Петербургѣ мы имѣемъ болѣе тысячи заявленій и всякое заявленіе провѣрялось; когда больной показывалъ вѣрно, то указаніе это принималось во вниманіе, а остальныя указанія въ счетъ не шли» (Труды, т. 2, стр. 57).

Но, быть можетъ, положенныя въ основаніе нашего сужденія данныя г. Ѳедорова, хорошо доказавшаго на статьѣ, изъ которой они почерпаются, свои особые задатки въ операціяхъ со статистическимъ матеріаломъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ цифрамъ, имѣющимся въ распоряженіи петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета? Этотъ вопросъ намѣчаетъ, кажется, единственный способъ избѣгнуть неблагопріятнаго для регламентаціи вывода, неизбѣжно слѣдующаго, по поводу статистики зараженій мягкимъ шанкромъ, изъ цифровыхъ данныхъ д-ра Ѳедорова. Къ сожалѣнію, не имѣя доступа къ подлиннымъ матеріаламъ комитета за 1895 г., мы лишены возможности помочь въ этомъ направленіи сторонникамъ полиціи нравственности.

Мы въ состояніи только отмѣтить весьма существенную, на нашъ взглядъ, неточность слѣдующаго заявленія д-ра Ѳедорова по поводу цифръ петербургскаго комитета объ источникахъ зараженія. Мы позволимъ себѣ именно назвать фактически невѣрнымъ утвержденіе почтеннаго инспектора названнаго комитета о томъ, будто „изъ года въ годъ получаемыя Комитетомъ донесенія о мѣстѣ зараженія мужчинъ сифилисомъ и венерическими болѣзнями почти одинаковы“ и что потому по даннымъ одного 1895 г. можно правильно судить о распредѣленіи источниковъ зараженія мужчинъ за цѣлый рядъ послѣднихъ лѣтъ (Дѣятельность, В. О. Г. за ноябрь 1896 г., отд. 2, стр. 184). Вышеприведенная таблица, взятая нами изъ „Описанія дѣятельности“ петербургскаго комитета за періодъ 1889—1893 г.г., свидѣтельствуетъ о томъ, что число точно установленныхъ случаевъ зараженія въ домахъ терпимости порою доходило—сифилисомъ до 35,3% (именно въ 1889 г.), а мягкимъ шанкромъ, не опускаясь ниже 17,3%, поднималось до 41,8 и даже до 44,2% (въ 1890 и 1889 г.г.). Сопоставляя эти цифры отчета съ данными статьи г. Ѳедорова, мы усматриваемъ, что отмѣчаемое имъ число зараженій въ домахъ терпимости за 1895 г. *ниже* соотвѣтствующихъ чиселъ за нѣкоторые изъ предыдущихъ лѣтъ для сифилиса болѣе, чѣмъ въ два раза, а для мягкаго шанкра даже болѣе, чѣмъ въ четыре раза! Отсюда мы вправѣ, кажется, заключить, что лицо, знакомое съ матеріаломъ комитета за пятилѣтіе 1889—1893 г.г., не могло, оставаясь на почвѣ истины, утверждать, что данныя, представляющія распредѣленіе источ-

никовъ зараженія за 1895 г., „почти одинаковы“ „изъ года въ годъ“ съ данными, получаемыми комитетомъ въ предшествующее время. Намъ остается присовокупить, что отчетъ, дающій приведенныя свѣдѣнія объ источникахъ зараженія за 1889—1893 г.г., подписанъ самимъ г. Ѳедоровымъ,—отмѣтить малую доступность подлинныхъ матеріаловъ петербургскаго комитета и полуоффиціальный характеръ сообщеній инспектора этого комитета,—и просить читателя избавить автора отъ дальнѣйшей квалификаціи пріемовъ почтеннаго д-ра Ѳедорова.

На данныхъ, собранныхъ самимъ докладчикомъ г. Штюрмеромъ въ Москвѣ, останавливаться долго не приходится: подобно матеріалу петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета, они не даютъ совсѣмъ цифры зараженій отъ безконтрольной проституціи, и потому не могутъ быть годны для сравненія санитарнаго состоянія послѣдней съ опасностью проституціи поднадзорной. Въ 1896 г., путемъ просмотра 400 исторій болѣзней мужчинъ, пользовавшихся въ Мясницкой больницѣ, д-ръ Штюрмеръ нашелъ, что 76,8% мужчинъ заразилось (чѣмъ именно, онъ не указываетъ) „отъ уличной проституціи“ и 21.2%—въ домахъ терпимости. Объясненіе понятія „уличной проститутки“ мы находимъ у самого г-на Штюрмера: „собственно подъ этимъ названіемъ, сообщаетъ онъ въ своемъ докладѣ съѣзду, подразумѣваютъ не отдѣльную категорію проститутокъ, а вообще всѣхъ проститутокъ, ищущихъ кліентовъ на улицахъ, бульварахъ, садахъ, питейныхъ заведеніяхъ и проч. Уличной проституціей занимаются почти исключительно одиночныя проститутки, какъ поднадзорныя, такъ и безконтрольныя. Опрашивая мужчинъ относительно источника ихъ зараженія, можно большею частью только констатировать, что одни заразились въ домѣ терпимости, а другіе отъ женщинъ, взятыхъ съ улицы или другого какого либо публичнаго мѣста. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ очень часто сами пострадавшіе не знаютъ, съ кѣмъ имѣли дѣло, съ поднадзорною или съ тайною проституткою, то приходится въ такихъ случаяхъ источникомъ зараженія считать уличную проституцію вообще, представляющую, какъ сказано, смѣшанную группу“ (Простит. въ гор., стр. 6).

Болѣе любопытны данныя астраханскаго отчета. Цитируемъ всѣ имѣющіяся о нихъ свѣдѣнія въ докладѣ доктора Штюрмера.

«По опросамъ больныхъ въ пріемномъ покоѣ оказалось, что заразилось мужчинъ въ 1890 г. отъ поднадз. прост. сиф. 60% и 33% отъ тайныхъ.

»	»	1892	» въ публичныхъ домахъ	»	48%	и	51,5%	»
»	»	1893	» » »	»	13,4%	и	72%	»
»	»	1894	» » »	»	?	и	74%	»
»	»	1895	» » »	»	3%	и	88%	»

Какъ видно, съ каждымъ годомъ растетъ процентъ зараженій сифилисомъ отъ тайной—скорѣе уличной—проституціи. Зараженіе венерическими болѣзнями растетъ въ той же пропорціи. Въ 1892 г. венерическими болѣзнями заразилось мужчинъ въ домахъ терпимости 29% и 65% въ *ночлежныхъ домахъ*. Въ 1893 въ публичныхъ домахъ заразилось 9,7% и 74% отъ тайныхъ проститутокъ. Въ 1895 г. отъ тайныхъ проститутокъ число зараженій венерическими болѣзнями дошло до 93,8% (главнымъ образомъ въ ночлежныхъ домахъ).

Мы считаемъ долгомъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ замѣчанію д-ра Штюрмера о томъ, что растущій съ каждымъ годомъ процентъ зараженій „отъ тайныхъ“ проститутокъ относится скорѣе къ уличной проституціи. Лишь для 1890 г. возможно принять терминъ „тайныхъ“ проститутокъ цитаты въ дѣйствительномъ его значеніи,—въ смыслѣ проституціи безконтрольной, и именно по тому основанію, что только въ этомъ году тайной проституціи противополагается вся поднадзорная проституція. Съ 1892 г. расчлененіе источниковъ зараженія становится инымъ: группа зараженій отъ поднадзорныхъ проститутокъ замѣняется рубрикою зараженій въ публичныхъ домахъ; соотвѣтственно этому должно измѣниться и значеніе противопоставляемой рубрики зараженій отъ тайныхъ проститутокъ,—измѣниться именно въ смыслѣ распространенія этого понятія на весь кругъ „уличной проституціи“ или, другими словами, въ смыслѣ включенія въ категорію проституціи тайной поднадзорныхъ одиночекъ. Отвергнувъ это предположеніе о подсчетѣ одиночекъ съ 1892 г. въ группѣ тайныхъ проститутокъ, пришлось бы допустить, что въ то время, какъ женщины домовъ терпимости, которыхъ за названный годъ во всей астраханской губерніи было счетомъ

сорокъ человѣкъ, успѣли заразить въ этомъ году сифилисомъ 48%, т. е. почти половину всѣхъ опрошенныхъ мужчинъ, болѣе многочисленная группа одиночекъ (66 женщинъ), при значительно худшихъ условіяхъ контроля, оставалась совершенно безвредною для общественнаго здравія! Еще для 1890 г., когда, какъ это видно изъ Отчета медицинскаго департамента, путемъ 5408 осмотровъ, которымъ за этотъ годъ были подвергнуты всѣ 104 одиночки, зарегистрованныя по г. Астрахани, не было среди нихъ обнаружено ни одной больной не только сифилисомъ, но и мягкимъ шанкромъ и даже переломемъ,—мы готовы повѣрить въ блестящее санитарное состояніе астраханскихъ одиночекъ. Но для 1892 г., когда, по Отчету медицинскаго департамента, среди 66 зарегистрованныхъ одиночекъ оказывается 6 сифилитокъ и 9 женщинъ, зараженныхъ мягкимъ шанкромъ, въ санитарной безопасности одиночной проституціи позволительно будетъ усумниться (Отчеты за 1890 г., II, стр. 161, и за 1892 г., II, стр. 168). На возможную реплику, что обнаруженіе больныхъ свидѣтельствуетъ только объ успѣшности контроля, спѣшимъ возразить вопросомъ: ужели и 48% сифилитиковъ пріемнаго покоя, заразившихся отъ женщинъ домовъ терпимости, подлежавшихъ надзору во всей его строгости, также входятъ въ число показателей успѣшности врачебно-полицейскаго контроля?

Изложенныя соображенія даютъ намъ основаніе отстранить, при опредѣленіи сравнительной заражаемости отъ подпадзорной и безконтрольной проституціи, какъ непригодныя, астраханскія данныя за періодъ съ 1892 по 1895 г.

Д-ръ Штюрмеръ сдѣлалъ заявленіе на съѣздѣ, что, по свѣдѣніямъ изъ Нижняго-Новгорода и *Астрахани*, „число зараженій отъ тайной проституціи громадно и превосходитъ число зараженій въ домахъ терпимости“ (Труды, т. 2, стр. 136). На основаніи остающихся въ нашемъ распоряженіи цифръ за 1890 г. мы могли бы сослаться на астраханскія данныя, какъ на доказательство совершенно обратнаго тезиса. Мы считаемъ, однако, неумѣстнымъ поступить такимъ образомъ. Ознакомившись непосредственно съ отчетомъ „Сифилисъ и венерическія болѣзни въ г. Астрахани по даннымъ Городского Пріемнаго Покоя въ память 17 октября 1888 г.,“ изъ котораго д-ръ Штюрмеръ заимствуетъ статистическія свѣдѣнія, допустимо воспользоваться послѣдними не иначе, какъ

только иллюстраціею своеобразныхъ пріёмовъ регламентистскаго изслѣдованія. Мы не будемъ останавливаться на томъ обстоятельствѣ, что данныя за 1890 г. опираются на матеріалъ всего только шести случаевъ зараженія. Астраханскій отчетъ совмѣщаетъ въ себѣ статистическія операціи несравненно болѣе любопытныя: такова, напр., операція выведенія высокаго процента зараженій отъ тайной проституціи... изъ ковычекъ.

«Съ первичными язвами, читаемъ мы въ интересующемъ насъ отчетѣ за 1894 г., явилось въ амбулаторію 50 человѣкъ, со вторичными явленіями 68. По мѣсту зараженія въ 1 и 2 формахъ распредѣлялись такимъ образомъ. Въ частныхъ домахъ заразилось « » человѣкъ; въ публичныхъ домахъ 12; въ баняхъ отъ проститутокъ 4; на промыслахъ 3; въ портерныхъ не отъ проститутокъ 5; пріѣхавшихъ изъ другихъ городовъ уже больными 5; въ гостиницахъ не отъ проститутокъ 2; 18 человѣкъ отвергали всякую возможность зараженія и 2 получили сифилисъ не черезъ половыя сношенія. Итакъ, 74% заразились отъ тайной незарегистрованной проституціи».

Если изъ общей суммы 118 случаевъ зараженія вычесть всѣ случаи, отнесенные въ опредѣленныхъ количествахъ въ ту или иную рубрику, и разность подставить въ ковычки отчета, то послѣднія заполнятся числомъ 67. Выдѣливъ, затѣмъ, случаи зараженій отъ проститутокъ въ частныхъ домахъ, въ баняхъ и на промыслахъ, мы должны будемъ выразить число зараженій отъ уличной проституціи количествомъ 74 случаевъ изъ 118. Не такимъ ли нѣсколько необычнымъ путемъ образовалась цифра 74% зараженій отъ *тайной незарегистрированной* проституціи?!....

Относительно Нижняго-Новгорода д-ръ Штюрмеръ сообщаетъ слѣдующее. „По опросу въ Нижегородской больницѣ 1551 мужчинъ, заразившихся сифилисомъ и венерическими болѣзнями оказалось, что зараженій въ домахъ терпимости было 197, отъ одиночекъ 1219 и отъ прислуги и проч.— 125“. На самомъ дѣлѣ, въ „Свѣдѣніяхъ и матеріалахъ о заболѣваніяхъ сифилисомъ и венерическими болѣзнями“, доставленныхъ къ съѣзду изъ нижегородской губернской земской больницы, мы находимъ такую таблицу (въ приложеніяхъ № 3) объ источникахъ зараженія, по опросамъ больныхъ за пятилѣтіе 1889—1893 г.г.

Половое зараженіе мужчинъ.	Сифилисъ.	Венерич. мягкій шанкръ.	Перелой.	Всего.
Въ публичныхъ домахъ	82	68	47	197
Отъ проститутокъ одиночекъ. . . .	436	368	415	1219
— сельскихъ обывательницъ . . .	13	3	6	22
— городскихъ чернорабоч. женщ .	39	12	20	71
— неизвѣстныхъ женщинъ. . . .	5	—	—	5
— прачекъ, кухарокъ. горничныхъ, нянекъ.	6	1	6	13
— пѣвицъ (арфистокъ), портнихъ, продавщицъ минеральн. водъ . . .	3	1	1	5
— любовницъ.	5	—	—	5
— женъ.	6	3	5	14
ИТОГО.				1551

Приводимъ остальную часть таблицы болѣе сокращенно.

Половое зараженіе женщинъ	1566
Внѣполовое зараженіе	85
Источникъ зараж. остался неизвѣстенъ	852
Общее число опрошенныхъ . . .	4054.

Если мы выдѣлимъ лишь собственныхъ женъ больныхъ, а во всѣхъ прочихъ женщинахъ, объединяемыхъ д-ромъ Штюрмеромъ въ выраженіи „прислуги и проч.," предположимъ тайныхъ проститутокъ, то даже и при такомъ условіи, по исправленіи маленькой неточности въ подсчетѣ докладчика, мы должны будемъ отнести на счетъ безконтрольной проституціи всего только 121 случай, т. е. 7,8% всѣхъ случаевъ полового зараженія мужчинъ, источникъ котораго былъ опросомъ выясненъ. Этому проценту противостоитъ 12,6% зараженій въ публичныхъ домахъ, величина, не оставляющая, кажется, сомнѣнія въ томъ, гдѣ больше, по даннымъ Нижня-

то-Новгорода, заражаются, въ домахъ ли терпимости или у тайныхъ проститутокъ. Что же касается заражаемости отъ тайной проституціи сравнительно съ поднадзорною вообще, то, по этимъ даннымъ, неоздоровленная санитарными заботами врачебно-полицейскаго надзора проституція оказывается едва ли не въ двѣнадцать разъ безвреднѣе оздоровленной! Такой выводъ могутъ оспаривать указаніемъ на то, что вѣдь, пожалуй, не всѣ 1219 случаевъ или 78,5% зараженій отъ проститутокъ—одиночекъ относятся къ контингенту „одиночекъ" въ собственномъ смыслѣ, какъ одной изъ формъ поднадзорной проституціи. Намъ кажется однако, что истолкованіе термина одиночекъ по отчету нижегородской больницы въ смыслѣ уличной проституціи мало подтверждается характеромъ прочихъ рубрикъ отчета. Если бы составитель послѣдняго дѣйствительно объединялъ въ одной рубрикѣ и поднадзорныхъ одиночекъ, и проститутокъ тайныхъ, то зачѣмъ же ему было тогда ставить особыя рубрики зараженій и отъ кухарокъ, и отъ арфистокъ, и отъ чернорабочихъ женщинъ, и прочихъ категорій лицъ, проституирующихъ тайно? Во всякомъ случаѣ, имѣя передъ собою высокій процентъ зараженій въ Нижнемъ отъ одиночекъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, по даннымъ представленнаго къ съѣзду отчета „Врачебно-полицейскія мѣры противъ распространенія венерическихъ болѣзней", въ городѣ за 1891—1893 г.г., при наличности 54—70 женщинъ домовъ терпимости, имѣлось отъ 262 до 432 зарегистрированныхъ одиночекъ; что же касается ярмарки, откуда, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же отчетъ, больные, не успѣвъ долечиться во временной ярмарочной больницѣ, во множествѣ идутъ въ губернскую земскую больницу, то на ней подавляющее большинство поднадзорныхъ женщинъ проституируютъ въ качествѣ одиночекъ: только въ Кунавинѣ есть нѣсколько домовъ терпимости, а на Самокатѣ, гдѣ сосредоточивается большая часть ярмарочныхъ проститутокъ, поднявшаяся въ 1893 г. до цифры 805 лицъ, тамъ всѣ проститутки, хотя онѣ въ сущности и группируются около „хозяекъ" въ особыя „семейства", оффиціально регистрируются въ качествѣ одиночекъ (ср. Отчеты г-жъ Ельциной и Холевинской и г. Введенскаго (Врачъ, № 41 за 1893 г., № 17 за 1894 и №№ 16 и 17 за 1895 г., В. О. Г., май 1895 г., стр. 181).

Въ виду изложенныхъ соображеній читатель не затруднится въ рѣшеніи вопроса, правъ ли проф. Тарновскій, увѣряя, что матеріалъ, собранный д-ромъ Штюрмеромъ объ источникахъ зараженія, подтверждаетъ рѣшительно и безспорно бо́льшую заражаемость отъ тайной проституціи сравнительно съ поднадзорной? Мы, съ своей стороны, считаемъ долгомъ отмѣтить, что самъ д-ръ Штюрмеръ, при всей своей склонности къ регламентаціи, до такого вывода изъ своихъ данныхъ въ докладѣ съѣзду не доходитъ: онъ ограничивается заявленіемъ, что, согласно представленнымъ даннымъ, „главнымъ источникомъ распространенія сифилиса и венерическихъ болѣзней“ служитъ „проституція одиночная какъ явная, такъ и тайная“, или „тайная—вѣрнѣе вообще одиночная“ (Простит. въ гор., стр. 71 и 72). Только въ преніяхъ на съѣздѣ онъ соскальзываетъ на путь характерныхъ пріемовъ сторонниковъ регламентаціи, начиная то допускать, что главный источникъ зараженія сифилисомъ есть „проституція одиночная, преимущественно безконтрольная“,—то разъяснять, что „заражаются больше всего отъ тайныхъ проститутокъ“... (Труды, т. 2, стр. 136 и 224, ср. стр. 57). Во всемъ докладѣ д-ра Штюрмера мы одно только свѣдѣніе готовы признать благопріятнымъ для обсуждаемаго тезиса проф. Тарновскаго: мы имѣемъ въ виду данныя относительно г. Ченстохова, сообщеніемъ которыхъ почтенный докладчикъ заключаетъ свой обзоръ матеріала объ источникахъ зараженія. „Въ Ченстоховѣ тайная проституція составляетъ главный источникъ зараженія—75%“. По этому заявленію д-ра Штюрмера, приведенному нами здѣсь во всей его полнотѣ, можно судить, что въ г. Ченстоховѣ, по всей вѣроятности, опрашивались, неизвѣстно гдѣ и гадательно за какой періодъ, неизвѣстно въ какомъ числѣ какіе то больные, венерики ли или сифилитики, и что $^3/_4$ отвѣтовъ, разгруппированныхъ по неизвѣстнымъ рубрикамъ, свидѣтельствуютъ о зараженіи отъ тайныхъ проститутокъ. Мы имѣли возможность, съ своей стороны, ознакомиться со всѣми отчетами изъ г. Ченстохова, отмѣченными въ „оглавленіи“ свѣдѣній и статистическихъ данныхъ, доставленныхъ по Петраковской губерніи въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г., но не нашли въ нихъ никакого отвѣта на эти вопросы. Не будучи въ состояніи, при такихъ условіяхъ, разобраться ближайшимъ образомъ въ ченстоховскихъ данныхъ, мы покорно остав-

ляемъ ихъ идеологамъ регламентаціи для „научнаго“ обоснованія полиціи нравственности въ нашемъ отечествѣ,—а сами переходимъ къ оцѣнкѣ матеріаловъ профессоровъ Петерсена и Ге, и „остальныхъ“, каковые, по увѣренію проф. Тарновскаго, говорятъ, что „тайная проституція заражаетъ сильнѣе явной“.

На съѣздѣ проф. О. В. Петерсенъ заявилъ, что онъ „нѣсколько лѣтъ тому назадъ собиралъ свѣдѣнія и сдѣлалъ сводъ о количествѣ заразившихся молодыхъ людей въ домахъ терпимости и получилъ весьма интересныя цифры: 88% заразились отъ поднадзорныхъ проститутокъ, и только 11% заразились отъ тайныхъ“ (Труды, т. 2, стр. 57). Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ обслѣдованіяхъ д-ра Петерсена мы находимъ въ протоколѣ засѣданія русскаго сифилидологическаго и дерматологическаго общества отъ 29 ноября 1886 г. и въ Отчетѣ по венерическимъ отдѣленіямъ Александровской, въ память 19 февраля 1861 г., больницы за 1887 г.

Въ засѣданіи сифилидологическаго общества, въ преніяхъ по докладу д-ра Граціанскаго, г. Петерсенъ привелъ цифры числа зараженій венерическими болѣзнями, полученныя имъ путемъ опроса больныхъ, находившихся въ Александровской больницѣ въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ (съ 1878 по 1885 г).

«Всего больныхъ было 5888; показанія дали 4042. Изъ этого числа лицъ заразилось разными венерическими болѣзнями въ публичныхъ домахъ 49,9% [1]) и отъ одиночекъ 32,2%; т. е., отъ регистрованныхъ проститутокъ 82,1%, а отъ всѣхъ остальныхъ женщинъ: въ Петербургѣ—11,8%, а внѣ Петербурга—6,1%. По отдѣльнымъ годамъ колебанія небольшія, а именно:

для публичныхъ домовъ. . . . . 45,4—55%
— одиночекъ. . . . . 26 —37,9%
— прочихъ женщинъ (въ Петербургѣ). . . . . 6, —15,9%.

Если взять всѣхъ явныхъ проститутокъ, то цифры колеблются отъ 79,2% до 88,4%» (Военно-Медиц. Журн., кн. 7 за 1887 г., стр. 325).

Въ отчетѣ Александровской больницы проф. Петерсенъ даетъ слѣдующую таблицу „числа зараженій въ процентномъ отношеніи“ (Сборникъ работъ, табл. IX на стр. 160):

---

[1]) Въ текстѣ протокола помѣчено собственно 4,99%; опечатка, легко исправимая по сопоставленіи съ дальнѣйшими цифрами.

Гдѣ заразились	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	Среднее за 7 л. 1880—1886.
Въ публичныхъ домахъ.	50,5	45,4	55,0	53,0	49,9	46,6	46,3	39,9	49,4
Отъ публич. женщинъ.	36,5	26,0	26,0	27,8	29,1	37,9	34,7	39,6	32,7
Отъ частныхъ женщинъ.	6,5	11,0	11,0	13,9	15,9	11,1	16,1	15,1	12,1
Въ другихъ городахъ.	6,5	8,0	8,0	5,3	5,1	4,4	2,9	5,4	5

Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній замѣтимъ, что контекстъ отчета (стр. 160 и 161) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что терминъ „публичная женщина“ въ приведенной таблицѣ обозначаетъ поднадзорныхъ одиночекъ, а выраженіе „частныя женщины“—женщинъ, незарегистрованныхъ въ контингентъ подконтрольной проституціи.

Итакъ, по даннымъ проф. Петерсена, больше 80% всѣхъ опрошенныхъ больныхъ заражаются венерическими болѣзнями, вообще, отъ поднадзорной проституціи. Какъ же послѣ этого объяснить ссылку проф. Тарновскаго, будто по словамъ д-ра Петерсена тайная проституція заражаетъ сильнѣе явной?

Быть можетъ, источникъ недоразумѣнія лежитъ въ слѣдующемъ заявленіи, сдѣланномъ проф. Петерсеномъ въ преніяхъ на съѣздѣ: цифры—88% зараженій отъ поднадзорныхъ проститутокъ и 11% отъ тайныхъ относятся къ зараженію венерическими болѣзнями вообще. „Но если взять только тѣхъ больныхъ, которые заразились именно сифилисомъ, то оказывается, что отъ тайныхъ проститутокъ или, вѣрнѣе, отъ неподнадзорныхъ — сифилисъ получается чаще, чѣмъ отъ публичныхъ женщинъ. За то urethritis чаще получается отъ поднадзорныхъ проститутокъ“ (Труды, т. 2, стр. 57).

Подтвержденіемъ этихъ словъ является какъ будто и слѣдующій выводъ, заимствуемый нами изъ Отчета Александровской больницы: „въ публичныхъ домахъ каждый 4-й изъ

заразившихся получалъ сифилисъ, отъ публичныхъ одиночекъ каждый 5-й, а отъ частныхъ женщинъ половина всѣхъ заразившихся получали сифилисъ. Эти данныя какъ нельзя болѣе доказываютъ необходимость производства въ городахъ частныхъ (*частыхъ?*) врачебно-полицейскихъ осмотровъ публичныхъ женщинъ, въ противномъ случаѣ каждый второй изъ заразившихся получаетъ сифилисъ" (Сборникъ, стр. 163).

Однако, вчитываясь внимательно въ такой выводъ, не трудно убѣдиться, что имъ еще ничуть не предрѣшается вопроса о большей заражаемости мужчинъ сифилисомъ отъ поднадзорной или тайной проституціи. Чтобы ближайшимъ образомъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ вдуматься въ смыслъ слѣдующихъ данныхъ, на которыхъ основывается приведенный выводъ. По свѣдѣніямъ за 1887 г. сифилисъ „составляетъ среди зараженій:

въ публичныхъ домахъ 25,3%
отъ публичныхъ одиночекъ 22,4%
отъ частныхъ женщинъ . . . . . 40,0%" (Сборникъ, тамъ же).

Аналогичныя свѣдѣнія, только по всѣмъ тремъ формамъ заболѣваній, сообщаются въ таблицѣ XII Отчета за періодъ съ 1880 по 1885 г. (Сборникъ, стр. 162).

Гдѣ заражались.	Urethritis.	Ulcus molle.	Syphilis.	ИТОГО.
Въ публичныхъ домахъ.	26,4%	55,5%	18,1%	1713 (*100%*)
Отъ публичныхъ женщ.	28,2%	48,9%	22,9%	921 (*100%*)
Отъ частныхъ женщинъ.	22,0%	39,0%	39,0%	295 (*100%*)
Всего больныхъ	798	1805	637	2929

(Ср. тождественныя данныя въ Протоколахъ русскаго сифил. и дермат. общества, Военно-Медиц. Журн., кн. 7 за 1887 г.. стр. 326).

На основаніи этихъ данныхъ мы можемъ утверждать, что отъ тайныхъ проститутокъ или, вѣрнѣе, неподнадзорныхъ, сифилисъ получается чаще, *чѣмъ перелой*, а что, напротивъ, отъ поднадзорныхъ проститутокъ urethritis и особенно мягкій шанкръ получается чаще, *чѣмъ сифилисъ*. Но было бы недопустимою ошибкою, сопоставивъ въ приведенной таблицѣ процентныя доли различныхъ общихъ величинъ, прійти къ выводу, будто „отъ неподнадзорныхъ проститутокъ сифилисъ получается чаще, чѣмъ отъ публичныхъ женщинъ, и за то urethritis чаще получается отъ поднадзорныхъ проститутокъ". По даннымъ таблицы XI Отчета Александровской больницы, въ 1887 г. заразилось сифилисомъ въ публичныхъ домахъ 106 мужчинъ, у одиночекъ—93 и у частныхъ женщинъ—70 (Сборникъ, стр. 162). [1]) Переводя эти цифры въ процентныя отношенія къ общему числу заразившихся за этотъ годъ, мы будемъ имѣть зараженій сифилисомъ:

въ публичныхъ домахъ. 39,4%
отъ публичныхъ одиночекъ. 34,5%
отъ частныхъ женщинъ . . . . . 26,0%.

[1]) Таблица XI. Гдѣ получили Syphilis, Ulcus molle, Urethritis за послѣдніе 8 лѣтъ (1880—1887 г.г.).

Года по поряд.	Urethritis.			Ulcus molle.			Syphilis.		
	Въ публ. дом.	Отъ публич. женщ.	Отъ част. женщ.	Въ публ. дом.	Отъ публич. женщ.	Отъ част. женщ.	Въ публ дом.	Отъ публич. женщ.	Отъ част. женщ.
1880	93	39	10	233	107	11	73	15	11
1881	91	52	9	157	75	15	74	34	10
1882	71	40	25	238	117	22	39	41	26
1883	86	49	19	148	111	29	55	43	18
1884	68	42	14	160	138	23	52	32	21
1885	43	39	9	114	92	15	18	16	9
1886	92	65	39	209	150	50	65	59	35
1887	45	57	27	268	267	62	106	93	70
За 8 лѣтъ.	589	382	152	1527	1057	227	482	373	199
	971			2584			855		

Далѣе, суммируя въ той же таблицѣ XI отчета данныя о числѣ зараженій за періодъ съ 1880 по 1885 г., мы получимъ слѣдующій рядъ цифръ:

Гдѣ заражались.	Urethritis.	Ulcus molle	Syphilis.	ИТОГО.
Въ публичныхъ домахъ	452	1050	311	1813
Отъ публичн. женщинъ.	261	640	181	1082
Отъ частныхъ женщинъ.	86	115	95	296
Всего больныхъ. . . .	799	1805	587	3191

Въ процентномъ отношеніи къ общему количеству больныхъ, по отдѣльнымъ формамъ заболѣваній, это составитъ:

Гдѣ заражались.	Urethritis.	Ulcus molle	Syphilis.	ИТОГО.
Въ публичныхъ домахъ.	56,5%	58,1%	52,9%	1813
Отъ публичныхъ женщ.	32,6%	35,4%	30,8%	1082
Отъ частныхъ женщинъ.	10,7%	6,3%	16,1%	296
Всего больныхъ. . . .	799 (*100%*)	1805 (*100%*)	587 (*100%*)	3191

Отсюда явственно видно, что только путемъ ошибочнаго сопоставленія процентныхъ долей, относящихся къ неодинако-

вымъ абсолютнымъ величинамъ, можно было прійти къ выводу о бо́льшей заражаемости сифилисомъ отъ безконтрольной проституціи. Такой выводъ, заявленный г. Петерсеномъ на съѣздѣ, представляется намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что стоило только почтенному профессору бросить бѣглый взглядъ на цифры своего собственнаго отчета по Александровской больницѣ, и тогда ему пришлось бы волей—неволей прійти къ противоположному выводу,—признать главнымъ очагомъ зараженія поднадзорную проституцію! Вѣдь на самомъ дѣлѣ, по даннымъ таблицы XI за 1880—1887 г.г. (см. прим. выше къ стр. 170), отъ поднадзорныхъ проститутокъ сифилисомъ заражаются, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза чаще, чѣмъ отъ безконтрольныхъ. Перелой получаютъ отъ оздоровленной полицейскою властью проституціи, по меньшей мѣрѣ, въ шесть разъ чаще и мягкій шанкръ—въ одинадцать разъ чаще, чѣмъ отъ гніющей среды тайной проституціи [1]).

Мы ознакомились съ данными д-ра Петерсена, на котораго въ подтвержденіе того обстоятельства, что тайная проституція заражаетъ сильнѣе явной, такъ категорично сослался въ общемъ засѣданіи съѣзда проф. Тарновскій. Эта ссылка пріобрѣтаетъ особый интересъ въ виду того положенія, въ которое почтенный защитникъ регламентаціи поставилъ себя къ названнымъ даннымъ раньше, до съѣзда 1897 г.

28 марта 1887 г., въ засѣданіи русскаго сифилидологическаго и дерматологическаго общества, д-ръ Шперкъ заявилъ, что „во Врачебно-Полицейскомъ Комитетѣ“ онъ „видѣлъ данныя, которыя указываютъ, что въ публичныхъ домахъ

---

[1]) Заключая обзоръ данныхъ д-ра Петерсена, умѣстно сдѣлать оговорку касательно точности его вычисленій. Въ таблицѣ XII итоги зараженій по родамъ болѣзни (нижняя графа) даютъ въ суммѣ 3240,—цифру, несовпадающую съ общимъ числомъ тѣхъ же зараженій въ ихъ распредѣленіи по источнику (2929). Въ свою очередь число зараженій за періодъ съ 1880 по 1885 г., вычисленное нами по даннымъ предыдущей таблицы (XI),—3191—не совпадаетъ ни съ той, ни съ другой изъ этихъ цифръ. Далѣе, въ таблицѣ XI итоги 382, 373 и 199 расходятся съ суммами соотвѣтствующихъ столбцовъ: 383, 333 и 200. Лежитъ ли ошибка въ подсчетахъ или въ передачѣ первоначальныхъ цифръ? Мыслимо и послѣднее, потому что, наприм., цифра 208 таблицы X (на стр. 161), образующая въ суммѣ съ 267 и 62 итогъ 597, въ таблицѣ XI приводится уже въ болѣе подходящемъ видѣ—268.

и отъ одиночекъ, состоящихъ подъ надзоромъ врачебно-полицейскаго комитета, случаи зараженія бываютъ даже гораздо чаще, чѣмъ это можно было судить на основаніи статистики Александровской больницы, сообщенной д-ромъ Петерсеномъ въ ноябрьскомъ засѣданіи нашего Общества" (В.—М. Ж., кн. 8 за 1887 г., стр. 489). На это „проф. Тарновскій замѣтилъ, что цифрамъ д-ра Петерсена нельзя придавать значенія, приписываемаго имъ д-ромъ Шперкомъ. Въ больницы ложатся люди бездомные, которые въ большинствѣ случаевъ имѣютъ возможность удовлетворять свои половыя потребности только въ публичныхъ домахъ. Большинство же сифилитиковъ не ложится въ больницы, а посѣщаетъ амбулаторіи. Вся французская статистика говоритъ, что зараженій больше отъ тайной проституціи"... (тамъ же, стр. 489 и 490).

Такимъ образомъ, за десять лѣтъ до съѣзда проф. Тарновскій категорично отрицалъ, въ вопросѣ о большей заражаемости отъ тайной проституціи, доказательность больничныхъ данныхъ д-ра Петерсена и для поддержки своего тезиса вынужденъ былъ довольствоваться характерною ссылкою на „всю французскую статистику". Однако, одной земской давности оказалось довольно, чтобы роль „всей французской статистики" была возложена на тѣ самыя данныя, которымъ названная статистика такъ авторитетно противополагалась!

Въ основѣ довода, въ силу котораго проф. Тарновскій отрицалъ доказательность цифровыхъ данныхъ д-ра Петерсена, лежитъ, несомнѣнно, правильная мысль. Если къ тому лицу или въ то учрежденіе, которое производитъ опросъ объ источникѣ зараженія, поступаютъ съ лечебною цѣлью лица изъ среды, по преимуществу пользующейся только одною какою-либо категоріею проститутокъ, то, конечно, результатъ подобнаго опроса не въ состояніи служить доказательствомъ особой санитарной опасности данной категоріи женщинъ. Довѣряя вышеприведенному заявленію д-ра Штюрмера (стр. 157), мы допустили, что, вообще, кругъ потребителей тайныхъ проститутокъ шире, чѣмъ кругъ мужчинъ, пользующихся домами терпимости. Но если, въ самомъ дѣлѣ, въ данную больницу или въ больницы вообще поступаютъ люди изъ такой общественной среды, которая, въ отступленіе отъ общаго правила, въ большинствѣ случаевъ развратничаетъ, напротивъ, въ однихъ только домахъ терпимости, то, несомнѣнно,

высокій процентъ зараженій въ поднадзорныхъ притонахъ, констатируемый при больничныхъ опросахъ, отнюдь еще не будетъ свидѣтельствовать о томъ, что публичный домъ опаснѣе, въ смыслѣ зараженія, иныхъ формъ проституціи.

Теперь спрашивается, правда ли, что контингентъ паціентовъ Александровской больницы формируется изъ лицъ, которыя принадлежатъ къ средѣ, обращающейся съ рѣшительнымъ предпочтеніемъ къ проституціи домовъ терпимости? Какъ видно изъ заявленія д-ра Петерсена въ сифилидологическомъ обществѣ и изъ его отчета по Александровской больницѣ, поступающіе въ послѣднюю больные состоятъ по преимуществу изъ рабочихъ и именно неквалифицированныхъ рабочихъ, при томъ главнымъ образомъ изъ рабочихъ пришлыхъ и, слѣдовательно, изъ людей бездомныхъ (В.—М. Ж., кн. 7 за 1887 г., стр. 326; Сборникъ работъ, стр. 159 и 332). Проф. Тарновскій увѣряетъ, что такіе бездомные люди „въ большинствѣ случаевъ имѣютъ возможность удовлетворять свои половыя потребности только въ публичныхъ домахъ". Мы позволимъ себѣ, однако, усумниться въ основательности подобнаго утвержденія. Увѣреніе почтеннаго профессора, само по себѣ, намъ представляется мало авторитетнымъ прежде всего въ виду иного собственнаго его заявленія, запротоколированнаго въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій сифилидологическаго общества: „чернорабочіе менѣе пользуются публичными домами, чѣмъ интеллигенція; поэтому значительное число рабочихъ, заражающихся въ публичныхъ домахъ, и высокій процентъ мягкихъ шанкровъ указываютъ на несовершенство санитарнаго надзора (Протоколъ засѣданія отъ 29 ноября 1886 г., В.—М. Ж., тамъ же, стр. 327). Тогда это заявленіе было подтверждено и д-ромъ Кобылинымъ, который, по даннымъ амбулаторіи Калинкинской больницы, нашелъ, что „публичные дома посѣщаетъ болѣе интеллигентная часть рабочаго класса; чернорабочіе пользуются ими сравнительно рѣдко" (тамъ же, стр. 327 и 328; ср. Змигродскій, Врачъ, № 47 за 1884 г., стр. 794).

Намъ нѣтъ надобности выяснять, въ какой степени одна группа населенія пользуется домами терпимости больше или меньше другихъ его группъ. Весьма вѣроятно, что въ развратной жизни „интеллигенціи" публичный домъ не играетъ болѣе значительной роли, чѣмъ въ обиходѣ т. наз. низшихъ слоевъ населенія: въ то время какъ для послѣднихъ ближе и

доступнѣе гонимая тайная проституція кабака и ночлежки, для первой—заманчивѣе свободно цвѣтущая проституція кафешантанныхъ и иныхъ подобныхъ учрежденій и лицъ. Чиновникъ ли посѣщаетъ публичный домъ чаще приказчика, чернорабочій ли идетъ въ него чаще мастерового, или наоборотъ,— это обстоятельство не имѣетъ прямого отношенія къ вопросу, который намъ предстоитъ разрѣшить. Заявленія проф. Тарновскаго и д-ра Кобылина для насъ любопытны лишь въ той мѣрѣ, поскольку по нимъ можно судить, что интересующая насъ группа населенія пользуется публичными домами меньше, чѣмъ другими формами проституціи.

Заявленія, удостовѣряющія это обстоятельство, кажутся намъ тѣмъ болѣе убѣдительными, что они находятся въ полной гармоніи съ сообщеніями врачей военнаго вѣдомства о той далеко не первенствующей роли, которую дома терпимости играютъ въ солдатскомъ развратѣ. Со стороны защитника регламентаціи не возбуждается, насколько намъ извѣстно, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что „нижніе чины—намъ вторично приходится цитировать это „постановленіе“ съѣзда,— пользуются, по преимуществу, нерегистрированной тайной проституціей, которая имъ доступнѣе“ (Постановл., стр. 7, ср. Тарновскій, В.-М. Ж., февр. 1881 г., стр. 83; Павловъ, тамъ же, окт. 1896 г., стр. 590 и 591; Идельсонъ, Перфильевъ и др.). Такимъ образомъ, люди бездомные, люди пришлые, по духовному развитію—тѣ же неквалифицированные рабочіе, главнымъ образомъ въ публичныхъ домахъ своихъ половыхъ потребностей не удовлетворяютъ. Это обстоятельство еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что паціенты Александровской больницы заражаются на половину въ публичныхъ домахъ вовсе не потому, что представляютъ собою среду, преимущественно пользующуюся домами терпимости.

Отрицая въ засѣданіи 28 марта доказательность больничныхъ данныхъ д-ра Петерсена, проф. Тарновскій вскользь сослался на бо́льшую пригодность амбулаторныхъ цифръ. По этому поводу еще въ томъ же засѣданіи сифилидологическаго общества д-ръ Змигродскій указалъ, что и по даннымъ амбулаторіи Калинкинской больницы, ранѣе имъ опубликованнымъ, наибольшее число зараженій приходится на публичные дома. Въ самомъ дѣлѣ, опросъ 1041 лица, посѣщавшихъ мужскую амбулаторію при названной больницѣ въ 1882 г., далъ слѣдующія свѣдѣнія объ источникахъ зараженія:

Мѣста зараженія.	Твердая язва и первая сыпь.		Кондиломатозный сифилисъ.		Мягкая язва и ея послѣдствія		Перелой и его осложненія.	
	Число.	%	Число.	%	Число	%	Число.	%
Публичный домъ.	24	15,1	8	2,61	34	16,9	46	14,2
Одиночки	16	10,06	6	1,96	33	16,4	26	8,0
Отъ жены	3	1,89	2	0,65	1	0,5	1	0,3
Неизвѣстно. . . .	116	72,95	290	94,77	133	66,1	251	77,5
Итого. . . .	159		306		201		329	

Въ объясненіе приведенныхъ данныхъ г. Змигродскій сообщаетъ, что „между одиночками, отъ которыхъ заразились наши больные, т. е. горничными, кухарками и тайными проститутками, навѣрное были и публичныя женщины—т. наз. бланковыя, ибо больные сами не могли въ точности сказать, были ли это проститутки явныя, т. е. имѣющія билетъ, или тайныя. Свѣдѣнія о заразившихся получены нами изъ скорбныхъ листовъ, въ которыхъ таковыя записывались, когда больные точно указывали, гдѣ и когда они заразились... Къ неизвѣстно гдѣ заразившимся отнесены всѣ тѣ, которые не могли указать, гдѣ и когда заразились“ (Распространеніе сифилиса, Врачъ, № 47 за 1884 г., стр. 794).

Такимъ образомъ, по амбулаторнымъ даннымъ д-ра Змигродскаго слѣдуетъ, что свыше половины больныхъ, источникъ зараженія которыхъ удалось путемъ опроса въ извѣстной степени выяснить, получили болѣзнь въ домѣ терпимости.

Весьма любопытно сравнить съ цифрами г. Змигродскаго данныя д-ра Обозненко, представляющія обработку матеріала той же мужской амбулаторіи Калинкинской больницы за трехлѣтній періодъ, съ 1894 по 1896 г. (Матеріалы, В. О. Г., май 1898 г., табл. № 10 на стр. 379).

Отъ кого заразился.	Сифилисъ. 1894 г. S. pr.	1894 г. S. rec.	1895 г. S. pr.	1895 г. S. rec.	1896 г. S. pr.	1896 г. S. rec.	Итого сифилитиковъ	% къ общему числу	Мягкій шанкръ и осложненія. 1894	1895	1896	Итого съ мягкимъ шанкромъ.	% къ общему числу
Отъ жены	9	3	8	2	11	4	37	0,7	8	3	12	23	0,4
Въ публичномъ домѣ. .	61	8	59	10	87	21	246	4,7	359	298	784	1441	26,2
Въ трактирѣ, портерн.	1	—	3	—	1	—	5	0,09	5	4	—	9	0,16
Въ банѣ.	—	2	—	—	5	—	7	0,1	6	8	7	21	0,38
Въ д. Вяземскаго. . . .	—	1	—	—	2	—	3	0,06	11	16	9	36	0,6
Въ ночлежномъ домѣ. .	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	3	0,05
«Съ воли».	133	29	128	21	167	36	514	9,8	481	450	915	1846	33,5
Отъ знакомой.	1	—	—	—	—	—	1	0,02	5	5	3	13	0,2
Отъ прислуги	—	—	2	—	—	—	2	0,04	1	—	—	1	0,01
Отъ любовницы.	1	—	4	—	1	—	6	0,1	2	—	—	2	0,03
Въ деревнѣ.	—	2	2	—	2	1	7	0,1	—	—	—	—	—
Въ другихъ городахъ. .	4	1	4	1	5	3	18	0,3	10	6	19	35	0,6
Неизвѣстно	611	866	603	874	634	782	4370	83,8	496	933	642	2071	37,6
Итого. . . .	821	912	813	908	915	847	5216	—	1386	1724	2391	5501	—

Такимъ образомъ, имѣются свѣдѣнія объ источникѣ зараженія 16,2% всѣхъ посѣщавшихъ въ названные три года амбулаторію сифилитиковъ (въ періодъ свѣжаго зараженія и вторичныхъ явленій) и 62,4%—больныхъ мягкимъ шанкромъ и его осложненіями. Вычитая отсюда процентъ случаевъ зараженія отъ жены и внѣ Петербурга, мы найдемъ, что изъ числа вѣроятныхъ зараженій отъ проститутокъ около одной трети случаевъ сифилиса и $^3/_7$—мягкаго шанкра падаютъ на долю публичныхъ домовъ столицы. Не рекомендуемъ сторонникамъ регламентаціи, по сравненіи данныхъ г.г. Змигродскаго и Обозненко, спѣшить съ заключеніемъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ въ оздоровленіи петербургскихъ домовъ терпимости. Вѣдь извѣстно, что за періодъ съ 1882 по 1894 г. число проститутокъ публичныхъ домовъ уменьшилось въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ вдвое,—съ 1462 лицъ, населявшихъ дома терпимости столицы въ началѣ этого періода, опустилось до количества 618 проститутокъ въ 1895 г. (Ѳедоровъ, В. О. Г. за май 1890 г., стр. 54, и за ноябрь 1896 г., стр. 179). Не даетъ ли, напротивъ, при такихъ обстоятельствахъ, сопоставленіе данныхъ г.г. Змигродскаго и Обозненко основанія судить, что двѣнадцать лѣтъ, несомнѣнно, энергичной дѣятельности петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета способствовали не уменьшенію, а скорѣе относительному увеличенію степени заболѣваемости кліентовъ поднадзорныхъ притоновъ столицы? И не надо ли этого сказать особенно насчетъ мягкаго шанкра,—показателя цѣнности института полиціи нравственности?!

Мы возвращаемся къ разбору данныхъ, которыя, по словамъ проф. Тарновскаго, были представлены съѣзду 1897 г. въ доказательство бо́льшей заражаемости отъ тайной проституціи. На очереди стоитъ ссылка г. Тарновскаго на казанскія данныя проф. Ге.

Судя по протоколу засѣданія съѣзда, проф. А. Г. Ге сообщилъ о своемъ обыкновеніи въ качествѣ врача опрашивать больныхъ объ источникѣ зараженія. Въ протоколѣ отмѣчается, что такимъ путемъ почтенному профессору удалось получить цифровыя данныя за время съ 1882 по 1889 г. Но въ чемъ состоитъ содержаніе этихъ данныхъ, такой, кажется, не праздный вопросъ читателя, къ сожалѣнію, не разрѣшается лако-

ническою отмѣткою г. секретаря—„читаетъ“. Мы узнаемъ только, что опрашивались „больные неимущіе, которые пользовались безплатнымъ леченіемъ, а иногда даже денежными пособіями“, и что профессоръ „сравнивалъ статистику платныхъ больныхъ и неимущихъ, которыя совершенно сходятся“. Вслѣдъ затѣмъ сообщается важный для насъ выводъ „въ домахъ терпимости заражается 30%“, съ присовокупленіемъ: „откуда же получаютъ зараженіе остальные? Отъ тайной проституціи, отъ одиночекъ“... (Труды, т. 2, стр. 57).

Въ какомъ, однако, числѣ случаевъ источникъ зараженія этихъ остальныхъ нужно искать у поднадзорныхъ одиночекъ и въ какомъ—у безконтрольныхъ проститутокъ, на этотъ вопросъ ораторъ не даетъ отвѣта,—и уже потому мы вправѣ отстранить, какъ неосновательную, ссылку г. Тарновскаго, будто по даннымъ, представленнымъ съѣзду почтеннымъ казанскимъ профессоромъ, тайная проституція заражаетъ сильнѣе явной.

Обращаясь ближайшимъ образомъ къ оцѣнкѣ данныхъ проф. Ге, мы не считаемъ умѣстнымъ останавливаться на цифрѣ 30%, по поводу которой не указано даже, относится ли она къ зараженію сифилисомъ или вообще венерическими болѣзнями. Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы группируемъ данныя, опубликованныя профессоромъ Ге раньше, въ 1892 г., въ докладѣ обществу врачей при казанскомъ университетѣ (Дневникъ Общества, вып. 1 за 1892 г., стр. 21—23).

ГОДА.	Частная кліентура.					Факультетская клиника.	
	Мужчинъ венериковъ записано.	Изъ нихъ заразилось въ домахъ терпимости.				% зараженій въ домахъ терпимости.	
		Венерическими болѣзнями вообще.		Въ частности сифилисомъ.		Венерич. болѣзн. вообще.	Въ част. сифилисомъ.
1882	763	152	20%	36	4,7%	14,3%	6%
1883	788	194	24,6%	31	4%	13,1%	6,2%
1884	744	205	27,5%	38	5,1%	7,1%	3,8%
1885	732	154	21%	28	3,8%	14,3%	8,2%
1886	727	141	19,4%	29	4%	19,5%	4,6%
1887	671	114	17%	18	2,7%	10,6%	3,6%
1888	648	85	13%	10	1,5%	5,1%	2,1%
1889	646	107	16,5%	16	2,6%	3,1%	2,1%
Всего..	*5719*	*1152*	*20,1%*	*206*	*3,6%*		

Не говоря уже о значительномъ несоотвѣтствіи процента зараженій въ казанскихъ домахъ терпимости за 1882—1889 г.г. венерическими болѣзнями вообще и въ частности сифилисомъ цифрѣ 30%, заявленной на тотъ же періодъ профессоромъ Ге на съѣздѣ, нельзя не признать приведенныхъ данныхъ и принципіально непригодными для сужденія по нимъ о сравнительной численности случаевъ зараженія отъ женщинъ поднадзорныхъ притоновъ и отъ проститутокъ другихъ категорій. Для цѣли нашего сопоставленія важно, чтобы

цифра отвѣчала на вопросъ, какое мѣсто занимаютъ случаи зараженія отъ женщинъ домовъ терпимости въ общемъ количествѣ зараженій отъ однихъ только мѣстныхъ проститутокъ той или другой опредѣленной категоріи. Между тѣмъ цифры проф. Ге указываютъ, въ какомъ отношеніи число его кліентовъ, заразившихся въ публичныхъ домахъ, находится къ общему числу всѣхъ вообще больныхъ венерическими болѣзнями, бывшихъ на его пріемахъ. Разумѣется, отношеніе цифры зараженій въ домахъ терпимости къ общему числу частныхъ кліентовъ-венериковъ проф. Ге далеко не равнозначуще отношенію той же цифры къ числу заразившихся отъ той или другой опредѣленной категоріи мѣстныхъ проститутокъ: въ противномъ случаѣ пришлось бы предположить, съ одной стороны, полное отсутствіе въ кліентурѣ почтеннаго профессора лицъ, получившихъ венерическую болѣзнь внѣ Казани или не отъ проститутокъ, а съ другой, фактъ, будто всѣ кліенты г. Ге могли и пожелали дать ему отчетъ, гдѣ они заразились!

Еще болѣе очевидна непригодность данныхъ проф. Ге, касающихся въ частности зараженія сифилисомъ въ домахъ терпимости. По этимъ даннымъ можно заключить лишь о томъ, въ какомъ отношеніи количество лицъ, заразившихся сифилисомъ въ публичномъ домѣ, находится къ общему числу всѣхъ, вообще, *венериковъ*, кліентовъ почтеннаго сифилидолога. Сколько, однако, въ этомъ общемъ числѣ сифилитиковъ, остается неизвѣстнымъ; слѣдовательно, и отношеніе числа лицъ, заразившихся сифилисомъ въ домахъ терпимости, не только къ количеству заболѣвшихъ сифилисомъ отъ однихъ мѣстныхъ проститутокъ, той или другой категоріи, но даже и къ общему числу всѣхъ опрошенныхъ мужчинъ сифилитиковъ на основаніи данныхъ, опубликованныхъ проф. Ге, не можетъ быть вычислено.

Непригодность цифръ проф. Ге для выясненія степени опасности домовъ терпимости сравнительно съ проституціею иныхъ формъ въ г. Казани вполнѣ согласуется съ той спеціальною задачею, которая вызвала опубликованіе этихъ цифръ въ обществѣ врачей при казанскомъ университетѣ: эта задача, какъ видно изъ доклада почтеннаго профессора, исчерпывалась вопросомъ о томъ, какое значеніе имѣли въ санитарномъ отношеніи улучшенія въ организаціи врачебно-полицейскаго

надзора, произведенныя въ Казани съ 1 октября 1886 г. [1]) Къ отвѣту на этотъ вопросъ вело, между прочимъ, сопоставленіе числа мужчинъ, заражавшихся въ домахъ терпимости до измѣненія надзора, съ числомъ ихъ зараженій послѣ перемѣнъ въ устройствѣ послѣдняго. При такой постановкѣ вопроса данныя, необходимыя для сравненія заражаемости въ публичныхъ домахъ съ заболѣваемостью отъ проститутокъ другихъ категорій, не сообщались, какъ совершенно излишнія.

При такихъ обстоятельствахъ позволительно поставить здѣсь рядомъ съ цифрами проф. Ге нижеслѣдующую таблицу о „мѣстахъ и способахъ зараженія сифилисомъ мужчинъ", составленную казанскимъ городовымъ врачемъ д-ромъ А. И. Смирновымъ на основаніи отчетовъ мѣстной губернской земской больницы за періодъ съ 1 сентября 1877 г. по сентябрь 1888 г. и свѣдѣній по сифилитическому отдѣленію факультетской клиники, начиная съ 1 сентября 1881 г. (О распространеніи сифилиса, В. О. Г., сент. 1889 г., отд. X, табл. № 13 на стр. 21).

---

[1]) Какъ сообщаетъ проф. Ге, въ Казани «до 1 октября 1886 года надзоръ за проституціей находился въ примитивномъ состояніи. Всѣ дѣла надзора вѣдали полиція и городовой врачъ, а надзоръ состоялъ лишь въ осмотрѣ только половыхъ органовъ проститутки». «Съ 1-го октября 1886 года были учреждены, на средства города и земства, три должности проституціонныхъ врачей и въ составъ врачебно-полицейскаго комитета включены лица отъ различныхъ вѣдомствъ и учрежденій»... Вмѣстѣ съ тѣмъ, введенъ подробный осмотръ всего тѣла проститутки, при чемъ genitalia осматриваются непремѣнно при помощи зеркала (тамъ же, стр. 19 и 20 и стр. 26).

Мѣсто и способъ зараженія сифилисомъ мужчинъ.	1877/78	1878/79	1879/80	1880/81	1881/82	1882/83	1883/84	1884/85	1885/86	1886/87	1887/88
Въ Казани per coitum въ публичн. домахъ	19	40	87	45	65	56	29	30	40	28	16
— съ вольными женщинами съ улицъ и Чернаго озера.	9	7	28	18	18	7	15	3	7	2	6
— въ портерныхъ, дешёвкахъ и трактирахъ	6	13	22	15	15	5	8	4	7	4	1
— на частныхъ квартирахъ. . .	7	8	8	17	17	22	13	19	14	5	5
— на волжскихъ пристаняхъ и пароходахъ.	1	4	—	—	—	—	3	—	4	1	2
— съ женами	1	2	3	1	2	1	2	1	1	1	1
Итого.	43	74	148	96	117	91	70	57	73	41	31
Заразились въ Казани, но безъ обозначенія, гдѣ и какъ.	12	9	6	1	146	114	89	40	26	22	46
Всего.	55	83	154	97	263	205	159	97	99	63	77
Заболѣло внѣ Казани	29	56	64	31	55	56	59	19	20	10	30
Мѣста и способы зараженія необозначены.	340	216	326	343	69	76	127	302	280	347	334
			Итого		*387*	*337*	*345*	*418*	*399*	*420*	*441*

Высокое число случаевъ, когда о мѣстѣ и способѣ зараженія д-ру Смирнову не удалось найти отмѣтокъ въ больничныхъ книгахъ, можетъ служить нагляднымъ указаніемъ на то, насколько процентъ зараженій въ домахъ терпимости, исчисленный въ отношеніи къ общей цифрѣ больныхъ, былъ бы далекъ отъ истины. Если бы этотъ процентъ вычислить по даннымъ д-ра Смирнова такимъ способомъ, какимъ добываетъ свои 20% зараженій венерическими болѣзнями въ публичныхъ домахъ проф. Ге, то, напр., за $18^{86}/_{87}$ г. число зараженій въ публичныхъ домахъ сифилисомъ составило бы всего какихъ нибудь 6,6%! Отсюда—такъ близокъ выводъ о подавляющемъ процентѣ зараженій отъ тайной проституціи: только для перехода къ такому выводу надо перескочить черезъ пропасть—черезъ цѣлыя сотни случаевъ, когда больной не сообщилъ—потому ли, что не хотѣлъ, или не могъ,—гдѣ и отъ кого онъ заразился!

Число случаевъ, когда путемъ опроса удалось выяснить мѣсто зараженія больного, по свѣдѣніямъ д-ра Смирнова, не велико: такъ мало ему посчастливилось найти нужныхъ отмѣтокъ въ больничныхъ книгахъ; „за то, сообщаетъ онъ въ поясненіе къ своей таблицѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отмѣтки сдѣланы, точность и справедливость ихъ не подлежитъ сомнѣнію“ (тамъ же, стр. 20).

Число зараженій мужчинъ сифилисомъ въ казанскихъ домахъ терпимости въ процентномъ отношеніи къ общему числу такихъ сифилитическихъ заболѣваній въ Казани и, при томъ, не отъ жены, источникъ которыхъ выясненъ опросомъ, по приведеннымъ даннымъ д-ра Смирнова составитъ:

Года.	$18^{77}/_{78}$	$^{78}/_{79}$	$^{79}/_{80}$	$^{80}/_{81}$	$^{81}/_{82}$	$^{82}/_{83}$	$^{83}/_{84}$	$^{84}/_{85}$	$^{85}/_{86}$	$^{86}/_{87}$	$^{87}/_{88}$
%	45,2	55,5	60	47,3	56,5	62,2	42,6	53,5	55,5	70	53,3

Такимъ образомъ, по даннымъ, собраннымъ д-ромъ Смирновымъ, на долю казанскихъ поднадзорныхъ притоновъ падаетъ добрая половина зараженій сифилисомъ, возникшихъ въ Казани на почвѣ внѣбрачныхъ сношеній. При этомъ любопытно, что максимальная величина—70% приходится какъ разъ на $18^{86}/_{87}$ г., т. е. на періодъ, непосредственно слѣдовавшій за улучшеніемъ постановки врачебно-полицейскаго надзо-

ра въ Казани. Является вопросъ, нельзя ли искать причинной связи между измѣненіемъ надзора, съ одной стороны, и подобнымъ увеличеніемъ процента заражаемости въ поднадзорныхъ притонахъ, съ другой? Вѣдь, по своимъ даннымъ, почтенный сифилидологъ Ге находитъ умѣстнымъ съ реформою надзора связывать причину уменьшенія соотвѣтствующаго процента...

За періодъ съ 1 сентября 1892 г. по сентябрь 1895 г. въ нашемъ распоряженіи имѣется рядъ новыхъ свѣдѣній объ источникахъ зараженія мужчинъ въ Казани. Это—данныя губернской земской больницы, представленныя въ отчетахъ по мужскому сифилитическому отдѣленію ординаторомъ послѣдняго И. Е. Дамперовымъ (Медиц. отчеты 1894 и 1895 г.г., стр. 8 и 9, и 1896 г., стр. 13). Комбинируемъ эти свѣдѣнія въ одну сводную таблицу за три года.

Г О Д А.	Съ 1 сент. 1892 по 1 сент. 1893.			Съ 1 сент. 1893 по 1 сент. 1894 г.			Съ 1 сент. 1894 по 1 сент. 1895 г.		
Названіе болѣзни.	Трипперъ.	Мягк. шанк.	Сифилисъ.	Трипперъ.	Мягк. шанк.	Сифилисъ.	Трипперъ.	Мягк. шанк.	Сифилисъ.
Зараженіе въ домахъ терпимости.	137	78	78	130	67	66	120	66	37
Зараженіе отъ завѣдомыхъ проститутокъ (одиночекъ). . .	14	14	6	36	24	17	38	21	15
Зараженіе отъ женщинъ, профессія которыхъ больнымъ неизвѣстна, случайно встрѣченныхъ на улицѣ, въ баняхъ, гостинницахъ и т. п., (въ большинствѣ случаевъ тоже, конечно, проститутокъ, какъ регистрированныхъ, такъ и тайныхъ).	113	101	61	85	67	39	73	45	44
Зараженіе отъ извѣстныхъ больнымъ женщинъ, большею частью кухарокъ, горничныхъ, швей и т. п.	44	30	24	27	8	12	29	6	11
Итого.	*308*	*223*	*169*	*278*	*166*	*134*	*260*	*138*	*107*
Зараженіе отъ собственныхъ женъ.	29	7	7	45	4	6	26	3	4

Изъ имѣющихся въ отчетѣ разъясненій г. Дамперова мы узнаемъ, что въ представленныхъ таблицахъ даны свѣдѣнія объ источникахъ зараженія лишь тѣхъ больныхъ, отъ которыхъ на этотъ счетъ „удалось получить точныя указанія". Въ таблицахъ не отмѣчается числа прочихъ случаевъ, когда „или больные давали неясные, сбивчивые и малодостовѣрные отвѣты, или же при записи больныхъ отмѣтки объ условіяхъ зараженія оказались случайно пропущенными". Кромѣ того, въ нѣкоторомъ числѣ случаевъ изъ тѣхъ, въ которыхъ условія зараженія отмѣчены, больные прибыли въ Казань уже заразившись въ другихъ мѣстахъ: сюда относится, напр., за $18^{92}/_{93}$ г.—43 случая зараженій перелоемъ, 33 — мягкимъ шанкромъ и 45—сифилисомъ (Отчетъ за $18^{92}/_{93}$ г., стр. 8 и 9).

Въ отношеніи къ общему числу мужчинъ, источникъ зараженія которыхъ на почвѣ внѣбрачныхъ связей въ той или другой степени выясненъ опросомъ, число заразившихся въ публичныхъ домахъ, по даннымъ г. Дамперова, составитъ:

Годы.	Трипперъ.	Мягкій шанкръ.	Сифилисъ.
$18^{92}/_{93}$	44,4%	34,9%	46,2%
$18^{93}/_{94}$	46,7%	40,9%	49,2%
$18^{94}/_{95}$	46,1%	47,8%	34,5%

Заключая обзоръ данныхъ, къ которымъ насъ попутно привело обсужденіе ссылки проф. Тарновскаго на почтеннаго казанскаго сифилидолога, считаемъ долгомъ здѣсь же упомянуть о заявленіи д-ра Н. Н. Порошина, въ высшей степени напоминающемъ, по своему характеру, упомянутую ссылку выдающагося идеолога полиціи нравственности. (Надзоръ за простит., Врачъ, № 10 за 1896 г., стр. 273). Выразивъ свое убѣжденіе въ томъ, что въ Казани „почти всѣ больничные случаи мягкаго шанкра принадлежатъ тайной проституціи" и не присоединивъ къ этому убѣжденію никакого доказательства, кромѣ развѣ того, что „дома терпимости въ Казани посѣщаются мало, тайная же проституція растетъ",—г. Поро-

шинъ приходитъ къ заключенію, будто „мягкій шанкръ обязанъ своимъ распространеніемъ всецѣло тайнымъ и одиночкамъ, уклоняющимся отъ надзора“. Но какъ же тогда объяснить, особенно при широкомъ развитіи безконтрольной проституціи и малой посѣщаемости поднадзорныхъ притоновъ, то обстоятельство, что по фактическимъ даннымъ по крайней мѣрѣ $^2/_5$ больныхъ, выяснившихъ источникъ зараженія, обязаны именно поднадзорнымъ притонамъ пріобрѣтеніемъ мягкаго шанкра? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ г. Порошинъ находитъ возразить лишь то, что „указаніямъ больныхъ довѣрять нельзя“, и что жертвы тайной проституціи (характерно—именно тайной!) „сплошь и рядомъ умалчиваютъ объ источникѣ зараженія“. Къ сожалѣнію, г. Порошинъ совершенно упускаетъ изъ виду присоединить къ означенному объясненію демонстрацію любопытнаго пріема, которымъ ему удалось, при недовѣріи къ больнымъ и при ихъ молчаніи, отнести почти всѣ больничные случаи мягкаго шанкра на счетъ тайной проституціи. Этотъ пріемъ тѣмъ болѣе интересенъ, что, ознакомившись съ нимъ, можно было бы бороться равнымъ оружіемъ съ проф. Тарновскимъ, когда послѣдній на съѣздѣ такъ настойчиво отстранялъ заявленія противниковъ, не представившихъ, по его словамъ, въ доказательство меньшей заражаемости отъ тайной проституціи фактическихъ--цифровыхъ данныхъ...

Помимо данныхъ, собранныхъ д-ромъ Штюрмеромъ со всей Россіи и матеріаловъ профессоровъ Петерсена и Ге, за то, что „тайная проституція заражаетъ сильнѣе явной“, по увѣренію проф. Тарновскаго, говорятъ также „и остальные“.

Судя по протоколамъ съѣзда, есть нѣкоторое основаніе отнести въ эту рубрику „остальныхъ“ д-ра Родіонова, да еще, пожалуй, г. Чистякова.

Д-ръ Родіоновъ изъ Баку сообщилъ въ засѣданіи отдѣла, что онъ „послѣдніе два года собиралъ свѣдѣнія о зараженіи сифилисомъ по карточной системѣ и нашелъ, что число зараженій отъ тайной проституціи больше, чѣмъ отъ явной, а именно: въ домахъ терпимости 40% зараженій, а остальные 60% падаютъ на тайную проституцію“ (Труды, т. 2, стр. 225). Мы, однако, рѣшительно сомнѣваемся, чтобы по этимъ даннымъ можно было заключить о преимущественной опасности, въ смыслѣ зараженія, безконтрольной проституціи г. Баку. Прежде всего весьма любопытно, ужели мѣстныя поднадзор-

ныя одиночки абсолютно безвредны для общественнаго здоровья? По протоколу засѣданія комиссіи врачей г. Баку, имѣющемуся въ матеріалахъ съѣзда, можно усмотрѣть, что въ названномъ городѣ—данныя относятся къ концу 1895 г.—по полицейскимъ спискамъ числилось 78 одиночекъ, изъ которыхъ подъ надзоромъ de facto состояло женщинъ 26. Спрашивается, чему же болѣе слѣдуетъ приписать безупречное санитарное состояніе поднадзорныхъ одиночекъ г. Баку, систематическому ли уклоненію значительной ихъ части отъ осмотра, или же характернымъ особенностямъ, явствующимъ изъ того же протокола, освидѣтельствованія меньшей ихъ части—на изодранной кушеткѣ въ участкѣ, при полномъ отсутствіи какихъ либо приспособленій для осмотра? Далѣе, 40% случаевъ зараженія въ домахъ терпимости по своей абсолютной величинѣ далеко не наглядно свидѣтельствуютъ о санитарныхъ преимуществахъ бакинскихъ поднадзорныхъ притоновъ. Для того, чтобы ближе оцѣнить значеніе этой цифры 40% слѣдуетъ обратить вниманіе на численное отношеніе женщинъ домовъ терпимости и тайныхъ проститутокъ г. Баку. По даннымъ упомянутой комиссіи врачей, относящимся къ декабрю 1895 г., въ Баку было 16 домовъ терпимости съ 183 женщинами. Что же касается тайной проституціи, то она процвѣтала „въ самыхъ широкихъ размѣрахъ“: „кромѣ разнаго рода бродячихъ женщинъ, ютящихся около пивныхъ и кабаковъ, арфистокъ и профессіональныхъ проститутокъ, живущихъ якобы на содержаніи, приказчицъ въ пивныхъ, при случаѣ тайно проституируетъ вся женская прислуга, модистки, прачки, переселенки; не брезгуютъ и болѣе или менѣе обезпеченныя замужнія женщины;.. къ тайной же проституціи должны быть отнесены и профессіональные пассивные педерасты, которыхъ много между прислугою татарскихъ чайныхъ“. При распаденіи 60% зараженій на всю эту массу женщинъ и даже, быть можетъ, мужчинъ, не будетъ ли нѣсколько рискованнымъ по 40% зараженій отъ немногочисленныхъ женщинъ домовъ терпимости заключать о санитарныхъ преимуществахъ явной проституціи?..

Относя ссылку проф. Тарновскаго и къ г. Чистякову, мы, можетъ быть, поступаемъ и несправедливо, потому что только въ черновикахъ протоколовъ съѣзда нашли къ тому руководящія указанія. Но такъ какъ извѣстныя намъ данныя г. Чи-

стякова, во всякомъ случаѣ, болѣе благопріятны для защиты полиціи нравственности, чѣмъ цифры проф. Петерсена и Ге, то, надо думать, упоминаніе ихъ здѣсь не встрѣтитъ протеста. Мы имѣемъ въ виду матеріалъ, представленный г. Чистяковымъ третьему съѣзду общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Это—данныя объ „источникахъ зараженія сифилисомъ мужчинъ культурныхъ классовъ", начиная съ лицъ, занимающихъ „весьма и весьма" высокое общественное положеніе до камердинера и приказчика включительно. Названныя данныя представляютъ результатъ распросовъ паціентовъ, являвшихся на частный пріемъ проф. Тарновскаго и отчасти личный—докладчика, за $2^1/_2$ года. Заимствуемъ изъ Дневника съѣзда 1889 г. (№ 10, стр. 305—307) таблицу, въ которой скомбинированы эти данныя.

	Непроститутки.	Проститутки.								Итого
		Профессіональныя.							Случайныя.	
		Публичные дома.	Одиночки.							
			Явныя.			Тайныя.				
			Бланковыя.	Сводни.	По виду регистр.	Одиночки.	Содержанки.	Дост. фак.		
С.-Петербургъ.	49	40	50	5	88	29	19	2	33	315
Провинція. .	23	52	—	1	9	29	6	35	30	185
Итого . .	72	92	50	6	97	58	25	37	63	500
% С.-Петербургъ.	15,5	12,7	15,9	1,6	27,9	9,2	6,1	0,6	10,5	100%
		58,1				26,4				
Провинція. .	12,4	28,1	—	0,5	4,9	15,7	3,2	18,9	16,3	100%
Итого . .	14,4	18,4	10,0	1,2	19,4	11,6	5,0	7,4	12,6	100%
		49,0				36,6				

Въ интересахъ правильнаго пониманія представленной таблицы умѣстно привести здѣсь нѣкоторыя разъясненія г. Чистякова. Въ число „непроститутокъ“ включены жены, заразившія собственныхъ мужей. „Сводни“ или, точнѣе, женщины, доставляемыя сводними, отнесены къ разряду явныхъ проститутокъ потому, что предметомъ сводической доставки „по закону“ могутъ быть лишь поднадзорныя проститутки. „По виду регистрированныя“,—это женщины, которыя „по внѣшнимъ признакамъ суть истыя проститутки“, но для которыхъ „нѣтъ лишь у заразившихся фактическихъ доказательствъ, что онѣ регистрированы“. Наконецъ, къ „случайнымъ проституткамъ“ отнесены женщины, которыя, имѣя опредѣленныя занятія, ищутъ въ торговлѣ собою только придатокъ къ своему скудному заработку.

Данныя г. Чистякова могутъ представить наглядное доказательство того, насколько рискованно заключать о преимущественной опасности той или иной категоріи проститутокъ по абсолютной величинѣ процента зараженій. Не соображаясь съ различною численностью сопоставляемыхъ группъ женскаго населенія, неизбѣжно приходишь къ выводу, что среда женщинъ, дающая въ Петербургѣ 15,9% зараженій, въ санитарномъ отношеніи должна быть поставлена ниже среды, представляющей только 12,7% зараженій. Но вѣдь и 15,5% зараженій не отъ проститутокъ, хотя бы и случайныхъ, выше 12,7%! Не долженъ ли послѣдовательно петербургскій обыватель предпочесть, во имя санитарныхъ соображеній, состоящій подъ надзоромъ полиціи публичный домъ связямъ съ „непроститутками“ (въ томъ числѣ и съ собственною женою!), такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ,—по статистическимъ пріемамъ сторонниковъ регламентаціи,—рискъ зараженія больше, чѣмъ въ домѣ терпимости?...

Это обстоятельство, въ связи съ заявленіемъ г. Чистякова, что средою, изъ которой вышли опрошенные больные, публичные дома „сравнительно мало посѣщаются“, должно быть принято въ разсчетъ при оцѣнкѣ явствующаго изъ статистики, собранной въ кабинетѣ проф. Тарновскаго, факта, что въ публичныхъ домахъ „культурные классы“ заражаются на половину меньше, чѣмъ отъ проститутокъ тайныхъ и случайныхъ.

Что же касается числа зараженій отъ поднадзорныхъ или „лучше сказать представляющихся регистрированными

проститутокъ",—мы охотно принимаемъ такой оборотъ г. Чистякова,—то оно уже въ абсолютной величинѣ превышаетъ на четверть, а для одного Петербурга даже болѣе, чѣмъ въ два раза, число зараженій отъ тайныхъ и случайныхъ проститутокъ [1]).

Такимъ образомъ, безспорный, по увѣренію проф. Тарновскаго, фактъ, будто „тайная проституція заражаетъ сильнѣе явной", рѣшительно опровергается не только матеріалами „всей Россіи" (за исключеніемъ развѣ г. Ченстохова!), но и данными собственнаго кабинета почтеннаго профессора.

Для того, чтобы исчерпать тотъ санитарный аргументъ въ пользу регламентаціи, который ея идеологи пытаются своеобразными путями извлечь изъ статистики источниковъ зараженія въ Россіи, умѣстно сдѣлать здѣсь еще обзоръ данныхъ объ источникахъ зараженія нижнихъ чиновъ военнаго вѣдомства.

Послѣ того, какъ проф. Ге доложилъ обществу врачей при казанскомъ университетѣ о санитарныхъ благодѣяніяхъ мѣстной реформы надзора въ 1886 г., г. Е. М. Идельсонъ представилъ казанскому военно-санитарному обществу „Нѣсколько данныхъ о венерическихъ заболѣваніяхъ въ Казанскомъ гарнизонѣ за десятилѣтіе (1882—1891 г.г.)". По этимъ даннымъ, на 1000 человѣкъ списочнаго состава квартирующихъ въ г. Казани войскъ приходилось:

Года.	Венериковъ вообще.	Въ частности сифилитиковъ.
1882	122,9	37,8
1883	108,9	24,9
1884	120,5	29,9
1885	134,1	36,8
1886	120,8	32,1

Года.	Венериковъ вообще.	Въ частности сифилитиковъ.
1887	117,4	31,5
1888	104,1	21,5
1889	116,8	41,3
1900	145,0	41,8
1891	155,3	40,0
Среднее.	122,5	33,4

[1]) Къ вопросу объ источникахъ зараженія мужчинъ культурныхъ классовъ заслуживаютъ вниманія цифры проф. Стуковенкова. Изъ 213 студентовъ сифилитиковъ, обращавшихся къ нему въ Кіевѣ за врачебною помощью, 189, или 88,7%, были заражены поднадзорными проститутками и только 24, т. е. 11,3%,—тайными (R. de M. Pr., 1889 № 10, p. 170).

Таблица дополняется свѣдѣніемъ о томъ, что въ 1892 г. число венериковъ достигло „небывалыхъ размѣровъ, а именно 189,3‰“ (Труды Общества за 1894 г., стр. 72 и стр. 85).

Допустите какую-нибудь зависимость степени заболѣваемости солдатъ венерическими болѣзнями отъ дѣятельности врачебно-полицейскаго надзора, и вы можете обосновать на фактическихъ данныхъ выводъ, что переходъ надзора изъ „примитивнаго состоянія“, въ какомъ онъ находился, по словамъ проф. Ге, въ Казани до октября 1886 г., въ состояніе болѣе упорядоченное, сопровождался повышеніемъ заболѣваемости нижнихъ чиновъ мѣстнаго горнизона венерическими болѣзнями со 108,9—122,9‰ до цифры—horribile dictu, какъ выразился относительно ея корреспондентъ „Врача“,—189,3‰! Не менѣе любопытные результаты получаются, если прослѣдить сопоставляемые факты за послѣдующіе годы. Изъ имѣющагося въ матеріалахъ съѣзда 1897 г. доклада д-ра Веселицкаго казанской городской управѣ явствуетъ, что съ 1893 г. надзоръ за одиночною проституціею въ Казани почти совсѣмъ прекращается; съ этого года число одиночекъ, постепенно уменьшаясь, опускается значительно ниже числа женщинъ домовъ терпимости [1]). Такое паденіе числа одиночекъ

[1]) По д-ру Веселицкому:

Годы.	Проститут. домовъ терпимости.	Одиночекъ.
1891	225	377
1892	277	391
1893	289	263
1894	214	201
1895	257	88

(Простит. въ гор., стр. 23).

Ср. по свѣдѣніямъ С. А. Протопопова:

Годы.	Въ дом. терп.	Одиночекъ.
18⁹⁰/₉₁	217	336
18⁹¹/₉₂	207	385
18⁹²/₉₃	213	282
18⁹³/₉₄	202	211
18⁹⁴/₉₅	218	101
18⁹⁵/₉₆	204	87
18⁹⁶/₉₇	200	69

(Отчетъ по женскому кожно-венер. отд. каз. губ. земской больницы за 18⁹⁶/₉₇ г., стр. 7).

должно быть признано характернымъ симптомомъ ослабленія всего надзора вообще. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ д-ръ Штюрмеръ, опираясь на сопоставленіе цѣлаго ряда городовъ (Простит. въ город., стр. 25). Такъ смотритъ на фактъ паденія числа одиночекъ, сравнительно съ числомъ женщинъ домовъ терпимости, и съѣздъ (Постановленія, стр. 30).

Нижеслѣдующая таблица, составленная по даннымъ В. Ф. Шолковскаго, наглядно представитъ, какою тенденціею въ степени заболѣваемости солдатъ казанскаго гарнизона сопровождались это ослабленіе надзора съ 1893 г. (Труды, т. 1, Сифилисъ и венер. бол. въ арміи, стр. 23).

Годы.	На 1000 человѣкъ списочнаго состава.	
	Венериковъ вообще.	Въ частности сифилитиковъ.
1893	118,0	48,5
1894	98,1	37,4
1895	69,9	22,5

Когда д-ръ Акуловъ сообщилъ второму съѣзду общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, что на основаніи своего полуторагодового наблюденія въ Вильнѣ онъ усмотрѣлъ у солдатъ, послѣ усиленія надзора за проституціею, паденіе въ три раза числа зараженій мягкимъ шанкромъ и на $^1/_3$—твердымъ, „Врачъ“ призналъ его данныя „весьма вѣскимъ“ доказательствомъ санитарной цѣнности регламентаціи (Медиц. Обозр., № 4 за 1887 г., стр. 390; Врачъ, № 6 за 1887 г., стр. 151). Не лучше ли, однако, остаться болѣе осторожными и результаты наблюденія за цѣлыхъ 14 лѣтъ признать еще недостаточными для того, чтобы поставить въ отношеніе при-

чины и слѣдствія—успѣхи регламентаціи и усиленіе заболѣваемости въ казанскомъ гарнизонѣ?

Для того, чтобы усумниться въ причастности полиціи нравственности къ санитарному ущербу арміи, достаточно исповѣдать свое убѣжденіе въ томъ, что нижніе чины не пользуются въ замѣтной степени услугами поднадзорной проституціи. Такой именно путь и избираетъ д-ръ Идельсонъ для согласованія своихъ данныхъ съ выводами проф. Ге: „эффектъ, полученный отъ реформы надзора, заявляетъ онъ въ казанскомъ военно-санитарномъ обществѣ, къ сожалѣнію, не коснулся той сферы низшей проституціи, гдѣ преимущественно заражаются нижніе чины“ (Труды общества за 1894 г., стр. 85).

Въ виду того единодушія, съ которымъ врачи военнаго вѣдомства удостовѣряютъ фактъ преимущественнаго обращенія солдатъ къ болѣе доступной для нихъ безконтрольной—тайной проституціи, мы не прочь согласиться съ д-ромъ Идельсономъ и признать нѣкоторую вѣроятность за предположеніемъ, что факты усиленія и пониженія заболѣваемости солдатъ венерическими болѣзнями мало зависятъ отъ состоянія врачебно-полицейскаго надзора. Такое предположеніе съ точки зрѣнія сторонника регламентаціи тѣмъ болѣе допустимо, что оно открываетъ ему возможность съ успѣхомъ обойти не однѣ только казанскія цифры, но и нижеслѣдующія данныя спеціальной комиссіи саратовскаго военно-санитарнаго общества, образованной, въ видахъ выясненія мѣръ къ уменьшенію заболѣваній сифилисомъ и венерическими болѣзнями воинскихъ чиновъ, находящихся въ г. Саратовѣ, въ засѣданіи 20 февраля 1887 г. „Изъ свѣдѣній, собранныхъ черезъ старшихъ врачей, узнаемъ мы изъ доклада этой комиссіи названному обществу 20 марта того же года, усматривается, что нижніе чины, имѣвшіе сифилисъ, или приносили его съ мѣста призыва, или заразились уже на службѣ отъ женщинъ, тайно занимающихся развратомъ, не состоявшихъ подъ врачебнымъ осмотромъ и промышляющихъ въ кабакахъ, трактирахъ на Пѣшемъ базарѣ и на Наемкахъ. Случаи зараженія въ публичныхъ домахъ, если и были, то весьма рѣдко“. Далѣе сообщается, что, по свѣдѣніямъ старшаго врача Имеретинскаго полка въ 1885 и 1886 г.г., венерическими болѣзнями

заразилось въ публичныхъ домахъ $^1/_2$ % и 3% всѣхъ венериковъ, а въ трактирахъ, на Пѣшемъ и отчасти на Верхнемъ базарѣ 19% и 23%. По сообщенію старшаго врача мѣстнаго лазарета за тѣ же годы, изъ 210 пользовавшихся въ лазаретѣ нижнихъ чиновъ только трое заразились въ публичныхъ домахъ. За 1887 г. среди 30 больныхъ въ лазаретѣ нѣтъ ни одного, кто бы заразился въ домѣ терпимости. Въ 40-й артиллерійской бригадѣ за 1885 и 1886 г.г. было 147 случаевъ венерическихъ заболѣваній и 46—„общаго сифилиса"; изъ этого числа въ публичномъ домѣ заразился только одинъ солдатъ, да и то не сифилисомъ! (Военно Санит. Дѣло, №№ 19 и 20 за 1887 г., стр. 225).

Для того, чтобы читатель могъ убѣдиться въ томъ, насколько, должно быть, мало зависило это ничтожное число зараженій солдатъ въ саратовскихъ домахъ терпимости отъ состоянія мѣстнаго надзора за проституціей, позволимъ себѣ представить его вниманію слѣдующую табличку д-ра Штюрмера, гдѣ скомбинированы данныя отчета, весьма характерныя для оцѣнки дѣятельности саратовскаго врачебно-полицейскаго комитета (Простит. въ гор., стр. 84).

Года.	Названіе города.	Число домовъ терпимости.	Проститутки.		Женщины, задерж. по подозр. въ тайной простит.
			Домовъ терпимости.	Одиночки.	
1889	Саратовъ.	—	—		—
1890		—	—		—
1891	Жит.	38	200 (?)	?	?
1892	118067	37	200 (?)	?	?
1893		40	296	45	94

Судя по пробѣламъ, тире и вопросительнымъ знакамъ, поставленнымъ, какъ разъясняетъ д-ръ Штюрмеръ, „въ подлинномъ отчетѣ изъ Саратова“, врядъ ли можно заключить, по крайней мѣрѣ для времени до 1892 г. включительно, объ удовлетворительной дѣятельности врачебно-полицейскаго комитета, который, по словамъ того же г. Штюрмера, „числится“ въ названномъ городѣ (тамъ же, стр. 24). Но, быть можетъ, до 1889 г. надзоръ въ Саратовѣ былъ не такого рода, что для иныхъ лѣтъ даже точно неизвѣстно, подлежалъ ли ему кто-нибудь?.. Въ извѣстной степени вѣроятный отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать цифры Отчета медицинскаго департамента за 1887 г., когда по всей Саратовской губерніи съ такими торговыми, людными городами, какъ Царицынъ, Хвалынскъ, Балашевъ, Камышинъ, Вольскъ и др., значатся зарегистрованными всего 160 женщинъ домовъ терпимости и только 38 одиночекъ (II, стр. 242). Какъ бы ни была значительна та доля, которая приходилась изъ этого числа на одинъ Саратовъ, съ его стотысячнымъ населеніемъ, она отнюдь не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы въ 1887 г. саратовскій надзоръ былъ болѣе интенсивенъ, чѣмъ въ 1891 и въ 1892 г.г. съ относящимися къ нимъ вопросительными круглыми цифрами двухсотъ женщинъ поднадзорныхъ притоновъ! О качествѣ саратовскаго надзора въ 1887 г. можно достаточно наглядно судить по цифрѣ 38 одиночекъ, по крайней мѣрѣ въ четыре раза меньшей, сравнительно съ соотвѣтствующимъ числомъ женщинъ домовъ терпимости. Мы уже указывали на взглядъ д-ра Штюрмера, что значитъ такое паденіе числа одиночекъ по сравненію съ численностью проститутокъ поднадзорныхъ притоновъ. Почтенный докладчикъ съѣзда, на основаніи болѣе или менѣе обширныхъ наблюденій, считаетъ правиломъ, что „при существованіи надзора за проституціей въ городахъ, *вездѣ* число поднадзорныхъ одиночекъ должно быть значительно больше числа женщинъ домовъ терпимости и если имѣется обратное отношеніе, то это указываетъ на безусловную недостаточность надзора“ (Простит. въ гор., стр. 25). Повторяемъ,—должно быть слишкомъ мало зависило ничтожное число заболѣваній нижнихъ чиновъ въ саратовскихъ домахъ терпимости отъ состоянія мѣстной полиціи нравственности!

Если однако, паче чаянія, сторонникъ регламентаціи усмотритъ связь между состояніемъ надзора за проституціею въ г. Саратовѣ и почти полнымъ отсутствіемъ случаевъ зараженія солдатъ въ мѣстныхъ домахъ терпимости, то мы позволимъ себѣ предложить ему на обсужденіе еще одинъ характерный фактъ. Въ засѣданіи 25 сентября 1894 г. врачъ Мысовскій сообщилъ обществу саратовскихъ санитарныхъ врачей свѣдѣнія относительно источника зараженія, отобранныя имъ въ 1893 г. отъ 87 венерическихъ больныхъ. „Оказывается, что 43 человѣка изъ нихъ получили свою болѣзнь въ публичномъ домѣ, остальные же 44—отъ женщинъ, встрѣченныхъ ими на базарахъ, въ трактирахъ, на улицѣ, въ городскомъ саду и т. п., при чемъ послѣднія женщины никакого отношенія къ публичнымъ домамъ не имѣли". Любопытно, что эти 49,4% зараженій въ поднадзорныхъ притонахъ Саратова отмѣчаются какъ разъ для 1893 г., когда въ отчетѣ дѣятельности мѣстнаго врачебно-полицейскаго комитета исчезаютъ вопросительные знаки!

Всѣ эти недоумѣнія будутъ обойдены, если только сторонникъ регламентаціи сохранитъ твердымъ убѣжденіе въ томъ, что солдаты отдаютъ рѣшительное преимущество безконтрольной проституціи. И тотъ фактъ, что усиленіе надзора, какъ это было въ Казани, не сопровождалось сокращеніемъ заболѣваемости въ мѣстномъ гарнизонѣ, и то обстоятельство, что, напротивъ, при слабомъ надзорѣ число солдатъ-венериковъ уменьшалось и даже, какъ въ Саратовѣ, при неудовлетворительномъ контролѣ цифра ихъ зараженій именно въ поднадзорныхъ притонахъ оказывалась ничтожною,—можно тогда заставить говорить лишь о томъ, насколько мало пользуются нижніе чины услугами поднадзорной проституціи.

Имѣя на случай въ виду такую точку зрѣнія, принятую, какъ намъ приходилось уже отмѣтить, съѣздомъ 1897 г., перейдемъ къ дальнѣйшему обзору данныхъ объ источникахъ зараженія нижнихъ чиновъ военнаго вѣдомства.

Мы имѣли возможность ознакомиться съ цифровыми результатами опросовъ больныхъ кіевскаго госпиталя, опубликованными за разное время доцентомъ Флейшеромъ и д-рами Томашевскимъ и Боровскимъ, далѣе, съ данными петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета по сообщенію д-ра Ѳедорова, съ результатами наблюденій г. Перфильева въ Ка-

линкинскомъ морскомъ госпиталѣ, съ одесскими данными д-ра Кнери и съ матеріаломъ варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя по докладу г. Стрѣльцова.

Д-ръ Боровскій сообщаетъ слѣдующія данныя объ источникахъ полового зараженія сифилисомъ 228 офицеровъ и 1241 нижнихъ чина, пользовавшихся въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ въ періодъ съ 1890 по 1893 г. (Къ вопросу объ источн. зараж., Военно-Медиц. Журн., авг. 1894 г., стр. 418).

Годы.	Офицеры.		Нижніе чины.	
	% зараженій отъ зарегистр. простит.	% зараженій отъ тайной простит.	% зараженій отъ зарегистр. простит.	% зараженій отъ тайной простит.
1890	26	74	23	77
1891	20	80	23	77
1892	23	77	19	81
1893	14	86	21	79
Итого въ среднемъ.	20,75	79,25	21,5	78,5

При оцѣнкѣ этихъ данныхъ приходится серьезно затрудниться, по какой цифрѣ вѣроятнѣе, по 20,75 ли процентамъ зараженій офицеровъ, или по 21,5% зараженій нижнихъ чиновъ отъ регистрированной проституціи, заключить объ успѣхахъ и цѣнности регламентаціи. Дѣлая такой выводъ по числу заболѣваній отъ поднадзорныхъ проститутокъ офицеровъ, мы рискуемъ великодушно распространить признаніе благопріятныхъ результатовъ полиціи нравственности, между прочимъ, на такія мѣстности, гдѣ, пожалуй, и нѣтъ совсѣмъ регистрированныхъ проститутокъ. Такое опасеніе основательно въ виду того обстоятельства, что опрошенные офицеры при-

надлежали, какъ заявляетъ г. Боровскій, „почти исключительно къ частямъ войскъ, расположеннымъ внѣ г. Кіева“ (тамъ же, стр. 416). Казалось бы, умѣстнѣе предпочесть для названной цѣли цифру зараженій отъ регистрированныхъ проститутокъ солдатъ, такъ какъ, по словамъ д-ра Боровскаго, опрошенные нижніе чины вышли „преимущественно изъ войскъ кіевскаго горнизона“. Но тогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ самомъ Кіевѣ, какъ заключаетъ д-ръ Штюрмеръ по отчету, относящемуся къ періоду наблюденій г. Боровскаго, надзоръ за проституціею былъ „крайне плохъ“. Насколько плохъ, объ этомъ можно судить по симптоматическому отношенію числа мѣстныхъ одиночекъ къ количеству женщинъ домовъ терпимости, выразившемуся въ 1891 г. даже въ такихъ цифрахъ, какъ всего 89 одиночекъ при 369 проституткахъ поднадзорныхъ притоновъ! (Простит. въ гор., стр. 24 и 84).

Къ собственнымъ даннымъ объ источникахъ зараженія нижнихъ чиновъ д-ръ Боровскій присоединяетъ рядъ литературныхъ справокъ,—ссылается на данныя д-ровъ Томашевскаго, Акулова, Космовскаго, Перфильева, Цитрина, комиссіи саратовскаго военно-санитарнаго общества и на мнѣніе д-ра Большесольскаго (В.-М. Ж., авг. 1894 г., стр. 419—421). По заключенію г. Боровскаго, „всѣ наблюденія сводятся къ тому, что громадное большинство зараженій происходитъ отъ пользованія проституціей тайной, поставленной внѣ всякаго медицинскаго надзора“. Не сомнѣваясь въ доказательности собственныхъ данныхъ д-ра Боровскаго, мы однако рѣшительно протестуемъ противъ подобнаго вывода и въ частности противъ пріема „литературныхъ указаній“, къ которому прибѣгаетъ д-ръ Боровскій, чтобы прійти къ искомому выводу въ пользу регламентаціи. Если бы, прежде всего, д-ръ Боровскій, желая ознакомиться съ „наблюденіями и заключеніями, сдѣланными товарищами“, обращался съ этою цѣлью не къ хроникѣ и мелкимъ извѣстіямъ „Врача“, а къ первоисточникамъ, то онъ, быть можетъ, понялъ бы въ иномъ направленіи данныя д-ра Перфильева и отнесся бы критически къ матеріаламъ д-ра Космовскаго. При томъ, если бы даже, цитируя доклады по газетной рецензіи, г. Боровскій, по крайней мѣрѣ, строго держался текста данной рецензіи, ему бы, навѣрное, не понадобилось для передачи содержанія послѣдней о докладѣ

д-ра Акулова прибѣгать къ такой неявственной по своей конструкціи фразѣ, которая даетъ читателю поводъ думать, что „вѣскія доказательства“, приведенныя г. Акуловымъ на второмъ пироговскомъ съѣздѣ, не исчерпываются единственно извѣстными намъ наблюденіями его надъ заболѣваемостью солдатъ въ г. Вильнѣ: „..Акуловъ.. привелъ вѣскія доказательства того, что правильный осмотръ проститутокъ ведетъ къ уменьшенію числа зараженій, и въ Вильнѣ послѣ усиленія надзора за проституціей число солдатъ, заболѣвшихъ сифилисомъ и венерическими болѣзнями, значительно понизилось“ (тамъ же, стр. 420). Далѣе, полнота литературныхъ справокъ д-ра Боровскаго нисколько бы не потеряла, на нашъ взглядъ, отъ того, если бы онъ и не ссылался совсѣмъ на д-ра Цитрина, увѣряя, что послѣдній въ статьѣ „По поводу распространенія сифилиса въ войскахъ“ держится того мнѣнія, что „солдаты заражаются главнымъ образомъ отъ проститутокъ, тайно занимающихся развратомъ“. Какъ ни тщательно искали мы на двухъ страничкахъ „Военно-Санитарнаго Дѣла“, на которыхъ свободно умѣщается вся замѣтка г. Цитрина, указаній на подобное мнѣніе, мы встрѣтили лишь то общее соображеніе, что „солдатъ нашъ не можетъ устоять предъ предохранительными мѣрами, которыми оберегаетъ его военно-санитарный надзоръ, и, будучи неразборчивъ въ удовлетвореніи своихъ потребностей, обыкновенно бросается на женщинъ самаго низкаго пошиба“ (№ 2 за 1887 г., стр. 14 и 15). Но это не есть еще выраженіе того мнѣнія, которое нужно д-ру Боровскому, какъ и характерное восклицаніе г. Цитрина: „кто не знаетъ, какое зло составляютъ вообще женщины, тайно торгующія собой“! А между тѣмъ помимо такого соображенія и такого восклицанія мы въ замѣткѣ д-ра Цитрина не нашли ничего подходящаго, кромѣ развѣ указанія на „кратковременность“ его собственнаго наблюденія и выраженія „крайняго сожалѣнія“ объ отсутствіи у него подъ руками „достаточнаго количества цифровыхъ данныхъ“, каковыхъ, замѣтимъ кстати, г. Цитринъ даже ни въ какомъ количествѣ не сообщаетъ.

Хотя д-ръ Боровскій и оговаривается, что онъ, „не входя въ разборъ всей обширной литературы, какъ иностранной, такъ и русской, относительно главнаго источника распространенія сифилиса“, ограничивается въ данное время лишь нѣ-

которыми „краткими ссылками на наблюденія и заключенія товарищей, однако его обращеніе даже къ такимъ мало относящимся къ дѣлу работамъ, какъ замѣтка д-ра Цитрина, обнаруживаетъ въ немъ несомнѣнную тенденцію широко охватить литературный матеріалъ вопроса. А потому мы вправѣ, кажется, претендовать на нѣкоторую полноту въ ознакомленіи читателя д-ромъ Боровскимъ если ужъ не со всѣми русскими и заграничными матеріалами, то хотя, по крайней мѣрѣ, съ опубликованными результатами опросовъ на мѣстѣ служенія въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ.

Какъ мы имѣли уже случай отмѣтить, наши свѣдѣнія объ опросахъ больныхъ названнаго госпиталя, помимо данныхъ д-ра Боровскаго, обнимаютъ матеріалъ, который мы находимъ въ сообщеніяхъ д-ра Томашевскаго и доцента Флейшера.

Д-ръ Томашевскій, какъ это видно изъ его доклада военно-санитарному обществу въ Кіевѣ, по исторіямъ болѣзней нижнихъ чиновъ, поступавшихъ на пользованіе въ кіевскій госпиталь, въ теченіе 1882—1884 г.г., нашелъ, что „значительное число воинскихъ чиновъ изъ заболѣвшихъ сифилисомъ и венерическими болѣзнями (75%) заболѣли отъ тайныхъ и бродячихъ проститутокъ и только 25% отъ женщинъ, живущихъ въ домахъ терпимости и проститутокъ одиночекъ“ (Военно-Сан. Дѣло, № 6 за 1887 г., стр. 62).

Что же касается доцента Флейшера, то по его сообщенію обществу кіевскихъ врачей видно, что изъ числа 192 нижнихъ чина, подлежавшихъ наблюденію докладчика въ томъ же кіевскомъ госпиталѣ за 1882 и 1883 г.г., заразились венерическими болѣзнями вообще:

въ домахъ терпимости 78;
въ номерахъ (съ проститутками, занесенными въ списки) 12;
въ кабакахъ (тайныхъ притонахъ) 64;
и отъ бродячихъ проститутокъ . . . . . 38.

Отсюда г. Флейшеръ заключаетъ, что „число случаевъ зараженія (90) въ мѣстахъ, подлежащихъ врачебно-полицейскому надзору (дома терпимости и номера), немногимъ меньше случаевъ зараженія (102) въ мѣстахъ, не подлежащихъ такому надзору“ (Русская Медицина, № 11 за 1884 г., стр. 263).

Подробно цитируя докладъ д-ра Томашевскаго, на этотъ разъ по первоисточнику, г. Боровскій ни словомъ не касается данныхъ другого своего коллеги—доцента Флейшера, а между тѣмъ для полученія нужной справки ему, какъ ординатору кіевскаго госпиталя, не понадобилось бы даже обращаться и къ газетнымъ рецензіямъ. Изложенныя соображенія достаточно, кажется, ярко характеризуютъ своеобразные пріемы „литературныхъ справокъ“ д-ра Боровскаго. Дальнѣйшее изложеніе обнаружитъ, насколько справедливъ по существу его основной выводъ, будто *всѣ наблюденія* сводятся къ тому, что громадное большинство зараженій происходитъ отъ пользованія проституціей тайной.

Сперва два слова о данныхъ доцента Флейшера и д-ра Томашевскаго. Въ ихъ цифрахъ обращаетъ на себя вниманіе весьма замѣтное различіе въ процентѣ зараженій отъ поднадзорной, или тайной, проституціи. Имѣя въ виду, что данныя г. Флейшера и д-ра Томашевскаго составляютъ результатъ ихъ наблюденій въ одномъ и томъ же учрежденіи и что періодъ наблюденій одного на значительномъ своемъ протяженіи совпадаетъ съ періодомъ наблюденій другого, было бы весьма любопытно выяснить причину такой ощутительной разницы, какъ 48,8% и рядомъ 25% зараженій отъ одной и той же поднадзорной проституціи. Если у г. Флейшера имѣются опредѣленныя указанія, какъ онъ пришелъ къ своему выводу, то ни въ Военно-Санитарномъ Дѣлѣ, гдѣ реферируется сообщеніе д-ра Томашевскаго, ни въ Трудахъ второго съѣзда русскихъ врачей въ Москвѣ (т. 2, стр. 116), гдѣ онъ вновь привелъ свои данныя, мы не находимъ ни малѣйшаго намека на то, какъ сложились его круглыя цифры 25 и 75%. Подходящимъ намекомъ не можетъ, конечно, служить тотъ фактъ, который, въ виду заявленія д-ра Томашевскаго, выяснился въ преніяхъ на второмъ съѣздѣ: а выяснилось, какъ сообщаетъ, безъ какихъ-либо оговорокъ, „Врачъ“ – и также повторяетъ д-ръ Боровскій,—именно то, что „надзоръ за проститутками необходимо усилить, ибо 75% всѣхъ зараженій происходитъ отъ тайной проституціи“ (№ 6 за 1887, стр. 151)!

Отказываясь отыскать обстоятельное выясненіе данныхъ тамъ, гдѣ, ради желанныхъ обобщеній, даже ихъ элементарная ограниченность по мѣсту и времени отодвигалась въ сторону, переходимъ къ обзору матеріаловъ по г. Петербургу.

О данныхъ петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета, по сообщенію г. Өедорова, мы говорили уже выше (стр. 155).

Данныя М. О. Перфильева представляютъ результатъ разспроса о мѣстѣ зараженія сифилисомъ матросовъ, поступавшихъ на излеченіе въ Калинкинскій морской госпиталь въ 1882 г. Принявъ за основной критерій, при распредѣленіи случаевъ заболѣваній, мѣстность зараженія въ смыслѣ улицы, переулка и т. п., г. Перфильевъ обращается лишь какъ къ дополнительному признаку къ указанію на то, произошло ли зараженіе въ публичномъ домѣ или въ номерахъ, на квартирѣ и пр. Только случаи зараженія „отъ собственной жены“ и „въ баняхъ“, „въ купальняхъ, съ неизвѣстными“, онъ не разбиваетъ на отдѣльныя группы, смотря по мѣстности, гдѣ больной имѣлъ роковую связь. Такая группировка послѣдовательно приводитъ г. Перфильева къ выводу, что „наибольшее количество зараженій приходится на бани, съ неизвѣстными женщинами“. Въ самомъ дѣлѣ, „въ баняхъ“ заразилось 35 человѣкъ, тогда какъ въ публичныхъ домахъ Средней Мѣщанской всего только—15. А между тѣмъ въ домахъ терпимости этой Средней Мѣщанской заразилось больше, чѣмъ въ публичныхъ домахъ каждой другой мѣстности!... (Медиц. прибавл. къ Морскому Сборн., янв. 1884 г., стр. 41—44).

Если мы, однако, оставимъ въ сторонѣ этотъ новый своеобразный пріемъ истолкованія цифръ въ пользу регламентаціи и подсчитаемъ числа зараженій въ публичныхъ домахъ различныхъ мѣстностей Петербурга, то будемъ имѣть въ итогѣ—82 случая. Въ процентномъ отношеніи къ общему числу обнятыхъ опросомъ г. Перфильева случаевъ зараженія въ столицѣ, за вычетомъ одного случая заболѣванія отъ собственной жены, (250), это составитъ 32,8%. Такимъ образомъ, по данныхъ г. Перфильева слѣдуетъ, что въ однихъ только домахъ терпимости заразилось сифилисомъ около третьей части всѣхъ заболѣвшихъ въ Петербургѣ матросовъ. Не забудемъ, при этомъ, что въ 1882 г. здѣсь подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ, помимо 1462 женщинъ домовъ терпимости, состояло еще 3037 одиночекъ! (Өедоровъ, В. О. Г., май 1890 г., стр. 54).

Д-ръ Кнери, докладывая одесскому военно-санитарному обществу, въ засѣданіи 22 ноября 1887 г., „о мѣрахъ для

уменьшенія заболѣванія венерическими болѣзнями въ войскахъ, расположенныхъ въ г. Одессѣ", замѣтилъ, что онъ въ прежніе годы хотя и дѣлалъ опросы о мѣстѣ зараженія, но не вносилъ ихъ въ исторіи болѣзни и только положившись на память можетъ сказать, что большинство указывало на зараженіе въ домахъ терпимости. Но для времени съ половины 1885 по іюль 1887 г. въ его распоряженіи имѣются уже вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія: „Съ половины 1885 г. по 1886 г. мною сдѣлано 108 опросовъ у заразившихся сифилисомъ и мягкимъ шанкромъ, при чемъ оказалось, что 70 или 65% заразились въ домахъ терпимости и 38 отъ одиночекъ, тайныхъ проститутокъ и неизвѣстныхъ; за 1886 г. мною сдѣлано 286 опросовъ, при чемъ изъ нихъ (опрошенныхъ) 170 или 59% заразилось въ домахъ терпимости и 61 или 21% отъ явныхъ и тайныхъ проститутокъ и 55 не могли указать мѣста зараженія. Съ 1 января по 1 іюля 1887 г. мною полученъ точный отвѣтъ на 103 опроса, при чемъ 85 или около 82% заразились въ домахъ терпимости и 18 или 17% у прочихъ" (Военно-Санит. Дѣло, № 18 за 1888 г., стр. 225 и 226).

Цифры д-ра Кнери (замѣтимъ кстати—сторонника регламентаціи по своимъ воззрѣніямъ) такъ рѣзко говорятъ не въ пользу полиціи нравственности, что, кажется, не лишне предвосхитить сомнѣніе, не играла ли роли въ данномъ опросѣ какая-нибудь особая полицейская задача, которая заставила покривить душою опрошенныхъ лицъ? Вѣдь извѣстно, что, въ виду особаго циркуляра главнаго штаба отъ 30 сентября 1882 г. за № 1350, опросъ нижнихъ чиновъ можетъ преслѣдовать не столько интересы знанія, сколько интересъ сыска женщины, „виновный" въ зараженіи (Труды, т. 1, Шолковскій, Сифилисъ въ арміи, стр. 41 и 42). А изъ отчетовъ окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ явствуетъ, что нравственный кругозоръ солдата еще не „возвысился" до такого уровня, чтобы ради общественно-санитарныхъ соображеній охотно выдавать полиціи свою настоящую любовницу (тамъ же, стр. 42 и 43).

Не сомнѣваясь въ серьезности такихъ соображеній, мы спѣшимъ, однако, отмѣтить ихъ неумѣстность въ сужденіи о данныхъ д-ра Кнери. „Считаю долгомъ добавить, заявлялъ г. Кнери военно-санитарному обществу по поводу сообщенныхъ

имъ цифръ, что возраженія, дѣлаемыя нѣкоторыми врачами, чте нижніе чины даютъ неправильныя показанія о мѣстѣ зараженія, въ данномъ случаѣ не примѣнимы. Дѣйствительно, въ первое время, пока больные не узнали, что я не преслѣдую никакихъ полицейскихъ цѣлей, они уклонялись отъ отвѣта, но вскорѣ, убѣдившись, что за эти показанія ихъ не будутъ водить въ дома терпимости для конфронтаціи съ проститутками и они вообще не подвергнутся никакой отвѣтственности, они стали давать правильныя показанія; при этомъ не разъ случалось, что указавшій при поступленіи неправильно на мѣсто зараженія, черезъ 2—3 дня, подъ вліяніемъ товарищей, сознавался въ этомъ и исправлялъ свое показаніе" (В.—С Д., № 18 за 1888 г., стр. 226).

Однако, быть можетъ, одесскія данныя покажутся читателю не столь убѣдительными именно потому, что они опираются исключительно, всецѣло на довѣріе къ опрошеннымъ больнымъ. Тогда пусть онъ обратитъ вниманіе, переходя къ нижеслѣдующимъ цифрамъ, что въ варшавскомъ военномъ округѣ, какъ объ этомъ сообщаетъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, д-ръ Шолковскій, нижніе чины, давшіе при опросахъ ложныя или уклончивыя показанія, подвергаются дисциплинарному взысканію (Труды, т. 1, Сифил. въ арміи, стр. 43).

Данныя варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя мы заимствуемъ изъ сообщенія старшаго врача 15-го сапернаго баталіона А. Н. Стрѣльцова „О заболѣваемости сифилисомъ и венерическими болѣзнями въ войскахъ Варшавскаго военнаго округа". Это—его докладъ комиссіи по собиранію матеріаловъ для всероссійскаго съѣзда 1897 г., состоявшей при мѣстной врачебной управѣ.

Изъ доклада явствуетъ, что цифры г. Стрѣльцова представляютъ распредѣленіе источниковъ заболѣванія сифилисомъ нижнихъ чиновъ названнаго госпиталя, „гдѣ, по его словамъ, находилось большое количество больныхъ".

«Въ 1893 г., по показаніямъ больныхъ, заразилось въ домахъ терпимости 72%, отъ «шляющихся» женщинъ, какъ выражаются солдаты, 25,4%, остальные 2,6% приходятся на прислугу. Иныя отношенія замѣчаются между заболѣвшими внѣ Варшавы, на провинціи. Тамъ въ домахъ терпимости заразилось только 38,3%, отъ бродячихъ проститутокъ, внѣ домовъ терпимости 48%, отъ прислуги и крестьянокъ 13,7%.

Въ 1892 г., опять таки по показаніямъ больныхъ, въ Варшавѣ заразилось въ домахъ терпимости 66,6%, отъ проститутокъ, внѣ домовъ терпимости 30% и отъ прислуги—3,4%. Внѣ Варшавы (на провинціи) заразилось въ домахъ терпимости немного менѣе половины, внѣ домовъ терпимости отъ проститутокъ—нѣсколько болѣе половины и отъ прислуги и крестьянокъ всего только 7,7%.

Въ 1890 г. въ Варшавѣ заразилось въ публичныхъ домахъ 75%.»

Къ этому г. Стрѣльцовъ присовокупляетъ, что приблизительно такія же отношенія отмѣчаются въ отчетахъ за эти годы и для мягкаго шанкра и перелоя.

Къ тому выводу, что въ г. Варшавѣ больше зараженій нижнихъ чиновъ получается отъ женщинъ домовъ терпимости, по его словамъ, пришла также нѣсколько лѣтъ тому назадъ и комиссія, состоявшая при варшавскомъ окружномъ военно-медицинскомъ управленіи и имѣвшая своею задачею выработку мѣръ для ограниченія заболѣваемости венерическими болѣзнями въ войскахъ.

Все это даетъ намъ, кажется, основаніе признать по существу неправильнымъ выводъ г. Боровскаго, будто по *всѣмъ* наблюденіямъ *громадное* большинство случаевъ зараженія солдатъ происходитъ отъ пользованія проституціей тайной. Конечно, д-ру Боровскому, въ качествѣ спеціалиста, было легче лучше насъ ознакомиться съ литературою чуждой намъ области; однако, насколько намъ, съ его помощью, удалось оріентироваться въ этой литературѣ, мы позволимъ себѣ думать, что „всѣ наблюденія", подтверждающія выводъ г. Боровскаго, въ значительной степени исчерпываются одними лишь личными его наблюденіями въ кіевскомъ госпиталѣ. Что, въ самомъ дѣлѣ, присоединить къ послѣднимъ: данныя саратовской комиссіи, до 75% д-ра Томашевскаго...

Д-ръ Боровскій ссылается еще на результаты десятилѣтнихъ опросовъ солдатъ въ г. Архангельскѣ Ю. А. Космовскимъ, но мы намѣренно отодвигаемъ данныя почтеннаго дѣятеля общества архангельскихъ врачей въ сторону.

Результаты опросовъ д-ра Космовскаго, какъ это видно изъ его сообщенія названному обществу, сводились къ тому, что, при довѣріи къ показанію нижнихъ чиновъ, „болѣе 90% случаевъ зараженія солдатъ въ г. Архангельскѣ пришлось бы

признать происшедшими отъ сношенія съ явными проститутками" (Протоколы и труды Общества за 1884 г., вып. 1, стр. 29). Для того, чтобы избѣжать подобнаго признанія, противнаго тенденціямъ сторонника регламентаціи, д-ръ Космовскій обратился къ пріемамъ „тщательной провѣрки" показаній заболѣвшихъ нижнихъ чиновъ. Если поднадзорная проститутка, на которую, какъ на источникъ зараженія, указывалъ солдатъ, при „переосвидѣтельствованіи" оказывалась здоровою, правдивость показанія послѣдняго подвергалась сомнѣнію: слѣдовалъ вторичный „допросъ", и если нижній чинъ настаивалъ на прежнемъ своемъ показаніи, ему грозила очная ставка съ предметомъ его интимной связи... Позволительно сомнѣваться, что болѣе была пригодна гарантировать такая провѣрка, совпаденіе ли показаній съ дѣйствительностью или скорѣе только съ выводомъ, соотвѣтствующимъ стремленію регламентиста?

Названная провѣрка привела д-ра Космовскаго къ слѣдующему выводу: „На долю состоящихъ въ вѣдѣніи врачебно-полицейскаго надзора проститутокъ приходится менѣе 10% всѣхъ случаевъ зараженія солдатъ венерическими болѣзнями, да и то преимущественно перелоемъ. Наибольшій же процентъ зараженій солдатъ происходитъ въ тайныхъ притонахъ, трактирахъ, кабакахъ и пр. отъ бродячихъ женщинъ... Затѣмъ, источникъ зараженія солдатъ въ довольно значительномъ числѣ случаевъ остается вовсе не открытымъ, частью отъ того, что солдатъ заразился въ пьяномъ видѣ, частью отъ того, что онъ утаиваетъ виновницу болѣзни, боясь потерять ея расположеніе, какъ своей любовницы". „Словомъ, заключаетъ г. Космовскій, наши наблюденія, произведенныя при тщательной провѣркѣ показаній заразившихся солдатъ, приводятъ къ тому выводу, что въ 90 случаяхъ изъ 100 зараженіе нижнихъ чиновъ венерическими болѣзнями происходитъ отъ тайныхъ проститутокъ" (тамъ же, стр. 30 и 31).

Но вѣдь для того, чтобы согласовать „довольно значительное число случаевъ", гдѣ, при „тщательной провѣркѣ", источникъ зараженія солдатъ остался не открытымъ, съ 90 случаями изъ 100 зараженій нижнихъ чиновъ отъ тайныхъ проститутокъ, г. Космовскій поступилъ бы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно, если бы онъ стоялъ за совершенную непричастность къ заболѣваніямъ солдатъ поднадзорной проституціи г. Архангельска. Теперь же, полагаясь на заявленіе г. Кос-

мовскаго, что въ 90 случаяхъ изъ ста нижніе чины заражались отъ тайныхъ проститутокъ, мы столь же мало можемъ довѣрить его 10%-амъ зараженій отъ явной проституціи, по даннымъ послѣ провѣрки, какъ мало вѣритъ самъ г. Космовскій въ свои 90% зараженій отъ тѣхъ же проститутокъ, до провѣрки.

И „болѣе 90%“, и „менѣе 10%“ зараженій отъ явныхъ проститутокъ,—и ту, и другую сторону метаморфозы особыхъ пріемовъ „тщательной провѣрки“ г. Космовскаго, допустимо отстранить въ интересахъ самой защиты регламентаціи. Дѣло въ томъ, что въ Архангельскѣ, по заявленію г. Космовскаго, вовсе не имѣется учрежденій, черезъ которыя полиція нравственности оздоровляетъ проституцію по преимуществу,—не было и нѣтъ совсѣмъ домовъ терпимости. Допустивъ, при такихъ обстоятельствахъ, для Архангельска процентъ зараженій отъ явныхъ проститутокъ болѣе низкій, чѣмъ въ другихъ городахъ, гдѣ имѣются въ изобиліи поднадзорные притоны, какъ бы снова въ слабомъ контролѣ за проституціею не усмотрѣть лучшихъ результатовъ сравнительно съ успѣхами, фактически достигаемыми при болѣе совершенныхъ условіяхъ надзора? Вѣдь архангельскіе 10% зараженій нижнихъ чиновъ отъ явныхъ проститутокъ, въ качествѣ показателя „успѣховъ“ полиціи нравственности, уступятъ развѣ лишь проценту зараженій солдатъ въ поднадзорныхъ притонахъ г. Саратова съ регистраціею—на всю губернію—160 женщинъ публичныхъ домовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, только 38 одиночекъ!

Для г. Архангельска за позднѣйшее время мы имѣемъ еще цитируемое г. Боровскимъ въ его литературныхъ справкахъ мнѣніе д-ра П. К. Большесольскаго, что главной причиною усиливающейся заболѣваемости сифилисомъ слѣдуетъ признать тайную проституцію, „борьба съ которою возможна лишь полицейскими мѣрами“ (тамъ же, вып. 2 за 1893 г., стр. 41). Мы могли бы подобрать десятки голыхъ заявленій подобнаго рода, однако останавливать на нихъ вниманіе читателя не считаемъ умѣстнымъ. Простое заявленіе врача о томъ, что, по его наблюденію, большинство солдатъ заражается отъ проституціи тайной, врядъ ли можетъ имѣть какую-либо цѣну, когда опредѣленные цифровые результаты наблюденій другихъ изслѣдователей лишаютъ такое утвержденіе

должнаго кредита. Къ тому же допустимо опасеніе, какъ бы при довѣріи къ подобнымъ заявленіямъ не пришлось иной разъ оказаться въ щекотливомъ положеніи необходимости выбирать между знаніемъ и добросовѣстностью изслѣдователя. Довольствуемся однимъ примѣромъ. Г. Павловъ въ докладѣ съѣзду 1897 г. отъ московскаго военно-медицинскаго управленія заявляетъ, что по даннымъ московскаго военнаго госпиталя „въ громадномъ большинствѣ случаевъ зараженіе сифилисомъ происходитъ не отъ явной, а отъ тайной проституціи". „Этотъ фактъ, присовокупляетъ онъ, былъ указанъ и ранѣе многими врачами для всѣхъ, вообще, войскъ" (В.-М. Ж., окт. 1896 г, стр. 590). Единственное конкретное указаніе: „напр., Томашевскій для Кіева", слѣдующее, въ сопровожденіи газетной ссылки, за этимъ утвержденіемъ, не устранило бы, конечно, недоумѣній, естественно порожденныхъ послѣднимъ, если бы только „*всѣ* войска" г. Павлова не напомнили намъ знакомыхъ „*всѣхъ* наблюденій" д-ра Боровскаго. Пусть эта аналогія несправедлива; но тогда указанный „для всѣхъ, вообще, войскъ" фактъ „громаднаго большинства случаевъ", когда зараженіе нижнихъ чиновъ происходитъ отъ тайной проституціи, окажется, пожалуй, однороднымъ тѣмъ 75% зараженій отъ тайной проституціи, которые, по газетному извѣстію, были открыты въ преніяхъ на второмъ съѣздѣ русскихъ врачей въ Москвѣ!

Что же мы получаемъ въ итогѣ нашихъ изысканій по вопросу объ источникахъ зараженія нижнихъ чиновъ? Лишь относительно Саратова и Кіева въ нашемъ распоряженіи имѣются болѣе или менѣе заслуживающія довѣрія, опредѣленныя цифровыя данныя, которыя показываютъ невысокій процентъ зараженій солдатъ отъ поднадзорныхъ проститутокъ. Любопытно, что эти данныя относятся къ такимъ періодамъ времени, когда въ состояніи врачебно-полицейскаго надзора названныхъ городовъ отчетливо проявились признаки слабости и недостаточности. Напротивъ, по даннымъ, относящимся къ Одессѣ, къ Варшавѣ и къ Петербургу, при сравнительной благоустроенности и силѣ надзора, по крайней мѣрѣ двухъ послѣднихъ центровъ, число зараженій солдатъ отъ зарегистрованныхъ проститутокъ поднимается до весьма высокихъ цифръ, доходя не только до половины, но до 70 и болѣе процентовъ общаго числа опрошенныхъ больныхъ. Положимъ,

чѣмъ меньше обращаются солдаты къ услугамъ поднадзорной проституціи, тѣмъ менѣе вѣроятна зависимость между малымъ числомъ ихъ заболѣваній отъ зарегистрованныхъ проститутокъ и слабымъ надзоромъ, и наоборотъ. Однако, чѣмъ меньше пользуются нижніе чины регистрированной проституціей, тѣмъ на бо́льшую ея санитарную опасность сравнительно съ проституціей тайной, указываютъ цифры ихъ зараженій отъ поднадзорныхъ проститутокъ. Даже при распаденіи числа зараженій солдатъ между зарегистрованными и безконтрольными проститутками поровну, проституція, оздоровленная мѣрами надзора, должна быть признана по крайней мѣрѣ во столько разъ опаснѣе преслѣдуемой—тайной, во сколько нижніе чины обращаются къ послѣдней больше, чѣмъ къ поднадзорной!

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, при обзорѣ протестующаго движенія противъ полиціи нравственности, мы будемъ имѣть случай ознакомить читателя и съ рядомъ другихъ статистическихъ операцій, которыми поддерживается санитарный аргументъ сторонниковъ исключительныхъ мѣръ по надзору за проституціею. Но уже и тотъ запасъ своеобразныхъ пріемовъ регламентистовъ и по обработкѣ цифрового матеріала, и по составленію выводовъ, который мы представили читателю въ настоящей главѣ, даетъ достаточное основаніе для оцѣнки характера ихъ ссылки на санитарное значеніе врачебно-полицейскаго надзора. Въ своей ученой дѣятельности по защитѣ полиціи нравовъ почтенные изслѣдователи на каждомъ шагу грѣшатъ противъ элементарныхъ условій правильнаго вычисленія и допустимыхъ обобщеній. И мы вправѣ утверждать, что своеобразныя уклоненія ихъ статистики въ значительной мѣрѣ объясняются не чѣмъ инымъ, какъ опредѣленной, ярко выраженной, тенденціею къ научному оправданію, во чтобы то ни стало, исключительныхъ мѣръ по надзору за проституціею...

Оставляя въ сторонѣ цифры защитниковъ надзора, говорящія въ дѣйствительности далеко не въ пользу регламентаціи, мы считаемъ умѣстнымъ представить здѣсь рядъ принципіальныхъ соображеній, въ виду которыхъ допустимо рѣшительно усумниться въ санитарной цѣлесообразности исключительныхъ мѣръ полиціи нравовъ.

Регламентація расширяетъ кругъ кліентовъ проституціи, и этимъ способствуетъ росту общаго числа случаевъ зараженія.

Увеличиваетъ кругъ потребителей проституціи полиція нравовъ оттого, главнымъ образомъ, что она ослабляетъ у мужчинъ нравственный импульсъ, отталкивающій отъ разврата, и парализуетъ у нихъ страхъ передъ зараженіемъ.

И среди молодыхъ людей, до учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ включительно, и даже въ семьѣ широко культивируется взглядъ на поднадзорную проституцію, какъ на „естественный и здоровый выходъ“ половымъ потребностямъ. Какое значеніе имѣетъ, при этомъ, идеологія регламентистовъ, можно уже судить по той страстной проповѣди противъ „ложной идеи“ полового воздержанія, которая отпечатлѣлась на страницахъ получившаго широкую популярность среди молодежи труда почтеннаго проф. Тарновскаго „Проституція и аболиціонизмъ“ (ср. особ. стр. 55—58). Авторитетное мнѣніе врача, что половое отправленіе составляетъ для молодого человѣка такую физіологическую потребность, неудовлетвореніе которой не можетъ остаться безнаказаннымъ, что половое воздержаніе „прямо противорѣчитъ гигіенѣ“, слишкомъ гармонируетъ съ живучими инстинктами животной природы человѣка, чтобы его легко могло побѣдить даже и то единодушное опроверженіе, которое оно встрѣтило, по почину проф. Макса Грубера, со стороны современныхъ гигіенистовъ за границею! [1]).

---

[1]) Въ послѣднее время, передъ началомъ семестра, слушателямъ нѣкоторыхъ австрійскихъ, германскихъ и швейцарскихъ университетовъ вручается, вмѣстѣ съ легитимаціонною картою, особое воззваніе, составленное проф. гигіены Максомъ Груберомъ. Подъ этимъ воззваніемъ, защищающимъ ту мысль, что половое воздержаніе со стороны молодого человѣка можетъ

Ослабляя нравственный импульсъ, отталкивающій отъ проституціи, полиція нравственности, вмѣстѣ съ тѣмъ, парализуетъ въ той или другой степени и самый страхъ передъ зараженіемъ, который въ состояніи и морально павшаго человѣка удержать отъ разврата. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на то успокаивающее значеніе особыхъ отмѣтокъ о здоровьи, которыми черезъ извѣстные промежутки времени врачъ снабжаетъ поднадзорную проститутку.

Намъ могутъ, однако, замѣтить слѣдующее. Положимъ, нельзя отрицать, что и регламентистская проповѣдь противоестественности полового воздержанія, и обѣщаемая полиціею нравовъ гарантія отъ венерическаго зараженія, а въ частности также и легкость отысканія публичнаго дома, и извѣстная степень его мишурнаго комфорта, и самый фактъ оказываемаго ему вниманія, — не играютъ болѣе или менѣе замѣтной роли въ увеличеніи круга лицъ, ищущихъ услугъ проституціи, и самаго количества случаевъ, когда эти лица обращаются къ разврату. Но вѣдь если, благодаря періодическимъ освидѣтельствованіямъ и принудительной эвакуаціи больныхъ, въ поднадзорной средѣ, предлагающей половыя услуги потребителямъ, остаются однѣ только здоровыя женщины, то какимъ же образомъ подобное увеличеніе кліентовъ проституціи, въ состояніи и въ самомъ дѣлѣ повысить общее число случаевъ зараженія?

Этотъ доводъ теряетъ свою силу въ виду того обстоятельства, что періодическіе осмотры и изоляція больныхъ въ состояніи обнаружить и устранить изъ оборота далеко не каждую поднадзорную женщину, опасную въ смыслѣ зараженія.

Какъ фактически производятся у насъ освидѣтельствованія проститутокъ, возможно судить по даннымъ сводного доклада д-ра Штюрмера: на основаніи представленныхъ въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г. отчетовъ, онъ приходитъ къ категорическому заключенію, что дѣло врачеб-

---

быть соблюдаемо безъ всякаго вреда для его физическаго и духовнаго развитія, подписались Buchner, Esmarch, Finkler, Flügge, Forster, C. Fränkel и мн. др. представители каѳедръ нѣмецкихъ университетовъ.

ныхъ осмотровъ въ городахъ Россійской Имперіи поставлено „плохо“. „Смотрятъ часто въ помѣщеніяхъ, гдѣ проститутку нельзя ни раздѣть, ни осмотрѣть ея половыхъ органовъ. Зачастую осмотры производятся наскоро, въ темномъ помѣщеніи, вдобавокъ еще фельдшеромъ или акушеркою“. При этомъ, нечего уже и говорить о такихъ городахъ, какъ Молога, гдѣ проститутокъ осматриваютъ только „ради казеннаго порядка“, или Переяславль, гдѣ осмотры одиночекъ производятъ на „съѣзжей“, въ грязномъ помѣщеніи, на нарахъ, и пр., и пр. И въ такихъ губернскихъ центрахъ, какъ, напр , Астрахань, смотровой пунктъ „тѣсный, холодный, плохо освѣщенный“; „на пунктѣ женщины садятся на вѣнскій стулъ“; „инструментовъ никакихъ“. Въ Саратовѣ при осмотрахъ „маточное зеркало совсѣмъ не въ употребленіи“: осмотръ упрощенъ тѣмъ, что проститутки, садясь на стулъ, сами раздвигаютъ labia majora, „при чемъ, конечно, закрываютъ пальцами шанкръ, если таковой имѣется“. Да надо ли и говорить о провинціи, если въ самомъ Петербургѣ, при образцовомъ надзорѣ, въ центральномъ отдѣленіи комитета „въ теченіи 4-хъ часовъ врачъ зачастую долженъ осмотрѣть 200 женщинъ, а то и болѣе 300“, и въ исключительныхъ случаяхъ „до 410—420“, къ тому же при такихъ условіяхъ, когда на смотровое кресло свидѣтельствуемыя проститутки садятся прямо въ верхней одеждѣ и калошахъ, очень многія на осмотръ являются пьяными, и нѣкоторыя „тутъ же, въ смотровой комнатѣ, мочатся прямо на полъ“... (Простит. въ город., стр. 45 и 46 и стр. 40).

Помимо условій, коренящихся въ фактической постановкѣ освидѣтельствованій, врачебно-полицейскіе осмотры не могутъ и по самому своему существу удовлетворять задачѣ болѣе или менѣе исчерпывающаго обнаруженія въ средѣ поднадзорной проституціи такихъ женщинъ, которыя носятъ въ себѣ источникъ инфекціи. Освидѣтельствованіе въ состояніи открыть у женщины лишь болѣе или менѣе рѣзкія внѣшнія проявленія болѣзни, а между тѣмъ сифилисъ кондиломатознаго періода характеризуется, какъ это установлено новѣйшею сифилидологіею, возможностью зараженія даже при отсутствіи какихъ либо видимыхъ признаковъ.

«Въ настоящее время, писалъ по этому поводу еще въ 1877 г. д-ръ Шперкъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что сифилисъ, при отсутствіи малѣйшихъ наружныхъ проявленій, существуетъ въ теченіе всего кондиломатознаго періода не въ латентномъ состояніи, а въ дѣятельномъ; слѣдовательно, въ теченіе всего кондиломатознаго періода, будутъ ли существовать наружныя проявленія, или нѣтъ, зараженіе возможно. Присутствіе наружныхъ проявленій (напр., слизистыхъ папулъ) только значительно повышаетъ вѣроятность зараженія, и дѣлаетъ послѣднее почти неизбѣжнымъ при половыхъ сношеніяхъ, сопряженныхъ съ раненіемъ или ссаденіемъ на половыхъ органахъ у здороваго лица; но ежедневный опытъ убѣждаетъ всякаго безпристрастнаго спеціалиста, что отрицательный результатъ наружнаго осмотра у лица, находящагося въ кондиломатозномъ періодѣ сифилиса,—никогда *не можетъ* и *не долженъ служить гарантіей* безопасности для здороваго лица при очень тѣсныхъ сношеніяхъ съ нимъ, такъ, напр., при половомъ сношеніи» (Къ статистикѣ сифилиса, Сборникъ соч. по суд. мед., т. 1 за 1877 г., отд. 1, стр. 144).

«Мы вправѣ установить слѣдующій тезисъ, заявляетъ, съ своей стороны, въ 1889 г. проф. Стуковенковъ,—зарегистрованная проститутка, находящаяся въ кондиломатозномъ періодѣ, подвергаетъ мужчинъ, своихъ кліентовъ, серьезной опасности заполучить сифилисъ даже тогда, когда у нея нѣтъ никакого видимаго проявленія болѣзни» (La réglementation, R. de M. Pr., 1889 № 10, p. 168).

Имѣя въ виду, что при рецидивахъ вторичнаго сифилиса поднадзорныя проститутки помѣщаются въ больницу лишь до исчезновенія видимыхъ симптомовъ, а межрецидивный періодъ продолжается въ теченіе долгихъ лѣтъ, и зная при этомъ, что въ личномъ составѣ, по крайней мѣрѣ, поднадзорныхъ притоновъ болѣе или менѣе высокій процентъ составляютъ вторичныя сифилитки (ср. выше, стр. 121, 122 и 133),—слѣдуетъ необходимо признать, что и осмотръ, и изоляція даютъ лишь весьма призрачную надежду на то, будто ими достигается и можетъ быть достигнуто надлежащее обезвреженіе среды подконтрольной проституціи отъ элементовъ, способныхъ къ разнесенію сифилитической инфекціи [1]). А если

---

[1]) Д-ръ Шперкъ удостовѣряетъ, «на основаніи точной статистики въ теченіе четырехъ лѣтъ, что на долю женщинъ, находящихся въ кондиломатозномъ періодѣ, должно приходиться какъ minimum $^6/_7$ всего числа годичнаго зараженія мужчинъ, и самое большее что $^1/_7$ заражается отъ женщинъ,

мѣры полиціи нравовъ не въ силахъ, такимъ образомъ, доставить потребителю среды, дѣйствительно гарантирующей его отъ опасности заразиться, то уже тѣмъ самымъ разбираемый доводъ противъ нашего тезиса о ростѣ количества случаевъ зараженія съ увеличеніемъ кліентовъ проституціи окажется опровергнутымъ.

Опираясь на дома терпимости, регламентація увеличиваетъ кругъ кліентовъ каждой отдѣльной проститутки, ускоряетъ ихъ мѣну, и тѣмъ умножаетъ шансы зараженія.

Здѣсь позволительно привести нижеслѣдующія соображенія г. А. Рубиновскаго изъ Петербурга.

«Всякая торговля, пишетъ онъ въ докладѣ, представленномъ въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г., только тогда можетъ идти постоянно и успѣшно, когда для этой торговли есть особые рынки, куда всякій желающій купить или продать является въ полной увѣренности, что онъ найдетъ нужнаго ему продавца или покупателя... Только тогда женщина можетъ промышлять исключительно развратомъ, когда она имѣетъ всегда покупателя, и чѣмъ концентрація рѣзче проведена, тѣмъ женщина, caeteris paribus, въ данный промежутокъ времени больше находитъ покупателей. Уничтожьте рынки разврата, и проститутка, имѣющая теперь сношенія съ 4—5 мужчинами въ день, едва ли всегда найдетъ хотя бы одного. Такъ, наши оффиціальныя одиночки рѣдко имѣютъ больше одного мужчины въ сутки,—хотя и существуютъ у насъ сравнительно сильная концентрація этихъодиночекъ (гостиницы, бани, бульвары, Эрмитажъ, Аркадія..), между тѣмъ женщины публичныхъ домовъ въ сутки въ среднемъ имѣютъ 4—5 мужчинъ, а подъ праздники гораздо больше. Да это и понятно. Одиночкѣ прежде, чѣмъ найти покупателя, надо сперва выйти изъ своей квартиры на улицу или бульваръ и истратить часъ, два, три на поиски. Затѣмъ, найдя покупателя, надо отправиться въ семейныя бани, гостиницу или иное укромное мѣстечко. Все это и займетъ столько времени, что женщина при всемъ своемъ желаніи и при всей гостепріимности бань и гостиницъ, рѣдко сумѣетъ продать себя болѣе, чѣмъ одному покупателю. Не

имѣющихъ первичный склерозъ (Сборн. соч. по суд. мед., т. 1 за 1877 г., стр. 146). При такихъ условіяхъ совершенно правъ проф. Стуковенковъ, когда онъ утверждаетъ: «объявляя здоровыми проститутокъ, вступившихъ въ кондиломатозный періодъ сифилиса, и выдавая, въ качествѣ гарантіи, свое удостовѣреніе, санитарная полиція допускаетъ лжесвидѣтельство» (тезисъ доклада, представленнаго въ секцію гигіены женевскаго конгресса междунар. федераціи аболиціонистовъ; R. de M. Pr., 1889 № 10, p. 170).

будь же гостепріимныхъ гостиницъ и бань, не будь такихъ рынковъ разврата, какъ танцклассы, Эрмитажи, Парадизъ, подозрительные погребки съ зельтерской водой и безъ оной,—тогда, конечно, найти и одного покупателя было бы весьма трудно и женщинѣ пришлось бы довольствоваться двумя, тремя мужчинами въ недѣлю» (Концентрація проститутокъ, какъ коренной недостатокъ современной регламентаціи).

Благодаря регламентаціи, у поднадзорныхъ проститутокъ парализуются мотивы и исчезаетъ возможность беречься зараженія.

Мы имѣли случай выяснить, что женщина, продающая себя тайно, нерѣдко остается работницею, выходя на улицу лишь для того, чтобы восполнить недостатокъ своего скуднаго бюджета или выдержать тяжесть періода безработицы; какъ намъ извѣстно, иногда она даже продолжаетъ оставаться въ семьѣ, поддерживаетъ престарѣлаго отца, воспитываетъ малолѣтку— сестру, вскармливаетъ своего покинутаго ребенка. При такихъ обстоятельствахъ, она имѣетъ много стимуловъ беречься зараженія, и въ сношеніяхъ съ мужчинами естественно проявляетъ всю доступную ей степень осторожности. Она выбираетъ потребителя и предпочитаетъ, по возможности, продолжительныя связи.

Въ иномъ положеніи оказывается проститутка—одиночка, состоящая подъ врачебно-полицейскимъ контролемъ: стѣснительный режимъ, связывающій ея свободу, обыкновенно лишаетъ ее трудового заработка и заставляетъ порвать послѣднія связи съ семьей; она отдается всецѣло проституціи; чтобы просуществовать, ей надо больше посѣтителей: быть разборчивою въ ихъ выборѣ не приходится,—а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляется охота и исчезаетъ досугъ беречься зараженія.

Условія, умножающія вѣроятность послѣдняго для проститутки одиночки, еще съ большею интенсивностью должны проявиться на проституткѣ дома терпимости: интересъ притона отучить ее отъ всякаго труда, чтобы тѣмъ тѣснѣе связать съ грязнымъ промысломъ, и путемъ постепеннаго алкогольнаго отравленія заглушить въ ея душѣ каждый возможный протестъ противъ гнетущаго состоянія рабыни веселья. Облѣнившаяся, обыкновенно полупьяная, проститутка дома терпимости становится инертною въ борьбѣ за жизнь, индифферентною въ защитѣ своего организма отъ венерическаго яда. Да и при всемъ своемъ желаніи беречься, она не въ состоя-

ніи была бы этого сдѣлать: за ничтожными исключеніями, она фактически обязана отдаваться каждому, требующему ея тѣло, посѣтителю!

Регламентація подавляетъ инстинктъ самозащиты индивида отъ зараженія.

Въ отношеніи состоящихъ подъ надзоромъ проститутокъ этотъ моментъ является выводомъ изъ только что приведенныхъ соображеній. Что же касается соотвѣтствующаго вліянія полиціи нравовъ на кліентовъ проституціи, то оно составляетъ очевидное послѣдствіе того ложнаго удостовѣренія безвредности, въ смыслѣ инфекціи, сношеній съ проституткою, въ которое, завѣдомо для органовъ надзора и въ глубокое заблужденіе общества, обращается отмѣтка о здоровьи поднадзорной женщины, свидѣтельствующая въ сущности не болѣе, какъ объ отсутствіи замѣченныхъ врачемъ при осмотрѣ внѣшнихъ проявленій болѣзни.

Регламентація отвращаетъ безконтрольныхъ женщинъ, продающихъ себя тайно, отъ леченія.

Если для пополненія состава поднадзорной проституціи приходится обращаться даже къ такимъ формамъ насилія, какъ облава на ютящихся въ углахъ, въ ночлежкахъ и на безпріютныхъ женщинъ, то, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что далеко не съ мыслью о санитарномъ благодѣяніи соединяется у тайной проститутки представленіе о врачебно-полицейскомъ надзорѣ. Хотя подчиненіе надзору даетъ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ преимущество болѣе или менѣе безпрепятственно отправлять позорный промыселъ, однако проститутка предпочитаетъ тщательно скрываться отъ бдительности врачебно-полицейской агентуры, какихъ бы неудобствъ ей это не стоило, и продавать себя безконтрольно. Даже и ближайшее знакомство съ задачами полиціи нравственности не убѣждаетъ женщины въ благодѣтельномъ значеніи для ея здоровья врачебно-полицейскихъ мѣръ; объ этомъ краснорѣчиво говорятъ высокія цифры проститутокъ, ежегодно ускользающихъ изъ подъ контроля: достаточно сказать, что число „укрывшихся отъ надзора“ въ Петербургѣ доходило, въ 1889 г, до количества 550 женщинъ, что составитъ 18,8% проститутокъ, числившихся по спискамъ къ 1 январю названнаго года (2915), и 63%—вне-

сенныхъ въ списки въ теченіе этого года (872)! (Ѳедоровъ, В. О. Г., янв. 1892 г., отд. 2, стр. 63 и 64).

При такихъ обстоятельствахъ вполнѣ основательно серьезное опасеніе, какъ бы тотъ страхъ и то отвращеніе, которыя отталкиваютъ женщину отъ санитарныхъ заботъ полиціи нравственности, не заставили ея уклониться и вообще отъ поступленія въ больницу и отъ обращенія за врачебною помощью. Боязнь навлечь на себя подозрѣніе, выдать себя въ руки врачебно-полицейской агентуры, можетъ быть и не имѣющая иной разъ достаточныхъ основаній въ дѣйствительности, при темнотѣ, невѣжествѣ простой русской женщины, страдающей „дурною болѣзнью", пріобрѣтаетъ, несомнѣнно, глубокое значеніе въ рѣшеніи санитарныхъ вопросовъ: и мы рѣшительно не въ состояніи объяснить простымъ недоразумѣніемъ то обстоятельство, что регламентисты, выясняя выгоды принудительной секвестраціи, обходятъ этотъ моментъ совершеннымъ молчаніемъ!

Всероссійскій съѣздъ 1897 г. постановляетъ: „Принудительность въ дѣлѣ лѣченія сифилитиковъ не должна допускаться ни въ какомъ случаѣ и вообще всякія насильственныя по отношенію къ населенію мѣры борьбы съ сифилисомъ являются тормазомъ, какъ въ дѣлѣ собственно лѣченія, такъ и особенно въ дѣлѣ обнаруженія сифилиса" (Постановл., стр. 14). Допуская, въ то же время, предоставленіе проституціи „полностью.. административно - врачебному надзору", съѣздъ самъ выдвигаетъ этотъ тормазъ: прельщаясь насильственнымъ удаленіемъ въ больницы нѣсколькихъ десятковъ и сотенъ поднадзорныхъ проститутокъ на мѣстность, онъ соглашается, подъ давленіемъ регламентистскихъ тенденцій, на отвращеніе отъ врачебной помощи многихъ тысячъ тайно проституирующихъ женщинъ, которыя упорно не поддаются надзору или искусно отъ него укрываются! Мало того,—мы пойдемъ дальше и поставимъ вопросъ: не должно ли послѣдовательно признать институтъ, который вплетаетъ гуманный принципъ врачебной помощи въ иго закрѣпощенія, серьезнымъ тормазомъ въ дѣлѣ борьбы съ венерическими болѣзнями и для всего вообще недостаточнаго женскаго населенія Россіи, въ которомъ и безъ того такъ слабо развито довѣріе къ врачу, чтобы можно было безъ риска соединять имя послѣдняго

съ мыслью о полиціи, съ представленіемъ объ исключительномъ режимѣ?

Регламентація ослабляетъ мотивы и умаляетъ возможность скорѣйшей организаціи цѣлесообразной борьбы съ венерическими болѣзнями.

Увѣряя, что проститутка добровольно не идетъ лечиться, идеологи надзора совершенно игнорируютъ, въ какой степени вина въ этомъ лежитъ на самой регламентаціи. Продолжая настаивать на принудительной вербовкѣ больныхъ въ лечебницы, они не замѣчаютъ и того ряда случаевъ, когда инстинкту самосохраненія удается побѣдить отрицательное вліяніе исключительныхъ мѣръ надзора. Въ Петербургѣ, въ помѣщающуюся на одной изъ окраинъ города безплатную женскую амбулаторію Калинкинской больницы идутъ ежегодно тысячи женщинъ, страдающихъ венерическими болѣзнями; онѣ терпѣливо ожидаютъ въ теченіе 4—5 часовъ своей очереди, жертвуютъ для полученія врачебнаго совѣта цѣлыми рабочими днями,—и если, дѣйствительно, не всѣ, въ надлежащихъ случаяхъ, выражаютъ желаніе воспользоваться больничнымъ режимомъ, то, какъ оказывается, не всегда потому, что „не хотятъ лечиться". Въ подтвержденіе этого мы воспользуемся слѣдующимъ указаніемъ д-ра Обозненко.

Калинкинская больница, единственная въ столицѣ и для проститутокъ, и для всѣхъ вообще женщинъ, больныхъ венерическими и кожными болѣзнями, имѣетъ въ своемъ распоряженіи всего около 200 кроватей для такъ называемыхъ «вольныхъ» женщинъ и дѣтей... Посторонній наблюдатель, не слыша въ пріемномъ покоѣ больницы требованій принять больную, по малому числу выданныхъ больницею отказныхъ билетовъ, можетъ подумать, что, тѣмъ не менѣе, все обстоитъ благополучно и отказовъ, дѣйствительно, бываетъ мало. «Къ сожалѣнію, это благополучіе—чисто кажущееся. Почти всѣ «вольныя» больныя поступаютъ въ больницу черезъ амбулаторію, изъ нихъ только гуммозныя сифилитки съ обширными язвами сами выражаютъ желаніе пользоваться больничнымъ леченіемъ, сифилитки-же свѣжаго и кондиломатознаго періодовъ болѣзни въ большинствѣ случаевъ не сознаютъ ни тяжести своей болѣзни и необходимости больничнаго леченія, ни своей опасности для окружающихъ, и амбулаторному врачу, знающему о недостаткѣ мѣстъ, стоитъ только воздержаться отъ уговоровъ и совѣтовъ лечь въ больницу, чтобы уменьшить число желающихъ до не-

обходимаго размѣра. Въ этомъ и весь секретъ». (Поднадз. простит., стр. 54; Матеріалы, В. О. Г., май 1898 г., стр. 385, февр. 1899 г., стр. 163, и мартъ 1899 г., стр. 276).

Сколь мало истинный санитарный моментъ, дѣйствительное привлеченіе сифилитокъ въ больницы, можетъ быть признанъ настоящею задачею регламентаціи, это подтверждаетъ не одинъ только грустный секретъ, раскрываемый д-ромъ Обозненко въ отношеніи женщинъ, добровольно прибѣгающихъ къ врачебной помощи. Институтъ врачебно-полицейскаго надзора,—далеко не дешево стоющее учрежденіе, особенно если имѣть въ виду, что суммы, опредѣленно ассигнуемыя на его полицейскую сторону, составляютъ, быть можетъ, лишь одну ничтожную долю въ томъ, что въ самомъ дѣлѣ расходуется изъ народной экономіи на его поддержаніе,—не обезпечиваетъ надежной больничной помощи даже и для принудительно привлекаемыхъ къ контролю, ради леченія, проститутокъ.

Какъ удостовѣряетъ въ своемъ сводномъ докладѣ д-ръ Штюрмеръ, изъ представленныхъ къ съѣзду 1897 г. отчетовъ видно, что „почти вездѣ чувствуется недостатокъ въ больничныхъ мѣстахъ для леченія проститутокъ отъ специфическихъ заболѣваній“ (Простит. въ город., стр. 59). Не говоря уже объ уѣздныхъ городахъ, откуда больныхъ приходится иногда, за неимѣніемъ мѣстныхъ больницъ, или *высылать* изъ города, или отправлять *по этапу* (ср. докладъ эстляндскаго губерн. врач. инспектора относительно г. Гапсаля) въ ближайшій губернскій городъ, даже въ такихъ центрахъ, какъ Нижній-Новгородъ, Саратовъ, Томскъ, Кіевъ и др., за недостаткомъ мѣстъ не всѣ проститутки, подлежащія принудительному леченію, могутъ быть приняты въ больницу. Въ цѣломъ рядѣ городовъ выписываютъ изъ больницы раньше времени, недолеченными, для скорѣйшаго освобожденія кроватей. Вопреки Высочайше утвержденнымъ 27 марта 1862 г. и 15 декабря 1867 г. положеніямъ комитета министровъ, тамъ и сямъ съ проститутокъ взыскиваютъ за леченіе отъ венерическихъ болѣзней плату, иногда, какъ въ Дербентѣ, за цѣлый мѣсяцъ впередъ, или, какъ въ Батумѣ, еще дороже, чѣмъ съ другихъ

женщинъ [1]). При этомъ допустимо сомнѣніе, является ли совершенно исключительною въ провинціи такая больничная обстановка, какъ въ г. Ревелѣ, гдѣ сифилитическое отдѣленіе на десять кроватей для проститутокъ и прочихъ женщинъ помѣщается въ одной жалкой комнатѣ, плохо освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, крайне грязной и настолько пропитанной копотью отъ лампъ и всевозможными испареніями, что постороннему посѣтителю невозможно оставаться въ ней нѣсколько минутъ (ср. вышеупом. докладъ эстляндскаго врач. инспектора относительно г. Ревеля). Замѣтимъ въ заключеніе, что и въ Петербургѣ, какъ ни образцово поставлена мѣстная Калинкинская больница, больныхъ проститутокъ, присланныхъ врачебно-полицейскимъ комитетомъ, при недостаткѣ свободныхъ мѣстъ, „кладутъ, нерѣдко, по двое на одну кровать, ставятъ кровати въ корридорахъ и перевязочныхъ", да и при всемъ томъ, ежегодно выписываютъ „извѣстный процентъ недолеченныхъ проститутокъ, въ числѣ которыхъ бываютъ и сифилитки" (Матеріалы, В. О. Г., мартъ 1899 г., стр. 275 и 276; Простит. въ гор., стр. 51—55) [2]).

---

[1]) «Проституткамъ не только не предоставлено, сообщаетъ съѣзду комиссія врачей г. Кронштадта, права безплатнаго леченія, но отказано даже въ пользованіи имъ посредствомъ внесенія въ городскую думу больничнаго сбора. Проститутки должны платить въ госпиталь за каждыя сутки 84 к., что для огромнаго большинства является совершенно не по силамъ, и время пребыванія въ госпиталѣ, лишая, конечно, обычнаго заработка, въ концѣ разоряетъ одиночекъ и закабаляетъ живущихъ въ публичныхъ домахъ, съ содержательницъ которыхъ взыскивается плата за ихъ больныхъ. Вслѣдствіе этого онѣ (содержательницы притоновъ), между прочимъ, стараются избавиться отъ заболѣвшихъ, и одиночки, въ свою очередь, въ случаѣ болѣзни употребляютъ всѣ усилія скрыться отъ глазъ полиціи».

[2]) «Кому изъ врачей неизвѣстно, читаемъ мы по тому же предмету въ диссертаціи д-ра Обозненко, что уретритъ, вагинитъ, катарръ мат. шейки и т. д. нельзя вылечить за одну недѣлю, а между тѣмъ сплошь и рядомъ женщины, присланныя съ этими болѣзнями въ больницу, выписываются оттуда не только черезъ недѣлю, а черезъ два, три дня. Лишь только подъ вліяніемъ спокойной, умѣренной жизни отдѣленіе настолько уменьшится, что женщина получитъ возможность скрыть его, она тотчасъ же и выписывается. Разумѣется, послѣ выпивки (на радостяхъ, по случаю выписки изъ больницы) и прогулки въ Комитетъ, на другой день у нее открываютъ тамъ цѣлые потоки гноя изъ уретры. Приходится либо отправ-

Въ интересахъ успѣшной борьбы съ венерическими болѣзнями все вниманіе правительства и общества должно быть привлечено, прежде всего, къ доставленію нуждающимся надежнаго леченія, безплатнаго, доступнаго каждому и не отталкивающаго больныхъ униженіемъ и грубостью насилія. Изъ изложенныхъ условій и обстоятельствъ явствуетъ, что регламентисты своею авторитетною защитою полиціи нравовъ менѣе всего содѣйствуютъ достиженію указанной цѣли. Напротивъ, мы вправѣ утверждать, что они, работая подъ прикрытіемъ борьбы съ венерическими болѣзнями, въ дѣйствительности упорно противодѣйствуютъ правильной постановкѣ и скорѣйшему разрѣшенію санитарнаго вопроса: отвращая темную женскую массу населенія страны отъ врачебной помощи, при венерическихъ болѣзняхъ, регламентисты въ то же время отвлекаютъ и направляютъ на дѣло прикрѣпленія къ проституціи и тѣ врачебныя силы, и тѣ средства народныя, которыя должны бы были служить всецѣло великой задачѣ защиты общества отъ бича разрушающихъ его здоровье болѣзней [1])!

лять женщину обратно въ больницу, либо, махнувъ рукою, отпустить ее на волю—«все равно—де отъ такого леченія пользы не будетъ!» (Поднадз. простит., стр. 53).

[1]) Позволительно дополнить наши доводы, представляющіе санитарный вредъ регламентаціи, слѣдующими соображеніями проф. В. М. Тарновскаго, сообщенными имъ на 19 году его ученой дѣятельности, за шесть лѣтъ до прочтенія въ засѣданіяхъ русскаго сифилидологическаго общества извѣстной апологіи полиціи нравовъ—доклада «Проституція и аболиціонизмъ».

«Въ настоящее время, пишетъ онъ въ «Отчетѣ консультанта по венер. болѣзнямъ при главномъ военно-медиц. управленіи», тайно проституирующая одиночка заражаетъ несравненно рѣже, чѣмъ оффиціальная, такъ сказать, проститутка публичнаго дома. Всякая одиночка, живущая проституціей, въ особенности еще неизвѣстная врачебно-полицейскому комитету, всегда имѣетъ ограниченный кружокъ лицъ, постоянно посѣщающихъ ее, или одинъ, или два тайныхъ притона, куда она является по приглашенію. Чѣмъ сильнѣе у такой женщины боязнь врачебно-полицейскаго комитета, тѣмъ рѣже бываютъ у нея случайные посѣтители, взятые съ улицы, публичнаго гулянья и т. д. Какъ только подобная проститутка заражается сифилисомъ, то въ короткое время она передаетъ болѣзнь своимъ постояннымъ посѣтителямъ и лишается ихъ матеріальной поддержки... Больная,

Установивъ своеобразный характеръ пріемовъ, при посредствѣ которыхъ регламентисты пытаются доказать санитарную

лишенная постояннаго дохода, не имѣющая права открыто практиковать въ публичныхъ мѣстахъ изъ боязни преслѣдованія комитета, она быстро входитъ въ долги, расплатиться съ которыми дѣлается возможнымъ лишь, если она запродастъ себя въ публичный домъ. Содержательница дома платитъ долги, кладетъ больную въ больницу, записываетъ ее въ число оффиціальныхъ проститутокъ и по выходѣ изъ больницы принимаетъ въ домъ. Тоже самое, съ гораздо большею легкостью, совершается съ одиночкою, извѣстною врачебно-полицейскому комитету и имѣвшею несчастье заразиться сифилисомъ. Пока здорова,—она можетъ зарабатывать; заболѣла—одинъ исходъ—публичный домъ.

Точно тоже повторяется во всѣхъ городахъ, имѣющихъ врачебно-полицейскіе комитеты, и потому наибольшій контингентъ мѣстныхъ или пришлыхъ проститутокъ поступаетъ въ публичные дома въ раннемъ періодѣ сифилиса, причемъ наиболѣе заразительный стадій болѣзни протекаетъ во время пребыванія этихъ женщинъ въ домахъ терпимости.

„Понятно, чѣмъ энергичнѣе будетъ дѣйствовать врачебно-полицейскій комитетъ, тѣмъ въ болѣе раннемъ періодѣ болѣзни будутъ поступать проститутки въ публичные дома, т. е. тѣмъ болѣе опасный матеріалъ будетъ предоставленъ общественному потребленію».

«Въ первые два года своей болѣзни, указываетъ д-ръ Тарновскій нѣсколько выше, когда сифилисъ протекаетъ въ кондиломатозномъ періодѣ, проститутка можетъ заражать, несмотря на самое добросовѣстное освидѣтельствованіе. Малѣйшая ссадина или изъязвленіе на ея половыхъ частяхъ, способныя пройти въ два, три дня промежутка между освидѣтельствованіями, могутъ передать сифилисъ здоровому человѣку. Мѣсячное отдѣленіе, кровь изъ случайной трещины во время акта совокупленія, едва замѣтно развивающаяся слизистая папула,—или другія явленія, ускользающія даже при тщательномъ осмотрѣ и не имѣющія значенія у женщины, не страдающей сифилисомъ, являются самыми частыми распространителями заразы у проститутки, зараженной сифилисомъ. Кромѣ того, при освидѣтельствованіи женщинъ два раза въ недѣлю, проститутка, получившая на половыхъ частяхъ вполнѣ выраженное явленіе сифилиса, въ видѣ твердаго шанкра или мокнущей папулы, непремѣнно функціонируетъ еще нѣсколько дней въ публичномъ домѣ. Если осмотръ производится еженедѣльно, напр., по вторникамъ и пятницамъ, то женщина, у которой слизистая папула развилась въ субботу, будетъ заражать посѣтителей въ продолженіи трехъ дней. Считая, что женщина въ среднихъ публичныхъ домахъ дѣлаетъ шесть, а въ низшихъ десять совокупленій ежедневно, получится отъ 15 до 30 зараженныхъ субъектовъ отъ одной только проститутки, находящейся подъ правильнымъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ. Сверхъ того, женщина, уже

пригодность исключительныхъ мѣръ надзора, и выяснивъ дѣйствительное значеніе полиціи нравовъ въ распространеніи венерическихъ болѣзней, читатель не затруднится оцѣнить по достоинству научную устойчивость санитарной идеологіи врачебно-полицейскаго прикрѣпленія женщины къ проституціи...

Исходный моментъ дальнѣйшей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключительной главы нашего изслѣдованія составитъ выросшее въ послѣдніе тридцать лѣтъ широкое и мощное общественное движеніе противъ полиціи нравственности. Тотъ

страдающая сифилисомъ и вслѣдствіе этого не могущая заразиться имъ вторично, нерѣдко служитъ источникомъ зараженія, не заболѣвая сама и не представляя въ тоже время никакихъ видимыхъ проявленій болѣзни. Заразительное отдѣляемое твердаго шанкра, напр., оставляемое во влагалищѣ такой женщины однимъ посѣтителемъ, не прививаясь къ ней самой,—потому что она уже имѣетъ сифилисъ,—передаетъ болѣзнь слѣдующему посѣтителю. А число посѣтителей въ извѣстные праздничные дни въ нисшихъ публичныхъ домахъ достигаетъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, нерѣдко до 30 на каждую женщину. Есть ли тутъ возможность тщательно обмыться и вышприцовать влагалище послѣ каждаго совокупленія, въ особенности, если почти каждому совокупленію предшествуетъ питье вина!»

Называя, далѣе, «вполнѣ ложнымъ» то ходячее мнѣніе, что въ настоящее время въ публичныхъ домахъ сифилисомъ заразиться труднѣе, чѣмъ въ тайныхъ притонахъ или у одиночекъ, г. Тарновскій удостовѣряетъ: «Каждому практическому врачу извѣстно, какъ часто, я могу сказать ежедневно, приходится наблюдать больныхъ, заразившихся сифилисомъ въ публичныхъ домахъ, тотчасъ послѣ врачебнаго осмотра проститутокъ. И въ этомъ, повторяю, при существующей регламентаціи проституціи, нельзя винить осматривающихъ врачей. Пока врачебно-полицейскіе комитеты будутъ преслѣдовать ложную идею—уменьшить распространеніе сифилиса *исключительно* путемъ освидѣтельствованія проститутокъ, сифилисъ въ большихъ городахъ будетъ неудержимо распространяться и публичные дома, представляющіе въ глазахъ публики извѣстную гарантію здоровья, будутъ служить главнымъ источникомъ заразы. Нужны многіе десятки лѣтъ и сотни тысячъ новыхъ зараженій, чтобы фиктивность этой гарантіи, при настоящемъ положеніи дѣла, проникла въ сознаніе публики. Лучше полное отсутствіе принудительныхъ мѣръ въ дѣлѣ проституціи, чѣмъ цѣлая система обязательныхъ постановленій, не достигающихъ цѣли, вводящихъ въ обманъ общество призракомъ цѣлесообразности и тѣмъ лишающихъ его возможности сознавать и силу, и истинную причину зла» (Военно-Мед. Журн., февраль 1881 г., стр. 85—89; ср. Простит. и аболиц., стр. 232).

яркій лучъ, который наростающее сознаніе общества бросило этимъ движеніемъ на опредѣленные факты безправія и закрѣпощенія, развившіеся на почвѣ регламентаціи, поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ гнѣздящимися въ ея основаніи интересами корысти и разврата, а своеобразные пріемы того отпора, который почтенные сторонники исключительныхъ мѣръ контроля не замедлили противопоставить общественному протесту, иллюстрируютъ ближайшимъ образомъ дѣйствительный характеръ ихъ возвышенной и авторитетной идеологіи!

Глава четвертая.

Регламентація и аболиціонизмъ.

Выбирая въ предстоящемъ обзорѣ протестующаго движенія противъ полиціи нравственности факты, наиболѣе ярко обличающіе низменную природу системы врачебно-полицейскаго прикрѣпленія женщины къ проституціи, мы остановимся ближайшимъ образомъ на открывающейся съ 1876 г. борьбѣ парижскаго муниципальнаго совѣта съ префектурою полиціи, на брюссельскихъ процессахъ 1880 и 1881 гг. и на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ реформу Криспи въ Италіи (1888—1891 гг.).

Характеризуя пріемы противодѣйствія, оказаннаго регламентистами освободительнымъ требованіямъ, мы разберемъ особо вліятельныя ссылки идеологовъ полиціи нравовъ на санитарную статистику—англійскую, итальянскую, нѣмецкую и норвежскую, какъ на вѣское доказательство будто бы отрицательныхъ для общественнаго здравія послѣдствій отмѣны всей системы регламентаціи и даже только закрытія домовъ терпимости.

Заключеніе мы посвятимъ выясненію стремленій сторонниковъ полиціи нравственности, раскрытію ихъ desiderata, ихъ идеаловъ,—въ которыхъ, быть можетъ, еще рѣзче, чѣмъ въ самой дѣйствительности, выражается санитарная несостоятельность и антисоціальный характеръ исключительныхъ мѣръ надзора за проституціею.

1. Историческій очеркъ.

11 іюня 1866 г. регламентисты торжествовали крупную побѣду: въ этотъ день становился закономъ принятый англій-

свимъ парламентомъ билль о заразныхъ (венерическихъ) болѣзняхъ (29 a. 30 Vict. c. 35; во франц. перев. Congrès de Genève, Matériaux, Fasc. B, p. 5 – 13). Пробивая брешь въ томъ оплотѣ, которымъ для личной свободы издавна является основное конституціонное учрежденіе, лучшій законъ Англіи, ея знаменитый Habeas corpus, Contagious diseases act открывалъ континентальной системѣ полиціи нравовъ доступъ въ тринадцать военныхъ станцій и портовъ Соединеннаго королевства [1]). Общегражданское право—пролетарія и лорда—требовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ стѣсненія личности авторитетной судебной провѣрки основательности и законности такого стѣсненія расшатывалось названнымъ актомъ въ отношеніи къ англійской женщинѣ, въ доброкачественности поведенія и здоровья которой у чиновъ полиціи оказывалось соотвѣтствующее сомнѣніе. Центръ тяжести акта о заразныхъ болѣзняхъ лежалъ въ томъ, что агентамъ полиціи предоставлялось отнынѣ въ территоріальныхъ предѣлахъ дѣйствія акта право лишить свободы любую женщину, въ поведеніи и здоровьи который они усмотрѣли бы соотвѣтствующіе дефекты. Стѣсненія свободы, устанавливаемыя актомъ, простирались отъ принудительнаго періодическаго освидѣтельствованія подозрѣваемой женщины до болѣе или менѣе продолжительнаго ея заключенія въ спеціальный госпиталь, состоящій въ вѣдѣніи адмиралтейства или военнаго министерства и, въ случаѣ уклоненія ея отъ режима врачебно-полицейскихъ мѣръ,—въ тюрьму на срокъ до одного и, при рецидивѣ, до трехъ мѣсяцевъ (ст. 16, 24 и 28). Судебную провѣрку основательности полицейскаго распоряженія о подчиненіи женщины подобнымъ мѣрамъ принужденія актъ обставлялъ такими особенностями, при которыхъ эта провѣрка въ значительной степени утрачивала свое гарантирующее значеніе: полицейскаго агента, рѣшившагося подчинить женщину, въ виду недоброкачественности ея поведенія, соотвѣтствующимъ стѣсненіямъ, актъ освобождалъ отъ обычной обязанности обвинителя доказать на судѣ ссылкою

---

[1]) Это узаконеніе было уже въ нѣкоторой степени подготовлено актомъ 29 іюля 1864 г., допустившимъ въ 11 военныхъ и портовыхъ станціяхъ обязательное періодическое освидѣтельствованіе и заключеніе въ госпиталь проститутокъ, на которыхъ послѣдуетъ оказавшійся основательнымъ оговоръ мужчины въ его зараженіи венерическою болѣзнью.

на факты свое обвиненіе; ст. 15 акта предоставляла полицейскому агенту подтвердить на судѣ присягою, что у него есть достаточныя основанія считать данную женщину проституткою („has good cause to believe that a woman therein named is a common prostitute"); при условіи такого заявленія тяжкое обвиненіе, брошенное въ лицо женщинѣ, предполагалось—безъ какихъ либо дальнѣйшихъ доказательствъ—доказаннымъ, и стѣсненія свободы, которымъ она подлежала, безъ ближайшихъ справокъ основательными и законными.

Интересно отмѣтить, что законъ, такъ или иначе затрагивающій коренныя основы англійской конституціи, за неприкосновенность и развитіе которой въ теченіе столькихъ вѣковъ такъ упорно боролся парламентъ, въ этомъ самомъ парламентѣ проходитъ безъ поправокъ и даже почти безъ возраженій. Этотъ фактъ окажется тѣмъ болѣе знаменательнымъ, если будетъ принято въ соображеніе слѣдующее признаніе, сдѣланное нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія акта о заразныхъ болѣзняхъ Уильямомъ Фаулеромъ (William Fowler), лицемъ, состоявшимъ членомъ англійскаго парламента во время вотированія интересующаго насъ закона.

«Помню, вечеромъ въ январѣ 1870 г., читаемъ мы въ его мемуарѣ, я нашелъ, среди кипы бумагъ на моемъ депутатскомъ столѣ, одну съ подписью «англичанка мать»; это письмо я прочелъ съ глубокимъ интересомъ; оно показало мнѣ, что я въ сущности рѣшительно ничего не зналъ о биллѣ заразныхъ болѣзней. Попытка освѣдомиться по этому вопросу у нѣсколькихъ коллегъ по парламенту обнаружила, что они знали объ этомъ законѣ не больше моего. Товарищи—депутаты совѣтовали мнѣ поднять это дѣло въ парламентѣ, на что я, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, вызванныхъ особымъ характеромъ предмета, и рѣшился внесеніемъ билля объ устраненіи Contagious diseases act'a» (Congrès de Genève. Actes, t. I, p. 24).

Характеристику и отчасти объясненіе обстановки, при которой проходилъ въ парламентѣ билль заразныхъ болѣзней даетъ въ слѣдующихъ словахъ одинъ изъ журналовъ аболиціонистскаго движенія, The Medical Enquirer: „все дѣло было обставлено такою таинственностью и такъ искусно, что врядъ ли даже одинъ на двадцать изъ членовъ парламента имѣлъ какое нибудь представленіе о биллѣ; вообще же предполагали, что рѣчь идетъ о какомъ то мѣропріятіи, касающемся рогатаго скота,—и такимъ образомъ не могли дать себѣ отчета о

нарушенія конституціи, совершенномъ послѣ полночи, передъ почти пустыми скамьями парламента“ (1875, p. 8).

Не постѣснившись воспользоваться такимъ, по меньшей мѣрѣ, необычайнымъ путемъ для осуществленія своихъ стремленій, приверженцы акта заразныхъ болѣзней 1866 г. на этомъ одномъ законѣ не остановились. Первоначально—и это, быть можетъ, было однимъ изъ маневровъ, способствовавшихъ проведенію билля, область дѣйствія мѣропріятій послѣдняго ограничивалась тѣсными предѣлами какихъ нибудь тринадцати военныхъ и портовыхъ станцій страны. Послѣ удачнаго превращенія билля въ законъ оставалось, въ разсчетѣ на невѣдѣніе и заблужденіе большинства членовъ парламента, распространить его дѣйствіе на всю территорію Соединеннаго королевства: дополнительнымъ актомъ 11 августа 1869 г. число отдѣльныхъ мѣстностей, охваченныхъ дѣйствіемъ новаго закона, расширяется до 19; еще за годъ до этого времени въ палату лордовъ поступаетъ билль о подчиненіи режиму Contagious diseases act'a г. Лондона... (32 a. 33 Vict. c. 96; Congrès de Genève, Matériaux, Fasc. B, p. 14—16; p. 23).

Дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи не успѣли сдѣлать сторонники актовъ. Протесты,—сперва единичные, разрозненные, въ общественной средѣ, чуткой къ вопросамъ, касающимся ея свободы, скоро выросли въ широкое и мощное движеніе, характерно названное Ивомъ Гюйо крестовымъ походомъ въ защиту женщины. Зачатками этого общественнаго движенія, извѣстнаго по первоначально поставленной имъ задачѣ—добиться отмѣны (abolition) актовъ заразныхъ болѣзней—подъ именемъ аболиціонистскаго движенія, были протесты лондонскаго Rescue Society (общества по освобожденію женщинъ изъ вертеповъ) и, далѣе, призывъ, поднятый врачами Тэйлоромъ и Уортсомъ, статистикомъ Hooppell и др., на бристольскомъ конгрессѣ соціальныхъ наукъ. Засимъ слѣдовало образованіе спеціально задавшейся цѣлью вытѣснить Contagious diseases acts „національной ассоціаціи англійскихъ дамъ“. 1 января 1870 г. въ листкѣ Daily News появился манифестъ названной ассоціаціи, съ опубликованіемъ котораго связуется образованіе и развитіе въ различныхъ частяхъ королевства цѣлаго ряда новыхъ аболиціонистскихъ союзовъ. Количество петицій, направляемыхъ въ парламентъ, съ каждымъ днемъ расло, и число подписей, ихъ сопровождавшихъ,

скоро достигло нѣсколькихъ сотелъ тысячъ. Въ началѣ осени 1872 г. Морлеемъ (Morley), членомъ парламента, при депутаціи рабочихъ, министру внутреннихъ дѣлъ былъ врученъ протестъ противъ актовъ со стороны рабочихъ классовъ королевства. „Достойно глубокаго сожалѣнія, читаемъ мы между прочимъ въ ихъ адресѣ, что не взирая на 1272 петиціи, болѣе чѣмъ съ милліономъ подписей, представленныя въ парламентъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ сессій, опротестованные законы все еще продолжаютъ существовать". Разлившееся такою широкой волной по всей Англіи, аболиціонистское движеніе не могло не возбудить соотвѣтствующей парламентской дѣятельности. Впервые билль объ отмѣнѣ актовъ заразныхъ болѣзней вносится въ палату общинъ Фаулеромъ, представителемъ либеральной партіи, въ 1870 г. Его предложеніе не находитъ, однако, поддержки у большинства, въ которое, помимо приверженцевъ актовъ, неизбѣжно должны были войти и всѣ индифферентные, нерѣшительные, цѣпляющіеся за установленное и существующее, а быть можетъ также и смущенные въ необходимости сознаться въ допущенной ошибкѣ: собравъ въ свою пользу всего 88 голосовъ изъ 317 и еще вызвавъ назначеніе правительственной комиссіи, билль былъ снятъ Фаулеромъ съ очереди. Въ началѣ 1872 г. правительство представляетъ въ парламентъ собственный проектъ, создававшій компромиссъ между враждебными системами врачебно-полицейскаго режима актовъ и аболиціонизма. Однако это предложеніе, охарактеризованное Пекингтономъ, какъ проявленіе, со стороны правительства, въ такомъ жгучемъ вопросѣ общественномъ „поведенія робкаго и недостойнаго", встрѣтило въ парламентѣ такой недружелюбный пріемъ, что не было даже представлено ко второму чтенію. Годъ спустя Фаулеръ снова поднимаетъ свой билль объ отмѣнѣ актовъ и на этотъ разъ собираетъ въ его пользу 128 голосовъ изъ 379: если его предложенія, равно какъ и однородные билли Якова Брайта, Джонстона и другихъ представителей партіи Гладстона, на протяженіи всего періода семидесятыхъ годовъ не увѣнчиваются успѣхомъ, то, во всякомъ случаѣ, условія, при которыхъ проходитъ каждое новое предложеніе, клонящееся къ отмѣнѣ актовъ въ парламентѣ, знаменуетъ для аболиціонистовъ приближеніе побѣды. При каждомъ новомъ голосованіи, рѣшавшемъ судьбу законовъ о заразныхъ болѣзняхъ, количество

консервативныхъ голосовъ—за удержаніе актовъ—болѣе или менѣе замѣтно уменьшается и на ряду съ этимъ увеличивается число депутатовъ либеральной партіи, вотирующихъ въ смыслѣ отмѣны актовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый случай обсужденія аболиціонистскаго вопроса въ парламентѣ становится новымъ импульсомъ къ идейному подъему, нервно сообщавшемуся всей странѣ и находившему пищу и исходъ въ петиціяхъ и митингахъ, въ вербовкѣ новыхъ дѣятелей и новыхъ ассоціаціяхъ. Тщетно приверженцы актовъ указывали въ засѣданіи комиссіи палаты лордовъ, словами врача Берклея Гилля, на крайнюю важность — „не слишкомъ привлекать къ актамъ вниманіе публики". Тщетно Уулкомбъ (Woolcombe), стряпчій, прозванный „отцомъ актовъ", разъяснялъ той же комиссіи, что законъ о заразныхъ болѣзняхъ есть „нѣчто такое, о чемъ не должно говорить", и что онъ „не одобряетъ публичныхъ собраній по поводу этого закона". Въ какихъ нибудь пять—десять лѣтъ аболиціонизмъ завоевалъ себѣ широкую популярность среди, кажется, всѣхъ классовъ англійскаго населенія: за это говоритъ участіе въ аболиціонистскомъ „крестовомъ походѣ" и политическихъ дѣятелей Джемса Стенсфельда, Генлея, братьевъ Брайтовъ, Mundella, и лорда казначея Сити Бенжамена Скотта, и видныхъ епископовъ, и кардинала Manning, и юристовъ Шэена (William Shaen), проф. Эмоса (Sheldon Amos), проф. и д-ровъ Биркбека Невинса, Джемса Стюарта, Carter'a, Arnold'a, экономистовъ Fr. Newman'a, Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, изъ главъ рабочаго движенія Эдмонда Билса, Джорджа Оджера, Жозефа Арча, и многихъ другихъ лицъ, а равно и то обстоятельство, что одно количество подписей на аболиціонистскихъ петиціяхъ, представленныхъ въ парламентъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ достигло подавляющей цифры двухъ милліоновъ пятисотъ тысячъ! (Congrès de Genève, Actes, t. I, p. 12—17 et 24—39; Congrès de la Haye, p. 30).

Укрѣпившись у себя на родинѣ, аболиціонизмъ въ срединѣ семидесятыхъ годовъ распространяется на континентъ и усваиваетъ интернаціональный характеръ. Впервые въ іюнѣ 1874 на собраніи въ Іоркѣ, у руководителей аболиціонистскаго движенія сформировалась мысль расширить арену борьбы съ врачебно-полицейскимъ режимомъ за предѣлы Англіи. Чтобы успѣшно побороть зло, надо искоренить его въ его коренномъ

очагѣ: акты заразныхъ болѣзней—не національное произведеніе Англіи; идеи, лежащія въ ихъ основѣ, занесены съ континента,—туда непосредственно и долженъ быть направленъ аболиціонистскій протестъ. Выдвигая эту новую задачу своей дѣятельности, англійскіе аболиціонисты не скрывали передъ собой всей ея тяжести; борьба съ полиціей нравовъ на континентѣ предполагала въ сущности идейную борьбу съ установившимся ходячимъ взглядомъ на женщину недоброкачественнаго поведенія, какой бы цѣной оно ей не досталось, какъ на особь, стоящую внѣ общихъ гарантій закона; борьбу, вообще, съ индифферентнымъ, если не насмѣшливымъ отношеніемъ общества къ „шокирующимъ" проблемамъ полиціи нравовъ,—при томъ же борьбу при общественномъ пульсѣ, далеко не вездѣ достаточно сильномъ для того, чтобы вызвать необходимый для идейнаго движенія духовный подъемъ. Но чѣмъ гуще тьма, тѣмъ ярче свѣтъ; холоднымъ казался континентъ для задуманной миссіи; за то, тѣмъ горячѣе воспринимались призывы, которые, прорѣзывая туманъ Падекалэ, неслись ей на встрѣчу. Среди прочей корреспондеціи, полученной аболиціонистскими ассоціаціями съ материка, сохраняется, между прочимъ, письмо Виктора Гюго. Это—небольшая страничка, написанная такъ просто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такой теплотою глубокаго, неподдѣльнаго чувства, что ея чтеніе невольно вызываетъ образы „Несчастныхъ" и всего того, что съ ними духовно долженъ былъ пережить и перестрадать ихъ авторъ. „Протестуйте, сопротивляйтесь! На вашей сторонѣ будетъ всякое благородное сердце, каждая возвышенная мысль. Рабство черныхъ женщинъ отмѣнено въ Америкѣ, а рабство бѣлыхъ женщинъ остается въ Европѣ"... (Butler, Souvenirs, p. 22 et 23).

Задачу поѣздки на континентъ, съ цѣлью насадить тамъ первыя сѣмена аболиціонизма, приняла на себя супруга директора колледжа въ Ливерпулѣ Жозефина Бетлеръ (Josephine Butler). Энергичная, мощная силами своей души, руководительница движенія, безкорыстно посвятившая ему свою жизнь,—м ссъ Бетлеръ въ ноябрѣ 1874 г. вступаетъ на материкъ. Избравъ ближайшимъ центромъ своей дѣятельности Парижъ, она заручается здѣсь обѣщаніемъ содѣйствія со стороны Жюль Симона, въ ту пору президента палаты депутатовъ, и Жюль Фавра, и склоняетъ къ идеямъ аболиціонизма нѣсколькихъ

членовъ муниципальнаго совѣта и другихъ вліятельныхъ лицъ. Заинтересовавъ путемъ частныхъ собраній и бесѣдъ этими идеями парижское общество, м-ссъ Бетлеръ переноситъ свою дѣятельность въ Италію. Здѣсь ея миссію значительно облегчаетъ глубокое и энергичное участіе друга и ученика знаменитаго Мадзини (Mazzini)—Джузеппе Натана, общественнаго дѣятеля, ставшаго съ тѣхъ поръ душою аболиціонистской пропаганды въ Италіи. Онъ добивается для м-ссъ Бетлеръ аудіенціи у представителей итальянской палаты депутатовъ, у нѣкоторыхъ сенаторовъ и министровъ, склоняя въ ея пользу цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей страны. При его посредствѣ устраиваются, въ видахъ популяризаціи аболиціонистскихъ идей, публичныя конференціи, съ такимъ успѣхомъ, что одну изъ нихъ, именно миланскую конференцію 27 января 1875 г., считаютъ уже рѣшительнымъ исходнымъ пунктомъ аболиціонистскаго движенія въ Италіи. Продолживъ свою миссію въ Швейцаріи, гдѣ аболиціонизму удается пріобрѣсти такихъ видныхъ проводниковъ, какъ профессора Hornung и Aimé Humbert, м-ссъ Бетлеръ въ началѣ марта 1875 г. возвращается въ Лондонъ. Прямымъ результатомъ ея миссіи было образованіе интернаціональной аболиціонистской лиги подъ именемъ Fédération Britannique et Continentale. 19 марта 1875 г., въ Ливерпулѣ, состоялось уже первое засѣданіе „Британской и континентальной федераціи". Продолжая до настоящаго времени объединять усилія аболиціонистовъ всѣхъ странъ, Федерація ставитъ своей принципіальной задачей идейную борьбу противъ всякой исключительной мѣры, примѣняемой къ женщинѣ въ формахъ врачебно-полицейскаго режима[1]).

---

[1]) «Федерація независима отъ всякой политической партіи, философской школы и религіознаго вѣроученія. Она соединяетъ въ добровольную ассоціацію лицъ обоего пола, желающихъ содѣйствовать осуществленію ея задачи».

Статуты Федераціи формулируются въ слѣдующихъ принципахъ:

«Какъ международная ассоціація, Федерація ограничивается общимъ провозглашеніемъ принциповъ и предоставляетъ секціямъ, группамъ и комитетамъ національнымъ, окружнымъ и мѣстнымъ озаботиться рѣшеніемъ, въ какихъ опредѣленныхъ пунктахъ слѣдуетъ внести реформу въ ихъ законы.

„Голосъ въ пустынѣ“,—такъ называлось воззваніе Жозефины Бетлеръ, сдѣланное ею во время своей миссіи на континентѣ, и боевой летучій листокъ графини Аженоръ де Гаспаренъ, разносятъ требованія аболиціонизма по Франціи. Въ

Федерація отстаиваетъ, въ спеціальной области законодательства по предмету нравственности (de moeurs), автономію человѣческой личности, въ связи съ индивидуальной отвѣтственностью.

Съ одной стороны, она осуждаетъ всякую исключительную мѣру, принятую подъ предлогомъ нравственности.

Съ другой стороны, она утверждаетъ, что, установляя регламентацію, съ цѣлью доставить мужчинѣ безпечность и безотвѣтственность въ порокѣ, государство разрушаетъ самое понятіе отвѣтственности, основу всякой морали.

Отягощая одну женщину легальными послѣдствіями общаго акта, государство распространяетъ пагубную идею о различной морали для каждаго пола.

Принимая въ соображеніе, что простой фактъ личной и частной проституціи есть дѣло совѣсти (ne relève que de la conscience) и не составляетъ деликта, Федерація заявляетъ, что вмѣшательство государства въ область нравственности должно ограничиваться слѣдующими пунктами:

Обложеніе наказаніемъ всякаго посягательства на стыдливость, которое виновный учинилъ или покушался учинить противъ несовершеннолѣтнихъ или лицъ обоего пола, приравненныхъ къ несовершеннолѣтнимъ. Каждое отдѣльное законодательство должно точно опредѣлить границу и условія этого спеціальнаго несовершеннолѣтія (minorité spéciale).

Обложеніе наказаніемъ всякаго посягательства на стыдливость, которое виновный учинилъ или покушался учинить насильственными или обманными средствами противъ лицъ всякаго возраста и обоего пола.

Обложеніе наказаніемъ публичнаго оскорбленія стыдливости.

Обложеніе наказаніемъ публичнаго вызова къ разврату и сводничества въ тѣхъ ихъ преступныхъ проявленіяхъ, констатированіе которыхъ не открываетъ мѣста произволу и не вводитъ, въ иной только формѣ, спеціальнаго режима полиціи нравственности.

Мѣры, принятыя въ этомъ отношеніи, должны примѣняться къ мужчинамъ такъ же, какъ и къ женщинамъ.

Всякій разъ, какъ сводничество подпадаетъ подъ угрозу уголовнаго закона, лица, оплачивающія проксенетовъ и пользующіяся ихъ промысломъ, должны быть разсматриваемы въ качествѣ соучастниковъ.

Федерація заявляетъ, что государство не должно ни требовать отъ какой либо женщины обязательнаго освидѣтельствованія подъ предлогомъ нравственности, ни подчинять личность проститутокъ какому либо исключительному режиму».

маѣ 1876 г. въ Парижѣ составляется, по случаю годовщины Федераціи, коллективный адресъ, подъ которымъ подписываются представители церкви, профессора, врачи, издатели и другія лица. Вслѣдъ засимъ въ Шалонѣ на Сонѣ организуется комитетъ (Comité d'initiative) французской секціи Федераціи. Въ Италіи, Генуезскій рабочій конгрессъ 1876 г., представляющій 1600 итальянскихъ ассоціацій рабочихъ, вотируетъ единогласно признательность Федераціи и, выражая готовность поддерживать ея дѣло, издаетъ приглашающій къ совмѣстной работѣ противъ института полиціи нравовъ манифестъ рабочимъ всей Европы. Въ томъ же году итальянское правительство назначаетъ спеціальную комиссію для изслѣдованія вопроса о регламентаціи, извѣстную подъ именемъ „комиссіи 13 мая". Эта комиссія, гдѣ аболиціонистскія идеи находятъ себѣ проводника особенно въ лицѣ д-ра Бертани, главнаго врача войскъ Гарибальди въ 1859 и 1866 г.г., не осуждая института въ принципѣ, не медлитъ однако указаніемъ на цѣлый рядъ его отрицательныхъ сторонъ (ср. Enquêtes, Tommasoli, p. 522). Въ Швейцаріи, 15 декабря 1875 г., полагается начало центральному періодическому (ежемѣсячному)

«Сверхъ вопросовъ, которые находятся въ прямомъ соотношеніи со спеціальною цѣлью, преслѣдуемой Федераціей, эта послѣдняя изучаетъ научно проституцію. Она ведетъ постоянное обслѣдованіе о нравственныхъ, экономическихъ и иныхъ причинахъ этой соціальной язвы, о ея послѣдствіяхъ, о способахъ противодѣйствія. Разумѣется, во всякомъ случаѣ, что дѣло идетъ единственно о взаимномъ содѣйствіи въ изученіи и что въ этой области не можетъ быть принято никакого рѣшенія, которое обязало бы саму Федерацію».

Приведенные принципы Федераціи, къ сожалѣнію, далеко не вполнѣ удачно редактированные, выработаны на ея Лондонскомъ конгрессѣ 1886 г. и остались неприкосновенными при ревизіи статутовъ на Ліонскомъ конгрессѣ 1901 г. (V congrès, p. 5 et suiv., Bull. cont., 1901, p. 42 et p. 50; см. также обложку Bull. abol., 6, rue S. Léger, Genève).

Съ 19 мая 1876 г., въ виду образованія спеціальнаго комитета для борьбы съ попытками введенія системы регламентаціи въ Нью-Іоркѣ и др. мѣстахъ внѣ Европы, Федерація именуетъ себя уже не только «британской и континентальной», но и «общею». На Лондонскомъ конгрессѣ 1898 г. принимается усвоенное провизорно годъ—два тому назадъ наименованіе «Международной аболиціонистской федераціи» (Congrès de Genève, Actes, t. I, p. 208 et p. 253; Bull. cont., 1898, p. 90).

органу аболиціонистской пропаганды—Bulletin Continental (съ 1902 г.—„Bulletin abolitionniste“). 17—23 сентября 1877 г. имѣетъ мѣсто въ Женевѣ первый международный конгрессъ Федераціи, собирающій свыше пятисотъ делегатовъ отъ тринадцами государствъ; три объемистыхъ тома матеріаловъ и актовъ конгресса являются нагляднымъ доказательствомъ того вниманія, которое было возбуждено въ ту пору къ проблемамъ гигіены, морали, политической экономіи, благотворительности и законодательства, относящимся къ задачамъ аболиціонизма (Congrès de Genève, Actes, t. I, p. 102—115: 131—135; 228—238).

Публика какъ бы пробуждалась отъ своего апатичнаго отношенія къ вопросамъ полиціи нравовъ,—и факты, которые, то здѣсь, то тамъ, раскрывала повседневная пресса, казались ей чѣмъ то небывалымъ и новымъ. Въ Ліонѣ, у вокзала, агентъ полиціи нравовъ, переодѣтый въ штатское, задерживаетъ, при помощи двухъ стражниковъ, какую-то молодую дѣвушку. Въ отчаяніи она отбивается; ее рвутъ во всѣ стороны; она падаетъ. Кучеръ проѣзжавшаго омнибуса не успѣваетъ удержать лошадей,—и ноги дѣвушки попадаютъ подъ колесо. Собравшаяся публика проситъ помѣстить изувѣченную въ ближайшій отель, откуда ее и могутъ потомъ взять подъ врачебно-полицейскій контроль; но агентъ полиціи нравственности не соглашается. Дѣвушку бросаютъ въ фіакръ и увозятъ. На набережный она открываетъ дверцу фіакра и бросается въ Рону; спасти ее не удается. Не проходитъ недѣли, какъ въ томъ же Ліонѣ дѣвушка, къ которой, подъ вечеръ, въ квартиру является агентъ врачебно-полицейскаго надзора, въ ужасѣ выбрасывается въ окно, изъ второго этажа. Въ Парижѣ, агентъ полиціи нравовъ, по ошибкѣ, не взирая на протестъ и слезы, арестуетъ супругу одного почтеннаго банкира, въ то время какъ она поджидаетъ своего мужа у вокзала, гдѣ его задержали дѣла. На гуляньи, въ Дижонѣ, дѣвушка незапятнанной репутаціи бесѣдуетъ съ молодымъ человѣкомъ изъ почтенной семьи. Агентъ подозрѣваетъ тему бесѣды, приглашаетъ дѣвушку идти съ нимъ въ бюро полиціи нравовъ и угрожаетъ подвергнуть осмотру. Публично униженная, дѣвушка на слѣдующій день лишаетъ себя жизни (Congrès de Genève, Matériaux, Fasc. Д, p. 3—9).

Такъ факты громоздятся одинъ на другой,—и невольно все болѣе и болѣе чуткимъ становится къ нимъ вниманіе

общества. Когда, наконецъ, среди люднаго парижскаго бульвара, въ 7 часовъ вечера, 28 октября 1876 г., подвергается грубому оскорбленію со стороны неизвѣстнаго лица, дѣйствующаго подъ видомъ агента полиціи нравовъ, знаменитая въ ту пору артистка Théârte Français, M-elle Rousseil,—гроза общественнаго недовольства наталкивается на искру, которой ей только и недоставало, чтобы разрядиться. Изъ устъ въ уста передаются подробности факта, и то, какъ г-жа Rousseil защитилась, разбивъ вѣеръ о лицо оскорбителя, и то, какъ послѣдній поспѣшилъ благоразумно скрыться, когда столпившаяся публика узнала въ лицѣ оскорбленной извѣстную артистку (ibid., p. 9—11). Въ газетѣ Droits de l'Homme Ивъ Гюйо помѣщаетъ 3 ноября статью, гдѣ, ссылаясь на недавніе факты, ярко рисуетъ всю неизмѣримость опасности, представляемой учрежденіемъ полиціи нравовъ для многихъ десятковъ тысячъ дѣвушекъ, не столь извѣстныхъ, не столь рѣшительныхъ и сильныхъ, какъ M-elle Rousseil (Guyot, La prostit. p. 156 et 157). На слѣдующій день онъ вноситъ въ парижскій муниципальный совѣтъ, гдѣ въ то время состоитъ членомъ, предложеніе, клонящееся къ отмѣнѣ той части какъ разъ тогда именно обсуждавшагося городского бюджета, которая предназначалась на содержаніе мѣстной полиціи нравственности. Правда, вечеромъ того же дня Гюйо получаетъ повѣстку о явкѣ къ слѣдственному судьѣ по обвиненію въ распространеніи ложныхъ извѣстій (эта часть обвиненія была, потомъ, отвергнута высшею инстанціей), въ оскорбленіи власти и въ диффамаціи, учиненной наканунѣ опубликованною статьею. Однако, это обстоятельство не задерживаетъ развитія аболиціонизма. Не смотря на то, что защиту полиціи нравовъ въ муниципальномъ совѣтѣ принимаетъ на себя и самъ полицейскій префектъ, вскорѣ затѣмъ совѣтникъ кассаціоннаго суда, Félix Voisin, и такой юристъ, какъ проф. Beudant, будущій деканъ парижскаго Faculté de droit,—муниципалитетъ въ засѣданіи 2 декабря значительнымъ большинствомъ голосовъ высказывается въ томъ смыслѣ, что „акты полиціи нравовъ не покоятся ни на какомъ законѣ и ведутъ къ повседневному повторенію (à la perpétration journalière) деликтовъ, предусмотрѣнныхъ и караемыхъ уголовнымъ кодексомъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, муниципальный совѣтъ, не взирая на страстныя и почти что слезныя завѣренія начальника „бюро нравовъ" въ „чистотѣ намѣреній и честности" его агентовъ (Butler,

Souvenirs, p. 216), назначаетъ комиссію для выясненія вопроса о реорганизаціи или полномъ уничтоженіи отдѣла полиціи нравственности (Congrès de Genève, Matériaux, Fasc. Д, p. 11—13; 23—34).

Положимъ, уже 6 декабря министръ внутреннихъ дѣлъ de Marcère заручается декретомъ президента республики, уничтожающимъ постановленіе совѣта отъ 2 декабря—въ виду выраженнаго въ немъ мнѣнія о незаконности института полиціи нравовъ, и 7 декабря самъ Ивъ Гюйо (почтенный публицистъ не обладалъ еще въ то время врученнымъ ему впослѣдствіи министерскимъ портфелемъ) присуждается за свою статью къ уплатѣ трехъ тысячъ франковъ штрафа и къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Но муниципальный совѣтъ, исходя изъ того соображенія, что декретъ 6 декабря касается въ сущности лишь одного изъ основаній предложенія, вотированнаго 2 декабря, принимаетъ 14 декабря снова, но только безъ указанія мотивовъ, прежній votum о назначеніи спеціальной комиссіи по предмету полиціи нравовъ. Въ засѣданіи этой комиссіи, которое происходитъ въ грандіозной залѣ люксембургскаго дворца, приглашаются принять участіе съѣхавшіеся въ январѣ 1877 г. въ Парижъ представители аболиціонистской Федераціи, въ томъ числѣ ея президентъ, членъ англійскаго парламента и бывшій министръ Джемсъ Стенсфельдъ, м-ссъ Бетлеръ, отъ Италіи—Джузеппе Натанъ и проф. Aimé Humbert—изъ Швейцаріи (ibid., p. 34 et 35; Fiaux, La police, p. 15—17).

Съ своей стороны, Ивъ Гюйо, по отбытіи наказанія, не медлитъ опубликованіемъ на столбцахъ Lanterne, въ формѣ Révélations d'un ex-agent des moeurs, Lettres d'un médecin и Lettres du vieux petit employé, въ періодъ съ октября 1878 по январь 1879 г., цѣлой серіи данныхъ, выясняющихъ, между прочимъ, и нелегальность, и санитарную негодность института полиціи нравовъ, и разоблачающихъ невысокій нравственный уровень его агентуры и крайнюю опасность незавиднаго образа дѣйствій послѣдней для личной свободы гражданъ (есть отдѣльное изданіе[1]). На-

[1]) Борьба муниципальнаго совѣта съ полицейскою префектурою со времени этихъ разоблаченій перестаетъ быть борьбою исключительно по предмету надзора за проституціею. Она скоро расширяется, направляясь уже противъ всего учрежденія полицейской префектуры. Мы ограничиваемъ свое

сколько общественное вниманіе было возбуждено его статьями, можно судить уже по тому обстоятельству, что Lanterne, едва народившійся передъ тѣмъ органъ парижской прессы, расходится въ періодъ ихъ публикаціи въ количествѣ свыше трехсотъ тысячъ экземпляровъ. (Lecour, La campagne, p. 238 et 239). Лекуръ, почтенный начальникъ полиціи нравовъ, выходитъ въ отставку (Fiaux, La police, p. 23). Префектъ полиціи, бывшій адвокатъ при кассаціонномъ судѣ, Albert Gigot спѣшитъ защитить руководимое имъ учрежденіе судебнымъ преслѣдованіемъ Lanterne. Редактору Lanterne выносится обвинительный приговоръ,—разоблаченія Ива Гюйо приходится окупить двумя тысячами франковъ штрафа и трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ (Procès, p. 212—216). Какъ, однако, мало эти разоблаченія были даннымъ процессомъ опровергнуты по существу, видно изъ того, что самъ префектъ полиціи на запросъ, поднятый въ муниципальномъ совѣтѣ по поводу нападокъ Lanterne и только что прослушаннаго процесса, не находитъ возможнымъ поручиться за безупречность своей агентуры,—и совѣтъ, переходя отъ интерпелляціи къ очереднымъ дѣламъ, опредѣленно отмѣчаетъ „заявленіе г. префекта полиціи о необходимой очисткѣ (épuration) персонала его администраціи“ (Guyot, Rapport, p. 21 et 22).

Для возстановленія поколебавшагося авторитета самого учрежденія г. Gigot обращается тѣмъ временемъ къ крайнему средству, — ходатайствуетъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о назначеніи особой комиссіи для разслѣдованія фактовъ, раскрытіе которыхъ въ процессѣ по дѣлу Lanterne скомпрометировало полицейскую префектуру. Однако, въ этой комиссіи, образуемой министерскимъ распоряженіемъ отъ 27 января 1879 г. въ составѣ девяти членовъ, въ томъ числѣ директора уголовныхъ дѣлъ Picot, префекту полиціи приходится очутиться лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что, по опредѣленію Лекура, у котораго мы заимствуемъ дальнѣйшія свѣ-

---

изложеніе, по возможности, лишь тѣми фактами этой борьбы, которые ближайшимъ образомъ относятся къ полиціи нравовъ: настоящею оговоркою читатель будетъ огражденъ отъ могущаго произойти, при этомъ, извращенія перспективы, по части истиннаго значенія, которое имѣлъ вопросъ полиціи нравовъ въ разгаръ борьбы.

дѣнія о судьбѣ названной комиссіи, составляло „безсознательную или разсчитанную измѣну нѣкоторыхъ его агентовъ, ставшихъ поносителями (contempteurs) той отрасли управленія, къ которой они принадлежали“. Неудивительно, что „въ одно изъ первыхъ засѣданій слѣдственной комиссіи, возмущенный поведеніемъ и словами многихъ подчиненныхъ агентовъ, призванныхъ къ дачѣ показаній, г. Gigot заставилъ ихъ молчать (il leur imposa silence) и заявилъ, что онъ, не желая повторенія подобныхъ скандаловъ въ своемъ присутствіи, не станетъ болѣе участвовать въ комиссіи“ (Lecour, La campagne, p. 252—256). Съ тѣхъ поръ дезорганизація комиссіи быстро идетъ впередъ: префектъ полиціи перестаетъ посѣщать ея засѣданія; директоръ уголовныхъ дѣлъ, присутствіе котораго въ комиссіи, въ виду его званія, было, по словамъ Лекура, особенно внушительно,—назначается совѣтникомъ кассаціоннаго суда... (ibid., p. 255 et 268).

16 февраля члены комиссіи адресуютъ министру внутреннихъ дѣлъ письмо, краснорѣчиво подтверждающее мнѣніе того же Лекура, что „роль слѣдственной комиссіи ставила ее принципіально въ весьма неудобное положеніе и фактически создавала для нея неодолимыя трудности въ исполненіи“ (ibid., p. 254). Ходатайствуя о сложеніи возложеннаго на нихъ порученія участвовать въ комиссіи, пять ея членовъ удостовѣряютъ, что имъ не удалось, къ сожалѣнію, пролить полнаго свѣта на подлежавшіе изслѣдованію факты «въ виду профессіональной тайны, за которой сочли долгомъ укрыться (se retrancher) многіе чиновники, и при той боязни увольненія, которую проявили многіе агенты“ (Guyot, Rapport, p. 24).

17 февраля спеціальная комиссія муниципальнаго совѣта по вопросу о врачебно-полицейскомъ надзорѣ получаетъ отъ префекта полиціи письмо, въ которомъ послѣдній, ссылаясь на „нужды дисциплины и уваженіе къ требованіямъ подначалія (hiérarchie)“ выражаетъ свое сожалѣніе въ томъ, что онъ не можетъ уполномочить инспекторовъ полиціи нравовъ давать показанія въ комиссіи. которая уже выслушала ихъ начальниковъ (Conseil munic., Procès-verbaux, Séance 17. II. 1879).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, почтенный Жиго спѣшитъ произвести очистку персонала полицейской префектуры, обѣщанную имъ въ принципѣ 1 февраля муниципальному совѣту. Онъ устра-

няетъ изъ префектуры лицъ, „враждебныя демонстраціи которыхъ въ отношеніи къ управленію,—мы снова заимствуемъ свѣдѣнія у Лекура, не могли оставаться безнаказанными, чтобы не произошло замѣтнаго ослабленія дисциплины и повиновенія подчиненнаго персонала“. Сюда относились и тѣ агенты полиціи, которые, какъ оказалось, дали свѣдѣнія о темныхъ операціяхъ префектуры въ редакцію Lanterne[1]), равно какъ и тѣ, увольненіе которыхъ вызывалось ихъ поведеніемъ въ министерской комиссіи. (Lecour, La campagne, p. 273, 274, 281).

И развязка дѣятельности слѣдственной комиссіи, и характеръ этой очистки персонала полицейской префектуры, въ связи съ новыми разоблаченіями Lanterne, дѣлаютъ, наконецъ, status quo невыносимымъ.

Тогда министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшается пожертвовать сперва шефомъ муниципальной полиціи, а затѣмъ и самимъ префектомъ полиціи. 4 марта въ палатѣ депутатовъ имѣетъ мѣсто памятная интерпелляція Clemenceau, который ставитъ передъ почтеннымъ министромъ роковую дилемму: „если вы хотѣли слѣдствія, зачѣмъ ставить передъ изслѣдователями профессіональную тайну? И если профессіональная тайна для васъ была такъ важна, зачѣмъ тогда вы не произвели вашего слѣдствія самолично?“ Палата отказывается выразить министру свое довѣріе,— и de Marcère выходитъ въ отставку, попутно увлекая за собой почти весь высшій персоналъ полицейской префектуры (Guyot, Rapport, p. 24 et 25, Fiaux, La police, p. 27).

Новый префектъ полиціи, членъ палаты депутатовъ Andrieux, рѣшительно избѣгаетъ внѣшняго вмѣшательства въ свое управленіе: онъ считаетъ долгомъ,—со служебною дѣятельностью Андріэ мы имѣемъ возможность ознакомиться по его подлиннымъ запискамъ,—„для поддержки своего авторитета, достоинства своей функціи, быть единственнымъ судьей своихъ

---

[1]) Ср. слѣдующія слова изъ рѣчи de Marcère, произнесенной имъ въ палатѣ депутатовъ 1 марта 1879 г.: «г. Albert Gigot ходатайствовалъ у меня объ увольненіи всѣхъ тѣхъ низшихъ агентовъ, которые дѣлали въ Lanterne («dans cette officine») доносы на свое начальство и, такимъ образомъ, погрѣшили противъ первой обязанности чиновника». Министръ согласился на запрошенную ревокацію (Lecour, La campagne, p. 274 note et p. 273).

агентовъ, единственнымъ изслѣдователемъ злоупотребленій, если бы послѣднія и имѣли мѣсто" (Andrieux, Souvenirs, t. 1, p. 19). Онъ не только не снимаетъ съ своихъ подчиненныхъ запрета, наложеннаго его предшественникомъ, давать показанія въ спеціальной комиссіи муниципальнаго совѣта, по предмету надзора за проституціею, но и самъ уклоняется отъ доставленія ей какихъ-либо свѣдѣній и объясненій: названная комиссія тщетно назначаетъ и откладываетъ свои засѣданія, предназначенныя для выслушанія почтеннаго префекта,—онъ не только не является на эти засѣданія, но даже и не считаетъ нужнымъ увѣдомить комиссію о томъ, что не находитъ умѣстнымъ явиться (Fiaux, La police, p. 39, p. 922).

Такое отношеніе полицейской префектуры къ дѣлу муниципальной комиссіи не препятствуетъ послѣдней настолько выяснить дѣйствительное значеніе института полиціи нравовъ, что муниципальный совѣтъ находитъ умѣстнымъ, 28 декабря 1880 г., 33 голосами противъ 12 принять слѣдующее предложеніе своего члена профессора медицинскаго факультета Lanessan'a:

«Совѣтъ,

принимая во вниманіе, что настоящій институтъ полиціи нравовъ является источникомъ посягательствъ (est attentatoire) на личную свободу и, при томъ, не даетъ должныхъ результатовъ ни въ смыслѣ сокращенія сифилиса, ни съ точки зрѣнія надзора за проступками, общеуголовнаго характера, противъ общественнаго порядка и нравственности,

постановляетъ:

1) муниципальная администрація приглашается представить, въ кратчайшій срокъ, проектъ доставленія безплатной врачебной помощи и безвозмездной раздачи лекарствъ въ видахъ борьбы съ сифилисомъ;

2) выработать систему организаціи, въ которой нынѣшніе агенты полиціи нравственности были бы замѣнены, по огражденію общественнаго порядка отъ проститутокъ, мировыми стражниками (gardiens de la paix);

3) проступки и нарушенія общеуголовнаго характера противъ общественнаго порядка и посягательства противъ нравственности не будутъ болѣе подчинены административному усмотрѣнію, но переданы въ вѣдѣніе соотвѣтствующихъ судебныхъ мѣстъ (à la justice régulière);

4) послѣдствіемъ этого преобразованія должно быть упраздненіе спеціальной бригады полиціи нравственности, съ 1 января 1882 г.» (Guyot, Rapport, p. 29).

Г. Andrieux сперва пытается оспорить это предложеніе „pour l'honneur des principes", но скоро находитъ случай

доставить совѣту „видимое удовлетвореніе“. Lerouge, начальникъ отдѣла нравственности, и Remise, главный инспекторъ этого отдѣла, допустили въ дѣлѣ надзора за проституціею,— какъ это удалось выяснить самому Андріэ, „важныя злоупотребленія“. Тогда почтенный префектъ распоряженіемъ отъ 9 марта 1881 г. „въ виду постановленія муниципальнаго совѣта г. Парижа отъ 28 декабря 1880 г.“ упраздняетъ особую агентуру полиціи нравовъ (la brigade des moeurs) (Andrieux, Souvenirs, t. II, p. 20—22) [1]).

Казалось бы, сдѣланъ былъ крупный шагъ къ разрушенію позорнаго института. На самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто своего рода шедевръ административнаго такта,—замаскированіе дѣйствительнаго существованія возбудившаго противъ себя общественный протестъ учрежденія. „Истина,—ее почтенный префектъ полиціи нашелъ возможнымъ повѣдать намъ самъ, послѣ отставки,—состояла въ томъ, что, уничтожая непопулярное названіе бригады нравовъ, я надѣлся сразу усилить оба отдѣла (и нравовъ, и безопасности), отнынѣ соединенные. Агенты нравственности должны были дѣлать теперь фальшивыя вылазки,—Les agents des moeurs n'allaient faire qu'une fausse sortie“ (ibid., p. 22 et 23).

Обществу не долго пришлось, однако, заблуждаться насчетъ истиннаго значенія отмѣны спеціальной агентуры полиціи нравовъ: не проходитъ и трехъ недѣль со времени изданія распоряженія 9 марта, какъ на почвѣ врачебно-полицейскаго усмотрѣнія разыгрывается громкое дѣло г-жи Eyben, воочію убѣдившее не только въ жизнедѣятельности, но и въ могуществѣ болѣе несуществующихъ агентовъ нравственности.

Бельгійская подданная, вдова артиста, г-жа Eyben, условившись съ учительницею, сопровождающею изъ школы на

---

[1]) «6 марта, сообщаетъ по поводу этой реформы Macé, тогдашній шефъ безопасности, г. Андріэ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и объявилъ, что онъ рѣшился упразднить бригаду нравовъ. Многочисленныя донесенія генеральнаго контроля указывали ему на то, что персоналъ этой бригады тратитъ время въ кабакахъ и въ домахъ терпимости, а внимательное изслѣдованіе состоянія арестовъ, сверхъ того, позволило ему установить, что цифры послѣднихъ были неправильны (erronés)... Г. Андріэ присовокупилъ, что въ виду этихъ фактовъ онъ устраняетъ отъ службы начальника отдѣла и главнаго инспектора, которые сваливаютъ другъ на друга отвѣтственность» (Macé, Service p. 186 et 187).

улицѣ Valois ея маленькихъ дочерей, выходить къ нимъ навстрѣчу до условленнаго пункта пути, имѣла несчастіе избирать иногда мѣстомъ rendez-vous пассажъ Панорама: она не знала или не оцѣнила въ надлежащей мѣрѣ того обстоятельства, что чистота выбраннаго ею мѣста ограждается особымъ вниманіемъ блюстителей нравственности. 29 марта, въ пятомъ часу пополудни, она была остановлена на улицѣ Saint-Marc, у входа въ пассажъ, окрикомъ: „arrêtons cette belle enfant", окружена полицейскими агентами и, не взирая на протесты и объясненія, заарестована. Слѣдовали препровожденіе изъ участка въ участокъ, полицейскій допросъ, насыщенный грязными инсинуаціями [1]), и, наконецъ, заключеніе въ dépôt полицейской префектуры... (Guyot, La prostit., p. 245 et suiv).

Черезъ двое сутокъ г-жа Eyben была освобождена, но этимъ еще не завершалась серія ея испытаній. Инцидентъ грозилъ возбудить вниманіе прессы и, вызвавъ нежелательные толки въ публикѣ, отнять всякое значеніе у акта 9 марта: при подобныхъ обстоятельствахъ, лучшимъ исходомъ казался такой оборотъ дѣла, который бы снялъ съ ареста и заключенія г-жи Eyben окраску операціи агентовъ нравственности и придалъ бы имъ видимость легальнаго акта полиціи безопасности. Г-жа Eyben, несомнѣнно, протестовала при задержаніи у входа въ пассажъ: возбужденіе противъ нея уголовнаго преслѣдованія въ оскорбленіи и сопротивленіи власти обѣщало удовлетворительно разрѣшить досадное недоразумѣніе. Полицейская префектура не медля обращается къ этому выходу,— и 31 марта имѣетъ уже мѣсто первый допросъ потерпѣвшей, въ качествѣ обвиняемой, у слѣдственнаго судьи.

Однако, своеобразный пріемъ по превращенію агентовъ, продѣлавшихъ унизительную операцію надъ г-жей Eyben, въ кліентовъ, вынужденныхъ искать у суда защиты отъ оскорбленій, угрозъ и насильственныхъ дѣйствій послѣдней,—на этотъ разъ очень скоро обнаруживаетъ свою недостаточность. Интерпеллируя 11 апрѣля палату депутатовъ, по поводу взаимныхъ

---

[1]) — Votre profession?

«Artiste dramatique».

— Qui, par hasard; et puis vous faites de la prostitution.. Je crois bien, cela révolte votre pudeur!.. Il ne manquerait plus que cela que vous vous prostituiez devant vos enfants! (Guyot, La prostit., p. 246).

отношеній между полицейскою префектурою и муниципальнымъ совѣтомъ, Pascal Durpat обращаетъ вниманіе законодательнаго органа, между прочимъ, и на недавній инцидентъ съ г-жей Eyben.

Этотъ запросъ ставитъ почтеннаго Андріэ въ положеніе слишкомъ критическое для того, чтобы колебаться въ выборѣ средствъ самозащиты. Онъ заявляетъ, что г-жа Eyben была задержана 29 марта ничуть не по ошибкѣ, что, какъ это видно изъ донесенія полицейскаго комиссара, на нее указали агентамъ полиціи мѣстные сторожа, видѣвшіе, какъ она ходила взадъ и впередъ по пассажу; что блюстители нравовъ обратились къ ней лишь послѣ того, какъ констатировали съ ея стороны „троекратное, неувѣнчавшееся успѣхомъ, приставаніе къ мужчинамъ“ (trois racolages infructueux); и что, наконецъ, сосѣдніе торговцы, бывшіе въ толпѣ при арестѣ, одобряя данную операцію агентовъ, не замедлили признать въ задержанной особу, промышляющую позорной профессіей. Къ тому же, дознаніе, произведенное тотчасъ послѣ ареста г-жи Eyben, раскрыло, что у нея нѣтъ правильныхъ доходовъ „de moyens d'existence réguliers“; свѣдѣнія, добытыя о ней въ меблированныхъ квартирахъ, которыя она занимала, плачевны: ежедневно послѣ обѣда г-жа Eyben уходила изъ дому и поздно возвращалась обратно. Это, конечно, не все,—но „здѣсь бы пришлось вмѣшать въ это дѣло имена мужчинъ“, и г. Andrieux предпочитаетъ лучше умолчать объ остальномъ. Впрочемъ, еще одно доказательство: сообщеніе Lenaers'a, главнаго комиссара брюссельской полиціи, который, узнавъ изъ газетъ объ инцидентѣ, поспѣшилъ извѣстить, что потерпѣвшая имѣла у себя на родинѣ „отвратительную репутацію и знавшія ее лица согласны въ томъ, что галантная жизнь является единственною, какая ей подобаетъ“ (Journ. off., Chambre, Débats, 1881 p. 847 et 848).

Нѣкоторые голоса пытались было прервать подобную рѣчь, но были подавлены характернымъ замѣчаніемъ президента палаты Гамбетты: „когда дѣлаютъ нападки на учрежденіе, имѣющее своею задачею уличную чистоту (qui a pour but de tenir la voirie publique salubre), нужно дать ему возможность защищаться“ (ibid).

Въ доказательство основательности ареста г-жи Eyben почтенный префектъ полиціи, давая вѣру донесенію своего

комиссара, сослался, такимъ образомъ, и на заявленія сторожей пассажа, и на показанія мѣстныхъ торговцевъ; онъ отмѣтилъ, далѣе, присутствіе при инцидентѣ и, по крайней мѣрѣ, при арестѣ, цѣлой толпы случайныхъ свидѣтелей; онъ указалъ, наконецъ, опредѣленные пути, черезъ которые имъ добыты „плачевныя" свѣдѣнія о характерѣ жизни обвиняемой. Безспорно, въ этихъ ссылкахъ содержалось достаточно много матеріала, который, будучи провѣренъ слѣдствіемъ по дѣлу г-жи Eyben, открывалъ возможность разобраться между ложью и истиною.

Слѣдствіе по дѣлу г-жи Eyben продолжалось около двухъ мѣсяцевъ и завершилось постановленіемъ о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія „въ виду того, что факты не установлены достаточнымъ образомъ".

Недостатокъ уликъ, въ силу которыхъ возможно было бы поставить на судъ дѣло г-жи Eyben, обличалъ сомнительное качество данныхъ, представленныхъ почтеннымъ префектомъ полиціи; потому тотчасъ послѣ прекращенія слѣдствія г-жа Eyben, по совѣту директора Lanterne Mayer'a и адвоката Delâttre, обращается въ палату депутатовъ съ просьбою разрѣшить ей открыть процессъ противъ Andrieux: въ качествѣ депутата послѣдній оказывался неприкосновеннымъ вплоть до окончанія продолжавшейся въ ту пору сессіи,—и, какъ извѣстно, только сама палата была властна лишить своего сочлена такой привилегіи.

Спеціальная комиссія, назначенная палатой для выясненія основательности ходатайства г-жи Eyben, нашла нужнымъ ознакомиться какъ съ полицейскими документами, относящимися къ инциденту 29 марта, такъ равно и съ dossier уголовнаго дѣла, которымъ сопровождался этотъ инцидентъ. Сличеніе свидѣтельскихъ показаній съ актами полицейскаго дознанія не замедлили выяснить дѣйствительный характеръ свѣдѣній, представленныхъ префектомъ полиціи палатѣ по поводу запроса 11 апрѣля. Ни одинъ изъ свидѣтелей, на которыхъ ссылались полицейскіе агенты, за исключеніемъ развѣ только сторожа пассажа Ginot, не подтвердилъ, что женщина, арестованная 29 марта на улицѣ Saint-Marc, была замѣчена въ дѣйствіяхъ, характеризующихъ извѣстнаго рода вызовы [1]). Съ

[1]) Ginot, не высказавшійся на первомъ допросѣ сколько-нибудь опредѣленно, на дальнѣйшемъ допросѣ далъ, не безъ оговорокъ, впрочемъ, свѣ-

другой стороны, совершенно игнорируемая названными документами дѣйствительная цѣль посѣщенія потерпѣвшею злополучнаго пассажа была показаніями свидѣтелей вполнѣ установлена. Въ послѣднихъ числахъ іюня парламентская комиссія рѣшила, большинствомъ 6 голосовъ противъ 5, высказаться въ пользу допущенія процесса противъ депутата Андріэ (Journ. off., ibid., p. 1669 et 1672).

Окончательное обсужденіе ходатайства о судебномъ преслѣдованіи г. Андріэ въ засѣданіи самой палаты депутатовъ было назначено на 18 іюля. Однако, палатѣ не пришлось въ названное число рѣшать участь начальника полиціи: днемъ раньше, 16 іюля, Андріэ сложилъ съ себя должность полицейскаго префекта (Andrieux, Souvenirs, t. II, p. 278).

Выступая передъ палатой въ званіи только депутата, г. Andrieux имѣлъ за себя и порванную связь съ учрежденіемъ, гдѣ онъ былъ скомпрометированъ, и высоко цѣнимый принципъ безотвѣтственности члена законодательнаго собранія. Къ тому же, у него и помимо полицейскихъ документовъ есть много данныхъ, которыя въ состояніи обезцѣнить въ глазахъ палаты «cette misérable et honteuse affaire de la femme Eyben».

«Я не стану болѣе ссылаться, предупреждаетъ г. Андріэ въ объясненіи, которое онъ даетъ палатѣ 18 іюля, на донесенія полиціи; меня упрекали въ томъ, что я ссылался на нихъ раньше; но вѣдь не я поднялъ здѣсь дѣло Eyben, — его ввела сюда интерпелляція; и у мена не было другого злого замысла, какъ защититься отъ нападенія. Въ этомъ меня поддержало любезное вниманіе палаты и участіе ея президента».

Въ настоящее время г. Андріэ не находится болѣе «въ состояніи необходимой обороны», и потому онъ ограничится только ссылкою на общеизвѣстные факты. Не слишкомъ ли неудачно выбрала г-жа Eyben мѣсто для свиданій со своими дѣтьми? Не благоразумнѣе ли ей было, какъ почтенной матери семейства, встрѣчать ихъ непосредственно у учительницы на улицѣ Valois? (Journ. off., Chambre, Débats, p. 1671).

дѣнія, неблагопріятныя для г-жи Eyben,—свѣдѣнія, которыя были тотчасъ же опровергнуты торговцами пассажа. Не безъинтересно, что въ то время, какъ комиссія производила разслѣдованіе, названный Ginot находился подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ покушеніи на убійство своего бригадира. Подвергнутый психіатрическому освидѣтельствованію, онъ былъ признанъ душевно-больнымъ и въ концѣ іюня мѣсяца заключенъ въ азиль Sainte-Anne (Lanterne, 8 et 29. VI. 1881).

Игнорируя протесты негодованія, возбужденные было подобнымъ пріемомъ на различныхъ скамьяхъ парламента, Andrieux все шире и смѣлѣе раскидываетъ сѣть инсинуацій: онъ увѣренъ въ несокрушимой силѣ низменнаго инстинкта, который шевелятъ извѣстнаго сорта намеки; и дѣйствительно, не успѣлъ еще умолкнуть ропотъ протеста культурнаго человѣка, а уже этотъ инстинктъ начиналъ выдавать себя то подавленной улыбкой, то сдержаннымъ смѣхомъ.

Положимъ, продолжалъ почтенный депутатъ, г-жа Eyben мать семьи,— но не пріобрѣла ли она это качество прежде, чѣмъ вступила въ бракъ со своимъ покойнымъ супругомъ? (ibid., p. 1672).

Атмосфера низкопробной интимности шире и шире овладѣвала собраніемъ: почтенному Andrieux оставалось только быть непринужденнымъ, открытымъ, чтобы выиграть дѣло.

«Въ журналахъ напечатали, что юстиція признала г-жу Eyben невиновною, что ея качество почтенной матери семьи удостовѣрено судебнымъ порядкомъ. Однако, постановленіе о прекращеніи слѣдствія редактировано въ такихъ выраженіяхъ: въ виду того, что факты не установлены достаточнымъ образомъ»...

«...Почтенный магистратъ, прежде чѣмъ дать слѣдственному судьѣ свое заключеніе (son réquisitoire), любезно освѣдомился у потерпѣвшаго, настаиваетъ ли онъ рѣшительно (absolument) на томъ, чтобы деликтъ, совершенно доказанный (parfaitement prouvé), сопровождался репрессіей; я отвѣтилъ г. прокурору республики, что потерпѣвшій не заинтересованъ въ этомъ и что если юстиція не считаетъ обвинительный приговоръ, въ виду тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, въ данномъ случаѣ необходимымъ, то я присоединяюсь къ снисходительности магистрата» (ibid., p. 1673).

«Къ тому же я ничѣмъ не рискую, господа. Всякій знаетъ, что не взирая на ваше рѣшеніе, г. генеральный прокуроръ не заключитъ меня подъ стражу».

Почтенному Андріэ не нужно было развивать этой мысли дальше, самъ министръ юстиціи, бывшій профессоръ права, г. Cazot, поспѣшилъ любезно разъяснить собранію, что, отказавшись на этотъ разъ отъ начала безотвѣтственности своего коллеги, палата тѣмъ самымъ ровно ничего не достигнетъ, въ смыслѣ юстиціи, и только поколеблетъ авторитетъ высокаго принципа, ограждающаго ея составъ, да создастъ опасный прецедентъ на будущее время. Ходатайство г-жи Eyben разрѣшить ей открыть процессъ противъ бывшаго префекта полиціи, по увѣренію почтеннаго министра «неизбѣжно постигнетъ неудача передъ судомъ». Жалоба частнаго лица не въ состояніи вызвать судебнаго преслѣдованія настоящаго или бывшаго префекта полиціи. Согласно art. 479 уголовно-процессуальнаго кодекса, въ связи съ art. 10 закона 28 апрѣля 1810 г., только одинъ прокурорскій над-

зоръ властенъ возбудить уголовное преслѣдованіе противъ чиновника извѣстнаго ранга, и въ томъ числѣ противъ префекта! [1]) (ibid., p. 1671).

Стоило ли, при такихъ обстоятельствахъ, еще колебаться!... Большинствомъ 307 голосовъ противъ 89 ходатайство г-жи Eyben о разрѣшеніи возбудить судебное преслѣдованіе противъ бывшаго префекта полиціи было палатой отклонено.

Между тѣмъ практика оффиціально болѣе несуществующихъ агентовъ нравственности и при преемникѣ Андріэ г. Camescasse продолжаетъ идти своимъ обычнымъ, торнымъ путемъ вѣковой традиціи. Правда, новый префектъ полиціи, быть можетъ, въ виду недоброй памяти инцидента, рѣшившаго служебную судьбу его предшественника, держится за то, чтобы заарестованіе неподчиненныхъ надзору женщинъ поодиночкѣ имѣло мѣсто не иначе, какъ при строжайшемъ соблюденіи соотвѣтствующихъ правилъ полицейскихъ инструкцій[1]). По увѣренію шефа безопасности г. Масé, Камескассъ не толь-

---

[1]) Декретомъ 19 сентября 1870 г. въ порядкѣ преслѣдованія чиновниковъ были отмѣнены не только требованіе предварительнаго разрѣшенія со стороны conseil d'état, но и «всѣ другія опредѣленія законовъ общихъ и спеціальныхъ, имѣющія своимъ предметомъ помѣхи, преграды (ayant pour objet d'entraver) въ преслѣдованіяхъ, направленныхъ противъ чиновниковъ». Не смотря на всю категоричность формулы, которой была выражена эта отмѣна, кассаціонный судъ съ 19 февраля 1872 г. настаиваетъ на томъ, что декретъ 1870 г. ничуть не уничтожилъ монополіи прокурорскаго преслѣдованія чиновниковъ: названный декретъ не дѣлаетъ опредѣленной ссылки («ne prononce aucune dérogation textuelle») на установившія эту монополію нормы уголовно-процессуальнаго кодекса; декретъ направленъ противъ помѣхъ въ преслѣдованіи чиновниковъ: однако подобныя преграды ни мало не составляютъ предмета законовъ, установившихъ исключительное правомочіе прокуратуры; ея монополія преслѣдованія «покоится на мотивахъ публичнаго интереса наивысшаго порядка (de l'ordre le plus élevé») (Д. Р. 1873. 1.286; 1875. 1.442).

[2]) Послѣдняя изъ относящихся сюда инструкцій того времени принадлежитъ къ концу управленія префектурою Андріэ и носитъ знаменательную дату 10 апрѣля.—кануна интерпелляціи Паскаля Дюрпа. «Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и даже въ собственномъ интересѣ, г.г. инспектора отдѣла безопасности, наблюдающіе за общественными дорогами, приглашаются проникнуться и строго сообразоваться со слѣдующими инструкціями: 1) они не должны приступать къ заарестованію неподчиненныхъ контролю

ко подвергаетъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, но даже и совсѣмъ увольняетъ отъ службы агента „который арестуетъ безконтрольную одиночку (fille insoumise isolée) внѣ условій, установленныхъ регламентомъ“ (Macé, Service, p. 295). Но въ то же время онъ широко пользуется пріемомъ облавъ, пріемомъ массовыхъ задержаній женщинъ, обитающихъ въ злополучныхъ garnes или имѣющихъ несчастье оказаться въ роковой моментъ ловли на улицѣ бѣднаго квартала. Характеръ его полицейской диктатуры надъ общественными „отбросами“ выбивается наружу даже въ самой формѣ его распоряженій. „Задержите дѣвицъ, очистите сегодня вечеромъ бульвары“ (arrêtez des filles, balayez ce soir les boulevards,—ibid., p. 317).—дѣло идетъ не о человѣческихъ личностяхъ, а скорѣе о „gibier de Saint-Lazare“, какъ въ заголовкѣ своихъ воспоминаній объ операціяхъ, по предмету нравственности, выражается ближайшій исполнитель распоряженій Камескасса-шефъ безопасности г. Macé... При столкновеніяхъ съ муниципальнымъ совѣтомъ имѣетъ мѣсто развѣ лишь стилистическая метаморфоза врачебно-полицейскихъ операцій: на вопросъ о пріемахъ ловли проститутокъ, предложенный Камескассу въ декабрѣ 1881 г. комиссіею совѣта, почтенный префектъ полиціи отвѣтилъ, что никакихъ „razzias“ или облавъ полиція не производитъ и что мѣры, которыя она допускаетъ, составляютъ не болѣе, какъ очищенія,—„les épurations“ (ср. Fiaux, La police, p. 130). Однако, по признанію самого Macé, полицейскій префектъ, „подъ предлогомъ очищенія, распоряжается устройствомъ совершенно безпорядочныхъ и безчеловѣчныхъ облавъ“.

дѣвицъ прежде, чѣмъ не констатируютъ самолично съ ихъ стороны нѣсколько послѣдовательныхъ приставаній къ мужчинамъ, по своей опредѣленности устраняющихъ всякую возможность сомнѣнія; 2) арестъ долженъ, сверхъ того, имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда женщина, послѣ ряда приставаній, можетъ быть застигнута съ сопровожденіи одного изъ мужчинъ, которыхъ она завлекала, и именно, когда она съ этимъ мужчиною будетъ входить въ частный или меблированный домъ или садиться на извозчика...

Каждый разъ долженъ быть представленъ подробный отчетъ» (Распоряженіе № 46; Macé, Service, p. 290 et 291).

«Вмѣсто того, продолжаетъ почтенный шефъ безопасности, чтобы изловить только развратныхъ, грубо налагаютъ руку на порядочныхъ женщинъ. Это—охота, загонъ, сопровождающійся скандальными и достойными сожалѣнія сценами,—за то дичь,—le gibier, захватывается en gros».

«Допущенныя, при этомъ, ошибки, должны падать не на посредствующихъ агентовъ, вынужденныхъ подчиняться, но на того, кто возлагаетъ на нихъ такое отвратительное дѣло (une aussi répugnante besogne). Фактически, впрочемъ, только перемѣщаютъ зло, нисколько отъ него не помогая. Въ заботахъ о своей популярности импровизованные администраторы избѣгаютъ razzias на большихъ бульварахъ въ виду опасныхъ осложненій,—и населеніе тюрьмы St.-Lazare постоянно образуютъ женщины бѣдныя, трудящіяся, обитающія внѣшніе, окраинные кварталы. Защитники такихъ женщинъ слишкомъ ничтожны, чтобы нужно было считаться въ подобныхъ случаяхъ съ протестами, съ жалобами» (Macé, Service, p. 295).

Произволъ агентовъ нравственности оказывается тѣмъ болѣе безграничнымъ, что сами руководители префектуры подчасъ остаются въ невѣдѣніи относительно настоящаго качества той или иной полицейской операціи. Пріемъ изготовленія своеобразныхъ оправдательныхъ документовъ, использованный бывшимъ префектомъ полиціи 11 апрѣля въ самой палатѣ депутатовъ, не замедлилъ найти себѣ достойныхъ послѣдователей въ рядахъ полицейской агентуры. Онъ скоро свилъ себѣ здѣсь настолько прочное гнѣздо, что годъ спустя послѣ разоблаченія слѣдственнымъ судьей, по дѣлу г-жи Eyben, свойства полицейскихъ отчетовъ Андріэ шефъ безопасности находитъ нужнымъ принять противъ даннаго пріема самыя рѣшительныя мѣры репрессіи.

«Нѣсколько разъ, мотивируетъ г. Macé свое распоряженіе отъ 26 мая 1882 г. за № 59 инспекторамъ безопасности, я имѣлъ сожалѣніе констатировать, что ради замаскированія ошибки или неловкости нѣкоторые агенты не останавливались передъ представленіемъ ложныхъ отчетовъ (n'hésitaient point à fournir des rapports mensongers), даже когда эта ложь нарушала незапятнанность и интересы другихъ лицъ.

До сихъ поръ, лжецы этой категоріи подвергались однимъ только дисциплинарнымъ взысканіямъ, но, не смотря на свою суровость, послѣднія были безсильны воспрепятствовать повторенію подобныхъ случаевъ.

Потому г.г. инспектора предупреждаются, что я твердо рѣшился на будущее время требовать немедленнаго и безусловнаго увольненія каждаго чиновника, который представитъ, по какой бы то ни было причинѣ, ложный отчетъ...

Г.г. инспектора приглашаются, въ ихъ собственномъ интересѣ, хорошенько проникнуться настоящимъ предписаніемъ, которое будетъ вывѣшено въ различныхъ помѣщеніяхъ отдѣла, дабы никто не могъ оправдываться его невѣдѣніемъ» (Macé, Service, p. 203).

Въ декабрѣ 1882 г. бюджетъ префектуры въ той его части, которая относится къ устройству врачебно-полицейскаго диспансера, былъ вотированъ въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ всего только двумя голосами большинства, 33 противъ 31. При этомъ, въ виду предложеній Levraud и Ивагюйо о необходимости выработать цѣлесообразную организацію борьбы съ сифилисомъ и венерическими болѣзнями, была возстановлена прежняя спеціальная комиссія совѣта, 1878—1880 г.г., по предмету полиціи нравовъ (Guyot, Rapport, p. 50).

Тщетно эта комиссія пытается получить отъ префектуры полиціи хотя бы статистическія данныя о числѣ регистрируемыхъ проститутокъ и о степени распространенія въ ихъ средѣ венерическихъ заболѣваній. Г. Камескассъ письмомъ отъ 6 апрѣля 1883 г. принципіально отказывается отъ сообщенія комиссіи какихъ бы то ни было свѣдѣній: онъ игнорируетъ задачи комиссіи и считаетъ своимъ долгомъ отнестись самымъ осторожнымъ образомъ къ ея будущимъ рѣшеніямъ (Fiaux, Rapport, p. 125). Комиссіи удается, однако, воспользоваться не только обильнымъ запасомъ опубликованныхъ данныхъ, но и показаніями цѣлаго ряда близко стоящихъ къ дѣлу надзора за проституціей лицъ, не считающихся съ профессіональною тайною полицейской префектуры. Соглашаясь съ аболиціонистскими выводами классическаго отчета своего докладчика д-ра Fiaux, комиссія представляетъ муниципальному совѣту проектъ о совершенномъ упраздненіи съ 1 января 1884 г. и второго бюро перваго отдѣла полицейской префектуры, извѣстнаго подъ именемъ „бюро полиціи нравовъ“, и бригады полиціи нравовъ, инкорпорированной 9 марта 1881 г. въ отдѣлъ безопасности, и dispensaire de salubrité полицейской префектуры, и второго отдѣленія тюрьмы St. Lazare со спеціальною больницею для проститутокъ. Предлагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиненіе промышляющихъ развратомъ женщинъ, съ точки зрѣнія общественной благопристойности, общеполицейскому наблюденію и преслѣдованію въ общеуголовномъ порядкѣ, а равно расширеніе и амбулаторной, и больничной

помощи для венерическихъ больныхъ, комиссія настаиваетъ, въ заключеніе, на томъ, чтобы сумма спеціальнаго бюджета префектуры, ассигнованная на отдѣлъ полиціи нравственности, была съ 1 января 1884 г. причислена къ бюджету assistance publique (Fiaux, Rapport, p. 122 et 123).

При такихъ обстоятельствахъ, правительство выражаетъ рѣшимость прибѣгнуть въ борьбѣ съ муниципальнымъ совѣтомъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Сперва возбуждается вопросъ о распущеніи совѣта, только что избраннаго вновь парижскимъ населеніемъ, но затѣмъ болѣе умѣстнымъ кажется законопроектъ объ отнесеніи издержекъ парижской полиціи къ общегосударственному бюджету и уничтоженіи всякой зависимости парижской полицейской префектуры отъ мѣстнаго муниципальнаго управленія. Внесенный 17 ноября 1883 г. въ палату самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (Вальдекъ-Руссо), этотъ проектъ loi de rattachement не встрѣчаетъ, однако, симпатій законодательнаго собранія... (Guyot, Rapport, p. 57, 100 et 101).

Тогда обнаруживается новая тактика префекта полиціи въ отношеніи къ муниципальному совѣту. Г. Камескассъ входитъ въ сношеніе съ подкомиссіею совѣта, призванною къ провѣркѣ бюджета префектуры и путемъ обѣщанія уступокъ добивается ея положительнаго вотума. По части полиціи нравовъ онъ обѣщаетъ отказаться отъ массовой ловли проститутокъ: „полицейскіе инспектора, на которыхъ возложенъ надзоръ за проституціею, будутъ прибѣгать къ мѣрамъ исполненія на общественныхъ дорогахъ (aux mesures d'exécution sur la voie publique) лишь въ исключительныхъ случаяхъ“ (Fiaux, La police, p. 59; Bull. cont., 1885, p. 5).

Однако, Camescasse не только упорно избѣгаетъ рѣшительной реформы института полиціи нравовъ, но явственно проявляетъ свое намѣреніе упрочить его существованіе. Въ сентябрѣ 1884 г. онъ снимаетъ съ агентуры нравственности ту маску, которою послѣдняя была заботлива ограждена отъ безпокойнаго вниманія общества его предшественникомъ г. Андріэ. За три года своихъ „ложныхъ выходовъ“ названная агентура успѣла дать возможность слишкомъ хорошо распознать себя, чтобы оставался еще какой-нибудь смыслъ въ ея прикрытіи. А между тѣмъ ущербъ деморализаціи отъ постояннаго соприкосновенія съ нею агентовъ безопасности былъ

очевиденъ: „по своей природѣ,—мы цитируемъ знаменательное признаніе тогдашняго шефа безопасности, отдѣлъ нравовъ (Service des Moeurs) отравляетъ все, что приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Между тѣмъ нужно, чтобы отдѣлъ безопасности возможно менѣе страдалъ отъ своего неудачнаго сосѣдства, такъ какъ если и важно обуздать безнравственность, то еще болѣе необходимо быть въ состояніи успѣшно оберегать жизнь и собственность всѣхъ вообще и каждаго въ частности“ (Macé. Service, p. 198 et 199). Г. Камескассъ возстановляетъ раздѣльное существованіе бригады безопасности и полиціи нравовъ. Не безъинтересно отмѣтить, что при этомъ большинство инспекторовъ отказывалось войти въ составъ спеціальной бригады нравственности,— „tant était bonne-même à la Préfecture—la réputation de la police des moeurs!“ (Fiaux, La police, p. 85).

30 декабря муниципальный совѣтъ, расходясь съ заключеніемъ свой подкомиссіи, большинствомъ 40 голосовъ противъ 34 отвергаетъ en bloc весь бюджетъ полицейской префектуры. На приглашеніе Камескасса разсмотрѣть этотъ бюджетъ, согласно закону, вторично, совѣтъ 31 декабря отвѣчаетъ резолюціею, принятою 39 голосами противъ 34, не отступать отъ своего рѣшенія. Префекту полиціи остается прибѣгнуть къ декрету, который бы возложилъ отвергнутый бюджетъ на парижское населеніе ex officio (Bull cont., 1885, p. 5). Но если онъ и добивается, такимъ образомъ, оффиціальнаго возстановленія бюджета, то этимъ еще ничуть не стираетъ нравственнаго значенія рѣшенія парижскаго муниципалитета По этому поводу умѣстно привести слова Вальдека-Руссо,—одно изъ опасеній, которыя заставляли его отстаивать въ палатѣ проектъ loi de rattachement: „когда вы будете ежегодно возстановлять ex officio кредитъ, въ которомъ вамъ откажутъ, останется нѣчто, что не возстановится ex officio,—это авторитетъ, престижъ, необходимые для такого учрежденія, какъ полицейская префектура“ (Journ. off., Chambre, Débats, 1884, t. I, p. 80).

Г. Камескассу, какъ префекту полиціи, не долго приходится переживать подобное состояніе своего учрежденія: съ паденіемъ министерства Ферри (Jules Ferry), онъ выходитъ въ отставку въ концѣ апрѣля 1885 г.

Бюджетъ префектуры на 1886 г. представляетъ муниципальному совѣту уже его преемникъ, г. Cragnon, бывшій до того времени главнымъ секретаремъ въ полицейской префектурѣ.

24 декабря совѣтъ отказывается утвердить и этотъ бюджетъ, и 30 декабря, большинствомъ 32 голосовъ 20, принимаетъ votum о томъ, „чтобы префектура полиціи была упразднена“ (Fiaux, La police, p. 65—67).

Тщетно почтенный Cragnon пытается возстановить порванныя связи съ муниципальнымъ совѣтомъ,—и даже снисходитъ въ засѣданіи послѣдняго 15 марта 1886 г. отвѣтить на интерпелляцію Эмиля Ришара о городской безопасности [1]). Однако совѣтъ не идетъ на уступки и въ декабрѣ 1886 г. отвергаетъ, какъ и прежде, очередной бюджетъ префектуры. При этомъ, муниципалитетъ снова выражаетъ свое пожеланіе о томъ, чтобы институтъ полицейской префектуры,—учрежденіе Бонапарта, несовмѣстимое съ республиканскимъ режимомъ,—было упразднено и чтобы судебныя функціи префектуры были переданы магистратурѣ, функціи т. наз. общей безопасности—министерству внутреннихъ дѣлъ, департаментскія—сенской префектурѣ и, наконецъ, муниципальныя—совѣту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, снова приходится декретомъ представителя исполнительной власти возстановить для префектуры полиціи возможность матеріальнаго существованія (ibid., p. 73; Lanterne 30. XII. 1886).

Напрасно парижская медицинская академія, единогласно вотируя 20 марта 1888 г. подтвержденіе санитарной необходимости усиленія мѣропріятій врачебно-полицейскаго надзора за про-

---

[1]) Парижское общество взволновано фактомъ убійства, только что происшедшаго, на почвѣ разврата, среди бѣлаго дня и въ присутствіи многолюдной толпы на rue de Gaîté: но развѣ онъ, префектъ полиціи, недостаточно энергиченъ въ своихъ мѣропріятіяхъ противъ проститутокъ. Положимъ, при Камескассѣ цифра арестовъ публичныхъ женщинъ не превышала въ 1883 г. 6415 и въ 1884 г.—7587; но при его управленіи префектурою въ 1885 г. арестовано 12761 женщина: какъ замѣчаетъ по этому поводу Fiaux, на цѣлую тысячу больше, чѣмъ даже при почтенномъ Лекурѣ! (Conseil mun., Procès-verbaux, 1886, p. 295—298; Fiaux, La police, p. 70).

ституціею, спѣшитъ принести полицейской префектурѣ свое авторитетное содѣйствіе (Bull. de l'Acad. de méd., 3 sér., t. XIX, p. 415) [1]).

Муниципальный совѣтъ и въ слѣдующихъ годахъ, до 1892 г. включительно, отвергаетъ бюджетъ полицейской префектуры, и въ его составѣ бюджетъ полиціи нравственности (Cons. mun., Procès-verbaux, 2 sem. 1888, p. 1126; 1889, p. 1012; 1890, p. 1198 et 1266; 1891, p. 599 et 1088; 1892, p. 1175 et 1289; 1893, p. 902 et suiv) [2]).

---

[1]) Парижское «Общество практической медицины», обсуждавшее вопросъ о регламентаціи одновременно съ преніями по нему въ академіи, принимаетъ 1 марта 1888 г. не менѣе рѣшительную резолюцію противъ института полиціи нравственности (Malécot, Les vénériens, append. p. 24).

[2]) Удары, нанесенные полиціи нравовъ во Франціи, не были въ силахъ подавить особенностей природы этого института. Въ самое послѣднее время, жгучій вопросъ о его судьбѣ снова привлекъ къ себѣ вниманіе общества. 8 мая текущаго года Le Temps сообщилъ, какъ полиція нравственности въ г. Rennes заарестовала и, какъ проститутокъ, привлекла къ врачебному освидѣтельствованію цѣлый рядъ оказавшихся въ бѣдственномъ положеніи, въ виду стачки, дѣвушекъ-работницъ. А на слѣдующій день въ названномъ органѣ послѣдовало извѣстіе о томъ, какъ въ центрѣ Парижа агенты полиціи нравовъ грубо наложили руку на двухъ дѣвушекъ незапятнанной репутаціи, сестру и невѣсту редактора Lanterne г. Forestier. Когда инцидентъ тотчасъ получилъ огласку, агенты нравственности поспѣшили оправдаться тѣмъ, что г. Форестье самолично вмѣшалъ въ дѣло свою сестру и невѣсту въ то время, какъ они, агенты, производили обычную операцію задержанія въ отношеніи двухъ завѣдомыхъ проститутокъ: послѣднія не замедлили представить въ полицейскую префектуру заявленіе, подтверждающее эту версію. Однако, показанія случайныхъ очевидцевъ инцидента скоро обнаружили совершенную лживость новаго пріема самозащиты, использованнаго блюстителями нравовъ. Раскрылось и то, какими низменными путями агентамъ удалось вырвать ложное заявленіе у двухъ женщинъ, состоявшихъ подъ надзоромъ... Префектъ полиціи г. Lépine увольняетъ взятыхъ имъ сперва подъ свою защиту агенговъ нравственности со службы. Муниципальный совѣтъ, «осуждая повторныя ошибки отдѣла нра-

Въ то время, какъ во Франціи, при борьбѣ парижскаго муниципальнаго совѣта съ полицейскою префектурою, разоблачалась роковая беззащитность женщины отъ посягательствъ со стороны полиціи нравственности, въ Бельгіи обнаруживается явленіе, воскресившее гнетущіе призраки далекаго прошлаго, фактъ грусной торговли дѣвушками,—торговли человѣческой личностью. Въ концѣ 1879 г. Alfred Dyer, лондонскій книгопродавецъ—издатель, освѣдомилъ публику, черезъ ежедневную прессу, о нѣсколькихъ опредѣленныхъ фактахъ позорной поставки англійскихъ дѣвушекъ, въ качествѣ живого товара, въ поднадзорные притоны г. Брюсселя. По его заявленію, особые агенты вертеповъ разврата завлекали несовершеннолѣтнюю дѣвушку обманомъ въ чужую страну и здѣсь, пользуясь незнаніемъ языка и неопытностью жертвы, помѣщали ее въ домъ терпимости, за дверьми котораго обманъ уступалъ мѣсто насилію. При этомъ, роль служителей полиціи нравовъ по надзору за притонами въ отношеніи къ фактамъ, сообщаемымъ г. Дайеромъ, проявлялась если не въ той или другой формѣ прямого участія въ оборотахъ постыднаго дѣла, то, по меньшей мѣрѣ, въ преступномъ попустительствѣ послѣднему (Guyot, Traite des vierges, p. IX, Bull. cont. 1880, p. 3 et 4).

Въ январѣ 1880 г. послѣдовало опроверженіе указанныхъ заявленій со стороны главнаго комиссара полиціи г. Брюсселя г. Lenaers.

Въ письмѣ къ редактору лондонскаго Standard отъ 10 января почтенный представитель брюссельской полиціи выражаетъ свое удивленіе по поводу корресподенціи Дайера, „тѣмъ болѣе, что въ Англіи такъ же хорошо извѣстно, какъ, впрочемъ, и вездѣ, что „полиція нравовъ“ въ Брюсселѣ организована столь же хорошо, какъ и во всякомъ другомъ конти-

---

вовъ» и «выражая сожалѣніе, что полицейскій префектъ, вмѣсто признанія съ перваго дня неправильныхъ дѣйствій своихъ агентовъ и наказанія виновныхъ, допустилъ опубликованіе, подъ своею отвѣтственностью, явно ложныхъ отчетовъ, единогласно вотируетъ 11 мая пожеланіе о томъ, «чтобы глубокія и рѣшительныя реформы были безотлагательно введены въ организацію полиціи нравовъ» (Bull. abolit., 1903 № 17, p. 50—55; № 18—19, p. 84 et 85).

нентальномъ городѣ и обезпечиваетъ самую широкую личную свободу".

«Эта отрасль въ Брюсселѣ контролируется непосредственно самимъ бургомистромъ, главою коммунальнаго управленія и, согласно регламенту, никакая женщина не можетъ быть допущена (въ притонъ) безъ формальнаго заявленія спеціальному агенту полиціи о своемъ полномъ согласіи; иностранки допрашиваются на ихъ родномъ языкѣ и никогда—въ присутствіи содержателя того дома (терпимости), куда онѣ желаютъ поступить».

«Другой регламентъ позволяетъ дѣвицамъ оставить (притонъ), когда онѣ пожелаютъ; осуществленіе этого права гарантируется частыми посѣщеніями особыхъ агентовъ, на которыхъ возложена миссія опрашивать дѣвицъ, не являются ли онѣ чѣмъ-либо недовольными» (Standard, 10. I. 1880).

По увѣренію г. Ленаерса весь разсказъ о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ въ отношеніи къ англійскимъ женщинамъ агентами брюссельскихъ поднадзорныхъ притоновъ, совершенно лживъ,—est aussi erronée que possible", и проповѣдь г. Дайера „весьма походитъ на какой-то новый видъ спекуляціи".

Въ февралѣ Дайеръ отправляется въ Брюссель для ближайшаго выясненія на мѣстѣ вопроса о положеніи англійскихъ дѣвушекъ въ домахъ терпимости. Мѣсяцъ спустя онъ публикуетъ въ Christian подробный отчетъ о своемъ разслѣдованіи. Онъ сообщаетъ, какъ ему удалось лично встрѣтить въ одномъ изъ поднадзорныхъ вертеповъ г. Брюсселя молодую англичанку, обманомъ завлеченную въ притонъ со своей родины и вынужденную, противъ своего желанія, тамъ оставаться, и какъ мѣстная полиція и представитель мѣстной прокуратуры г. Willemaers отклонили отъ себя его ходатайство властно вмѣшаться въ освобожденіе этой дѣвушки, послѣ того какъ послѣдняя обратилась къ нему съ просьбою вырвать ее изъ вертепа. Не встрѣтивъ участія со стороны брюссельскихъ властей, Дайеръ обращается за содѣйствіемъ къ англійскому посланнику; послѣдній оффиціально доводитъ вопросъ о секвестраціи англійской подданной въ притонѣ разврата до свѣдѣ-

нія бельгійскаго министра юстиціи (Dyer, Der Handel, S. 13 ff.; ср. Le National (belge), 25. III. 1880).

27 марта прокуроръ Willemaers адресуетъ въ Journal de Bruxelles, перепечатавшій отчетъ Дайера, письмо, въ которомъ онъ рѣшительно оспариваетъ основательность данныхъ этого отчета: если прокуратура и отклонила ходатайство Дайера, то лишь потому, что послѣдній самъ на категорично поставленный ему вопросъ, задерживается ли англійская дѣвушка въ притонѣ насильственно, отвѣтилъ отрицательно; и въ самомъ дѣлѣ, дознаніемъ, произведеннымъ вслѣдъ затѣмъ по предложенію министра юстиціи, установлено, что эта дѣвица продолжаетъ свой позорный промыселъ въ брюссельскомъ домѣ терпимости совершенно добровольно и охотно. Указывая, далѣе, на то, что толки о зарегистрированіи въ поднадзорные притоны г. Брюсселя несовершеннолѣтнихъ англичанокъ вызвали производство особаго слѣдствія, почтенный Willemaers не считаетъ своевременнымъ оглашеніе результатовъ послѣдняго и ограничивается слѣдующимъ заявленіемъ: „если многія несовершеннолѣтнія дѣвицы и были, по несчастью, введены съ брюссельскіе дома терпимости, то лишь посредствомъ ложныхъ метрикъ, *сфабрикованныхъ въ Англіи*, и большею частью, по крайней мѣрѣ, въ виду того, что подобные документы были представлены полицейскимъ чиновникамъ въ поддержку ложныхъ заявленій при внесеніи въ списки самими дѣвицами“ (Journal de Bruxelles, 31. III. 1880).

5 апрѣля въ бельгійскомъ Le National послѣдовало возраженіе на письмо г. Willemaers со стороны адвоката Дайера въ Брюсселѣ г. Splingard: онъ лично присутствовалъ при бесѣдѣ Дайера съ прокуроромъ, и теперь считаетъ долгомъ протестовать, будто Дайеръ поколебался признать положеніе женщины въ вертепѣ разврата секвестраціей, основанной на психическомъ или физическомъ насиліи. Можешь ли даже идти рѣчь о добровольномъ пребываніи женщины въ домѣ терпимости, о свободномъ ея усмотрѣніи оставаться въ притонѣ или уйти изъ него, когда проститутки публичнаго дома „никого не могутъ видѣть безъ предварительнаго согласія своихъ хозяевъ, не получаютъ адресованныхъ имъ писемъ, отпускаются изъ дому рѣдко и только съ провожатыми“, когда, наконецъ, „спеціальные замки на дверяхъ днемъ и ночью преграждаютъ имъ свободный выходъ, а нѣкоторыя комнаты, обитыя матрацами, внушаютъ особыя подозрѣнія“? (National, 5. IV. 1880).

При такихъ обстоятельствахъ въ Англіи образуется „Лондонскій комитетъ для раскрытія и подавленія торговли англійскими дѣвушками въ цѣляхъ континентальной проституціи“. Не взирая на успокоительныя заявленія брюссельскихъ властей, это общество продолжаетъ, подъ руководствомъ Бенжамена Скотта, дѣло разоблаченія позорныхъ фактовъ, начатое Дайеромъ. Публика широко ознакомляется съ этими фактами путемъ цѣлой серіи статей, публикуемыхъ по вопросу о торговлѣ бѣлыми рабынями г-жею Бетлеръ.

1 мая 1880 г. м-ссъ Butler сообщаетъ, между прочимъ, о томъ, что „въ Брюсселѣ, въ нѣкоторыхъ притонахъ разврата, заключены англійскія дѣвочки въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ,—дѣти украденныя, обманутыя или насильственно похищенныя... Присутствіе этихъ дѣтей неизвѣстно обычныхъ кліентамъ притоновъ; оно секретно открывается только богачамъ, которые въ состояніи уплатить за невинныя жертвы крупную сумму“ (The Shield, May 1, 1880, p. 64; Butler, Souvenirs, p. 335).

5 августа лондонскій комитетъ обращается къ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ съ памятною запискою, въ которой рѣшительно констатируется фактъ международнаго торга англійскими дѣвушками, и обрисовываются его способы и пріемы. Меморіалъ комитета сопровождается ходатайствомъ о томъ, чтобы министерство приняло энергичныя мѣры въ видахъ скорѣйшаго освобожденія женщинъ англійскаго подданства отъ позорнаго рабства на континентѣ (Report of the London Committee, app., p. 31—34). Вслѣдъ засимъ, 3 октября, второй интернаціональный конгрессъ аболиціонистской Федераціи въ Генуѣ принимаетъ слѣдующую резолюцію спеціально противъ торговли бѣлыми невольницами: „удостовѣрившись въ существованіи постоянной и широко раскинувшейся торговли женщинами въ Бельгіи и другихъ мѣстахъ, для пополненія личнаго состава поднадзорной проституціи; убѣжденный дошедшими до свѣдѣнія фактами, что полиція нравственности въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильно способствуетъ этой торговлѣ“, конгрессъ одобряетъ все сдѣланное до сихъ поръ правленіемъ Федераціи для подавленія международнаго торга женщинами и приглашаетъ свой исполнительный органъ и впредь энергически идти къ этой цѣли (Congrès de Gênes, p. 126).

Осенью 1880 г. брюссельскія власти дѣлаютъ рѣшительную попытку положить предѣлъ дерзкимъ нападкамъ аболиціонистовъ. Бельгійскій генералъ-прокуроръ, черезъ англійскаго министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаетъ Жозефинѣ Бетлеръ, опубликовавшей послѣднія разоблаченія, подъ угрозою уголовной отвѣтственности за лайбель, подтвердить присягою передъ англійскимъ магистратомъ, что хотя бы одинъ ребенокъ былъ развращаемъ въ домахъ терпимости Брюсселя („to prove a single case in Brussels of outraged childhood in any house of the kind"; Butler, Personal reminiscences, p. 376).

Былъ моментъ, когда искра невольнаго сомнѣнія пробѣжала среди аболиціонистовъ; несмотря на достовѣрность раскрытыхъ фактовъ, не вѣрилось,—было страшно повѣрить, въ ихъ дѣйствительность. Полиція нравственности, въ центрѣ европейской культуры XIX вѣка, была слишкомъ прославлена своимъ образцовымъ устройствомъ, чтобы рѣшиться бросить ей въ лицо обвиненіе въ ведущейся подъ ея прикрытіемъ организованной торговлѣ людьми, малолѣтками, въ самой возмутительной формѣ. Къ судейскому столу, передъ которымъ должна была дать свое показаніе г-жа Беглеръ, призывалось въ ея лицѣ и представляемое ею движеніе,—и здѣсь предстояло ему или, отказавшись отъ присяги, сознаться въ безуміи своихъ нападокъ, или, присягнувъ, взять на себя тяжелую отвѣтственность передъ всѣмъ обществомъ. Минута колебанія была, однако, недолгой. Аболиціонизмъ, въ своей борьбѣ съ регламентаціей, видѣлъ уже достаточно много униженій человѣческой личности, чтобы и въ самомъ дѣлѣ серьезно усумниться въ мыслимости факта позорной торговли женщинами, подростками, при участіи или попустительствѣ брюссельской полиціи нравовъ! 8 ноября 1880 г. въ Ливерпулѣ м-ссъ Бетлеръ торжественно, подъ присягою, подтверждаетъ передъ судомъ достовѣрность цѣлаго ряда сообщенныхъ ею ранѣе фактовъ половой эксплоатаціи дѣвочекъ 10—14 лѣтъ въ домахъ терпимости г. Брюсселя. Она присоединяетъ къ этому опредѣленныя указанія на участіе въ дѣлѣ эксплоатаціи поднадзорныхъ проститутокъ брюссельской полиціи. Въ виду, однако, того обстоятельства, что подобныя указанія не были приняты магистратомъ, какъ выходящія за предѣлы вопросовъ, которые требовалось поставить г-жѣ Бет-

леръ по инструкціи home office, она предъявляетъ ихъ въ особомъ заявленіи министру внутреннихъ дѣлъ.

Здѣсь Жозефина Бетлеръ удостовѣряетъ, между прочимъ, слѣдующіе факты.

Увѣряя, будто несовершеннолѣтнія могли попасть въ брюссельскіе притоны только благодаря подложнымъ документамъ, представленіемъ коихъ удалось обмануть бдительность врачебно-полицейской агентуры, прокуроръ Willemaers, очевидно, самъ введенъ въ заблужденіе главнымъ комиссаромъ брюссельской полиціи: представленію оффиціальнаго отчета прокурорскому надзору со стороны послѣдняго объ отсутствіи несовершеннолѣтнихъ въ домахъ терпимости г. Брюсселя предшествовало 29 февраля 1880 г.,—въ день вызваннаго разоблаченіями Дайера осмотра притоновъ прокуратурою, спѣшное удаленіе, по экстренному приказу главнаго полицейскаго комиссара, мѣстнымъ начальникомъ полиціи нравовъ изъ нѣсколькихъ поднадзорныхъ вертеповъ въ дѣйствительности тамъ эксплоатировавшихся несовершеннолѣтнихъ. Далѣе раскрывалось, что этотъ главный комиссаръ брюссельской полиціи г. Lenaers, состоитъ, подъ именемъ живущаго при немъ сына, таможеннымъ комиссіонеромъ, и что домъ „Lenaers сынъ" поставляетъ вина и пр. домамъ проституціи... (The deposition on Oath of. J. E. Butler; франц. пер. National, 15. 1. 1881 suppl).

2 декабря прокуроръ Willemaers обращается къ главному полицейскому комиссару съ запросомъ о томъ, практикуется ли дѣйствительно полиціею нравовъ г. Брюсселя, и на какомъ законномъ основаніи, внесеніе въ проституціонные списки малолѣтнихъ,— фактъ, который онъ такъ категорично отрицалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Г. Ленаерсъ отклоняетъ отъ себя ближайшій отвѣтъ на этотъ запросъ: въ дѣлѣ врачебнаго надзора за несовершеннолѣтними проститутками, въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ, полиція опирается всецѣло на особое постановленіе коллегіи бургомистра и старшинъ (collége échevinal), которой и надлежитъ въ настоящемъ случаѣ отвѣтствовать (Feuilles sous pli, № 3, p. 30).

Отмѣченнымъ запросомъ брюссельской прокуратуры дѣлу о половой эксплоатаціи дѣвушекъ въ Бельгіи было дано новое направленіе. По заявленію самого Willemaers, предварительное слѣдствіе по поводу фактовъ, раскрытыхъ въ началѣ года

Дайеромъ, еще въ концѣ марта было почти закончено. Теперь оно быстро движется къ развязкѣ судебнаго засѣданія: 13—16 декабря передъ исправительнымъ трибуналомъ г. Брюсселя на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію въ обольщеніи и секвестраціи несовершеннолѣтнихъ, въ возбужденіи къ разврату, въ дурномъ обращеніи и въ насильственныхъ дѣйствіяхъ, въ подлогахъ и присвоеніи власти, занимаетъ мѣсто цѣлая группа содержателей и экономокъ поднадзорныхъ притоновъ и субъектовъ, участвующихъ въ иныхъ формахъ профессіи проксенетизма.

Органъ прокурорскаго надзора утверждаетъ фактъ существованія въ Лондонѣ преступнаго сообщества изъ лицъ, не принадлежащихъ къ англійской націи, съ цѣлями развращенія молодыхъ дѣвушекъ и увоза послѣднихъ, подъ предлогомъ брака или инымъ, на континентъ, въ дома терпимости. Одинъ изъ членовъ шайки занимается спеціально подлогомъ документовъ, требующихся для внесенія этихъ дѣвицъ въ списки поднадзорныхъ; другой-служитъ переводчикомъ, когда при зачисленіи въ проститутки не оказывается оффиціальнаго агента, который умѣлъ бы понять объясненія несчастныхъ (Feuilles, № 2, p. 9).

Начальникъ полиціи нравовъ, г. Schröder, допрошенный въ качествѣ свидѣтеля, вынужденъ признаться въ томъ, что, дѣйствительно, когда зачислялись англичанки, присяжнаго переводчика еще не было въ бюро нравственности. По обычаю, существовавшему въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ, онъ прибѣгалъ въ этихъ случаяхъ къ сопровождавшимъ дѣвицу экономкѣ или хозяину дома терпимости. Замѣтивъ неудобства этого порядка, онъ обратился къ главному комиссару съ ходатайствомъ о наймѣ переводчика... (ibid. p. 13).

Свидѣтельскими показаніями устанавливается, что, при такихъ условіяхъ, злоупотребленія неопытностью и беззащитностью несовершеннолѣтнихъ иноземокъ доходило до того, что иной разъ вся процедура подчиненія надзору, до врачебнаго освидѣтельствованія включительно, продѣлывалась обманно подъ видомъ таможеннаго досмотра, будто бы такъ обставленнаго для всѣхъ прибывающихъ иностранцевъ въ Брюсселѣ. Случалось, что агентъ притона, исправляющій при бюро нравственности роль переводчика, настойчиво совѣтовалъ дѣвицѣ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, давать тѣ самыя свѣдѣнія, ко-

торыя удостовѣрялись подложными метриками: дѣлая, такимъ образомъ, свою жертву участницею подлога, проксенеты еще болѣе упрочивали силу своего господства надъ нею (ib., № 3, p. 23).

Что касается роли, которую въ оборотахъ этого позорнаго дѣла играли нѣкоторые врачи, то она въ извѣстной степени характеризуется слѣдующимъ, выяснившимся на судебномъ слѣдствіи, инцидентомъ съ одной изъ жертвъ эксплоатаціи.

А. Т. была зачислена въ проститутки не только дѣвственной, но и совсѣмъ неспособной, въ виду анатомическихъ особенностей, къ половымъ сношеніямъ. Тщетно кліенты притона пытались насильственно овладѣть ею: отъ ихъ посягательствъ несчастная испытала однѣ мучительныя боли, и изнеможденная, разбитая, ждала смерти...

Двѣ недѣли спустя А. Т. была заключена въ госпиталь: три первые мѣсяца пошли на излеченіе мѣстныхъ пораженій, вызванныхъ грубыми посягательствами, а послѣдующіе три— на операцію, которая сдѣлала бы ее годною къ проституціи. Потребовалось семь сеансовъ хирургическаго искусства для того, чтобы эта задача могла быть успѣшно разрѣшена.

Въ отчетахъ госпиталя дѣлается короткая отмѣтка, что паціентка страдала сифилисомъ; на судебномъ слѣдствіи данныя отчета подтверждаетъ главный врачъ госпиталя д—ръ Thiry.

Однако д—ръ Corten, свидѣтельствовавшій потерпѣвшую въ порядкѣ врачебно-полицейскаго надзора, ранѣе удостовѣрилъ, что при подчиненіи надзору А. Т. „была совершенно здорова и представляла еще всѣ внѣшніе признаки (toutes les apparences) дѣвственности“. Въ свидѣтельствѣ, которымъ онъ снабдилъ ее для помѣщенія въ госпиталь двѣ недѣли спустя, нѣтъ никакого указанія на открытіе у нея симптомовъ сифилиса. При допросѣ на судебномъ слѣдствіи д—ръ Corten и его коллега по диспансеру, д—ръ Schuermans, подтверждаютъ, что у дѣвицы А. Т. зараженія венерическою болѣзнью они ничуть не обнаружили. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, что д—ръ Duncan, извѣстный англійскій врачъ, изслѣдовавшій въ конецъ подорванное здоровье А. Т. по ея возвращеніи въ Лондонъ, „подтверждаетъ ея заявленіе объ ужасной операціи, жертвой которой она была“, но „онъ не открылъ у нея ни

малѣйшаго слѣда зараженія сифилисомъ"... (ib., p. 13—15; 25 et 26; 20 et 21).

Минуя примирительную гипотезу, предложенную для разрѣшенія противорѣчія д—ромъ Guillery,—указаніе на возможность ошибки въ госпитальномъ отчетѣ, переходимъ къ другимъ фактамъ, которые были выяснены процессомъ брюссельскихъ проксенетовъ.

Секвестрація дѣвицъ въ поднадзорныхъ притонахъ достигается цѣлою системою своеобразныхъ пріемовъ лишенія свободы. Содержатель конфискуетъ костюмы, принадлежащіе пансіонеркамъ, оставляя имъ въ распоряженіе одинъ только спеціальный нарядъ—„un costume de bébé et un maillot": это дѣлается, по признанію самого Шрёдера, съ вѣдома полиціи,—„въ интересахъ сохранности собственной одежды дѣвицъ". Если иной разъ женщинѣ и предоставляется выйти изъ притона, то лишь въ сопровожденіи содержательницы или экономки: а такъ какъ въ этихъ случаяхъ приходится платить и за экипажъ, и за угощеніе провожатой, то въ результатѣ оказывается, что каждая отлучка изъ заведенія обходится заключенной въ 20—30 франковъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить особую систему замковъ, при которой въ притонъ легко войти, но безъ особаго ключа нельзя выйти,—и побои, встрѣчающіе каждую попытку женщины преодолѣть препятствія къ своему освобожденію изъ вертепа. Установленнаго показаніями цѣлаго ряда свидѣтелей факта нанесенія дѣвицамъ побоевъ не отрицаютъ и сами подсудимые: такъ, одна изъ экономокъ дома терпимости, обвиняемая, между прочимъ, въ нанесеніи пансіонеркѣ ударовъ, признается въ томъ, что однажды, когда эта послѣдняя не хотѣла показаться кліентамъ, она силою вывела ее изъ своей комнаты, но что она „никогда не била дѣвицъ иначе, какъ по приказу хозяйки". До какой степени прегражденo женщинѣ добровольное оставленіе притона, характеризуетъ слѣдующій инцидентъ. Когда двумъ англійскимъ дѣвушкамъ удалось бѣжать изъ публичнаго дома, содержатель, хозяйка притона и двѣ экономки тотчасъ бросились за ними въ погоню: настигнутыя на улицѣ, дѣвушки просятъ собравшуюся публику принять ихъ подъ свою защиту. Но содержатель притона заявляетъ толпѣ, что онъ агентъ полиціи нравственности и что это его обязанность—оказать бѣжавшей изъ заведенія проституткѣ надлежащую помощь. У свидѣтелей

сцены нѣтъ основанія усумниться въ его словахъ,—и хозяинъ притона властно водворяетъ свою жертву въ вертепъ разврата (ib., № 2, p. 17—20; 25—28).

Тщетно защита пытается выставить въ пользу подсудимыхъ достойную роль людей, которымъ злостно препятствуютъ легально осуществлять патентованную государствомъ профессію. Напрасно г. Hallet, защитникъ одного изъ главныхъ представителей шайки, Roger, увѣряетъ, что для осуществленія позорной профессіи сводничества надо обладать и прямотою, и честностью. Отказываясь отъ поощренія и роли, и свойствъ почтенныхъ агентовъ половой эксплоатаціи, брюссельскій исправительный трибуналъ своими приговорами отъ 14—16 декабря признаетъ одинадцать подсудимыхъ виновными въ предъявленныхъ къ нимъ обвиненіяхъ (ib., p. 32 et 33; 36; № 3, p. 32).

Дѣло содержателей поднадзорныхъ притоновъ г. Брюсселя, и ихъ пособниковъ, неизбѣжно выдвигало вопросъ объ участіи и отвѣтственности лицъ иного положенія, чѣмъ какіе то темные проксенеты, занимавшіе по данному дѣлу скамью подсудимыхъ.

19 декабря брюссельскія газеты сообщаютъ о подачѣ въ отставку двухъ старшинъ и г. Vanderstraeten, бургомистра г. Брюсселя. Мы не въ состояніи выдѣлить изъ ряда мотивовъ, до перикардита включительно, которыми бельгійская пресса пыталась объяснить эту отставку, критическую причину удаленія отъ городскихъ дѣлъ почтеннаго представителя брюссельскаго муниципалитета,—и довольствуемся здѣсь указаніемъ лишь на то обстоятельство, что коммунальный совѣтъ, принявъ 20 декабря отставку г. Vanderstraeten, нашелъ умѣстнымъ въ томъ же засѣданіи назначить особую комиссію для разслѣдованія фактовъ, относящихся къ полиціи нравственности (National, 20 et 21. XII. 1880).

Скоро, однако, опредѣленно устанавливается такое обстоятельство, которое не замедлило подтвердить причастность брюссельскаго бургомистра къ достойной профессіи содержателей поднадзорныхъ притоновъ.

22 декабря Le Précurseur сообщаетъ о нотаріальномъ договорѣ, заключенномъ, въ ноябрѣ 1879 г., бывшимъ бургомистромъ г. Брюсселя съ г. Coppens, однимъ изъ содержателей мѣстныхъ притоновъ разврата. Предметомъ этого кон-

тракта,—его текстъ читатель найдетъ цѣликомъ въ листкѣ „La Faillite de la Maison de Bruxelles“, 12. I. 1881,—являлась продажа г-мъ Vanderstraeten названному содержателю притоновъ унаслѣдованнаго отъ родителей дома. Изъ условій контракта явствуетъ, что почтенный бургомистръ, предоставляя свое отцовское наслѣдіе на устройство притона разврата, дѣлался особенно близко заинтересованнымъ въ матеріальныхъ судьбахъ этого притона: онъ продавалъ свой домъ въ разсрочку,—и аккуратность ежегодной уплаты въ десять тысячъ франковъ, которую ему предстояло получать отъ содержателя заведенія въ теченіе ближайшихъ девяти лѣтъ, зависила, конечно, прежде всего, отъ успѣха позорнаго промысла. Небезразличное отношеніе г. Vanderstraeten къ матеріальной судьбѣ новаго притона, въ который онъ преобразовывалъ свой родительскій домъ, подтверждается въ частности и особымъ условіемъ договора, по которому пріобрѣтатель обязывался, въ теченіе ближайшихъ шести мѣсяцевъ, озаботиться комфортабельнымъ приспособленіемъ и обстановкою дома, въ соотвѣтствіи съ его новымъ назначеніемъ,—стоимостью не ниже сорока тысячъ франковъ. Замѣтимъ, наконецъ, что полицейское разрѣшеніе на открытіе въ домѣ почтеннаго бургомистра поднадзорнаго притона было дано будущему покупателю за много дней раньше заключенія контракта, и что въ самый договоръ о продажѣ была введена характерная оговорка, воспрещающая пріобрѣтателю измѣнить новое назначеніе недвижимости г-на Vanderstraeten.

Вслѣдъ за разоблаченіемъ роли почтеннаго бургомистра въ дѣлѣ общественной нравственности злобою дня становится вопросъ о характерѣ участія въ томъ же дѣлѣ и г. Schröder, начальника полиціи нравовъ, и главнаго полицейскаго комиссара г. Брюсселя г. Lenaers.

21 декабря 1880 г. Henri Boland, главный редакторъ брюссельскаго Le National, заявляетъ г-ну Buls, замѣстителю вышедшаго въ отставку бургомистра, о томъ, что въ его рукахъ имѣются свѣдѣнія, относящіяся къ грустнымъ открытіямъ послѣднихъ дней, и ходатайствуетъ о доставленіи ему возможности представить эти свѣдѣнія ревизіонной комиссіи, организованной наканунѣ коммунальнымъ совѣтомъ. Комиссія находитъ умѣстнымъ ознакомиться съ этими свѣдѣніями. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ Boland опубликовываетъ въ

National,—n° отъ 13 января 1881 г. и Supplément,—свои показанія коммунальной комиссіи. Текстъ этихъ показаній, составляющихъ въ значительной части переводъ показаній г-жи Бетлеръ ливерпульскому магистрату, въ тысячахъ экземпляровъ распространяется по Брюсселю. Заклейменные этими показаніями, Lenaers и Schröder настаиваютъ на клеветническомъ характерѣ брошенныхъ противъ нихъ обвиненій и требуютъ отъ редактора National удовлетворенія въ порядкѣ гражданскаго процесса.

Защита Boland ходатайствуетъ о томъ, чтобы разборъ исковъ почтенныхъ представителей брюссельской полиціи былъ отложенъ, пока муниципальная комиссія, которой отвѣтчикомъ были представлены инкриминируемыя показанія, сама не придетъ къ какому-нибудь рѣшенію. Однако судъ, въ разрѣзъ съ заключеніемъ прокурора, отвергаетъ это ходатайство стороны, и предлагаетъ г-ну Boland тотчасъ же представить свои возраженія противъ иска. Редактору National такой оборотъ дѣла не создаетъ особенно серьезной помѣхи: онъ допускаетъ противъ себя заочное рѣшеніе и, пользуясь срокомъ для подачи отзыва, продолжаетъ запасаться доказательствами. Но ревизіонная комиссія коммунальнаго совѣта принуждена бездѣйствовать въ виду отсутствія свидѣтелей, которые пожелали бы теперь добровольно, по собственной иниціативѣ, представить ей свои показанія: она пріостанавливаетъ разслѣдованіе на время, пока дѣло Boland не будетъ окончательно разрѣшено судомъ, и потомъ, за выходомъ изъ ея состава нѣсколькихъ членовъ, преждевременно распадается (National, 2, 13, 14, 21. II; 29. VI. 1881).

Тактика, усваиваемая въ процессѣ противъ Boland Ленаерсомъ и Шрёдеромъ сводится къ выбору изъ цѣлаго ряда показаній, характеризующихъ образъ дѣйствій брюссельской полиціи, лишь двухъ-трехъ отдѣльныхъ моментовъ. Начальникъ полиціи нравовъ не настаиваетъ въ сущности на клеветническомъ характерѣ обвиненія его въ томъ, что онъ зачислялъ въ проститутки малолѣтнихъ, допускалъ къ роли переводчика, во врачебно-полицейскомъ бюро, саму содержательницу или прислугу дома терпимости, не принималъ надежныхъ мѣръ къ выясненію подлоговъ въ документахъ дѣвицъ, вербуемыхъ въ притоны, къ пресѣченію ихъ секвестраціи въ публичныхъ домахъ, не оказывалъ имъ защиты отъ систематическихъ на-

силій, и пр., и пр. Шрёдеръ возмущается тѣмъ, что ему приписанъ фактъ составленія для зачисленной имъ подъ надзоръ несовершеннолѣтней француженки Zélie Voiturier такого проституціоннаго билета, въ которомъ возрастъ послѣдней неосновательно и умышленно помѣченъ на два года выше, чѣмъ въ метрикѣ. Придерживаясь такой же тактики, Ленаерсъ, съ своей стороны, сосредоточиваетъ вниманіе суда на томъ моментѣ разоблаченій Boland, будто главный начальникъ брюссельской полиціи, прикрывая собственное торговое предпріятіе именемъ своего сына, въ дѣйствительности самъ являлся главнымъ поставщикомъ вина и прочихъ предметовъ почти во всѣ поднадзорные притоны Брюсселя (ib., 2. II. 1881).

Чтобы оспорить основательность показаній Boland касательно Zélie Voiturier, Шрёдеръ заручается бюллетенемъ коммунальной администраціи г. Льежа, гдѣ названная дѣвица состояла подъ надзоромъ раньше, чѣмъ оказаться въ вѣдѣніи брюссельской полиціи нравовъ: уже въ этомъ бюллетенѣ она помѣчена родившеюся двумя годами раньше, чѣмъ какъ ея возрастъ опредѣляется свидѣтельствомъ о рожденіи; къ тому же Шрёдеръ присоединяетъ и ея собственную росписку: передъ выдачею ей проституціоннаго билета въ Брюсселѣ Zélie формально заявила врачебно-полицейскому бюро, что ея настоящій возрастъ опредѣляется именно той цифрою, которая помѣчена на льежскомъ бюллетенѣ.

Неизвѣстно, оказалась ли бы достаточно надежною подобная защита г. Шрёдера, когда art. 5 брюссельскаго регламента о проституціи 24 іюня 1851 г. опредѣленно требуетъ представленія дѣвицею, подлежащей инскрипціи, свидѣтельства о рожденіи, если бы коллегія старшинъ Брюсселя, еще въ бытность бургомистромъ города г. Vanderstraeten, не взяла на себя предупредительно задачи прійти на помощь почтенному блюстителю нравственности. 15 декабря 1880 г.,—за нѣсколько дней до выхода въ отставку Vanderstraeten и двухъ старшинъ, коллегія послѣднихъ (collége échevinal) представила особое заявленіе прокурорскому надзору по поводу запроса, адресованнаго послѣднимъ 2 декабря (ср. выше, стр. 262) главному полицейскому комиссару: коллегія старшинъ принимала на себя отвѣтственность за допущеніе въ брюссельскіе поднадзорные притоны дѣвицъ, не достигшихъ совершеннолѣтія, участь которыхъ тогда обратила на себя вниманіе прокуратуры.

Положительно констатируя фактъ допущенія въ дома разврата несовершеннолѣтнихъ, коллегія пыталась оправдать подобную систему, практикуемую брюссельской полиціей, ссылкою на то обстоятельство, что мѣстный регламентъ о проституціи, разрѣшая въ принципѣ допущеніе женщинъ въ дома разврата, не дѣлаетъ при этомъ опредѣленно какого-либо различія между дѣвицами взрослыми и несовершеннолѣтними, во всякомъ возрастѣ (ср. art. 1, 3, 14 и 22 регл. о прост. 24 іюня 1851 г.; National, 6. III. 1881).

Этотъ документъ коллегіи оказался какъ нельзя болѣе кстати для защиты Шрёдера: пусть актъ рожденія злосчастной Zélie и удостовѣряетъ ея несовершеннолѣтіе въ моментъ зачисленія въ списки брюссельскихъ проститутокъ, пусть даже билетъ, выданный ей агентами полиціи нравовъ содержитъ преувеличенную цифру ея возраста, развѣ все это сколько нибудь въ состояніи возбудить хотя бы малѣйшее подозрѣніе въ умышленномъ обращеніи начальника нравственности къ подлогу? Если послѣдній вправѣ прикрѣпить къ проституціи любую затерявшуюся въ сутолокѣ жизни малолѣтку, то что за нелѣпость приписывать ему умышленное обращеніе къ какимъ-то недозволеннымъ средствамъ ради зачисленія въ брюссельскій притонъ разврата несовершеннолѣтней Voiturier!

Замѣтимъ кстати, что памятный фактъ выхода въ отставку бургомистра и двухъ старшинъ изъ коллегіи, представившей прокурорскому надзору этотъ знаменательный документъ, не былъ еще въ состояніи ослабить его авторитета: отъ имени коллегіи г-на Vanderstraeten подъ этимъ заявленіемъ росписался 15 декабря 1880 г. какъ разъ самъ г. Buls, старшина, продолжающій исправлять со времени выхода (четыре дня спустя) въ отставку почтеннаго контрагента г. Coppens функціи бургомистра г. Брюсселя.

Уже представитель прокурорскаго надзора въ дѣлѣ Schröder-Boland не замедлилъ оцѣнить спасительное значеніе документа отъ 15 декабря. Исходя въ принципѣ изъ той точки зрѣнія, что, въ силу art. 379 уголовнаго кодекса, допущеніе несовершеннолѣтнихъ въ притоны разврата не можетъ быть признано правомѣрнымъ, онъ не преминулъ, однако, сдѣлать въ своемъ заключеніи слѣдующую оговорку. „Коллегія полагала, что несовершеннолѣтняя можетъ быть зачислена въ домъ проституціи; эта правовая ошибка не можетъ, конечно, имѣть

силы противъ закона, не можетъ создать правомѣрной практики; но, будучи допущена высшимъ въ порядкѣ подначалія органомъ, она совершенно покрываетъ подчиненнаго". Въ результатѣ—рѣшеніе гражданскаго трибунала отъ 23 марта 1881 г., которымъ искъ Шрёдера признается основательнымъ, и отвѣтчикъ, г. Boland, присуждается къ напечатанію даннаго судебнаго рѣшенія, въ формѣ „réparation judiciaire", въ National и другихъ десяти бельгійскихъ газетахъ (ib., 9. III; 24. VII. 1881).

Въ то время, какъ Шрёдеръ прикрывается, такимъ образомъ, „правовою ошибкою" своего начальства, почтенный Ленаерсъ, ради возстановленія своей репутаціи, обращается къ содѣйствію нѣсколько иного рода. 10—29 апрѣля пять свидѣтелей, выставленныхъ имъ въ доказательство лживости факта его торговыхъ связей съ поднадзорными притонами, одинъ за другимъ, подъ присягою, категорически утверждаютъ, въ разрѣзъ съ показаніями свидѣтелей противной стороны, и то, что Ленаерсъ отецъ не принималъ ровно никакого участія въ коммерческихъ дѣлахъ своего сына, и то, что послѣдній если и былъ поставщикомъ, то лишь въ качествѣ таможеннаго агента, въ качествѣ не болѣе какъ комиссіонера-экспедитора, и при томъ менѣе всего поставщикомъ по питейной части... (ib., 14 et 20. IV. 1881).

30 апрѣля и 14 мая Boland адресуетъ жалобы бельгійскому генералъ-прокурору, обвиняя сперва одного, а затѣмъ и прочихъ четырехъ свидѣтелей г. Lenaers въ лжесвидѣтельствѣ. Открытое противъ названныхъ свидѣтелей слѣдствіе находитъ нужнымъ, не взирая на протесты Ленаерса сына, открыть его торговыя книги и уже благодаря этому получаетъ возможность наглядно выяснить коммерческія сношенія съ притонами разврата почтеннаго Ленаерса отца (ib., 21. V. 1881).

Уголовный процессъ противъ лжесвидѣтелей г. Ленаерса раскрываетъ, что его торговый домъ былъ поставщикомъ не нѣкоторыхъ только притоновъ, какъ, напр., притона Roger, печальной памяти, или Coppens, контрагента г. Vanderstraeten, но и всѣхъ вообще видныхъ предпріятій въ эксплоатаціи разврата. Торговыя книги указали на то, что домъ Ленаерса находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ брюссельскими притонами терпимости; слѣдствіе обнаружило больше: домъ Ле-

наерса предпочтительно искалъ такого рода кліентовъ. Его посредникомъ, въ этомъ отношеніи, съ содержателями былъ, между прочимъ, полицейскій комиссаръ Lemoine, ранѣе печально прославившійся наслѣдственнымъ отказомъ, въ видѣ двухъ публичныхъ домовъ, любезно оставленныхъ ему одною изъ содержательницъ брюссельскихъ притоновъ. Черезъ названнаго комиссара полиціи нѣкоторые содержатели были, извѣстнымъ образомъ, вынуждаемы завязать торговыя сношенія съ домомъ Ленаерса. При этомъ, домъ Ленаерса, какъ снова видно изъ его торговыхъ книгъ, выступалъ, въ сношеніяхъ съ притонами, не какъ таможенная агентура или транспортная контора, но какъ торговое предпріятіе, пріобрѣтающее вино для продажи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отношеніе шефа полиціи къ коммерческимъ дѣламъ сына не носило характера простой отеческой заботливости, но всѣ признаки прямого активнаго участія: въ рукахъ Ленаерса отца остается ключъ отъ кассы торговаго дома, Ленаерсъ отецъ принимаетъ и увольняетъ служащихъ по торговлѣ: никто другой, какъ онъ, однажды заявляетъ о своемъ намѣреніи покончить съ торговлей и, при этомъ, предлагаетъ своимъ конторщикамъ, въ возмѣщеніе потери мѣста, должности полицейскихъ комиссаровъ; онъ же, другой разъ, властно удаляетъ на нѣсколько мѣсяцевъ вовсе своего сына,—и въ это время лично ведетъ всѣ коммерческія операціи дома; короче говоря, если Ленаерсу сыну принадлежалъ этикетъ торговаго дома, то, во всякомъ случаѣ, его настоящимъ хозяиномъ и управителемъ оставался самъ почтенный начальникъ брюссельской полиціи (ib., 27. VI. 1881; ср. 13. I. 1881).

9 іюня брюссельская апелляціонная палата подтверждаетъ рѣшеніе гражданскаго трибунала. по дѣлу Schröder-Boland, и въ мотивахъ своего рѣшенія высказывается, между прочимъ, о памфлетѣ National, какъ о „спекуляціи, разсчитанной на нездоровое любопытство части публики“. Но уже 25 іюня брюссельскій исправительный трибуналъ выноситъ обвинительный приговоръ четыремъ изъ лжесвидѣтелей Ленаерса. И въ тоже время коллегія старшинъ временно устраняетъ послѣдняго отъ исполненія функцій главнаго комиссара брюссельской полиціи. Вслѣдъ затѣмъ разносится слухъ, будто 14 іюля городское управленіе производитъ спеціальную ревизію въ бюро почтеннаго комиссара полиціи, и будто эта ре-

визія обнаруживаетъ факты, небезразличные и для г. Шрёдера. Какъ бы то ни было, 21 іюля послѣдній находитъ своевременнымъ подать въ отставку отъ должности полицейскаго начальника нравственности; въ послѣднихъ числахъ іюля коммунальный совѣтъ принимаетъ его отставку большинствомъ 16 голосовъ противъ 7, настаивающихъ на его увольненіи отъ должности. Наконецъ, 1 августа 1881 г. издается королевскій указъ объ увольненіи отъ должности почтеннаго Ленаерса— „въ виду погрѣшностей, которыя, не имѣя преступнаго характера, составляютъ, тѣмъ не менѣе, серьезное нарушеніе спеціальныхъ обязанностей, лежавшихъ на немъ въ силу публичныхъ полномочій, коими онъ былъ облеченъ“ (ib., 26—29. VI; 21—26. VII; 2. VIII. 1881).

Низвергнувъ руководителей врачебно-полицейскаго надзора за проституціей, ураганъ бельгійскихъ событій не былъ, однако, въ силахъ вырвать съ корнями прочно установившихся традицій самого института.

Правда, г. Buls обѣщаетъ полный пересмотръ регламента полиціи нравовъ. Намѣчая начала реформы, онъ объявляетъ, что „новый регламентъ долженъ воспретить абсолютно допущеніе несовершеннолѣтнихъ дѣвицъ въ публичные дома“ (докладъ коммунальному совѣту 5 декабря 1881 г.) Это заявленіе одобряется и совѣтомъ, и подкомиссіею полицейской секціи, призванной къ оцѣнкѣ предложенія г. Buls спеціально съ санитарной точки зрѣнія. Настаивая на отмѣнѣ инскрипціи несовершеннолѣтнихъ, докладчикъ подкомиссіи д-ръ Yseux высказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ своей стороны и за уничтоженіе для взрослыхъ зачисленія въ списки проститутокъ ex officio (Fiaux, La police, p. 480; Enquêtes брюсс. конф., p. 886; 905—910).

Пока, однако, подкомиссія разсматриваетъ первоначальный проектъ бургомистра Buls, проходитъ болѣе трехъ лѣтъ,— промежутокъ, за который острота впечатлѣній, оставленныхъ процессами начала восьмидесятыхъ годовъ, успѣваетъ сгладиться. Получивъ свой проектъ обратно отъ подкомиссіи 23 іюня 1885 г., г. Buls, не взирая на согласное съ началами этого проекта заключеніе д-ра Yseux, находитъ нужнымъ подвергнуть его новой переработкѣ. При этомъ, онъ не только оставляетъ неприкосновеннымъ порядокъ зачисленія въ проституціонные списки ex officio, но и отказывается отъ своего

прежняго предложенія отмѣны инскрипціи несовершеннолѣтнихъ (Enquêtes, p. 888—891). При такихъ обстоятельствахъ, новый регламентъ брюссельской полиціи нравовъ, принятый коммунальнымъ совѣтомъ 14 марта 1887 г., оказывается не болѣе, какъ подтвержденіемъ и развитіемъ стараго (ibid., p. 783—796; ср. Congrès de Genève, Matér., Fasc. B, p. 82—92).

Аболиціонистскому протесту противопоставляется выработанное при ближайшемъ участіи д-ра Thiry заключеніе королевской медицинской академіи отъ 29 октября 1887 г., авторитетно гласящее, что „регламентація проституціи необходима для сокращенія распространенія венерическихъ болѣзней“ (Enquêtes, p. 865 et 866).

31 октября 1887 г. бельгійское правительство обращается къ образованію спеціальной комиссіи, призванной къ выработкѣ законопроекта о проституціи. Однако, проектъ комиссіи, отъ 21 марта 1891 г., удерживающій систему полиціи нравовъ, но рѣшительно требующій закрытія домовъ терпимости, остается безъ движенія (ibid., p. 866—871; подр. разборъ у Fiaux, La prostit., p. 1—64).

Присяга, принесенная представительницею аболиціонизма въ Ливерпулѣ, не дала, такимъ образомъ, помимо подавляющихъ разоблаченій и смѣны руководящихъ органовъ врачебно-полицейскаго надзора, помимо комиссій и проектовъ, иныхъ осязательныхъ результатовъ въ области брюссельской полиціи нравовъ. За то связанное съ брюссельскими фактами движеніе, дискредитируя континентальную систему надзора за проституціею, оказалось солиднымъ импульсомъ къ рѣшительной и прочной побѣдѣ аболиціонизма въ самой Англіи.

20 апрѣля 1883 г., послѣ продолжительныхъ преній, ставится на баллотировку предложеніе Стенсфельда, внесенное въ слѣдующей формулѣ: „Палата общинъ порицаетъ обязательный осмотръ женщинъ, предписанный актами о заразныхъ болѣзняхъ“. Эта формула стояла въ связи съ заключеніями, къ которымъ пришла, послѣ трехлѣтней работы, аболиціонистская партія въ комиссіи, назначенной англійскимъ правительствомъ для выясненія санитарнаго значенія актовъ о заразныхъ болѣзняхъ. Подсчетъ голосовъ даетъ противъ предложенія Стенсфельда—110, изъ нихъ свыше восьмидесяти консервативныхъ голосовъ; за предложеніе—182, въ томъ числѣ

около ста семидесяти голосовъ либеральной партіи. Рѣшительнымъ большинствомъ палаты предложеніе Стенсфельда, такимъ образомъ, принято (Congrès de la Haye, p. 28—30).

Уже съ мая мѣсяца правительство принимаетъ мѣры, соотвѣтствующія рѣшенію палаты: правда, Contagious diseases acts еще не отмѣнялись, но уничтожалась ихъ сердцевина— принудительный осмотръ всякой женщины, подозрѣваемой въ дурномъ поведеніи,—зерно, безъ котораго врачебно-полицейской режимъ теряетъ свой raison d'être (ib., p. 57). По отмѣнѣ обязательнаго осмотра, приверженцы актовъ дѣлаютъ попытку оживить свое дѣтище проектомъ принудительнаго подчиненія режиму актовъ тѣхъ женщинъ, которыя добровольно являются за врачебною помощью въ госпиталь. Однако, опасность этой мѣры, отталкивающей болѣе, чѣмъ всякое другое врачебно-полицейское мѣропріятіе, больныхъ отъ леченія, столь очевидна для народнаго здравія, что и отъ нея приходится, волей-неволею, скоро отказаться (билль военнаго министра Гартингтона, ibid., p. 53—56) [1]). Contagious diseases acts продолжаютъ нѣкоторое время влачить жалкое существованіе, оставаясь законами болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, пока, наконецъ, 16 марта 1886 г, парламентъ не находитъ въ преданіяхъ, создавшихъ Habeas corpus, достаточно жизненныхъ силъ для того, чтобы стряхнуть съ себя окончательно болѣзненный наростъ, принявъ, почти безъ дебатовъ, votum полной отмѣны актовъ о заразныхъ болѣзняхъ (Fiaux, La police, p. 896).

Послѣ того, какъ англійская палата общинъ выразила свое порицаніе основному принципу полиціи нравовъ, 24 апрѣля 1883 г. группа въ составѣ болѣе, чѣмъ сорока депутатовъ, съ Nicola Fabrizi во главѣ, подняла въ итальянскомъ парламентѣ вопросъ о назначеніи комиссіи, по предмету врачебно-полицейскаго надзора за проституціею. Это предло-

---

[1]) На годичномъ конгрессѣ промышленныхъ ассоціацій Великобританіи и Ирландіи въ г. Nottingham, 10—15 сентября 1883 г., трэдъ-юніоны, отъ имени свыше двухъ милліоновъ рабочихъ, единодушно вотируютъ пожеланіе полной и безусловной отмѣны актовъ (Congrès de la Haye, p. 51).

женіе было, однако, тотчасъ взято обратно въ виду формальнаго обѣщанія министерства, во главѣ котораго тогда стоялъ Depretis, организовать въ ближайшемъ времени желательную комиссію отъ имени правительства (Enquêtes брюсс. конф., Tommasoli, p. 523, cp. Congrès de la Haye, p. 23 et 84). Образованная въ августѣ того же года королевскимъ декретомъ, обѣщанная комиссія соединила нѣсколькихъ виднѣйшихъ врачей, юристовъ и представителей администраціи, въ томъ числѣ д-ра Bertani, главнаго врача арміи—д-ра Giudici, сифилидолога проф. Pellizzari, проф. и будущаго министра Villari, будущаго посланника—барона de Renzis, адвоката Luchini, подъ предсѣдательствомъ Perùzzi, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣ двухлѣтнихъ работъ эта комиссія пришла къ тому выводу, что дѣйствующій регламентъ 15 февраля 1860 г., установившій въ Италіи систему полиціи нравовъ, „оскорбляетъ нравственность и право, противенъ государственнымъ функціямъ, производитъ губительное вліяніе на администрацію и не достигаетъ предполагаемыхъ санитарныхъ результатовъ“. По мнѣнію комиссіи, этотъ регламентъ долженъ быть цѣликомъ отмѣненъ. Намѣчая, съ своей стороны, новый порядокъ надзора за проституціею, комиссія почти совершенно избѣгала исключительныхъ мѣръ противъ промышляющихъ развратомъ женщинъ (Commissione, 1885, vol. 1, p. 91 et suiv.).

Для того, чтобы избѣжать дискредитирующаго вліянія на институтъ полиціи нравовъ и данныхъ комиссіи, и ея выводовъ, вліятельные сторонники регламентаціи не брезгуютъ средствами: чья то невѣдомая, но сильная рука овладѣваетъ изданіемъ трудовъ комиссіи, только что напечатанныхъ по распоряженію министра Depretis, и секвестрируетъ его. Этотъ фактъ удостовѣренъ сенаторомъ проф. Tommasi-Crudeli, которому удалось въ 1888 г. найти скрытое изданіе въ подвалахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и извлечъ его оттуда въ секретаріатъ палаты депутатовъ (Tommasi-Crudeli, La prostitution d'Etat, p. 6).

Въ 1887 г. вступившій въ управленіе министерствомъ Криспи, въ отвѣтъ на рѣшительный запросъ депутата de Renzis, обѣщаетъ палатѣ, что новый режимъ надзора за проституціею, предложенный комиссіей 1883 г., будетъ имъ проведенъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

онъ поручаетъ проф. Albanese предварительно изслѣдовать, въ формѣ инспекціи, состояніе врачебно-полицейскихъ бюро (uffici sanitari) и спеціальныхъ госпиталей для проститутокъ (sifilicomi).

Въ отчетѣ, составившемъ результатъ этой ревизіи, проф. Albanese раскрываетъ цѣлую сѣть злоупотребленій, допускаемыхъ въ названныхъ учрежденіяхъ при совмѣстномъ участіи врачебно-полицейской агентуры и притоносодержателей. Онъ приходитъ къ выводу, что дѣло надзора обстоитъ „до крайности неудовлетворительно" (per tutto abbastanza male), и настаиваетъ на скорѣйшей отмѣнѣ дѣйствующаго регламента о проституціи (Albanese, Relazione. p. 74, 12 etc.).

Вліятельная рука снова прибѣгаетъ къ способу, испробованному на изданіи трудовъ королевской комиссіи, и на этотъ разъ такъ удачно, что впослѣдствіи не удается найти ни одного экземпляра отчета Albanese, ни въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ни гдѣ-либо (Tommasi-Crudeli, La prostit., p. 6) [1]).

Однако, роковой отчетъ остается не безъизвѣстнымъ самому Криспи, и служитъ рѣшительнымъ толчкомъ къ реформѣ. Назначенная для выработки проекта новаго регламента комиссія, при участіи Albanese, Tommasi-Crudeli, de Renzis, принимаетъ вполнѣ руководящія идеи комиссіи 1883 г. Испрашивая королевскаго декрета на отмѣну дѣйствующей системы полиціи нравовъ, Криспи въ мотивахъ своего предложенія указываетъ, между прочимъ, на выясненный инспекціею проф. Albanese и провѣренный комиссіями фактъ существованія, во многихъ мѣстахъ, тѣсныхъ ассоціацій агентовъ полиціи, обоего пола проксенетовъ и часто врачей бюро и спеціальныхъ госпиталей. Эти ассоціаціи, подъ предлогомъ общественной гигіены, занимаются, per fas et nefas, вербовкою дѣвицъ,—не останавливаясь передъ зачисленіемъ въ проститутки и дѣвственницы, иногда едва до-

---

[1]) По справкѣ, лично наведенной авторомъ въ январѣ 1902 г. въ Римѣ, въ спеціальной библіотекѣ итальянскаго министерства внутр. дѣлъ отчета проф. Albanese не оказалось; не отыскался этотъ отчетъ и при любезно обѣщанномъ содѣйствіи г. директора отдѣла общественнаго здравія д-ра Santoliquido. Позднѣе найденъ временно затерявшійся экземпляръ отчета въ женевскомъ бюро междунар. аболиціонистской Федераціи, № 411 Fasc. 1. (Ср. Albanese, Une inspection, R. de M. Pr., № 9 p. 137—142).

стигшей половой зрѣлости, и женщины, отъ которой, ихъ услугами, хочетъ избавиться опозорившій ее обольститель. Въ извлеченіи доходовъ изъ прикрѣпляемыхъ, такимъ образомъ, къ проституціи несчастныхъ они прибѣгаютъ и къ начисленію платы за санитарные осмотры и даже къ сокращенію обязательныхъ алиментовъ въ спеціальныхъ госпиталяхъ для проститутокъ! (Rapport de M. Crispi, R. de M. Pr., № 6, p. 252—255).

29 марта 1888 г. издается королевскій декретъ, утверждающій проекты комиссіи (Decreti e regolamenti, ср. Enquêtes брюсс. конф., p. 595 et suiv., франц. пер. R. de M. Pr., № 6, p. 255—264). Новые регламенты о проституціи и о профилактикѣ и леченіи венерическихъ болѣзней устраняютъ систему зарегистрованія женщины въ проститутки, отмѣняютъ обязательные періодическіе осмотры (оставляя, однако, чрезвычайные осмотры, art. 21 регл. о прост.) и отказываются отъ принципа принудительнаго леченія. Врачебно-полицейскія бюро и спеціальные госпитали для проститутокъ упраздняются; предполагается покрыть страну густою сѣтью общедоступныхъ безплатныхъ амбулаторій и широко открыть венерическимъ больнымъ доступъ въ общегражданскіе госпитали. Отвѣтственность за санитарное состояніе „домовъ проституціи“ (case di prostituzione), въ смыслѣ всякаго рода закрытыхъ помѣщеній, служащихъ цѣлямъ позорнаго промысла,—возлагается на содержателей или хозяекъ притона (art. 4 и 10, п. 5). Въ домахъ проституціи воспрещается допущеніе разврата несовершеннолѣтнихъ,—лицъ обоего пола въ возрастѣ до 21 года (art. 22, ср. art. 421 угол. кодекса). Полиціи предоставляется право закрывать дома проституціи и по соображеніямъ общественнаго здравія, и по мотивамъ публичнаго порядка, и въ частности, если полицейскій агентъ имѣетъ основанія полагать, что въ данномъ домѣ проституируютъ несовершеннолѣтнихъ (art. 23 и 24) [1]). Въ видахъ надлежащаго выполненія возложен-

---

[1]) Излагая сущность реформы Криспи, проф. Тарновскій, по поводу права полиціи закрыть немедленно притонъ, въ которомъ внезапная ревизія обнаружитъ больныхъ женщинъ, замѣчаетъ, что «эта мѣра взысканія была чисто фиктивною»: «для открытія публичнаго дома не требовалось никакого разрѣшенія, а слѣдовательно сегодня закрытый, онъ завтра открывался въ сосѣдней квартирѣ» (Опытъ аболиціонизма, Мед. Об., № 24 за 1891 г., стр.

ныхъ задачъ, чинамъ полиціи открывается свободный доступъ въ дома проституціи, во всякое время дня и ночи. Однако, въ предупрежденіе возможныхъ злоупотребленій, имъ предписывается, подъ угрозою дисциплинарныхъ взысканій, посѣщать мѣста разврата, по крайней мѣрѣ, вдвоемъ и, при томъ, въ форменной одеждѣ (art. 18). Вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвигаются спеціальныя опредѣленія, воспрещающія лицамъ обоего пола всякаго рода вызовы къ разврату, хотя бы косвеннымъ образомъ, въ публичныхъ или доступныхъ для взора публики мѣстахъ (art. 2).

Ни благопріятный votum въ пользу новыхъ регламентовъ со стороны палаты депутатовъ—16 декабря 1888 г., ни энергія главы кабинета министровъ самого Криспи, по крайней мѣрѣ, его постоянныя увѣренія, на запросы въ парламентѣ, оказывать проведенію этихъ регламентовъ въ жизнь всяческую поддержку (Enquêtes, p. 526 et p. 534),—не въ состояніи, однако, парализовать оппозиціи глубоко задѣтыхъ реформой интересовъ властнаго господства надъ женщиною, увлекаемою въ омутъ проституціи.

«Директоръ публичнаго здравія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проф. Pagliani, пишетъ по этому поводу Tommasi-Crudeli, былъ рѣшительнымъ противникомъ реформы, а равно и почти всѣ чиновники полиціи. Санитарныя бюро и спеціальные госпитали пришлось закрыть, такъ какъ не было больше ассигновки на эти учрежденія; но въ то же время умышленно медлили организаціей амбулаторій и госпитальныхъ секцій, въ духѣ регламентовъ Криспи».

«Зимою 1890 г. комиссія римскихъ госпиталей распорядилась обревизовать одинъ изъ главнѣйшихъ мѣстныхъ госпиталей — св. Іакова in Augusta, на Корсо. Въ этомъ госпиталѣ, съ 1888 г., была учреждена амбулаторія для венериковъ и сифилитиковъ обоего пола и сифилитическая секція для женщинъ. Что же нашли? Амбулаторія состояла изъ единственной комнаты, крайне грязной, и была руководима студентомъ-медикомъ 4-го курса, при содѣйствіи двухъ фельдшеровъ. Во время ревизіи всѣ трое были застигнуты при отправленіи служебныхъ обязанностей: одинъ поль-

---

1137 и 1138). Это совершенно невѣрно: согласно art. 10 регламента о проституціи открытіе притона обусловлено не только предварительнымъ заявленіемъ содержателей, но и разрѣшеніемъ полиціи («J conduttori di postriboli devono.. farne la dichiarazione all'autorità di Sicurezza Pubblica, la quale *acconsentendovi*, apporrà il suo visto alla dichiarazione»).

зовалъ женщину, другой—взрослаго мужчину, и третій—ребенка, при томъ, одинъ въ присутствіи другого. Сифилитическая секція занимала залъ, гдѣ невыносимая вонь объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что тутъ же помѣщалось и общее отхожее мѣсто, примитивнаго устройства, безъ вентиляціи!».

«Если подобные порядки, продолжаетъ Tommasi-Crudeli, встрѣчались въ центрѣ столицы, черезъ два года послѣ введенія реформы, то можно вообразить, чѣмъ были амбулаторіи и сифилитическія секціи, устроенныя въ другихъ мѣстахъ. И когда подумаешь, съ какою заботливостью Криспи пытался привлечь въ амбулаторіи больныхъ обоего пола и всякаго возраста, предписывая возможность секретнаго въ нихъ доступа и устанавливая различные дни и часы для пріема мужчинъ, женщинъ и дѣтей; когда подумаешь, какую истинно филантропическую организацію онъ желалъ дать госпитальнымъ секціямъ для больныхъ соотвѣтствующаго рода, то не въ состояніи удержаться отъ произнесенія суроваго приговора надъ тѣми, кто такъ дурно ему послужилъ» (Tommasi-Crudeli, La prost., p. 7).

26 апрѣля 1889 г. генеральный секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ г. Fortis подписываетъ за министра исходящій изъ дирекціи общественнаго здравія циркуляръ префектамъ: послѣднимъ рекомендуется подчинять проститутокъ періодическому освидѣтельствованію дважды въ недѣлю. Является вопросъ, не былъ ли этотъ циркуляръ, впослѣдствіи подтвержденный въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, искусно скрытъ отъ самого Криспи: по крайней мѣрѣ, послѣдній счелъ себя вправѣ, отвѣчая 13 іюня 1889 г. на запросъ проф Patamia, по поводу примѣненія новыхъ регламентовъ, обѣщать палатѣ, что, во всякомъ случаѣ, пока онъ остается министромъ, превентивные осмотры не будутъ возстановлены въ Италіи (ibid., p. 9; Enquêtes, Tommasoli, p. 534).

16 іюня къ министру Криспи явилась депутація въ лицѣ руководителя аболиціонистскаго движенія въ Италіи Эрнеста Натана и двухъ сенаторовъ, съ просьбою такъ или иначе разрѣшить путаницу отношеній правительства къ проституціи. Министръ обѣщаетъ изъять дѣло надзора изъ вѣдѣнія санитарной дирекціи и ввѣрить его особымъ инспекторамъ-спеціалистамъ, каковыми намѣчаются профессора Pellizzari, Campana и Majocchi. Какъ сообщаетъ Tommasi-Crudeli, Криспи успѣваетъ еще сдѣлать распоряженіе въ этомъ смыслѣ, но въ январѣ 1891 г. слѣдуетъ уже паденіе его министерства,—и его послѣдняя попытка обезпечить примѣненіе регламентовъ 29 марта остается безуспѣшной (ibid., p. 9).

Г. Nicotera, преемникъ Криспи, созываетъ спеціальную медицинскую комиссію, въ составѣ пяти сифилидологовъ— Patamia, de Amicis, Campana, Majocchi и Pellizzari и гигіениста Celli, и предлагаетъ ей высказаться по вопросамъ, касающимся надзора за проституціею. Опредѣленно выражая свое намѣреніе не возвращаться къ старому режиму, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе принять въ разсчетъ обращенныя съ разныхъ сторонъ жалобы, министръ хочетъ знать, какія измѣненія возможно внести въ дѣйствующій регламентъ съ цѣлью его улучшенія? Комиссія отвѣчала, что санитарное дѣло должно быть ввѣрено подъ руководство отвѣтственнаго врача, который бы имѣлъ рѣшимость примѣнить систему регламентовъ 29 марта во всѣхъ ея частяхъ; что для охраны общественной благопристойности не достаетъ только строгаго наблюденія за исполненіемъ соотвѣтствующихъ правилъ регламента; и что такъ какъ власти общественной безопасности, желая оправдать бездѣятельность своихъ агентовъ, сѣтуютъ на темноту опредѣленій, относящихся къ отвѣтственности содержателей домовъ проституціи, то умѣстно пересмотрѣть эту часть регламента и сдѣлать ея опредѣленія болѣе ясными и болѣе практичными.

Вслѣдъ засимъ министръ Nicotera созываетъ новую смѣшанную комиссію, въ составѣ проф. Pellizzari и Patamia и адвоката, докладчика комиссіи 1883 г., Luchini; этой комиссіи поручается ближайшая выработка проекта, который бы соотвѣтствовалъ указаніемъ медицинской комиссіи. По желанію министра, засѣданія комиссіи происходятъ въ присутствіи санитарнаго директора проф. Pagliani, который, съ своей стороны, вноситъ предложенія, рѣшительно расходящіяся съ началами регламентовъ Криспи. Однако, на запросъ проф. Pellizzari, министръ снова подтверждаетъ, что онъ желаетъ держаться системы, при которой сохранялись бы неприкосновенными основы реформы его предшественника. Въ этомъ смыслѣ комиссія и вырабатываетъ редактируемый профессоромъ Pellizzari проектъ.

Когда комиссія представила, въ половинѣ мая, свой проектъ министру, послѣдній приглашаетъ къ себѣ Tommasi-Crudeli для обсужденія этого проекта въ перекрестъ съ другимъ проектомъ, неизвѣстнаго происхожденія, клонящимся къ рѣшительному ослабленію началъ реформы Криспи. Обсужденіе заканчивается тѣмъ, что министръ принимаетъ проектъ ко-

миссіи, который Tommasi-Crudeli скрѣпляетъ, при этомъ, своею подписью.

Нѣсколько дней спустя, Tommasi-Crudeli былъ снова приглашенъ къ министру, вмѣстѣ съ д-ромъ Patamia, для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ замѣчаній, чисто юридическаго характера, которыя президентъ государственнаго совѣта, въ частномъ совѣщаніи съ нимъ министра, сдѣлалъ на проектъ Pellizzari. Проектъ тотчасъ же былъ сообразованъ съ этими замѣчаніями, и Nicotera дѣлаетъ распоряженіе о его оффиціальномъ направленіи въ государственный совѣтъ.

Дальнѣйшіе факты такъ необычайны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ серьезны, что мы считаемъ умѣстнымъ предоставить читателю слѣдить непосредственно за разсказомъ ближайшимъ образомъ освѣдомленнаго съ обстоятельствами сенатора Tommasi-Crudeli.

«19 іюня 1891 г., я получилъ въ Палатѣ приглашеніе немедленно явиться къ г. Никотера. Онъ далъ мнѣ на просмотръ корректуры, говоря, что онѣ содержатъ проектъ г. Pellizzari съ измѣненіями, введенными въ этотъ проектъ государственнымъ совѣтомъ. Я былъ удивленъ найти въ нихъ просто реакціонный проектъ, который былъ отвергнутъ послѣ обсужденія, имѣвшаго мѣсто въ маѣ, въ присутствіи министра. Окончивъ разборъ проекта,—въ это время министръ былъ занятъ,—я изложилъ свои замѣчанія письменно и, при случаѣ, высказалъ ему лично, что его ввели въ заблужденіе, и что вмѣсто проекта комиссіи администрація отослала въ государственный совѣтъ свой собственный проектъ. И я продолжаю думать, что это такъ,—потому что два письма, написанныя мною помощнику государственнаго секретаря по внутреннимъ дѣламъ (отъ 21 іюня и отъ 20 іюля) съ ходатайствомъ о полученіи копіи подписаннаго нами проекта, остались безъ отвѣта; между тѣмъ какъ шефъ кабинета министра обратился ко мнѣ, 20 августа, съ просьбою послать ему копію нашего проекта, говоря мнѣ, что этого проекта болѣе не могутъ найти. Если послѣдній дѣйствительно отослали въ государственный совѣтъ, то такое исчезновеніе будетъ необъяснимымъ. Гораздо послѣдовательнѣе предположить, что администрація поступила съ нимъ такъ же, какъ ранѣе съ отчетомъ г. Albanese». (La prost., p. 10).

Реакціонный проектъ, приписываемый профессоромъ Tommasoli санитарной дирекціи, уже скрѣпляется королевскимъ декретомъ, и только задержка этого декрета въ corte di conti пріостанавливаетъ окончательную ломку регламентовъ Криспи.

Но римская пресса спѣшитъ пробудить къ текущимъ фактамъ вниманіе общества,—и итальянская медицинская ассоціація, выдвинувъ вопросъ о надзорѣ за проституціею на XIV очередномъ конгрессѣ, своимъ почти единогласнымъ заключеніемъ отъ 17 августа 1891 г., успѣваетъ выразить убѣжденіе въ томъ, что настоящій регламентъ еще не имѣлъ примѣненія достаточно продолжительнаго и полнаго для возможности судить о его вліяніи, и свои пожеланія того, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ не вводилъ въ этотъ регламентъ измѣненій, не соотвѣтствующихъ его основнымъ началамъ" (ibid., p. 11; Congresso in Siena, Giorn. d. Mal. Ven., 1891, Fasc. III, p. 8).

Тогда г. Nicotera, быть можетъ ради того, чтобы ослабить собственную отвѣтственность, представаяетъ проектъ, бывшій въ государственномъ совѣтѣ, на одобреніе высшаго санитарнаго совѣта.

Наканунѣ побѣды оппозиція регламентистовъ встрѣчала на своемъ пути новое и серьезное препятствіе. „Было извѣстно, замѣчаетъ по этому поводу проф. Tommasoli, Enquêtes, p. 532,—что въ высшемъ санитарномъ совѣтѣ участвуютъ люди, которые во имя прогресса и нравственности не легко согласятся нарушить принципъ реформы Криспи... Необходимо было побѣдить ихъ неизбѣжное противодѣйствіе и, чтобы достигнуть этого, дѣлатели новаго проекта, призваннаго возстановить зарегистрованіе, принудительное освидѣтельствованіе и леченіе проститутокъ, рѣшились не брезговать средствами (non si fecero scrupolo di ricorrere all'artifizio)".

Въ послѣдующемъ изложеніи мы ближайше выяснимъ своеобразные пріемы санитарной статистики арміи и флота, которые обезпечили регламентистамъ побѣду въ рѣшительное засѣданіе совѣта, 11 октября 1891 г. Здѣсь же мы ограничимся лишь указаніемъ на сущность новаго регламента, опубликованнаго вслѣдъ затѣмъ 27 октября и устранившаго, такимъ образомъ, регламенты Криспи черезъ какіе-нибудь девять мѣсяцевъ послѣ паденія его министерства. Regolamento sul meretricio г. Никотера не отмѣняетъ совершенно режима добровольнаго леченія и осмотра, не дѣлаетъ этотъ порядокъ привилегіей однѣхъ только болѣе или менѣе состоятельныхъ проститутокъ. Согласно art. 38, женщины, пребывающія или обнаруженныя въ мѣстахъ разврата, даже при подозрѣніи въ томъ, что онѣ заражены венерическою болѣзнью, не могутъ

быть, противъ ихъ воли, подвергнуты санитарнымъ осмотрамъ. Однако, вторая часть этого артикля предполагаетъ, презумируетъ каждую женщину, отказавшуюся добровольно подвергнуться освидѣтельствованію, больною. А по силѣ art. 39, женщина, страдающая заразительною формою венерической болѣзни или предполагаемая таковою, въ смыслѣ артикля предыдущаго, избавляется отъ принудительнаго заключенія въ госпиталь только въ томъ случаѣ, если она докажетъ, что у нея есть средства самой озаботиться своимъ леченіемъ и если она доставитъ надежную гарантію въ томъ, что оставитъ свой промыселъ до полнаго выздоровленія (Enquêtes, Regolamento, p. 619) [1]).

Какъ не могущественна, однако, поддержка, которую система прикрѣпленія женщины къ проституціи черпаетъ и въ той тинѣ низменныхъ интересовъ, которые она питаетъ, и въ той возвышенной идеологіи, которой она прикрывается, аболиціонистское движеніе продолжаетъ расти и крѣпнуть. Уступая освободительнымъ требованіямъ, регламентація еще въ семидесятыхъ годахъ падаетъ въ бельгійскихъ городахъ St. Nicolas и Nivelles; позднѣе ихъ примѣру слѣдуетъ Diest; дома терпимости закрываются въ Beverloo (Moeller, La réglementi. en Belgique, R. de M. Pr., № 14 et 15, p. 115 et 116; F aux, La police, p. 484—492). Во Франціи, въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ, поднадзорные притоны закрываются въ Амьенѣ; правда, въ 1895 г. амьенскій муниципалитетъ соглашается на открытіе вновь двухъ домовъ терпимости; но эта обратная волна не останавливаетъ аболиціонистской реформы въ Courbevoie (Seine) и въ Salins (Jura), гдѣ притоны закрываются въ 1893 и 1897 гг. (Fiaux, La prostit., p. 223—242). C. Schlum-

---

[1]) На проф. Тарновскаго регламентъ 27 октября 1891 г. «производитъ впечатлѣніе наиболѣе гуманнаго и, если можно такъ выразиться, наиболѣе либеральнаго изъ всѣхъ тѣхъ, которые (ему) когда-либо приходилось видѣть» (Мед. Об., № 24 за 1891 г., стр. 1146). Въ среду пролетаріата женщинъ, торгующихъ своимъ тѣломъ, бросается привилегія богатства: проводится грань между женщинами, мало мальски состоятельными, и бѣднѣйшими: благодаря достатку, первымъ обезпечивается свобода; напротивъ, съ отсутствіемъ «надежной гарантіи» у другихъ связывается примѣненіе исключительныхъ мѣръ. Ужели и въ этомъ сторонники регламентаціи готовы увидѣть высокія проявленія «либерализма» и гуманности!

berger, меръ г. Кольмара въ Верхнемъ Эльзасѣ, въ 1881 г. упраздняетъ дома терпимости и принудительный осмотръ проститутокъ въ названномъ городѣ [1]). Въ 1889 и 1890 гг. бордели закрываются въ Саксоніи (впрочемъ, въ Лейпцигѣ вновь открыты въ 1891 г.; Galewsky, Communications брюсс. конф., t. II, p. 177—186). Въ Швейцаріи, 29 февраля 1888 г., дома терпимости оффиціально упраздняются въ бернскомъ кантонѣ (Bern и Bienne): полиція нравовъ, проникшая сюда въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ (регламентъ 8 іюля 1885 г.), находитъ здѣсь рѣшительнаго противника въ лицѣ самого директора мѣстной полиціи г. Stockmar (Pétition, R. de M. Pr., № 4 et 5, p. 195—207). Въ 1891 г., съ изданіемъ новаго уголовнаго кодекса, поднадзорные притоны закрываются въ невшательскомъ кантонѣ (Невшатель и Chaux-de-Fonds). Въ виду новаго закона о проксенетизмѣ, принятаго путемъ referendum'a, 40564 голосами противъ 14697, 27 іюня 1897 г., регламентація съ 1 іюля того же года отмѣняется въ цюрихскомъ кантонѣ (Цюрихъ и Winterthur). Наконецъ, 17 іюня 1898 г. полуоффиціальный врачебно-полицейскій контроль, которому были „добровольно" подчиняемы проститутки въ Лозаннѣ, отмѣняется въ кантонѣ Vaud (Enquêtes, F. Schmid, p. 232, 237, 246; Bull. cont, 1897 p. 83).

Въ Женевѣ несчастная смерть двухъ дѣвушекъ, выбросившихся изъ окна поднадзорнаго притона, дабы избавиться отъ позорнаго рабства, и обнаруженіе въ домѣ терпимости

---

[1]) Подвергая, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждую женщину, промышляющую развратомъ, уголовному преслѣдованію по § 361 германскаго уголовнаго кодекса, онъ расходится, однако, съ основнымъ принципомъ Федераціи, что занятіе проституціей не должно быть, само по себѣ, наказуемо. Это обстоятельство, въ связи съ фактомъ участія г. Schlumberger въ исполнительномъ комитетѣ самой Федераціи, составляетъ первичный источникъ досадныхъ недоразумѣній и раскола во внутренней жизни послѣдней въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Подтвердивъ коренные принципы Федераціи и выразивъ ихъ въ формѣ вышеприведенныхъ (стр. 233) положеній, лондонскій конгрессъ 1886 г. положилъ конецъ этимъ недоумѣніямъ (ср. Fiaux, La police, p. 404—443).

Замѣтимъ вообще, что нѣмецкіе «женскіе ферейны» и «ферейны нравственности», настаивая на репрессіи проституціи, мало благопріятствуютъ развитію собственно аболиціонизма въ Германіи (ср. Hanna Bieber-Boehm, Vorschläge zur Bekämpfung der Prostitution, S. 5 и 6).

малолѣтки 15 лѣтъ, въ связи съ гнусными фактами ея поставки и секвестраціи, вызвали, по почину публициста Charles Ochsenbein, такую агитацію, что въ нѣсколько недѣль въ conseil d'état могла быть представлена, 10 октября 1888 г., петиція съ 21657 подписями (7422—мужчинъ и 14235 женщинъ) о закрытіи мѣстныхъ притоновъ разврата (V congrès, p. 208—216; Ochsenbein, Quand la porte., и др.). Анкетная комиссія, въ составѣ 45 членовъ, назначенная государственнымъ совѣтомъ для подробнаго выясненія, по поводу представленной петиціи, вопроса о врачебно-полицейскомъ надзорѣ, обезпечиваетъ къ исходу своихъ работъ, въ мартѣ 1891 г., большинство въ пользу аболиціонизма. Но почтенный руководитель департамента юстиціи и полиціи, г. Vautier, спѣшитъ присоединить къ комиссіи шесть новыхъ членовъ—убѣжденныхъ регламентистовъ для принятія участія въ голосованіи. 19 членовъ протестуютъ противъ такого пріема и выходятъ изъ комиссіи. Комиссія прекращаетъ свою дѣятельность; ея результаты правительствомъ не опубликованы [1]).

---

[1]) По свѣдѣніямъ проф. Тарновскаго,—онъ избѣгаетъ ссылокъ на источники, эта комиссія, не смотря на всяческое вліяніе аболиціонистовъ, пришла, безъ какихъ-либо инцидентовъ, къ заключенію, что проституцію необходимо подвергнуть врачебно-полицейскому надзору, т. е. необходимо удержать и даже усилить регламентацію (Мед. Об., № 24 за 1891 г., стр. 1148).

Попутно, къ характеристикѣ историческихъ данныхъ почтеннаго регламентиста, стоитъ обратить вниманіе на то, что «въ 1881 г. въ Женевѣ введена регламентація проституціи» и что «въ 1884 г. вотированъ главнымъ законодательнымъ совѣтомъ Швейцаріи законъ общественнаго оздоровленія, въ силу котораго во всей странѣ проституція должна быть подвергаема правильному надзору» (Прост. и аболиц., стр. 27). На самомъ дѣлѣ, 12 августа 1881 г. въ Женевѣ, гдѣ полиція нравовъ существуетъ издавна, вошелъ въ силу новый регламентъ; въ виду сомнѣній въ соотвѣтствіи его конституціи, 27 октября 1884 г. издается женевскимъ законодательнымъ совѣтомъ законъ объ организаціи и компетенціи бюро общественнаго оздоровленія, и 13 января 1885 г. регламентъ, касающійся санитарныхъ осмотровъ (Enquêtes, Schmid, p. 234; Congrès de la Haye, p. 20; Fiaux, La police, p. 505—509). Что же касается закона, распространяющаго регламентацію на всю страну, то онъ существуетъ не болѣе, какъ въ представленіи почтеннаго профессора! Г. Тарновскій находитъ умѣстнымъ, при этомъ, утверждать, что «аболиціонисты довольно беззастѣнчиво и вполнѣ бездоказательно считаютъ подобныя законодательныя пораженія «нравственными побѣдами».

Не найдя поддержки въ conseil d'état и пользуясь правомъ народной инициативы, податели петиціи 10 октября вносятъ проектъ о воспрещеніи эксплоатаціи разврата въ женевскій законодательный совѣтъ (grand conseil). Но такъ какъ мѣстная консервативная партія „демократовъ" спѣшитъ принять этотъ проектъ подъ свое покровительство, и является опасность усиленія ея популярности и могущества, то проектъ роковымъ образомъ попадаетъ въ круговоротъ политической борьбы. Радикальная партія, быть можетъ, не безъ основанія видитъ въ проектѣ „демократовъ" искусное орудіе противника, которое ей необходимо сломить, чтобы обезпечить себѣ большинство въ законодательномъ совѣтѣ. Только это обстоятельство можетъ объяснить ту крайнюю позицію, которую занимаетъ въ отношеніи къ проекту Genevois, органъ, руководимый просвѣщеннымъ Favon, лидеромъ радикаловъ.

«Вы говорите, что надо закрыть дома терпимости въ Женевѣ? Признайтесь, что они существуютъ, какъ если бы ихъ и не было. Среди пансіонерокъ нѣтъ ни одной женевской уроженки. Это—француженки или иностранки, всѣ поставленныя притонами изъ за границы».

«Дома терпимости въ Женевѣ нужны, конечно, не для нашего коренного населенія: оно безупречно въ нравственномъ отношеніи; такіе дома нужны для иностранцевъ. Иностранецъ—наша національная индустрія: онъ долженъ найти у насъ то, что есть у него. Что предложимъ мы, безъ притоновъ, этимъ тысячамъ щедрыхъ и симпатичныхъ путешественниковъ, которые отдыхаютъ въ Женевѣ послѣ альпійскихъ экскурсій».

Позволимъ сохранить французскій оригиналъ для слѣдующихъ выдержекъ изъ Genevois.

«Pourquoi se payer plus longtemps de mots, clament quelques voix assombries? Disons toute la vérité: l'homme riche a ses filles; pourquoi l'homme du peuple n'aurait-il pas les siennes?..—Ce n'est point assez de disputer son pain au peuple, on voudrait lui retirer ses rares joies! Non pas".

Сообщая объ успѣхахъ регламентистовъ въ Женевѣ, д-ръ Ахшарумовъ указываетъ на то, что «эти событія сопровождались протестами и манифестаціями такого характера, что могутъ быть смѣло названы законодательнымъ пораженіемъ, но нравственною побѣдою» (Соврем. взглядъ, стр. 34). Эта ссылка, сопровождаемая указаніями на цѣлый рядъ опредѣленныхъ фактовъ, какъ ни мало она доказательна съ точки зрѣнія почтеннаго ученаго, все же, кажется, далека отъ открытія закона, регламентирующаго проституцію во всей Швейцаріи!

„D'ailleurs, ô peuple de Genève-ville et de Genève-campagne, ces misérables filles de maison sur lesquelles on veut t'apitoyer, elles sont plus heureuses que tes filles ouvrières de fabrique et filles de ferme devenues servantes—bourgeoises! La police les traite en mère, elle les nourrit mieux que ne sont habillées et nourries tes filles à toi!» (Genevois, janvier-mars 1896).

Плебисцитъ 22 марта 1896 г. 8502 голосами противъ 4053 отвергаетъ законопроектъ о закрытіи домовъ терпимости въ женевскомъ кантонѣ (Guillot, La lutte, и Fiaux, La prostit., p. 223—301, особ. p. 273).

За то крупныя побѣды одерживаетъ аболиціонизмъ въ Норвегіи, Голландіи и Даніи.

Въ концѣ 1884 г. въ Христіаніи закрываются дома терпимости, а 15 февраля 1888 г. во всей Норвегіи, за исключеніемъ г. Bergen и отчасти г. Trondhjem, гдѣ врачебно-полицейскій режимъ продолжаетъ существовать скорѣе номинально, отмѣняется и самая система обязательныхъ регулярныхъ осмотровъ женщинъ въ виду занятія проституціей (Bentzen, Etudes, p. 7—9; Enquêtes, Holst, p. 137—140; ср. Fiaux, Police, p. 534).

Въ Голландіи регламентація, существовавшая въ началѣ борьбы въ 37 городахъ, къ срединѣ 1897 г. была упразднена уже въ 21 городѣ, въ томъ числѣ въ такихъ видныхъ центрахъ, какъ Утрехтъ (система полиціи нравовъ отмѣнена и притоны закрыты муниципальными постановленіями 30 апрѣля 1886 г. и 1 ноября 1890 г.), Гаага (1897 г.), Harderwyk (депо колоніальной арміи), Nimègue [1]). Въ послѣднее время отъ регламентаціи отказался Arnhem. Въ Амстердамѣ режима полиціи нравовъ никогда не было; притоны закрыты въ 1897 г (Enquêtes, Selhorst, p. 78, 82—86; v. Swinderen, La réglem. à Utrecht, R. de M. Pr., № 14 et 15, p. 123—130; ср. Fiaux, Police, p. 498; Bull. cont. 1897 p. 102; 1901 p. 64 et 93).

Въ Даніи регламентація отмѣнена повсемѣстно, за исключеніемъ Копенгагена и Odensée (въ 1879 г. имѣло мѣсто упраздненіе полиціи нравовъ въ Viborg, въ 1882 г.—въ

---

[1]) Изъ значительныхъ городовъ регламентація остается въ Роттердамѣ.

Frederikshavn, въ 1883 г.—въ Horsens и Nyborg, въ 1886 г.—въ Elseneur, Aalborg, Aarhus; впрочемъ, въ Nyborg и Aarhus полиція разрѣшаетъ „свободную практику“ проституткамъ подъ условіемъ, чтобы онѣ свидѣтельствовались privatim и квартировали въ опредѣленныхъ улицахъ). Въ Odensée оффиціально регламентаціи собственно не существуетъ: мѣстныя власти примѣняютъ здѣсь (какъ это дѣлалось раньше и въ Elseneur) регламенты безъ соблюденія законной формальности,—не испросивъ министерскаго разрѣшенія. По сообщенію д-ра Ehlers, въ послѣднее время „дѣятельность полиціи нравовъ въ Копенгагенѣ сильно стѣснена общественнымъ мнѣніемъ, особенно послѣ печальнаго инцидента, происшедшаго въ 1895 г., когда главный начальникъ полиціи нравовъ покончилъ съ собою самоубійствомъ. Его помощникъ, бригадиръ были уволены въ отставку, и два агента выгнаны и наказаны за злоупотребленія властью въ отношеніи къ проституткамъ и къ проксенетамъ“. Folketing (нижняя палата) вотировалъ уничтоженіе регламентаціи во всей Даніи, но это рѣшеніе не было подтверждено верхнею палатою (Landsting), которая остановилась лишь на закрытіи притоновъ разврата. 11 апрѣля 1901 г. изданъ законъ объ упраздненіи домовъ терпимости во всей Даніи (Giersing, R. de M. Pr., № 1 p. 30; № 6 p. 277 et 278; Enquêtes, Ehlers, p. 109; Bull. cont., 1901 p. 68).

Насыщенный созерцаніемъ явленій, развертывающихся за предѣлами родной равнины, взоръ вперяется въ ея безпредѣльную ширь, и ищетъ въ ней отзвука аболиціонистскимъ стремленіямъ. И чудится, что освободительныя вѣянія, окрѣпшія на чужбинѣ, то тутъ, то тамъ незримо зарождаясь въ душѣ, уже несутся по простору родного края.

И въ самомъ дѣлѣ, уже съ 1885 г., когда съ развитіемъ аболиціонистскихъ идей впервые ознакомляютъ русскую публику д-ръ Д. Д. Ахшарумовъ (Соврем. взглядъ) и проф. А. И. Якобій (О профилакт. мѣрахъ, Прил. къ прот. харьк. мед. общ., вып. IV за 1885 г.), аболиціонизмъ начинаетъ опредѣленно заявлять о себѣ на русской почвѣ. Убѣжденными его защитниками выступаютъ покойный кіевскій сифилидологъ проф. М. И. Стуковенковъ (О мѣрахъ къ ограниченію, Отчетъ предсѣдателя, R. de M. Pr., № 7 p. 1—18; № 10, p. 159—170), д-ра В. П. Окороковъ (Возвращеніе къ честному труду, Междунар. торговля, и др.), П. Никольскій (Статистика, R. de M. Pr., № 8, p. 49—81), Д. Н. Жбанковъ (О съѣздѣ,

Врачъ, № 30 за 1897 г., стр. 830—834; ср. Міръ Божій, іюль 1902 г., стр. 82 и 83); М. И. Покровская (О жертвахъ обществ. темпер.) и др. Аболиціонизмъ поднимаетъ жгучіе дебаты въ ученыхъ обществахъ (особенно въ обществѣ кіевскихъ врачей, Протоколы за $18^{85}/_{86}$ г., стр. 33; за $18^{86}/_{87}$ г., стр. 11—22; за $18^{87}/_{88}$ г., вып. 2, стр. 31—36; за $18^{91}/_{92}$ г., стр. 47; въ обществѣ русскихъ врачей въ Москвѣ, Труды, № 4 и 5 за 1887 г.; въ московскомъ венерологическомъ и дерматологическомъ обществѣ, Протоколы, т. 3, стр. 46—72, 137—152, 158 и 159; и др.; ср. Протоколы собраній членовъ русскаго сифил. и дерм. общества за 1886—1888 г.г., В.-Мед. Ж., 1886 г., кн. 3, стр. 151—182; кн. 7, стр. 310—345; кн. 8, стр. 484—530; кн. 9, стр. 135—146; 1887 г., кн. 1, стр. 44; кн. 7, стр. 269—272; 1888 г., кн. 2, стр. 147—164). Въ то же время уголовные процессы, поставившіе на скамью подсудимыхъ полицеймейстеровъ кронштадтскаго Г. и николаевскаго Б., и другіе, успѣваютъ раскрыть тѣснѣйшія матеріальныя связи властныхъ руководителей надзора съ проксенетами на самай низменной почвѣ эксплоатаціи позорнаго промысла (Тарновскій, Прост. и аболиц., стр. 234; ср. Муратовъ, Врач. полиц. надзоръ, Жизнь, окт. 1899, стр. 394)[1]). Проникаясь освободительной идеей, московское городское управленіе отказываетъ въ денежной субсидіи, выдаваемой имъ на содержаніе врачебно-полицейскаго комитета, и, затѣмъ, добивается реформы надзора на началахъ отмѣны регистраціи, розыска и привода женщинъ на смотровые пункты и отдѣленія санитарной части надзора, поступающей всецѣло въ вѣдѣніе города, отъ полицейской. Согласно реформѣ 4 марта 1889 г., въ Москвѣ учреждается санитарное бюро для освидѣтельствованія каждой желающей женщины и выдачи „санитарныхъ картъ“ въ смыслѣ удостовѣреній о здоровьи. Подъ отвѣтственностью притоносодержателей всякаго рода безъ этой санитарной карты промышляющая развратомъ женщина не должна быть допускаемъ въ мѣста, которыми она пользуется для сношеній. Во избѣжаніе субституціи и обнаруженія имени санитарная карта-билетъ для входа въ притонъ—помѣчается только номеромъ, но снабжается фотографіею женщины. Наблюденіе за исполненіемъ обязанности, возложенной на притоносодержателей, воз-

[1]) Ср. дѣло о преступленіяхъ по должности позднѣйшаго кронштадтскаго полицеймейстера г. Шафрова, Право 1903 №№ 4 и 7, стр. 240, 241, 274—279.

лагается на общую полицію и особыхъ ревизоровъ (Проф. Поспѣловъ, Новая система, Русск. Мед. 1888 № 33, стр. 521 и 522; Штюрмеръ, Простит. въ городахъ, стр. 15) [1]). На Высочайше разрѣшенномъ съѣздѣ по обсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи 1897 г. 146 членовъ подаютъ особое мнѣніе, въ которомъ рѣшительно высказываются противъ допущенія, хотя бы и временно, дальнѣйшаго существованія домовъ терпимости (Труды, т. 2, стр. 160) [2]). Аболиціонистскія вѣянія отражаются, въ извѣстной степени, и въ дѣятельности образующихся съ 1899 г. на началахъ болѣе широкихъ, сравнительно съ ранѣе существовавшими въ нѣкоторыхъ городахъ магдалининскими пріютами, обществъ защиты женщинъ отъ эксплоатаціи на почвѣ разврата. Такъ,

---

[1]) Московская реформа встрѣтила рѣзкую оппозицію и со стороны низшихъ агентовъ полиціи, и со стороны высшаго полицейскаго начальства. Первые систематически воздерживаются отъ преслѣдованія притоносодержателей, по поводу нарушенія санитарныхъ правилъ (ср. Отчетъ о дѣят. моск. гор. упр. за 1890 г., отд. подъ лит. и, стр. 43), а послѣднее, возбудивъ вопросъ о возстановленіи регламентаціи еще съ 3 августа 1890 г., настойчиво стремится упразднить реформу. Благодаря, однако, противодѣйствію въ духѣ законности медицинскаго совѣта, реакціонные проекты московскаго оберъ-полицеймейстера до послѣдняго времени не были утверждены министромъ внутреннихъ дѣлъ (Журналы совѣта отъ 24 марта 1898 г. за № 151 и отъ 25 января 1900 г. за № 70; ср. Сводъ постановленій, В. О. Г., мартъ 1900, отд. офф., стр. 50 и слѣд.). Но если реформа не разрушена оффиціально, то еще остается неизвѣстнымъ, много ли, при такихъ испытаніяхъ, отъ нея уцѣлѣло фактически? Зловѣщими симптомами, во всякомъ случаѣ, являются и рѣзко выразившееся при открытомъ столкновеніи съ аболиціонизмомъ въ засѣданіи московскаго венерологическаго общества отрицательное отношеніе къ освободительнымъ требованіямъ главнаго проводника реформы, завѣдующаго санитарною частью надзора въ Москвѣ, проф. Поспѣлова (Протоколы, т. 3, стр. 61—63; 150—152), и категорическое заявленіе проф. Тарновскаго въ петербургскомъ сифилидологическомъ обществѣ, что, при непосредственномъ знакомствѣ, онъ нашелъ московскую реформу нисколько не нарушающею принциповъ регламентаціи (облавы, регистрація съ фотографіей, обязательное леченіе въ больницѣ!) (В.-Мед. Журн., кн. 6 за 1890 г., стр. 90; ср. кн. 7 за 1889 г., стр. 381—383).

[2]) Заключеніемъ съѣзда было: «дома терпимости принципіально нежелательны, но при условіи существующаго надзора они могутъ быть терпимы лишь до улучшенія надзора за проституціей вообще» (Постановленія, стр. 31; ср. Труды, т. 2, стр. 245—250; 134—142).

за принципъ аболиціонизма высказывается „Казанское общество защиты (несчастныхъ) женщинъ“, старѣйшее изъ молодыхъ начинаній этого рода въ Россіи: въ одномъ изъ своихъ общихъ собраній весною 1900 г. оно постановляетъ ходатайствовать о закрытіи терпимыхъ притоновъ (Отчетъ за 1900 годъ, стр. 25—28). По настоянію Россійскаго общества защиты женщинъ, съ обширными полномочіями, въ Петербургѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярами отъ 6 іюня и 16 іюля 1901 г. за № 1314 и 1623 воспрещаетъ зачисленіе въ дома терпимости несовершеннолѣтнихъ до 21 года (ср. дополн. цирк. отъ 3 окт. 1902 г. за № 2147, В. О. Г. ноябрь 1902, стр. 193). Вмѣстѣ съ тѣмъ, особая комиссія при медицинскомъ департаментѣ министерства подвергаетъ пересмотру весь вопросъ объ организаціи надзора за проституціею въ Россіи (ср. тамъ же, декабрь 1899 г., стр. 1668—1678; мартъ 1900 г., стр. 40—58).

Хочется думать, что эти протесты и эти сомнѣнія въ цѣнности системы исключительныхъ мѣръ надзора—не мимолетный порывъ, коему суждено безсильно развѣяться, но уже первые потуги готовой разрѣшиться на дѣло освобожденія богатырской мощи, которой, по крайней мѣрѣ, въ своихъ былинахъ и сказкахъ гордится Россія!

2. Призраки санитарной опасности аболиціонизма.

Въ своей оппозиціи освободительному движенію, регламентисты широко пользуются вліятельною ссылкою на то, какимъ будто бы тяжелымъ бѣдствіемъ, въ смыслѣ усиленія венерическихъ болѣзней, сопровождается каждый случай отмѣны исключительныхъ мѣръ по надзору за проституціей. Распознаніе своеобразныхъ пріемовъ статистическихъ операцій, на которыхъ основывается этотъ аргументъ, раскрываетъ призрачность санитарной опасности аболиціонизма и снова освѣщаетъ свойства идеологіи института полиціи нравственности.

Сторонники регламентаціи указываютъ именно на послѣдствія устраненія актовъ заразныхъ болѣзней въ Англіи,

на результаты реформы Криспи въ Италіи, закрытія поднадзорныхъ притоновъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городахъ и упраздненія системы принудительныхъ осмотровъ въ виду занятія проституціею въ Норвегіи.

Contagious diseases acts, и ихъ отмѣна, даютъ мѣсто слѣдующимъ двумъ основнымъ доводамъ регламентистовъ: въ подтвержденіе благодѣтельнаго вліянія полиціи нравовъ и гибельныхъ послѣдствій ея отмѣны, сторонники надзора ссылаются, во первыхъ, на пониженіе заболѣваній первичными шанкрами (primary venereal sores) [1]) въ англійской внутренней арміи за время дѣйствія актовъ и на усиленіе названныхъ заболѣваній по отмѣнѣ регламентаціи и, во вторыхъ, на обнаруживающійся при примѣненіи актовъ низшій процентъ этихъ заболѣваній у солдатъ подчиненныхъ актамъ станцій, сравнительно съ гарнизонами мѣстностей, дѣйствію актовъ не подчиненныхъ.

---

[1]) Primary venereal sores—это не только первичный сифилисъ, но и мягкіе шанкры, подводимые, къ сожалѣнію, англійскою санитарною статистикою подъ одну рубрику (ср. Return отъ 21 декабря 1893 года). При изслѣдованіи вліянія актовъ данныя о вторичномъ сифилисѣ обыкновенно оставляются регламентистами въ сторонѣ въ виду того, что, при переходахъ солдатъ изъ однихъ станцій въ другія, вторичное явленіе, обнаружившееся въ одной категоріи станцій, можетъ быть результатомъ зараженія въ станціяхъ противоположной категоріи (ср. Тарновскій, Прост. и абол., стр. 111 и 112; Macpherson, Compte rendu брюсс. конф., p. 51 et 52; однако, Kromayer, ниже, стр. 301). Въ цифрахъ primary venereal sores лежитъ центръ тяжести статистики актовъ,—и совершенно неправъ проф. Тарновскій, будто аболиціонистская партія въ парламентской комиссіи 1879 г., оспаривая санитарные доводы противниковъ, отбрасываетъ прочь всѣ первичныя язвы (тамъ же, стр. 109): указаніе комиссіи на значеніе опрятности при этого рода пораженіяхъ, въ суммѣ которыхъ имѣется значительное число мягкихъ шанкровъ, далеко не первостепенно и ничуть не единственно, чтобы обосновать на немъ,—какъ это дѣлаетъ проф. Тарновскій, подобное заключеніе. Не только въ подлинномъ The minority report (p. 3—9), не только въ передающемъ сокращенно его содержаніе мемуарѣ англійской медицинской ассоціаціи гаагскому конгрессу 1883 г. (Compte rendu, p. 93—95), но и въ краткомъ пересказѣ этого мемуара д-ромъ Ахшарумовымъ (Соврем. взглядъ, стр. 48 и 49),—на каковой ссылается почтенный профессоръ, ближайшій разборъ цифръ первичныхъ пораженій аболиціонистами можетъ быть найденъ даже при самомъ минимальномъ вниманіи!

Указывая на паденіе кривой шанкровъ во внутренней арміи послѣ 1867 г. (см. діагр. № 1 и табл. 1 въ прил.)[1]), регламентисты готовы признать, что особенно благопріятный изгибъ ея за періодъ 1874—1879 гг. обязанъ въ значительной степени вѣроятнымъ фактамъ сокрытія болѣзни, косвенно вызваннымъ особымъ королевскимъ приказомъ объ удержаніи съ солдатъ, поступающихъ въ госпиталь съ венерическою болѣзнью, слѣдующаго имъ жалованья за время леченія (Lord Cardwell's order „stoppage of pay", октябрь 1873 г.—27 ноября 1879 г.) [2]). Но

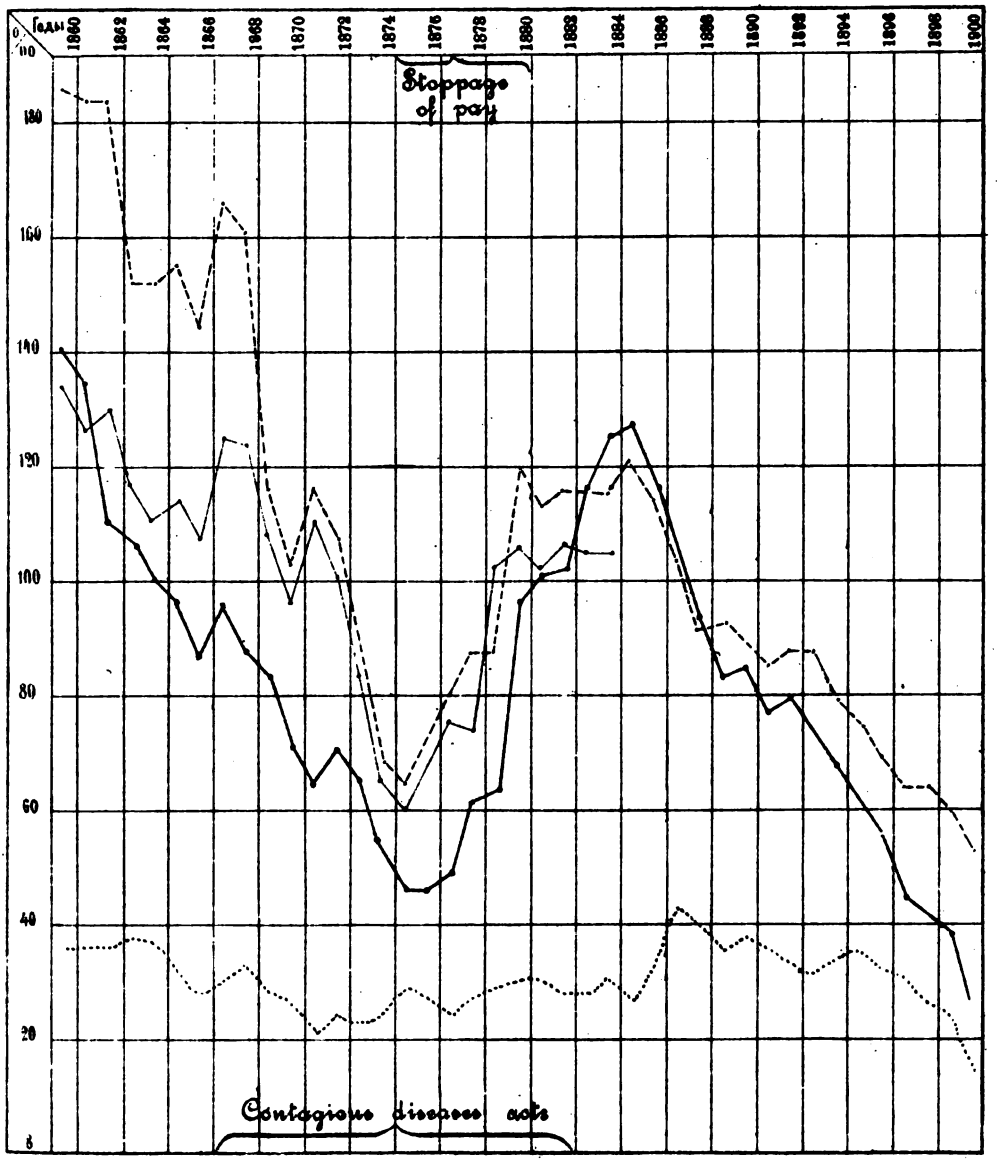
---

[1]) Ссылаться на санитарныя послѣдствія акта 29 іюля 1864 г. для англійской арміи едва ли возможно въ виду слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ: 1) хотя этотъ актъ и распространялся на 11 изъ свыше ста военныхъ станцій, однако фактически былъ введенъ лишь въ четырехъ: Portsmouth, 3. XII. 1864, Devonport, 1. IV. 1865, Sheerness и Chatham, 9 и 12. VI. 1865; 2) періодическое обязательное освидѣтельствованіе допускалось на основаніи этого акта, въ районѣ его дѣйствія, не какъ общее правило, но лишь для тѣхъ женщинъ, на которыхъ послѣдуетъ оказавшійся основательнымъ оговоръ мужчины въ его зараженіи (Nevins, What steps, p. 5 a. 74; Der Einfluss, S. 9 Anm. 4; Report of the Royal commission 1871, vol. 1, p. 778; cp. Congrès de Genève, Matér., Fasc. B., p. 3).

[2]) Исключеніе, впрочемъ, составляетъ проф. Тарновскій, который считаетъ «совершенно произвольнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ» найденный имъ у Ива Гюйо выводъ относительно случаевъ скрытія болѣзни въ виду stoppage of pay. Вступать съ почтеннымъ русскимъ сифилидологомъ въ споръ по существу этого вывода мы считаемъ излишнимъ въ виду того обстоятельства, что вѣроятность зависимости паденія числа поступленій въ госпиталь съ primary venereal sores отъ случаевъ скрытія болѣзни давно уже признана самимъ war office'омъ въ его докладахъ палатѣ общинъ (Return отъ 21 дек. 1893 г.). Но умѣстно устранить прочь ту видимость произвольности и несообразности, которую доказательство этого вывода, дѣйствительно, пріобрѣтаетъ въ изложеніи проф. Тарновскаго. У Ива Гюйо имѣется таблица, изъ которой явствуетъ, что до 1873 г. за три ближайшихъ трехлѣтія на сто случаевъ шанкровъ во внутренней арміи неизмѣнно приходилось 35 случаевъ вторичнаго сифилиса; въ послѣдующіе два трехлѣтія,— періодъ дѣйствія приказа военнаго министра лорда Кардвеля, на то же количество шанкровъ падало уже 47 и 49 случаевъ вторичнаго сифилиса. Имѣя въ виду, что stoppage of pay примѣнялся только при primary venereal sores (и гонорреѣ), но не при вторичныхъ явленіяхъ сифилиса, Гюйо послѣдовательно приходитъ къ мысли о скрываніи солдатами первичныхъ формъ. На такую мысль, конечно, менѣе всего можетъ натолкнуть таблица Гюйо въ перепечаткѣ проф. Тарновскаго, такъ какъ въ ней отношеніе между

Діаграмма № 1.

Англійская внутренняя армія.



——— Primary venereal sores. ——— Гонорея

..... Вторичный сифилисъ - - - - - - - Гонорея съ осложненіями.

пониженіе кривой въ періодъ по 1873 г. и особенно съ 1870 г., когда акты дѣйствовали во всѣхъ послѣдовательно подчиненныхъ имъ станціяхъ (ср. ниже, прим. 1 къ стр. 299) и примѣнялись со всею строгостью, является, съ точки зрѣнія регламентистовъ, несомнѣннымъ признакомъ санитарнаго вліянія врачебно-полицейскаго закона. Благодѣтельное значеніе актовъ подтверждается также и повышеніемъ этой кривой съ 1880 г., когда, какъ заявляетъ д-ръ Комманжъ (по д-ру Longuet), „съ усиленіемъ аболиціонистской агитаціи и благодаря потворству чиновниковъ, примѣненіе актовъ стало затруднительнымъ и даже опаснымъ для низшихъ агентовъ“ и, такимъ образомъ, будто бы имѣла уже мѣсто фактическая отмѣна полиціи нравовъ (Commenge, La prostit., p. 514).

Сомнительность этого аргумента становится, однако, очевидною, если принять въ соображеніе слѣдующіе моменты. Возможно ли приписать паденіе интересующей насъ кривой вліянію актовъ, разъ оно беретъ начало еще съ 1860 г., когда военнымъ министромъ лордомъ Herbert была принята серія реформъ, направленныхъ къ улучшенію духовнаго и санитарнаго состоянія арміи (Report from the Select committee 1881, Evid., quest. 2854—2858 a. 2971—2973), и если до изданія актовъ оно проявляется даже гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ послѣ ихъ введенія? Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ утверждаетъ проф. Джемсъ Стюартъ, „совершенно ложно и не основывается ни на какомъ фактѣ“ то утвержденіе, будто примѣненіе актовъ было какъ нибудь задержано съ 1880 г.: система регламентаціи оставалась не только юридически, но и фактически въ силѣ вплоть до мая 1883 г.; ручательствомъ за это могутъ служить и оффиціальные Army medical department reports, и такіе документы самихъ регламентистовъ, какъ сообщеніе

шанкрами и вторичными явленіями за 1870—1872 гг. ошибочно обозначается цифрою 45! Для того, чтобы окончательно разбить «совершенно не вытекающій изъ приведенныхъ данныхъ» выводъ Гюйо, проф. Тарновскій находитъ нужнымъ восполнить таблицу указаніемъ на заболѣваемость до 1864 г., «когда она равнялась 106 зараженіямъ шанкрами и достигала 75 случаевъ конституціональнаго сифилиса на 1000 солдатъ арміи». На самомъ дѣлѣ, ‰ вторичнаго сифилиса въ періодъ 1860—1863 гг. достигаетъ, по даннымъ Army med. dep. reports, лишь 38! (Тарновскій, Прост. и аболиц., стр. 112—114; Guyot, La prostit., p. 356—358).

въ бельгійскую медицинскую академію предсѣдателя статистическаго бюро англійской арміи д-ра Graham Balfour, и др. (Stuart, Les actes, p. 9; Commenge, La prostit., p. 515; ср. Тарновскій, Прост. и абол., стр. 112). Положимъ, за отмѣною обязательнаго освидѣтельствованія въ 1883 г., ростъ кривой нѣкоторое время продолжается; однако прежде, чѣмъ причинно связать это явленіе съ фактомъ разстройства системы полиціи нравовъ, слѣдуетъ принять въ разсчетъ и другой совпадающій во времени по своему вѣроятному воздѣйствію моментъ— фактъ возвращенія въ метрополію сильно зараженныхъ венерическими болѣзнями англійскихъ войскъ изъ Египта: по крайней мѣрѣ, самъ военный министръ маркизъ Hartington нашелъ умѣстнымъ, по поводу запроса въ палатѣ общинъ, объяснить именно этимъ обстоятельствомъ повышеніе заболѣваній шанкрами внутренней арміи въ 1883 и 1884 гг. (Nevins, Les maladies vénér., R. de M. Pr. № 14 et 15, p. 97). Да если бы даже умноженіе заболѣваній, проявившееся за нѣсколько лѣтъ до устраненія принудительныхъ осмотровъ, и продолжалось нѣкоторое время по отмѣнѣ послѣднихъ—уже по причинѣ реформы [1]), то дальнѣйшее паденіе кривой, опустившейся въ послѣдніе годы до такого низкаго уровня, котораго регламентистамъ и при дѣйствіи приказа лорда Cardwell не удавалось достичь, заставляетъ рѣшительно усумниться и въ санитарныхъ благодѣяніяхъ полиціи нравовъ, и въ санитарной опасности аболиціонизма! [1]).

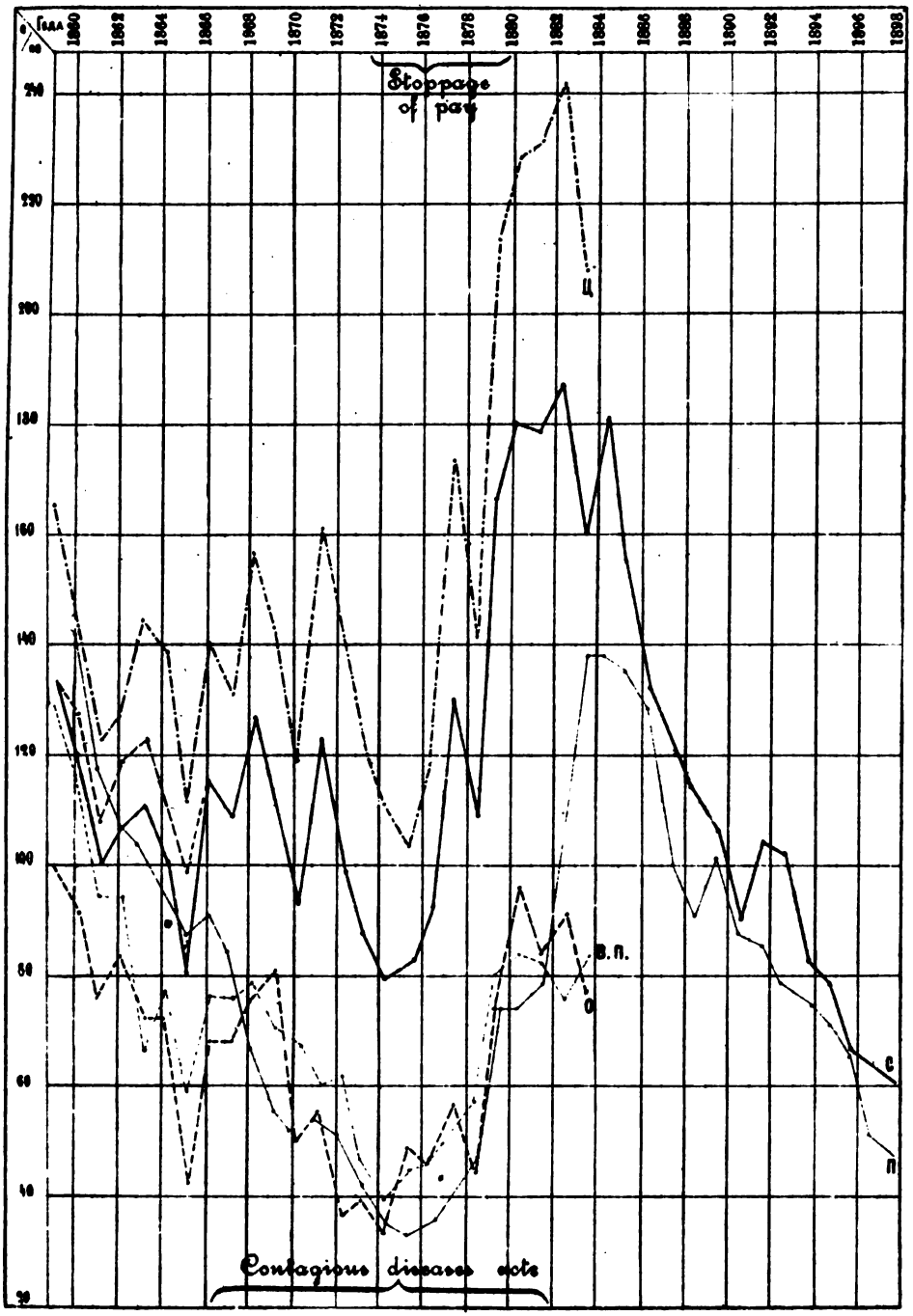
---

[1]) Привычки, сложившіяся при режимѣ регламентаціи, распадаются не сразу; только съ теченіемъ времени мужчина привыкаетъ къ self-government, а женщина пріобрѣтаетъ довѣріе къ отказавшейся отъ полицейскихъ задачъ врачебной помощи; далеко не всегда тотчасъ же страна покрывается надлежащею сѣтью амбулаторій и обыкновенныхъ госпиталей для венериковъ. При такихъ обстоятельствахъ, *временное* усиленіе венерическихъ заболѣваній по отмѣнѣ регламентаціи достаточно вѣроятно (ср. Stuart, Les actes, p. 9).

[1]) По изслѣдованію д-ра M. Gregory, цифра смертности отъ венерическихъ болѣзней всего населенія Англіи, колебавшаяся въ періодъ 1878—1883 гг. на высотѣ 90—98 случаевъ смерти на милліонъ обывателей, постепенно опустилась до 67 въ 1899 г. Смертность отъ венерическихъ болѣзней дѣтей въ возрастѣ моложе одного года, поднявшаяся въ періодъ 1879—1883 гг. со 198 до 235 на сто тысячъ дѣтей того же возраста, оставшихся

Діаграмма № 2.

Primary venereal sores.



П ———— станціи подъ актами.

С ———— 14 своб. станцій, выбр. для сравн. ..... оню же, со включ. Лондона и Виндзора.

Ц ———— [illegible]

Сопоставляя степень заболѣваемости солдатъ въ станціяхъ, подчиненныхъ актамъ, и въ станціяхъ свободныхъ, регламентисты прибѣгаютъ съ слѣдующему пріему: проценту заболѣваній шанкрами солдатъ всѣхъ подчиненныхъ актамъ станцій они противополагаютъ процентъ названныхъ заболѣваній у солдатъ не всѣхъ, но изъ болѣе ста лишь четырнадцати опредѣленныхъ, спеціально выбранныхъ военно-медицинскими властями для сравненія мѣстъ, дѣйствію актовъ не подчиненныхъ. За время примѣненія актовъ количество заболѣваній шанкрами въ первыхъ мѣстностяхъ значительно понизилось сравнительно съ заболѣваемостью въ послѣднихъ,— это положеніе раскрываетъ санитарныя выгоды регламентаціи до очевидности: вѣроятно поэтому д-ръ Macpherson, директоръ army medical service, нашелъ умѣстнымъ изъ всей находящейся въ его вѣдѣніи оффиціальной статистики внутренней арміи выдвинуть на брюссельской конференціи 1899 г. лишь подтверждающія наглядно одинъ этотъ доводъ данныя.

«Вы видите на этомъ чертежѣ (см. діагр. № 2, линіи П и С), объяснялъ г. Macpherson конференціи, кривую сифилитическаго и простого шанкра (primary venereal sores), въ четырнадцати свободныхъ станціяхъ, и соотвѣтствующую кривую для четырнадцати станцій поднадзорныхъ. Расхожденіе этихъ двухъ кривыхъ показываетъ результатъ регламентаціи. Оно весьма незначительно въ годы, предшествующіе законамъ о заразныхъ болѣзняхъ: кривыя переплетаются (se superposent presque); кривая станцій свободныхъ часто опускается ниже кривой поднадзорныхъ станцій. Но въ

въ живыхъ, понизилась до 159 въ 1899 г. Количество рекрутовъ, которымъ было отказано въ принятіи на военную службу въ виду сифилиса (первичныя и вторичныя формы), державшееся въ періодъ 1862—1878 г. на высотѣ въ среднемъ 14—15‰ и въ періодъ 1879—1883 г.—11‰, постепенно понижается до 3,5‰ въ 1897 г. и 2,2‰ въ 1900 г. Если въ самые послѣдніе годы на ряду съ уменьшеніемъ числа отказовъ изъ за сифилиса наблюдается также паденіе отказовъ и по всякаго рода причинамъ (съ 372 по 273‰), то этого ничуть нельзя сказать про періодъ 1879—1897 г: ‰ отказовъ по всѣмъ причинамъ колеблется между 362 и 459, тогда какъ въ срединѣ семидесятыхъ годовъ оно опускалось до 257. Наконецъ, во флотѣ внутренней арміи число отправокъ въ госпиталь въ виду венерическихъ болѣзней за 1884—1899 г. упало съ 203 до 131‰ личнаго состава (Communications, t. II, p. 43—46; брошюра England, without Regulated Vice; ср. цифры относительно рекрутъ у Kromayer, Zur Austilgung, S. 95. и у Stuart, Les actes, p. 16 app., и Army med. dep. reports за послѣдніе годы).

годы дѣйствія закона расхожденіе увеличивается замѣчательнымъ образомъ, такъ, что кривая станцій свободныхъ остается всегда вверху, кривая станціи поднадзорныхъ—постоянно внизу. Наконецъ, со времени отмѣны закона (1886 г.) расхожденіе тотчасъ снова уменьшается и не перестаетъ быть незначительнымъ: кривыя ложатся такъ же близко одна къ другой, какъ и въ годы, предшествующіе закону» (Compte rendu, p. 51; ср. Communications, t. II, p. 78).

Дѣйствительно, расхожденіе кривыхъ указываетъ съ опредѣленностью на санитарныя преимущества станцій, подчиненныхъ актамъ. Извѣстно, однако, что только въ этихъ станціяхъ каждый солдатъ, отлучавшійся куда-либо на три дня или вновь прибывавшій, подвергался освидѣтельствованію: не должно ли приписать вліянію этой мѣры хоть нѣкоторую долю того результата, который безраздѣльно относится регламентистами къ эффектамъ надзора за проституціею? Не слѣдуетъ ли также принять здѣсь въ соображеніе и тотъ усиленный переходъ проститутокъ изъ поднадзорныхъ станцій въ станціи свободныя, который по отчетамъ капитана Harris выразился въ періодъ 1865—1870 гг. уходомъ отъ 8 до 28% всѣхъ зарегистрованныхъ женщинъ? И не правъ ли былъ генеральный инспекторъ госпиталей г. Lawson, когда онъ, на запросъ парламентской комиссіи, согласился усмотрѣть въ этомъ переходѣ проститутокъ, по крайней мѣрѣ, „a disturbing cause“ при сравненіи двухъ рядовъ станцій съ точки зрѣнія результатовъ регламентаціи? Нельзя умолчать и о томъ, что, въ противоположность подчиненнымъ станціямъ, въ большинствѣ станцій свободныхъ не было совсѣмъ госпиталей для леченія женщинъ отъ венерическихъ болѣзней. По словамъ того же Lawson'а, госпитальное леченіе въ выбранныхъ для сравненія неподчиненныхъ актамъ округахъ, за исключеніемъ Лондона и Дублина, имѣло самое незначительное распространеніе („is elsewhere too, to a small extent“); по его признанію, учрежденіе добровольныхъ госпиталей (voluntary hospitals) въ свободныхъ округахъ въ такомъ же объемѣ, какъ „compulsory hospitals“ въ подчиненныхъ, „составило бы такой элементъ, который могъ уменьшить итогъ сифилиса въ неподчиненныхъ округахъ“ (Report fr. the Select committee, Evid. 1879, q. 281, 294, 295, 610, 904, 905 a. 1214, 1881 q. 2116—2122, 2149—2153; ср. The minority report, p. 16—20).

Приписывая всю широту расхожденія кривыхъ вліянію регламентаціи, ея идеологи молчаливо обходятъ отмѣченныя обстоятельства.

Не въ этомъ умолчаніи, однако, особенности ихъ своеобразныхъ пріемовъ проявляются наиболѣе рѣшительно и рѣзко.

Позволительно провѣрить, въ какой степени расхожденіе кривыхъ поднадзорныхъ и свободныхъ станцій находится въ зависимости отъ самаго подбора взятыхъ для сравненія мѣстностей.

Подчинены актамъ были всѣ постоянные лагеря, военные порты, арсеналы и военныя мастерскія и пять мелкихъ гарнизонныхъ городовъ,—въ томъ числѣ ни одного значительнаго промышленнаго центра[1]). Напротивъ, для сравненія изъ числа свободныхъ станцій были выбраны такіе центры агломераціи, какъ Лондонъ и Дублинъ, такіе промышленные центры, какъ Манчестеръ, Шеффильдъ, Бельфастъ и Престонъ,—и только одно собственно военное поселеніе[2]). Поучительно, между тѣмъ, что мѣры лорда Herbert наиболѣе успѣшно были примѣнены какъ разъ именно въ лагеряхъ, военныхъ портахъ, арсеналахъ и мастерскихъ: за шестилѣтіе 1861—1866 г. въ названныхъ станціяхъ было констатировано пониженіе венерическихъ заболѣваній на 28—38%, тогда какъ въ фабричныхъ центрахъ улучшеніе составило лишь 21%, въ Дублинѣ едва проявилось, а въ Лондонѣ состояніе даже ухудшилось! (Report fr. the Select committee, Evid. 1881, q. 2854—2858; 2971—2975;

---

[1]) Подчинены актамъ были: въ 1866 г.—Портсмутъ съ 8 окт.; Devonport и Плимутъ съ 10 окт.; Чатамъ, Sheerness и Gravesend; Вульвичъ, съ 6 ноября; 12 апр. 1867 г.—Aldershot; въ 1868 г.—Виндзоръ съ 1 апр. и Shorncliffe съ 27 іюля; въ 1869 г.—Кольчестеръ съ 27 янв., Cork. и Curragh; въ 1870 г.—съ 6 янв. Винчестеръ, 19—Дувръ, 21—Canterbury, и съ 15 февр. Maidstone (ср. Report of the Royal commission 1871, vol. 1, p. 778; Return отъ 18 іюля 1870 г., p. 3).

[2]) По объясненію, данному подлежащими органами королевской комиссіи 1871 г., для сравненія были выбраны такія станціи, въ которыхъ, *какъ и въ мѣстахъ, подчиненныхъ актамъ*, численность гарнизона была не менѣе 500 человѣкъ (Report of the Royal committee 1871, vol. II app., p. 811 note). Однако, за послѣднее десятилѣтіе до введенія актовъ (1860—1869 г.) гарнизонъ въ г. Maidstone заключалъ въ себѣ въ среднемъ за годъ 367 человѣкъ, а въ годы по подчиненіи проституціи надзору его численность опускалась до 108 человѣкъ (1876 г.)!

ср. Nevins, R. de M. Pr., № 14 et 15, p. 95 et 96, и Der Einfluss, S. 7, 9 и 46—48).

Да едва ли нужны были опытъ и статистика для того, чтобы предусмотрѣть различіе въ вѣроятномъ распространеніи венерическихъ болѣзней среди солдатъ спеціальныхъ военныхъ поселеній и, съ другой стороны, большихъ промышленныхъ центровъ, съ ихъ соблазнами!

Вычисливъ самостоятельно степень заболѣваемости шанкрами солдатъ отдѣльно въ шести названныхъ выше центрахъ и въ прочихъ восьми мѣстностяхъ, выбранныхъ для сравненія военно-медицинскимъ управленіемъ, мы получили слѣдующую метаморфозу расхожденія кривыхъ (діагр. № 2, линіи Ц и О, и таб. 2).

Любопытно, что съ кривой восьми указанныхъ станцій въ значительной степени совпадаетъ, по высотѣ и направленію, кривая всѣхъ остальныхъ свободныхъ станцій внутренней арміи, не принятыхъ въ сравненіе статистическимъ бюро военнаго министерства (тамъ же, линія В.П).

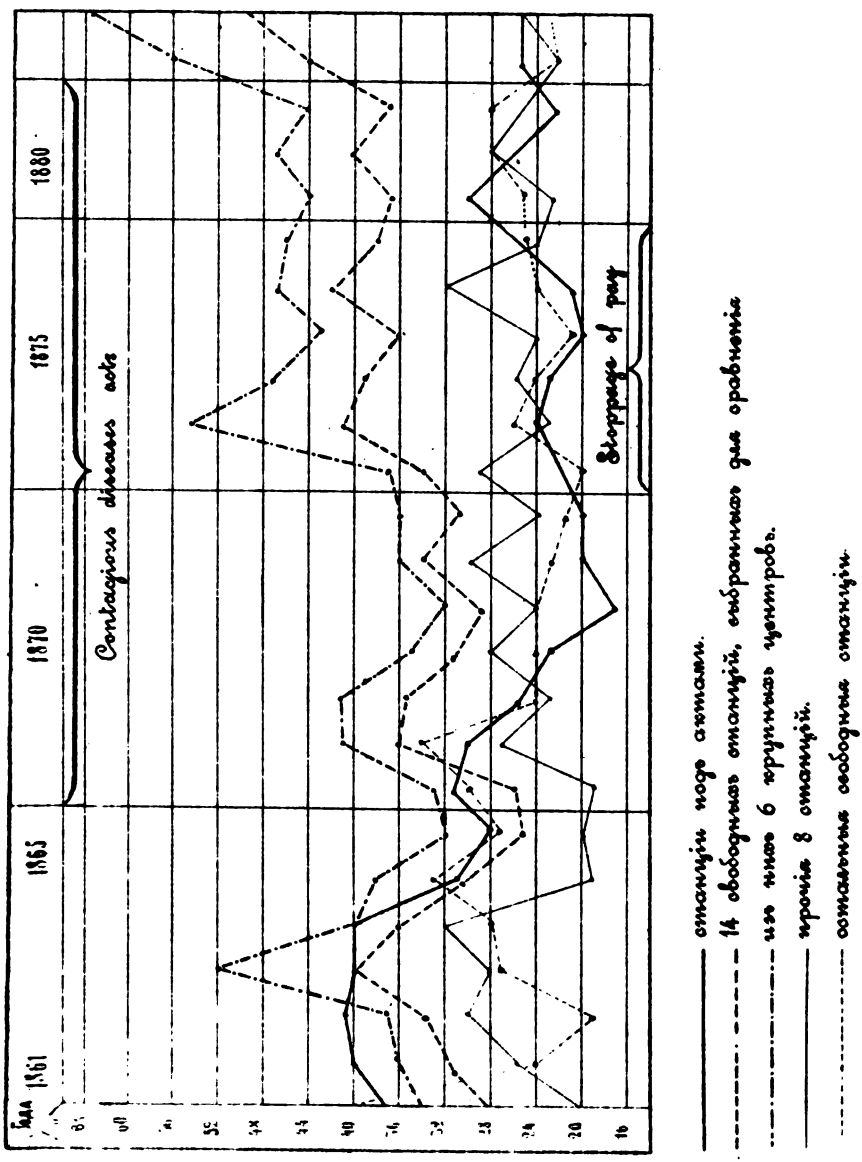
Мы открываемъ, такимъ образомъ, съ одной стороны, огромное расхожденіе кривой военныхъ станцій, расположенныхъ въ крупнѣйшихъ центрахъ страны, и кривыхъ прочихъ мѣстъ, какъ поднадзорныхъ, такъ и свободныхъ, а съ другой, взаимную близость кривой поднадзорныхъ станцій и кривыхъ всѣхъ свободныхъ мѣстностей, за исключеніемъ шести крупнѣйшихъ центровъ. Не должны ли быть послѣдовательно, при такихъ обстоятельствахъ, явленія, объясняемыя регламентистами вліяніемъ актовъ, въ значительной степени приписаны не чему-либо другому, какъ удачному включенію крупнѣйшихъ центровъ въ число четырнадцати выбранныхъ для сравненія свободныхъ станцій?!..[1]) [2])

---

[1]) Регламентисты указываютъ, впрочемъ, не то, что, судя по кривымъ primary venereal sores, 14 свободныхъ станцій, выбранныхъ для сравненія военно-медицинскимъ управленіемъ, находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ поднадзорныя станціи до введенія актовъ. Это обстоятельство не можетъ быть, однако, провѣрено въ виду того, что до 1866 г. включительно цифры для Лондона не введены въ кривую 14 свободныхъ станцій, взятыхъ для сравненія. А между тѣмъ онѣ должны, по всей вѣроятности, значительно повысить соотвѣтствующее ‰: объ этомъ читатель въ состояніи уже судить по кривой тѣхъ же станцій со включеніемъ въ нее суммъ заболѣваній для Лондона и Виндзора, впослѣдствіи одной изъ поднадзорныхъ станцій (діагр. № 2, линія С; отдѣльно цифры для Лондона за 1860—1866 г. въ

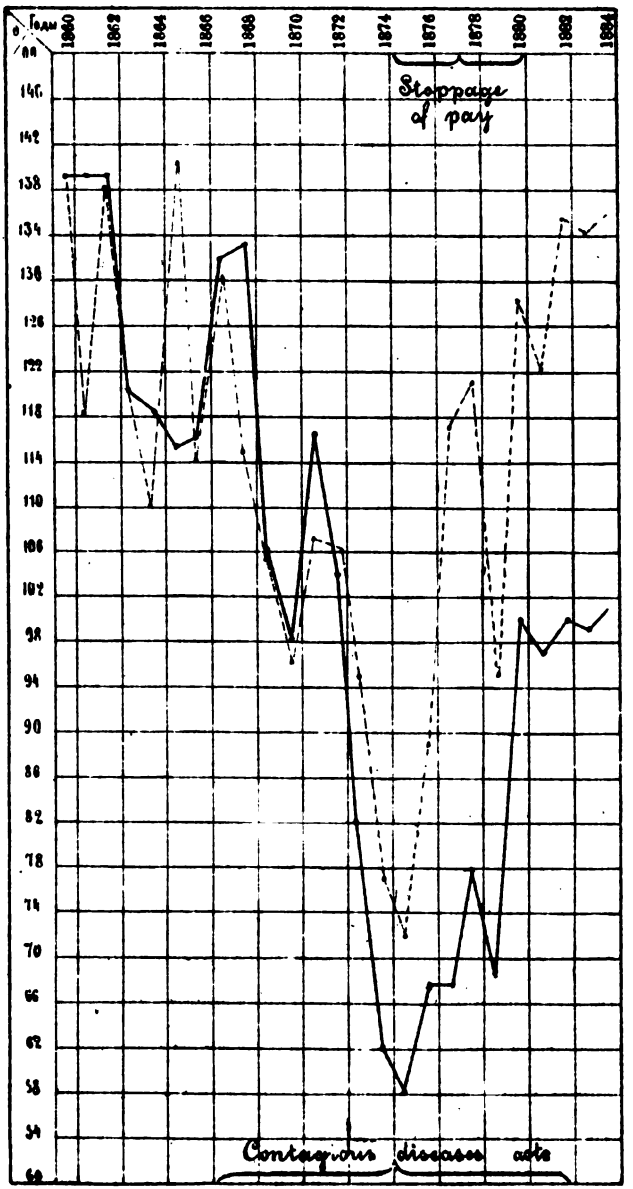
Діаграмма № 3.

Вторичный сифилисъ.



Діаграмма № 4.

Гонорреа.



——— станціи подъ актами.

— · — · — 14 свободныхъ станцій, выбр. для сравненія.

Не менѣе любопытны пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ регламентисты, доказывая санитарную неудачу реформы Криспи въ Италіи.

Для того, чтобы добиться у высшаго санитарнаго совѣта авторитетнаго мнѣнія противъ регламентовъ Криспи, профессоромъ Bizzozero и военно-медицинскимъ инспекторомъ Сисса были представлены въ рѣшительное засѣданіе совѣта 11 октября 1891 г. краснорѣчивыя указанія на громадное усиленіе, въ періодъ жалкаго опыта аболиціонизма, венерическихъ заболѣваній среди арміи и во флотѣ.

„Достаточно вспомнить, заявилъ почтенный Bizzozero, что до объявленія Итальянскаго королевства въ арміи было

извѣстныхъ намъ военно-медицинскихъ отчетахъ не показаны). При этомъ, цифры для Виндзора, по всей вѣроятности, понижаютъ отношеніе для Лондона; за 1867 г. въ Виндзорѣ, гдѣ актъ введенъ еще не былъ (1. IV. 1868), заболѣваемость шанкрами опредѣлялась цифрою 58°/₀₀, а для Лондона 163°/₀₀; въ суммѣ, въ соотношеніи съ численностью гарнизоновъ, это составитъ только 142°/₀₀.

[2]) Д-ръ E. Kromayer пытается выяснить путемъ сравненія кривыхъ для поднадзорныхъ и тѣхъ же четырнадцати свободныхъ станцій благопріятное вліяніе актовъ и на вторичный сифилисъ. Однако и здѣсь расхожденіе обусловливается далеко не тѣмъ однимъ обстоятельствомъ, подчинена или нѣтъ станція актамъ. Ср. линіи 6 крупнѣйшихъ центровъ, съ одной стороны, и, съ другой, остальныхъ 8 выбранныхъ для сравненія свободныхъ станцій, и особенно прочихъ мѣстностей, совсѣмъ не принятыхъ во вниманіе при сравненіи статистическимъ бюро министерства, на діагр. № 3 (Zur Austilgung, S. 42—44).

Д-ръ Kromayer признаетъ, что акты не имѣли никакого дѣйствія на распространеніе гонорреи, такъ какъ кривая гонорреи не падаетъ съ введеніемъ актовъ и не поднимается по ихъ отмѣнѣ. Но сравнивая ея теченіе съ обратнымъ направленіемъ кривой шанкровъ, онъ видитъ въ отсутствіи вліянія актовъ на гонорреи обратное подтвержденіе ихъ сдерживающаго дѣйствія на шанкры. Подобно тому, однако, какъ онъ не принимаетъ въ разсчетъ, что паденіе кривой шанкровъ началось въ поднадзорныхъ станціяхъ до введенія актовъ, а ростъ до отмѣны послѣднихъ, онъ упускаетъ изъ виду, что кривая гонорреи не замедлила опуститься вскорѣ по введеніи актовъ и подняться вскорѣ послѣ отмѣны послѣднихъ. Любопытно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что одновременно съ паденіемъ, а можетъ быть и ростомъ, кривой гонорреи поднадзорныхъ станцій соотвѣтствующимъ образомъ измѣняется и кривая гонорреи 14 свободныхъ станцій (діагр. № 4; ср. діагр. № 1, линіи гонорреи; Kromayer, Zur Austilgung, S. 33—42; Communications, t. 1. p. 24; Ср. Blaschko, Hygiene, S. 70 и 71).

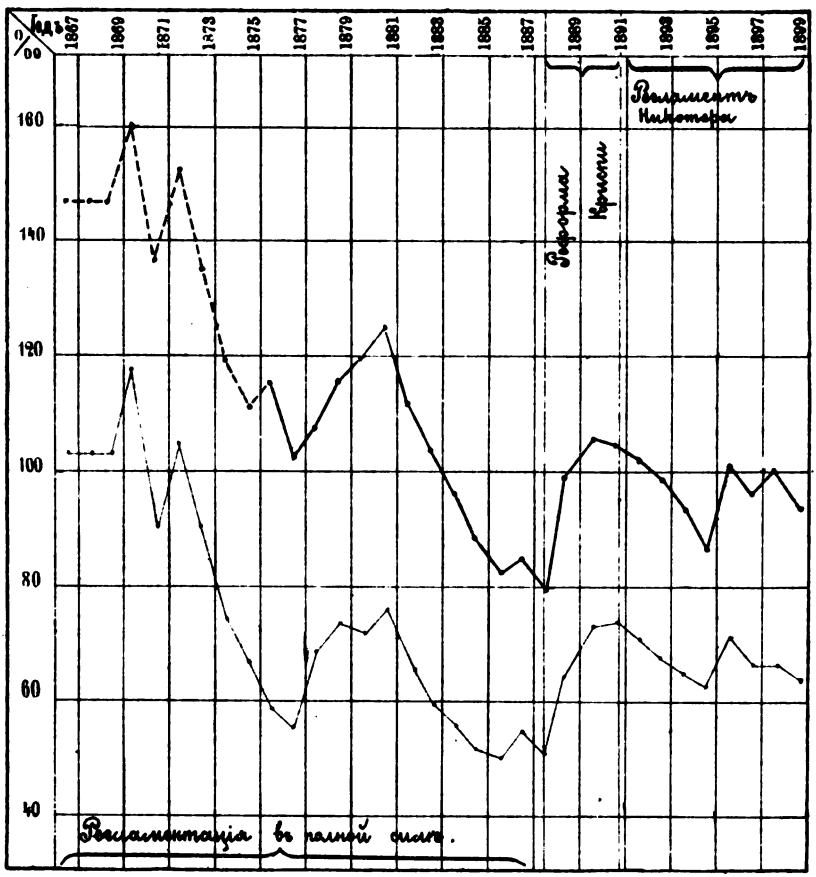
340°/₀₀ венериковъ и сифилитиковъ; когда было установлено обязательное освидѣтельствованіе, пропорція опустилась до 66°/₀₀, но при дѣйствующихъ регламентахъ она снова поднялась до 114 p. m.“ (Regolam. sul meretr., Riv. d'igiene, 1891 p. 820).

Опубликованная въ отчетахъ генеральной дирекціи общественнаго здравія высшему санитарному совѣту военно-медицинская статистика поднимается лишь до 1867 г., и мы не можемъ провѣрить на оффиціальныхъ документахъ относящейся, очевидно, къ болѣе раннему времени цифры 340°/₀₀. Но мы въ состояніи предостеречь читателя отъ дальнѣйшихъ цифръ, представляемыхъ проф. Bizzozero. Мы удостовѣряемъ, прежде всего, что цифра 114°/₀₀ за 1890 г., на который падаетъ maximum венерическихъ заболѣваній въ арміи при дѣйствіи регламентовъ Криспи, въ отчетахъ генеральной инспекціи выражается всего лишь 104°/₀₀. Мы утверждаемъ, далѣе, что относящаяся къ 1875 г. цифра 66°/₀₀ отнюдь не можетъ быть сравниваема съ данными для всей арміи послѣдующихъ годовъ: какъ разъ именно за періодъ съ 1867 по *1875* г. отчеты военнаго министерства не отмѣчаютъ совсѣмъ числа венерическихъ заболѣваній солдатъ, находившихся на излеченіи въ гражданскихъ госпиталяхъ и полковыхъ лечебницахъ,— числá, входящаго въ отчеты послѣдующихъ лѣтъ и значительно увеличивающаго °/₀₀ всѣхъ больныхъ. Цифрѣ 66°/₀₀, обозначающей число солдатъ, находившихся на извлеченіи въ однихъ военныхъ госпиталяхъ, соотвѣтствуетъ за 1890 г. не 114 и даже не 104, но всего лишь 71°/₀₀! Для полнѣйшей характеристики пріемовъ проф. Bizzozero должно еще принять во вниманіе, что °/₀₀ венерическихъ заболѣваній за 1875 г. представляетъ для полиціи нравовъ весьма благопріятную цифру изъ погодныхъ данныхъ военной статистики, и что при дѣйствіи регламентаціи цифра венерическихъ заболѣваній доходила до 117°/₀₀ по даннымъ однихъ военныхъ госпиталей и до 124°/₀₀ по даннымъ для всей арміи (діагр. № 5 и табл. 2).

Слѣдуя по стопамъ проф. Bizzozero, военно-медицинскій инспекторъ г. Cucca нашелъ способъ представить высшему санитарному совѣту, что при дѣйствіи регламентовъ Криспи венерическія заболѣванія во флотѣ усилились, сравнительно съ эпохою регламентаціи, болѣе, чѣмъ вдвое. °/₀₀ венериковъ и сифилитиковъ, не поднимавшееся за періодъ съ 1883 г. по

Діаграмма № 5.

Итальянская армія.



———— Вен. бол. (число пост. въ одни военные госпитали).

———— Вен. бол. (число пост. во всю мѣста леченія).

- - - - - - - То же самое, но по предпол. вычисленію санитарной дирекціи.

1888 г. выше 160, въ 1890 г. возросло до 199 и въ 1891 г. достигло 334.

Годъ.	‰	Venerei e blenorroici	Sifilitici
1883		142,07	18,10
1884		135,12	16,20
1885		133,26	18,33
1886		133,06	17,89
1887		109,50	19,81
1888		112,74	15,73
1889		122,71	18,15
1890		157,13	42,12
1891		284,33	50,46

(Regolamento sul meretr., Riv. d'igiene, 1891 p. 819; ср. Enquêtes, Tommasoli, p. 532 et p. 611).

Однако, какъ видно изъ примѣчанія къ таблицѣ г. Кукка, въ цифру, опредѣляющую среднюю численность экипажа за 1891 годъ, не включенъ контингентъ матросовъ, лечившихся на судахъ. Съ перваго взгляда кажется, что это обстоятельство не можетъ существенно измѣнить искомыхъ отношеній. На самомъ дѣлѣ, если бы мы, сдѣлавъ на минуту нелѣпое предположеніе, что въ концѣ 1880 г. въ Италіи была уничтожена полиція нравовъ, примѣнили къ даннымъ за 1881 г. пріемъ невключенія въ общую сумму контингента матросовъ, находящихся въ плаваніи, и больныхъ, лечившихся въ корабельныхъ госпиталяхъ, то должны были бы, во славу регламентаціи замѣнить 170‰ венерическихъ заболѣваній несравненно болѣе внушительною цифрою 290‰ (Commissione 1885, alleg). Имѣя въ виду, что у матроса на сушѣ, при бо́льшемъ досугѣ и свободѣ, болѣе шансовъ заразиться, чѣмъ у его товарища въ плаваніи, и что въ карабельныхъ госпиталяхъ матросы оставляются лишь въ крайнихъ случаяхъ, можно предполагать, что явленія неодинаковой пропорціи больныхъ среди матросовъ на сушѣ и въ плаваніи, должно обнаружиться и въ на-

чалѣ девяностыхъ годовъ. Надо также имѣть въ виду и то обстоятельство, что, какъ видно изъ дальнѣйшихъ примѣчаній г. Кукка, его цифры за весь 1891 г. вычислены путемъ увеличенія на половину количества заболѣваній за первые 8 мѣсяцевъ этого года: между тѣмъ санитарная инспекція считаетъ долгомъ оговориться по поводу военной статистики, что „во время второго семестра каждаго года обыкновенно замѣчается въ абсолютныхъ цифрахъ (солдатъ, страдающихъ венерическими болѣзнями) большое уменьшеніе случаевъ, сравнительно съ первымъ семестромъ, частью по причинѣ роспуска старѣйшаго набора, частью по причинѣ маневровъ, которые лишаютъ на нѣкоторое время войска половыхъ сношеній“ (Sui fatti principali, p. 34).

Примѣчанія г. Кукка въ состояніи дать намъ возможность приподнять лишь уголокъ завѣсы, скрывающей своеобразные пріемы его статистическихъ операцій. Для того, что бы ярче уяснить направленіе этихъ операцій, умѣстно поставить рядомъ съ данными почтеннаго инспектора позднѣе опубликованныя цифры оффиціальной статистики флота.

Годъ.	‰ венерич. больныхъ.	Годъ.	‰ венерич. больныхъ.	Годъ.	‰ венерич. больныхъ.
1873	131,5	1878	130,0	1883—1886	143,0
1874	163,6	1879	141,0	1887—1889	123,9
1875	114,0	1880	134,0	1890	133,6
1876	132,4	1881	162,0	1891	165,4
1877	153,0	1882	149,0	1892	159,4

(Zeri, Note, Giornale Medico del R. Esercito, marzo 1894; ср. Concetti, Della pretesa influenza, p. 26, и Enquêtes, Tommasoli, p. 533).

Оказывается, цифрѣ 199‰ г. Кукка соотвѣтствуетъ лишь 133‰, а страшному болѣе, чѣмъ удвоенію, представленному имъ въ 334‰,—всего только 165‰!

Фактъ фальшивыхъ статистическихъ операцій, посредствомъ которыхъ идеологамъ полиціи нравовъ удалось склонить членовъ высшаго санитарнаго совѣта высказаться противъ регламента Криспи, какъ будто бы гибельно отразившагося на здоровьи арміи и флота, получилъ въ настоящее

время широкую огласку въ Италіи: какъ сообщаетъ проф. Tommasoli, этотъ фактъ былъ неоднократно заявляемъ парламенту депутатомъ Celli, сенаторомъ Tommasi-Crudeli, сенаторомъ Durante и депутатомъ Santini и не только никогда не былъ оспоренъ, но, напротивъ, недавно, въ мартѣ 1899 г., былъ признанъ истиннымъ со стороны морского министра адмирала Palumbo (Enquêtes, Tommasoli, p. 533).

Проф. Bizzozero и г. Cucca выступили противъ реформы Криспи въ Италіи; проф. Тарновскій взялъ на себя почтенную задачу выяснить для другихъ странъ и въ частности для Россіи, что „горькій опытъ—опытъ по истинѣ страшный по тѣмъ неисчислимымъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ, которыя онъ принесъ Италіи,—подтвердилъ еще разъ насущную неотложность санитарныхъ мѣръ относительно проституціи“ (Опытъ аболиціонизма, Мед. Обозр., № 24 за 1891 г., стр. 1145).

Результатъ спеціальной поѣздки въ Италію, докладъ русскому сифилидологическому обществу, не вызвавшій ни одного замѣчанія со стороны спеціалистовъ, переведенный на иностранные языки, „Опытъ аболиціонизма въ Италіи“ проф. Тарновскаго долженъ былъ сыграть въ общественной жизни видную роль авторитетнаго ученаго изслѣдованія о реформѣ Криспи. Считая потому своимъ долгомъ отнестись къ этой работѣ съ особымъ вниманіемъ, мы подробно разсмотримъ экскурсіи проф. Тарновскаго въ область итальянской статистики арміи, наслѣдственнаго сифилиса и гражданскихъ госпиталей.

«Въ первый же годъ послѣ отмѣны надзора за проституціею, т. е. въ 1889 г., въ 9-и военныхъ дивизіонныхъ госпиталяхъ, расположенныхъ въ большихъ городахъ Италіи, число солдатъ больныхъ венерою увеличилось на 62 процента, при чемъ общее число солдатъ въ каждой дивизіи было одинаково съ таковымъ за предыдущій годъ.

Равнымъ образомъ, во всей итальянской арміи число венериковъ быстро возросло.

Въ послѣдній годъ существованія регламентаціи въ Италіи, т. е. съ марта 1887 г. по мартъ 1888 г, число солдатъ больныхъ венерою въ итальянской арміи равнялось 4,25 на 100 человѣкъ. Въ первый же годъ отмѣны врачебно-полицейскаго надзора, т. е. въ 1888—1889 г., число больныхъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое и равнялось 10, 23 на сто солдатъ. Въ послѣдующіе 9 мѣсяцевъ 1890 г., число заболѣваній держалось почти все на той же высотѣ, т. е. равнялось 10,0 на 100 солдатъ. Военное вѣдомство пришло

въ ужасъ отъ такого быстраго усиленія венерическихъ больныхъ въ войскахъ и имѣло мужество сдѣлать по этому поводу правительству правдивый докладъ» (тамъ же, стр. 1139).

Эти статистическія ссылки почтеннаго профессора не сопровождаются рѣшительно никакимъ ближайшимъ указаніемъ, откуда онѣ почерпнуты, если не считать намека на какой то докладъ военнаго вѣдомства правительству. Мы имѣли возможность ближайше ознакомиться со статистическими данными итальянскаго военнаго министерства, но, какъ видно изъ приложенной таблицы (табл. 3), названныя данныя рѣзко расходятся съ цифрами, сообщаемыми проф. Тарновскимъ. По оффиціальнымъ даннымъ, въ 1887 г., когда регламентація оставалась въ полной силѣ, число венерическихъ больныхъ составляло въ итальянской арміи 84°/₀₀; когда въ 1888 году начался процессъ ея отмѣны, число больныхъ уменьшилось до цифры 79°/₀₀, возвысившись затѣмъ въ 1889 и 1890 гг. до 99 и 104°/₀₀ (Malattie infettive, 1899, p. 131; ср. Enquêtes, Tommasoli, p. 623 et 624). Очевидно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи не только объ увеличеніи „болѣе чѣмъ вдвое", но хотя бы даже и на половину. Почтенный профессоръ предпосылаетъ своему сообщенію общее указаніе, что онъ прореферируетъ ученому обществу все то, что ему пришлось увидѣть и услышать во время лѣтняго путешествія по Италіи. Но вѣдь положеніе, въ доказательство котораго онъ дѣлаетъ отмѣченную ссылку, слишкомъ серьезно, чтобы пренебречь ближайшимъ указаніемъ любопытнаго источника, откуда онъ добылъ свои цифры, касающіяся арміи. Проф. Pellizzari, директоръ дермо-сифилопатической клиники при высшемъ институтѣ, во Флоренціи, заявляетъ по поводу этихъ цифръ, что источникъ, откуда г. Тарновскій почерпнулъ свои свѣдѣнія, ему неизвѣстенъ, и что „если бы д-ръ Тарновскій цитировалъ просто цифры, не присоединяя указанія на то, что пропорція болѣе, чѣмъ удвоилась, то онъ предположилъ бы, что здѣсь дѣло въ опечаткѣ" (L'avortement, p. 18) [1]).

---

[1]) Отмѣчаемыя нами данныя военнаго министерства нѣсколько отличаются отъ цифръ, опубликованныхъ генеральнымъ директоромъ общественнаго здравія проф. Pagliani въ его отчетахъ санитарному совѣту (Re-

Доказывая губительное вліяніе „горькаго опыта“ аболиціонизма на здоровье арміи, проф. Тарновскій, помимо умолчанія источника, прибѣгаетъ къ особому способу искусственнаго сокращенія времени примѣненія стараго регламента. Въ качествѣ показателя успѣховъ полиціи нравовъ, онъ беретъ статистику съ марта 1887 по мартъ 1888 г., и относитъ дальнѣйшій періодъ уже ко времени примѣненія регламентовъ Криспи. Но вѣдь 29 марта 1888 г. проектъ о проституціи былъ лишь утвержденъ королевскимъ декретомъ; опубликованъ онъ былъ не ранѣе 26 іюля; что же касается фактическаго его примѣненія, то оно началось только съ 1 августа 1888 г.

---

lazione, Riv. d'igiene, 1891, p. 451). Въ отчетѣ 1897 г. санитарная дирекція публикуетъ уже цитируемыя нами данныя и, при этомъ, указываетъ на причины несовпаденія данныхъ, ранѣе опубликованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и цифръ публикуемой въ настоящее время статистики военнаго министерства. «Между тѣмъ какъ данныя военнаго министра извлечены изъ движенія больныхъ въ каждомъ мѣстѣ леченія, прежнія данныя министра внутреннихъ дѣлъ брались изъ мѣсячныхъ отчетовъ, сообщаемыхъ различными военными гарнизонами. Причина несовпаденія происходитъ: 1) отъ различнаго способа вычисленія средней численности (forza media) гарнизоновъ, тогда какъ въ центральномъ военномъ управленіи эта численность опредѣляется всегда не иначе, какъ по суммѣ дней пребыванія, раздѣленной на число дней года; и 2) отъ многочисленныхъ исправленій діагноза въ военныхъ госпиталяхъ». Санитарная дирекція обѣщаетъ на будущее время пользоваться только данными военнаго министерства (а не ранѣе опубликованными министерствомъ внутреннихъ дѣлъ), такъ какъ эти данныя, «опираясь на движеніе больныхъ въ мѣстахъ леченія, являются наиболѣе надежными» (Sui fatti principali, 1897 p. XXVIII).

Имѣя въ виду эти обстоятельства, умѣстно задаться вопросомъ, не совпадаютъ ли цифры проф. Тарновскаго, по крайней мѣрѣ, съ менѣе надежными данными министерства внутреннихъ дѣлъ? Если цифра 10,23%, относимая проф. Тарновскимъ, повидимому, къ періоду отъ апрѣля 1888 г. по мартъ 1889 г. и относящаяся по отчету проф. Pagliani къ 1889 г., не случайное совпаденіе, то, надо думать, именно этотъ отчетъ былъ въ рукахъ почтеннаго русскаго сифилидолога. Не оказывается ли тогда 4,25% проф. Тарновскаго за 18⁸⁷/₈₈ г. не чѣмъ инымъ, какъ досаднымъ превращеніемъ по сходству начертанія цифръ, 7,95% отчета г. Pagliani за 1888 г.? Ни мало не ручаясь, конечно, за достовѣрность такого предположенія, мы смѣемъ думать, тѣмъ не менѣе, что читатель, знакомый съ метаморфозами регламентистской статистики, не сочтетъ нашей гипотезы слишкомъ рискованной!

Это былъ исходный моментъ, когда дѣйствіе регламента Криспи стало мало по малу распространяться по Италіи; 1 августа новому режиму было подчинено всего восемь провинцій; лишь въ октябрѣ его примѣненіе расширилось на значительную часть Италіи. Къ концу 1888 г. оставалось еще шесть провинцій, въ которыхъ продолжалъ дѣйствовать старый регламентъ и гдѣ реформа Криспи была введена лишь въ 1889 г. (Enquêtes, Tommasoli, p. 526; Celli, Profilassi, p. 17) [1]).

Мы имѣли и будемъ еще имѣть случай отмѣтить неблагопріятныя условія, которыми сопровождалась реформа Криспи,—условія, несомнѣнно, способствовавшія усиленію венерическихъ заболѣваній. Но теперь замѣтимъ, что если за періодъ примѣненія регламента Криспи и проявляется нѣкоторое усиленіе венерическихъ болѣзней, то оно ничуть не составляетъ явленія необычайнаго, невиданнаго при существованіи института полиціи нравственности. Степень заболѣваемости солдатъ итальянской арміи обнаруживаетъ опредѣленныя колебанія, поднимаясь, по предположительному вычисленію санитарной дирекціи [2]), въ 1870 г. до 160‰, опускаясь за-

---

[1]) Чтобы убѣдиться въ ошибочности свѣдѣній, будто «въ мартѣ 1888 года регламентація проституціи была уничтожена сначала въ 9 провинціяхъ, а вскорѣ затѣмъ (10 іюля того же года) и во всѣхъ городахъ Италіи безъ исключенія» (Мед. Об., тамъ же, стр. 1137), проф. Тарновскому стоило только бросить взглядъ на заголовки регламентовъ Криспи, гдѣ онъ нашелъ бы дату ихъ опубликованія—26 іюля 1888 г. (только регламентъ о диспансаріяхъ помѣченъ 10—26 іюля).

Принимая во вниманіе, что, по указаніямъ почтеннаго профессора, «послѣдующіе 8 мѣсяцевъ 1890 г.» составляютъ непосредственное продолженіе первыхъ мѣсяцевъ «1889 г.», и сопоставляя эти указанія съ датами проф. Pagliani, допустимо задать вопросъ, не является ли время минимальнаго распространенія венерическихъ болѣзней въ арміи,—періодъ «съ марта 1887 года по мартъ 1888 г.» г. Тарновскаго, на самомъ дѣлѣ позднѣйшимъ періодомъ съ марта 1888 по мартъ 1889 г.?

[2]) Чтобы данныя за періодъ 1867—1875 г. были сравнимы съ данными послѣдующихъ лѣтъ для всей арміи, санитарная дирекція, въ своихъ отчетахъ совѣту, прибѣгаетъ къ приблизительному вычисленію количества солдатъ,—венериковъ и сифилитиковъ, лечившихся въ гражданскихъ госпиталяхъ и въ полкахъ, по соотвѣтствующему среднему числу за девятилѣтіе 1876—1884 г. Такое вычисленіе основано на предположеніи, что число солдатъ, лечившихся въ гражданскихъ госпиталяхъ и въ полкахъ, до 1876 г.

тѣмъ, какъ видно уже изъ точныхъ данныхъ, къ 1877 г. до 102‰, потомъ снова возвышаясь до 124‰ (1881 г.) и опускаясь до 82‰ въ 1886 г.; послѣ нѣкотораго подъема кривой заболѣваемости въ слѣдующемъ 1887 г. и дальнѣйшаго пониженія ея въ годъ отмѣны регламентаціи, слѣдуетъ подъемъ до 104‰, проявляющійся не только при режимѣ Криспи, но и по отмѣнѣ, въ октября 1891 г., его регламента министромъ Никотера. Въ 1895 г. достигается maximum пониженія, и кривая начинаетъ снова подниматься (діагр. № 5). Регламентація и аболиціонизмъ рѣшительно не въ состояніи объяснить этихъ крупныхъ колебаній: подъемы начала семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ приходятся на время полнаго господства полиціи нравовъ, между тѣмъ какъ подъемъ начала девяностыхъ годовъ относится къ періоду ея оффиціальной отмѣны. Конецъ и начало послѣдняго подъема не совпадаютъ со временемъ дѣйствія регламентовъ Криспи. Къ тому же, вся кривая, въ цѣломъ, представляетъ несомнѣнную тенденцію къ пониженію, и подъемъ 1890 г. далеко уступаетъ предыдущимъ maximum 1881 и 1870 гг. [1]) [2]).

было не менѣе, чѣмъ въ послѣдующее время. Это предположеніе опирается на фактъ болѣе значительнаго числа больныхъ, помѣщавшихся въ военныхъ госпиталяхъ до 1876 г., чѣмъ позднѣе, и на то обстоятельство, что число военныхъ госпиталей за семидесятые и восьмидесятые года постепенно увеличивалось. Если въ позднѣйшіе періоды, при болѣе значительномъ числѣ спеціальныхъ военныхъ госпиталей, большое количество больныхъ направлялось, за отсутствіемъ или за неимѣніемъ мѣстъ въ послѣднихъ, въ гражданскія лечебницы, или лечилось при полкахъ, то вполнѣ вѣроятно, что въ періодъ 1867—1875 г. въ гражданскіе больницы отсылалось и при полкахъ пользовалось солдатъ не меньше, чѣмъ въ слѣдующее девятилѣтіе 1876—1884 г. Составители отчета выражаютъ увѣренность въ томъ, что цифры, такимъ образомъ предположительно вычисленныя для періода 1867—1875 г., «находятся въ предѣлахъ истины и даже ниже дѣйствительныхъ» (Sui fatti principali, p. XXX—XXXII).

[1]) Отчетъ санитарной дирекціи за 1898 г. даетъ отношеніе численности проститутокъ, состоявшихъ подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ въ 1881 и, съ другой стороны, въ 1898 г, къ количеству венериковъ въ арміи: констатируется, что въ этотъ періодъ пониженіе числа поднадзорныхъ проститутокъ съ 1,34 до 0,70 на тысячу населенія соотвѣтствующихъ общинъ не только не сопровождалось усиленіемъ заболѣваемости въ арміи, но, напротивъ,—уменьшеніемъ количества солдатъ—венериковъ со 124 до 96‰

Переходимъ къ статистикѣ наслѣдственнаго сифилиса.

«Въ Миланѣ, въ Ospizio Provinciale, согласно проф. Porro, въ трехлѣтіе 1878, 1879 и 1880 г.г. число роженицъ—сифилитичекъ составляло 1,28% всего числа роженицъ; въ трехлѣтіе же 1888, 1889 и 1890 гг. число сифилитическихъ роженицъ составляетъ 4,27%.

Равнымъ образомъ, увеличилось и число дѣтей, больныхъ сифилисомъ, въ Воспитательномъ Домѣ. Такъ, въ послѣдній годъ существованія регламентаціи (1887—1888 гг.) число дѣтей сифилитиковъ равнялось 23.

«Логично заключить на основаніи этихъ цифръ, замѣчаютъ составители отчета, о незначительности того вліянія, которое оказываетъ поднадзорная проституція на распространеніе венерическихъ болѣзней. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на суровость режимовъ полиціи нравственности, число подконтрольныхъ проститутокъ, въ сравненіи съ количествомъ тайныхъ, остается настолько ограниченнымъ, что его можно совершенно игнорировать при выясненіи обстоятельствъ, сдерживающихъ распространеніе венерическихъ болѣзней (Profilassi... nel 1898, p. 12).

[3]) Въ преніяхъ на брюссельской конференціи д-ръ Panara представилъ въ доказательство отрицательныхъ санитарныхъ послѣдствій опыта Криспи данныя о распространеніи въ арміи не только всѣхъ, вообще, венерическихъ болѣзней, но и отдѣльно сифилиса: съ 5,6 и 5,9‰ для 1887 и слѣдующаго года: сифилисъ въ войскахъ поднялся до 12,0‰ въ среднемъ за 1889—1891 гг. и въ частности до 13,6‰ въ 1890 г. (Compte rendu, p. 149 et 150; ср. прим. къ табл. 3). Мы, съ своей стороны, не будемъ приписывать вліянію контръ-реформы Никотера ни 12,9‰ сифилиса въ среднемъ за 1892—1899 гг., ни въ частности 14,5‰ за 1892 г. Дѣло въ томъ, что сами составители оффиціальныхъ отчетовъ генеральной дирекціи общественнаго здравія спѣшатъ указать на ненадежность цифръ, касающихся сифилиса: въ гражданскихъ госпиталяхъ и полковыхъ лечебницахъ случаи сифилиса долгое время не отмѣчались особо, внѣ общей рубрики венерическихъ болѣзней, и потому итоги спеціально для сифилиса оказывались значительно ниже дѣйствительныхъ. Только въ послѣднее десятилѣтіе (по 1896 г.) пробѣлы въ статистикѣ сифилиса становятся менѣе чувствительными... (Sui fatti principali, 1897 p. XXXII et XXXIII). Связать съ реформою Криспи колебанія въ диффузіи сифилиса среди солдатъ тѣмъ менѣе допустимо, что его распространеніе въ высшей степени различно и по гарнизонамъ, и во времени: тогда какъ въ однихъ мѣстахъ замѣчается его несомнѣнное ослабленіе частью послѣ 1891, частью послѣ 1892 г., въ другихъ, въ то же время, проявляется болѣе или менѣе значительное его усиленіе, и въ иныхъ, наконецъ, колебанія настолько ничтожны или такъ измѣнчивы, что не даютъ никакой возможности заключить объ улучшеніи или ухудшеніи санитарнаго состоянія (ibid., p. XXXV—XXXVII; ср. Enquêtes, Tommasoli, p. 627 et 628).

Въ 1-й годъ свободы проституціи (1888—1889)=49.
Во 2-й годъ. . . . . (1889—1890)=98.

Слѣдовательно, въ два года число сифилитическихъ дѣтей въ Миланѣ увеличилось болѣе, чѣмъ въ четыре раза. Цифра эта мало чѣмъ разнится отъ данной за то же время д-ромъ Titomanlio въ Неаполѣ, гдѣ число сифилитическихъ дѣтей за два года достигло до 5,17% всѣхъ рождаемыхъ дѣтей» (Мед. Об., тамъ же, стр. 1140).

Намъ нѣтъ нужды входить въ разборъ статистики сифилитическихъ родовъ по существу для того, чтобы представить читателю шаткость пріема, посредствомъ котораго эта статистика превращается въ орудіе противъ аболиціонизма; достаточно, кажется, указать на его обоюдоострый характеръ. Тогда какъ число венериковъ въ арміи за трехгодичный періодъ 1878—1880 г. было въ среднемъ 113, 6‰, за трехлѣтіе 1888—1890 г. эта цифра упала до 94‰. Допустимо ли, при такихъ обстоятельствахъ, утверждать, къ тому же по даннымъ для одного Милана, то, противъ чего говорятъ выбранныя тѣмъ же самымъ пріемомъ данныя для всей Италіи?

„За два года“ число дѣтей—сифилитиковъ „достигло“ 5,17% общаго числа призрѣваемыхъ въ неаполитанскомъ воспитательномъ домѣ; эта цифра „мало чѣмъ разнится“ отъ миланскихъ данныхъ, по которымъ, за двухлѣтіе 1888—1890 г., число дѣтей—сифилитиковъ болѣе, чѣмъ учетверилось.

Пусть, однако, читатель посмотритъ на дѣйствительные результаты наблюденій д-ра Titomanlio.

Anno	Esposti sifilitici.	Esposti sifilitici illegittimi della città di Napoli.
1887	4,24	4,12
1888	5,65	4,09
1889	4,81	3,82
1890 (1° sem.).	5,17	5,17

(A. Titomanlio, Sul aumento della sifilide, Rif. Med., dec. 1890, p. 74; cp. Concetti, Della pretesa influenza, p. 3).

Изъ лѣвой половины таблицы видно, что въ первый семестръ 1890 г., до іюня включительно, на который и простираются только наблюденія д-ра Titomanlio, число дѣтей-сифилитиковъ не учетверилось, а нѣсколько уменьшилось сравнительно съ 1888 г. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ правой половины таблицы, не увеличилась въ подобной пропорціи и численность опредѣленной категоріи питомцевъ воспитательнаго дома,—цифра внѣбрачныхъ дѣтей—сифилитиковъ родомъ изъ Неаполя.

Доказать ссылкою на эти данныя, будто за два года дѣйствія регламента Криспи число дѣтей-сифилитиковъ увеличилось въ Неаполѣ въ такихъ размѣрахъ, при коихъ оно мало чѣмъ разнится отъ учетверенія ихъ числа въ Миланѣ, если и возможно, то, кажется, только путемъ умолчанія цифръ сифилитиковъ-питомцевъ неаполитанскаго пріюта за 1887 и 1888гг.! Такое умолчаніе со стороны проф. Тарновскаго было тѣмъ болѣе цѣлесообразно, что ознакомленіе ученаго собранія съ разбираемыми данными въ ихъ подлинномъ видѣ самимъ д-ромъ Titomanlio не вызвано искомаго эффекта въ пользу полиціи нравовъ. Указывая на то, что цифра внѣбрачныхъ дѣтей гор. Неаполя съ наслѣдственнымъ сифилисомъ за первый семестръ 1891 г. выше соотвѣтствующихъ цифръ за предыдущіе годы, д ръ Titomanlio и его единомышленники по защитѣ регламентаціи просили медицинскій конгрессъ, которому были доложены цитированныя цифры, высказаться за представленіе ходатайства передъ правительствомъ объ измѣненіи, въ виду этихъ данныхъ, регламента Криспи. Но конгрессъ нашелъ представленныя данныя недостаточными для такой цѣли и воздержался отъ заключенія о возстановленіи, въ той или другой степени, полиціи нравственности (Atti del 1° Congresso Pediatrico Italiano,—ср. Concetti, Della sifilide ereditaria, p. 6 e 7).

Для того, чтобы разобраться, дѣйствительно ли реформа Криспи отразилась учащеніемъ случаевъ наслѣдственнаго сифилиса у питомцевъ итальянскихъ воспитательныхъ домовъ (brefotrofi), важно, прежде всего, установить, на цифрахъ ка-

---

[1]) Новый регламентъ былъ введенъ въ Неаполѣ 16 сентября 1888 г.,—и его вліяніе не могло, конечно, проявиться учащеніемъ случаевъ наслѣдственнаго сифилиса у питомцевъ мѣстнаго воспитательнаго дома въ теченіе этого же 1888 г. (ср. ниже, стр. 313).

кого именно періода слѣдуетъ искать возможныхъ слѣдовъ предполагаемаго вліянія. Проф. Тарновскій находитъ допустимымъ судить о послѣдствіяхъ „свободы проституціи“ по учащенію случаевъ сифилиса въ миланскомъ воспитательномъ домѣ уже за 1888—1889 г. и по увеличенію $^0/_0$ сифилитическихъ роженицъ въ миланскомъ госпиталѣ даже за весь 1888 г. Подъ гибельнымъ вліяніемъ отмѣны регламентаціи, происшедшей даже по невѣрнымъ свѣдѣніямъ самого проф. Тарновскаго только въ мартѣ 1888 г., сифилисъ усиливается среди проститутокъ, передается мужскому населенію, отъ мужчинъ переходитъ къ кліенткамъ миланскаго госпиталя, отражаясь у нихъ учащеніемъ случаевъ сифилитическихъ зачатій и—черезъ положенное число мѣсяцевъ—сифилитическихъ родовъ. Все это происходитъ въ глазахъ почтеннаго регламентиста съ такою головокружительною быстротою, что учащеніе уже проявляется на цифрахъ наслѣдственнаго сифилиса у питомцевъ воспитательныхъ домовъ средины, а сифилитическихъ родовъ даже съ начала 1888 г.! [1]).

Реформа Криспи фактически начала примѣняться съ конца 1888 г.; понятно и допустимо заявленіе проф. Pellizzari, спеціалиста сифилидолога, что „бѣдственныя послѣдствія“ этой реформы на случаяхъ наслѣдственнаго сифилиса питомцевъ воспитательныхъ домовъ могли проявиться лишь къ концу 1889 г., а въ особенности въ 1890 г. Это мнѣніе раздѣляетъ и д-ръ Titomanlio: онъ совсѣмъ не находитъ допустимымъ отнести къ области возможнаго вліянія регламента Криспи 3,82$^0/_0$ внѣбрачныхъ дѣтей-сифилитиковъ изъ г. Неаполя за 1889 г.,—минимальную цифру для всего періода его наблюденій! Точно также и д-ръ Luigi Concetti, авторъ спеціальныхъ изслѣдованій о наслѣдственномъ сифилисѣ по даннымъ итальянскихъ воспитательныхъ домовъ, предѣломъ области возможнаго вліянія реформы Криспи считаетъ начало 1890 г. (Della pretesa influenza, p. 13).

Анкетъ, произведенный д-ромъ Concetti, съ цѣлью выясненія послѣдствій реформы Криспи, о питомцахъ пріютовъ,

---

[1]) Припомнимъ кстати,—число венерическихъ заболѣваній въ арміи въ 1888 г. опустилось до 79$^0/_{00}$,—цифры, до которой оно никогда не падало, ни за двадцать послѣднихъ лѣтъ регламентаціи, ни послѣ отмѣны режима Криспи.

обнаружившихъ признаки наслѣдственнаго сифилиса, привелъ его,—вопреки первоначальной увѣренности найти въ этихъ данныхъ внушительное подтвержденіе регламентистскихъ выводовъ д-ра Titomanlio,—къ слѣдующимъ результатамъ.

Изъ числа 71 пріюта (brefotrofi), съ ежегоднымъ среднимъ поступленіемъ 18083 покинутыхъ дѣтей, при сравненіи, по возможности, десятилѣтняго періода 1880—1889 г. и послѣдующихъ 1890—1892 гг., а отчасти также и 1893 г., наблюдалось учащеніе случаевъ наслѣдственнаго сифилиса лишь въ 33 пріютахъ со среднимъ ежегоднымъ поступленіемъ 9659 дѣтей. Въ 14 пріютахъ, со среднимъ ежегоднымъ поступленіемъ 1579 дѣтей, наслѣдственный сифилисъ или не былъ совсѣмъ констатируемъ, или не представлялъ замѣтныхъ колебаній за оба періода, а въ 24 пріютахъ, со среднимъ ежегоднымъ поступленіемъ 6845 дѣтей, сифилисъ за послѣдній періодъ,—періодъ предполагаемаго вліянія реформы Криспи, обнаружилъ, напротивъ, уменьшеніе сравнительно съ предыдущимъ періодомъ (ibid., p. 14—16; 30—39; Della sifilide, p. 18; ср. Enquêtes, Tommasoli, p. 630—632).

Статистика воспитательныхъ домовъ оказывается неподручной для регламентиста. Это тѣмъ болѣе очевидно, что, по вычисленію д-ра Concetti, въ 21 изъ числа 33 пріютовъ, въ которыхъ % сифилиса за 1890—1892 г. превышаетъ соотвѣтствующій процентъ для предыдущаго періода,—со среднимъ ежегоднымъ поступленіемъ 5364 дѣтей, учащеніе случаевъ наслѣдственнаго сифилиса началось *раньше* 1890 г.,—предѣльнаго момента вліянія реформы Криспи [1]). Это обстоя-

---

[1]) По даннымъ, цитируемымъ д-ромъ Тарновскимъ, сюда нужно отнести и Миланъ: увеличеніе числа случаевъ сифилиса начинается, если вообще позволительно судить по абсолютнымъ цифрамъ, на которыя опирается почтенный профессоръ, съ 1888—1889 г., когда вліяніе реформы Криспи на наслѣдственный сифилисъ не могло еще проявиться. Слѣдовательно, усиленіе наслѣдственнаго сифилиса съ 2,57% за 1880—1889 г. до 4,73% въ среднемъ за періодъ 1890—1893 г., по даннымъ для миланскаго пріюта д-ра Concetti (ibid., p. 16),—замѣтимъ кстати, не вчетверо и даже «болѣе, чѣмъ въ четыре раза», отнюдь не можетъ служить доказательствомъ «бѣдственныхъ послѣдствій» аболиціонистскаго опыта. Во всякомъ случаѣ, если сторонникамъ регламентаціи угодно отнести на счетъ аболиціонизма такое повышеніе, то пусть они уже запишутъ за свой счетъ дальнѣйшее

тельство еще ярче явствуетъ изъ слѣдующей сводной таблицы д-ра Concetti, обнимающей данныя 76 пріютовъ со среднимъ годичнымъ поступленіемъ 19206 дѣтей (Della pretesa influenza, p. 17, 21 et 22).

Годъ.	Число обслѣдованныхъ пріютовъ.	Число принятыхъ дѣтей.	Общее число сифилитическихъ дѣтей.	Процентъ сифилитическихъ дѣтей.
1880	54	11701	444	3,794
1881	55	12265	445	3,628
1882	62	14700	602	4,095
1883	64	15005	556	3,699
1884	64	14951	540	3,612
1885	67	16243	621	3,823
1886	67	15495	554	3,562
1887	69	17062	629	3,686
1888	70	17476	875	5,007
1889	72	18523	998	5,387
1890	74	18076	933	5,161
1891	73	18173	922	5,073
1892	66	14542	645	4,435
1893	17	9758	422	4,325

Очевидно, не реформѣ Криспи обязано это замѣтное увеличеніе случаевъ наслѣдственнаго сифилиса съ 1888 г. Серьезный фактъ для объясненія наблюдаемаго явленія былъ отмѣ-

---

усиленіе сифилиса въ миланскомъ brefotrofio въ періодъ дѣйствія контръ-реформы Никотера: по даннымъ д-ра Grassi, директора названнаго учрежденія, въ послѣднемъ % сифилитическихъ дѣтей за время съ 1889 по 1898 года возросъ съ 4,80 до 11,33! (Compte rendu брюсс. конф., p. 130).

ченъ президентомъ конгресса дѣтскихъ болѣзней въ Римѣ д-ромъ Blasi: это циркуляръ 5 ноября 1887 г., которымъ министерство внутреннихъ дѣлъ возложило на врачей обязанность частаго осмотра дѣтей, отданныхъ кормилицамъ въ деревню, дабы имѣть возможность быстро возвращать тѣхъ изъ питомцевъ воспитательныхъ пріютовъ, которые представятъ какой-либо симптомъ сифилиса. Казалось бы, гораздо скорѣе въ статистическихъ данныхъ brefotrofi искать результатовъ вліянія этого циркуляра, чѣмъ отраженія реформы Криспи. Любопытно, однако, что почтенный проф. Тарновскій, взявъ подходящую для доказательства своего тезиса цифру изъ доклада д-ра Titomanlio, обошелъ полнымъ молчаніемъ этотъ циркуляръ, хотя вопросъ о послѣднемъ былъ поднятъ президентомъ конгресса почти тотчасъ же вслѣдъ за докладомъ д-ра Titomanlio! (Atti del 1° Congr. Pediatr. Ital.; ср. Concetti, ibid., p. 4).

Какимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ воспитательныхъ домахъ, отразился циркуляръ 5 ноября 1887 г., можно судить по даннымъ для г. Рима, извлеченнымъ изъ таблицы д-ра Concetti и представляющимъ числа дѣтей, возвращенныхъ, въ виду обнаруженія симптомовъ сифилиса, отъ кормилицъ изъ деревни (ibid., p. 13).

Годъ.	Число возвращенныхъ дѣтей-сифилитиковъ.
1885	33
1886	16
1887	36
1888	145
1889	127
1890	89
1891	66
1892	51
1893	35

Цитируемъ, далѣе, цифры и выводы проф. Тарновскаго по статистикѣ гражданскихъ госпиталей.

«..Д-ръ Grandi, извѣстный точностью своихъ наблюденій, опубликовалъ слѣдующія данныя о числѣ венерическихъ больныхъ въ Миланѣ до и послѣ отмѣны надзора за проституціею.

Съ 1-го октября 1887 г. по 1 октября 1888 г., т. е. въ послѣдній годъ существованія регламентированной проституціи, во всѣхъ больницахъ Милана пользовалось 5916 венерическихъ больныхъ; изъ нихъ 816 страдали сифилисомъ.

Съ 1-го октября 1888 г., по 1 октября 1889 г., т. е. въ первый годъ свободы проституціи, число больныхъ венерою въ Миланѣ равнялось 7570, изъ коихъ 1320 были заражены сифилисомъ. Слѣдовательно, въ теченіе одного только года въ Миланѣ число венериковъ увеличилось на 1654 человѣка, при чемъ больныхъ сифилисомъ оказалось на 504 человѣка болѣе, чѣмъ во всѣ предыдущіе года.

Въ слѣдующемъ году, т. е. съ 1 октября 1889 г. по 1 октября 1890 г., число венерическихъ больныхъ продолжало увеличиваться и достигло до 7764, при чемъ число сифилитиковъ относительно усилилось еще значительнѣе, а именно на 7764 венерика было 1555 сифилитиковъ.

Такимъ образомъ, въ два года свободной проституціи, въ одномъ только Миланѣ число сифилитиковъ увеличилось на 1243 человѣка, число же всѣхъ венерическихъ заболѣваній увеличилось на 3502 человѣка, сравнительно со всѣми предыдущими годами.

Подобное же увеличеніе числа больныхъ сифилисомъ, обращающихся въ больницы, замѣчается во всѣхъ городахъ Италіи: и въ Туринѣ, и въ Генуѣ, и въ Римѣ, и въ Неаполѣ, Палермо, Мессинѣ, и пр.».

Связь этого явленія съ реформою Криспи проф. Тарновскій подтверждаетъ указаніемъ на одновременную убыль поступленій въ больницы получившихъ свободу женщинъ.

«Рядомъ съ этимъ быстрымъ увеличеніемъ заболѣванія сифилисомъ мужчинъ, дѣтей и роженицъ, общее число женщинъ, особенно незамужнихъ, пользующихся въ больницахъ отъ венеры, всюду уменьшилось. Такъ, напр., въ Палермо, по даннымъ проф. Профета, до 1888 г., т. е. во время существованія надзора за проституціею, въ среднемъ ежедневно находилось въ сифилокоміи 150 больныхъ проститутокъ. Въ послѣдніе три года число всѣхъ женщинъ, больныхъ венерою и находящихся въ особомъ отдѣленіи общей больницы въ Палермо, не превышаетъ въ среднемъ 12 больныхъ ежедневно. То же повторяется въ Римѣ, Миланѣ, Туринѣ и т. д. Число женщинъ, больныхъ венерою и лежащихъ въ больницахъ, всюду уменьшилось не менѣе, какъ въ 10 разъ».

«Такимъ образомъ, число поступающихъ въ больницы мужчинъ, больныхъ венерою и преимущественно сифилисомъ, увеличилось во всей Италіи не менѣе, какъ вдвое (ниже, стр. 1144, «вдвое или болѣе»), а число женщинъ съ подобными же заболѣваніями, обращающихся въ больницы, уменьшилось приблизительно въ 10 разъ» («по меньшей мѣрѣ вдесятеро») (Мед. Обозр., тамъ же, стр. 1140 и 1141).

Если въ другихъ городахъ, помимо Милана, число всѣхъ венериковъ возвысилось въ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ увеличенію ихъ числа въ миланскомъ госпиталѣ отъ 5916 до 7764, то развѣ только при посредствѣ ариѳметики г. Ѳедорова возможно найти въ этомъ усиленіи венерическихъ болѣзней, по меньшей мѣрѣ, удвоеніе количества ихъ случаевъ. Заявляя о томъ, будто по единодушному увѣренію итальянскихъ врачей венерическія болѣзни въ мужскомъ населеніи всей Италіи болѣе, чѣмъ удвоились, почтенный профессоръ заставляетъ читателя на слово повѣрить, что во всѣхъ итальянскихъ городахъ цифры, опредѣляющія количество венерическихъ больныхъ въ мѣстныхъ госпиталяхъ, такъ же краснорѣчиво доказываютъ увеличеніе вдвое числа венериковъ, какъ и миланскія цифры: проф. Тарновскій рѣшительно не находитъ нужнымъ указать на источникъ, откуда онъ почерпнулъ подобныя свѣнія, хотя бы даже и такъ неопредѣленно, какъ онъ цитируетъ для Милана д-ра Гранди, не именуя его работы, и безъ ссылки, гдѣ найти эту работу [1]).

Ни словомъ не обмолвившись о циркулярѣ 5 ноября 1887 г., проф. Тарновскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, игнорируетъ и

---

[1]) Припоминая, какъ проф. Тарновскій, пользуясь статистикою арміи и наслѣдственнаго сифилиса, отодвигалъ время примѣненія реформы Криспи къ веснѣ и даже къ началу 1888 г., поучительно отмѣтить, что теперь для благопріятнаго истолкованія данныхъ онъ не прочь молчаливо согласиться съ д-ромъ Гранди и проф. Profeta отнести на счетъ регламентаціи періодъ до октября и даже до конца 1888 г. При такомъ характерѣ операцій почтеннаго ученаго, насъ невольно смущаетъ мысль, что если бы реформа Криспи имѣла мѣсто въ 1878 г., и ея вліяніе сторонникъ регламентаціи сталъ опредѣлять по даннымъ военной статистики, нашелъ ли бы онъ нужнымъ сообщить намъ о цифрахъ за годы, предшествующіе 1877-ому, когда въ подъемѣ со 102 до 124‰ за періодъ съ 1877 по 1881 г. онъ открылъ бы увеличеніе на 57‰ и, несомнѣнно, почти что удвоеніе!...

въ высшей степени существенные факты, касающіеся примѣненія самыхъ регламентовъ Криспи. Извѣстно, что амбулаторіямъ (dispensari celtici), замѣнившимъ прежніе uffici sanitari (наши врачебно-полицейскіе комитеты), предоставлено было этими регламентами выдавать безвозмездно больнымъ, нуждающимся въ госпитальномъ леченіи, особыя свидѣтельства на право безплатнаго помѣщенія въ госпиталь (Regol. sulla profilassi, art. 5—8; pei dispensari, art. 4). Отмѣчая это обстоятельство, важность котораго, для объясненія усиленнаго притока въ госпитали больныхъ венерическими болѣзнями съ 1889 г., кажется, очевидна, мы не упускаемъ, конечно, изъ виду и тѣхъ моментовъ, которые могли въ той или другой степени парализовать значеніе указанной льготы. Намъ не безъизвѣстно, что реформа благотворительныхъ учрежденій (opere pie), которая, по мысли составителей регламентовъ Криспи, должна была подготовить почву успѣшному дѣйствію послѣднихъ, продолжала еще оставаться предметомъ изученія въ парламентскихъ комиссіяхъ (Pellizzari, L'avortement, p. 4). А между тѣмъ въ силу актовъ своего основанія, большинство лечебницъ названныхъ учрежденій исключало доступъ сифилитикамъ, и регламенты Криспи даже въ своемъ текстѣ нашли нужнымъ считаться съ этимъ обстоятельствомъ (ср. Regol. sulla profilassi, art. 7). При этомъ, какъ удостовѣряетъ проф. Pellizzari, даже въ такихъ госпиталяхъ, гдѣ акты основанія принципіально не исключали венерическихъ больныхъ, директора обыкновенно выдвигали всѣ возможныя препятствія къ ихъ пріему, поскольку, по крайней мѣрѣ, дѣло не шло объ особо тяжкихъ случаяхъ. Въ Тосканѣ, во Флоренціи, помимо медицинскаго свидѣтельства, отъ больныхъ венерическими болѣзнями стали требовать еще особаго удостовѣренія, которымъ городское управленіе гарантировало бы возмѣщеніе расходовъ,—и отъ этого требованія отступали только въ крайнихъ случаяхъ (L'avortement, p. 11). Какъ бы то ни было, начальство госпиталей уже должно было считаться съ положеніями регламента, къ тому же подтвержденными послѣдующими циркулярами министра, и какъ бы оно ни крѣпко замыкало двери лечебницъ передъ венериками, принадлежавшими къ недостаточному населенію страны, оно едва ли было въ состояніи остановить совершенно притокъ послѣднихъ.

Непринятіе въ разсчетъ существенныхъ обстоятельствъ, характеризующее доказываніе почтеннымъ регламентистомъ опасности аболиціонизма по умноженію поступленій венериковъ-мужчинъ въ госпитали, проявляется еще въ большей степени и въ болѣе рѣзкой формѣ въ объясненіи факта убыли пользующихся больничнымъ леченіемъ женщинъ. Сопоставляется число проститутокъ, лечившихся въ 1888 г. въ палермскомъ сифиликоміи, и число женщинъ, пользуемыхъ въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ въ мѣстномъ госпиталѣ. Но при этомъ игнорируется, что государственные сифиликоміи, служившіе спеціальными лечебницами для проститутокъ, были, въ силу art. 2 regol. sulla profilassi, закрыты. Отнынѣ предполагалось помѣщать проститутокъ, какъ и свободныхъ больныхъ, въ секціи общегражданскихъ госпиталей; если, однако, обойти препятствія, выдвинутыя госпитальнымъ начальствомъ противъ пріема венерическихъ больныхъ, было едва подъ силу мужчинамъ, то ничуть не удивительно малое число попавшихъ въ госпиталь женщинъ, нуждавшихся, по освобожденіи отъ надзора, прежде всего въ полной доступности для нихъ леченія. И тѣмъ не менѣе, если бы проф. Тарновскій сравнивалъ не сифиликоміи и госпитали, съ разными условіями поступленія въ нихъ, а притокъ женщинъ въ одно и то же лечебное заведеніе, до и послѣ введенія реформы Криспи, то онъ, можетъ быть, замѣтилъ бы не уменьшеніе „въ 10 разъ“ числа поступленій женщинъ въ итальянскіе госпитали, а напротивъ— нѣкоторое увеличеніе. Такъ, по наблюденію проф. P. Gamberini (сторонника регламентаціи) надъ движеніемъ больныхъ въ его клиникѣ, въ Болоньѣ, поступало женщинъ:

Годъ.	Malattie veneree.	Malattie sifilitiche
1888	26	49
1889	50	55
1890	50	61
1891	52	62

(L'igiene, Riv. ital. di Terapia, mai 1892 p. 162).

Мы ни мало не сомнѣваемся, вмѣстѣ съ проф. Pellizzari,— L'avortement, p. 16,—въ естественности того обстоятельства, что послѣ того, какъ женщинамъ, долго содержавшимся въ состояніи своего рода рабства, объявлено о свободѣ, онѣ могутъ найти особое удовольствіе не явиться въ госпиталь, даже имѣя нужду въ немъ. Но какъ не велико значеніе, которое проф. Тарновскій придаетъ этому обстоятельству, зачѣмъ, однако, онъ избѣгаетъ малѣйшаго намека на рядомъ стоящій фактъ затруднительности для проститутки попасть въ госпиталь, послѣ закрытія сифиликомій? А между тѣмъ, какъ объясняетъ проф. Pellizzari, ibid., p. 15 et 16, именно эта затруднительность вызвала характерный циркуляръ 26 апрѣля 1889 г., которымъ генеральный секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ г. Fortis разрѣшилъ врачамъ, нанимаемымъ содержателями для наблюденія за здоровьемъ проститутокъ, лечить послѣднихъ,—правда, подъ условіемъ изоляціи, въ самихъ домахъ терпимости!

Привѣтствуя реакціонный регламентъ Никотера, проф. Тарновскій считаетъ несомнѣннымъ результатомъ его будущаго дѣйствія быстрое и рѣзкое паденіе числа заболѣваній венерическими болѣзнями и особенно сифилисомъ (Мед. Об., тамъ же, стр. 1147).

Мы обращаемъ, однако, вниманіе читателя на нижеслѣдующую таблицу неаполитанской клиники, представленную профессоромъ Tommaso de Amicis брюссельской конференціи 1899 г. въ качествѣ весьма солиднаго доказательства санитарной цѣнности регламентаціи.

Съ 1 ноября по 31 октября.	Syphilis.	Lésions syphilitiques initiales.	Blennorrhagies.	Chancres simples.	
1880—1881	825	217	566	555	2163
1881—1884 (3 г.)	2785	732	1756	1464	6737 (3 г.)
1884—1885	786	215	588	462	2051
1885—1888 (3 г.)	2188	711	1943	1410	6052 (3 г.)
1888—1889	1183	527	843	942	3495

Съ 1 ноября по 31 октября.	Syphilis.	Lésions syphilitiques initiales.	Blennorrhagies.	Chancres simples.	
1889—1890	1510	645	938	1020	4113
1890—1891	1779	767	1020	1030	4596
1891—1892	2101	794	1177	1012	5084
1892—1893	1989	738	1072	1022	4821
1893—1894	1756	738	1081	908	4588
1894—1895	1509	582	1017	678	3786
1895—1896	1503	580	1131	654	3868
1896—1897	1398	535	1086	773	3792
1897—1898	1426	511	1076	607	3620

(Communications, t. 1, p. 4 et 5).

Изъ этихъ цифръ видно, что maximum числа не только всѣхъ вообще венериковъ, но и сифилитиковъ, и въ частности лицъ съ первичными проявленіями сифилиса, падаетъ на періодъ съ 1 ноября 1891 г. по 31 октября 1892 г., т. е. на время дѣйствія контръ-реформы Никотера. Если, однако, сторонники регламентаціи найдутъ возможнымъ признать высокія цифры этого періода за результатъ дѣйствія условій, сложившихся во время примѣненія реформы Криспи, то они должны послѣдовательно отказаться отъ отнесенія на счетъ названнаго регламента наиболѣе рѣзкаго повышенія числа паціентовъ неаполитанской клиники за періодъ съ ноября 1888 по октябрь 1889 г., приписавъ это усиленіе причинамъ, существовавшимъ при режимѣ полиціи нравовъ. Да и помимо того, принимая во вниманіе вообще среднія числа, какъ всѣхъ венериковъ, такъ въ частности и сифилитиковъ, не трудно убѣдиться, что за трехлѣтіе съ ноября 1888 по октябрь

1891 г. неаполитанская клиника имѣла меньше паціентовъ, чѣмъ въ послѣдующіе годы, по крайней мѣрѣ, до 1895 г.

Еще рѣзче подобное явленіе, противорѣчащее прогнозу сторонниковъ регламентаціи, усматривается на данныхъ г. Павіи, близь Милана, опубликованныхъ проф. Scarenzio. По этимъ даннымъ, въ мѣстномъ госпиталѣ въ 1889 г. было всего 35 сифилитиковъ, въ 1890 г. ихъ число повышается до 76, въ слѣдующемъ году—до 81: еще ли не солидный доводъ въ подтвержденіе санитарныхъ невыгодъ реформы Криспи! Однако, за торжествомъ контръ-реформы слѣдовали цифры 92 сифилитиковъ за 1892 г., 135—за 1893 г., 144—за 1894 г. (Enquêtes, Tommasoli, p. 537).

Характерны также въ этомъ отношеніи и данныя д-ра Peroni, представленныя имъ, во время преній, брюссельской конференціи въ качествѣ доказательства противъ регламента Криспи. Эти данныя составляютъ результатъ его наблюденій въ туринской поликлиникѣ, открытой со 2 іюня 1889 г.

Число лицъ обоего пола, пользованныхъ въ клиникѣ.

Годъ.	Сифилисъ.	Мягкій шанкръ.	Гоноррея.
1890	168	119	189
1891	347	193	317
1892	485	257	545
1893	522	308	588
1894	465	261	591
1895	337	293	659
1896	315	329	596
1897	277	303	613
1898	263	312	673

(Compte rendu, p. 242).

---

[1]) И обратное соотношеніе, въ періодъ дѣйствія регламентовъ Криспи, между ищущими врачебной помощи мужчинами и женщинами, и прогнозъ

Не поступятъ ли, при такихъ обстоятельствахъ, идеологи регламентаціи болѣе послѣдовательно, если они вмѣсто того, чтобы привлекать въ свою пользу больничныя данныя, согласятся скорѣе съ заключеніемъ оффиціальнаго отчета генеральной дирекціи высшему санитарному совѣту за 1897 г. такого рода, что въ выясненіи диффузіи венерическихъ болѣзней „на данныя госпиталей нельзя опереться"? „Измѣненія, введенныя въ отдѣльные статуты, и различная регуляція послѣдними пріема больныхъ,—сифилопатическія палаты, умножившіяся, при правительственномъ содѣйствіи, отъ 45 до числа 119;—новый регламентъ, приравнявшій венерическихъ больныхъ всѣмъ прочимъ,—все это, въ общей сложности, сдѣлало доступъ въ госпитали для больныхъ болѣе легкимъ, чѣмъ прежде. Вслѣд-

---

сокращенія числа больныхъ по введеніи контръ-реформы Никотера, ни мало не подтверждаются и на данныхъ о движеніи венерическихъ больныхъ въ амбулаторіяхъ (dispensari celtici).

Годъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
1889	40318	11630
1890	48877	13067
1891	50530	13873
1892	55439	15572
1893	56379	15659
1894	58182	16939
1895	59789	18449
1896	61733	19225
1897	60247	19801
1898	58240	21050
1899	57254	20489

(Profilassi nel 1898, p. 24; Malattie infettive 1899, p. 110).

ствіе этого, увеличеніе числа поступившихъ, въ сравненіи съ эпохою, когда эти облегченія не существовали, не въ состояніи, по справедливости, вести къ правильному и надежному сужденію о распространеніи венерическихъ больныхъ" (Sui fatti principali, p. XXV). [1]). Обращаясь къ даннымъ, которыя сама санитарная дирекція, какъ ни сильны ея тенденціи въ сторону полиціи нравовъ [2]), отбрасываетъ прочь въ смыслѣ доказательства дѣйствительнаго распространенія венерическихъ болѣзней, регламентисты пользуются госпитальною статистикою тѣмъ болѣе произвольно, что оперируютъ съ одними только абсолютными цифрами и, такимъ образомъ, ничуть не считаются съ такими фактами, какъ ростъ населенія, подчасъ весьма замѣтный въ большихъ городахъ, и какъ его передвиженія [3]).

---

[1]) «Не къ лучшему результату могутъ привести и данныя амбулаторій. Большая или меньшая численность больныхъ, обращающихся въ эти учрежденія за врачебною помощью, часто находится въ зависимости отъ удобствъ ихъ мѣстоположенія,—отъ довѣрія, пріобрѣтеннаго врачемъ, который ими руководитъ,—отъ традицій и предразсудковъ, которые въ большей или меньшей степени удерживаютъ населеніе отъ обращенія къ этой формѣ санитарной помощи» (ibid).

[2]) Впрочемъ, въ послѣдніе годы и въ названное учрежденіе, особенно потрудившееся въ дѣлѣ противодѣйствія реформѣ Криспи, начинаютъ проникать волны иного теченія. Это явственно видно изъ заключительныхъ словъ отчета дирекціи за 1897 г., который мы только что цитировали. «Наибольшія надежды въ будущемъ профилактики венерическихъ болѣзней не могутъ быть основаны на мѣрахъ репрессіи противъ проститутокъ, но другое средство будетъ въ состояніи, быть можетъ, повести къ лучшимъ результатамъ: это все болѣе и болѣе широкія облегченія доступа къ врачебной помощи (le facilitazioni sempre più larghe dei mezzi di cura)» (ib., p. LX).

[3]) Какъ извѣстно, Италія является такою страною, гдѣ особенно развито эмиграціонное движеніе населенія. «Если принять въ разсчетъ, читаемъ мы въ отчетѣ санитарной дирекціи, что $^3/_4$ временныхъ эмигрантовъ уходитъ безъ семьи и что то же надо сказать о половинѣ безсрочныхъ эмигрантовъ (permanenti); что первые почти всѣ возвращаются къ своему очагу и что изъ числа послѣднихъ возвращается ежегодно отъ 50 до 60 тысячъ; если принять, наконецъ, во вниманіе, что рабочій элементъ въ собственномъ смыслѣ этого слова (не включая сельскихъ рабочихъ) широко представленъ въ массѣ эмигрантовъ, то вполнѣ умѣстно заключить, что этимъ путемъ происходитъ значительная импортація сифилитическихъ и венерическихъ

«Послѣ такого ряда наглядныхъ, очевидныхъ, безспорныхъ фактовъ,— заключаетъ свои статистическія экскурсіи проф. Тарновскій, продолжать отстаивать свободу проституціи нѣтъ болѣе возможности». «Тяжелый опытъ Италіи, внѣ всякаго сомнѣнія, принесетъ пользу всей Европѣ, и вопросъ о фактическомъ освобожденіи проституціи отъ санитарнаго надзора, смѣю надѣяться, нигдѣ не будетъ поднятъ вновь, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ». Въ самой Италіи «для всѣхъ стало ясно, что далѣе продолжать опытъ нельзя». Даже «защитники свободы проституціи, за исключеніемъ англійскихъ дамъ, совсѣмъ притихли и ничего не могли противопоставить подавляющимъ фактамъ» (Мед. Обозр., тамъ же, стр. 1147, 1145 и 1144).

Когда въ засѣданіи московскаго венерологическаго общества д-ромъ Окороковымъ было заявлено, со ссылкою на доводы проф. Pellizzari, сомнѣніе въ основательности итальянскихъ данныхъ г. Тарновскаго, предсѣдатель общества проф. Поспѣловъ поспѣшилъ возразить, что мнѣніе проф. Тарновскаго о вредѣ аболиціонизма въ Италіи тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, что оно совпадаетъ съ заключеніемъ цѣлой комиссіи итальянскихъ врачей, „неоспоримо доказавшей всю, не только непригодность введенія аболиціонизма, но абсолютный вредъ его, послѣ чего было бы совершеннѣйшимъ абсурдомъ продолжать эксперименты аболиціонизма гдѣ бы то ни было".

«Вжели, продолжалъ А. И. Поспѣловъ, неугодно довѣрять авторитету проф. Тарновскаго, и его мнѣнію желательно противопоставить мнѣніе Pellizzari, то я полагаю, было бы справедливѣе поступить наоборотъ, т. е. повѣрить заключенію цѣлой комиссіи и проф. Тарновскаго, чѣмъ единоличному заявленію dr. Pellizzari о невѣрности будто бы данныхъ, приводимыхъ проф. Тарновскимъ, resp. данныхъ цѣлой комиссіи» (Протоколы за 18$^{93}/_{94}$ г., т. 3, стр. 150 и 151).

зараженій, полученныхъ за границею. Есть данныя, подтверждающія такое предположеніе. Министерство имѣетъ въ виду изучить этотъ вопросъ путемъ ближайшихъ обслѣдованій» (ib., p. LV et LVI). Оперируя со статистикою гражданскихъ госпиталей, регламентисты рѣшительно игнорируютъ эти обстоятельства, а между тѣмъ повышеніе въ Италіи болѣе, чѣмъ на 30%, числа эмигрантовъ въ 1888 и, затѣмъ, въ 1891 г. (ibid.), кажется, достойно нѣкотораго вниманія спеціалиста, съ безпристрастіемъ и всесторонностью ученаго изслѣдователя выбирающаго между освобожденіемъ женщины или ея прикрѣпленіемъ къ проституціи!

Когда представитель ученаго общества сводитъ споръ по существу на взвѣшиваніе авторитетовъ, становится особо важнымъ указать на ошибочность заявленія проф. Тарновскаго, будто черезъ два—три года „опыта аболиціонизма“ никто въ Италіи не рѣшался уже высказаться въ защиту реформы Криспи. Если почтенному профессору и позволительно принять за молчаніе „защитниковъ свободы проституціи“ собственное незнакомство съ ихъ статьями, напр., съ появившейся въ іюнѣ 1891 г., въ Riforma Medica, лекціей проф. A. Celli, или съ опубликованнымъ въ сентябрѣ того же года письмомъ Эмилю Лавелэ сенатора Tommasi-Crudeli, или съ напечатанною въ ноябрѣ того же года работою д-ра L. Concetti, и пр., то едва ли ему возможно, какъ спеціалисту, на мѣстѣ изучавшему проблему, случайно просмотрѣть такой фактъ, какъ медицинскій конгрессъ, съ участіемъ многочисленныхъ профессоровъ и въ томъ числѣ многихъ сифилидологовъ, на которомъ реформа Криспи встрѣтила почти единодушную защиту! (XIV Congresso dell'associazione medica italiana, 17 agosto 1891, Giorn. Ital. d. Mal. Ven., Fasc. III, Sept. 1891; ср. также I° Congresso Pediatrico Ital., см. выше, стр. 312). Проф. Тарновскій ссылается на комиссію миланскаго медицинскаго общества и еще на комиссію высшаго санитарнаго совѣта съ участіемъ такихъ лицъ, какъ г. Bizzozero, вотировавшія въ пользу регламентаціи (Мед. Об., тамъ же, стр. 1144 и 1145[1]), но почему же онъ ни словомъ не касается ни спеціальной комиссіи сифилидологовъ, ни смѣшанной комиссіи по составленію проекта, которыя такъ рѣшительно продолжали отстаивать принципы регламентовъ Криспи въ министерство Никотера?..

Переходимъ къ нѣмецкимъ даннымъ.

Обвиняя аболиціонистовъ въ „тщательномъ умолчаніи“ „о цѣломъ рядѣ давно бывшихъ попытокъ ввести аболиціонистскій режимъ“,—попытокъ, неудача которыхъ была, будто бы,

[1]) Мы, съ своей стороны, считали бы умѣстнымъ дополнить перечень ассоціацій врачей регламентистовъ, высказавшихся противъ реформы Криспи, ссылкою на собраніе гигіенистовъ въ Болоньѣ, 6 октября 1888 г., на которомъ черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца послѣ начала введенія новыхъ регламентовъ нашли своевременнымъ объявить, что опытъ уже сдѣланъ, что онъ не имѣлъ успѣха, и что новые регламенты, хотя похвальные съ точки зрѣнія нравственности (!), совершенно недостаточны (deplorevolmente insufficienti) со стороны гигіены, и потому должны быть отброшены (Enquêtes, Tommasoli, p. 530).

„подтверждена доказательными цифровыми данными“, проф. Тарновскій, какъ на примѣръ подобныхъ неудачъ, ссылается на фактъ усиленія сифилиса въ Мюнхенѣ, послѣ признанія, закономъ 1861 г., проституціи нетерпимою въ Баваріи, и на фактъ развитія венерическихъ болѣзней въ Берлинѣ, по закрытіи публичныхъ домовъ въ 1845 г.

«Въ 1861 г., пишетъ проф. Тарновскій, баварская палата депутатовъ вотировала законъ, по которому проституція не признавалась болѣе терпимою въ этомъ государствѣ.

Публичные дома были закрыты, списки проститутокъ уничтожены, спеціальный надзоръ за проститутками прекращенъ, и всѣ баварцы и баварки стали одинаково подвергаться преслѣдованію за нарушеніе общественной нравственности.

Словомъ, въ 1861 г. въ Баваріи было сдѣлано все то, чего въ настоящее время добиваются аболиціонисты. Оффиціально-проституція была сразу уничтожена.

Въ дѣйствительности—проститутки остались проститутками, даже число ихъ мало измѣнилось; но степень вреда, приносимаго ими, по меньшей мѣрѣ, удвоилась, какъ это краснорѣчиво доказываютъ данныя, приведенныя проф. Seitz'омъ на международномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1867 г.

Въ госпитали Мюнхена было принято сифилитиковъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего сифилитическихъ больныхъ.
Въ 1859 г.	633	341	974
» 1860 »	667	322	989
(Прекращеніе надзора за проституціею). » 1861 »	1003	318	1321
» 1862 »	1116	370	1480
» 1863 »	1074	374	1345
» 1864 »	1034	379	1413
» 1865 »	1456	378	1834

Общій госпиталь въ Мюнхенѣ (Allgemeines Krankenhaus), наиболѣе посѣщаемый, показываетъ также рѣзкое увеличеніе числа заболѣвающихъ мужчинъ, при почти одинаковомъ числѣ женщинъ, а именно:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Въ 1858 г.	170	185
» 1859 »	239	228
» 1860 »	264	194
(Прекращеніе надзора за проституціею). » 1861 »	328	221
» 1862 »	423	249
» 1863 »	486	136
» 1864 »	473	210
» 1865 »	600	265

Приведенныя цифры доказываютъ, заключаетъ совершенно справедливо проф. Seitz, что съ 1860 по 1865 г. число сифилитиковъ—мужчинъ удвоилось, тогда какъ число женщинъ—сифилитичекъ осталось почти безъ измѣненія» (Прост. и аболиц., стр. 118—120).

Ограничиваясь по поводу приведенныхъ цифръ указаніемъ лишь на то обстоятельство, что увеличеніе числа поступленій мужчинъ въ общій мюнхенскій госпиталь началось до прекращенія надзора за проституцію, упраздненнаго послѣ 10 ноября 1861 г., мы принципіально протестуемъ противъ истолкованія баварскихъ данныхъ въ смыслѣ доказательства санитарной неудачи *аболиціонистскаго* опыта. Почтенному профессору не безъизвѣстно, что, съ точки зрѣнія аболиціониста, „проституція не составляетъ ни проступка, ни преступленія“ (тамъ

же, стр. 90) и что, слѣдовательно, режимъ уголовной репрессіи, установленный въ отношеніи къ проституціи, не можетъ быть принятъ за аболиціонистскій режимъ. Только не зная дѣйствительнаго, репрессивнаго въ отношеніи къ проституціи, характера баварскаго закона 10 ноября 1861 г., можно заявить, будто въ этомъ году „въ Баваріи было сдѣлано все то, чего въ настоящее время добиваются аболиціонисты". Только не имѣя представленія объ уголовной угрозѣ Art. 97 этого закона, направленнаго спеціально противъ женщинъ-проститутокъ [1]), можно утверждать, будто по этому закону „всѣ баварцы и баварки стали *одинаково* подвергаться преслѣдованію за нарушеніе общественной нравственности". Однако, со стороны лица, знакомаго съ докладомъ проф. Seitz парижскому медицинскому конгрессу 1867 г., такое незнаніе менѣе всего допустимо, такъ какъ названный докладчикъ, прежде чѣмъ сообщить приводимыя проф. Тарновскимъ статистическія данныя, опредѣленно указываетъ, что новый полицейскій законъ 1861 г. „налагаетъ на виновныхъ въ деликтѣ, состоящемъ въ занятіи проституціей въ видѣ промысла, и на тѣхъ, кто доставляетъ жилище проституткамъ, весьма суровыя наказанія (тюрьму отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ)" (Congrès médical de Paris, p. 399) [2]).

---

[1]) «*Weibspersonen*, welche mit ihrem Körper unzüchtiges Gewerbe treiben, werden... gestraft» (Polizei-Strafgesetzbuch f. d. K. Bayern von 10. Nov. 1861).

[2]) Мы не рѣшаемся, на этотъ разъ, заподозрить почтеннаго профессора въ намѣренномъ извращеніи фактовъ,—и готовы для объясненія недоразумѣнія обратиться къ единственно, кажется, возможному выходу—предположить, что, цитируя статистическія данныя медицинскаго конгресса, д-ръ Тарновскій не пользовался докладами названнаго конгресса въ первоисточникѣ. Это объясненіе мы готовы допустить тѣмъ болѣе охотно, что оно избавляетъ насъ отъ поставленія въ счетъ почтенному ученому неточной передачи самихъ цифровыхъ данныхъ проф. Seitz,—отнесенія цифръ, охватывающихъ по Seitz'у, періоды съ октября одного года по сентябрь каждаго послѣдующаго года, исключительно и всецѣло къ каждому предыдущему году, и едва ли основательной поправки общаго итога за 1859—1860 годъ (683, а не 633,+341), выраженнаго у Seitz цифрою 1024, въ сумму 974 (ibid., p. 400).

Предоставляя желающимъ доказывать, на цифрахъ проф. Seitz, санитарную опасность уголовной репрессіи, направленной противъ осуществленія женщиною позорнаго промысла, переходимъ къ другому примѣру „тщательно умалчиваемой“ аболиціонистами неудачной попытки введенія режима, отвѣчающаго ихъ стремленіямъ,—эпизоду изъ исторіи Берлина второй половины сороковыхъ годовъ. Черты аболиціонистскаго режима проф. Тарновскій усматриваетъ въ томъ отношеніи государства къ проституціи, которое установилось въ Берлинѣ по закрытіи публичныхъ домовъ и по изгнаніи изъ города, въ исходѣ 1845 г., мѣстныхъ проститутокъ, состоявшихъ раньше подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ. (Прост. и аболиц., стр. 120).

Однако, какъ видно изъ сообщеній д-ра Behrend, рѣшительнаго защитника регламентаціи, отъ котораго заимствуетъ свои берлинскія свѣдѣнія проф. Тарновскій, черезъ девять мѣсяцевъ послѣ закрытія публичныхъ притоновъ въ Берлинѣ министерскимъ распоряженіемъ, воспослѣдовавшимъ въ концѣ сентября 1846 г., было предписано подвергать регулярнымъ врачебнымъ осмотрамъ женщинъ, уличенныхъ или подозрѣваемыхъ (dringend verdächtigen) въ проституціи. На основаніи этого распоряженія, которое впослѣдствіи министръ пополнилъ правиломъ, что врачебное освидѣтельствованіе должно имѣть мѣсто „не въ частныхъ помѣщеніяхъ, но въ зданіи полиціи“, надъ проститутками былъ учрежденъ правильный полицейскій надзоръ (Behrend, Die Prostit. in Berlin, S. 173 и 174).

При такихъ условіяхъ, усиленіе сифилиса въ Берлинѣ, во вторую половину сороковыхъ годовъ, не даетъ никакого основанія заключить о вредномъ вліяніи на общественное здоровье „освобожденія проституціи отъ надзора“.

Но, можетъ быть, берлинскій опытъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, отрицательныя послѣдствія закрытія публичныхъ притоновъ и извѣстнаго ослабленія полиціи нравовъ съ 1846 года? Мы и въ этомъ позволимъ себѣ усумниться.

Съ точки зрѣнія регламентиста, и въ томъ числѣ самого проф. Тарновскаго, усиленіе сифилиса, вызванное ослабленіемъ регламентаціи, должно проявиться, при увеличеніи числа паціентовъ мужскихъ венерическихъ отдѣленій, извѣстнымъ сокращеніемъ количества паціентокъ-женщинъ: по мѣрѣ ослабленія надзора, проститутки, переполняющія госпиталь при стро-

гомъ контролѣ, избѣгаютъ больничнаго режима (ср. выше, стр. 317 и сл.).

Изъ работы д-ра Behrend мы заимствуемъ цифры сифилитиковъ того и другого пола, поступавшихъ въ интересующій насъ періодъ времени въ спеціальную берлинскую больницу Charité (ibid., S. 181).

Годъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
1844	741	657
1845	711	514
1846	813	627
1847	894	761
1848	979	835

Изъ этихъ цифръ, небезъизвѣстныхъ проф. Тарновскому (стр. 121), явственно видно, что признакъ, характерный, съ точки зрѣнія регламентиста, для усиленія сифилиса по причинѣ ослабленія режима полиціи нравовъ, ничуть не обнаруживается на берлинскихъ данныхъ: здѣсь не только нѣтъ уменьшенія „въ 10 разъ“ числа поступленій въ госпитали женщинъ на ряду съ „удвоеніемъ“ числа поступленій мужчинъ,—хотя и въ такихъ скромныхъ предѣлахъ, въ какихъ согласуется съ дѣйствительностью подобное утвержденіе почтеннаго ученаго для Италіи, но, напротивъ, извѣстному увеличенію числа поступленій въ госпиталь мужчинъ соотвѣтствуетъ сравнительно бо́льшая степень роста числа поступленій въ Charité женщинъ; сравнительно съ 1845 г., число поступленій въ 1848 г. мужчинъ увеличивается на 37%, а женщинъ на 62%!

Съ періодомъ закрытія публичныхъ притоновъ въ Берлинѣ совпадаетъ тяжелое время кризисовъ, голода и волненій

среди нѣмецкаго народа,—пора Sturm und Drang'а, завершившаяся знаменательными событіями 1848 г. Проф. Тарновскій рѣшительно не замѣчаетъ этихъ обстоятельствъ, онъ обходитъ ихъ полнымъ молчаніемъ, а между тѣмъ въ нихъ совмѣщалось, кажется, достаточно много условій къ тому, чтобы вызвать усиленіе венерическихъ болѣзней и среди мужского, и среди женскаго населенія.

По словамъ г. Тарновскаго, закрытіе публичныхъ притоновъ и изгнаніе проститутокъ въ исходѣ 1845 г. „прежде и рѣзче всего выразилось въ увеличеніи заболѣванія венерою солдатъ тѣхъ частей войскъ, которыя находились въ Берлинѣ". „Это увеличеніе, замѣчаетъ онъ, доказанное несомнѣнными цифровыми данными почтеннымъ ученымъ Behrend'омъ, вполнѣ убѣдило барона Врангеля, командовавшаго тогда войсками въ Берлинѣ, въ необходимости скорѣйшаго возстановленія регламентаціи, что и было исполнено въ 1850 г." (Прост. и абол., стр. 120 и 121).

Относящіяся сюда цифровыя данныя д-ра Behrend сводятся въ сущности къ тому, что въ берлинскомъ гарнизонѣ за полтора года (1846 и первые шесть мѣсяцевъ 1847) число сифилитиковъ успѣло составить 678, тогда какъ раньше, за полныхъ два года (1844 и 1845), оно не превысило 735. Для дальнѣйшаго времени, начиная съ іюля 1847 г., д-ръ Behrend не даетъ болѣе опредѣленныхъ цифровыхъ данныхъ о заболѣваемости войскъ, стоявшихъ въ Берлинѣ. Такія данныя, по его словамъ, были бы безполезными, потому что въ эту пору составъ берлинскаго гарнизона постоянно смѣнялся и сильно колебался въ своей численности. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ доказаннымъ, что въ это время сифилисъ среди солдатъ распространился необычайно: въ нѣкоторыхъ полкахъ число солдатъ, страдающихъ сифилисомъ, доходило до 20%. Въ виду сѣтованій на проституцію, какъ на источникъ сифилитической заразы, 17 декабря 1848 г. генералъ Врангель обратился къ министру съ представленіемъ о необходимости возстановленія борделей (Behrend, ib., S. 182 и 183).

Если бы ученый-регламентистъ не игнорировалъ событій этого времени, достаточно общеизвѣстныхъ для того, чтобы остаться неизвѣстными профессору, то онъ обратилъ бы, быть можетъ, вниманіе на то обстоятельство, что „необычайное распространеніе" сифилиса въ войскахъ констатируется бли-

жайшимъ образомъ какъ разъ въ разгаръ подразумѣваемыхъ событій. Въ статистикѣ Charité, одинаково—какъ мужской, такъ и женской, онъ нашелъ бы полное подтвержденіе подобнаго наблюденія. Цифры Charité за 1849 и 1850 гг. открыли бы ему фактъ значительнаго уменьшенія въ берлинскомъ госпиталѣ числа какъ сифилитиковъ, такъ и сифилитокъ,—вслѣдъ за минованіемъ грозныхъ призраковъ бурной эпохи и несмотря на отсутствіе борделей, открытыхъ лишь въ 1851 г.

Годъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
1840	793	766
1841	788	710
1842	678	676
1843	634	620
1844	714	621
1845	663	474
1846	759	573
1847	896	767
1848	987	844
1849	684	743
1850	598	699
1851	445	664

(S. Neumann, Die Berliner Syphilisfrage, S. 66—69).

Всматриваясь ближе въ таблицу числа больныхъ сифилисомъ въ Charité за все десятилѣтіе сороковыхъ годовъ, почтенный ученый нашелъ бы въ первую ихъ половину, когда были и оффиціальные притоны, и надзоръ оставался во всей его строгости, не мало цифръ болѣе высокихъ, чѣмъ цифры 1846, 1849 и 1850 гг., и волей-неволей долженъ былъ бы отказаться отъ отнесенія на счетъ „аболиціонизма“ высокихъ

цифръ больныхъ за 1847 и особенно 1848 г. А если бы регламентистъ—профессоръ обратилъ вниманіе на распространеніе венерическихъ болѣзней въ Берлинѣ по окончательномъ закрытіи борделей въ 1856 г., то онъ, видя ихъ замѣтное сокращеніе на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій (ср. Blaschko, Hygiene, S. 77; Hoeffel, Rapports брюсс. конф., p. 8—10), поступилъ бы гораздо послѣдовательнѣе, если бы берлинскихъ данныхъ совсѣмъ не затрогивалъ! [1]).

Перемѣны режима въ Мюнхенѣ и Берлинѣ не являются,—съ точки зрѣнія проф. Тарновскаго, единичными случаями „тщательно умалчиваемыхъ" аболиціонистами неудачныхъ въ санитарномъ отношеніи попытокъ отказаться отъ полиціи нравовъ.

«Подобными данными, заканчиваетъ онъ изложеніе этихъ двухъ примѣровъ, изобилуетъ исторія проституціи». «..Во всѣхъ городахъ, гдѣ подъ вліяніемъ религіозныхъ идей, какъ то бывало прежде, уничтожали терпимую проституцію, всюду усиливалась заболѣваемость венерическими болѣз-

---

[1]) Авторъ спеціальнаго изслѣдованія о сифилисѣ въ Берлинѣ д-ръ S. Neumann заявляетъ отъ имени врачебныхъ комитетовъ берлинскихъ санитарныхъ союзовъ, что на вопросъ о практическихъ результатахъ мѣръ регламентаціи, въ которыхъ сторонники послѣдней пытаются найти ея нравственное оправданіе, «опытъ даетъ, по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ общественномъ здравіи, отрицательный отвѣтъ». Цифры Charité «положительно доказываютъ», что предполагаемое вліяніе регламентаціи на распространеніе сифилиса не имѣетъ мѣста. По даннымъ Charité можно заключить, что усиленіе и сокращеніе сифилиса среди проститутокъ «не зависитъ отъ регламентаціи». По этимъ цифрамъ, вообще, возможно судить, что санитарная цѣль регламентаціи достигается безъ оной, по меньшей мѣрѣ, такъ же, какъ и съ ней («ohne die Reglementirung wenigstens in gleicher Weise wie mit derselben erreicht worden ist»; Neumann, S. 39 и 40).

Ср. Quincke, Med. Zeit. 1848, S. 258; 1851, S. 165. А также Blaschko, Syph. und Prostit., S. 95 и 96, и еще S. 138: «Оказывается возможнымъ, что цифры Беренда, недостаточность которыхъ была выяснена еще въ 1852 г. Неуманомъ, перешли во многія книги о проституціи и въ частности въ книгу Тарновскаго «Проституція и аболиціонизмъ» какъ доказательство цѣлесообразности борделей! Цифры, которыя простираются на короткій промежутокъ наблюденій въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ и которыя тогда уже, когда были только что напечатаны, были опровергнуты фактическимъ снова наступившимъ пониженіемъ половыхъ болѣзней!»

ними. Да иначе и быть не можетъ. Но вожакамъ аболиціонизма въ сущности нѣтъ дѣла до того, что ихъ теорія въ практическомъ примѣненіи давнымъ давно опровергнута» (Прост. и абол., стр. 121).

Но вѣдь почтенному профессору ученіе аболиціонистовъ, излагаемое имъ самимъ на стр. 36 и слѣд. его труда, кажется, знакомо настолько, чтобы отличить отъ реформъ въ освободительномъ духѣ попытки подавленія проституціи, которыми, дѣйствительно, изобилуетъ исторія. Само собой разумѣется, извѣстныя гоненія, воздвигавшіяся, подъ вліяніемъ религіозныхъ идей, противъ проститутокъ, принципіально не могутъ быть признаны такими фактами, по послѣдствіямъ которыхъ допустимо судить о санитарной удачѣ или неудачѣ практическаго примѣненія аболиціонистскихъ требованій!

Страссбургскій профессоръ Alfred Wolff, явившійся изъ нѣмецкихъ ученыхъ на брюссельской конференціи 1899 г. едва ли не самымъ рѣшительнымъ защитникомъ регламентаціи, избѣгъ малѣйшаго указанія на опыты аболиціонизма, открытые проф. Тарновскимъ. Изъ данныхъ нѣмецкой санитарной статистики, которыя онъ нашелъ умѣстнымъ привлечь въ защиту регламентаціи, здѣсь особенно поучительно выяснить его указаніе на отрицательные результаты закрытія борделей въ Саксоніи и въ г. Кольмарѣ.

Касаясь Саксоніи, проф. Вольфъ ближайшимъ образомъ останавливается на закрытіи публичныхъ домовъ въ Дрезденѣ[1]) и отчасти въ Лейпцигѣ.

Относительно дрезденскихъ притоновъ почтенный ученый заимствуетъ изъ доклада д-ра Werther нижеслѣдующія цифры мужчинъ-венериковъ, находившихся на излеченіи въ мѣстномъ госпиттлѣ до 1 января 1890 г.,—момента закрытія домовъ терпимости, и послѣ этого времени.

---

[1] Совершенное закрытіе борделей-номинально: остаются до послѣдняго времени два притона съ 8 дѣвицами (Communications, t. 2, Galewsky, p. 181; ср. Blaschko, Hygiene, S. 77).

1884 г.	318	1890 г.	401
1885	333	1891	397
1886	326	1892	342
1887	392	1893	326
1888	378	1894	406
1889	308 (302?)	1895	503

(Werther, Ueber d. Prostitution, spez. in Dresden, Monatsh. f. Pr. Derm., Bd. 28, S. 181; ср. Rapports брюсс. конф., Wolff, p. 31).

Эти данныя кажутся проф. Вольфу настолько очевиднымъ доказательствомъ „плачевныхъ результатовъ" закрытія притоновъ, что онъ не находитъ даже нужнымъ приводить еще какихъ-либо другихъ цифръ въ подтвержденіе неблагопріятныхъ послѣдствій дрезденскаго опыта. Еще бы: за шестилѣтній періодъ, послѣ закрытія притоновъ, число ежегодныхъ поступленій мужчинъ-венериковъ въ мѣстный госпиталь увеличилось, сравнительно съ предыдущими шестью годами, съ 341 до 396! Любопытно, однако, что число обитателей г. Дрездена, составлявшее въ 1885 г. 246086, въ 1890 г. выражалось уже цифрою 276522 и къ 1895 г. поднялось до величины 336440 человѣкъ. Едва ли нужно говорить, что цифры паціентовъ мѣстнаго госпиталя свидѣтельствуютъ, по сопоставленіи ихъ со степенью роста населенія г. Дрездена, не о какомъ-либо увеличеніи числа больныхъ-венериковъ, въ періодъ послѣ закрытія борделей, а скорѣе, напротивъ, о нѣкоторомъ сокращеніи этого числа, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ,—и именно съ 14,5 до 12,6‰, по д-ру Werther (ср. Rapports, Blaschko, p. 101).

Непринятіе въ разсчетъ цифръ дрезденскаго населенія со стороны г. Вольфа тѣмъ болѣе характерно, что нѣсколь-

кими страницами ниже, доказывая благопріятныя послѣдствія возстановленія борделей въ г. Бременѣ [1]), при истолкованіи

---

[1]) Благопріятныя послѣдствія возстановленія притоновъ въ г. Бременѣ заключаются въ томъ, что число сифилитиковъ въ мѣстномъ гражданскомъ госпиталѣ, *удвоившееся* въ первые годы по открытіи вновь борделей, *на десятый годъ* нѣсколько понизилось сравнительно съ тою цифрою, которою оно выражалось наканунѣ закрытія. Если, въ соотношеніи съ ростомъ населенія, убыль венериковъ среди штатскихъ значительное время спустя послѣ закрытія борделей и оказывается болѣе замѣтною, то этого отнюдь нельзя сказать про мѣстный гарнизонъ, гдѣ въ послѣднее четырехлѣтіе при отсутствіи притоновъ поступало въ госпиталь 18,7‰ венериковъ, изъ нихъ 2,5‰ сифилитиковъ, между тѣмъ какъ въ первое время по открытіи публичныхъ домовъ—до 10,5‰ сифилитиковъ и нѣсколько позже до 45,3‰ венериковъ. Ни словомъ не касаясь этихъ цифръ, проф. Вольфъ предпочитаетъ судить о санитарной удачѣ возстановленія притоновъ въ $18^{77}/_{78}$ г. по военно-санитарной статистикѣ за $18^{82}/_{83}$—$18^{95}/_{96}$ гг., но и она даетъ въ среднемъ 26‰ венерическихъ больныхъ вообще и изъ нихъ 5,4‰ (а не 3,9‰, какъ вычисляетъ Wolff!) больныхъ сифилисомъ.

Гражданскій госпиталь.					
Годъ.	Мужчинъ венериковъ.	Мужчинъ изъ нихъ сифил.	Годъ.	Мужчинъ венериковъ	Мужчинъ изъ нихъ сифил.
1867	136	103	1878	97	47
1868	96	72	1879	106	45
1869	89	48	1880	90	40
1870	86	43	1881	95	36
1871	107	54	1882	84	39
1872	93	51	1883	65	29
1873	96	44	1884	66	30
1874	103	54	1885	73	31
1875	82	28	1886	70	30
1876	56	24	1887	66	19
1877	73	21			
При отсутствіи борделей.			По возстановленіи борделей.		

аналогичныхъ цифръ поступленій мужчинъ-венериковъ въ мѣстный госпиталь, почтенный профессоръ удѣляетъ росту на-

Г А Р Н И З О Н Ъ.					
Годъ.	Венериковъ ‰	Изъ нихъ сифил. ‰	Годъ.	Венериковъ ‰	Изъ нихъ сифил. ‰
18⁷⁴/₇₅	36,9	1,8	18⁷⁸/₇₉	18,9	
18⁷⁵/₇₆	11,2	3,2	18⁷⁹/₈₀	36,0	10,5
18⁷⁶/₇₇	16,5	1,6	18⁸⁰/₈₁	22,3	3,0
18⁷⁷/₇₈	12,8	3,2	18⁸¹/₈₂	45,3	3,1
При отсутствіи борделей.			18⁸²/₈₃	26,6	5,9
			18⁸³/₈₄	21,1	3,0
			18⁸⁴/₈₅	18,7	1,4
			18⁸⁵/₈₆	14,9	1,5
			18⁸⁶/₈₇	16,6	7,5
			18⁸⁷/₈₈	17,9	2,8
			18⁸⁸/₈₉	21,6	4,3
			18⁸⁹/₉₀	32,4	5,6
			18⁹⁰/₉₁	25,5	4,2
			18⁹¹/₉₂	42,8	13,8
			18⁹²/₉₃	44,1	11,7
			18⁹³/₉₄	45,2	4,6
			18⁹⁴/₉₅	16,3	3,2
			18⁹⁵/₉₆	20,5	5,7
			По возстановленіи борделей.		

(Sanitätsbericht-statist. über d. K. Pr. Armee; Rapports, Wolff, p. 35 et 36).

селенія все должное вниманіе. Къ тому же, д-ру Вольфу не только не представлялось особаго труда найти цифры, показывающія ростъ населенія г. Дрездена, но напротивъ, надо было обладать особенною способностью не замѣтить этихъ цифръ въ той самой таблицѣ д-ра Вертера, изъ которой онъ позаимствовалъ цифры поступленій венериковъ въ дрезденскій госпиталь!

По словамъ проф. Вольфа, правильную цифру для сужденія о распространеніи венерическихъ болѣзней даетъ „кривая мужчинъ, и въ особенности кривая солдатъ“ (Rapport, p. 18). Однако, изслѣдуя вопросъ о развитіи венерическихъ болѣзней въ г. Дрезденѣ, онъ ни словомъ не касается измѣненій числа солдатъ-венериковъ въ мѣстномъ госпиталѣ. А между тѣмъ, какъ это снова видно изъ таблицы д-ра Вертера, дрезденскій гарнизонъ давалъ слѣдующія цифры венериковъ $^0/_{00}$.

1884	59,5	1890	39,7
1885	56,9	1891	35,9
1886	44,5	1892	40,3
1887	48,7	1893	46,4
1888	53	1894	44,3
1889	38	1895	37,1

(Werther, ibid; cp. Rapports, Blaschko, p. 101; Hoeffel, p. 11).

Мы не настаиваемъ на томъ, что пониженіе числа солдатъ-венериковъ, въ періодъ послѣ закрытія борделей, обязано этому факту, и относимся съ подобающимъ вниманіемъ къ замѣчанію, сдѣланному проф. Вольфомъ во время преній, что пониженіе началось до закрытія притоновъ, 1 января 1890 г.,

и потому должно быть отнесено, какъ слѣдствіе, къ какой-либо иной причинѣ, дѣйствовавшей раньше [1]). Но мы считаемъ долгомъ отмѣтить, что эти цифры, совершенно игнорируемыя проф. Вольфомъ въ докладѣ конференціи, нисколько не обнаруживаютъ въ своихъ величинахъ такъ же, какъ и цифры гражданскаго госпиталя, „плачевныхъ послѣдствій“ закрытія публичныхъ притоновъ. А вѣдь съ точки зрѣнія почтеннаго ученаго вліяніе закрытія борделей должно было бы проявиться прежде всего подъемомъ кривой, образуемой именно этими цифрами.

Что касается Лейпцига, гдѣ дома терпимости были закрыты въ іюнѣ 1889 г. и вновь открыты въ 1891 г., то д-ръ Вольфъ опредѣленно оговаривается, что возвращеніе къ системѣ притоновъ было вызвано здѣсь не санитарными мотивами и что „лейпцигскія бордели, кажется, мало посѣщаются гарнизономъ“. Тѣмъ не менѣе онъ не въ силахъ отказать себѣ въ томъ, чтобы не поставить въ связь съ возстановленіемъ борделей пониженіе сифилиса среди солдатъ съ 14,4 до 8,1$^0/_{00}$ за періодъ отъ $18^{92}/_{93}$ по $18^{94}/_{95}$ г., какъ указывается въ докладѣ, или по $18^{95}/_{96}$ г., какъ утверждается въ преніяхъ (Rapports, Wolff, p. 29; Compte rendu, p. 221). Отсутствіе этой связи явствуетъ, однако, достаточно наглядно изъ слѣдующей таблицы, составленной по даннымъ оффиціальныхъ отчетовъ.

---

[1]) Умѣстно, впрочемъ, отмѣтить,—къ сожалѣнію, эти факты не были указаны въ преніяхъ на конференціи, что приведенныя цифры относятся къ отчетнымъ годамъ военнаго министерства съ 1 апрѣля по 31 марта и, слѣдовательно, цифра за 1889 г. охватываетъ уже три мѣсяца 1890 г. А вмѣстѣ съ тѣмъ важно имѣть въ виду, что, согласно сообщенію д-ра Вертера, «дрезденскіе бордели были постепенно эвакуированы въ 1889 г.» (Werther, ib., S. 182).

$^0/_{00}$ солдатъ, болѣвшихъ сифилисомъ, въ лейпцигскомъ гарнизонѣ.

При существованіи борделей.		По закрытіи борделей.		По возстановленіи борделей.	
$18^{82}/_{83}$ г.	12,7	$18^{89}/_{90}$	8,1	$18^{91}/_{92}$	14,9
$18^{83}/_{84}$	15,2	$18^{90}/_{91}$	9,5	$18^{92}/_{93}$	12,1[1])
$18^{84}/_{85}$	15,5			$18^{93}/_{94}$	8,6
$18^{85}/_{86}$	21,6			$18^{94}/_{95}$	8,4[1])
$18^{86}/_{87}$	15,9			$18^{95}/_{96}$	14,8
$18^{87}/_{88}$	18,1			$18^{96}/_{97}$	8,4
$18^{88}/_{89}$	8,4			$18^{97}/_{98}$	8,8
				$18^{98}/_{99}$	5,5

(Sanitätsbericht-statist. über d. K. Pr. Armee; cp. Miehe, Ueber d. Einfluss, Arch. f. Derm. Bd. 32, S. 140 и 141).

Мы охотно прошли бы, далѣе, мимо данныхъ г. Кольмара, гдѣ отмѣна регламентаціи могла быть причислена къ собственно аболиціонистскимъ побѣдамъ лишь по недоразумѣнію, если бы обращеніе почтеннаго нѣмецкаго идеолога полиціи нравовъ съ мѣстной санитарною статистикою не являлось дальнѣйшимъ развитіемъ своеобразныхъ пріемовъ, характеризующихъ его операціи съ саксонскими цифрами.

Въ доказательство вредныхъ санитарныхъ послѣдствій

[1]) 11, 6 и 8, 1$^0/_{00}$ за вычетомъ больныхъ, лечившихся внѣ лазарета.

закрытія домовъ терпимости въ г. Кольмарѣ, проф. Вольфъ приводитъ и данныя мужского отдѣленія гражданскаго госпиталя, и цифры мѣстнаго гарнизона.

Мужчинъ въ госпиталѣ находилось

до закрытія домовъ терпимости:

Годъ.	Венериковъ.	Изъ нихъ сифилитиковъ.
1878	26	11
1879	28	14
1880	31	15
1881	32	19

по закрытіи:

Годъ.	Венериковъ.	Изъ нихъ сифилитиковъ.
1882	18	4
1883	24	5
1884	19	10
1885	19	7
1886	24	7
1887	21	8
1888	36	17
1889	31	22

Чтобы увѣрить читателя въ бо́льшемъ распространеніи венерическихъ болѣзней и сифилиса среди гражданскаго населенія Кольмара, въ періодъ послѣ закрытія борделей, проф. Вольфу недостаточно одного того пріема, которымъ онъ пользуется для истолкованія въ пользу регламентаціи аналогичныхъ цифръ г. Дрездена. Желательное толкованіе кольмарскихъ данныхъ еще не достигается игнорированіемъ того обстоятельства, что въ 1877 г. въ г. Кольмарѣ было всего 24 тысячи жителей, въ 1880 г.—уже 26, въ 1885—26 съ половиною и въ 1890—30 тысячъ (Deck, Syphilis, p. 72).

Уменьшеніе числа венериковъ и сифилитиковъ продолжаетъ обнаруживаться quand même въ цифрахъ гражданскаго госпиталя по закрытіи борделей. При такихъ условіяхъ, почтенный ученый объявляетъ фактъ уменьшенія числа венериковъ за періодъ съ 1882 по 1887 г. включительно явленіемъ временнымъ, объясняющимся характеромъ жизни маленькаго города, въ которомъ убыль домовъ терпимости не быстро возмѣщается развитіемъ распространяющей заразу тайной проституціи. Вниманіе изслѣдователя должно быть, съ точки зрѣнія проф. Вольфа, обращено на цифры 36 венериковъ за 1888 г. и 22 сифилитиковъ за 1889 г.,—цифры, равныхъ которымъ по высотѣ не было за періодъ цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, предшествовавшихъ закрытію публичныхъ притоновъ въ г. Кольмарѣ. Эти цифры—пусть запоздалый, но необходимый результатъ закрытія борделей: онѣ являются симптомомъ длящагося усиленія венерическихъ болѣзней, которому должно уступить временное ослабленіе послѣднихъ въ предыдущіе годы (Rapports, Wolff, p. 30 et 31).

При подобномъ толкованіи данныхъ кольмарскаго госпиталя проф. Вольфъ поступаетъ вполнѣ послѣдовательно, избравъ 1889 г. послѣднимъ годомъ того періода, за который онъ нашелъ нужнымъ сообщить конференціи цифры названнаго госпиталя. Въ этомъ читатель убѣдится, если дастъ себѣ трудъ взглянуть на слѣдующія цифры мужчинъ-сифилитиковъ, находившихся на излеченіи въ кольмарскомъ госпиталѣ послѣ 1889 г.

1890 г.—6	1894 г.—9
1891 —9	1895 —7
1892 —7	1896 —4
1893 —8	1897 —7

Отсюда явственно видно, какимъ обманчивымъ предвѣстникомъ длящагося усиленія сифилиса выступала цифра 22 сифилитиковъ 1889 г.!

Нѣмецкій профессоръ, посвятившій свыше двадцати пяти лѣтъ, въ качествѣ спеціалиста, изученію интересующаго насъ вопроса, въ докладѣ по этому вопросу ученой конференціи оказывается, какъ видно, неосвѣдомленнымъ съ цифрами своего отечественнаго госпиталя вплоть до 1890 г., между тѣмъ какъ эти цифры, до 1897 г. включительно, еще въ 1898 г. были уже извѣстны за границею! (Ср. Deck, Syphilis, p. 72).

Это явленіе тѣмъ болѣе характерно, что будучи неосвѣдомленъ съ неблагопріятными для защиты регламентаціи данными гражданскаго госпиталя г. Кольмара, проф. Вольфъ обладаетъ въ достаточной мѣрѣ знаніемъ данныхъ мѣстнаго военнаго госпиталя. По его свѣдѣніямъ, число венериковъ въ кольмарскомъ гарнизонѣ составляло въ 1880 г.—82 и въ 1881—64. По закрытіи притоновъ въ

1882 г.—38	1886—38	1890—128
1883 —30	1887—54	1891— 77
1884 —20	1888—26	1892— 89
1885 —22	1889—56	1893—111 (Rapport, p. 30).

По увѣренію г. Вольфа, послѣ подобныхъ цифръ болѣе не можетъ возникнуть сомнѣнія въ санитарной неудачѣ закрытія поднадзорныхъ притоновъ г. Кольмара. Принимая, однако, во вниманіе то обстоятельство, что въ военной статистикѣ общепринято цитированіе числа больныхъ въ соотношеніи съ численностью гарнизона и что самъ проф. Вольфъ только въ данномъ случаѣ отступаетъ отъ этого метода, мы позволимъ себѣ провѣрить его заявленіе, будто „кольмарскій гарнизонъ увеличился въ 1887 г., но съ тѣхъ поръ число больныхъ возросло въ болѣе значительной пропорціи“ (ibid., p. 31).

При существованіи борделей.

Годъ.	Числ. гарн.	Венерическихъ больныхъ	
		Число.	‰
18⁷⁴/₇₅	1220	108	88,5
18⁷⁵/₇₆	1228	88	71,6
18⁷⁶/₇₇	1207	82	67,9
18⁷⁷/₇₈	1221	62	50,8
18⁷⁸/₇₉	1222	91	74,5
18⁷⁹/₈₀	1188	91	76,6
18⁸⁰/₈₁	1194	82	68,7
18⁸¹/₈₂	1174	64	54,5

По закрытіи борделей:

Годъ.	Числ. гарн.	Венер. больн. Число.	Венер. больн. ‰	Годъ.	Числ. гарн.	Венер. больн. Число	Венер. больн. ‰
$18^{82}/_{83}$	1085	38	35,0	$18^{90}/_{91}$	2593	128	45,5
$18^{83}/_{84}$	1194	30	25,1	$18^{91}/_{92}$	2709	77	28,4
$18^{84}/_{85}$	1187	20	16,8	$18^{92}/_{93}$	2758	89	32,3
$18^{85}/_{86}$	1531	22	14,3	$18^{93}/_{94}$	2748	111	40,4
$18^{86}/_{87}$	1262	38	30,1	$18^{94}/_{95}$	2746	97	35,3
$18^{87}/_{88}$	2077	54	26,0	$18^{95}/_{96}$	2750	68	24,7
$18^{88}/_{89}$	2040	26	12,7	$18^{96}/_{97}$	2758	49	17,8
$18^{89}/_{90}$	2076	56	27,0	$18^{97}/_{98}$	2862	55	19,2
				$18^{98}/_{99}$	2966	48	16.2

(Sanitätsbericht-statist. über d. K. Pr. Armee; cp. Miehe, ibid., S. 140—141).

Итакъ, ‰ венериковъ въ кольмарскомъ гарнизонѣ при отсутствіи домовъ терпимости никогда не идетъ выше 45,5, тогда какъ до ихъ закрытія, въ періодъ съ $18^{74}/_{75}$ по $18^{81}/_{82}$ г., соотвѣтствующая цифра не опускалась ниже 50,8‰!

Намъ остается еще обратить вниманіе читателя на норвежскую санитарную статистику.

На той же брюссельской конференціи 1899 г. проф. Axel Holst заявилъ, что въ Христіаніи, послѣ отмѣны регламентаціи, цифра сифилиса у мужчинъ поднялась, согласно даннымъ оффиціальной статистики, въ среднемъ и въ соотношеніи съ численностью населенія города, болѣе чѣмъ на 25% (Compte rendu, p. 109; cp. Enquêtes, p. 135).

Дѣйствительно, $^0/_{00}$ заявленныхъ врачами санитарнымъ комиссіямъ случаевъ пріобрѣтеннаго сифилиса у мужчинъ показываетъ для населенія г. Христіаніи, по даннымъ мѣстнаго начальника санитарнаго управленія д-ра Bentzen, Etudes, p. 15, повышеніе съ 1,73 въ годовомъ среднемъ за девятилѣтіе 1879—1887 г. до 2,08 за равный періодъ 1889—1897 г. [1]). Но въ тѣ же періоды число другихъ венерическихъ заболѣваній у мужчинъ обнаруживаетъ, по отмѣнѣ регламентаціи, совсѣмъ иную перемѣну: количество случавъ гонорреи понижается съ 8.61 до 6,45$^0/_{00}$ и мягкаго шанкра съ 2,34 до 1,51$^0/_{00}$ (ibid., p. 14). Спрашивается, какимъ же образомъ, относя усиленіе сифилиса на счетъ аболиціонизма, послѣдовательно объяснить наступающее по отмѣнѣ врачебно-полицейскаго надзора паденіе на цѣлыхъ 35$^0/_0$ случаевъ зараженія мужчинъ такою болѣзнью, въ отношеніи къ которой институтъ полиціи нравовъ признается наиболѣе дѣйствительнымъ (ср. выше, стр. 158)?

За связь съ аболиціонизмомъ факта усиленія сифилиса у мужчинъ, въ періодъ съ 1889 г., говоритъ, съ регламентистской точки зрѣнія, пониженіе за это время числа женщинъ, какъ поступившихъ въ госпитали вслѣдствіе сифилиса, такъ равно и обратившихся вообще къ врачебной помощи въ виду той или другой венерической болѣзни.

Указывая на то, что, по отмѣнѣ принудительныхъ мѣръ надзора, число поступленій въ госпитали женщинъ-сифилитокъ

---

[1]) По вычисленію самого проф. Holst, повышеніе идетъ съ 1,69, въ среднемъ за 1879—1887 г., до 2.15$^0/_{00}$, въ среднемъ за 1889—1898 г. Проф. Holst предполагаетъ, что по отмѣнѣ регламентаціи сифилисъ усилился даже болѣе значительно, чѣмъ показываютъ цифры. По его мнѣнію, послѣднія преувеличены за время до 1888 г.: въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ многіе врачи ошибочно относили къ сифилитической болѣзни мягкіе шанкры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, только въ концѣ названнаго десятилѣтія, въ виду особаго распоряженія городской санитарной комиссіи, они стали рѣже дѣлать особыя заявленія о рецидивахъ сифилиса (Enquêtes, p. 134). Въ противовѣсъ этимъ моментамъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что 5 іюня 1889 г. въ Норвегіи былъ изданъ законъ, воспрещавшій непатентованнымъ врачамъ леченіе венерическихъ болѣзней: это обстоятельство должно было, несомнѣнно, рано или поздно относительно увеличить количество паціентовъ у патентованныхъ врачей и послѣдовательно число ихъ заявленій о венерическихъ больныхъ санитарнымъ комиссіямъ (ib., p. 136; Bentzen, p. 10).

упало на 20%, проф. Holst (Compte rendu, p. 110) не сообщаетъ ни періодовъ времени, ни ближайшихъ данныхъ своего изслѣдованія: но на основаніи цифръ таблицы, приводимой д-ромъ Bentzen для всей Норвегіи, не трудно вычислить, что пониженіе этого числа начинается за нѣсколько лѣтъ до упраздненія института полиціи нравовъ; въ теченіе семи лѣтъ по отмѣнѣ регламентаціи количество поступленій женщинъ въ госпитали въ виду сифилиса и мягкаго шанкра (раздѣльныхъ цифръ мы не нашли, къ сожалѣнію) оставалось въ Норвегіи на такой же точно высотѣ, на какой оно было въ послѣдніе пять лѣтъ при врачебно-полицейскомъ надзорѣ.

Годъ.	‰ къ населенію.	
1880	0,31	
1881	0,30	
1882	0,34	
1883	0,21	Среднее за годъ 0,188
1884	0,21	
1885	0,16	
1886	0,17	
1887	0,19	

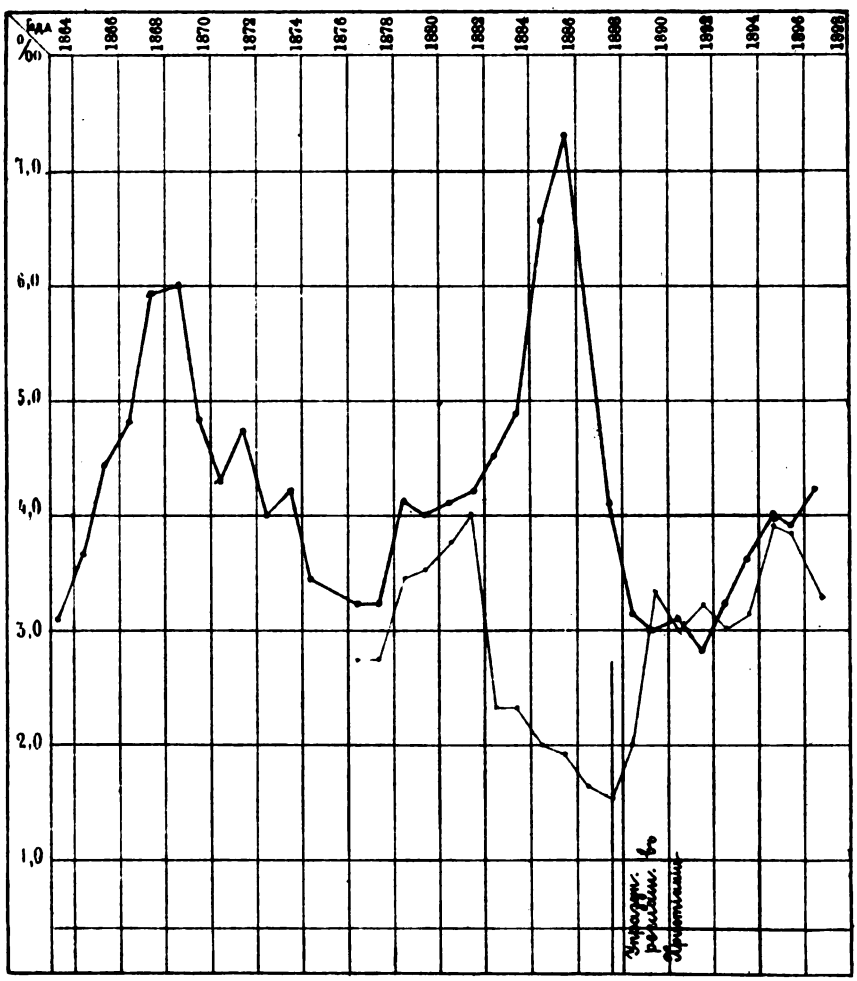
Годъ	‰ къ населенію.	
1888	0,16	
1889	0,16	Среднее за годъ 0,187
1890	0,19	
1891	0,19	
1892	0,22	
1893	0,21	
1894	0,16	
1895	0,18	

(Ср. Bentzen, Etudes, p. 26).

Число женщинъ, вообще обратившихся въ періодъ 1889—1897 г., къ врачебной помощи, въ виду гонорреи и мягкаго шанкра, упало, по даннымъ для Христіаніи, сравнительно съ періодомъ 1879—1887 г., отъ 1,29 и 0,58 до 0,59 и 0,15‰,

Діаграмма № 6.

Гражданское населеніе г. Христіаніи и Копенгагена.



——— Сифилисъ у лицъ обоего пола въ населеніи г. Христіаніи.

——— То же, въ населеніи г. Копенгагена.

и вслѣдствіе пріобрѣтеннаго сифилиса поднялось отъ 1,05 до 1,13 ‰ [1]): въ сравненіи съ данными для мужчинъ, въ цифрахъ для женщинъ, такимъ образомъ, и паденіе проявилось болѣе рѣшительно, и повышеніе менѣе замѣтно. Любопытно однако, что и въ г. Бергенѣ, гдѣ регламентація остается въ силѣ, на ряду съ увеличеніемъ отъ 1,92, за періодъ 1878—1887 г., до 2,08‰, въ періодъ 1888—1897 г., числа случаевъ заболѣванія сифилисомъ и мягкимъ шанкромъ мужчинъ наблюдается не менѣе рѣзко и пониженіе отъ 1,05 до 0,70 ‰ соотвѣтствующаго числа названныхъ заболѣваній у женщинъ (ср. ibid., p. 14, 15 et 20)!

Очевидно, не въ существованіи или отсутствіи регламентаціи заключается причина указанныхъ перемѣнъ, проявившихся въ распространеніи венерическихъ болѣзней въ Норвегіи.

Тѣмъ не менѣе медицинское общество г. Христіаніи нашло умѣстнымъ, большинствомъ 93 голосовъ противъ 6, высказаться осенью 1898 г. за возстановленіе превентивнаго контроля на промышляющими развратомъ женщинами (Enquêtes, p. 136).

Позволительно припомнить, что за восемнадцать лѣтъ до этого времени, въ мартѣ 1880 г., медицинское общество въ г. Копенгагенѣ вотировало, въ отвѣтъ на аболиціонистскіе запросы въ Даніи, большинствомъ 75 голосовъ противъ 5, резолюцію въ томъ смыслѣ, что система регламентаціи „человѣчна, справедлива и дѣйствительна“, а проповѣдь Федераціи „вредна и заслуживаетъ осужденія“ (Congrès de Gênes, p. 84 et 85).

На прилагаемой діаграммѣ (№ 6) въ глаза бросается побѣдоностное движеніе сифилиса въ гражданскомъ населеніи г. Копенгагена: его значительное повышеніе въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и подъемъ еще болѣе рѣшительный въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ не былъ сдержанъ издавна существующею системою регламентаціи, тѣмъ болѣе могущест-

---

[1]) По вычисленію проф. Holst, цифра сифилиса поднялась отъ 1,02 до 1,08 ‰ (Enquêtes, p. 134).

венною, что она здѣсь авторитетно покоится на спеціальномъ законѣ! [1]) [2]). Разумѣется, эти вспышки въ волнообразномъ движеніи сифилиса не зависятъ отъ существованія института полиціи нравовъ; онѣ обусловлены, быть можетъ, такими специфическими причинами, какъ неодинаковыя во времени степень напряженія инфекціоннаго начала и степень сопротивляемости силѣ этого начала самихъ человѣческихъ организмовъ. Это, и съ регламентистской точки зрѣнія, несомнѣнно въ отношеніи капенгагенскихъ данныхъ (ср. д-ръ Ehlers, Enquêtes, p. 106 et 107). Однако, совпаденіе во времени одного изъ подъемовъ сифилиса въ Христіаніи съ отмѣною принудительныхъ мѣръ надзора заставляетъ регламентистовъ тотчасъ же забыть объ этой особенности въ распространеніи инфекціонной болѣзни,—и не взирая на восемнадцатилѣтній опытъ г. Копенгагена, какъ онъ ни поучителенъ, подать, ради поддержанія санитарной идеологіи института закрѣпощенія, руку своимъ датскимъ коллегамъ!

---

[1]) Законъ о мѣрахъ противъ распространенія венерическихъ болѣзней, изданный первоначально въ 1844 г., измѣненный новымъ—10 апрѣля 1874 г.—дѣйствующимъ въ настоящее время съ дополненіями и измѣненіями 1 марта 1895 г. (Текстъ въ перев. на франц. и нѣм. яз. см. Enquêtes, p. 121 [1-6], и Blaschko, Hygiene, S. 120—122).

[2]) То же явленіе мы наблюдаемъ и на движеніи венерическихъ болѣзней въ г. Стокгольмѣ, гдѣ регламентація существуетъ съ 1836 г. Число лицъ, пользуемыхъ отъ названныхъ болѣзней въ гражданскихъ лечебницахъ этого города, въ ‰ къ населенію:

1822—26 г.	3,14	1847—51 г.	8,2	1872—76 г.	6,81
1827—31	3,18	1852—56	10,05	1877—81	8,29
1832—36	5,62	1857—61	10,48	1882—86	*8,88*
1837—41	*11,87*	1862—66	*12,14*	1887—91	7,03
1842—46	10,86	1867—71	11,08	1892—96	7,15

(Prof. Welander, Enquêtes, p. 458 et 499).

Въ имѣющейся у насъ подъ руками литературѣ мы не нашли ссылокъ регламентистовъ на какія-либо отрицательныя послѣдствія упраздненія института полиціи нравовъ въ городахъ Голландіи и Даніи. Проф. Тарновскій довольствуется, по поводу санитарной статистики этихъ странъ, обвиненіемъ аболиціонистовъ въ томъ, что они „сознательно перевираютъ (!) заключенія, выведенныя изъ своихъ работъ докторами Hernandes'омъ и Гирзингомъ". Первый, „болѣе добросовѣстный, самъ говоритъ, что его цифры ничего не доказываютъ", а послѣдній приходитъ къ заключенію, что „военная статистика, сама по себѣ, не можетъ разрѣшить вопросъ о вліяніи регламентаціи проституціи на народное здравіе".

«Но вообще статистика способна ли привести къ желаемому результату?» спрашиваетъ д-ръ Гирзингъ и отвѣчаетъ:

«Я думаю, надо сознаться, что способъ, какимъ группируютъ обыкновенно цифры, не даетъ высокаго понятія объ этомъ методѣ изслѣдованія»

Вотъ что въ дѣйствительности говоритъ д-ръ Гирзингъ. А между тѣмъ аболиціонисты съ полною беззастѣнчивостью продолжаютъ повторять: «научныя данныя, собранныя федераціею, доказываютъ негодность регламентаціи въ отношеніи предупрежденія зараженія сифилисомъ».
(Прост. и аболиц., стр. 115—118)

На самомъ дѣлѣ, д-ръ Hermanides,—его превращеніе въ Hernandes обязано всецѣло почтенному профессору, въ докладѣ гаагскому конгрессу аболиціонистовъ, доказываетъ, что санитарной статистикѣ, выдвигаемой регламентистами въ защиту института полиціи нравовъ, нельзя довѣряться. Указывая на цѣлый рядъ обычныхъ недостатковъ статистическаго изслѣдованія, онъ выражаетъ предпочтеніе избѣгать въ рѣшеніи гигіеническаго вопроса статистическихъ аргументовъ. Но если гг. гигіенисты, заявляетъ д-ръ Hermanides далѣе, хотятъ, какъ бы то ни было, основываться на статистическихъ данныхъ,— пожалуйста: эти данныя говорятъ рѣшительно противъ регламентаціи. За 7 лѣтъ, предшествовавшихъ введенію въ 1856 г. полиціи нравовъ въ Голландіи, въ 25 городахъ, впослѣдствіи подчиненныхъ исключительному режиму мѣръ о проституціи, венерическія болѣзни у солдатъ составляли 11,2%, и въ 16 городахъ, гдѣ проституція оставалась безконтрольною,—12,4%; за 18 лѣтъ по введеніи регламентаціи въ первый категоріи

городовъ это число понизилось до 10,7, тогда какъ во второй до 9,7%. Такимъ образомъ, въ городахъ подъ режимомъ полиціи нравовъ венерическія болѣзни въ гарнизонахъ сократились только на 0,5%, между тѣмъ какъ въ городахъ, свободныхъ отъ этого режима, на цѣлыхъ (2,7% (Congrès de la Haye, p. 107—109; ср. p. 23) [1]).

Что касается д-ра Giersing, то онъ, дѣйствительно, находитъ, что „военная статистика, сама по себѣ, кажется, не позволяетъ разрѣшить вполнѣ" вопроса о вліяніи регламентаціи на общественное здравіе въ Даніи. Но спрашивая себя тотчасъ, въ состояніи ли статистика вообще привести къ желаемому результату, д-ръ Гирзингъ отвѣчаетъ:

„Я думаю, что да, хотя и надо сознаться (je le crois' bien qu'il faille avouer), что способъ, которымъ обыкновенно группируютъ цифры, не даетъ высокаго понятія объ этомъ методѣ изслѣдованія".

По мнѣнію Гирзинга, нужно, чтобы статистика охватила и другіе элементы, болѣе многочисленные и болѣе устойчивые, чѣмъ горнизоны. Обѣщая изслѣдовать въ ближайшемъ будущемъ статистику венерическихъ болѣзней въ гражданскомъ населеніи, онъ указываетъ, что послѣ этого будетъ въ состояніи, можетъ быть, высказаться по поставленному вопросу совершенно категорически. А пока довольствуется заключеніемъ, что въ датской санитарной статистикѣ имъ не найдено ничего, что бы было благопріятно для регламентаціи. И въ самомъ дѣлѣ, 11,1‰ венерическихъ болѣзней въ копенгагенскомъ гарнизонѣ и 8,9‰—въ гарнизонахъ другихъ трехъ подчиненныхъ режиму полиціи нравовъ городовъ, за періодъ 1874—1885 г., являются едва-ли завиднымъ вкладомъ въ активъ регламентаціи, когда въ четырехъ гарнизонахъ свободныхъ отъ этого режима городовъ соотвѣтствующее число не превышаетъ 7,5‰! (Rev. de M. Pr., № 1, p. 37, p. 31 et 32).

---

[1]) Предпринявъ обширное математическое изслѣдованіе въ области статистики голландской арміи, проф. Mounier отказывается, съ своей стороны, отъ заключенія, на основаніи цифроваго матеріала, и въ пользу, и противъ регламентаціи (Mounier, Recherches sur la signification de la statistique; ср. Communications, t. 1, p. 145, и Ochsenbein, R. de M. Pr., № 10, p. 171—183).

Изученіе диффузіи венерическихъ болѣзней въ гражданскомъ населеніи Даніи дало д-ру Гирзингу слѣдующія цифры: въ среднемъ за 1871—1880 г. для Копенгагена—26,88 и для другихъ подчиненныхъ режиму полиціи нравовъ городовъ 8,56‰; напротивъ, для городовъ, гдѣ этотъ режимъ отсутствовалъ,—5,03‰ [1]).

При такихъ результатахъ, г. Гирзингъ считаетъ себя вправѣ заключить, что регламентація въ Даніи рѣшительно не достигла санитарныхъ цѣлей: она не принесла никакого блага, и болѣе того—отчасти именно ей слѣдуетъ приписать дурное санитарное состояніе мѣстностей, гдѣ она примѣняется, и въ особенности г. Копенгагена (R. de M. Pr., № 3, p. 122 et 123; ср. № 6, p. 286 et 287 [2]).

Предоставляемъ, послѣ этого, читателю самому судить, полной ли беззастѣнчивости аболиціонистовъ слѣдуетъ приписать возможныя ссылки послѣднихъ на изслѣдованія д-ровъ Hermanides и Гирзинга, въ подтвержденіе санитарной негодности регламентаціи!

Съ своей же стороны, вмѣстѣ съ д-ромъ Гирзингомъ (ibid.), поспѣшимъ здѣсь оговориться, что аболиціонистъ, осуждая исключительную систему прикрѣпленія женщины къ проституціи, не нуждается въ цифрахъ. Статистическій матеріалъ надобенъ самимъ регламентистамъ; *на нихъ* лежитъ задача доказать санитарную цѣлесообразность полиціи нравовъ,—и если мы прибѣгаемъ къ статистикѣ венерическихъ болѣзней, то лишь для того, чтобы выяснить степень устойчивости и истинный характеръ ихъ авторитетной идеологіи!

Всѣ болѣе или менѣе широко использованные регламентистами санитарные аргументы, состоящіе въ указаніяхъ на не-

---

[1]) По позднѣйшему изслѣдованію, за періодъ 1874—1885 г.,—для Копенгагена 29, 2 и для другихъ городовъ съ поднадзорною проституціею 7, 61 ‰, между тѣмъ какъ для всѣхъ провинціальныхъ городовъ—5, 16 ‰ (R. de M. Pr., № 6, p. 285).

[2]) «Это послѣднее утвержденіе, замѣчаетъ Giersing, можетъ показаться парадоксальнымъ. Такимъ оно будетъ только для тѣхъ, кто совсѣмъ игнорируетъ вліяніе моральныхъ привычекъ на публичное здравіе. Для меня, безнравственная система никогда не будетъ системою гигіеничной» (ib, № 3, p. 123).

удачный горькій опытъ отмѣны, въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ, режима полиціи нравовъ, нами исчерпаны [1]). Выясненъ своеобразный характеръ цѣлаго ряда статистическихъ операцій

---

[1]) Мы избѣгли, впрочемъ, разбора ссылки регламентистовъ на санитарную неудачу московской реформы: эта ссылка является, насколько намъ извѣстно, скорѣе общею фразою, чѣмъ опредѣленнымъ такъ или иначе «научно» обоснованнымъ аргументомъ. Приводимыя регламентистами цифры для Москвы далеко не внушаютъ къ себѣ довѣрія. По этому поводу два слова о данныхъ, показывающихъ сравнительную степень заболѣваемости сифилисомъ женщинъ домовъ терпимости и комиссныхъ въ г. Москвѣ (см. табл. у д-ра Штюрмера, Прост. въ город., стр. 83 и 93). Искусственное повышеніе % заболѣваній комиссныхъ женщинъ съ успѣхомъ достигается вычетомъ изъ общаго количества послѣднихъ такихъ лицъ, которыя числятся, по спискамъ санитарнаго бюро, выбывшими изъ домовъ терпимости, или въ одиночкахъ,—вычетомъ, отнюдь не сопровождающимся соотвѣтствующимъ исключеніемъ ихъ заболѣваній изъ общаго количества таковыхъ у комиссныхъ женщинъ. Въ то же время пониженіе процента заболѣваній у проститутокъ домовъ терпимости удачно получается присоединеніемъ къ числу женщинъ, находившихся въ притонахъ къ началу каждаго даннаго года, всѣхъ въ теченіе этого года вновь поступившихъ, безъ соотвѣтствующаго вычета изъ этого числа женщинъ въ теченіе того же года изъ притона выбывшихъ (ср. выше, стр. 126).

Женщинъ въ домахъ терпимости г. Москвы

Годъ	состояло къ 1 января	поступило вновь въ т. г.	выбыло въ теч. года	всего, безъ вычета выбывшихъ	всего, съ вычетомъ выбывшихъ	Число заболѣваній сифилисомъ	% по табл. Штюрмера къ итогу безъ в.)	% къ итогу съ вычетомъ выбывшихъ
1890	907	417	450	1324	874	309	23,3	*35,3*
1891	874	561	566	1435	869	454	31,6	*52,2*
1892	869	449	584	1318	734	439	33,3	*59,8*

идеологовъ надзора,—и обнаружена призрачность санитарной опасности аболиціонизма.

У читателя есть достаточный запасъ матеріала, чтобы оцѣнить, въ заключеніе, по достоинству слѣдующія обвиненія и инсинуаціи, которыми не брезгуетъ, въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ, виднѣйшій поборникъ исключительныхъ мѣръ надзора за проституціею въ Россіи почтенный проф. В. М. Тарновскій.

«Заправилы федераціи, ея ораторы и публицисты, въ родѣ Стенсфельда и Гюйо, повыдергавшіе изъ разныхъ отчетовъ цифры для своей дутой

Задержано по подозрѣнію въ тайной проституціи въ г. Москвѣ

Годъ	Всего	Изъ нихъ обнаружено забол. сифилисомъ	Въ числѣ задерж. числящихся въ спискахъ	Задержанныхъ за вычетомъ числящихся въ спискахъ	% заб. сиф. по табл. д-ра Штюрмера (къ итогу съ вычетомъ числящихся)	% къ общему итогу
1890	1187	100	218	969	10, 3	8, 4
1891	1489	115	338	1151	10, 0	7, 7

(Прост. въ город., стр. 83 и 93; Отчеты о дѣят. моск. гор. упр. за 1890—1892 гг., отд. подъ лит. и).

При такихъ условіяхъ, мы избѣгаемъ выясненія санитарныхъ послѣдствій московской реформы тѣмъ болѣе охотно, что согласно заявленію оффиціальнаго отчета московской городской управы, принадлежащаго проф. Поспѣлову, «введенный Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ новый порядокъ надзора за проституціей со стороны наружной полиціи въ томъ объемѣ и духѣ, какъ предполагалось Министерствомъ, до сихъ поръ (1891 г.) даже и не примѣненъ на практикѣ, а потому вывести какое-либо заключеніе о пригодности, или непригодности введенной реформы по отношенію регистраціи проститутокъ, за исключеніемъ домовъ терпимости (для коихъ результаты реформы положительны), въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ» (Отчетъ за 1891 г., н, стр. 55; ср. стр. 51).

статистики, достигли цѣли, правда, имѣющей мало общаго съ проституціею и ея регламентаціею, но для нихъ лично весьма существенной.

Благодаря горячей проповѣди аболиціонизма, они сдѣлались видными политическими и общественными дѣятелями, стали во главѣ партіи, и постоянное избраніе ихъ въ парламентъ и палату общинъ вполнѣ за ними обезпечено. Въ пользу ихъ будутъ агитировать, и притомъ безвозмездно, множество всякаго рода обществъ, союзовъ и ассоціацій благотворительныхъ и радикальныхъ, масса дамъ, патеровъ, квакеровъ, рабочихъ, занимающихся политикою, или не имѣющихъ работы.

Разборъ фактическихъ данныхъ, представленныхъ аболиціонистами для подтвержденія ихъ воззрѣній, кромѣ сожалѣнія о потерянномъ времени, наводитъ и на другія печальныя размышленія о томъ, какъ легко люди довѣрчивые и добродушные становятся на сторону неправды, если она повторяется съ упорствомъ и наглостью, несмотря на всѣ разумные доводы и многократныя опроверженія».

«Покуда аболиціонисты взываютъ къ состраданію, снисходительности, любви, всепрощенію—съ ними можно не соглашаться, можно сознавать ихъ заблужденія, относясь къ нимъ вполнѣ спокойно. Но, когда они вдаются въ науку, начинаютъ приводить невозможныя данныя, сочинять свою статистику, дѣлать несообразныя и завѣдомо-ложныя заключенія.., то это имѣетъ видъ недостойнаго, непозволительнаго глумленія, которое возмущаетъ всякаго привыкшаго уважать науку».

Въ аболиціонистскихъ доказательствахъ «есть только самое беззастѣнчивое передергиванье цифръ и напущеніе какой-то ложной научной хмари съ либеральнымъ оттѣнкомъ»...

«Какая масса человѣческихъ жизней будетъ еще принесена въ жертву, чтобы убѣдить англійскихъ дамъ и всѣхъ ихъ подражательницъ въ ложности ихъ воззрѣній!

Конечно, не темные адепты, слѣпо вѣрующіе въ непогрѣшимость учителей, виновны въ этихъ жертвахъ, а созидатели и руководители ученія, сознающіе его неправду, извращающіе факты, прибѣгающіе ко лжи, вымыслу и вводящіе въ обманъ своихъ довѣрчивыхъ послѣдователей» (Проституція и аболиц., стр. 122, 123, 108 и 241).

3. Desiderata.

Несмотря на болѣе или менѣе давнее существованіе режима исключительныхъ мѣръ надзора за проституціею, венерическія болѣзни продолжаютъ упорно распространяться; регламентистскія цифры не въ состояніи успокоить встревоженнаго этимъ грознымъ движеніемъ общества; настойчиво вы-

двигается вопросъ о раціональныхъ мѣрахъ борьбы,—и идеологи надзора рѣшаются сами требовать реформъ [1]).

Признавая современную организацію полиціи нравовъ неудовлетворительною въ санитарномъ отношеніи (ср. Фурнье, Bull. de l'Acad. de méd., 3 série, t. XLII (1899), № 39—42; Тарновскій, Прост. и аболиц., стр. 222), они полагаютъ помочь дѣлу, главнымъ образомъ, путемъ введенія обязательнаго врачебнаго осмотра мужчинъ, посѣщающихъ притоны разврата, и устраненія отъ сношеній со здоровыми субъектами женщинъ, находящихся въ кондиломатозномъ періодѣ сифилиса.

При широко открытой для сифилитиковъ-мужчинъ возможности сношеній съ поднадзорною проституціею, опасность послѣдней, какъ очага распространенія сифилиса, усиливается дѣятельнымъ обновленіемъ ея личнаго состава здоровыми женщинами.

«Здоровыхъ женщинъ, говоритъ д-ръ Шперкъ, поступающихъ для обновленія личнаго состава проститутокъ, можно сравнить съ сухими дровами, подбрасываемыми въ горящій каминъ; на короткій промежутокъ времени лучистая теплота камина какъ бы ослабѣваетъ, но вспыхнули подброшенныя дрова, и жаръ становится еще сильнѣе. Какъ свѣжія дрова служатъ для того, что бы поддерживать огонь въ каминѣ, такъ и здоровыя женщины служатъ матеріаломъ для постояннаго поддержанія сифилиса въ классѣ проститутокъ. Чѣмъ больше дровъ подброшено въ данный моментъ, тѣмъ выше будетъ температура въ слѣдующіе затѣмъ моменты; чѣмъ больше здоровыхъ женщинъ поступило въ данный годъ, тѣмъ больше будетъ распространяться черезъ публичные дома сифилисъ въ будущіе годы» (Матеріалы, Сборн. соч. по суд. мед., 1873 г., т. 2, стр. 247).

Отнимая у регламентаціи свойство исключительной мѣры противъ женщинъ, осмотръ обращающихся къ проститу-

---

[1]) На почвѣ уступокъ аболиціонистскимъ требованіямъ выработывается особое направленіе «нео-регламентистовъ». Это направленіе, проявившееся уже на брюссельской конференціи 1899 г., получило дальнѣйшее развитіе въ интернаціональномъ обществѣ профилактики венерическихъ болѣзней, основанномъ, по предложенію проф. Фурнье, на названной конференціи. Къ сожалѣнію, Compte rendu des séances второй брюссельской конференціи 1902 г., гдѣ особенно ярко отразились выработавшіяся въ этомъ обществѣ воззрѣнія, только что вышли въ свѣтъ,—Bruxelles, H. Lamertin, 1903,—и уже не могутъ быть использованы въ настоящей работѣ.

ціи мужчинъ, несомнѣнно, долженъ значительно повысить кредитъ полиціи нравовъ, въ сомнительномъ качествѣ санитарнаго учрежденія.

«Пора, наконецъ, выяснить, заявляетъ проф. Тарновскій въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи по поводу постановленій комиссіи 1899 г. въ медицинскій совѣтъ, что, устраивая дома терпимости и осматривая въ нихъ только проститутокъ, мы не достигнемъ, да и не можемъ достигнуть дѣйствительнаго уменьшенія распространенія перелоя и сифилиса.

Только уменьшая заражаемость самихъ проститутокъ домовъ терпимости путемъ осмотра посѣщающихъ ихъ мужчинъ, можно дѣйствительно ослабить распространеніе заразы проституціею. Осмотръ мужчинъ, посѣщающихъ публичные дома, съ санитарной точки зрѣнія есть основное и существенное условіе, при которомъ только и возможно допустить существованіе домовъ терпимости—этой привычной и вмѣстѣ наиболѣе отталкивающей формы проявленія проституціи.

Постоянно дѣлаемыя возраженія со стороны администраціи и особенно агентовъ Врачебно-Полицейскихъ Комитетовъ, что при требованіи осмотра посѣтителей, публичные дома не будетъ болѣе открываемы ихъ содержателями по невыгодности,—такое возраженіе не можетъ имѣть значенія для Медицинскаго Совѣта. Такимъ же закрытіемъ публичныхъ домовъ угрожали ихъ содержатели и тогда, когда въ домахъ терпимости запретили продажу крѣпкихъ напитковъ. Тѣмъ не менѣе и по запрещеніи продажи питей публичные дома существуютъ. То же будетъ и съ осмотромъ мужчинъ.

Осмотръ мужчинъ долженъ быть введенъ, такъ какъ иначе дома терпимости въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь и проектируются настоящею комиссіею, составляютъ самое яркое и наглядное доказательство безполезности существующаго надзора за проституціею» (Сводъ постановленій, стр. 57).

Врачъ, высокое званіе, добытое цѣною народнаго пота и крови, интеллигентный работникъ, для труда котораго страждущая Россія открываетъ такую необъятную ниву,—и порогъ публичнаго притона, гдѣ онъ долженъ занять мѣсто рядомъ съ „вышибалою“,—мы бросаемъ перо,—мы не въ силахъ, не въ состояніи примирить этихъ понятій! Оставаться каждую ночь на пролетъ среди пьянаго разгула, выслушивать издѣвательства раздосадованнаго неурочной операціей возбужденнаго развратника, приметъ ли на себя самъ почтенный проф. Тарновскій эту задачу, прежде чѣмъ ставить ее своей аудиторіи и врачебному сословію Россіи?

Ставропольское медицинское общество находитъ, впрочемъ, возможность осуществить осмотръ посѣтителей притоновъ безъ помощи врача. Въ видахъ освидѣтельствованія мужчинъ, всякій домъ терпимости „обязанъ имѣть или постояннаго фельдшера, или такого мужчину, который умѣлъ бы опредѣлять изъязвленіе на половомъ членѣ и гнойное истеченіе изъ уретры“ (извлеченіе изъ протокола отъ 9 декабря 1895 г., при отчетѣ, представленномъ въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г.). Едва ли, однако, медицинскому обществу стоило рисковать своимъ ученымъ авторитетомъ, чтобы непризнаннаго любителя по опредѣленію изъязвленій и истеченій предпочитать, въ дѣлѣ діагноза венерическихъ болѣзней, самой проституткѣ, на которой врачебный осмотръ посѣтителей лежитъ, какъ извѣстно, при современномъ режимѣ!

„Осмотръ мужчинъ, съ увѣренностью заявляетъ, при такихъ обстоятельствахъ, проф. Ге съѣзду 1897 г., не осуществимъ, его можно только написать на бумагѣ“ (Труды, т. 2, стр. 250). Да и самъ проф. Тарновскій писалъ, что „осмотръ мужчинъ, посѣщающихъ публичные дома, который легко можетъ быть введенъ въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ много образованной молодежи, сознающей пользу этой мѣры, не можетъ быть предложенъ во всѣхъ городахъ Россіи, особенно тамъ, гдѣ пьянство есть еще необходимое условіе для посѣщенія публичныхъ домовъ“ (Прост. и аболиц., стр. 237). Позволительно только усумниться, будто образованная молодежь не нуждается въ томъ необходимомъ притупленіи совѣсти, стыда, брезгливости, которое достигается пьянствомъ, и готова трезво идти въ грязный притонъ и не отуманивъ напередъ сознанія постыдно покупать женскія ласки! Ничуть не исключая столицъ, инспекторъ петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета д-ръ Ѳедоровъ, несмотря на всѣ свои симпатіи къ регламентаціи, высказывается противъ предложенной почтеннымъ теоретикомъ мѣры. „Не найдется врачей на ночныя дежурства. Ихъ трудъ таксировался бы очень высоко. Многіе, если не большинство мужчинъ, отказались бы отъ посѣщенія домовъ терпимости и направились бы къ безконтрольной уличной проституціи. Да и что могутъ дать такіе поспѣшные осмотры?“ (В. О. Г., ноябрь 1896, стр. 185). Д-ръ Ѳедоровъ предпочитаетъ „ввести въ Имперіи общій и правильный осмотръ состоянія здоровья всѣхъ женщинъ ра-

бочаго класса", мѣру, болѣе осуществимую, чѣмъ осмотръ мужчинъ въ домахъ терпимости (тамъ же, стр. 194)! [1]).

При неосуществимости осмотра мужчинъ утрачиваетъ значеніе другая предлагаемая регламентистами мѣра—устраненіе отъ сношеній со здоровыми мужчинами кондиломатозныхъ сифилитокъ: будутъ ли послѣднія удаляемы года на два и болѣе въ особыя „изоляціонныя колоніи" (д-ръ Эльзенбергъ, у Штюрмера, Прост. въ город., стр. 75 и 76), или въ спеціальные дома разврата для мужчинъ, имѣющихъ венерическія болѣзни (Шперкъ, Теорія, Вѣстн. суд. мед., 1885, т. 2, стр. 35), опасность дѣятельнаго обновленія личнаго состава притоновъ терпимости здоровыми проститутками, на которую указываетъ д-ръ Шперкъ, останется, при распространеніи осмотра на однѣхъ только женщинъ, во всей своей силѣ.

Идеологи надзора готовы признать современный строй регламентаціи негоднымъ и въ правовомъ отношеніи.

«Зачисленіе женщинъ, пишетъ проф. Тарновскій, въ число проститутокъ на основаніи удостовѣренія полицейскихъ агентовъ составляетъ дѣйствительно актъ, идущій въ разрѣзъ съ современнымъ понятіемъ о правѣ и свободѣ личности.

Признаніе женщины проституткою есть такое же осужденіе ея въ нравственномъ отношеніи, какъ и признаніе ея воровкою, мошенницею, убійцею и т. п. Если при современномъ строѣ общества приговоры послѣдняго рода мыслимы только на основаніи суда, а не произвола администраціи, то понятно, что и признаніе порочности женщины и соединеннаго съ нимъ ограниченія личной свободы должно быть совершаемо не иначе, какъ путемъ суда, а не по личному усмотрѣнію полицейскаго агента или медицинскаго инспектора» (Прост. и аболиц., стр. 229).

Въ настоящее время, замѣчаетъ, съ своей стороны, медицинскій совѣтъ, «какъ добровольное, такъ и подневольное зачисленіе женщины въ проститутки совершается чисто административнымъ путемъ. Часто т. наз. «добровольное зачисленіе» сопровождается еще большимъ насиліемъ воли женщинъ, особенно молодыхъ дѣвушекъ, чѣмъ подневольное. Неотступные

---

[1]) Указаніе на «хорошую организацію» осмотра мужчинъ «въ нѣкоторыхъ заграничныхъ городахъ» (Прост. въ город., стр. 77) является общею фразою, въ духѣ ссылки на «всю французскую статистику». Мы лично не нашли въ иностранной литературѣ, бывшей въ нашемъ распоряженіи, рѣшительно никакихъ свѣдѣній объ успѣшномъ примѣненіи осмотра мужчинъ въ притонахъ.

долги и уговоры содержательницъ домовъ, преслѣдованія полиціи за неимѣніе санитарнаго листка и отсутствіе пріюта нерѣдко заставляютъ дѣвушку, противъ всякаго ея желанія, обливаясь слезами, подавать просьбу о добровольномъ якобы ея согласіи на зачисленіе въ списки поднадзорныхъ проститутокъ. Въ дѣйствительности, занесеніе женщины въ списокъ проститутокъ есть осужденіе ея въ нравственномъ отношеніи, сопряженное съ извѣстнымъ ограниченіемъ ея личныхъ правъ. Поэтому, при современномъ строѣ общества, признаніе порочности женщины и соединеннаго съ этимъ ограниченія личной свободы должно быть совершаемо не иначе, какъ путемъ суда» (Журналъ мед. совѣта отъ 24 марта 1898 г. за № 151)[1].

Значеніе судебной гарантіи въ такомъ дѣлѣ, какъ зачисленіе женщины въ классъ отверженныхъ, какъ ея подчиненіе исключительнымъ мѣрамъ надзора, очевидно; пусть только судъ, на который соглашаются регламентисты, будетъ настоящимъ судомъ,—органомъ, вполнѣ удовлетворяющимъ кореннымъ требованіямъ уголовно-процессуальной политики. Пусть, другими словами, идеологи надзора дѣйствительно желаютъ, чтобы личность женщины была ограждена органомъ, независимымъ отъ администраціи, доступомъ защиты, производствомъ, по желанію женщины и въ предѣлахъ благопристойности, гласнымъ, институтомъ съ болѣе или менѣе широкимъ участіемъ, въ отправленіи судейской функціи, представителей общества!

Спрашивается, однако, на основаніи какихъ доказательствъ этотъ судъ будетъ признавать женщину проституткою? Вещественное доказательство, излюбленное въ современной практикѣ,—отсутствіе у подозрѣваемой неповрежденной дѣвственной плевы, не удовлетворитъ такого суда. Едва ли онъ положится также и на показанія однихъ полицейскихъ агентовъ.

---

[1]) Томскій профессоръ Е. Образцовъ заявляетъ во «Врачѣ»: „..едва ли можно (? Ред.) очень опасаться, что полицейскіе агенты будутъ злоупотреблять своею ролью: ихъ дѣятельность, вѣдь, подготовительная: зачисленіе же проститутки изъ тайной въ явную, въ спорныхъ случаяхъ, производится на основаніи общеустановленнаго судебнаго (? Ред.) порядка» (№ 40 за 1896 г., стр. 1134). Мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ редакцію въ томъ, что она, по крайней мѣрѣ, своими вопросительными знаками, ограждаетъ читателя отъ досадныхъ заблужденій почтеннаго ученаго, пишущаго спеціальную статью о врачебно-полицейскомъ надзорѣ!

Защита не замедлитъ настоять на томъ, чтобы обвиненіе открыло имена кліентовъ подозрѣваемой въ проституціи женщины, и требовать вызова послѣднихъ на судъ въ качествѣ свидѣтелей. Униженіе женщины будетъ, въ то же время, позоромъ и мужчины,—къ чему обманывать и себя, и другихъ,—на этотъ позоръ не согласится современное общество!

Путь въ высшей степени тернистый, говорилъ проф. Brouardel при обсужденіи вопроса о проституціи въ парижской медицинской академіи,—замѣна (въ области нравовъ) административныхъ мѣръ, легко поддающихся извѣстному вліянію, мѣрами судебнаго порядка.. Чтобы освѣтить деликтъ проституціи, каковъ бы онъ ни былъ, у суда будетъ въ распоряженіи единственное свидѣтельство,—показаніе агента, задержавшаго дѣвицу, ибо нельзя разсчитывать на содѣйствіе трибуналу со стороны лица, къ которому были обращены развратныя предложенія. Удовлетворится ли, однако, этимъ однимъ показаніемъ судья, когда каждый обвинительный приговоръ требуетъ огромнаго запаса фактовъ, доказательствъ, свидѣтелей? Къ тому же, агентъ, который дастъ подобное показаніе, станетъ на виду у всѣхъ проститутокъ, и онѣ не преминутъ сдѣлать его негоднымъ для дальнѣйшей розыскной дѣятельности.

Судъ не согласится, внося женщину въ списки проститутокъ, тѣмъ самымъ обязать ее всю жизнь заниматься позорною профессіей. Такое осужденіе, даже и временное, будетъ безнравственнымъ, и судьи никогда къ нему не прибѣгнутъ.

Тѣмъ болѣе не найдется судебнаго мѣста, которое согласится наказать женщину заключеніемъ по причинѣ болѣзни; и во всякомъ случаѣ, одинъ трибуналъ не въ силахъ разрѣшить, послѣ долгихъ мѣсяцевъ слѣдствія, болѣе двухсотъ дѣлъ въ годъ, такъ что въ результатѣ окажется полное отсутствіе всякой репрессіи въ области проституціи» (Bull. de l'Acad. de méd., 3 série, t. XIX, p. 190 et 191, 202, 253—255). Ср. Граціановъ, В. О. Г., ноябрь 1895 г., отд. 2, стр. 164.

Выражая сочувствіе требованію подчиненія женщины исключительнымъ мѣрамъ надзора не иначе, какъ по суду, медицинскій совѣтъ открываетъ въ высшей степени простой выходъ изъ затруднительнаго положенія. „Въ составъ Врачебно-Полицейскаго Комитета должно быть включено лицо судебнаго вѣдомства. Зачисленіе женщинъ въ число проститутокъ, какъ добровольное, такъ и подневольное, должно быть совершаемо не иначе, какъ по особому постановленію Комитета“ (Журналъ мед. совѣта отъ 24 марта 1898 г.). Не смѣя подозрѣвать почтенное учрежденіе въ незнакомствѣ съ эле-

ментарными юридическими понятіями, мы вынуждены оцѣнить подобную замѣну со стороны медицинскаго совѣта судебнаго вмѣшательства административнымъ мѣстомъ съ участіемъ лица судебнаго вѣдомства, какъ неудачно прикрытый сознательный отказъ отъ признанныхъ въ принципѣ необходимыми судебныхъ гарантій въ дѣлѣ зачисленія въ проститутки!

Рядомъ съ противорѣчіемъ принципіальныхъ требованій и практическихъ заключеній медицинскаго совѣта умѣстно поставить прямое, откровенное пожеланіе гапсальскаго врача— обязать врачей, вопреки врачебной тайнѣ, сообщать конфиденціально полиціи о лицахъ, занимающихся тайною проституціею, о которыхъ они узнаютъ отъ самихъ больныхъ или отъ лицъ заразившихся. При этомъ, необходимо избавить врачей отъ фигурированія въ камерахъ мировыхъ судей въ качествѣ свидѣтелей, въ случаяхъ привлеченія проститутокъ по ст. 44; отъ этого избавить и тѣхъ лицъ, которыя выдадутъ проститутокъ, заразившись отъ нихъ. „Быть по такому дѣлу свидѣтелемъ врядъ ли пріятно для врачей и жертвъ зараженія!“ (Матеріалы, предст. къ съѣзду 1897 г. по Эстляндской губерніи).

При такихъ обстоятельствахъ, гораздо болѣе, чѣмъ система судебныхъ гарантій, имѣетъ за себя выдвигаемое регламентистами требованіе объ усиленіи власти врачебно-полицейскихъ комитетовъ.

Проектъ г. московскаго оберъ-полицеймейстера требуетъ предоставленія комитету, помимо правомочія „причислять къ проституткамъ женщинъ, промышляющихъ развратомъ, помимо воли причисляемой“, права подвергать ихъ „по распоряженію Предсѣдателя Комитета, административнымъ порядкомъ денежному штрафу въ размѣрѣ до 300 р. съ замѣною, въ случаѣ несостоятельности, арестомъ до 2 мѣсяцевъ“ [1]). Медицинскій

---

[1]) Ковенскій городовой врачъ предлагаетъ установить за неявку поднадзорныхъ женщинъ къ освидѣтельствованію наказаніе краткосрочнымъ арестомъ при съѣзжей, для устраненія формальностей переписки, составленія протоколовъ и потери времени (sic!) «властью самого начальника полиціи».

Эти пожеланія даютъ себя знать въ Россіи не въ первый разъ. Еще 15 мая 1869 г., по представленію генералъ-адъютанта Трепова, была образована въ Петербургѣ особая комиссія для обсужденія предположеній о пре-

совѣтъ энергически протестуетъ противъ такого порядка: „единоличной власти Оберъ-Полицеймейстера, безконтрольно и безапелляціонно, предоставляется признавать свободную женщину проституткою и затѣмъ подвергать ее, при нарушеніи обязательныхъ для нея правилъ санитарнаго надзора, двухмѣсячному аресту, при чемъ дѣйствительнымъ основаніемъ для примѣненія власти Оберъ-Полицеймейстера будетъ служить единственно просьба, поданная женщиною и написанная ею большею частью подъ давленіемъ нужды, уговора сводни, или притѣсненія низшаго полицейскаго агента". Однако, включеніе чина судебнаго вѣдомства въ составъ врачебно-полицейскаго комитета устраняетъ всякія сомнѣнія,—и медицинскій совѣтъ удовлетворяется требованіемъ о томъ, чтобы всѣ налагаемыя на проститутокъ взысканія были опредѣляемы присутствіемъ комитета! (Журн. мед. совѣта отъ 24 марта 1898 г.). Въ результатѣ, не взирая на свои благородные порывы къ законности, почтенное учрежденіе министерства внутреннихъ дѣлъ остается въ сущности на уровнѣ desiderata того самаго проекта, который оно не затрудняется назвать „вполнѣ реакціоннымъ".

Еще болѣе, чѣмъ г. московскій оберъ-полицеймейстеръ, въ стремленіи усилить власть правительственныхъ органовъ по надзору за проституціей, идетъ чиновникъ особыхъ порученій при варшавскомъ оберъ-полицеймейстерѣ г. Тимофеевъ. По его заявленію, представленному въ особой „Запискѣ" въ медицинскій департаментъ къ съѣзду 1897 г., въ виду „присущаго почти каждой проституткѣ свойства не подчиняться законному порядку" и пр. слѣдовало бы установить слѣдующія „карательныя мѣры" для проститутокъ, пребывающихъ въ лечебницѣ: замѣчанія, строгую діэту, заключеніе въ карцеръ,— въ смыслѣ особо устроенной, согласно съ требованіями гигіены, и удобной для леченія одиночной комнаты, и въ случаѣ особаго неповиновенія, съ нарушеніемъ общественнаго по-

---

доставленія врачебно-полицейскимъ комитетамъ права налагать наказанія на публичныхъ женщинъ и содержательницъ домовъ терпимости и разбирать нѣкоторыя гражданскія дѣла, возникающія въ средѣ проститутокъ. Комиссія высказалась по поводу предположеній г. Трепова положительно; тѣмъ не менѣе его desiderata не получили надлежащей санкціи (Арх. Суд. Мед., кн. 1 за 1870 г. (мартъ), общ. гиг., стр. 95).

рядка въ больницѣ, предоставить право губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ налагать на виновныхъ послѣ выписки изъ больницы и выздоровленія, взысканія въ административномъ порядкѣ. Комиссія по борьбѣ съ сифилисомъ въ г. Варшавѣ журналомъ отъ 4 января 1896 г. признала, вопреки мнѣнію д-ра Эльзенберга, принятіе подобныхъ мѣръ „настоятельною необходимостью". Крайняго предѣла въ указанномъ направленіи достигаютъ ревельскіе врачи: какъ видно изъ докладовъ, представленныхъ къ съѣзду 1897 г., они доходятъ до пожеланія лечить „непослушныхъ проститутокъ" въ арестныхъ помѣщеніяхъ при полиціи!

Мы не будемъ, далѣе, останавливаться на такихъ частичныхъ desiderata регламентистовъ, какъ требованіе остригать, черезъ полицейскихъ агентовъ, волосы въ паху не только у больныхъ проститутокъ, но, въ подозрительныхъ случаяхъ, и у женщинъ, обращающихся къ амбулаторной помощи; или какъ требованіе „клеймить у проститутокъ видъ на жительство краснымъ клеймомъ съ надписью „puella publica", и пр., и пр. (см. ревельскіе и подольскіе отчеты къ съѣзду 1897 г.). Естественное стремленіе регламентистовъ укрѣпить, упрочить врачебно-полицейскій надзоръ за проституціею ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ конечнымъ звеномъ ихъ стремленій,—съ ихъ идеаломъ заключенія проститутокъ въ поднадзорные притоны.

„Разсортировка проститутокъ, живущихъ на квартирахъ, въ публичные дома", была предложена въ Россіи д-ромъ Граціанскимъ еще въ 1871 г. (О степени, стр. 54). Ставропольское медицинское общество повторяетъ это пожеланіе въ 1895 г: всѣ проститутки должны находиться въ домахъ терпимости,— одиночной проституціи существовать не должно (Протоколъ отъ 9 декабря; ср. матеріалы съѣзда 1897 г.). Вопреки принципіальному осужденію притоновъ всероссійскимъ съѣздомъ 1897 г., комиссія медицинскаго департамента 1899 г. приходитъ къ заключенію, что „дома терпимости въ санитарномъ отношеніи и въ интересахъ успѣшности надзора заслуживаютъ предпочтенія передъ одиночною проституціею" (п. 13, Сводъ постановленій, стр. 52) [1]) [2]).

---

[1]) По мнѣнію проф. Тарновскаго: «Дома терпимости въ санитарномъ отношеніи и въ интересахъ успѣшнаго надзора заслуживаютъ предпочтенія

Однако, поднадзорные публичные дома вымираютъ: въ Петербургѣ, за періодъ съ 1879 по 1893 г., ихъ число понизилось отъ 206 до 75; въ Москвѣ, за одно десятилѣтіе съ 1889 по 1893 г., число домовъ терпимости упало отъ 111 до 68; въ Одессѣ въ 1868 г. было 76 поднадзорныхъ притоновъ, а въ 1893 г. ихъ осталось всего только 16; и т. д. (В. О. Г., май 1890 г., стр. 54; Прост. въ город., стр. 83 и 29; Отчеты о дѣят. моск. гор. управы, отд. подъ лит. и за соотв. годы).

Искусственное поддержаніе домовъ терпимости составляетъ дальнѣйшую заботу регламентистовъ. Чтобы у общества возросло довѣріе къ поднадзорнымъ вертепамъ, проф. Тарновскій рекомендуетъ оказывать содѣйствіе устройству образцовыхъ публичныхъ домовъ (съ осмотромъ мужчинъ и безъ кондиломатозныхъ сифилитокъ): такіе дома слѣдуетъ освобождать отъ патентнаго сбора (В.-Мед. Ж., февр. 1881 г., стр.

передъ одиночною проституціею лишь подъ условіемъ осмотра мужчинъ, посѣщающихъ эти дома» (тамъ же, стр. 57).

[2]) Во Франціи идеалъ казернированія проститутокъ въ притоны нашелъ въ послѣднее время споспѣшника въ лицѣ почтеннаго сенатора Беранже. Въ законопроектѣ, внесенномъ въ сенатъ 23 ноября 1894 г., онъ требуетъ установленія уголовной отвѣтственности за вызовы къ разврату (racolage) на публичной дорогѣ и въ публичныхъ мѣстахъ, а также репрессивныхъ мѣръ противъ хозяевъ отелей, меблированныхъ комнатъ, кофеенъ, трактировъ и разныхъ питейныхъ заведеній, за предоставленіе проституткамъ способовъ отправлять позорный промыселъ. Мотивируя свой проектъ соображеніями высокой нравственности и даже соціальныхъ интересовъ (огражденіе работницъ отъ развращающаго зрѣлища), г. Беранже настаиваетъ на полномъ изгнаніи проституціи съ улицы, изъ garnies, изъ трактировъ, и пр., и пр. Онъ обходитъ совершеннымъ молчаніемъ одни только поднадзорные дома терпимости, тѣмъ самымъ широко раскрывая ихъ двери гонимой проституціи... Противъ предложенія Беранже выступили съ протестомъ и г. Trarieux, министръ юстиціи, и даже самъ префектъ полиціи г. Lépine: послѣдній рѣшительно отказался отъ загона въ дома терпимости 10—15 тысячъ дѣвицъ, промышляющихъ развратомъ въ парижскихъ отеляхъ; «для этой цѣли понадобилось бы создать 2000 публичныхъ притоновъ на Парижъ,—и несмотря на всяческія поощренія со стороны правительства, я признаю себя совершенно не въ силахъ достить этого результата». Не оцѣнивъ нравственныхъ и соціальныхъ стремленій Беранже, сенатъ, большинствомъ 141 голоса противъ 90, отвергъ предложенный имъ артикль уголовной отвѣтственности за вызовы къ разврату (Journ. off., 1894, Sénat, Doc., p. 123, 126; Déb., p. 552 et 553, 560, 570).

92). Представленное съѣзду 1897 г. пожеланіе ковенскаго городового врача состоитъ въ томъ, чтобы со стороны полицейскихъ властей принимались возможныя мѣры къ увеличенію числа домовъ терпимости, путемъ облегченія всѣхъ условій ихъ открытія. Въ видахъ процвѣтанія публичныхъ домовъ, варшавскій врачъ предлагаетъ съѣзду разрѣшить посѣтителямъ домовъ терпимости носить маски (Прост. въ город., стр. 82). Комитетъ врачей Маріупольскаго уѣзда (Сувалкской губ.), особая комиссія ревельскихъ врачей и др. настаиваютъ на устройствѣ спеціальныхъ полковыхъ домовъ терпимости. Ревельская комиссія указываетъ при этомъ, что подобная мысль была приведена въ исполненіе генераломъ Скобелевымъ во время Ахалъ-Текинской экспедиціи. „Цѣлесообразность предложенія, какъ видно изъ приложеннаго къ матеріаламъ съѣзда протокола комиссіи отъ 23 января 1893 г., никѣмъ не оспаривалась". Поднимался вопросъ, не отведетъ ли администрація или городское управленіе для устройства солдатскихъ домовъ терпимости безвозмездно какое-либо помѣщеніе. Предлагается, при этомъ, удешевить расходъ солдатъ на половыя отправленія и даже предоставить нижнимъ чинамъ даровое пользованіе проститутками (выдавать два раза въ мѣсяцъ безплатные билеты на посѣщеніе притона!); вмѣстѣ съ тѣмъ, организовать все дѣло такъ, чтобы молодые солдаты не стѣснялись присутствіемъ старшихъ, товарищей и проч. (д-ръ Крузенштернъ). Путь къ образованію персонала солдатскихъ домовъ терпимости былъ намѣченъ еще въ 1881 г. почтеннымъ профессоромъ Тарновскимъ: кромѣ гуммозныхъ сифилитокъ, „подобрать проститутокъ молодыхъ, изъ деревень прибывающихъ солдатскихъ женъ, вдовъ и т. п., еще не зараженныхъ сифилисомъ".. (В.-Мед. Ж., тамъ же, стр. 90).

Оффиціальная вербовка женщинъ, гонимыхъ нуждою изъ деревень, въ правительственные притоны проституціи,—едва ли нужны еще другія desiderata, чтобы воочію убѣдиться въ крѣпостническихъ идеалахъ регламентистовъ!

Задача-доставить половымъ потребностямъ мужчинъ, и въ частности солдатъ и иныхъ категорій лицъ, вынужденныхъ современнымъ политико-экономическимъ строемъ вести холостую жизнь, здоровый выходъ въ проституціи не разрѣшается сколько-нибудь удовлетворительно современною организаціей исключительныхъ мѣръ врачебно-полицейскаго надзора. Част-

ная предпріимчивость, къ какимъ бы низменнымъ средствамъ она ни прибѣгала въ добываніи „живого товара“, не въ состояніи поддержать такого дѣятельнаго обмѣна въ личномъ составѣ поднадзорнаго притона, при которомъ персоналъ послѣдняго обезпечилъ бы, наконецъ, посѣтителямъ безвредные, съ точки зрѣнія венерическихъ болѣзней, половыя сношенія. Сифилисъ не ослабѣваетъ въ поднадзорныхъ притонахъ, хотя, какъ сообщаетъ въ органѣ медицинскаго департамента д-ръ А. Вислоухъ, содержательницы, съ вѣдома и согласія агентовъ врачебно-полицейскаго надзора, разъ—два въ мѣсяцъ спеціально озабочиваются пріобрѣтеніемъ свѣжихъ дѣвушекъ (Дома терпимости, В. О. Г., августъ 1900 г., стр. 1164). Притонъ съ гуммозными сифилитками, пусть онъ и гарантируетъ безопасность сношеній, едва ли удовлетворитъ даже и слишкомъ мало взыскательнымъ вкусамъ потребителей проституціи. Въ доставленіи мужчинамъ доступныхъ запасовъ молодыхъ здоровыхъ женщинъ остается положиться на непосредственное участіе въ обустройствѣ и эксплоатаціи притоновъ самого государства. Государственный домъ терпимости, съ заключеніемъ въ оный, „добровольно“ или ex officio, обезсиленныхъ въ круговоротѣ экономической борьбы элементовъ женскаго населенія, является конечнымъ логическимъ выводомъ регламентистской системы! [1]) [2])

---

[1]) Какъ на опытъ ближайшаго государственнаго вмѣшательства въ дѣло половой эксплоатаціи женщины, поучительно указать на результаты мѣръ, принятыхъ въ восьмидесятыхъ годахъ англійскимъ правительствомъ въ Индіи. По военному управленію было циркулярно предписано объ устройствѣ публичныхъ домовъ, обставленныхъ съ надлежащимъ комфортомъ, и о снабженіи арміи достаточнымъ числомъ «привлекательныхъ» женщинъ, которыя подвергались бы ежедневнымъ освидѣтельствованіямъ («Позорный циркуляръ»—Circular Memorandum № 21, отъ 17 іюня 1886 г., особ. § 9). Какъ, однако, ни приближались эти мѣры къ идеалу регламентистовъ, венерическія заболѣванія среди солдатъ продолжали учащаться: поднявшись, при непрерывномъ примѣненіи врачебно-полицейской системы, въ періодъ съ 1872 по 1883 г., со 191 до 271‰, они въ слѣдующее пятилѣтіе, когда военныя власти приняли на себя ближайшимъ образомъ дѣло поставки по

Признанный въ современной организаціи неудовлетворительнымъ самими регламентистами и ведущій въ конечномъ

арміи женщинъ, умножились до 372‰ (Stuart, Les actes, p. 5). Поучительно, что при этомъ, какъ видно изъ госпитальныхъ отчетовъ четырнадцати англійскихъ военныхъ станцій въ Индіи за 1886 г., усиленіе въ той или другой мѣстности венерическихъ заболѣваній среди солдатъ стоитъ большею частью въ прямой связи съ числомъ поднадзорныхъ проститутокъ, о достаточномъ персоналѣ коихъ имѣетъ особую заботу военное начальство.

На 1000 солдатъ. Названіе станцій.	Число поднадзорныхъ проститутокъ.	Число венерическихъ заболѣваній.
Ranikhet	47	196
Lucknow	59	267
Jhansi	71	179
Muttra	72	170
Fyzabad	89	262
Bénarès	103	262
Agra	112	265
Naina Tal	125	397
Sitapour	128	389
Roorkee	151	335
Shahjahaupur	169	487
Faschgarh	217	457
Bareilly	244	424
Moradabad	312	757

(Nevins, R. de M. Pr. № 16 et 17, p. 157 et 158; ср. Окороковъ, Прот. моск. вен. общ., т. 3, стр. 58,—погрѣшн. въ цифрахъ).

развитіи къ такимъ ужасающимъ выводамъ, какъ превращеніе проституціи въ классовую повинность и притона разврата въ

Между тѣмъ какъ, такимъ образомъ, число зарегистрованныхъ женщинъ, приходящихся на каждую тысячу солдатъ, поднимается въ этихъ станціяхъ отъ 47 до 312, увеличивается съ колебаніями и ‰ венерическихъ заболѣваній гарнизона отъ 196 до 757!

Указаніе на то, какою цѣною приближалась индійская регламентація къ своему идеалу, даетъ въ Medical Press and Circular, іюнь 1878 г., сержантъ-майоръ William Curran, самъ сторонникъ полиціи нравовъ: въ виду явнаго расположенія поднадзорныхъ проститутокъ къ самоубійству оказалось необходимымъ прикрыть колодцы запирающимися рѣшетками и уничтожить выгребныя ямы. Въ 1888 г. число женщинъ, ускользнувшихъ путемъ бѣгства или благодаря смерти изъ подъ гостепріимнаго крова комфортабельныхъ притоновъ военнаго вѣдомства достигаетъ 42, 4% общаго числа поднадзорныхъ проститутокъ! (Nevins, What steps, p. 67—72; R. de M. Pr., ib., p. 154—157; ср. Окороковъ, тамъ же, стр. 55—57).

Попутно нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ регламентаціи въ Индіи.

Негодованіе, возбужденное огласкою индійскихъ циркуляровъ въ Англіи, доходитъ до парламента, и въ 1888 г. регламентація въ Индіи оффиціально отмѣняется. Однако, мѣстное правительство, предписавъ изгонять изъ лагерей женщинъ, не подчиняющихся добровольно врачебно-полицейскимъ требованіямъ, нашло способъ фактически сохранить исключительный режимъ надзора: число венерическихъ заболѣваній продолжаетъ расти, достигая въ 1894 г. 514‰. Освѣдомленное о такомъ положеніи вещей американскими миссіонерками въ Индіи, общественное мнѣніе въ Англіи заставляетъ военнаго министра разъяснить индійскимъ властямъ, что, въ видахъ разрѣшенія проституціи въ лагеряхъ, подъ санкціей Cantonment act, не должно быть допускаемо никакого обязательнаго и періодическаго осмотра женщинъ. Въ сообщеніи брюссельской конференціи бенгальскій судья Cunningham сѣтуетъ на то, что этотъ результатъ вызвалъ повышеніе заболѣваемости въ индійской арміи: на самомъ дѣлѣ, какъ видно по оффиціальнымъ даннымъ, примѣненіе аболиціонистскаго распоряженія 1895 г. въ теченіе цѣлаго 1896 г. сопровождалось пониженіемъ заболѣваній за этотъ послѣдній годъ до 497‰. Въ 1897 г. индійское правительство, съ согласія новаго военнаго министра, замѣняетъ актъ 1895 г. новыми правилами объ освидѣтельствованіи и леченіи проститутокъ; проф. James Stuart своевременной интерпелляціей лорда Гамильтона въ палатѣ общинъ спѣшитъ раскрыть дѣйствительныя намѣренія индійскихъ властей пробить нѣкоторыми пунктами этихъ правилъ путь къ старому порядку. Если, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые обломки регламентаціи и продолжаютъ переживать въ

государственное учрежденіе, исключительный режимъ врачебно-полицейскаго надзора долженъ быть упраздненъ! Съ разоблаченіемъ несостоятельности и лжи санитарной идеологіи регламентистовъ, онъ долженъ пасть, какъ опасная преграда къ раціональной постановкѣ насущнаго дѣла борьбы съ венерическими болѣзнями. Устраненія полиціи нравовъ, какъ института, стоящаго въ противорѣчіи съ законами Россіи, въ ихъ лучшемъ проявленіи, требуетъ правовое чувство русскаго гражданина. Въ удовлетвореніе нравственныхъ запросовъ общества, его соціальныхъ стремленій, чудовищная, безчеловѣчная форма закрѣпощенія,—прикрѣпленіе женщины къ проституціи, должна быть разрушена! Съ упраздненіемъ полиціи нравовъ падетъ и то зловѣщее препятствіе, которое съ самаго начала обезсиливаетъ попытки борьбы и со сводничествомъ, и съ торговлею дѣвушками, и вообще со злоупотребленіями нуждою женщины въ цѣляхъ разврата.

Индіи, позднѣйшее пониженіе венерическихъ заболѣваній среди солдатъ до 298‰ въ 1900 г. остается обязаннымъ, какъ видно изъ объясненій оффиціальныхъ отчетовъ, главнымъ образомъ, общимъ моральнымъ и гигіеническимъ мѣрамъ, принятымъ относительно арміи, и *добровольному* обращенію проститутокъ въ лагерные госпитали (Bull. cont. 1897, p. 37—41; Congrès de Londres 1898, ibid. 1898 p. 75—86; Stuart, ibid, p. 72, 96, 106—108; 1899 p. 6 et 7, 12—14; Army med. dep. reports 1897—1900; особ. 1898 p. 213 sq.; Communications, t. 1, p. 185—192; ср. p. 138—141; t. 2, p. 69 et 70).

*) Въ послѣднее время подробный проектъ государственныхъ борделей разработанъ берлинскимъ д-ромъ мед. C. Hülsmeyer'омъ: почтенный врачъ ограничиваетъ возрастъ государственныхъ проститутокъ—16 годами; число посѣтителей на каждую дѣвицу—6 лицами; требуетъ размѣщенія борделей въ доступныхъ мѣстахъ города; разрѣшаетъ продажу въ борделяхъ кушаній и напитковъ; и настаиваетъ на умѣренной платѣ за посѣщенія, въ соотвѣтствіи съ духовными и физическими качествами проститутокъ (Staatsbordelle, S. 83—95). Ср. «О мѣрахъ къ предотвращенію проституціи», Отечеств. Записки, № 7 за 1869 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Статистическія таблицы.

ТАБЛИЦА 1.

Англійская внутренняя армія.

(‰ количества поступленій въ госпитали къ численности гарнизоновъ).

Годъ.	Всѣ станціи внутр. арміи (all home stations).				Станціи подъ актами [1]).			14 своб. станцій, офф. выбр. для сравненія [1]).			Прочія своб. станціи.	
	Prim. ven. sores.	Втор. сиф.	Гонорея.	Гон. съ осложненіями.	Prim. ven. sores.	Втор. сиф.	Гонорея.	Prim. ven. sores.	Втор. сиф.	Гонорея.	Prim ven. sores.	Втор. сиф.
1860	140	36	133	186,2	146	37	139	134	28	139	129	40
1861	133	36	126	184,9	142	40	139	120	32	118	114	24
1862	110	36	130	184,0	117	41	139	100	34	138	94	19
1863	107	38	116	152,8	107	40	120	107	40	120	94	27
1864	101	37	110	152,2	102	40	118	111	36	110	67	28
1865	96	31	114	155,3	95	31	115	101	30	140	76	33
1866	86	28	107	144,9	87	28	116	79	25	114	59	27
1867	95	30	125	166,2	91	31	132	115	26	130	77	30
1868	88	33	124	160,9	83	30	133	109	36	115	76	34
1869	83	28	107	115,8	66	25	106	128	35	105	78	24
1870	71	26	96	103,6	55	23	98	113	31	96	70	24
1871	63	21	110	116,8	51	17	116	93	29	107	67	24
1872	70	24	101	107,7	54	20	104	123	34	106	59	23
1873	64	23	84	89,0	50	20	82	102	31	95	61	22
1874	53	24	64	68,4	42	22	62	88	34	77	45	20
1875	46	29	60	64,8	35	24	58	79	41	72	39	26
1876	46	27	68	73,0	33	23	68	82	39	89	44	24
1877	49	24	75	80,6	35	20	68	91	36	117	46	21
1878	61	27	74	87,6	40	21	78	131	42	121	51	24
1879	63	29	102	87,1	47	26	69	108	38	95	58	25

1880	96	30	106	119,6	74	30	100	167	37	128	80	25
1881	101	30	102	113,4	74	26	97	181	40	122	83	28
1882	102	28	106	116,2	78	22	100	179	37	135	82	28
1883	116	28	105	115,0	110	25	99	188	44	134	75	22
1884	125	30	105	115,4	138	25	101	160	49	136	82	23
1885	127,4	26,8		121,2	137			*181*				
1886	118,8	33,5		114,8	134			*154*				
1887	107,3	42,6		103,0	126			*132*				
1888	93,1	40,3		91,1	99			*122*				
1889	83,5	35,7		92,9	90			*113*				
1890	85,7	37,3		89,4	101			*106*				
1891	77,1	35,2		85,1	87			*89*				
1892	79,1	33,8		88,3	85			*105*				
1893	74,5	31,8		88,3	78			*102*				
1894	68,5	34,8		79,1	75			*83*				
1895	63,3	34,9		75,6	71			*78*				
1896	57,2	32,3		68,8	*65*			*66*				
1897	45,5	30,2		64,0	*50*			*63*				
1898	42,0	26,6		64,1	*47*			*61*				
1899	37,9	24,6		59,9								
1900	26,0	14,6		52,6								

(По оффиц. даннымъ военнаго министерства, Returns палатѣ общинъ отъ 8 мая 1873 г., 17 мая 1878 г., 30 апр. и 16 іюля 1885 г., 21 іюня 1888 г., 10 мая и 19 іюня 1889 г., 11 декабря 1893 г., 23 апрѣля 1896 г., 18 февр. и 2 апр. 1897 г.; Report fr. the Select Committee 1866, app., p. 88 и 89: 1879, app., p. 155—161; 1880, app., p. 47—68; 1881, app., p. 445—455, p. 458, 459, 462, 475; Report of the Royal commission 1871, vol. II app., p. 811—814; Army med. dep. reports f. the 1860—1900; курсивомъ данныя, непосредственно полученныя авторомъ въ war office благодаря любезности д-ра Macpherson).

[1]) Не введены за періодъ 1860—1866 г. (для вторичнаго сифилиса до 1868 г. включ.) цифры Лондона и Виндзора (Report fr. the Select committee 1879, p. 157). Если эти цифры, показанныя въ отчетахъ только совмѣстно для обоихъ городовъ, включить въ итогъ 14 свободныхъ станцій, то отношенія первичныхъ шанкровъ поднимаются, съ 1861 по 1866 г., до 126, 107, 118, 123, 111 и 98 ‰ (отношенія втор. сифилиса почти не измѣняются).

ТАБЛИЦА 2.

14 свободныхъ станцій англійской внутренней арміи, оффиціально выбранныхъ для сравненія.

Шесть крупныхъ центровъ, введенныхъ въ ихъ число (Лондонъ [1]), Дублинъ, Манчестеръ, Шеффильдъ, Бельфастъ и Престонъ).						Прочія восемь станцій (Jsle of Wight, Warley, Hounslow, Pembroke Dock, Edinburgh, Fermoy, Limerick, Athlone).				
Годъ.	Численность гарнизоновъ	Число.		‰		Численность войскъ.	Число.		‰	
		Prim. ven. sores.	Втор. сифил.	Pr ven sores.	Втор. сиф.		Pr. ven. sores.	Втор. сиф.	Pr. ven. sores.	Втор. сиф.
1860	8856	1463	308	165	34	8262	829	172	100	20
1861	8718	1271	314	145	36	8408	778	219	92	26
1862	7619	934	289	122	37	7407	566	228	76	30
1863	7627	977	399	128	52	7505	635	215	84	28
1864	7780	1127	318	144	40	7114	520	228	73	32
1865	8014	1114	305	139	38	6077	443	119	72	19
1866	7837	873	251	111	32	6758	281	135	41	20
1867	13155	1860	298	141	33	7434	512	141	69	19
1868	12596	1649	339	131	41	6890	481	186	69	27
1869	11327	1782	469	157	41	6412	491	153	76	23
1870	10607	1514	377	142	35	6245	508	178	81	28

1871	12356	1482	404	119	32	7601	383	188	50	24
1872	12715	2058	462	161	36	7235	399	222	55	30
1873	12167	1739	443	143	36	7634	286	189	37	24
1874	11268	1358	422	120	37	7611	303	222	39	29
1875	11511	1280	624	111	54	8062	272	193	33	23
1876	11447	1190	548	104	47	7343	364	197	49	26
1877	11809	1396	514	118	43	7267	334	179	46	24
1878	13241	2297	631	173	47	7508	426	242	56	32
1879	11717	1660	539	141	46	6341	283	152	44	24
1880	11925	2550	526	214	44	6129	460	142	74	23
1881	12575	2887	601	229	47	7068	672	203	95	28
1882	12407	2894	557	233	44	7042	587	182	83	25
1883	11729	2845	662	242	56	6545	596	148	91	22
1884	11672	2443	737	209	63	6963	537	179	77	25

(Всѣ цифры настоящей таблицы вычислены лично авторомъ на основаніи оффиціальныхъ данныхъ для отдѣльныхъ городовъ,—см. источники предыдущей таблицы).

---

[1]) Не введены цифры Лондона за періодъ 1860—1866 г. (для вторичнаго сифилиса до 1868 г. включ.; численность гарнизоновъ крупныхъ центровъ безъ Лондона за 1867 и 1868 гг.—8775 и 8243).

ТАБЛИЦА 3.

Итальянская армія.

Годъ.	Средняя численность войскъ.	Число поступл. венер. больн.			‰ пост. вен. больн.		
		Въ одни военные госпитали и спеціальныя больницы.		Во всѣ мѣста леченія (включая гражд. госп. и полковыя больницы).	Въ одни военные госпитали и спеціальныя больницы.		Во всѣ мѣста леченія.
			Въ томъ числѣ сифилисъ.			Въ томъ числѣ сифилисъ.	
1867—69	203367	20982			103		147
1870	207000	24263			117		160
1871	189571	16953			89		136
1872	182891	19024			104		152 [1]
1873	191684	16951			89		135
1874	193663	14109			73		119
1875	200574	13315			66		111
1876	190376	11219		21633	59		114
1877	196192	11220		19998	57		102
1878	195172	13053		20851	67		107
1879	201556	14414	*1461*	23209	72	*7,5*	115
1880	193075	13540	*1415*	22909	70	*7,3*	119
1881	191366	14147	*1687*	23708	74	*8,8*	124
1882	189506	12350	*1620*	20760	65	*8,5*	110
1883	192881	11406	*1646*	19681	59	*8,5*	102
1884	206263	11115	*1709*	19524	54	*8,3*	95

1885	203406	10072	*1471*	17497	50	*7,2*	86
1886	204428	9739	*1336*	16731	48	*6,5*	82
1887	212898	11124	1209	17926	52	5,6	84
1888	209918	10364	1249	16544	49	5,9	79
1889	218917	14117	1886	21633	64	8,6	99 [2]
1890	221384	15656	3032	23123	71	13,6	104
1891	220714	15809	3083	22754	72	13,9	103
1892	213307	14801	3101	21436	69	14,5	100
1893	214439	14057	2691	20712	66	12,5	97
1894	194670	12207	2385	17898	63	12,2	92
1895	202915	12288	2442	17219	61	12,0	85
1896	204382	14205	2708	19783	69	13,2	97
1897	204312	13328	2636	19099	65	12,9	93
1898	234756	15417	3126	22540	65	13,3	96
1899	206508	13046	2635	18643	63	12,7	90

(По оффиц. даннымъ генер. инспекціи обществ. здравія, Malattie infettive, p. 130 e 132; курсивомъ цифры, сообщенныя д-ромъ Panara брюсс. конференціи, Compte rendu, p. 149) [3]).

---

[1]) Отношенія, вычисленныя приблизительно—способомъ, указаннымъ въ текстѣ, выше, стр. 308.

[2]) По прежнему отчету проф. Pagliani—7,95; 10,23 и 11,42 % (Relazione 1891, Rivista d'igiene 1891 p. 451).

[3]) Мы исправили бросающуюся въ глаза ошибку д-ра Panara, представившаго цифры ‰ въ 10 разъ выше дѣйствительнаго отношенія количества больныхъ сифилисомъ къ численности войскъ.

ТАБЛИЦА 4.

ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ

г. Христіаніи и Копенгагена.

Годъ.	Число заявленныхъ случаевъ на 1000 жителей.							
	Г. ХРИСТІАНІЯ.							Г. КОПЕНГАГЕНЪ. Сифилисъ у лицъ обоего пола.
	Гонорея.		Мягкій шанкръ.		Пріобр. сифилисъ.			
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Лица обоего пола.	
1864								3,1
1865								3,6
1866								4,4
1867								4,8
1868								5,9
1869								6,0
1870								4,8
1871								4,3
1872								4,7
1873								4,0
1874								4,2
1875								3,4
1876								3,3
1877							2,78	3,2
1878							2,75	3,2

1879	8,14	1,50	1,71	0,97	1,98	1,44	3,42	4,1
1880	10,11	1,82	2,22	0,83	2,24	1,31	3,55	4,0
1881	10,46	1,63	2,89	0,64	2,48	1,24	3,71	4,1
1882	9,31	1,19	4,74	1,04	2,52	1,54	4,05	4,2
1883	8,86	1,49	2,07	0,39	1,42	0,89	2,30	4,5
1884	8,71	1,10	1,62	0,44	1,34	0,98	2,32	4,9
1885	7,62	1,42	1,34	0,24	1,13	0,94	2,07	6,6
1886	8,17	0,74	2,25	0,49	1,22	0,75	1,97	7,3
1887	6,11	0,78	2,25	0,27	1,29	0,35	1,64	5,9
1888	3,68	0,48	0,51	0,12	0,74	0,79	1,53	4,1
1889	4,08	0,59	0,51	0,06	1,30	0,75	2,05	3,1
1890	4,49	0,40	1,41	0,17	2,18	1,18	3,36	3,0
1891	4,85	0,27	1,15	0,10	1,94	1,09	3,02	3,1
1892	5,16	0,43	0,99	0,04	2,05	1,17	3,22	2,8
1893	6,38	0,58	1,55	0,14	1,66	1,37	3,03	3,2
1894	7,34	0,69	1,61	0,17	2,02	1,10	3,13	3,6
1895	8,10	0,69	2,12	0,19	2,83	1,13	3,96	4,0
1896	7,64	0,77	2,04	0,25	2,59	1,22	3,81	3,9
1867	9,99	0,80	2,20	0,23	2,21	1,15	3,36	4,2
1898					2,70			

(По оффиц. даннымъ, разраб. для Христіаніи начальникомъ санитарнаго управленія д-ромъ Bentzen, Etudes, p. 14 et 15, cp. ib., Getz, p. 47, и для Копенгагена д-ромъ Ehlers, Enquêtes, p. 105).

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Указатель литературы [1]).

E. Albanese, Relazione della ispezione fatta ai sifilicomi ed uffici sanitari di Firenze-Bologna-Venezia-Milano-Genova-Torino e Roma. Roma 1887.

— — — Une inspection des syphilicomes italiens. Revue de Morale Progressive, № 9 (août 1889), p. 137—142.

Sh. Amos, A comparative survey of laws in force for the prohibition, regulation and licencing of the prostitution. London 1877 (франц. перев.: Etude comparative, Congrès de Genève, Matér. Fasc. C).

L. Andrieux, Souvenirs d'un préfet de police, t. I—II. Paris 1885.

Augagneur, Les systèmes de réglementation actuellement en vigueur ont-ils eu une influence sur la fréquence et la dissémination de la Syphilis et des maladies vénériennes? C. B. (Conférence, Bruxelles 1899) Rapports, p. 29—71.

E. Becot, Etat de la législation belge concernant la prostitution. C. B. Enquêtes, p. 769—923.

Fr. J. Behrend, Die Prostitution in Berlin und die gegen sie und die Syphilis zu nehmenden Massregeln. Erlangen 1850.

---

[1]) Предлагаемый списокъ матеріаловъ, использованныхъ при настоящемъ изслѣдованіи, далеко не исчерпываетъ всей и особенно иностранной литературы вопроса. Въ дополненіе см. Blaschko, Hygiene, S. 114—119; Fiaux, Maisons, p. 372—389; Штюрмеръ, Сифилисъ, и др.

Рукописные отчеты и доклады въ настоящій указатель не вошли.

G. E. Bentzen et B. Getz., Etudes sur la répression de la prostitution et la lutte contre les maladies vénériennes en Norvége (Traduction par Ch. Delgobe). Christiania 1899.

H. Bieber-Boehm, Vorschläge zur Bekämpfung der Prostitution (Angenommen vom «Bund deutscher Frauenvereine» als Anlage zu einer Petition an den Reichstag, die Aufhebung der gewerbsmässigen Prostitution betreffend). Berlin 1895.

A. Blaschko, Hygiene der Prostitution und venerischen Krankheiten. Jena 1900 (Weyl's Handbuch der Hygiene, 40. Lieferung).

— — — Les systèmes de réglementation.. C. B. Rapports, p. 73—110.

— — — Prostitution et maladies vénériennes en Allemagne, C. B. Enquêtes, p. 661—712.

— — — Syphilis und Prostitution vom Standpunkte der öffentlichen Gesundheitspflege. Berlin 1893.

— — — Verbreitung der Syphilis in Berlin. Berlin 1892.

L. Bridel, La question des moeurs et l'état. Genève 1896.

J. E. Butler, Eine Stimme in der Wüste, Berlin 1883, и на другихъ языкахъ.

— — — Personal Reminiscences of a Great Crusade. London 1896 (франц. пер.: Souvenirs personnels d'une grande croisade. Paris 1900).

L. Butte, Prostitution et syphilis. Action du dispensaire de salubrité de la ville de Paris pendant les trente dernières années. Etude d'hygiene publique. Paris 1890.

A. Celli, Profilassi sociale della sifilide. Riforma Medica, n° 146, giugno 1891.

O. Commenge, Les maladies vénériennes dans leur rapport avec la prostitution clandestine et la prostitution réglementée. C. B. Communications, t. II, p. 103—143.

— — — La prostitution clandestine à Paris. Paris 1897.

— — — Recherches sur les maladies vénériennes à Paris dans leurs rapports avec la prostitution clandestine et la prostitution réglementaire de 1878 à 1887. Paris 1890.

L. Concetti, Della pretesa influenza dei regolamenti sanitari sulla sifilide ereditaria nei brefotrofi. Roma 1894.

— — — Della sifilide ereditaria nei brefotrofi considerata in rapporto alla nuova legge sulla polizia dei costumi. Rif. Med., n° 259, nov. 1891.

Dalloz, Jurisprudence générale du royaume. Recueil périodique et critique de jurisprudence, de législation et de doctrine (D. P.)

L. Deck, Syphilis et réglementation de la prostitution en Angleterre et aux Indes. Paris 1898.

A. S. Dyer, Der Handel mit englischen Mädchen. Ein Bericht von Thatsachen. Aus dem Englischen. 3 Aufl. Berlin 1881.

Ehlers, Prostitution et maladies vénériennes en Danemark. C. B. Enquêtes, p. 98—124.

L. Fiaux, Les maisons de tolérance, leur fermeture. 3 éd., Paris 1896.

— — L'organisation actuelle de la surveillance médicale de la prostitution est-elle susceptible d'amélioration? C. B. Rapports, p. 1—121.

— — La police des moeurs en France et dans les principaux pays de l'Europe. Paris 1888.

— — La prostitution «cloitrée». Les maisons de femmes autorisées par la Police, devant la Médecine publique. Etude de biologie sociale. Bruxelles 1902.

— — La prostitution réglementée et les pouvoirs publics dans les principaux Etats des Deux Mondes. Paris 1902.

— — Rapport, au nom de la Commission spéciale de la Police des moeurs. Conseil municipal de Paris 1883 (Annexe au procès-verbal de la séance du 16 avril 1883).

A. Fournier. De la contagion syphilitique. Paris 1860.

— — — Prophylaxie publique de la syphilis. Rapport au nom d'une commission composée de M. Ricord, etc. Paris 1887.

— — — Prophylaxie de la syphilis. Bull. de l'Acad. de méd. 3 série, t. XLII, 1899 №№ 39—42.

Galewsky, Contribution à l'étude de la question de la prostitution dans le royaume de Saxe. C. B. Communications t. II, p. 177—186.

P. Gamberini, L'Igiene in attinenza colla Prostituzione secondo la legge Crispi. Riv. ital. di Terapia e Igiene, mai 1892, p. 162—165.

O. M. Giersing, Les maladies vénériennes dans l'armée et la flotte danoise. Revue de Mor. Pr., 1887 № 1, p. 28—37.

— — — Les maladies vénériennes à Copenhague, ibid., 1887 № 3, p. 110—123.

— — — Les maladies vénériennes dans les provinces danoises, ibid. 1888 № 6, p. 265—287.

M. Gregory, La décroissance des maladies vénériennes en Angleterre pendant les vingt ans écoulés de 1878 à 1897. C. B. Communications, t. II, p. 43—47.

— — — England, Without Regulated Vice. (A Pamphlet). London 1901.

Guillaume-Schack, Ueber unsere sittlichen Verhältnisse und die Bestrebungen und Arbeiten des Britisch-Continentalen und All. Bundes. Vortrag, am 23. März 1882 in Darmstadt gehalten und von der Peligeibehörde daselbst verboten. Berlin 1882.

A. Guillot, La lutte contre l'exploitation et la réglementation du vice à Genève jusqu'au 22 mars 1896. Histoire et documents. Genève 1899.

Y. Guyot, La prostitution. Etudes de physiologie sociale. Paris 1882.

— — Rapport, au nom de la Commission du Budget, sur le Projet de budget spécial de la Préfecture de Police. Conseil municipal de Paris 1883 (Annexe au procès-verbal de la séance du 7 nov. 1883).

— — Le rapport Fournier. Revue de Mor. Pr., 1887 № 2, p. 62—80.

— — La traite des vierges à Londres. Etudes de physiologie sociale. Paris 1885.

O. Henne am Rhyn, Die Gebrechen und Sünden der Sittenpolizei aller Zeiten, vorzüglich der Gegenwart. Leipzig 1893 (пер. д-ра Гордона, Недостатки совр. полицейскаго надзора за общ. нравственностью, СПБ. 1900).

Hermanides, Mémoire sur la question de l'hygiène dans ses rapports avec la police des moeurs. Congrès de la Haye, p. 104—109.

Hoeffel, Si l'on se place à un point de vue exclusivement médical, y a-t-il avantage à maintenir les maisons de tolérance ou vaut-il mieux les supprimer? C. B., Rapports, p. 1—13.

A. Holst, Prostitution et maladies vénériennes en Norwège. C. B. Enquêtes, p. 125—142.

C. Hülsmeyer, Staats-Bordelle. Praktische Lösung der Prostitutionsfrage. Dringende Vorstellungen an Behörden, Aerzte, Parlamentarier und Publicum. Hagen i/W. 1892.

Isambert, Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. Paris.

Kromayer, Zur Austilgung der Syphilis. Abolitionistische Betrachtungen über Prostitution, Geschlechtskrankheiten und Volksgesundheit. Berlin-Südende 1901.

— — — C. B. Communications, t. 1, p. 23—29.

Laborde and Stuart, A paper on the results of the state regulation of vice. London 1898.

E. Laveleye, Principes et but des abolitionnistes. Revue de Mor. Pr., №№ 14 et 15, p. 71—85.

— — — Le vice légalisé et la morale. Bruxelles 1883.

— — — Le vice patenté et le proxénétisme légal. Bruxelles.

C. J. Lecour, La campagne contre la Préfecture de police, Paris 1881.

— — — La prostitution à Paris et à Londres 1789—1871. Paris, 2 éd. 1872; 3 éd. 1877.

G. Macé, Gibier de Saint-Lazare La police parisienne. Paris 1888.

— — Le service de la sureté par son ancien chef. La police parisienne. Paris 1885.

Malécot, Les vénériens et le droit commun. Note communiquée à la Société de Médecine pratique les 23 févr. et 1 mars. Paris 1888.

L. Martineau, La prostitution clandestine. Paris 1885.

Ch. Mauriac, Diminution des maladies vénériennes dans la ville de Paris depuis la querre de 1870—1871. Paris 1875.

— — — Rareté actuelle du chancre simple. Paris 1876.

— — — Traitement de la syphilis. Paris 1896.

A. de Meuron, L'influence morale et sociale du régime de la police des moeurs. Genève 1898.

Miehe, Ueber den Einfluss der Kasernierung auf die Ausbreitung d. Syphilis. Archiv f. Pr. Derm., Bd. 32.

E. Miller, Die Prostitution. Ansichten und Vorschläge auf dem Gebiete des Prostitutionswesens zusammengestellt und veröffentlicht 2. Aufl. München 1898.

Moeller, La reglementation en Belgique au point de vue sanitaire. Revue de Mor. Pr., №№ 14 et 15, p. 112—116.

— — Réglementation de la prostitution. Discours prononcé à l'Académie Royale de médecine en Belgique. Bruxelles 1886.

A. de Morsier, La police des moeurs en France et la campagne abolitionniste. Paris 1901.

G.-J-D. Mounier, Recherches sur la signification de la statistique des maladies vénériennes et syphilitiques dans l'armée du royaume des Pays-Bas. Genève 1889.

E. Nathan, Le Diobolarie e lo Stato, Roma 1887.

S. Neumann, Die Berliner Syphilisfrage. Ein Beitrag zum öffentl. Gesundheitspflege Berlins hrsgg. in Vertretung des arztlichen Comités des Berliner Gesundheitspflegevereins. Berlin 1852.

B. Nevins, Accroissement des maladies vénériennes dans l'Inde en 1889. Revue de Mor. Pr., №№ 16 et 17, p. 145—159.

— — Der Einfluss der Reglementation vom sanitarischen Gesichts punkte aus. Rede und Antwort auf eine Arbeit des Dr. Commenge. Bern 1896

— — Les maladies vénériennes dans l'armée anglaise (At Home) Revue de Mor. Pr., №№ 14 et 15, p. 95—111.

— — What steps can be taken to lessen the amount of venereal disease in the army in India. Liverpool 1898.

Ch. Ochsenbein, Quand la porte est ouverte on ne passe pas par la fenêtre.—Libres ou séquestrées?—Un crime. Genève 1888.

— — — Rapport présenté à la sous-commission chargée par le département de justice et police de s'occuper de la question de la prostitution, Genève 1890.

— — — La signification des statistiques (по поводу работы Mounier). R. de Mor. Pr., № 10, p. 171—183.

L. Pagliani, Relazione al Consiglio superiore di Sanità circa i fatti principali riguardanti l'igiene e la sanità pubblica nel Regno nei mesi di febbraio-maggio 1891. Rivista d'igiene e sanità pubblica, 1891 № 12—13.

A.-J.-B. Parent-Duchatelet, De la prostitution dans la ville de Paris, considérée sous le rapport de l'hygiène publique, de la morale et de l'administration. 3 éd., complétée par Trebuchet et Poirat-Duval, t. I et II, Paris 1857.

C. Pellizzari, L'avortement d'une réforme, à propos d'un rapport du prof. Tarnowsky sur la prostitution en Italie. Genève 1894 (Una riforma abortita, Commentario clinico delle malattie cutanee, giugno 1894, p. 123).

E. Picot et Bridel, Rapport présenté à la sous-commission chargée de s'occuper de la question de la prostitution. Genève 1890.

L. Le Pileur, Prophylaxie de la syphilis. Réglementation de la prostitution à Paris. Rapport adressé à M. le préfet de police au nom de la sous-commission composée de MM. Rochard, Fournier etc. Paris-Clermont 1887.

Quincke, Ueber die Prostitution und deren Beaufsichtigung. Mediz. Zeitung. Berlin 1851 №№ 35 und 36 (cp. 1848 № 14).

F. Regnault, De l'évolution de la prostitution. La France Médicale. №№ du 26 août et des 2, 9 et 16 sept. 1892.

L. Reuss, La prostitution au point de vue de l'hygiène et de l'administration en France et à l'étranger. Paris 1889.

E. Richard, La prostitution à Paris. Paris 1890.

M. Sabatier, Histoire de la législation sur les femmes publiques et les lieux de débauche. Paris 1828.

C. Schlumberger, Die Aufhebung der öffentlichen Häuser zu Colmar im Jahre 1881. Berlin 1884. (La suppression des maisons de tolérance à Colmar. Neuchâtel 1884).

F. Schmid, Prostitution et maladies vénériennes en Suisse, C. B. Enquêtes, p. 226—247.

J. Schrank, Die amtlichen Vorschriften, betreffend die Prostitution in Wien, in ihrer administativen, sanitären und strafgerichtlichen Anwendung. Wien 1899.

— — — Die Prostitution in Wien, Bd I und II. Wien 1886.

Seitz, Notice statistique des maladies vénériennes pendant les dernières années, à Munich. Congrès méd. intern. de Paris, août 1867. Paris 1868, p. 399—402.

S. B. Selhorst, Prostitution et maladies vénériennes dans les Pays-Bas. C. B. Enquêtes, p. 77—92.

J. Stansfeld, Les statistiques du Dr. Commenge. Observations critiques. Genève 1896.

Stockmar, Pétition contre les maisons de prostitution. Rapport de la direction de police au conseil exécutif du canton de Berne. Revue de Mor. Pr., № 4 et 5, p. 195—207.

J. Stuart, Les actes sur les maladies contagieuses, leur influence au point de vue sanitaire. Genève 1898.

O. Q. van Swinderen, La réglementation à Utrecht, Revue de Mor. Pr., № 14 et 15, p. 123—130.

A. Titomanlio, Sull'aumento della sifilide ereditaria nell'Annunziata di Napoli, in rapporto ai nuovi ordinamenti sanitarî. Rif. Med., dicembre 1890, p. 74.

C. Tommasi-Crudeli, La prostitution d'Etat en Italie. Lettre à M. Emile de Laveleye. Bruxelles 1891 (Revue de Mor. Pr., № 14 et 15, p. 86—94).

Tommaso de Amicis, C. B. Communications, t. I, p. 1—5.

Tommasoli, Prostitution et maladies vénériennes en Italie. C. B. Enquêtes, p. 517—660 (по итальянскем; франц. пер. Le Pileur, ibid., t. II annexe).

Verchère, Quelle part revient à la Prostitution dans la propagation de la syphilis et des maladies vénériennes? C. B. Rapports, p, 1—31.

Welander, Suède, C. B. Enquêtes, p. 455—516.

Werther, Ueber die Prostitution, speziell in Dresden. Referat, erstattet im ärztlichen Bezirksverein Dresden-Stadt am 16. Nov. 1897. Monatshefte f. Prakt. Dermatologie. Bd. 28 (1899), S. 181.

O. Westerberg, Die gewöhnlichsten Fehler der Prostitutions-Statistik vom Standpunkte der Syphiligraphie. Strassburg 1895.

Wolff, Si l'on se place à un point de vue exclusivement médical, y a-t-il avantage à maintenir les maisons de tolérance? C. B. Rapports, p. 15—42.

A. Zeri, Note illustrative sulle malattie veneree e sifilitiche nell'esercito e nell'armata durante un ventennio. Giornale medico del R. Esercito e della R. Marina, marzo 1894.

C. Zehnder, Die Gefahren der Prostitution und ihre gesetzliche Bekämpfung mit besonderer Berücksichtigung der zürcherischen Verhältnisse. Gutachten des Sanitätsrathes an die hohe Regierung des Kantons Zürich. Zürich 1891.

Die Abschaffung der weissen Sclaverei in Brüssel. Vom Verfasser «der Organisation der weissen Sclaverei in Brüssel». Uebersetzt durch das Central-Comité des Deutschen Kulturbundes. Berlin 1882.

Army Medical Department Report for the year 1859—1900 (vol. I—XLII). London 1861—1902.

Atti del 1° Congresso Pediatrico Italiano pubblicati del dott. L. Concetti, Napoli 1891.

Bulletin abolitionniste. До 1902 г.: Le Bulletin continental. Organ central de la Fédération abolitionniste internationale. Съ 1875 г. Genève.

— — de' l'Académie de médecine. Paris. 3-me série, t. XIX, №№ 5—15

— — de la Société Internationale de prophylaxie sanitaire et morale, Bruxelles, съ 1901.

С. В. см. Conférence.

Commission chargée de préparer un Projet de Loi sur la police des moeurs, 13 oct. 1887. Procès-verbaux. Bruxelles 1891.

R. Commissione per lo studio delle questioni relative alla prostituzione e ai provvedimenti per la morale ed igiene pubblica. Firenze 1885.

Compte rendu des séances de la deuxième Conférence internationale pour la prophylaxie de la syphilis et des maladies vénériennes, publié par le Dr Dubois-Havenith, secrétaire général. Bruxelles 1903.

Conférence internationale pour la prophylaxie de la syphilis et des maladies vénériennes. Bruxelles-Septembre 1899. Rapports préliminaires. Enquêtes. Communications, t. 1 et 2. Compte rendu des séances. Publié par le Dr Dubois-Havenith. Bruxelles 1899—1900.

V congrès pénitentiaire international. Paris 1895.

XIV Congresso dell'associazione medica italiana tonuto in Siena. Giornale Italiano delle Malattie Veneree. Fasc. III, sept. 1891.

Conseil Municipal de Paris. Procès—verbaux. Paris 1886 et suiv.

Decreti e regolamenti sulla polizia dei costumi, sull'abolizione dei sifilicomi e sulla profilassi e cura delle malattie sifilitiche 29 marzo e 26 juglio 1888. Torino 1888.

The Deposition on Oath of Josephine E. Butler, in the City of Liverpool, England, made before Th. St. Raffles, Esq., J. P., on the 8 th day of Nov. 1880.

La Faillite de la Maison de Bruxelles. Bruxelles 1881.

Fédération britanniqne, continentale et générale. Actes du Congrès de Genève 17—23 sept. 1877. T. I et II, Neuchatel 1878 et 1880. Matériaux. Fasc. A—D. Neuchatel.

— — — Deuxième congrès international. Gênes 27 sept.—4 oct. 1880. Compte rendu officiel des travaux du congrès. Neuchatel 1880.

— — — Troisième congrès international. La Haye 17—22 sept. 1883. Compte rendu officiel des travaux du congrès. Neuchatel 1884.

— — — Cinquième congrès international tenu du 10 au 13 sept. 1889 à Genève. Compte rendu officiel des travaux du congrès. Genève 1890.

Feuilles sous pli cacheté. Première série, n° 1—4. Neuchatel (1880).

Malattie infettive e diffusive e profilassi della sifilide e delle malattie veneree. Anno 1899. Min. dell'Interno. Ispettorato generale della sanità pubblica, Roma 1901.

The Minority report. The Select committee of the house of commons on the Contagious diseases acts. Sessions of 1879 to 1882. Reprinted from Parliamentary Paper, № 340, Session 1882. London 1882.

Die Organisation der weissen Sclaverei in Brüssel. Von einem Belgier. Aus dem Englischen übersetzt durch das Central-Comité des Deutschen Kulturbundes. Berlin 1882.

La police des moeurs. Lettres adressées au journal La Lanterne par un ex-agent des moeurs et un médecin. Paris 1879.

La Préfecture de Police par un vieux petit employé. Procès de «La Lanterne» avec tous ses incidents. Paris 1879.

Procès-verbaux (autographiés) de la commission de la police des moeurs, du 27 janvier 1879 au 24 février 1880.

Profilassi della sifilide e delle malattie veneree nel 1898. Relazione presentata al Cons. Sup. di Sanità Pubblica. Roma 1900 (франц. пер.. Prophylaxie. Rome 1899).

Die Regelung der Prostitutionsfrage mit besonderer Berücksichtigung zürcherischen Verhältnisse, hrsgg. vom Aktionskomité des kant. zürcherischen Männervereins zur Hebung der Sittlichkeit. Entgegnung auf «Die Gefahren der Prostitution».. Zürich 1892.

Les Règlements italiens sur la Prophylaxie et le traitement des maladies syphilitiques et sur la prostitution (Rapport de M. Crispi). Revue de Mor. Pr., № 6 p. 251—264).

Il Regolamento sul meretricio davanti al Consiglio superiore di Sanità nelle sue sedute del 5, 8—11 Ottobre 1891. Rivista d'igiene e sanità pubblica, 1891 № 20—21, p. 771—836.

Report of the London Committee for the exposure and suppression of the Traffic in English Girls for purposes of Continental prostitution, 1881.

— — on the Royal commission upon the administration and operation of the Contagious diseases acts, 1871.

— — from the Select committee on the Contagious diseases acts 1869; 1879—1881.

Returns to an Address of the Hon. The House of Commons (Contagious diseases acts), dated 8 may 1873 (J. Pakington), 17 may 1878 (Colonel Stanley), 30 apr. 1885 (Bulwer), 16 july 1885 (Stansfeld), 21 june 1888, 10 may и 19 june 1889 (E. Stanhope), 21 dec. 1893, 23 apr. 1896 и 18 febr. 1897 (Jeffreys), 2 apr. 1897 (Major Rasch). War office.

Sanitäts-Bericht (statistischer) ueber die Königlich Preussische Armee v. 1. Apr. 1874 bis 30. Sept. 1899. Bearbeitet v. d. Medizinal-Abtheilung d. K. Pr. Kriegsministeriums. Berlin 1880—1901.

Sui fatti principali riguardanti l'igiene e la sanità pubblica del regno dal 1° genn. al 30 nov. 1897. Relazione al Consiglio Super. di Sanità. Roma 1897 (франц. пер.: Prophylaxie de la syphilis.. en 1897. Rome 1899)

Souvenir de la Conférence de Genève, 19—22 sept. 1899. Mémoires et discussions. Portraits. Genève 1900.

Genevois, Journal de Bruxelles; Journal officiel, Lanterne, The Medical Enquirer, Le National (belge), The Shield, Standard.

А. И. Акулов ъ, О мѣрахъ противъ распространенія сифилиса и венерическихъ болѣзней вообще и въ войскахъ въ частности. Медиц. Обозр., 1887 № 4, стр. 389 и 390.

Д. Д. Ахшарумовъ, Современный взглядъ на санитарное значеніе домовъ терпимости и осмотра проститутокъ. Докладъ въ годичномъ засѣданіи Общества Полтавскихъ Врачей, 15 сентября 1885 года. Полтава 1886.

Н. Б-скій, Очеркъ проституціи въ С.-Петербургѣ. Архивъ Суд. Мед., 1868 кн. 4, стр. 61—99.

Д. Н. Березинъ, Кое-что о сифилитикахъ и врачебной помощи въ ночлежныхъ пріютахъ. Труды общества русскихъ врачей въ Москвѣ, 1887 № 5, стр. 11—13.

В. К. Боровскій, Къ вопросу объ источникахъ зараженія сифилисомъ. Военно-Мед. Журналъ, авг. 1894, стр. 411—423.

А. А. Введенскій, О заболѣваемости проститутокъ на Нижегородской ярмаркѣ. Прот. русск. сифил. и дерм. общества, т. X, стр. 142—147. Вѣстн. Общ. Гиг., май 1895, стр. 170.

— — — Сифилисъ у проститутокъ домовъ терпимости въ Петербургѣ (согласно однодневной переписи).—Прот. русск. сиф. и дерм. общества, т. XI, стр. 18—24. Съ дополненіями: Вѣст. Общ. Гиг., іюль 1896, стр. 71—80.

А. Вислоухъ, Дома терпимости и брюссельская конференція. Вѣстн. Общ. Гиг,, авг. 1900, стр. 1155—1175.

А. Г. Ге, По поводу надзора за проституціей г. Казани. Дневникъ Общества врачей при Казанскомъ Университетѣ, вып. 1 за 1892 г.

Герценштейнъ, О мѣрахъ борьбы противъ сифилиса въ Россіи. Докладъ русск. сиф. и вен. Обществу. Военно-Мед. Журн. кн. 5 за 1886, стр. 114—116.

П. А. Граціановъ, Къ вопросу о реорганизаціи надзора за проституціею въ Россіи. Вѣстн. Общ. Гиг., ноябрь 1895, стр. 139—169.

П. Граціанскій, Критическій разборъ доклада д-ра Шперка: «Научныя данныя» и пр. Докладъ русск. сиф. и дерм. Обществу. Военно-Мед. Журн., 1889 кн. 2, стр. 156—164.

— — — Критическій разборъ отчета консультанта по вен. бол. при главномъ военно-медиц. управленіи, Здоровье, 1881 № 5, стр. 419—429, и № 6, стр. 523—530.

— — — Къ вопросу о регламентаціи проституціи. Докладъ русск. сиф. и дерм. Обществу. Военно-Мед. Журн., 1886 кн. 11, стр. 305—332.

— — — Отвѣтъ на критику д-ра Шперка, Медиц. Вѣстн., 1872 № 2, стр. 9—12, и № 3, стр. 17—20.

— — — О степени распространенія венерическихъ болѣзней въ проституціонномъ классѣ въ С.-Петербургѣ и о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ ограниченію ихъ въ семъ классѣ. СПБ. 1871.

И. Е. Дамперовъ, Отчеты по мужскому сифил. отдѣленію Каз. губ. земской больницы. Медиц. Отчеты по Казанскимъ земскимъ заведеніямъ общественнаго призрѣнія.

А. И. Елистратовъ, Къ вопросу о судьбѣ домовъ терпимости въ г. Казани. Докладъ казанскому обществу защиты женщинъ. Дѣятель, 1900 № 11, стр. 1—10, Отчетъ о дѣятельности общества за 1900 г., стр. 81—94.

З. Я. Ельцина, Производство санитарныхъ осмотровъ проститутокъ Самокатскаго пункта Нижегородской ярмарки за послѣднее пятилѣтіе (1888—1892). Врачъ, 1893 № 41, стр. 1136—1141.

В. Ефременковъ, Историческій очеркъ регламентаціи проституціи въ государствахъ Западной Европы. Прот. русск. сиф. и дерм. Общ., т. VI, стр. 120—156.

Д. Н. Жбанковъ, О съѣздѣ при Медицинскомъ Департаментѣ по обсужденію мѣропріятій противъ сифилиса въ Россіи. Врачъ, 1897 № 30, стр. 830—834.

Г. Змигродскій, Распространеніе сифилиса и венерическихъ болѣзней среди мужского населенія въ Петербургѣ. Врачъ, 1884 № 47, стр. 792—795.

Е. М. Идельсонъ, Нѣсколько данныхъ о венерическихъ заболѣваніяхъ въ Казанскомъ гарнизонѣ за десятилѣтіе (1882—1891 гг.) Труды Каз. Военно-Санит. Общества за 1894 г., стр. 64—89.

Кнерн, Къ вопросу о мѣрахъ для уменьшенія заболѣванія венерическими болѣзнями въ войскахъ, расположенныхъ въ г. Одессѣ. Военно-Санит. Дѣло, 1888 № 18, стр. 225 и 226.

Кобылинъ, Можетъ ли сифилитикъ кондиломатознаго періода, не представляющій наружныхъ проявленій на кожѣ и видимыхъ оболочкахъ, заразить при половомъ сношеніи здороваго? Докладъ русск. сиф. и дерм. Обществу. Военно-Мед. Журн., 1886 кн. 8, стр. 495—530.

Е. Коганъ, Медицинскій надзоръ за проституціею на Нижегородской ярмаркѣ. Сборн. соч. по суд. мед., 1881 т. 3, стр. 87—98.

Ю. А. Космовскій, По поводу мѣстъ зараженія нижнихъ чиновъ венерическими болѣзнями. Прот. и труды Общества Арханг. врачей за 1884 г., вып. 1, стр. 26—33.

М. Кузнецовъ, Проституція и сифилисъ въ Россіи, СПБ. 1871; ср. Историко-статистическіе очерки проституціи въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Архивъ Суд. Мед. за 1870 г., кн. 1 и 4.

М. П. Манасеинъ, Современное состояніе вопроса о проституціи. Труды V съѣзда Общества русск. врачей въ память Н. И. Пирогова, т. 2, стр. 356—366.

Д. Л. Муратовъ, Врачебно-полицейскій надзоръ, Жизнь, окт. 1899, стр. 394—424.

Л. Н. Мурзинъ, Замѣтка по вопросу о проституціи и регламентаціи ея. Труды общества русскихъ врачей въ Москвѣ, 1887 № 5, стр. 14—32.

В. К. Никольскій, Очеркъ аболиціонистскаго движенія и возникновенія Казанскаго общества защиты женщинъ. Отчетъ о дѣятельности общества за 1900 г., стр. 3—18.

П. Никольскій, Статистика сифилиса и мягкаго шанкра среди поднадзорныхъ проститутокъ Кіева. Revue de Mor. Progr., 1889 № 8, p. 49—81.

П. Е. Обозненко, Вопросъ объ упорядоченіи проституціи и о борьбѣ съ нею на двухъ международныхъ совѣщаніяхъ 1899 года. Врачъ, 1900 № 30, стр. 909—915.

— — — Матеріалы для сужденія о распространеніи сифилиса и венерическихъ болѣзней среди недостаточнаго населенія С.-Петербурга. Вѣст. Общ. Гиг., май 1898, стр. 353—389, февр. 1899, стр. 161—195, и мартъ, стр. 265—280.

— — — Поднадзорная проституція С.-Петербурга по даннымъ Врачебно-Полицейскаго Комитета и Калинкинской больницы. СПБ. 1896.

Е. Образцовъ, По вопросу о врачебно-полицейскомъ надзорѣ за проституцію въ г. Томскѣ. Врачъ, 1896 № 40, стр. 1134 и 1135.

В. П. Окороковъ, Движеніе противъ регламентаціи проституціи въ государствахъ Европы и Америки. Успѣхи этого движенія и ихъ значеніе для Россіи. Труды общества русскихъ врачей въ Москвѣ, 1887 № 4, стр. 16—51. (Кратко: Труды II съѣзда русскихъ врачей въ Москвѣ, 1887, т. 2, стр. 94—105).

— — — Изъ исторіи регламентаціи проституціи въ Индіи. Прот. моск. венер. и дерм. общ., т. 3 (1893—94 г.), стр. 46—61.

— — — Международная торговля дѣвушками для цѣлей разврата и мѣры къ ея прекращенію. М. 1892.

Павловъ, Сифилисъ и венерическія болѣзни въ войскахъ Московскаго военнаго округа за пятилѣтіе 1889—1893 гг. и 1894 г. Военно-Мед. Журн., окт. 1896, стр. 530—602.

М. О. Перфильевъ, Изъ наблюденій надъ сифилитиками относительно этіологіи и терапіи сифилиса. Мед. Приб. къ Морскому Сборнику, янв. 1884, стр. 41—44.

О. В. Петерсенъ, Лекціи о мягкомъ шанкрѣ, СПБ. 1896.

— — — Международное Совѣщаніе о мѣрахъ противъ сифилиса и венерическихъ болѣзней. Врачъ, 1899 № 44, стр. 1311—1313, № 45, стр. 1341—1343, и № 46, стр. 1372.

— — — Сборникъ работъ по кожнымъ болѣзнямъ, сифилису и пр. СПБ. 1900 (Отчетъ Александровской больницы).

М. И. Покровская, О жертвахъ общественнаго темперамента. СПБ 1902.

Н. Н. Порошинъ, Надзоръ за проституціей въ Казани въ 1895 г.; Врачъ, 1896 № 10, стр. 271—274.

— — — — — — — въ 1896 г. тамъ же, 1897 № 25, стр. 706—708.

— — — — — — — въ 1897 и 1898 гг., тамъ же, 1899 № 52, стр. 1533—1537.

А. И. Поспѣловъ, Новая система надзора за проституціей въ Москвѣ. Русск. Медиц., 1888 № 33, стр. 521 и 522.

— — — Отчетъ о дѣятельности центральнаго санитарнаго бюро и городской амбулаторіи для освидѣтельствованія проститутокъ (въ Москвѣ). Отчеты о дѣятельности Моск. Гор. Управы.

— — — Проектъ организаціи санитарнаго надзора за проституціею въ Москвѣ, Русск. Медиц. 1889 № 25, стр. 392—394, и № 26, стр. 409—411.

— — — Санитарный надзоръ за проституціей въ Парижѣ и Брюсселѣ, Вѣстн. Общ. Гиг., дек. 1890.

И. И. Приклонскій, Проституція и ея организація. Историческій очеркъ. М. 1903.

С. А. Протопоповъ, Отчетъ по женскому кожно-венерическому отдѣленію Каз. губ. земской больницы. Медиц. отчеты старшаго врача и орд. Каз. губ. земской больницы.

П. Пушкинъ, О положеніи надзора за проституціей въ Варшавѣ. Варшава, 1895.

В. М. Серебряковъ, Къ статистикѣ венерическихъ заболѣваній среди бродячихъ проститутокъ г. Москвы. Прот. Моск. венер. и дерм. Общества за 18⁹⁷/₉₈ г., т. VII, стр. 25—31.

А. И. Смирновъ, О распространеніи сифилиса въ средѣ населенія г. Казани въ теченіе 11 лѣтъ, съ 1 сент. 1877 г. по сент. 1888 г. Вѣстн. Общ. Гиг., сент. 1889, отд. X, стр. 1—22.

— — — Объ учрежденіи Врачебно-Полицейскихъ Комитетовъ (Изъ доклада о законоп. и распор. Правительства, относ. къ мѣропріятіямъ противъ сифилиса въ Россіи). Труды съѣзда при Медиц. Департ. 1897 г., т. I, стр. 1—9.

М. И. Стуковенковъ, О мѣрахъ къ ограниченію распространенія сифилиса, Отчетъ предсѣдателя комиссіи Общества кіевскихъ врачей (La réglementation à Kieff) Revue de Mor. Progr., 1889 № 7, p. 1—18.

— — — La réglementation jugée théoriquement au point de vue de la syphiligraphie moderne, Rapport présenté à la Section d'Hygiène du Congrès de la Fédération à Genève. Rèvue de Mor. Progr., 1889 № 10, p. 159—170.

В. М. Тарновскій, О проектѣ организаціи надзора за проституціею въ Москвѣ. Докладъ русск. сиф. и дерм. Обществу. Военно-Мед. Журн., кн. 7 за 1889, стр. 381—383.

— — — Опытъ аболиціонизма въ Италіи. Докладъ въ русск. сиф. и дерм. обществѣ 30 ноября 1891 г. Медиц. Обозр., 1891 № 24, стр. 1136—1148.

— — — О регламентаціи проституціи въ Москвѣ и въ Парижѣ. Докладъ русск. сиф. и дерм. Обществу. Военно-Мед. Журн., кн. 6 за 1890, стр. 85—90.

— — — Отчетъ консультанта по венерическимъ болѣзнямъ при главномъ военно-медицинскомъ управленіи. Военно-Медиц. Журн., февр. 1881, стр. 83—112.

— — — Проституція и аболиціонизмъ. Докладъ русск. сифил. и дерм. Обществу. СПБ, изд. К. Риккера, 1888 (библ. рѣдкость).

Томашевскій, Сифилисъ и венерическія болѣзни въ войскахъ Кіевскаго военнаго округа. Военно-Сан. Дѣло, 1887 № 6, стр. 61—63.

Н. П. Фивейскій, Къ статистикѣ сифилиса среди проститутокъ домовъ терпимости г. Москвы. Прот. Моск. вен. и дерм. общества за 1892—93 г., т. II, стр. 94—108.

Флейшеръ, О мѣстахъ зараженія нижнихъ чиновъ венерическими болѣзнями. Русск. Медиц., 1884 № 11, стр. 263.

М. М. Холевинская, Отчетъ объ осмотрахъ проститутокъ на Самокатскомъ смотровомъ пунктѣ Нижегородской ярмарки въ 1893 г. Врачъ, 1894 № 17, стр. 487—491.

— — — — — — въ 1894 г., тамъ же, 1895 № 16, стр. 438 и 439, и № 17, стр. 471—474.

М. М. Хомяковъ, Къ вопросу о домахъ терпимости. Докладъ Каз. обществу защиты женщинъ, 15 апр. 1900 г. Дѣятель, 1900 № 6—7, стр. 278; Отчетъ о дѣятельности общества за 1900 г., стр. 73—80.

М. А. Чистяковъ, Источники зараженія сифилисомъ мужчинъ культурныхъ классовъ. Дневникъ 3-яго съѣзда Общества русск. врачей въ память Н. И. Пирогова, 1889 № 10, стр. 305—307.

— — — Основы лечебной борьбы съ сифилисомъ. Докладъ съѣзду при Мед. Департ. 1897 г., т. I, стр. 1—26.

Цитринъ, По поводу распространенія сифилиса въ войскахъ. Военно-Санит. Дѣло, 1887 № 2, стр. 14 и 15.

В. Ф. Шолковскій, Сифилисъ и венерическія болѣзни въ арміи. Докладъ съѣзду при Мед. Департ. 1897 г., т. I. стр. 1—48.

Э. Ф. Шперкъ, Критика на сочиненіе д-ра Граціанскаго. Арх. Суд. Мед., сент. 1871, стр. 48—59.

— — — Къ статистикѣ сифилиса въ женскомъ населеніи г. С.-Петербурга. Сборн. соч. по суд. мед., 1877, т. I, стр. 97—177.

— — — Матеріалы для статистики сифилиса въ женскомъ населеніи Петербурга. Тамъ же, 1873, т. 2, стр. 219—253.

— — — Научныя данныя, послужившія основаніемъ для предложенной докладчикомъ реформы врачебно-полицейскихъ мѣръ для регламентаціи проституціи и ограниченія сифилиса. Докладъ русск. сифил. и дерм. обществу. Военно-Мед. Журн., кн. 3 за 1887, стр. 151—182.

— — — О мѣрахъ ограниченія распространенія сифилиса въ городахъ и сельскихъ населеніяхъ. Докладъ съѣзду Моск.-Петерб. Мед. общества. Дневникъ 1 съѣзда общества, 1886, стр. 43 и 44, 137 и сл.

— — — Теорія статистики заболѣваемости и смертности и примѣненія ея къ изслѣдованію проституціи и сифилиса. Вѣстн. Суд. Мед., 1885, т. 1, стр. 1—21, и т. 2, стр. 1—36.

К. Л. Штюрмеръ, Международная конференція въ г. Брюсселѣ по профилактикѣ сифилиса и венерическихъ болѣзней. Вѣстн. Общ. Гиг., дек. 1899, стр. 1669—1677.

— — — Проституція въ городахъ. Докладъ съѣзду при Медиц. Департ. 1897 г. Труды, т. 1, стр. 1—119.

— — — Проституція. Реальная Энциклопедія Eulenberg'a, т. 16.

— — — Сифилисъ въ санитарномъ отношеніи. Справочная книга, изд. Мед. Департ., 1890, т. 1.

А. И Якобій, О профилактическихъ мѣрахъ противъ распространенія сифилиса. Прилож. къ прот. харьковскаго медиц. общества, 1885, вып. 4.

А. И. Ѳедоровъ, Дѣятельность С.-Петербургскаго Врачебно-Полицейскаго Комитета за періодъ 1888—1895 гг. Вѣстн. Общ. Гиг., ноябрь 1896, стр. 178—194.

— — — Краткій очеркъ дѣятельности С.-Петербургскаго Врачебно-Полицейскаго Комитета. Тамъ же, май 1890, стр. 51—65.

— — — Позорный промыселъ, тамъ-же, авг. 1900, стр. 1175—1185.

— — — Проституція въ С.-Петербургѣ и врачебно-полицейскій надзоръ за нею. Тамъ-же, янв. 1892, стр. 36—75.

Дневникъ перваго съѣзда Московско-Петербургскаго медицинскаго общества, СПБ. 1886.

Записка комиссіи о мѣрахъ противъ сифилиса, представленная въ Медицинскій Совѣтъ. Вѣстн. Общ. Гиг., 1885, т. 1, отд. офф., стр. 10—28.

О занятіяхъ учрежденной при Мин. Вн. Дѣлъ Комиссіи для обсужденія предположенія о предоставленіи Врачебно-Полицейскому Комитету права налагать наказанія на публичныхъ женщинъ и содержательницъ домовъ терпимости. Арх. Суд. Мед., 1870 № 1, стр. 95—101.

Отчеты Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ дѣлъ съ 1888 г.

— — о дѣятельности Казанскаго Общества защиты (несчастныхъ) женщинъ съ 1900 г.

Постановленія общихъ засѣданій съѣзда, бывшихъ съ 15 по 22 янв. 1897 г. при Мед. Департ. мин. внутр. дѣлъ. СПБ. 1897.

Проституція въ городахъ, см. Штюрмеръ и Труды съѣзда при Медиц. Департ. 1897 г.

— — — въ Россійской Имперіи по обслѣдованію 1-го августа 1889 г. Статистика Россійской Имперіи. Т. XIII. СПБ. 1890.

Протоколъ Очереднаго засѣданія Саратовскаго военно-санитарнаго Общества 20 марта 1887 г. Военно-Санит. Дѣло, 1887 №№ 19 и 20, стр. 225.

Протоколы засѣданій Общества Кіевскихъ врачей 1885—1888; 1891—1892 г.).

— — — Московскаго венерологическаго и дерматологическаго Общества съ 1893 г.

— — — Русскаго сифилидологическаго и дерматологическаго Общества съ 1886 г.

Сводъ постановленій комиссіи по разсмотрѣнію дѣла о врачебно-полицейскомъ комитетѣ въ Москвѣ, въ связи съ проектомъ общей организаціи надзора за проституціей въ Имперіи. Вѣстн. Общ. Гиг., мартъ 1900, отд. офф., стр. 41—58.

— — узаконеній и распоряженій правительства по врачебной и санитарной части въ Имперіи. Изд. Медиц. Департ. подъ ред. Л. Ф. Рагозина. Вып. 1 и 2. СПБ. 1895—1896.

Труды Высочайше разрѣшеннаго съѣзда по обсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи, бывшаго при Медицинскомъ Департаментѣ съ 15 по 22 января 1897 г., т. 1 и 2, СПБ. 1897.

— — Общества русскихъ врачей въ Москвѣ. 1887 №№ 4 и 5.

— — съѣздовъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, особенно второго и пятаго, М. 1887 и СПБ. 1895.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе . . . . . I—VI.

Глава первая. Закрѣпощающій характеръ надзора за проституціею въ Россіи. . . . . 1—56.

Глава вторая. Вопросъ о правомѣрности врачебно-полицейскаго надзора. . . . . 57—90.

Глава третья. Идеологія врачебно-полицейскаго надзора за проституціею. . . . . 91—225.

1. Парижскія данныя. . . . . 92.
2. Русская статистика заболѣваемости. . . 111.
3. Русская статистика источниковъ зараженія. 151.

Глава четвертая. Регламентація и аболиціонизмъ . . . . . 226—371.

1. Историческій очеркъ. . . . . 226.
2. Призраки санитарной опасности аболиціонизма. . . . . 292.
3. Disiderata. . . . . 356.

Приложеніе первое. Статистическія таблицы. . 372—379.

Приложеніе второе. Указатель литературы. . 380—398.